

ВЕСТНИК

КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. Н.А. НЕКРАСОВА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1995 г.

2008 Том 14

ОСНОВНОЙ ВЫПУСК

№ 1

январь – март

Учредитель
Костромской государственный университет
имени Н.А. Некрасова

СОДЕРЖАНИЕ

ОБРАЗОВАНИЕ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

- 5 **Чекмарёв В.В.**
Ножницы

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

- 11 **Герасимов А.И., Герасимов И.В.,
Копейкина Т.П.**
Экспериментальное обнаружение и исследование газового аналога эффекта Ганна
- 18 **Лобанова Т.А.**
Особенности накопления тяжелых металлов промысловыми видами рыб
- 22 **Козловская О.И.**
Структура растительного покрова крупного водохранилища в условиях антропогенной нагрузки
- 29 **Мурадова Л.В.**
Влияние генетических факторов на хозяйственно-полезные признаки коров костромской породы
- 32 **Сиротина М.В.**
Характеристика элементов структуры носогубного зеркала крупного рогатого скота костромской породы
- 35 **Кузьмин А.Ф., Половинко Е.М., Королев И.Н.,
Рязановская Л.С., Вакорина А.В.**
Потребность в медико-социальной помощи при социальных заболеваниях (ИППП)

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

- 37 **Бякова Н.В.**
Исследование ценностных ориентаций на первых этапах освоения профессии
- 41 **Верниенко Л.В.**
Влияние акмеологических факторов на развитие педагогических способностей учителей начальных классов
- 45 **Джагаева Т.Е., Джиоева Ц.Г.**
Внеаудиторная деятельность студента как фактор формирования культуры личности будущего специалиста
- 48 **Зорина Е.С., Чаплыгин Д.В.**
Активная жизненная позиция школьников в педагогической, научно-методической и учебной литературе (70–80-е гг. XX в.)

- 52 **С.В. Истомина**
Влияние компонентов регуляторного опыта на профессиональное самоопределение старшеклассников
- 55 **Карпук Н.В.**
Организационно-педагогические условия формирования информационной компетентности преподавателей педагогического колледжа в процессе повышения квалификации
- 59 **Киреева Т.В.**
Экологический фактор формирования культурной среды образовательного комплекса
- 61 **Куриосова С.А.**
Школа-лаборатория как одна из форм исследовательской деятельности учителей
- 65 **Михайлова Е.В.**
Формирование субъектного познавательного опыта учащихся индивидуализированными средствами обучения
- 68 **Мороз О.П.**
Об опыте создания корпоративной кафедры – целевого сотрудничества Тверского государственного университета и телерадиокомпаний «Тверь»
- 71 **Нелипа Л.Н.**
Речевые акты эмпативного типа и их реализация в коммуникативном акте
- 75 **Пашкова А.В.**
Социальный конструкционизм о понятийной специфике психологического исследования
- 78 **Смирнова М.Н.**
Взаимодействие в процессе оказания реабилитационной помощи детям с ограниченными возможностями здоровья
- 83 **Станкевич Т.Г.**
Некоторые особенности использования многовариантных тестовых заданий
- 85 **Шубина О.А.**
Особенности общения в юношеском возрасте (на примере изучения студенческой молодежи)
- 89 **Петропавловская Я.А.**
Студенты и научное сообщество университета: проблемы социального воспитания
- ФИЛОЛОГИЯ**
- 95 **Малашенко М.В.**
К вопросу о соотношении смысловой основы и интерпретационных компонентов грамматической семантики
- 98 **Полещук Л.З.**
«Петербургский текст» и петербургский миф в концепции В.Н. Топорова
- 101 **Жаткин Д.Н., Яшина Т.А.**
Томас Мур в русских переводах 1820-х гг. (П.А. Вяземский, А.И. Одоевский, Д.П. Ознобишин)
- 105 **Бермус Е.В.**
Пушкинские источники повести А.М. Ремизова «Неуёмный бубен»
- 108 **Жангуразова Н.А.**
Новое прочтение старых мифов (романы З. Толгунова рубежа XX–XXI вв.)
- 111 **Земледельцева Т.О.**
Роль воспоминаний об армейской службе в сюжетной прозе А.А. Фета
- 116 **Круглова А.А.**
«Темные аллеи» И. Бунина: поэтика заглавия
- 118 **Круглова Т.С.**
Жанровая интерпретация «Стихов к Блоку» М. Цветаевой в свете коммуникативных установок автора
- 121 **Окара В.И.**
Изучение особенностей индивидуально-авторского стиля М.А. Булгакова через анализ мотива прихода дьявола в его романах
- 125 **Рудометкин И.В.**
Отражение философской мысли Г. Сквороды в повести «Заячий ремиз»
- 127 **Савельева Е.К.**
Городской пейзаж ранней лирики А.А. Ахматовой в оценке зарубежных критиков 70–90 годов XX века
- 131 **Савельева Е.С.**
Психологизм и лирическая экспрессия образов «Истории моего современника» В.Г. Короленко
- 135 **Скобелев Д.А.**
Эстетическая рефлексия Ю.П. Анненкова (на материале романа «Повесть о пустяках»)
- 138 **Смирнова Е.Е.**
Реализация приема ретардации в «Записках психопата» Вен. Ерофеева
- 140 **Сергеева Н.М.**
Поэтика сновидений в художественном сознании Д.С. Мережковского
- 144 **Столбов В.И.**
Образ поэта в творчестве А.Н. Башлачева
- 148 **Стулова С.А.**
Культурный аспект динамики внутреннего пространства ранней поэзии Осипа Мандельштама

- 152 **Иванищева О.Н.**
Актуализация фоновых знаний носителя языка в художественном тексте
- 156 **Насыбулина А.В.**
Современные трансформации русских загадок
- 161 **Горбань Л.В.**
Формирование военно-морской лексики в русском языке
- 163 **Сизова Н.В.**
Некоторые подходы к анализу понятий политического дискурса (на примере идеологии *террор*)
- 168 **Колтышева Е.Ю.**
Креолизованная диктема как структурно-смысловой элемент рекламного текста
- 176 **Абышева Е.М.**
Хронопические признаки реализации концепта «чудо» в текстах ирландских сказок
- 180 **Кузьмина И.Н.**
Межкатегориальное взаимодействие в актуализации дисконтинуума (на базе немецкого языка)
- 184 **Максимов А.Н.**
Модальность предпочтения и ее выражение в современном английском языке
- 188 **Морозова Е.Н.**
Оппозиционное замещение по категории времени (настоящее-будущее)
- 194 **Фалилеев А.Е.**
Фразеологические единицы в английском политическом тексте
- 198 **Шабалина Н.Ю.**
Когнитивные модели семантической деривации в тематической группе глаголов умственной деятельности (на материале английского и русского языка)
- 202 **Буянова Ю.В.**
Прагматический аспект преобразования компаративных фразеологических единиц в газетном тексте (на материале современного французского языка)
- 205 **Сурякова О.В.**
Ритмообразующие характеристики морфемного строения глагола в четырехстопном ямбе и хорее в русском языке (на материале произведений А.С. Пушкина)

ФИЛОСОФИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- 213 **Александров Н.Н.**
Генезис брэнда и его системная модель

- 220 **Килундина Ю.М.**
Сюн Шили – современный философ-нео-конфуцианец
- 224 **Королев А.В.**
Что такое экзистенция?
- 227 **Менщикова Ю.Н.**
Homo lingua, или философско-прагматический аспект языковой коммуникации
- 231 **Рыбникова В.Ю., Мариев А.А.**
К вопросу об онтологии архитектурной среды
- 235 **Зырянова Т.В.**
Культурология А.А. Богданова
- 243 **Карантеева И.Л.**
И.С. Тургенев в диалоге русской и французской культур
- 247 **Румянцева О.В.**
Усадьбный комплекс Нероново как художественная форма репрезентации личности ее владельца
- 252 **Фатеева И.М.**
Художественный критик В.В. Стасов о проблеме эстетизации материальной среды

ИСТОРИЯ

- 259 **Соловьева А.А.**
Влияние Галлиполийской кампании на формирование австралийской нации

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

- 262 **Баранов С.В., Скуфьина Т.П.**
Циклы Кондратьева в исследовании региональных процессов
- 266 **Масюк Н.Н., Чебыкина Е.В.**
К вопросу об основах управления рисками предприятия
- 271 **Матвеева М.С.**
Сущность и отличительные черты ипотеки

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ВУЗА

- 273 **Артамонов М.А.**
Обучение студентов отбору и конструированию математических задач в процессе профессиональной подготовки
- 277 **Кузьмина Г.Ю.**
Мультимедийные средства индивидуализации профессиональной подготовки педагога-психолога в вузе
- 280 **Романова Е.В.**
Особенности формирования профессиональной мотивации у студентов старших курсов педагогического вуза

- 283 Свиридов Н.Н.**
Готовить конкурентоспособных
и компетентных менеджеров XXI века

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

- 285 Абатурова В.С.**
О развитии у школьников умения строить
простейшие линейные оптимизационные
модели
- 289 Дзугаева З.А.**
Сверхфразовое единство как элемент разви-
тия связной речи в национальной школе

- 292 Евтеева Н.А.**
Воспитание патриотизма у старших школь-
ников на уроке иностранного языка

- 294 Залесова Н.В.**
Технология формирования научных поня-
тий на основе использования комплекса
эвристических методов и приемов

- 298 Павлова Е.А.**
Нравственное и эстетическое воспитание
детей школьного возраста на уроках иностр-
анного языка

302 СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

«Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова» отражает основные результаты научной, педагогической, методической и воспитательной деятельности коллектива университета, а также публикует оригинальные исследования по естественным, гуманитарным и социальным наукам.

Журнал включен в перечень периодических научных и научно-технических изданий, рекомендуемых ВАК РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук.

ОБРАЗОВАНИЕ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

В.В. Чекмарёв

НОЖНИЦЫ

На заседании Учёного совета университета, рассмотревшего итоги научной деятельности в вузе за 2007 год, ректор, профессор Николай Михайлович Рассадин обратил внимание на имеющиеся «ножницы между преподавательской и научной деятельностью». Позаимствовав у него это, как мне показалось, образное по форме и глубокое по содержанию выражение позволю себе пригласить читателей к продолжению разговора на Учёном совете через следующие заметки.

ГОСы и Минобрнауки, или Мины образования в науке

Институт образования, как зачастую декларируется в литературе, «переживает фундаментальный кризис»¹. Да так ли это? Институт образования как социальный институт переживает скорее кризис роста, кризис переходного возраста, в его объективном движении к «взрослым» социальным институтам – религии, государству. (И религия, и государство как социальные институты имеют свой жизненный цикл. Но это тема особого разговора). Однако, причины и условия становления и развития образования как социального института ещё требуют серьёзных размышлений и толкований. Вероятно, для формирования парадигмальных позиций это вопрос времени. А что же мы имеем на сегодняшний день? А сегодня можно выделить две группы точек зрения на роль образования.

Первая. Система образования (типаж образования как социального института) – это система производства специалистов, обладающих вполне конкретным набором знаний и навыков по заказу (и на деньги) национальных профессиональных сообществ.

В этой группе можно выделить позиции тех, кто является сторонником идеи монополии государства на формирование спроса и предложения в сфере образования как сфере деятельности, а также тех, кто является сторонниками полной «маркетизации» образования в части высшего профессионального образования и передачи его на «откуп» деловым элитам (правда, качество этих элит как способность оценки текущего и прогнозного спроса на человеческий потенциал неочевидно).

Вторая. Система образования должна в первую очередь формировать компетентных и ответственных членов общества (акторов социоприродного пространства). Эту позицию «рыночники» характеризуют как «идеалистический под-

ход» (формирование полноценной личности обществу и экономике не нужно?!)

Названные группы точек зрения на роль образования и влияют на формирование политики создания траектории развития системы образования как социального института, являясь *субъективным* фактором этого развития. Почему субъективным? Да потому, что системный подход (применимый, конечно же, если образование рассматривать как систему. Но кто же сомневается? Даже законодатель в Законе РФ «Об образовании» даёт определение системе образования) предполагает самоорганизацию как *объективное* условие существования и развития *любой* системы.

Предложим читателю тезисы по поводу субъективного и объективного с целью будирования его собственных мыслей и поиска доказательств в пользу того и другого.

Тезис первый. Есть ли всеобщая наднациональная доктрина образования как социального института или же ментальная несовместимость народов и сообществ вечна? Тезис не случаен в контексте и Болонского соглашения и в контексте национальных дискуссии «кризисе университетов», ведущихся в Германии, Франции, США и других развитых странах.

Тезис второй. Нужно ли интегрироваться в мировое (европейское) образовательное пространство, приобретая однородность, копируя и повторяя, или возможна, национально-государственная версия решения интеллектуально-информационно-образовательных проблем?

Тезис третий. Что происходит: мировое сообщество приближается к вершинам советской (российской) системы образования или Россия сегодняшняя устремила в погоню за теми, кто от неё пока ещё отстаёт? Ведь сегодня для России качество функционирования системы образования позволяет стране удерживаться в середине «давосского рейтинга» 59 развитых государств. Рос-

сия удерживается в «давооской группе» благодаря своей оборонной мощи и культуре (по всем позициям рейтинга боремся за 58–59 место, то есть за последнее место, с Украиной). И только благодаря системе образования мы сможем остаться в группе развитых (и просто влиятельных) стран или уйти из этой группы. Но оборонная мощь – это результат системы образования, *однако не единственный*. Культура – сегодня это тоже результат системы образования. И какой же важнее? Дихотомия «общество–природа» даёт однозначный ответ: культура.

Вот теперь и возникает вопрос о ГОСах. Знания, умения и навыки – это содержание ГОСов. Причём, заметим особо, ГОСы определяют их минимум. А где же культура? Даже работодатели заговорили о культуре в форме компетентностей (умение работать в команде, полифункциональность, этика отношений, корпоративная культура и т.п.). А где культура в ГОСах? Не оспаривая значимость ГОСов в целом как элементе системы образования все же подчеркнём, что – это *только лишь один* из элементов. И гипертрофирование элемента приводит к сбою работы системы. А с учетом идолопоклонства и фетишизации чего-либо нашей бюрократией от образования учебные планы собой ничего другого кроме рамок стандартов и не представляют. Но очевидна важность постановки вопроса – а где же культура? Где же наука как форма культуротворчества?

Дисциплины по выбору выбирают не студенты! Профессор не как субъект образовательно-административных отношений, а как носитель научного (читай, культурного) процесса учебным планом, штатным расписанием, финансовой дисциплиной и ГОСом *не предусмотрен*.

Современная эпоха характеризуется резким возрастанием объёма научной информации и стремительным расширением базы знаний, используемых человеческим сообществом для решения практических задач. В связи с этим традиционная учебно-методическая модель, которая на протяжении столетий успешно использовалась в школах всех типов и уровней, уже не позволяет решать проблемы, стоящие перед системой образования. Широкая эрудиция и хорошо отработанные навыки решения стандартных задач уже не являются достаточным критерием образованности человека. Если ещё полвека назад пять лет вузовского образования давали человеку знания, которых в принципе было достаточно для всей последующей трудовой деятельности, то сейчас

всё меняется настолько стремительно, что учиться специалисту необходимо всю жизнь. Для этого ему требуются не только хорошо отработанные навыки самообразования, но прежде всего навыки исследовательской работы, оперативно-го отбора необходимой информации из ее стремительно расширяющегося массива.

Традиционная система авторитарного обучения, основанная на передаче и воспроизведении информации, не только не способна формировать в обучаемом данные умения, но даже в определённом смысле препятствует их формированию, утверждая и закрепляя шаблонное мышление и блокируя творческий поиск. На наш взгляд, это является одной из главных причин резкого падения любознательности у современной молодежи, отсутствия у нее интереса к наукам, что широко наблюдается уже в средней школе. В итоге:

НОЖНИЦЫ.

Вхождение (?) в единое образовательное европейское пространство как возможная угроза национальной, в том числе экономической, безопасности страны

Глобализация, новая экономика – это не просто модные темы, это реалии нарождающегося устройства жизни всего человеческого сообщества. И именно образование дает России стратегический шанс на выход «на равных» в новую экономику в мировые социальные пространства. Если говорить только об экономике, то очевидно, что в экономике XXI века уже не машина, а прогрессивно подготовленный и образованный человек будет составлять главную часть капитала любой фирмы. Не менее очевидным является и то обстоятельство, что для конкурирования в области капиталоемких технологий в ближайшие годы у страны не будет денег. (Бюджет одного крупного университета США равен бюджету всего Министерства образования и науки России).

В контексте отмеченного встают вопросы о последствиях вхождения в общее образовательное европейское пространство. Назовём некоторые из них. На какой социальный тип личности нацелено государство (правительство), избравшее «либерально-демократический» вариант осуществления политики в сфере образования? В контексте образования как социального института носит ли политика в сфере образования стратегический характер? Возможен ли сценарий развития системы образования России как эволюции её развития на протяжении всей истории Российско-

го государства или в эту эволюцию заносится (занесён) вирус подражания, уподобления, регресса? Возможна ли инновационная экономика страны без инновационного развития системы образования? Вопросы эти столь же значимы сколь и не просты. Возможность мобильности граждан не должна превалировать над национальными экономическими интересами. Охрана этих интересов в условиях нынешних информационных технологий лежит в формировании норм и ценностей общества. А это уже функция образования.

Образованию, с точки зрения социологии, присущи в обществе, по меньшей мере, три функции. Образование выполняет функцию социализации, т.е. перманентной передаче новым поколениям норм и ценностей общества; функцию подготовки (и переподготовки) к профессиональной деятельности; инструментом воспроизводства социального неравенства, являясь каналом социальной мобильности.

Выполняя первые две функции, система образования удовлетворяет запросы и ожидания, существующие в обществе. Образование как передача знаний (в особенности сложных специальных знаний и умений) и образование как воспитание различаются между собой очень существенно. Они тесно взаимосвязаны, потому что профессиональное знание имеет ценностный, моральный аспект, и воспитываемое системой образования доверие к знанию, к экспертизе, к иерархии компетентностей имеет существенное значение для создания основ общественной солидарности.

Господствующие в обществе ценности и ожидания относительно образования как обучения не воздействуют на систему образования напрямую. Обладая известной степенью автономии, последняя преобразует требования и ожидания общества в педагогические принципы, методические приемы, учебные планы и т.д. вплоть до конкретных управленческих решений. Все это имеет собственную динамику, реформируется и развивается не просто как механическое отражение сиюминутных требований к образованию, но в сложном процессе взаимодействия образования и общества. Можно также сказать, что система образования не просто «обслуживает» общество, но является его активной, трансформирующей составляющей. Подобно любому крупному институту, она представляет обществу некий идеал, цель, к осуществлению которой надо стремиться, потому что тем самым должно усовершенствоваться само общество.

Мы знаем, что люди по природе не одинаковы, мы знаем, что социальное положение их очень различно. Однако демократия предполагает, невзирая на это, фундаментальное политическое равенство — «человек рождается свободным». Возможно ли, однако, реализовать это фундаментальное равенство при имущественном неравенстве? Возможно ли сгладить имущественное неравенство, не поддаваясь соблазнам радикального эгалитаризма? Возможно ли справедливо вознаграждать гражданина за труд, не учитывая сложности работы, потребности в специальных знаниях, ответственности? Возможно ли, далее, чтобы вознагражденные таким образом достойнейшие не оказались в преимущественном положении в обществе и чтобы это их преимущественное положение никак не сказалось на шансах их потомства? И как тогда быть с фундаментальным политическим равенством?

Ответом на этот вопрос становится идея современного социального государства, которое не только прилагает усилия, чтобы обеспечить всех граждан минимумом доходов и социальных благ, но и стремится создать для них равенство шансов на социальное продвижение. В современном обществе, как предполагается, можно подняться из низов на самый верх, нужны только усилия. Чтобы подняться, были созданы (не изменившись, по сути своей, с самых давних, до современных эпох) лифты социальной мобильности — армия, церковь и, конечно, образование. Необразованный человек не может получить высокооплачиваемую ответственную работу, какого бы происхождения он не был. Вот почему проблема социальной справедливости и политического равенства становится проблемой равенства шансов в области образования.

Равенство шансов на получение образования — это политическая формула, существенная для социального государства, какая бы партия ни одержала победу на очередных выборах. Идея равенства как равенства шансов, имеет чисто политическое происхождение, она является продолжением и развитием идеи о политическом равенстве граждан.

Во-первых, равенство шансов позволяет не только поощрять таланты вообще, но и более прагматичным образом рассчитывать на пополнение рабочих мест требующих определенной квалификации, достаточным количеством кадров.

Во-вторых, равенство шансов позволяет эффективно транслировать ценности солидарности. Знаменитый консерватизм образования благодетелен, и чем дольше молодой человек пре-

бывает в стенах учебных заведений, тем больше шансов, что он покинет его лояльным гражданином. Это опять-таки случается в хорошее время и в хорошем месте, пока образование предстает (это было, например, в США во время Великой депрессии) как островок возжеленной стабильности, а не как бастион неравенства и отчуждения (там же, но уже почти спустя сорок лет).

В-третьих, более или менее успешно реализуемое равенство шансов социально эффективно в более узком, специальном смысле, потому что оно позволяет выходцам из низших слоев общества рассчитывать на личный, а не групповой успех, иначе говоря, проблема социального слоя или группы решается как личная проблема, каждым гражданином по отдельности.

Вышеотмеченное позволяет утверждать, что болонское соглашение вряд ли даст основание для повышения качества системы образования в России, но может увеличить набор угроз национальной, в том числе экономической безопасности страны.

Особо подчеркнём, что падение качества образования налицо, но основной причиной падения качества является нищенское денежное содержание преподавателей, что привело к господству инерционных тенденций в функционировании системы образования (старение кадров, «вымывание» активных элементов, феминизация и т.п.). Переход российской системы высшего образования на двухуровневую организацию фактически означает переход к «двухкоридорной» системе, присущей западноевропейской школе: академическое просвещение – для элиты, и фрагментарное или мозаичное – для народа. Но фрагментарное просвещение не даёт системного представления о мире, не учит человека правильно мыслить, готовит его для работ узкой специализации и такой личностью легко манипулировать. И опять:

НОЖНИЦЫ.

Образование и наука в вузе

Согласно государственных требований у преподавателя вуза два мегавида деятельности – наука (научная деятельность) и педагогика (преподавательская деятельность).

Преподавательские кадры проходят подготовку в аспирантуре, которая является основной формой подготовки кадров. После окончания аспирантуры в случае успешной защиты диссертационным советом присваивается ученая степень, зва-

ние исследователя (до поступления в аспирантуру ранее была предусмотрена предварительная стажировка в должности стажера-исследователя). Входит аспирантура в службу проректора по научной работе, ответственность за аспиранта несет научный руководитель. Очевидно, что аспирантура готовит научных работников, а не преподавателей, хотя подавляющее большинство вузовских аспирантов становится преподавателями.

Ученые звания как профессора («наставника»), так и доцента («обучающего»), как правило, нельзя получить без наличия ученой степени, подтверждающей научную квалификацию; чтение лекций оплачивается выше при наличии у преподавателя ученой степени; то есть преподавательская деятельность и в моральном, и в материальном плане полностью зависит от научной.

«Масла в огонь» рефлексии подлил профессор Л.Е. Кертман², который первым в 1986 г. воскликнул: «Мы – люди двух специальностей...». Его конструктивно поддержал автор МАСТАКа, профессор ЛГУ Р.Ф. Жуков³. Рэму Федоровичу так хотелось доказать, что «важнейшим должно быть преподавание (всё-таки основное назначение вуза – подготовка специалистов высшей квалификации)...», что он сопоставил особенности двух видов деятельности преподавателя – научной и педагогической. Начать с того, что даже цели их различны у научной – *добывание* объективно нового знания, ранее никому не известного; а у педагогической – *развитие* достоверно известного знания, приобщение новых людей к уже известным истинам. *Объекты* деятельности разные: у первой – объективные закономерности, существующие а природе и обществе, а второй – люди. *Область проблем и интересов* – разная: у первой она относительно локальна, т.к. надо глубоко рассмотреть всё, относящееся к исследуемому вопросу; а у второй – весьма широка, т.к. изучаться должно все, что может послужить совершенствованию человека и общества. *Критерии оценки* разные: у научной они относительно четкие и немногочисленные в связи с ограничением предметов исследований: а у педагогической, поскольку при обучении работа идет с большим количеством людей, обладающих различными исходными данными (уровнем знаний, характеристиками, мотивациями, целями жизни учебы), – *размыты, многочисленны* и до сих пор *противоречивы* и четко не определены. *Круг и язык общения* – *различны*. У разработчиков научной проблемы ученых-коллег, он относительно невелик, а квали-

фикация относительно высока и однородна. Это позволяет общаться с помощью кастового, формального языка, понятного лишь посвященным, но четко определяющего все применяемые понятия. У педагогической же деятельности круг лиц, обучающихся предмету *широк*, знания их неоднородны, а по отдельным вопросам – недостаточны. Обучающихся необходимо увлечь и заинтересовать. Язык общения должен быть понятным, ясным, образным и популярным. *Повторы* – в научных публикациях, отчетах и докладах *не допускаются*. В педагогике – жизненно *необходима*, т.к. без них немислимо усвоение. Только при освещении предмета с разных сторон, с различных позиций можно дать наиболее полное представление о нем.

Учёный по типу личности должен быть *интервертом* с большой степенью направленности на внутренний мир; преподаватель – *экстравертом*, непосредственно откликающимся на внешние впечатления, легко вступающим в контакт, интересующимся жизнью окружающих и готовым поделиться с ними своими мыслями. Для ученого предпочтительнее «концептуальный» ум, позволяющий легко решать логические, математические и лингвистические задачи со значительной долей абстракции. Преподавателю более свойствен ум «социальный», направленный на рассмотрение межличностных отношений и особенно принципиальный в принятии решений, которые затрагивают человеческие судьбы, устанавливающий иерархию целей и ценностных ориентации. Вряд ли встречаются люди с чисто концептуальным или чисто социальным умом, но преимущественный тип ума, несомненно, сказывается на их деятельности в той или иной сфере.

Первый (преимущественно «дифференциатор») поглощает и усваивает информацию, *по-знает сам*, работает в кабинете, библиотеке, лаборатории. Второй (преимущественно «интегратор») *генерирует информацию, организует процесс* ее наилучшего усвоения студентами.

Большинству преподавателей хочется и наукой заниматься, и методологией изобретательства, и чтобы студенты после лекции провожали тебя аплодисментами. Где взять на все это время? Что важнее – наука, диссертация или любовь студентов? И каким ты должен быть, чтобы эту любовь заслужить? При этом не забудем, что *нашей цивилизацией выработан приоритет науки перед другими видами деятельности*. И соответственно далее тянется цепочка 1) более престижно заниматься теорией, чем приклад-

ными исследованиями; 2) более престижно быть конструктором, а не технологом (технолог, знающий, *как* сделать, почти всегда получает зарплату меньшую, чем исследователь и конструктор, понимающие, *что* делать).

То есть **неидентичность деятельности ученого и преподавателя очевидна**. Ясно теперь, что это два совершенно разных вида деятельности, но вся сложность ситуации в том, что нельзя ставить вопрос, *что важнее*, – они сиаамские близнецы. Разрыв их невозможен. Почему?

Если подойти к этому вопросу хотя бы с чисто психологических позиций, то очевидно, что одна из главнейших характеристик качеств личности преподавателя – это его авторитет. И вот от него-то полностью зависит отношение студентов к данной дисциплине. Но студенты никогда не будут уважать самого распрекрасного преподавателя, но лишь ретранслятора учебников, не внёсшего никакого вклада в науку, неважно, в какой области. Так как в обществе, *в подсознании* каждого человека – закреплённое веками на генетическом уровне «сидит», как уже говорилось выше, уважение к науке, к учёной степени, и поделать с этим ничего нельзя. Это можно только учитывать, иначе ни о какой «самоподаче» речи идти не может. А с другой стороны, самый маститый профессор, вешающий о своих открытиях, но непонятно и «с кашей во рту», едва ли не хуже.

Если подойти к этой проблеме с чисто практических позиций (где взять их людей – «с двумя головами» в одной?), – далеко не всё так безнадежно, как может показаться на первый взгляд. По свидетельству З.Ф. Есарева⁴, очень многие преподаватели достигают «двухголовости», но не благодаря системе, а вопреки, в основном – самостоятельно и... через 20–25 лет после начала преподавательской деятельности. Тут уже и пенсия рядом.

Если обратиться к демографическим характеристикам, то средний возраст преподавателя вуза по Костромской области на начало 2008 г. по данным Облстата равен почти 51 году, причём если «молодыми» считать людей до 30 лет, то на их долю приходится всего 10% от общего числа. Самую многочисленную группу составляют преподаватели от 50 до 60 лет (30%), то есть возраст преподавателей высшей школы весьма солидный. Учитывая этот фактор, через 5–10 лет ожидается серьёзная интервенция молодёжи на места преподавателей. Можно себе представить качество их педагогической деятельности.

Каждый год высшие учебные заведения страны принимают в свои ряды по полмиллиона студентов в вузы, количество которых за последние двадцать лет выросло не только количественно почти на 90 единиц, но и качественно за счёт совершенно новых, интегративных профилей. Ясно, что для такого огромного числа студентов не хватит талантливых самородков – преподавателей. Понятно также, что нельзя уже ждать десятилетиями и надеяться на спонтанное их появление. Преподаватели, особенно инженерных вузов, – самоучки, которые заново «изобретают велосипеды». Поэтому надо начинать специально готовить преподавателей для высшей профессиональной школы. Способности (педагогические) – способностями, их надо учитывать при профотборе. Но способностей надо не так уж много – «1%», как известно. И «99%» – государственного подхода, организации, пота и труда. Другими словами, можно вслед за А.Л. Бусыгиной утверждать, что профессор – это профессия⁵. То есть **в России нужна государственная система подготовки преподавателей**. Не стыдливые и умирающие ФПК и стажировки, а именно государственная система подготовки получением диплома о втором высшем (педагогическом) образовании.

Причин отсутствия системы слишком много. И все работники высшей школы их прекрасно знают. Это и инерция, и нищенское финансирование, падение престижа профессии преподавателя, и море внутренних проблем, и т.д. Нужна широкая дискуссия на эту тему. Потому, что от Учителя, Профессора зависит наше завтра.

Цели образования сегодня сводятся минимум к трем постулатам:

- «образованию» личности, ее нравственно-му воспитанию, формированию отношения человека к природе, обществу, себе;

- «обучению» мышлению, способам деятельности, владению методологией системного анализа;

- подготовке специалиста, профессионала. Это обязывает преподавателей высшей школы к полифункциональной и во многом инвариантной подготовке, поскольку сформулированные выше цели являются общими для всего преподавательского корпуса страны. Вопрос о коллективном взаимодействии преподавателей разных кафедр, воспитывающих студентов с 1 по 5 курсы.

Я думаю, что государству, политикам надо только понять, что в высшей школе сегодня, при нынешнем материальном их положении, работают, конечно, фанатики своего дела. Но в эту сторону обратили бы свой взор очень и очень многие талантливые, «двухголовые» молодые люди, если бы за педагогическую учёную степень государство стало платить. Отдельно – за инженерную. И отдельно – за педагогическую. Академик Лаврентьев мечтал, что когда-нибудь в высшей профессиональной школе будут преподавать сплошь кандидаты педагогических наук. Всем известны примеры Шредингера, оказавшего большое влияние на развитие квантовой механики, пытаясь представить идеи Луи де Бройля в наиболее удобоваримом виде, девяти томник «Курса теоретической физики» Л.Д. Ландау и Е.М. Лифшица, оказавший большое влияние на развитие современной физики. Такое взаимодействие педагогического и научного творчества вызвано тем, что необходимость написать систематический курс или стремление предельно ясно изложить какие-то идеи побуждает глубоко продумать материал, часто приводит к обнаружению юных закономерностей. Потребность преподавателя ознакомить студентов с основными достижениями науки и вместе с тем развить их способности к научной деятельности является фактором, способствующим рождению новых форм обучения. Классическим примером такого взаимодействия педагогического и научного творчества может считаться метод «проблемного обучения», который родился именно в высшей школе. А пока ...

НОЖНИЦЫ.

Примечания

¹ См., например: Халевинская Е.Д. Несколько легитимных вопросов на вербальную тему: образование в России // Актуальные проблемы обеспечения качества высшего профессионального образования по экономическим специальностям. Межвуз. сб. научн. трудов. Вып. 1. – М., 2006. – С. 10–19.

² Караковский В.А. Директор – учитель – ученик. – М.: Знание, 1982.

³ Человеческий фактор. – М.: МИР, 1991.

⁴ Есарева З.Ф. Особенности деятельности преподавателей высшей школы. – Л., 1976.

⁵ Бусыгина А.Л. Профессор – профессия. – Самара, 1999. – 276 с.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

А.И. Герасимов, И.В. Герасимов, Т.П. Копейкина

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ОБНАРУЖЕНИЕ И ИССЛЕДОВАНИЕ ГАЗОВОГО АНАЛОГА ЭФФЕКТА ГАННА*

В работе представлены результаты исследования экспериментально обнаруженного периодического режима разряда в двухэлектродной системе при приложении к электродам постоянного высоковольтного напряжения. Периодический разряд наблюдался в воздухе в диапазоне форвакуума. Определены условия и границы его появления в трубках различного радиуса, но одинаковой длины. Исследован частотный диапазон периодического режима разряда и его зависимость от диаметра трубок, от давления газа, от приложенного напряжения, от продолжительности его существования; измерена температура стенок разрядных трубок между электродами.

По результатам исследований делается вывод, что при определенных условиях в двухэлектродной системе постоянного тока возможно возникновение периодического режима разряда, аналогичного эффекту Ганна в полупроводниках, а именно: вблизи электрода с отрицательным потенциалом возникает отрицательно заряженный объемный (пространственно-локализованный) заряд (домен), являющийся областью сильного электрического поля, которое при движении домена между электродами обозначает его границы ионизованными и возбужденными молекулами газа.

1. Введение. Что такое эффект Ганна?

Английский физик Ганн, исследуя поведение полупроводников в сильном постоянном электрическом поле при приложении его через омические контакты к произвольно ориентированному образцу полупроводника, обнаружил [1–4], что во внешней цепи образца появляются колебания тока. Период этих колебаний t приблизительно равен времени пролета электронов в объеме образца от катода к аноду. Впоследствии обнаруженный эффект был назван эффектом Ганна [5; 6].

В полупроводниковых приборах движение зарядов локализовано только в области $p - n - p$ (или $n - p - n$) переходов, тогда как в приборах, работающих на основе эффекта Ганна, участвует весь объем полупроводниковых элементов. Это обстоятельство позволяет получать, в частности, сравнительно большую мощность таких приборов (в основном – генераторов).

При эффекте Ганна колебания тока в объеме полупроводника вызывает процесс перемещения в его объеме области сильного электрического поля – домена – объемного заряда отрицательного знака, который возникает в области полупроводникового образца, непосредственной примыкающей к катоду. Пройдя через образец со

скоростью порядка 10^5 м/с, домен исчезает у анода. Период t_D колебаний тока во внешней цепи образца приблизительно равен времени пролета электронов от катода к аноду образца. Новый домен появляется у катода только после устранения на аноде предшествующего, после чего цикл повторяется; домен возникает только в том случае, если время его формирования t_ϕ меньше времени ухода t_e электронов в анод от места начала формирования домена, т.е. при $t_\phi < t_e = L/\bar{v}_e$. Здесь L – расстояние катод-анод, $\bar{v}_e \approx \mu \vec{E}_{K-A}$ ($\bar{v}_D = \bar{v}_e$ – дрейфовая скорость электронов в поле \vec{E}_{K-A} , при котором начинается формирование домена).

В длинном образце домен может зарождаться в различных (по его длине) областях, т.е. L является удалением от анода места зарождения домена. Плотность тока через образец, по которому распространяется домен, $\vec{j}_e = en_e \mu_e \vec{E}_{K-A}$, μ_e – подвижность электронов, E_{K-A} – поле вне домена. В момент ухода домена в анод плотность тока увеличивается до величины $\vec{j}_D = \rho_D \mu_D \vec{E}_D$. Результат последовательного повторения процессов зарождения доменов и их последующего устра-

*Работа поддерживалась грантом № 96-26-3.6-3 Министерства общего и профессионального образования РФ.

Авторы признательны А.А. Рухадзе за постоянное внимание и интерес к плазменным исследованиям, проводимым в лаборатории физической (плазменной) электроники Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова.

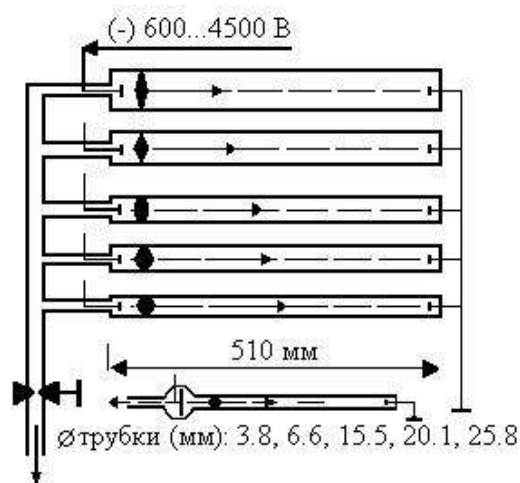

Рис. 1. Блок разрядных трубок по исследованию периодического режима разряда

нения на аноде проявляется в генерации колебаний тока в цепи катод-анод с частотой $f_D = t_D^{-1} = \bar{g}_D / L$.

2. Экспериментальное исследование газового аналога эффекта Ганна

Режим, подобный эффекту Ганна в полупроводниках, был обнаружен много раньше времени представления этой статьи – в середине 80-х годов прошлого столетия [7]. Однако возможность для детального исследования этого явления появилась много позже [8]. В этой работе газовый аналог эффекта Ганна реализуется в экспериментах, в которых регулируемое постоянное напряжение в 600÷4500 В подводилось к 2-х электродной системе из пяти разрядных трубок различного внутреннего диаметра (3,8; 6,6; 15,5; 20,1 и 25,8 мм), но с одинаковым расстоянием между

электродами, равным $L_D = 510$ мм. Одним из своих концов все трубки соединялись с общей вакуумной системой (разрежение воздуха в диапазоне форвакуума – $10^{-3} \div 10$ Torr). Второй электрод всех трубок заземлялся (рис. 1). Конструкция источника постоянного напряжения предусматривала возможность подключения к его выходу 4-х конденсаторов напряжением в 3,0 кВ и емкостью в 300 мкФ. При реализации периодического разряда конденсаторы соединялись или параллельно, или последовательно.

Для регистрации времени продольного перемещения доменов использовалась схема с двумя фотодатчиками (фотоэлементами или ФЭУ) и с двумя электрическими зондами (рис. 2). Один из них размещался у электрода с отрицательным высоковольтным потенциалом, а второй имел возможность перемещаться вдоль внешней поверхности стенки трубки. Сигналы с обоих датчиков поступали на 2-х канальный запоминающий осциллограф и на частотомер, работающий в режиме измерения интервалов времени. При контроле за амплитудно-фазовыми изменениями с пары датчиков использовался также прибор DSO 2100, преобразующий аналоговые сигналы в цифровую форму для их последующей обработки компьютером. Изменения температуры газа в продольном направлении объемов трубок оценивалось по показаниям термопары, перемещаемой по внешней поверхности их стеклянных стенок.

3. Результаты экспериментов

Исследования границ существования режима периодического пробоя газа в координатах $V(p)$ (V – напряжение на электродах трубок, p – давления газа в их объемах) показали, что характер по-

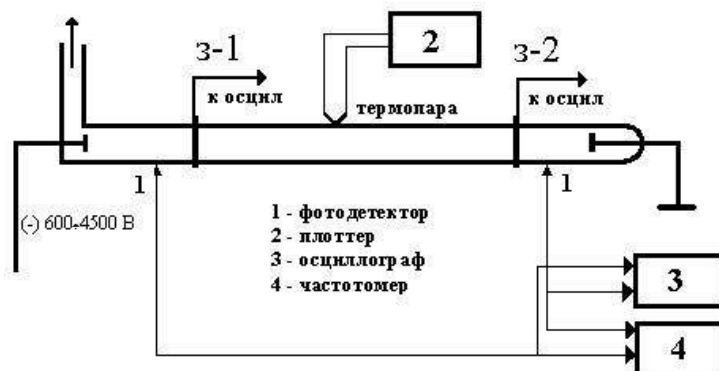

Рис. 2. Схема установки по регистрации продольного перемещения доменов.

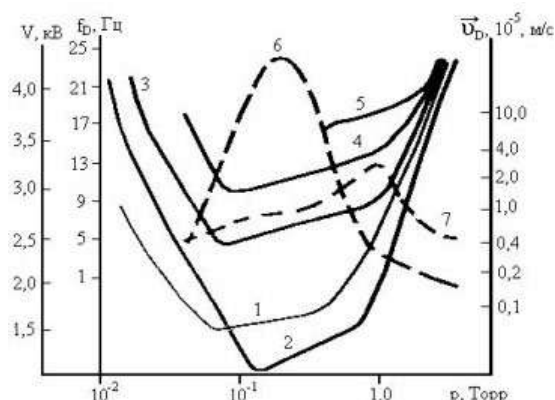

Рис. 3. Зависимость $V(p)$, определяющая область существования периодического режима разряда при различных его параметрах.

Кривые 1, 2, 3, 4, 5 относятся к зависимостям для трубок с диаметром $2r_{TUB} = 25,8; 20,1; 15,5; 6,6; 3,8$ мм, соответственно

лученных зависимостей $V(p)$ в целом такой же, как и у кривых Пашена $V(p)$ для разрядов постоянного тока [9] и для разряда униполярного пробоя газа (УПГ) [10–12]: с увеличением диаметра трубок $2r_{TUB}$ (3,8; 6,6; 15,5; 20,1 и 25,8 мм, соответственно, кривые 1÷5) граница пробоя газа перемещалась в область меньших значений p и больших — V (рис. 3). При этом порог пробоя по максимуму давления ($3,5 \div 4,0$ Торр) был практически одинаков для всех радиусов трубок. Зависимость частоты появления доменов от давления $f_D(p)$ имела максимум, который приходился (для всех диаметров трубок $2r_{TUB}$) на $p = 0,1 \div 0,3$ Торр (кр. 6 рис. 3). Максимум скорости перемещения доменов между электродами был смещен к границе большего давления области существования импульсного режима пробоя газа в координатах V, p (рис. 3, кр. 7).

Эксперименты показали также, что время пролета доменов t_D на фиксированное расстояние (на протяженности разрядного объема L_D), т.е. их скорость \bar{v}_D , зависит от потенциала V на катоде: с ростом V максимум зависимости $t_D(L_D)$ смещался к катоду, — доменам требовалось меньше времени и меньшее расстояние, чтобы набрать максимальную скорость своего движения (рис. 4). После этого скорость дальнейшего продольного движения доменов \bar{v}_D практически не менялась (наклон кривых 1, 2, 3 рисунка 4 к оси расстояний был постоянным и весьма малым (в экспериментах максимум $\bar{v}_D \approx 4,0 \cdot 10^6$ мс⁻¹);

результаты рисунка 4 получены при $p = 0,8$ Торр в трубке с $2r_{TUB} = 6,6$ мм и частоте формирования доменов $f_D = 0,7$ Гц.

Область максимальной температуры газа в объеме трубки (измерялась температура ее стенки T_w) наблюдалась на расстоянии в $25 \div 40$ см от электрода с отрицательным потенциалом, — в области максимальной скорости движения доменов \bar{v}_D для соответствующих напряжений на электродах (кривые 4–6 рисунка 4 получены при тех же параметрах разряда, что и кр. 1, 2, 3, т.е. для $3,4 \div 4,26$ кВ, соответственно).

На рисунке 5 показаны результаты измерения времени пролета t_D доменов на фиксированное расстояние в 505 мм между фотоэлементами в зависимости от продолжительности t процесса их генерации и от напряжения на электродах. Максимум скорости смещения доменов $\bar{v}_D = L_D/t_D = 0,505/3,5 \cdot 10^{-7} = 1,44 \cdot 10^6$ мс⁻¹ наблюдался через $t = 6,5$ минут после начала процесса их последовательного формирования (самая нижняя точка кривой 1 зависимости $t_D(t)$ (рис. 5)). Через ~50 минут от начала процесса скорость перемещения доменов \bar{v}_D уменьшается до $\approx 4,4 \cdot 10^5$ мс⁻¹, оставаясь в дальнейшем без изменения (верхняя часть кр. 1 рис. 5).

Рост межэлектродного напряжения V (до $3,7 \div 3,9$ кВ) увеличивает скорость перемещения доменов до максимальной, равной $\approx 6,59 \cdot 10^5$ мс⁻¹ (самая нижняя часть кр. 2 рис. 5); при последующем росте V скорость доменов \bar{v}_D изменяется

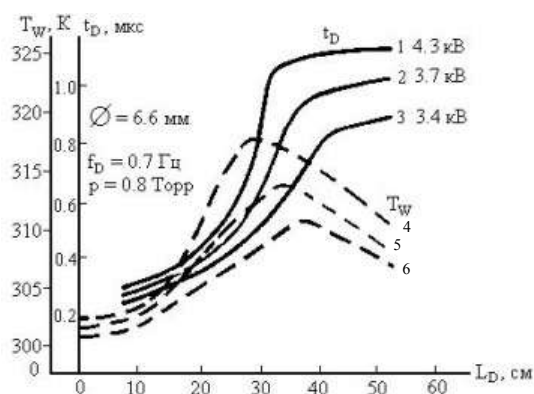

Рис. 4. Время перемещения доменов по длине трубки и температура ее стенок при различной величине отрицательного потенциала на катоде

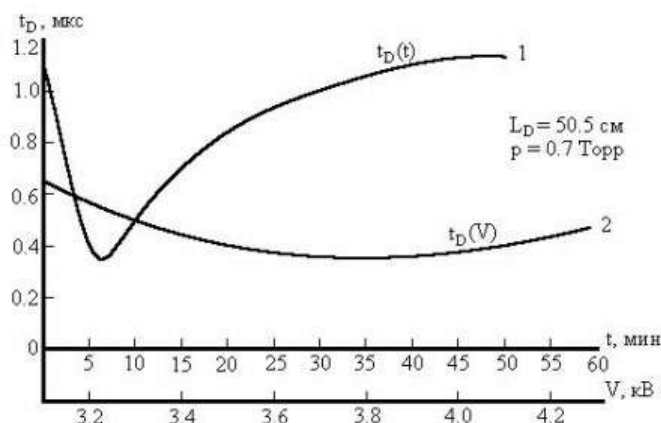

Рис. 5. Зависимость времени перемещения доменов от длительности процесса их периодического появления и величины отрицательного потенциала на катоде

мало, оставаясь практически постоянной. Зависимость $t_D(V)$ (кр. 2 рис. 5) получена при давлении $p = 1,5 \text{ Торр}$.

Увеличение диаметра трубок с 3,8 мм до 25,8 мм (при сохранении постоянными других параметров разряда – $V = 4,26 \text{ кВ}$, $p = 1,8 \text{ Торр}$ и $L_D = 28,5 \text{ см}$) уменьшает: 1) скорость перемещения доменов (кр. 1 рис. 6) с $\bar{g}_D = (0,285/5 \cdot 10^{-7}) = 5,7 \cdot 10^5 \text{ мс}^{-1}$ до $\bar{g}_D = (0,285/3 \cdot 10^{-6}) = 9,5 \cdot 10^4 \text{ мс}^{-1}$; 2) частоту f_D формирования доменов с 5,0 до 2,5 Гц (кр. 2 рис. 6). При этом обнаружена зависимость частоты появления доменов f_D от временного интервала t с начала процесса их формирования (рис. 7). Максимальное значение f_D наблюдалось при $t \approx 9$ минутам с момента появления периодического режима разряда. В последующем (временной интервал 50 минут) частота f_D спадала до величины, которая была меньше ее начального значения (кр. 1 рис. 7). Локальная температура стенки разрядной камеры, $T_w, \text{ К}$ изменялась в той же закономерности, что и f_D (кр. 2 рис. 7).

Движение доменов внутри объема трубки сопровождается появлением на внешней поверхности разрядной трубки области движущегося отрицательного потенциала с его резким изменением на границе этой области. Его амплитудное значение и длительность позволяли фиксировать размеры домена (его геометрию) и величину его поля. При этом объем домена V_D фиксировался электрическими зондами на поверхности трубки и подвижной парой фотодиодов как в области его первоначального появления (формирования) вблизи катода, так и при его последующем движении к аноду (осциллограммы рис. 8; $V = 4,26 \text{ кВ}$, диаметр трубки $2r_{TUB} = 6,6 \text{ мм}$).

Экспериментами было установлено, что на некотором расстоянии от катода (L_{MAX}), объем движущегося домена V_D увеличивается до максимального, причем расстояние это уменьшалось с увеличением радиуса трубки: так, при $V = 4,26 \text{ кВ}$ и $2r_{TUB} = 6,6 \text{ мм}$ – $L_{MAX} = 21 \div 23 \text{ см}$ (рис. 8); при $2r_{TUB} = 25,8 \text{ мм}$ – $L_{MAX} = 5 \div 6 \text{ см}$.

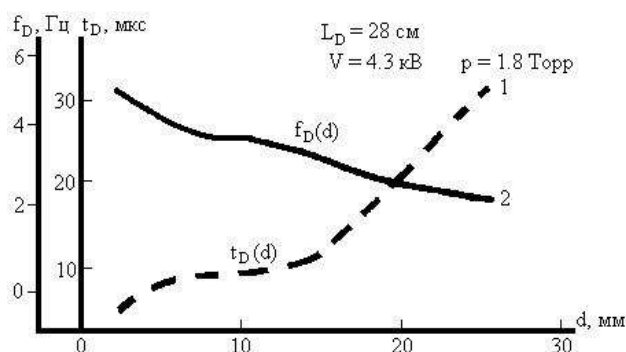

Рис. 6. Зависимость от диаметра трубки частоты появления доменов и времени их перемещения

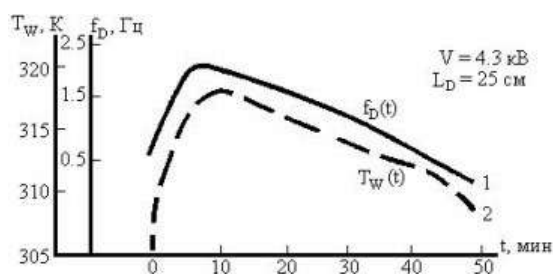

Рис. 7. Зависимость температуры стенок трубки и частоты формирования доменов от длительности периодического режима разряда

4. Обсуждение и выводы

В целом эксперименты с импульсно-периодическим режимом разряда постоянного тока показали, что:

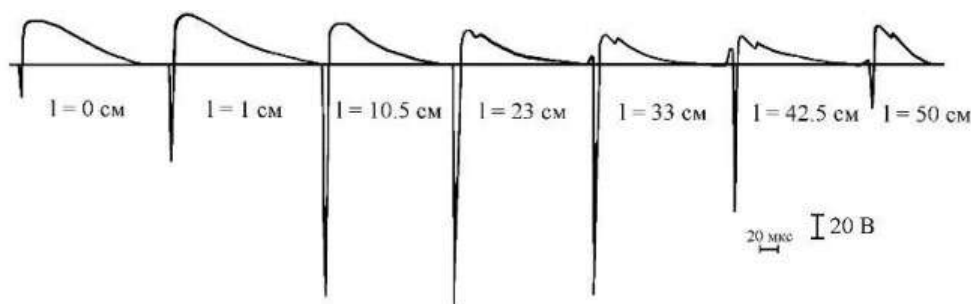
- в границах объемов движущихся доменов локализовано непрерывное распределение отрицательного заряда (тоже самое наблюдается [13; 14] и в свободных объемных зарядах (СОЗах) в безэлектродном разряде УПГ);

- границы объемов доменов достаточно точно фиксируются оптическими (фотоэлементы, фотоумножители, фотодиоды) и электрическими (электрические зонды внутри и на поверхности разрядных трубок) методами исследований;

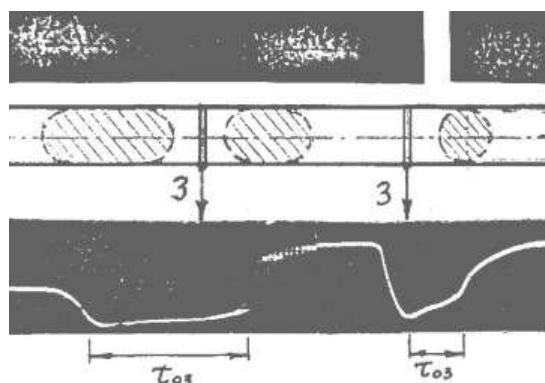
- в разрядных трубках с одинаковым давлением газа, с равной площадью поверхности потенциального электрода и одинаковым потенциалом на нем, но с различными радиусами, первоначальный объем доменов был одинаков (рис. 1);

- в общем случае форма домена похожа на эллипсоид вращения; при этом в разрядных трубках с одинаковой площадью потенциального электрода, но с большим радиусом, ширина домена в направлении его перемещения меньше, чем в трубках меньшего радиуса (рис. 1);

- сферическая форма домена наблюдается только вблизи границы существования периодического разряда по максимуму давления газа [12], и только при площади поверхности потенциального электрода много большей, чем площадь поперечного сечения разрядной трубки (при схеме эксперимента, показанной в нижней части рисунка 1);

а.

б.

Рис. 8. Осциллограммы зондовых сигналов при прохождении доменов – свободных объемных зарядов (СОЗов) – по длине объема трубки

– частота появления (формирования) доменов увеличивается пропорционально росту отрицательного потенциала катода и уменьшается с увеличением диаметра трубки и с ростом продолжительности разрядного процесса;

– время формирования доменов уменьшается, а их объем V_D и скорость смещения от потенциального электрода увеличиваются (до максимальной $\bar{q}_D \approx 6,59 \cdot 10^6 \text{ мс}^{-1}$) пропорционально росту потенциала отрицательной полярности на нем.

Подвижными электрическими зондами на поверхности трубки можно было проследить (рис. 8) [13; 14] эволюцию периодически возникающих объемных зарядов на всем пути их движения внутри разрядной трубки: с момент их появления (формирования) вблизи катода и до устранения на заземленном электроде. Продольные размеры доменов определялись так же, как размеры движущихся с большой скоростью пространственно-локализованных объемных зарядов (СОЗов) в разряде униполярного пробоя газа (УПГ) [12–14]. При этом первоначальный (вблизи потенциального электрода) объем V_D домена, его длина в трубках с одинаковыми радиусами, но с большей площадью поверхности потенциального электрода, была значительно больше.

Его последующее изменение при смещении к противоположному электроду можно было зафиксировать или подвижной парой фотодиодов (или ФЭУ) по границе светящейся оболочки доменов из возбужденных и ионизованных молекул и атомов газа [8], или подвижными кольцевыми электрическими зондами на поверхности трубки по резкому изменению потенциала этих зондов ([7], осциллограммы рис. 8). Аналогичная картина наблюдается и при диагностике поверхностными зондами размеров и заряда движущихся СОЗов [10–14].

Потенциал (и заряд), наводимый распадающимися движущимися доменами на электрических зондах с определенной площадью их поверхности, позволял контролировать (рис. 8) процесс постепенного устранения положительного заряда ионов, возникшего в локальной области объема газа в трубке под действием сильного поля домена в момент его прохождения через эту область.

После ухода домена из локальной области объема трубки объемный заряд ионов, возникший при ударном воздействии [7; 8] поля $\vec{V}\vec{E}_D = \rho_D/\varepsilon_0$ домена на молекулы газа, сохраня-

ется еще длительное время (десятки микросекунд, части осциллограмм положительной полярности рисунка 8). Именно это обстоятельство обеспечивает наблюдение стационарного характера свечения газа на большой ($\geq 4 \text{ м}$) длине разряда униполярного пробоя газа, УПГ [10–14].

По осциллограммам, аналогичным приведенным на рисунке 8, можно проследить изменения объема V_D доменов при их перемещении со скоростью \bar{q}_D между электродами в трубке с радиусом r_{TUB} :

$V_D = \pi r_{TUB}^2 \times L_D = \pi r_{TUB}^2 \times \bar{q}_D \times t_{(-)}$ ($t_{(-)}$ – длительность сигнала отрицательной полярности). Расчеты показали, что объемы V_D движущихся доменов увеличиваются до максимального на некотором расстоянии от катода L_{MAX} . С увеличением радиуса трубки расстояние это уменьшается: при $V=4,26 \text{ кВ}$ для трубки с $2r_{TUB} = 6,6 \text{ мм}$ – $L_{MAX} = 21 \div 23 \text{ см}$; при $2r_{TUB} = 25,8 \text{ мм}$ – $L_{MAX} = 5 \div 6 \text{ см}$.

Момент соприкосновения доменов с поверхностью анода (круглая пластинка из листового молибдена, приваренная к молибденовому вводу в трубку из молибденового стекла) сопровождался сильным гидродинамическим ударом о поверхность пластинок, что часто приводило к их разрушению (броски тока при устранении доменов на аноде могли достигать $2 \div 6 \text{ А}$ при длительности этих токов в $3 \div 8 \text{ мкс}$, т.е. на заземленный электрод за это время уходил заряд доменов в $5(10^{-6} \div 10^{-5}) \text{ Кл}$, распределенный на длине домена L_D в $30 \div 45 \text{ см}$ (в зависимости от радиуса трубки). На кольцевых зондах, размещенных на внешней поверхности трубок, при перемещении домена в объеме газа наводился заряд, поверхностная плотность которого σ_s соответствовала появлению у поверхности трубок поля $\vec{E}_s = \sigma_s/3\varepsilon_0$ порядка $10^6 \div 10^8 \text{ В/м}$.

В ходе проведения экспериментов было установлено, что периодический режим разряда возникает только при подключении к выходу источника постоянного напряжения конденсаторов различной емкости (кратной 300 мкФ). При отключении конденсаторов наблюдается обычный стратифицированный разряд постоянного тока. Отсюда вывод: емкости, подключаемые к выходу источника, выполняют роль накопителей такого количества отрицательного электрического заряда, которое обеспечивают его непрерывное стекание и неразрывное заполнение такой части объема разреженного газа разрядной трубки, при котором

электростатическое поле объемного отрицательного заряда, сошедшего в разреженный газ, само прекращает дальнейший процесс непрерывного схода отрицательного заряда в объем газа трубки.

Повторяется этот процесс только через промежутки времени, достаточный для устранения заряда домена его стеканием через заземленный электрод *таким же непрерывным* процессом. Очевидно, что частота рождения и устранения доменов, наблюдаемая в экспериментах, зависит: 1) от возможности накопления в конденсаторах определенной величины заряда (т.е. от величины потенциала на выходе источника и величины электрической емкости, подключаемой к его выходу); 2) от давления газа в трубке и от его объема (сход в разреженный газ в *непрерывном* процессе *определенной* величины заряда отрицательного знака и его последующая *неразрывная, непрерывная пространственная* локализация требует, во-первых, определенной площади поверхности потенциального электрода, *участвующей в непрерывном сходе* конкретной величины отрицательного заряда; во-вторых, требуется возможность выделения в разреженном газе для сошедшего заряда (в условиях его неразрывности) определенного объема, который зависит и от степени разрежения газа, и от его общего объема, т.е. от размеров трубки); 3) перемещение объемного заряда отрицательного знака в состоянии его *неразрывной, непрерывной пространственной* локализации испытывает сопротивление со стороны молекул разреженного газа, которое приводит к его нагреву; 4) электрическая цепь заземленного электрода должна обеспечивать минимально возможное время *непрерывного стекания на землю* объемного заряда, сместившегося к поверхности заземленного электрода.

Результаты исследований требуют установления природы отрицательного объемного заряда домена, поскольку непрерывность (неразрывность) этого заряда в едином для него объеме исключает его представление в качестве единого (совместного) заряда отдельных электронов: уравнение непрерывности (неразрывности) заряда
$$\oint \vec{j} d\vec{S} = -\int (\partial \rho / \partial t) dV$$
 не может быть соотнесено

с объемным зарядом электронов ни в объеме домена [1–8] в периодическом разряде постоянного тока, ни в объеме единого заряда СОЗов в безэлектродном разряде УПГ [10–14]: кулоновское отталкивание электронов, являющихся фермионами, исключает такую возможность.

Библиографический список

1. Gunn J.B. // Progress in Semiconductors. – 1957. – V. 2. – P. 211.
2. Gunn J.B. // Sol.-St. Comm. – 1963. – V. 1. – № 4. – P. 88.
3. Gunn J.B. // IBM J.Res.Dev. – 1966. – V. 10. – № 4. – P. 300.
4. Gunn J.B. // J.Phys.Soc. Japan. – 1966. – Supplement. – P. 509.
5. Knight B.W., Peterson G.A. // Phys. Rev. – 1967. – V. 155. – № 2. – P. 393.
6. Bonch-Bruевич V.L., Zvjagin I.P., Mironov A.Ch. About electrical instability of domains in semiconductors. – Moscow: Nauka, 1972.
7. Gerasimov I.V., Mavlonov Sh. // Theses of III All-Union conferences on physics of the gas discharge. – Kiev, 1986. – P. 419.
8. Gerasimov A.I., Gerasimov I.V. // Theses of the 20th Symposium on Plasma Physics and Technology. – Prague, Czech Republic, 2002. – P. 89, 91.
9. Райзер Ю.П. Физика газового разряда. – М.: Наука, 1987.
10. Герасимов А.И., Герасимов И.В., Гущев К.С., Кукушкин С.А. // Материалы III Всероссийской научной конференции «Молекулярная физика неравновесных систем». – Иваново; Плес, 2001. – С. 20.
11. Герасимов А.И., Герасимов И.В. // Тезисы XXX конференции и УТС. – Звенигород; М., 2003. – С. 27.
12. Герасимов И.В. Патент РФ №2076381 «Поверхностный и объемный источник зарядов одного знака» (приоритет от 25.03.1991). БИ №9. 1997. – С. 1227.
13. Герасимов И.В. // Журн. техн. физики. – 1986. – Т. 56. – С. 1840; 1994. – Т. 65. – С. 30.
14. Герасимов И.В. // Физика плазмы. – 1988. – Т. 14. – С. 1214.

Т.А. Лобанова

ОСОБЕННОСТИ НАКОПЛЕНИЯ ТЯЖЕЛЫХ МЕТАЛЛОВ ПРОМЫСЛОВЫМИ ВИДАМИ РЫБ

Бассейн Горьковского водохранилища характеризуется интенсивной антропогенной нагрузкой на водные экосистемы, проявляющейся, прежде всего, в увеличении степени загрязнения природных вод, в том числе такими токсикантами, как тяжелые металлы.

Гидробионты, в особенности ихтиофауна, способны накапливать в органах и тканях тела загрязняющие вещества из окружающей их среды и могут служить в качестве биоиндикатора распространения токсических веществ в водоеме. Медь, кадмий, ртуть и другие металлы аккумулируются в тканях гидробионтов, изменяя функцию крови, сердца, оказывают повреждающее влияние на жабры, нарушают биохимические процессы. Под воздействием токсических веществ резко снижается естественный иммунитет и специфический иммуногенез, что может иметь важное значение в развитии многих инфекционных и инвазионных заболеваний.

Изучение микроэлементного состава рыб необходимо для обеспечения нормального функционирования гидробионтов на различных уровнях трофической цепи и экосистемы в целом. Микроэлементы и тяжелые металлы даже в незначительных концентрациях оказывают отрицательное действие на фито- и зоопланктон, аккумулируются в донных отложениях, воздействуя на бентосные организмы. Кумуляция вредных веществ тканями рыб создает угрозу влияния на организм человека через рыбные продукты, употребляемые в пищу.

Цель исследования заключается в изучении содержания и распределения тяжелых металлов (меди, цинка, хрома, свинца, кадмия, ртути, никеля) в органах и тканях промысловых видов рыб, выловленных в безледный период на семи стан-

циях Горьковского водохранилища. Для исследования были выбраны такие виды рыб, как плотва (*Rutilus rutilus* L), лещ (*Abramis brama* L), судак (*Stizostedion lucioperca* L) и щука (*Esox lucius* L). За ПДК исследуемых металлов взяты допустимые остаточные количества в рыбных продуктах.

Изучаемые виды рыб характеризуются их специфичностью в отношении накопления исследуемых элементов. Содержание тяжелых металлов в органах и тканях рыб различных экологических групп зависит от характера их питания, а также интенсивности обменных процессов. Плотва относится к планктонному мирному виду рыб, основу питания которой составляет фито-, зоопланктон и детрит. В то же время лещ обитает в основном у дна, это бентосоядная рыба, основу питания составляют олигохеты, личинки хоронемид и детрит. А судак и щука стоят на вершине трофической цепи как типичные хищные виды.

Количество отловленных и исследованных особей составило: 247 особей леща, 285 – плотвы, 162 – судака и 136 щук.

Неравномерность накопления тяжелых металлов различными по трофическим уровням видами рыб приводится в таблице 1.

Таким образом, в организме рыб Горьковского водохранилища наблюдается повышенное содержание меди (до 17,96 мг/кг), цинка (до 58,80 мг/кг) и кадмия (до 0,28 мг/кг), что является следствием накопления тяжелых металлов в экосистеме в течение длительного периода.

Сравнительный анализ содержания металлов в мирных и хищных рыбах позволил установить, что медь и хром в большей степени накапливаются в мирных рыбах (лещ, плотва), а свинец, кадмий и цинк – в хищных. Достоверных отличий по содержанию остальных изучаемых металлов в ор-

Таблица 1

Содержание тяжелых металлов различными видами рыб (мг/кг)

Вид рыб	Cu	Zn	Ni	Cr	Cd	Pb	Hg
Плотва	17,96	58,80	н/о	0,001	0,28	0,82	н/о
Лещ	17,15	61,45	н/о	0,004	0,34	0,93	0,001
Судак	14,65	63,45	н/о	н/о	0,34	1,01	0,001
Щука	14,61	63,93	н/о	н/о	0,33	0,91	0,001
ПДК	10,0	40,0	20,0	0,2	0,2	1,0	0,3–0,6

Таблица 2

Содержание меди в рыбах, мг/кг сырой массы (ПДК-10 мг/кг)

Вид рыб	Содержание в органах и тканях					
	жабры	мышцы	печень	почки	гонады	костная ткань
Плотва	25,4	10,8	27,3	21,2	13,3	9,8
Лещ	21,6	11,6	25,5	19,8	14,1	10,3
Судак	18,6	9,9	21,4	15,4	12,6	10,0
Щука	19,1	10,0	22,5	14,8	12,1	9,2

Таблица 3

Содержание цинка в рыбах, мг/кг сырой массы (ПДК-40 мг/кг)

Вид рыб	Содержание в органах и тканях					
	жабры	мышцы	печень	почки	гонады	костная ткань
Плотва	85,2	34,5	91,1	49,2	62,8	30,2
Лещ	87,5	38,4	94,1	50,2	66,7	31,8
Судак	90,7	40,2	95,5	52,1	70,0	32,2
Щука	90,5	42,1	96,2	51,8	68,5	34,5

Таблица 4

Содержание кадмия в рыбах, мг/кг сырой массы (ПДК-0,2 мг/кг)

Вид рыб	Содержание в органах и тканях					
	жабры	мышцы	печень	почки	гонады	костная ткань
Плотва	0,35	0,18	0,30	0,34	0,29	0,22
Лещ	0,40	0,21	0,42	0,42	0,36	0,25
Судак	0,42	0,25	0,41	0,40	0,32	0,25
Щука	0,40	0,27	0,38	0,39	0,30	0,27

ганизме обозначенных групп рыб не выявлено. Хищные виды (щука, судак) имеют более развитый локомоторный аппарат и их латентный период двигательной реакции меньше, значит и устойчивость к токсикантам меньше. Бентосоядные рыбы также характеризуются аккумуляцией тяжелых металлов вследствие суммарного эффекта их накопления из воды, донных отложений и поедаемого ими корма. Максимальное содержание токсикантов у растительноядных рыб совпадает по времени с интенсивным развитием фитопланктона. Выявлено, что из исследуемых видов рыб самые высокие концентрации металлов накапливает в своем организме лещ, особенно цинк (61,45 мг/кг), хром (0,004 мг/кг) и свинец (0,93 мг/кг). Это объясняется придонным образом жизни данного вида. Исключением является медь, которая в большей степени накапливается плотвой (17,96 мг/кг).

Попадая в организм, металлы-токсиканты чаще всего не подвергаются каким-либо существенным превращениям, как это происходит с органическими токсикантами, а, включившись в биохимический цикл, они крайне медленно покидают его. Следует отметить, что прочность химических связей белков и других биологически

важных компонентов крови с ионами любого металла достаточна для того, чтобы значительную часть времени своего пребывания в организме металл находился в виде комплекса с белками, аминокислотами и другими биологически активными соединениями. Поэтому при попадании в организм избытка металлов последние могут вызвать нарушение его функций, отравление или гибель. Степень такого воздействия зависит не только от концентрации, превышающей некоторый уровень, но и от природы металла, прежде всего его комплексообразующей способности. Так, если комплексообразующая способность металла-токсиканта достаточно велика, то он может вытеснить биогенный металл-катализатор из активного центра в результате конкурентного взаимодействия или же связать с собой подавляющую часть биологически активных соединений, используемых для синтеза того или иного жизненно важного фермента. Депонирование металлов в виде плохо растворимых соединений, прочных альбуминатов, создает предпосылки для длительной задержки их в организме.

Значительный интерес представляет изучение степени аккумуляции тяжелых металлов отдель-

ными органами и тканями рыб. Имеющиеся в литературе данные по этому вопросу являются разноречивыми. Нами были получены следующие результаты (табл. 2, 3, 4).

Превышение ПДК составляет для Cu в 2 раза, для Zn-1,5, для Cd-в 1,6 раза.

Таким образом, анализ содержания элементов в органах и тканях (жабры, печень, почки, мышцы, гонады, костная ткань и внутренний жир) исследуемых видов рыб позволил выявить следующие закономерности. Так, металлы, как правило, накапливаются во всех тканях организма, но их распределение по большей части неравномерно, а в ряде случаев избирательно. Для печени свойственно накопление меди (22,5–27,3 мг/кг) и цинка (91,1–96,2 мг/кг) в более высоких концентрациях по сравнению с другими органами, что подтверждает важную обменно-депонирующую функцию этого органа. В жабрах рыб обнаружен повышенный уровень свинца (0,93–1,04 мг/кг) и кадмия (0,35–0,42 мг/кг). Жаберный эпителий по сравнению с другими покровами рыб имеет значительно большую поверхность и активно взаимодействует с внешней средой, поэтому жабры фактически лишены защиты от действия различных веществ, присутствующих в воде, в том числе и металлов.

Выявлено высокое содержание исследованных металлов в почках, так как этот орган богат ретикуло-эндотелиальными клетками. Незначительные количества изучаемых элементов наблюдаются, как правило, в мышечной ткани (за исключением Hg). Однако, учитывая, что мышцы составляют большой процент от массы тела, их, как и печень, следует отнести к депонирующим органам.

Гонады являются ежегодно обновляемыми органами, поэтому здесь невозможно проследить кумуляцию токсических элементов за определенный период времени. Характерно, что цинк и кадмий активнее всего ассимилируются гонадами в преднерестовый период, в то время как содержание тяжелых металлов во всех органах и тканях значительно уменьшается. В посленерестовый период в организме наблюдается перераспределение микроэлементов.

При исследовании внутреннего жира данные металлы были обнаружены в незначительных количествах, но тем не менее жировая ткань также является аккумулятором изучаемых тяжелых металлов.

Отмечено высокое содержание металлов в костной ткани рыб, что является результатом на-

копления их с возрастом. Особенно это характерно для свинца.

Установлено, что наиболее активное участие в обмене и депонировании тяжелых металлов принимают печень, почки, жаберные лепестки, гонады и мышцы.

Так, среди определяемых металлов превышение ПДК наблюдалось для меди и цинка повсеместно, для кадмия в отдельных образцах органов и тканей исследуемых видов рыб. Никель, ртуть, хром и свинец обнаружены в незначительных количествах.

Таким образом, в организме рыб, в первую очередь, интенсивно аккумулируются элементы, принимающие активное участие в протекании физиологических процессов. Однако, в случае антропогенного загрязнения водной среды содержание токсических элементов (Cd, Pb, Cr, Hg, Ni) в организме рыб повышается до уровня, сопоставимого иногда с концентрациями биофильных металлов (Cu, Zn).

Если рассматривать зависимость концентраций токсикантов с возрастом, то обнаруживается, что самые высокие концентрации тяжелых металлов характерны для осевого скелета (особенно это касается свинца), значительно меньшие – во внутренних органах, наименьшее количество их чаще содержится в единице массы мышечной ткани. Вместе с тем, основное количество микроэлементов по абсолютной величине приходится на мышечные ткани, создавая опасность отрицательного влияния при употреблении в пищу рыбной продукции.

На исследуемом участке водохранилища также проведена биологическая оценка состояния рыб на наличие патологии, гематологическим и морфологическим показателям крови в качестве индикаторов воздействия на них исследуемых тяжелых металлов в различных биотопах водотока. Так, у рыб, обитающих в условиях повышенной концентрации металлов, развиваются определенные морфологические изменения в органах и тканях. На начальной стадии преобладают расстройства кровообращения, дистрофические изменения клеток печени, почек, жаберных лепестков, сердца, желудочно-кишечного тракта и мышц туловища. Под действием дополнительных факторов, таких как заболевания, изменение температурного режима и концентрации растворенного кислорода, у рыб происходит нарушение различных функций органов. Так, при повы-

Таблица 5

Наличие тяжелых металлов в средних пробах исследуемых рыб различных биотопов

Места отлова рыбы	Исследуемые элементы, мг/кг						
	Cu	Zn	Ni	Cr	Cd	Pb	Hg
Слободка	18,1	64,9	0,001	0,004	0,48	0,91	0,001
Тихий уголок	17,2	58,1	н/о	н/о	0,32	0,73	н/о
Лагерная	10,2	45,3	н/о	н/о	0,18	0,47	н/о
Кузнецово	17,8	55,1	0,002	0,006	0,35	0,85	0,001
Соколово	9,7	39,1	н/о	н/о	0,11	н/о	н/о
Николо-Мера	10,5	40,5	0,001	0,002	0,21	0,79	0,001
Хмельничное	8,8	35,6	н/о	н/о	0,03	0,02	н/о
ПДК	10,0	40,0	20,0	0,2	0,2	1,0	0,3-0,6

шенных концентрациях меди наблюдается некроз клеток жабр, почек и печени, нарушение ферментативных процессов. Кадмий вызывает анемию гипохромного характера, а при влиянии цинка развивается асфиксия. Реакция крови рыб на эти токсиканты в основном напоминает ответ на температурные и газовые воздействия, причем изменения гематологических показателей оказались одинаковы, несмотря на различную химическую природу исследуемых металлов. Токсичность тяжелых металлов обусловлена также их совместным действием. Установлен синергизм кадмия и меди, суммарное действие кадмия и меди, поэтому выделить токсическое действие определенного элемента на организм рыб, обитающих в водоемах, затруднительно.

Нами были проанализированы концентрации тяжелых металлов в организме рыб по участкам их отлова. Результаты представлены в таблице 5.

Пристань Слободка расположена по течению ниже г. Костромы. Содержание тяжелых металлов в рыбе здесь повышено (Cu – 18,1 мг/кг, Zn – 64,9 мг/кг, Cd – 0,48 мг/кг), что является след-

ствием отрицательного влияния промышленного центра и стоков очистных сооружений на данный участок Горьковского водохранилища. Высокие концентрации токсикантов обнаружены также по течению реки ниже городов Красное-на-Волге, Кинешма, Заволжск (д. Кузнецово, п. Николо-Мера). Город Кострома и Красное-на-Волге являются крупными центрами ювелирного производства, в котором широко используются такие металлы, как Cu, Zn, Ni, Cd, Pb. К устью р. Унжа (п. Хмельничное) наблюдается снижение содержания исследуемых в промысловой рыбе металлов (Cu – 8,8 мг/кг, Zn – 35,6 мг/кг, Cd – 0,03 мг/кг) вследствие впадения в этот участок наименее загрязненных левобережных притоков водохранилища.

Повышенный уровень накопления указанных выше элементов в организме рыб обусловлен избыточным поступлением последних в водоем как с промышленными стоками, так и со всей водосборной площади, что свидетельствует о загрязнении исследуемого участка Горьковского водохранилища тяжелыми металлами.

О.И. Козловская

СТРУКТУРА РАСТИТЕЛЬНОГО ПОКРОВА КРУПНОГО ВОДОХРАНИЛИЩА В УСЛОВИЯХ АНТРОПОГЕННОЙ НАГРУЗКИ

Описан механизм поддерживающий устойчивость структуры растительного покрова Шекснинского водохранилища в условиях длительной антропогенной нагрузки. Таким механизмом является компенсаторное взаимозамещение структурных компонентов. Динамичность структуры растительного покрова достигается за счет разных диапазонов приспособленности ее компонентов.

Преобразование окружающей среды человеком вследствие интенсивного развития экономики и освоения новых территорий приводит к изменениям в структуре естественных экосистем. Подобные перемены могут выражаться как в качественных, так и количественных структурно-функциональных перестройках. Строительство водохранилищ является крупным вмешательством в естественную среду и приводит к исчезновению устойчивых экосистем и возникновению новых, с нестабильной структурой, которые проходят длительный путь формирования, протекающий под влиянием сложного комплекса природных факторов. Кроме того, часто присущие таким водоемам, антропогенные нагрузки вызывают дополнительную дестабилизацию экосистем.

Изучению различных аспектов формирования и развития экосистем крупных водохранилищ посвящено много интересных исследований [4; 11; 15; 16]. В то же время вопросы структурно-функциональных перестроек растительного покрова в условиях антропогенного пресса изучены недостаточно. Флуктуации структурных показателей растительного покрова тесно взаимосвязана с изменением состояния экосистемы. В связи с чем изучение изменения структуры водной растительности имеют важное значение для выявления адаптационных механизмов водных экосистем.

Целью данной работы является исследование механизма поддержания устойчивости структуры растительного покрова в условиях длительного антропогенного воздействия.

Объект и методы исследования

Работа была выполнена в 1995–1996 г. в рамках комплексного исследования состояния экосистемы Шекснинского водохранилища, которое расположено на юго-западе Вологодской области. Водохранилище было образовано в 1964 г. в результате перекрытия плотиной русла р. Шек-

сны в 55 км выше г. Череповца. Общая протяженность водохранилища составляет 262 км, площадь зеркала – 1665 км². Согласно гидро-морфологическим особенностям водоема и структуре зарастания водохранилища можно разделить на 5 участков: Ковжинский (затопленное устье р. Ковжи), Белозерский (Белозерский), Верхнешекснинский (верхняя часть речного участка от Белого озера до Сизьменского разлива), Сизьменский (Сизьменский разлив) и Приплотинный (Приплотинный плес) [7].

Изучение растительности проводилось по общепринятой методике [3]. Индекс видового разнообразия рассчитывался по Шеннону, индекс эквитабельности – по Пиелу, индекс доминирования – по Симпсону.

Для анализа структуры растительного покрова использовали индексы экологических групп растений: ГдИ – индекс гидрофитов, ГпИ – индекс погруженных гидрофитов, ГплИ – индекс гидрофитов с плавающими листьями, ГелИ – индекс гелофитов, ГигИ – индекс гигрофитов. Индекс экологической группы представляет собой процент суммарного проективного покрытия растений исследуемой группы от суммарного проективного покрытия растений всех групп, например: Гидрофитный индекс (ГдИ) = $\frac{\text{Пгд}}{\text{По}} \times 100$, где Пгд – суммарное проективное покрытие гидрофитов; По – суммарное проективное покрытие растений всех экогрупп.

Результаты исследований и их обсуждение

Формирование растительного покрова водохранилищ протекает под влиянием комплекса действующих в совокупности природных факторов, ведущими из которых являются уровеньный режим, рельеф береговой линии и морфологические особенности дна, трофические условия, грунтовые воды, характер исходных биотопов и грунтов [1; 2; 8].

В последние десятилетия сильно возросла роль антропогенных факторов в формировании растительного покрова [5; 9; 10]. Искусственное ре-

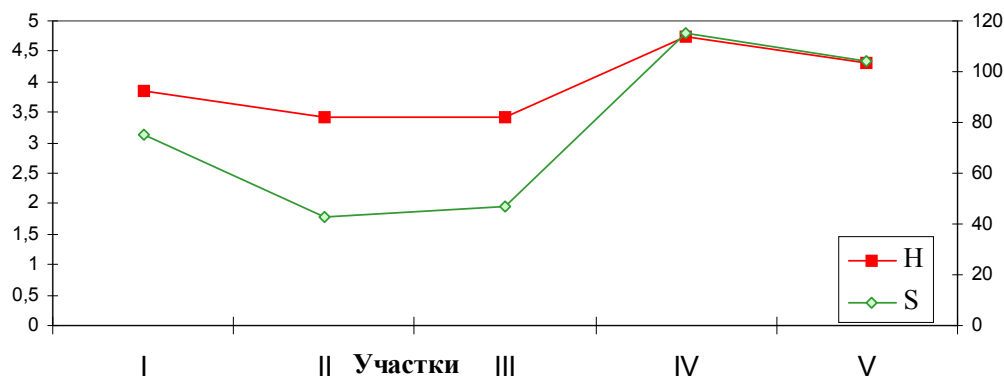

Рис. 1. Видовое богатство и видовое разнообразие высшей водной растительности.

H – видовое разнообразие по Шеннону; S – видовое богатство.

Участки Шекснинского водохранилища: I – Ковжинский участок, II – Белозерский участок, III – Верхнешекснинский участок, IV – Сизьменский участок, V – Приплотинный участок.

гулирование уровня приводит к нарушению естественных циклов развития растений. Проведение дноуглубительных работ, добыча песка, гальки непосредственно влияют на развитие растительного покрова. Загрязнение воды химическими веществами влияет на развитие растительности как непосредственно, так и опосредованно, изменяя естественный круговорот веществ.

Природные условия, сложившиеся на Шекснинском водохранилище, в целом благоприятствуют развитию водной растительности. Постоянный уровень, медленная скорость течения вместе с сильной изрезанностью береговой линии способствует развитию обильной растительности на большей части водохранилища. Наличие заливов и отшнурованных мелководий приводит к их интенсивному заболачиванию, накоплению органики в грунтах, а на ряде участков – образованию

сплавин. Несколько иная картина на Белом озере, где в следствии его небольшой глубины, постоянных ветров над акваторией, прохождения большегрузных судов, перемешивающих гребными винтами водную толщу почти до дна наблюдается постоянное интенсивное волнение и происходит размыв берегов. Описанные выше явления и слабая изрезанность береговой линии Белого озера ухудшают условия развития макрофитов.

В целом по водоему, как видовое богатство, так и видовое разнообразие высшей водной растительности имеют высокие показатели (рис. 1). Видовое богатство превышает таковое большинства верхневолжских водохранилищ. Формирование обилия растительного покрова Шекснинского водохранилища, идет за счет двух группировок: гелофильной (ГелИ=47) и гидрофильной (ГдИ=43), роль гидрофильной группировки незна-

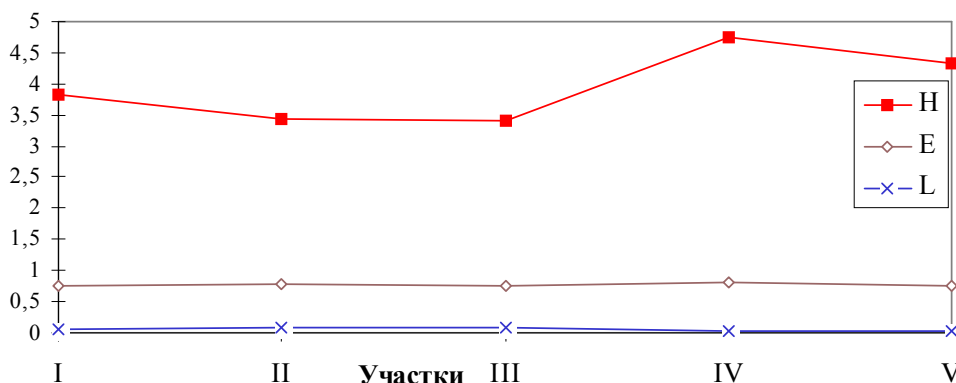

Рис. 2. Флуктуация показателей видового разнообразия, доминирования и эквитабельности растительного покрова.

H – видовое разнообразие по Шеннону, E – индекс эквитабельности Пиелу, L(λ) – индекс доминирования Симпсона. Название участков см. рис. 1.

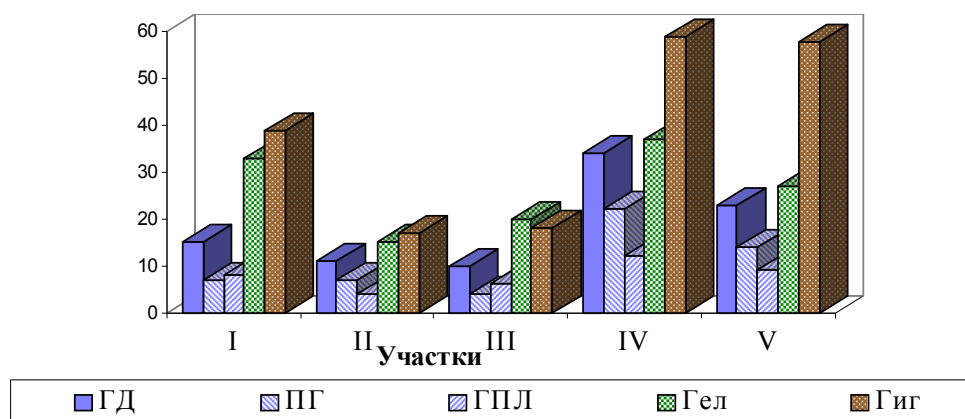

Рис. 3. Видовое богатство различных экологических групп растений.

ГД – гидрофиты, ПГ – погруженные гидрофиты, ГПЛ – гидрофиты с плавающими листьями, Гел – гелофиты, Гиг – гигрофиты. Название участков см. рис. 1.

чительна (ГигИ=10). Высокие и практически равные индексы гелофильной и гидрофильной групп свидетельствуют об интенсивном заселении мелководий и прибрежий водоема макрофитами. Но при рассмотрении вариабельности структурных показателей по участкам водохранилища видно, что растительный покров на данном водоеме развит слабее ожидаемого и обладает крайней неоднородностью.

Видовое богатство макрофитов сильно отличается по участкам водохранилища: наибольшее количество видов отмечено на Сизьменском и Приплотинном участках, несколько меньшее – на Ковжинском и минимальные значения – на Верхнешекснинском и Белозерском (рис. 1). Видовое разнообразие характеризуется сходной вариабельностью. Показатели выровненности структуры растительного покрова по всему водоему остаются высокими, а доминирования – низкими (рис. 2).

Анализ динамики показателей экологической структуры целесообразно начать с индексов гидрофитной группы, рассмотрение которых представляет особый интерес в связи с тем, что гидрофиты отличаются повышенной, по сравнению с растениями других экогрупп, чувствительностью к изменениям условий среды [6]. Видовое богатство гидрофитов имеет наименьшие значения на Верхнешекснинском и Белозерском участках, в 1,5 раза повышаясь на Ковжинском, в 2 раза – на Приплотинном и в 3 раза – на Сизьменском (рис. 3). Видовое разнообразие гидрофитов также достигает наименьших значений на Белозерском и Верхнешекснинском участках (рис. 4). В то же время ГдИ, характеризующий долю, вносимую гидрофитами в формирование растительного покрова, везде, кроме Верхнешекснинского участка, высокий (рис. 5). У всех рассмотренных структурных показателей гидрофитной группы

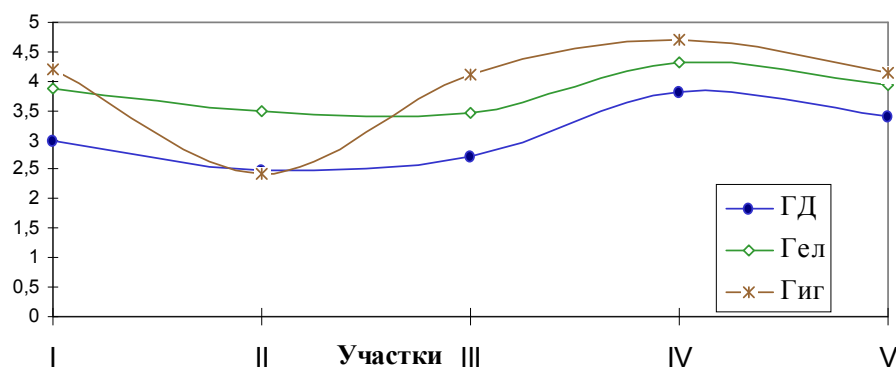

Рис. 4. Видовое разнообразие (ВР) различных экологических групп растений.

ГД – ВР гидрофитной группы, Гел – ВР гелофитной группы, Гиг – ВР гигрофитной группы. Название участков см. рис. 1.

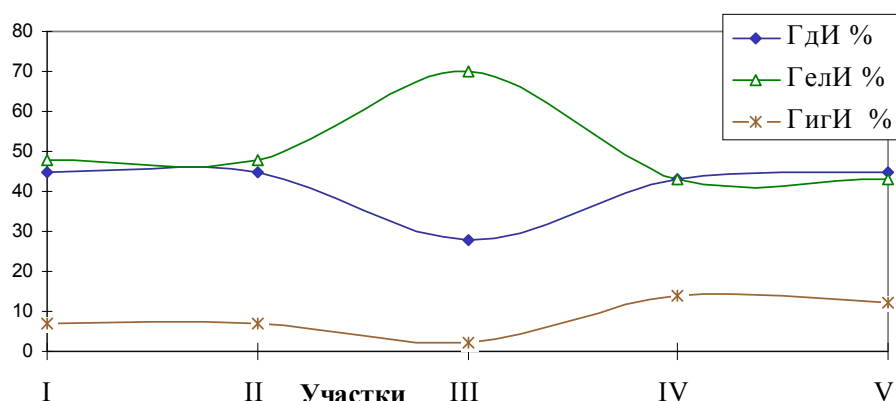

Рис. 5. Вариабельность индексов основных экологических групп растений. ГДИ – гидрофитный индекс, ГелИ – гелофитный индекс, ГигИ – гигрофитный индекс. Название участков см. рис. 1.

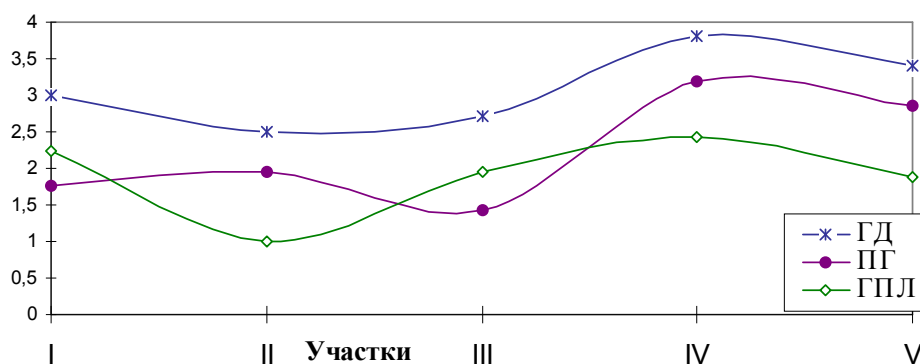

Рис. 6. Видовое разнообразие (ВР) гидрофитов с плавающими листьями и погруженных. ГД – ВР гидрофитов, ПГ – ВР погруженных гидрофитов, ГПЛ – ВР гидрофитов с плавающими листьями. Название участков см. рис. 1.

прослеживается общая тенденция – это понижение на Верхнешекснинском участке, а в отношении видового разнообразия и богатства – еще и на Белозерском.

Группу гидрофитов составляют две подгруппы – погруженных растений и растений с плавающими листьями. Вариабельность структурных показателей вышеназванных подгрупп несколько отличается и потому заслуживает отдельного рассмотрения. У погруженных гидрофитов флуктуации показателей видового богатства, видового разнообразия и экологического индекса сходны: наиболее высокие значения они имеют на Сизьменском и Приплотинном участке, а минимальные – на Верхнешекснинском (рис. 6). Высокий индекс погруженных гидрофитов (ГПИ) на преобладающей территории водоема, кроме Верхнешекснинского участка (где он понижается в 2 раза свидетельствует о высокой роли погру-

женных гидрофитов в сложении растительного покрова водоема, за исключением Верхнешекснинского участка (рис. 7).

У структурных показателей гидрофитов с плавающими листьями вариабельность несколько иная. Видовое разнообразие и видовое богатство их сильно понижаются на Белозерском участке и повышаются на Верхнешекснинском участке, превышая таковые у погруженных гидрофитов (рис. 6). В то же время индекс гидрофитов с плавающими листьями (Гпли) практически сходен с ГПИ на Белозерском, Ковжинском и Сизьменском участках, превышает его на Верхнешекснинском и значительно ниже – на Приплотинном (рис. 7). Сравнительный анализ динамики Гпли и ГПИ свидетельствует о взаимокompенсирующем участии погруженных гидрофитов и гидрофитов с плавающими листьями в формировании растительного покрова. Так, на Верхнешекснин-

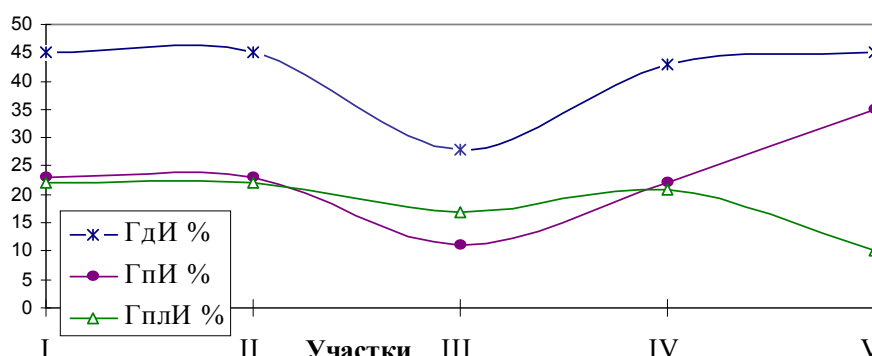

Рис. 7. Вариабельность индексов гидрофитов погруженных и с плавающими листьями.

ГДИ – гидрофитный индекс, ГПИ – индекс плавающих гидрофитов, ГПИИ – индекс гидрофитов с плавающими листьями. Название участков см. рис. 1.

ском участке уменьшение доли вносимой в формирование растительного покрова погруженными гидрофитами компенсируется более интенсивным участием гидрофитов с плавающими листьями, а на Приплотинном участке наоборот.

При рассмотрении структурных показателей гелофильной группы видно, что, как видовое богатство, так и видовое разнообразие, имеют наименьшие значения на Белозерском участке и Верхнешекснинском участках (рис. 5). В то же время гелофитный индекс ведет себя иначе и повышается на вышеуказанных участках, наиболее значительно – на Верхнешекснинском, что свидетельствует о повышении роли гелофитов в формировании растительного покрова, несмотря на небогатый видовой состав (рис. 4). При рассмотрении вариабельности структурных показателей внутри гелофильной группировки хорошо видно, что основную роль в формировании общей тенденции «поведения» гелофитов играет собственно гелофильная, а не гиригелофильная фракция: повышение роли гелофитной группы в зарастании Верхнешекснинского участка происходит за счет собственно гелофитов, а не гиригелофитов.

Описанное выше уменьшение роли гидрофитов на Белозерском и Верхнешекснинском участках вызвало повышение роли гелофитов. Изменение условий существования приводит к выпадению видов с более низкими пределами устойчивости, а обладающей большей толерантностью к изменению условий занимают освободившиеся экологические ниши. Наблюдаемое явление носит компенсаторный характер.

Динамика видового богатства гидрофитов сходна с таковой предыдущих групп (рис. 3). Видовое разнообразие гидрофитов в целом по водоему достаточно высокое, только в 2 раза понижается на Белозерском участке (рис. 4), а гидрофитный индекс в целом по водоему невысокий.

Вариабельность показателей флористического богатства и видового разнообразия, а также анализ структурных компонент растительного покрова показывают, что на Шекснинском водохранилище выделяется два участка: Белозерский и Верхнешекснинский, где наблюдается угнетение развития высшей водной растительности, которое необъяснимо влиянием только естественных факторов.

Таблица 1

Зависимость видового состава высшей водной растительности Шекснинского водохранилища от различных экологических факторов

Факторы	r (X, Y)	t	p
Грунт	0,6855	3,7665	0,0017
Cu в воде	-0,6327	3,2683	0,0048
Mn в донных отложениях (валовый)	-0,5911	2,9316	0,0098
Нефтепродукты (смолистые компоненты)	-0,5598	2,7022	0,0157
Pb в воде	-0,5139	2,3963	0,02913
Mn в воде	-0,4989	2,3030	0,0350
Cu в донных отложениях (валовый)	0,4782	2,1778	0,0447

Примечание: r – коэффициент корреляции, t – критерий Стьюдента, p – уровень значимости.

Таблица 2

**Влияние различных природных и антропогенных факторов
на высшую водную растительность Шекснинского водохранилища**

Факторы	SS эффект	df эффект	F	p
Тип грунта	4568,8	4	8,7804	0,0012
Cd в воде	2797,0	2	6,0151	0,0121
Cu в воде	3787,1	4	4,9280	0,0122
Нефтепродукты (углеводороды)	3493,2	4	4,0672	0,0236
Mn в донных отложениях (валовый)	3328,1	4	3,6586	0,0330
Прозрачность воды	3326,4	4	3,6547	0,0331
Pb в воде	2672,3	3	3,4524	0,0458
Мутность воды	3957,3	6	3,1176	0,0489

Примечание: SS – суммарный эффект, df – число степеней свободы, F – критерий Фишера, p – уровень значимости.

Результаты анализа структурных показателей согласуются с данными по зарастанию водоема: наиболее сильно зарастают Ковжинский и Сизьменский участки (степень зарастания мелководий 15,4% и 11,5%, соответственно), а также Приплотинный плес (14,3%). Слабо зарастают Верхнешекснинский участок (10,3%) и Белое озеро (8,3%).

Участки с угнетенным растительным покровом совпадают с участками повышенного содержания тяжелых металлов и нефтепродуктов. Гидрохимический анализ воды показал, что для Верхнешекснинского участка и верхней части Сизьменского разлива характерно высокое содержание в донных отложениях и в воде Fe и Mn, с преобладанием в донных отложениях существенной доли их подвижных форм; а также повышенное содержание в воде Cu, Cd и Pb. На Белом озере отмечено повышенное содержание свинца и нефтепродуктов. Ориентируясь на существующие нормативы (ПДК рыбохозяйственные и ПДК санитарно-гигиенические) уровень содержания в воде железа, марганца и меди на Верхнешекснинском участке водоема экологически небезопасный. Превышение по Fe рыбохозяйственных ПДК до 7 раз, по марганцу до 5 раз, по меди временами до 150 раз. Белое озеро и нижняя часть Верхнешекснинского участка выделяются на общем фоне нефтяного загрязнения как сильно загрязненные участки водохранилища, суммарное содержание нефтепродуктов в донных отложениях составляет достигает здесь от 1,89 до 3,07 мг/г. Металлы поступают в водоем из шлаков металлургического производства, складываемых по берегам в течение 10 лет, а нефтепродукты – в результате сброса подсланневых вод.

Проведенный нами корреляционный анализ показал наличие зависимости между видовым

богатством и содержанием в воде Pb, Cu, Mn и нефтепродуктов, и Cu, Mn в донных отложениях (табл. 1). Согласно дисперсионному анализу из рассмотренных 38 факторов достоверное влияние на развитие растительности оказывают содержание всех тяжелых металлов в воде и Mn в донных отложениях, а также тип грунта, прозрачность, мутность воды и нефтепродукты (табл. 2). Факт негативного влияния тяжелых металлов и нефтепродуктов на развитие растительного покрова уже освещался в литературе [12; 13; 14; 15; 16].

Таким образом, в процессе адаптации растительного покрова к существованию в изменившихся условиях возникают новые приспособления, которые выражаются в динамичности структуры. В данном случае адаптационные приспособления водной растительности заключаются во взаимозамещении структурных компонентов. Данный механизм помогает сохранить устойчивость структуры растительного покрова в новых условиях.

Гибкость структуры растительного покрова достигается за счет того, что его компоненты – растения различных экологических группы адаптированы к существованию в отличающихся условиях. Они отличаются степенью толерантности к изменениям условий существования и действию загрязнения. Как правило, чем сильнее условия существования растений отличаются от новых, в которых они оказываются, тем дольше и сложнее происходит адаптация. Гелофиты лучше переносят изменения условий, т.к. физиологически и морфологически приспособлены к более широкому спектру условий существования. Гидрофиты менее устойчивы к перемене экологической ситуации и быстрее реагируют на ее изменение. Если резкое изменение условий существования растений, например, негативное

влияние загрязнения, приводит к уменьшению роли одного из структурных компонентов, то происходит адаптивная компенсация и освободившуюся нишу занимают представители другой структурной группы.

Библиографический список

1. Белявская А.П., Кутова Т.Н. Растительность зоны временного затопления Рыбинского водохранилища // Тр. ИБВВ АН СССР. – М.; Л., 1966. – Вып. 11. – С. 162–189.
2. Долгов Г.И. Морфология водохранилища как фактор зарастания макрофитами и цветения воды // Сб. памяти акад. С.А. Зернова. – Изд. АН СССР. – М.; Л.: 1948. – С. 41–49.
3. Катанская В.М. Высшая водная растительность континентальных водоемов СССР. Методы изучения. – Л.: Наука, 1981. – 187 с.
4. Корелякова И.Л. Высшая водная растительность Днестра и днестровских водохранилищ // Растительность и бактериальное население Днестра и его водохранилищ. – Киев: Наукова думка, 1989. – С. 5–48.
5. Лукина Л.Ф., Смирнова Н.Н. Физиология высших водных растений. – Киев: Наукова думка, 1988. – 186 с.
6. Мязметс А.А. Изменения высшей водной растительности // Антропогенное воздействие на малые озера. – Л.: Наука, 1980. – С. 77–85.
7. Папченко В.Г., Козловская О.И. Флора и растительность Шекснинского водохранилища // Бот. журн. – 1998. – Т. 83. – №11. – С. 13–23.
8. Потапов А.А. Зарастание водохранилищ при различном режиме уровней // Бот. журн. – 1959. – №9. – С. 38–56.
9. Свириденко Б.Ф., Заринов Р.Г. Содержание химических элементов в макрофитах сточных вод // Водная растительность внутренних водоемов и качество их вод. Материалы III конфер., Петрозаводск, сентябрь, 1992. – Петрозаводск, 1993. – С. 56–57.
10. Семин В.А., Фрейндлинг А.В. Макрофиты и их место в системе экологического мониторинга // Научные основы биомониторинга пресноводных экосистем. Труды Советско-Французского симпозиума. – Л., 1988. – С. 95–104.
11. Экзерцев В.А., Лисицина Л.И. Изучение растительных ресурсов водохранилищ волжского каскада // Биологические ресурсы водохранилищ. – М.: Наука, 1984. – С. 89–99.
12. Crowder A. Acidification, metals and macrophytes // Environmental Pollution. – 1991. – №71. – P. 171–203.
13. Kovacs M. & Podani J. Bioindicators: A short review on the use of plants as indicators of heavy metals // Acta Biologica Hungarica. – 1986. – №37. – P. 19–29.
14. Mortimer D.C. Freshwater aquatic macrophytes as heavy metals monitors – The Ottawa River experience // Environmental Monitoring and Assessment. – 1985. – №5. – P. 311–323.
15. Ray S., White W. Selected aquatic plants as indicator species for heavy metal pollution // J. Environ. Sci. Health. – 1976. – A11(12). – P. 717–725.
16. Vogl R.J. The ecological factors that produce perturbation dependent ecosystems // The Recovery Process in Damaged Ecosystems. J. Cairns, Jr., ed. Ann Arbor, Mich., Ann Arbor Science. – 1980. – P. 63–69.

Л.В. Мурадова

ВЛИЯНИЕ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ХОЗЯЙСТВЕННО-ПОЛЕЗНЫЕ ПРИЗНАКИ КОРОВ КОСТРОМСКОЙ ПОРОДЫ

В статье приводятся результаты исследования хозяйственно-полезных признаков у коров костромской породы в зависимости от влияния на них генетических факторов: кровность, принадлежность к линии, семейству. Предложен новый метод оценки адаптивного потенциала.

В условиях современной технологии производства молока все большее внимание уделяется таким хозяйственно-полезным признакам как: пожизненная продуктивность, продолжительность хозяйственного использования, резистентность к заболеваниям, хорошие воспроизводительные качества животных. Все эти признаки можно объединить в более широкое понятие – адаптивный потенциал, т.е. способность реализовать и сохранить высокий уровень генетического потенциала в конкретных условиях среды. Адаптивный потенциал имеет существенную наследственную компоненту, о которой свидетельствуют различия по линиям, семействам, генотипам. Это дает основание рассчитывать на повышение эффективности селекции по адаптивному потенциалу при своевременной оценке животных по этому показателю.

Целью нашей работы было сравнить показатели адаптивного потенциала у коров разных генотипов, относящихся к разным линиям, семействам, выявить наиболее адаптированных животных к современным условиям среды, дать рекомендации по их использованию.

Исследования проводились на животных ведущего стада костромской породы крупного ро-

гатого скота племзаводе «Караваево», выбывших из хозяйства в 2004–2006 годах. В обработку вошли коровы, имеющие 1 и более законченные лактации. Расчет основных показателей проводился по общепринятым зоотехническим методикам с использованием современных компьютерных программ. Коэффициент адаптивного потенциала рассчитывался по формуле [1]:

$$\text{КАП} = Y \times \text{ПХИ} \times \text{ПК},$$

где Y – средний удой на один день лактации, кг; ПХИ – продолжительность хозяйственного использования, отелов; ПК – поправочный коэффициент, который рассчитывался с учетом окупаемости затрат на содержание коровы путем получения от нее продукции (молоко и приплод).

На разных этапах создания и совершенствования костромской породы крупного рогатого скота широко использовались и используются как чистопородные швицкие быки, так и их потомки с различной кровностью. Для изучения влияния генотипа на хозяйственно-полезные признаки мы условно разделили животных на 5 групп в зависимости от их доли кровности по швицкой породе (табл. 1).

Проведенный анализ показывает, что более интенсивный рост и развитие имеют коровы

Таблица 1

Влияние кровности по швицкой породе на адаптивный потенциал коров

Показатели продуктивности	Доли кровности по швицкой породе, %				
	0	до 50	50	51–75	свыше 75
Количество, %	5,0	20,9	5,2	55,0	13,8
КАП	36,5	33,1	38,8	35,7	21,1
Возраст 1-го осеменения	21,7	21,2	21,7	21,3	20,9
Живая масса при 1-м осем.	432,0	432,6	430,1	430,0	444,7
Удой за 1-ю лактацию, кг	5330,9	5749,1	5830,0	5848,9	6194,0
Ср удой за ряд лактаций, кг	5796,0	6214,9	6362,6	6335,3	6268,7
Удой за наивысшую лакт., кг	6382,5	6759,6	7118,0	6948,6	6585,7
Пожизненный удой, кг	19376,8	18753,1	21706,7	20663,0	14969,2
Пожизненный жир, кг	704,5	666,2	793,0	733,2	514,4
Прод-ть хозяйственного использования, лактаций	2,83	2,54	2,8	2,69	1,94
Удой на 1 дойный день, кг	19,8	20,4	20,9	20,6	20,5

Таблица 2

Эффективность раздоя коров разных генотипов

Генотип кровность по швицкой породе, %	Кол-во, гол.	В % к 1 лактации			
		2 лактация		3 лактация	
		удой	жир	удой	жир
0	24	109,1	+1,2	126,2	-2,2
До 50	100	111,6	+1,2	120,8	-0,7
50	25	115,7	-0,2	118,4	+0,5
51–75	263	111,4	+1,0	118,6	+0,7
Свыше 75	66	102,4	+0,7	108,4	+1,7

с кровностью по швицкой породе более 75%. Они быстрее растут, созревают, набирают необходимую для осеменения живую массу, раньше осеменяются и имеют высокую продуктивность за первую лактацию. Однако, в плане эффективности использования животных, лучшие показатели имеют коровы с кровностью 50%. У них выше средний удой за ряд лактаций, пожизненный удой, продолжительность хозяйственного использования и коэффициент адаптивного потенциала. Необходимо отметить, что чистопородные костромские коровы без кровности по швицкой породе имели самый продолжительный срок хозяйственного использования и достаточно высокий коэффициент адаптивного потенциала при невысоких показателях молочной продуктивности.

Коровы с разной кровностью по швицкой породе проявили неодинаковую способность к раздоя (табл. 2).

На 26,2% увеличились удои к 3 лактации у чистопородных костромских коров, но количество жира к 3 лактации в этой группе снизилось на 2,2%. На 1,7% увеличилось содержание жира в молоке к 3 лактации у коров с кровностью по швицкой породе более 75%, однако повышение удоев у них было незначительным и составило

к 3 лактации 8,4%. В целом наши данные отражают общую закономерность о снижении содержания жира в молоке при повышении удоев.

Согласно плану племенной работы по совершенствованию костромской породы крупного рогатого скота доминирующей остается система разведения по линиям, с поэтапным переходом на интенсивное использование лучших быков-производителей. Степень влияния конкретного производителя на продуктивные и воспроизводительные качества коровы значительно выше, чем влияние улучшающей породы в целом. В связи с этим мы сравнили адаптивный потенциал коров, принадлежащих разным линиям или родственным группам (табл. 3).

В результате наших исследований было установлено, что 60% коров принадлежат родственным группам Мастера и меридиана, хотя их адаптивный потенциал не самый высокий по стаду, о чем свидетельствуют данные таблицы 3. Высокий адаптивный потенциал имеют коровы, принадлежащие линии Орегона, но количество их в стаде составляет всего 2,1% (12 голов). Животные этой линии имеют хорошую молочную продуктивность, длительный срок хозяйственного использования, наивысший коэффициент адаптивного потенциала.

Таблица 3

Адаптивный потенциал коров разных линий

Линия, родственная группа	Показатели продуктивности				
	Ср.удой, кг	Уд. на 1 день жизни, кг	Пожизненный удой, кг	Прод-ть хоз. исп-ния, лакт.	КАП
Батлера	6475,8±228,4	10,0	24208,4±1627,8	3,3±0,37	47,4
Концентрата	6447,4±112,7	8,2	18836,3±1255,0	2,0±0,17	30,8
Курса	6003,7±179,5	6,7	14130,9±2028,9	1,6±0,29	21,0
Ладка	6052,2±123,1	8,0	21141,8±1476,7	2,6±0,22	40,3
Мастера	6319,8±69,6	7,6	18859,9±814,3	1,9±0,12	30,3
Меридиана	6276,3±70,4	8,0	20200,1±841,8	2,2±0,13	36,0
Орегона	7028,7±146,4	10,3	36321,9±2760,4	3,5±0,66	77,5
Хилла	6204,8±338,8	8,0	21291,4±3518,6	2,3±0,51	36,5

Таблица 4

Адаптивный потенциал коров разных семейств

Семейства	Кол-во, %	Показатели продуктивности			
		КАП	Удой за 1-ю лактацию, кг	Пожизненный удой, кг	Прод-ть хоз. исп-ния, лакт.
Арии 307	6,0	31,5	6230,6±301,9	19914,9±3565,8	2,5±0,44
Аркадии 2993	5,4	25,0	5989,7±404,3	18609,1±3968,2	2,1±0,37
Бумаги 1226	7,1	30,8	5488,2±361,7	17571,6±3113,0	2,5±0,49
Вести 88	4,8	25,0	5483,5±264,5	16258,1±3498,8	2,3±0,37
Высоты 7153	3,6	20,1	5671,0±481,1	15797,7±2251,7	1,8±0,33
Качки 570	8,3	39,2	5493,1±221,6	22142,9±2453,1	2,9±0,35
Линии 927	7,1	38,5	5613,9±312,1	21549,8±4000,9	2,9±0,49
Липкой 6908	6,6	38,5	6150,0±357,6	21612,1±3527,6	2,8±0,48
Липы 334	5,4	31,4	5496,6±332,7	16728,4±4668,6	2,4±0,67
Мазки 5328	5,4	37,0	6143,9±424,6	22282,2±3350,5	2,7±0,40
Маркизы 6141	4,8	33,7	6118,0±434,5	17902,8±3362,2	2,6±0,54
Матильды 136	4,1	48,6	5606,7±367,9	24144,1±4193,9	3,4±0,65
Ниточки 6535	4,1	15,0	6091,7±275,1	13220,3±2611,0	1,7±0,37
Сабины 973	4,8	24,2	6257,8±400,1	16452,4±2729,8	2,1±0,29
Сирени 6286	6,0	23,1	5458,3±358,8	15889,4±2444,5	2,2±0,28
Солистки 6877	10,7	32,6	5990,6±251,5	19699,9±3240,6	2,4±0,43
Тальки 6034	6,0	27,5	5833,6±337,5	17190,4±2472,8	2,4±0,41

Селекция по семействам – надежный способ повышения продуктивности стада. Для костромской породы это имеет большое значение, т.к. при ее создании особое внимание уделялось выдающимся коровам-рекордисткам и их потомкам. Мы проанализировали адаптивный потенциал у коров разных семейств (табл. 4). Приведенные данные свидетельствуют о генетической обусловленности адаптивного потенциала.

Самый высокий коэффициент адаптивного потенциала (КАП) показали животные, относящиеся к семейству Матильды 6141. В этой же группе коров была самая высокая пожизненная продуктивность (24144,1 кг) и продолжительный срок хозяйственного использования (3,4 лактации). Высокий удой за 1-ю лактацию показали животные семейства Сабины 973 и Арии 307, но адаптивный потенциал этих коров был значительно ниже. Это подтверждает мнение многих ученых, что удой за первую лактацию имеет отрицательную корреляцию с пожизненной продуктивностью и продолжительностью хозяйственного использования. В результате наших исследований установлено, что коэффициент корреляции меж-

ду удоем за первую лактацию и коэффициентом адаптивного потенциала равен -0,22.

Таким образом, по результатам наших исследований можно заключить, что селекция животных только по молочной продуктивности или только по сроку хозяйственного использования малоэффективна. Необходима такая оценка животных, которая включала бы в себя комплекс хозяйственно полезных признаков и экономическую эффективность животного. Предложенный нами коэффициент адаптивного потенциала можно рекомендовать к использованию в качестве такой комплексной оценки животных.

Библиографический список

1. Баранов А.В., Мурадова Л.В., Сиротина М.В. Оценка адаптивного потенциала // Сб. науч. тр. – Киров, 2007.
2. Раушенбах Ю.О. Экогенез домашних животных // Генетически-физиологическая природа адаптивной реакции. – М.: Наука, 1985. – 200 с.
3. Родионов Г.В., Дмитриева М.Н. Отбор коров в условиях молочного комплекса // Зоотехния. – 1995. – №2. – С. 23–26.

М.В. Сиротина

**ХАРАКТЕРИСТИКА ЭЛЕМЕНТОВ СТРУКТУРЫ НОСОГУБНОГО ЗЕРКАЛА
КРУПНОГО РОГАТОГО СКОТА КОСТРОМСКОЙ ПОРОДЫ**

Носо-губное зеркало крупного рогатого скота – модифицированный участок кожи, обладающий строго индивидуальным рисунком, представленным эпидермальными образованиями, куда входят кровеносные капилляры и нервные окончания. Нервные окончания обеспечивают животным восприятие консистенции и формы предмета, а также их ося-

зательные функции. Формирование кожных узоров носо-губного зеркала заканчивается к пятому месяцу эмбриогенеза и в дальнейшем общая картина узора остаётся постоянной. Изменяется лишь плотность линий на единицу поверхности.

Нами исследовано строение дерматоглифов носогубного зеркала у коров костромской породы в ОНО ОПХ «Минское» Костромского района

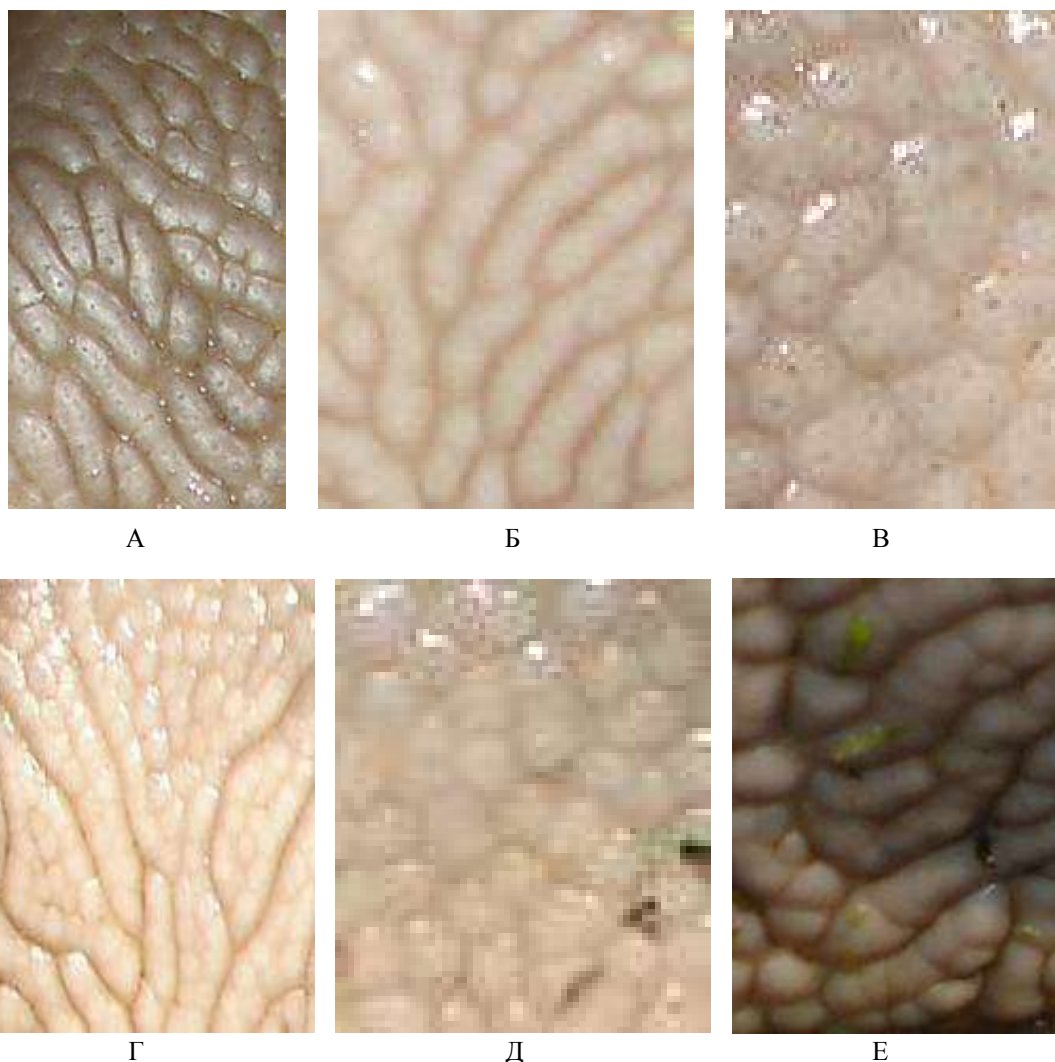
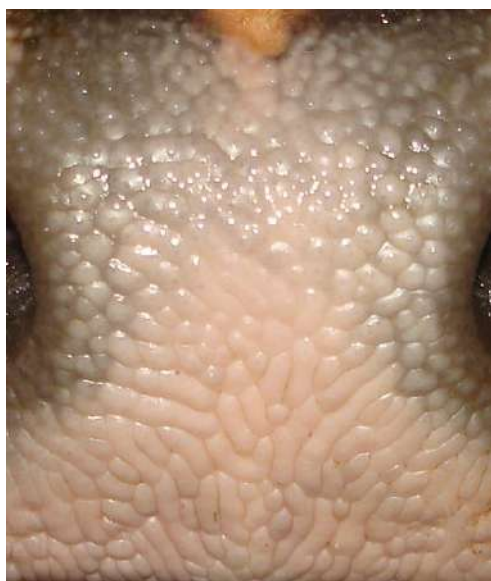
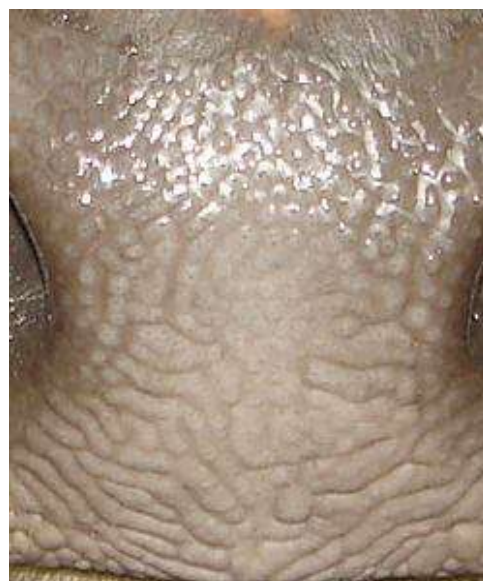

Рис. 1. Элементы структуры дерматоглифического узора.

А – короткие полоски; Б – длинные полоски; В – многоугольники; Г – лепестки;
Д – эллипсы; Е – валики с перетяжками

А

В

Рис. 2. Плотная (А) и рыхлая (В) структура дерматоглифа

Костромской области. Изучено строение носогубного зеркала у 1350 животных (коровы, тёлки, бычки), в том числе 552 коров.

Валики в структуре дерматоглифа могут быть в форме длинных и коротких полосок, многоугольников, эллипсов. Валики могут иметь перетяжки и образовывать сложные структуры (рис. 1).

А.Л. Трофименко, изучая половой диморфизм носогубного зеркала крупного рогатого скота отмечает, что дерматоглифы коров и быков различаются по признаку наличия сегментированных валиков, то есть валиков, подразделённых по длине двумя и более перетяжками. Быки имеют валики с перетяжками, а коровы – нет [2]. Нами установлено, что большое количество коров костромской породы имеют в строении дерматоглифа носогубного зеркала валики с перетяжками, что очевидно является породной особенностью.

Среди валиков мы выделили так называемые «лепестки». Это сложные образования с множеством перетяжек, ограниченные довольно глубокими бороздками (рис. 1, г). Они, как и валики, имеющие перетяжки, чаще встречаются в структуре таких дерматоглифов, как колосок-крона и неупорядоченный.

Узор дерматоглифа носогубного зеркала может иметь рыхлую и плотную структуру (рис. 2).

Плотная структура дерматоглифа характеризуется мелкими валиками в виде длинных и коротких полосок, эллипсов, близко расположенными

друг с другом. У животных с рыхлой структурой дерматоглифа валики крупные, разделённые широкими бороздами, часто присутствуют сложные структуры типа «лепестков».

По признаку извитости узоры делятся на слабо и сильно извитые. Слабо извитые характеризуются длинными, довольно прямыми линиями. Сильно извитые имеют многократно изогнутые борозды.

В зависимости от направленности борозд можно выделить 3 типа [3]:

– В большей степени вверх. Линии приближены к вертикальной оси. Их окончания почти перпендикулярны верхней губе. Валики чаще вытянутые. В типах «колосок» и «ветка» борозды отходят от центрального ствола под небольшим острым углом.

– К периферии. Борозды стремятся к горизонтальной оси, их концевые отделы почти параллельны верхней губе. Вверх они отклоняются лишь в центральной части рисунка, образуют дугу и направляются к боковой поверхности зеркала (тип «крона»). В типе «ветка» борозды отходят от центрального ствола под прямым углом. В отдельных случаях линии заканчиваются небольшой дугой с отклонением вниз.

– В равной степени. Промежуточная форма. Она характеризуется радиальным направлением папиллярных линий. Последние стремятся к условной биссектрисе угла. В центральной части рисунка они, как правило, направляются вверх

А

В

Рис. 3. Симметричный (А) и асимметричный (В) узоры дерматоглифов

с отклонением в стороны и заканчиваются у ноздрей животного (типы «ветка» и «колосок»). В типе «крона» подобное направление борозд обуславливает появление в верхней части узора клинообразного, направленного вниз выступа со слабо выраженной кожной глификой.

В типе «зернистый» о направленности и извитости борозд судить сложно, так как валики здесь довольно однообразны и отсутствуют выраженные длинные линии. Поэтому эти характеристики не учитываются при оценке данного дерматоглифа.

Узоры дерматоглифов могут быть симметричными и асимметричными, относительно вертикальной оси, проведённой условно через центр носогубного зеркала (рис. 3).

Строение дерматоглифов носогубного зеркала крупного рогатого скота может быть использовано для генетической паспортизации и выявления особенностей породы и стада по данному признаку в целях его дальнейшего совершенствования.

Библиографический список

1. Аржанкова Ю.В. Изучение дерматоглифов носогубного зеркала у молочных пород скота в связи с продуктивностью и происхождением: Дис. ... канд. с/х наук. – Великие Луки, 2002. – 129 с.
2. Трофименко А.Л. Теоретические и практические основы фенетики дерматоглифов носогубного зеркала крупного рогатого скота: Автореф. дис. ... д-ра с/х наук. – М., 1991. – 31 с.

А.Ф. Кузьмин, Е.М. Половинко, И.Н. Королев,
Л.С. Рязановская, А.В. Вакорина

ПОТРЕБНОСТЬ В МЕДИКО-СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ ПРИ СОЦИАЛЬНЫХ ЗАБОЛЕВАНИЯХ (ИППП)

Социологическое исследование группового и общественного здоровья, в частности заболеваемости, как одного из важнейших его показателей, помогает установить потребность в медико-социальной помощи отдельных контингентов и служит обоснованием форм и методов социально-медицинской работы в целевых группах в целях повышения ее эффективности.

В перспективе от этого можно ожидать полезной отдачи при решении некоторых важных вопросов:

- определение приоритетов социально-медицинской работы, выбор организационных форм и социальных технологий;
- уточнение локализации социально-медицинских проблем и разработка адресных программ;
- оптимизация взаимодействия учреждений социальной защиты и здравоохранения с социальными группами.

Исходной задачей данного исследования является описание медико-социальной ситуации, связанной с заболеваемостью населения Костромской области инфекционными заболеваниями, передающимися, преимущественно, половым путем (ИППП), по данным Костромского областного кожно-венерологического диспансера за пятилетний период с 2002 по 2006 годы.

В указанный период отмечалась следующая динамика заболеваемости ИППП (см. табл. 1).

По возрасту и полу больные распределились следующим образом:

- в 2002 году в числе заболевших было 994 мужчин и 3450 женщин;

- в 2003 году выявлены случаи заболевания у 820 мужчин и 2833 женщин;

- в 2004 году число заболевших мужчин составило 1021 человек, число женщин – 2797 человек;

- в 2005 году заболевания выявлены у 858 мужчин и у 2632 женщин;

- в 2006 году в числе заболевших было 750 мужчин и 2660 женщин;

- в период с 2002 по 2006 годы максимальная заболеваемость ИППП (как у мужчин, так и у женщин) отмечается в возрастной группе 20–29 лет;

- ежегодно регистрируются случаи заболеваний, передающихся, преимущественно, половым путем, у детей;

- имеет место тенденция к снижению числа заболевших в возрастной группе 15–17 лет с 229 в 2002 году до 95 в 2006 году (табл. 2).

Социальный состав больных сифилисом и гонореей в период 2002–2006 гг. представлен в таблице 3.

Выводы

1. Заболеваемость инфекционными заболеваниями, передающимися, преимущественно, половым путем, за период с 2002 по 2006 год не имеет тенденции к снижению.

2. Наибольшая заболеваемость регистрируется в возрастной группе от 20 до 29 лет.

3. Во всех возрастных группах отмечается значительное численное преобладание женщин.

4. На протяжении всего рассматриваемого периода ежегодно имеют место случаи заболеваний среди несовершеннолетних.

5. Социальный состав больных сифилисом и гонореей на протяжении рассматриваемого пе-

Таблица 1

Заболеваемость ИППП в Костромской области в 2002–2006 гг.

Наименование заболеваний	Количество случаев				
	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Сифилис (все формы)	697	498	375	324	309
Гонорея	495	322	339	256	226
Трихомониаз	2259	1885	1945	1651	1505
Хламидиоз	730	695	838	859	1011
Герпес урогенитальный	82	115	154	155	188
Аногенитальн. бородавки	187	138	167	245	171
Всего:	4450	3653	3818	3490	3410

Таблица 2

Возрастной и половой состав больных ИППП в Костромской области в период с 2002 по 2006 год

Возраст	2002	2003	2004	2005	2006
0–14 лет	25	19	9	8	9
15–17 лет	229	164	127	143	95
18–19 лет	631	531	554	412	323
20–29 лет	1765	1654	1728	1666	1639
30–39 лет	958	683	780	746	813
40 лет и более	842	602	620	515	531
Всего	4450	3653	3818	3490	3410
мужчин	994	820	1021	858	750
женщин	3456	2833	2797	2632	2660

Таблица 3

Социальный состав больных сифилисом и гонореей

Социальные группы	2002	2003	2004	2005	2006
Неработающие	365	302	249	203	210
Учащиеся	117	105	57	49	39
Работники промышленности	104	92	46	47	30
Работники транспорта	40	35	14	11	4
Работники сельского хозяйства	26	20	13	9	12
Работники других ведомств	360	135	147	141	130
Анонимно	100	131	139	122	110
Всего	1112	820	665	582	535

риода характеризуется большим удельным весом неработающих.

Резюме

1. Полученные данные позволяют выделить группы риска инфекционных заболеваний, передающихся, преимущественно, половым путем:

- женщины;
- лица в возрасте 20–29 лет;
- подростки;
- неработающее население всех возрастных групп.

2. Среди заболевших имеется значительное число лиц, оказавшихся в сложной жизненной ситуации.

3. Данные контингенты должны стать целевыми объектами социально-медицинской работы, так как они испытывают повышенную потребность в медико-социальной помощи.

4. Медико-социальная помощь должна иметь, преимущественно, профилактическую направленность и осуществляться как работниками здравоохранения, так и специалистами по социаль-

ной работе с использованием современных технологий.

5. Необходимо разрабатывать региональные целевые программы по профилактике инфекций, передающихся, преимущественно, половым путем.

Библиографический список

1. Дмитриев Г.А., Глазко И.И. Диагностика инфекций, передаваемых половым путем. – М.: Бином, 2007.
2. Доказательная медицина: ежегодный справочник, 2005. – Ч. 6.
3. Аковбян В.А. Инфекции, передаваемые половым путем. – М.: Медиа Сфера, 2005.
4. Лоран О.Б., Синякова Л.А. Воспалительные заболевания органов половой системы. Актуальные вопросы. – М., 2007.
5. Скрипкин Ю.К. Дерматология и венерология. – М.: ООО «Медицинское информационное агентство», 2003. – 544 с.
6. Соколовский Е.В. Дерматовенерология. – М.: Acadewia, 2005.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ НА ПЕРВЫХ ЭТАПАХ ОСВОЕНИЯ ПРОФЕССИИ

В статье представлены результаты исследования ценностных ориентаций личности в период профессионального обучения. Приведен сравнительный анализ ценностных ориентаций студентов 1–5 курса. Выявлены особенности системы ценностных ориентаций, сходство и отличие ценностной сферы студентов разных курсов.

В отечественной психологии много исследований посвящено изучению профессионального обучения и развития личности в процессе профессионализации. Профессиональное становление человека – сложный, динамичный процесс, который проходит через ряд стадий: стадию подготовки к выбору профессии, стадию профессиональной подготовки, стадию профессиональной деятельности (В.А. Бодров, Э.Ф. Зеер, Т.В. Кудрявцев, Е.А. Климов, А.К. Маркова). Большинство авторов сходятся во мнении о том, что период профессиональной подготовки играет при этом особую роль. Именно в процессе профессионального обучения формируется образ будущей профессиональной деятельности, профессионально важные качества, происходит развитие личности и постепенное утверждение себя как представителя определенного профессионального сообщества.

Важную роль в профессиональном становлении будущего специалиста играет не только овладение профессиональными знаниями, способами действий, умениями, приемами, новыми технологиями, но и духовное наполнение профессии. Как отмечает А.К. Маркова при рассмотрении и оценке профессионализма человека большое значение имеет то, что движет человеком в профессии, из каких ценностных ориентаций он исходит, ради чего занимается данным делом [4].

Личность смотрит на мир через призму своих ценностных представлений, и эти представления в значительной степени определяют направление активности человека.

Под ценностными ориентациями понимается отражение в сознании человека ценностей, признаваемых им в качестве стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров.

Раскрывая содержание ценностных ориентаций А.Г. Здравомыслов, В.А. Ядов обращают

внимание на понятие установки, потребностей и интереса. Они отмечают, что ценностные ориентации – это установка личности на те или иные ценности материальной и духовной культуры общества. Ценностные ориентации являются важнейшим компонентом психологической структуры личности, который определяет ее отношение к окружающему миру. Эти отношения и установки формируются благодаря предшествующему опыту индивида. Сложившаяся структура ценностных ориентаций человека проявляет себя в различных жизненных ситуациях, с ее точки зрения решаются различные жизненные вопросы [7].

В теории М. Рокича под ценностями понимается вид убеждений, имеющий центральное положение в индивидуальной системе убеждений. Характеризуя человеческие ценности, Рокич отмечает: 1) общее число ценностей невелико; 2) одни и те же ценности имеют для разных людей разный «вес»; 3) ценности организованы в системы; 4) истоки ценностей прослеживаются в культуре, обществе, самой личности человека; 5) влияние ценностей прослеживается во всех социальных феноменах.

С одной стороны, система ценностных ориентаций является важным регулятором активности человека, с другой стороны – сама становится источником его целей (А.Г. Здравомыслов, А.И. Донцов). В связи с этим М.С. Яницкий утверждает, что система ценностных ориентаций человека является внутренним источником и механизмом развития личности [8].

Таким образом, ценностные ориентации или ценности представляют собой эмоционально окрашенные убеждения человека, сформировавшиеся благодаря предшествующему опыту, которыми он руководствуется при выборе или оценке поступков, событий, окружающих людей и кото-

рые не ограничиваются определенными действиями и ситуациями. Набор ценностей формирует систему ценностных приоритетов личности.

Сложная структура ценностных ориентаций, разноплановость выполняемых ими функций определяют наличие множества подходов к их классификации. В.А. Ядов предлагает структурно-иерархическую модель ценностей, состоящую из четырех уровней.

Низший уровень, к которому относятся элементарные фиксированные установки. Они формируются на основе витальных потребностей и в простейших ситуациях.

Второй уровень – система социальных установок. Формируется на основе социальных потребностей, связанных с включением индивида в первичные и другие контактные группы, с одной стороны, и соответствующих социальных ситуаций с другой.

Третий уровень – базовые социальные установки. Они формируются на основе приобщения к определенной сфере деятельности и включения в эту сферу как доминирующую среди других.

Четвертый, высший уровень – образует систему ценностных ориентаций на цели жизнедеятельности и средства достижения этих целей. Данный уровень формируется под воздействием широкой социальной среды.

М. Рокич выделяет два типа ценностей: терминальные и инструментальные.

Терминальные ценности (ценности-цели) – это убеждения в том, что определенные конечные цели индивидуального существования заслуживают того, чтобы к ним стремиться. Инструментальные ценности (ценности-средства) – это убеждения в том, что определенный образ действий, является предпочтительным в любых ситуациях.

Новый теоретический и методологический подход к изучению ценностей развил Шварц. Он исходил из того, что наиболее существенный содержательный аспект, лежащий в основе различий между ценностями – тип мотивационных целей, которые они выражают. Поэтому Шварц сгруппировал отдельные ценности и выделил следующие типы, в соответствии с общностью их целей: власть, достижение, гедонизм, стимуляция, самостоятельность, универсализм, доброта, традиции, конформность, безопасность,

Не все ценности осознаваемые человеком руководят и определяют его поведение. Поэтому Шварц предполагает существование их на двух

уровнях: уровне нормативных идеалов и уровне индивидуальных приоритетов. первый уровень стабилен и отражает представления человека о том, как нужно поступать, определяя его жизненные принципы поведения; второй уровень более зависим от внешней среды, и соотносится с конкретными поступками человека [3].

Б.И. Додонов выдвигает такую разновидность ценностных ориентаций как ориентация людей на определенные переживания, которые придают дополнительную ценность вызывающим их объектам и деятельности. В этом случае человек испытывает нужду в переживании тех или иных эмоций и стремится к созданию соответствующей ситуации. Эта потребность к определенным переживаниям своих отношений к действительности становится одним из важных факторов определяющих направленность личности человека [1].

В концептуальной модели регуляторного опыта человека, обеспечивающего субъектную активность, разработанной А.К. Осницким, вводится новое понятие – регуляторный опыт (опыт осознанной саморегуляции активности), который представляет собой определенным образом структурированную систему знаний, умений и переживаний, определяющую успешность его деятельности и поведения [6]. Регуляторный опыт содержит информацию об общих закономерностях разных видов деятельности и имеет свою структуру, компоненты которой обеспечивают становление субъектности. В качестве одного из компонентов автор рассматривает ценностный опыт человека. Ценностный опыт связан с формированием интересов, ценностных норм и предпочтений, идеалов, убеждений и ориентирует усилия человека. А.К. Осницкий предлагает при изучении субъектности в рамках исследования ценностного компонента регуляторного опыта три группы ценностей:

– ценности, прямо связанные с витальными и псевдовитальными *потребностями*, находящие свое выражение в форме влечений; по существу эти ценности «замкнуты» на удовлетворение «горящей» потребности, но в обычной жизнедеятельности состояние неудовлетворенной потребности редко доводится до крайности, чаще включается в сценарий, заранее предвидимый и планируемый;

– ценности, связанные с *предметным миром*, с той или иной технологией их преобразования; разумеется, ценности предметов соотносятся

Таблица 1

Средние показатели значимости типов ценностей на уровне нормативных идеалов

№	Тип ценностей	Средние показатели значимости типов ценностей					
		1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	5 курс	В целом по выборке
1	Конформность	4,6	4,5	3,9	3,7	3,5	4,04
2	Традиции	3,6	2,8	2,9	2,2	2,2	2,74
3	Доброта	4,7	4,4	4,5	4,1	4,3	4,4
4	Универсализм	4,2	3,4	3,2	3,2	3,2	3,44
5	Самостоятельность	4,8	4,9	4,3	4,8	4,3	4,62
6	Стимуляция	4,1	3,3	4,2	3,8	3,1	3,7
7	Гедонизм	5	3,6	4,6	3,4	3,9	4,1
8	Достижения	4,9	4,3	4,7	5	4,8	4,74
9	Власть	4	3,1	3,9	4	3,3	3,66
10	Безопасность	4,8	4,3	4,5	4,3	4,1	4,4

с потребностями, но замкнуты они на предметно-преобразующую деятельность человека;

– ценности, прямо связанные с *кооперацией* межличностных отношений, с «чувством долга»; многие из этих ценностей относятся к нравственным ценностям, но к ним не сводятся; могут быть групповые (узкоклановые) ценности, например, чувство долга у представителей клана, вступающее в конфликт с общечеловеческими ценностями.

С одной стороны многообразные проявления опыта человека (в том числе и ценностного) проявляются внешне в различных состояниях, действиях, поведении, с другой стороны, они, приводя к неизбежному преобразованию и обогащению опыта. Мера этого преобразования и обогащения в значительной степени определяется активностью самого человека, его субъектной позиции.

На значительное влияние ценностей на процесс саморегуляции личности указывает Ю.А. Миславский, он отмечает, что характерные особенности саморегуляции зависят от сформирован-

ных на настоящий момент ценностных ориентаций личности [5].

В процессе развития человека ценности не просто познаются и безоговорочно принимаются человеком, они пристрастно им оцениваются, активно переживаются и после этого принимаются. Субъект познания устанавливает значимость тех или иных убеждений, мнений, приоритетов, после чего ценность становится ценностью. Ценность определяет значимость, важность происходящих с человеком событий и его последующую деятельность.

Система ценностей человека так же изменчива, поскольку в значительной степени обусловлена как меняющейся социальной средой, так и активностью человека, актуальным уровнем развития личности.

Гипотеза. Мы предположили, что начальный период овладения профессией или период профессионального обучения, в ходе которого происходит овладение основными способами и при-

Таблица 2

Средние показатели значимости типов ценностей на уровне индивидуальных приоритетов

№	Тип ценностей	Средние показатели значимости типов ценностей					
		1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	5 курс	В целом по выборке
1	Конформность	1,8	1,8	1,4	1,8	1,7	1,7
2	Традиции	1,3	1,2	1	1	0,8	1,06
3	Доброта	2,2	2,3	2,2	2,6	2,4	2,34
4	Универсализм	2,1	2,1	1,6	1,9	1,9	1,92
5	Самостоятельность	2,6	2,5	2,5	2,9	2,5	2,6
6	Стимуляция	2,9	1,9	2,5	2,7	2,1	2,42
7	Гедонизм	2,8	2,1	2,9	2,3	2,4	2,5
8	Достижения	2,23	2	2,3	2,2	2,4	2,2
9	Власть	1,5	1,3	1,5	1,9	1,2	1,48
10	Безопасность	1,9	2,1	1,9	2	2	1,98

емами профессиональной деятельности, формирование ее мотивационной сферы оказывает влияние на изменение структуры и соотношение ценностей личности.

Задачи исследования:

- изучение иерархии ценностных ориентаций современных российских студентов;
- исследование возрастной динамики ценностных ориентаций в период профессионального обучения.

Исследование проводилось в январе–марте 2006 года. В нем приняли участие 118 испытуемых в возрасте от 17 до 22 лет. Опрошено 30 студентов первого курса, 20 студентов второго курса, 20 студентов третьего курса, 23 студента четвертого курса, 25 студентов пятого курса.

Для каждой группы испытуемых на уровне нормативных идеалов и на уровне индивидуальных приоритетов был подсчитан средний балл для каждого из 10 типов ценностей. Результаты представлены в таблицах 1 и 2. Средние показатели позволяют судить о соотношении значимости ценностей в разных группах испытуемых.

Анализ различий ценностей у студентов разных курсов позволил отметить как сходство, так и отличие в системе ценностных ориентаций. На уровне нормативных идеалов, который отражает представления человека о том, как нужно поступать, для всех студентов доброта, самостоятельность, достижения и безопасность занимают высокую ступень в иерархии ценностей; универсализм и традиции – занимают более низкую ступень.

Значимые различия (по t критерию Стьюдента, при $p \leq 0,01$) зафиксированы между группами студентов первого и второго курса – для второкурсников такие ценности как традиции, универсализм, стимуляция, гедонизм, достижения становятся менее значимыми. От первого к четвер-

тому курсу снижается значимость доброты, конформности, традиций, универсализма. Высокозначимыми остаются самостоятельность, достижения и безопасность.

На уровне индивидуальных приоритетов различия отмечаются между в отношении таких ценностей как конформность, традиции, универсализм (их значимость снижается). Однако, несмотря на то, что все студенты считают конформность незначимой для себя, удельный вес этой ценности на уровне конкретных поступков возрастает от третьего к пятому курсу, хотя в целом, по выборке данная ценность не занимает высокого ранга.

Библиографический список

1. Додонов Б.И. Эмоции как ценность. – М., 1978.
2. Зотова О.И., Бобнева М.И. Ценностные ориентации и механизмы социальной регуляции поведения // Методологические проблемы социальной психологии. – М., 1975. – С. 241–254.
3. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. – СПб., 2004.
4. Маркова А.К. Психология профессионализма. – М., 1996.
5. Миславский Ю.А. Саморегуляция и активность личности в юношеском возрасте. – М., 1991.
6. Осницкий А.К. Структура, содержание и функции регуляторного опыта человека: Дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2000.
7. Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. – М., 1975. – С. 89–105.
8. Яницкий М.С. Психологические факторы и механизмы развития ценностных ориентаций личности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – Новосибирск, 2000.

Л.В. Верниенко

ВЛИЯНИЕ АКМЕОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ

Современная система педагогического образования, развивающаяся в направлении диверсификации, многоуровневости, вариативности, предъявляет высокие требования к личности и профессиональной деятельности учителя начальных классов. Новая образовательная парадигма, выдвигает на первый план результативность деятельности учителя начальных классов, особую актуальность при этом приобретает проблема развития педагогических способностей. Актуальность обозначенной проблемы детерминируется потребностью в учителе начальных классов всеми учебными дисциплинами, развивающего личность учащихся, обучающего моделям вершинной деятельности, владеющего современными педагогическими и информационными технологиями, стремящегося к саморазвитию, самосовершенствованию, постоянно повышающего уровень своей профессиональной квалификации.

На протяжении всей истории учения о педагогических способностях существовали различные подходы к определению сущности и содержания данного понятия. Актуальной на современном этапе является проблема развития педагогических способностей учителей начальных классов, она является малоисследованной в педагогике, психологии и акмеологии.

Исследование проблемы педагогических способностей учителей начальных классов в рамках акмеологии, изучающей закономерности саморазвития зрелого человека, самореализацию его творческого потенциала в процессе созидательной деятельности на пути к вершинам в деятельности, позволит выявить факторы, содействующие и препятствующие их развитию.

На сегодняшний день остаются малоизученными акмеологические факторы, влияющие на развитие педагогических способностей учителей начальных классов, что не соответствует объективным потребностям педагогической теории и школьной практики. Исходя из указанного цель нашего исследования – выявить акмеологические факторы, содействующие и препятствующие развитию педагогических способностей учителей начальных классов.

Фактор (от лат. Faktor – делающий, производящий), причина, движущая сила какого-либо процесса, явления, определяющая его характер или отдельные его черты. Акмеологические факторы – основные причины, – носящие характер движущих сил, главные детерминанты профессионализма [1, с. 249].

Отечественными акмеологами А.А. Бодалевым, А.А. Деркачем, В.Г. Зазыкиным, Н.В. Кузьминой, А.А. Реаном обозначены различные подходы к классификации факторов и определению их значимости для обеспечения продуктивной профессиональной деятельности [2].

По мнению Н.В. Кузьминой, акмеологические факторы могут быть субъективными (индивидуальные предпосылки меры успешности профессиональной деятельности – мотивы, направленность, интересы, компетентность, умелость) и субъективно-объективными, связанными с организацией профессиональной среды и взаимодействий, качеством управления, профессионализмом руководителей. К объективным факторам достижения вершин профессионализма и продуктивности творческой деятельности относятся факторы, связанные с реальной системой (условия среды) и последовательность действий педагогов, направленных на достижение искомого результата. К объективным факторам также относятся социально-экономические условия жизни и деятельности, качество полученного образования на всем маршруте из детства в профессию. Важнейшими акмеологическими факторами определяются также стремление к самореализации, высокие личностные и профессиональные стандарты, высокий уровень профессионального восприятия и мышления, престиж профессионализма, а также все субъективное, способствующее росту профессионализма [3].

С целью выявления акмеологических факторов, содействующих и препятствующих развитию педагогических способностей учителей начальных классов, нами было проведено исследование в школах города Нальчика, руководство которых имеет широкое представление о профессионализме деятельности своих учителей, имеет возмож-

ность объективно охарактеризовать систему их работы на протяжении многих лет.

В исследовании рассматривалась деятельность учителей, работающих по разным системам, в том числе инновационным (система Л.В. Занкова, Начальная школа 21 века, «Школа России», «Школа 2100»), но при этом не ставилось целью выявление преимуществ одной системы над другой.

На первоначальном этапе исследования с целью получения объективной информации от экспертов в качестве которых выступали завучи по учебно-воспитательной работе и заведующие методическими объединениями школ, о деятельности учителей начальных классов нами была использована методика Н.В. Кузьминой «Оценка педагогических способностей». Всего исследованием были охвачены 82 учителя начальных классов в возрасте от 20 до 74 лет со стажем работы от 1 до 51 года, среди них со средним специальным образованием 20 человек, с высшим образованием 62 человека.

По результатам рейтинга учителя были распределены по уровням развития педагогических способностей. Получены следующие показатели: число талантливых педагогов из выборочной совокупности составило 7%, очень способных учителей 36%, способных 18%, число учителей со средними педагогическими способностями 28%, малоспособных педагогов оказалось 11%. Данные по результатам исследования позволили выявить объективные акмеологические факторы, к числу которых относятся возраст, стаж работы, уровень полученного образования, семейное положение.

Проблема возраста в педагогической деятельности широко представлена в психолого-педагогической литературе, она отражает сложный и напряженный процесс «проживания» в учительской профессии специалистов, переживающих свои «пики» профессионального взлета, педагогические кризисы, разочарования, периоды «успокоения». При этом особое значение имеют возрастные особенности, которые объективно влияют на разные стороны жизнедеятельности личности, меняя ощущения жизни, профессии, себя и своих духовных ценностей и идеалов. Аспект указанной проблемы важен как в теории, так и в практике, оставаясь при этом актуальным и сложным для современного общества.

Рассматривая соотношение уровня развития педагогических способностей и возраста было установлено, что для категории талантливых учи-

телей наиболее приоритетным является возраст от 31 до 40 лет, на данный возрастной период приходится 50% учителей, на возраст от 41 до 50 лет приходится 33,3% человек, самый низкий процент принадлежит возрасту от 51 до 60 лет – 16,7% учителей. Исследованиями подтверждено, что возрастной этап от 31 до 40 лет является периодом упрочения профессиональной позиции, а возраст от 51 до 60 лет – устойчивость в мире избранной профессии. Таким образом, можно сделать вывод, что вершин в развитии педагогических способностей учителя начальных классов достигают в периоды 31–40 лет – 1 пик, 41–50 лет – 2 пик и третий пик 51–60 лет.

Для категории очень способных учителей наибольший процент так же приходится на возраст от 31 до 40 лет – 31,1%. На период от 41 до 50 лет, связанный со стабилизацией профессионального положения приходится 27,6%. На возраст от 51 до 60 лет приходится 24% очень способных учителей. Возрастной период от 61 до 70 лет характеризуется 13,8% очень способных учителей. Наименьший показатель в 3,4% относится к возрастному периоду от 20 до 30 лет, характеризующийся как возраст профессионального становления и развития.

Наибольший процентный показатель у способных учителей начальных классов, отмечен на возрастном этапе от 51 до 60 лет – 53,3%. На период от 41 до 50 лет приходится 26,7% способных педагогов. Возраст упрочения профессиональной позиции – 31–40 лет характеризуется 13,3% способных педагогов. Наименьший процентный показатель связан с периодом от 20 до 30 лет и составляет 6,7%.

Рассматривая группу учителей со средним уровнем развития педагогических способностей выявлено, что на возраст от 41 до 50 лет приходится 30,4% педагогов, к возрасту 51–60 лет отнесено 26,1% учителей, на период от 31 до 40 лет приходится 21,8% педагогов, минимальный показатель принадлежит возрасту 20–30 лет и составляет 17,4%.

Характеризуя учителей начальных классов с малыми педагогическими способностями необходимо отметить, что равные процентные показатели – 11% приходятся на возрастные периоды от 41 до 50 лет. От 51 до 60 лет и от 61 до 70 лет. Наибольший показатель приходится на возрастные периоды, связанные с вхождением в профессию и периодом поиска «своей» профессиональности: 20–30 лет – 33,5%, 31–40 лет – 33,5%.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для талантливых педагогов наиболее значимым является возраст от 31 до 40 лет.

Характеризуя соотношение между уровнем развития педагогических способностей и стажем выявлено, что для талантливых педагогов наиболее значимым является стаж от 16 до 20 и от 26 до 30 лет – 33%. Для очень способных учителей наибольший показатель – 24% приходится на стаж от 16 до 20 лет, для способных учителей – 21–25 лет (26%) и 31–35 лет (26%), для категории учителей со средним уровнем развития педагогических способностей наиболее значимым является стаж от 26 до 30 лет (21,7%). Для малоспособных педагогов наибольший процент (45%) приходится на стаж от 1 до 5 лет. Таким образом, можно сделать вывод о том, что для талантливых учителей наиболее значимым является стаж от 16 до 20 лет (1 пик) и от 26 до 30 лет (2 пик).

Характерным является влияние уровня полученного образования на уровень развития педагогических способностей. Так, все талантливые учителя имеют высшее образование – 100%. В группе очень способных учителей высшее образование имеют 69%, способные – 87%, имеющие средние способности – 70%, малые способности 78% учителей начальных классов.

При рассмотрении зависимости уровня развития педагогических способностей и семейного положения наблюдается высокий процент учителей принадлежащих к категории «замужем» и «замужем, есть дети». Показатели принадлежности к данной категории талантливых учителей составляет 83,3%, очень способных – 62,1%, способных – 80%, педагогов со средними способностями – 43,4%, с малыми способностями – 66,7%. Таким образом можно сделать вывод, что талантливые учителя социально успешны с точки зрения семейного положения.

Таким образом, по результатам исследования мы можем сделать вывод, что к объективным факторам, влияющим на уровень развития педагогических способностей учителей начальных классов относятся: возраст, стаж работы, уровень полученного образования и семейное положение.

На развитие педагогических способностей учителей начальных классов влияют субъективные факторы.

Системообразующим элементом профессиональной Я-концепции является самооценка. Самооценка как значимое качество личности имеет

сложное структурно-динамическое строение, она многоаспектна и включает различные содержания. Современная наука располагает материалом, в котором отражены концепции и результаты экспериментальной работы по изучению психологических проблем самооценки, наряду с указанными направлениями приоритетными являются исследования профессиональной и личностной самооценки.

Самооценка лежит в основе уровня притязаний, тех задач, которые человек ставит перед собой, реализуя в соответствии с ними свою жизнедеятельность. Объективная, верная самооценка дает возможность точно определить круг тех профессиональных задач, которые способен решить человек, вовремя отказаться от иллюзорных, несбыточных целей. Благодаря соответствию самооценки реальным возможностям личности, она в состоянии достигнуть внутренней гармонии с собой, самоуважения, рассогласованность самооценки с реальным положением дел ведет к внутренним конфликтам. Отсутствие самооценки приводит как бы к потере личности самой себя, возрастанию для личности значимости оценки других.

В нашем исследовании мы исходили из гипотезы о том, что самооценка личности влияет на развитие педагогических способностей учителей начальных классов.

Экспериментально-диагностическое исследование самооценки личности учителей начальных классов проводилось с помощью процедуры ранжирования. У учителей начальных классов, различающихся по уровню развития педагогических способностей, обнаруживаются различия и в самооценке личности. Данные по результатам исследования самооценки личности выборки талантливых учителей, свидетельствуют о том, что у 50% из указанной группы – низкая самооценка. Коэффициент корреляции меньше 0,4. Они предъявляют к себе завышенные требования, своей целью имеют самосовершенствование. Анализ результатов изучения самооценки с помощью ранжирования показал, что в выборке талантливых учителей с низкой самооценкой наблюдается большое числовое различие между «Идеалом» и «Я-реально», что свидетельствует о внутренней неудовлетворенности собой, именно данный аспект заставляет добиваться более высоких результатов в профессиональной деятельности. Полученные результаты позволили сделать вывод о том, что талантливые учителя начальных клас-

сов с низкой самооценкой имеют склонность к самоанализу, рефлексии.

Адекватная самооценка присуща 33,3% из выборки талантливых учителей. Коэффициент корреляции колеблется от 0 до 0,6. Данные педагоги не предъявляют завышенные требования к себе и своей профессиональной деятельности. Они реально осознают свои способности.

Процент из выборки талантливых учителей с высокой самооценкой не высок и составляет 16,7%. К этой категории относятся педагоги, получившие широкое признание в образовательной среде. Их профессиональная педагогическая деятельность признана администрацией учебного заведения, коллегами, учащимися и их родителями. Они имеют опыт руководства педагогическим коллективом. Изучение самооценки показало, что в выборке талантливых учителей с высокой самооценкой наименьшее расхождение между «Идеалом» и «Я-реально». Данные педагоги высоко оценивают степень развития у них педагогических способностей. Они требовательны к себе и к окружающим, особенно данный факт проявляется у опытных руководителей педагогических коллективов.

По результатам исследования самооценки личности выборки учителей начальных классов со средними педагогическими способностями нами были получены следующие показатели: низкая самооценка личности присуща 21,7% указанной категории педагогов. У большей части учителей начальных классов со средними педагогическими способностями выявлена адекватная самооценка личности, в процентном соотношении показатели равны 60,9%. Высокая самооценка присуща 17,4% учителей со средними педагогическими способностями.

Исследование самооценки личности выборки учителей начальных классов с малыми педагогическими способностями показало, что 22,2% присуща низкая самооценка. Они неуверенны в себе, возникающие трудности вызывают депрессивные состояния, трудно адаптируются к изменяющимся условиям. У данных учителей выявлены наибольшие расхождения между «Идеалом» и «Я-реально». Адекватная самооценка личности выявлена у 22,2% учителей начальных классов с малыми педагогическими способностями. Наибольший процент в рассматриваемой выборке представлен учителями с высокой самооценкой – 55,6%. Данные педагоги самоуве-

ренны, у них слабо развито чувство переживания за неудачи в деятельности, их эмоциональные реакции и эмпатийные тенденции низки. Высокая самооценка может выступать в качестве фактора, препятствующего достижению высоких результатов в педагогической деятельности.

Таким образом, по результатам исследования можно сделать вывод о том, что адекватная или заниженная самооценка личности содействует развитию педагогических способностей учителей начальных классов.

С точки зрения акмеологии важной представляется проблема влияния типологических особенностей на профессиональную деятельность. В частности отмечается, что индивидуально-психологические различия проявляются и в конкретных механизмах порождения и трансформации различных параметров психических состояний: уровней потребностного, мотивационного, операционального, аттенционного и эмоционального напряжений, степени включенности сознания, направленности мотивации, внимания, модальности переживаемых эмоций. Для исследования общепсихологической типологии личности нами была использована методика выявления общепсихологических особенностей личности, предложенная К. Юнгом.

Каждому человеку свойственна определенная позиция на континууме, распространяющемся от экстраверсии до интроверсии. Обработав результаты, по показателям экстраверсии – интроверсии и соотнеся их с уровнями развития педагогических способностей учителей начальных классов, мы выявили, что в группе талантливых учителей интровертов 50%, амбовертов – 33,3%, процент экстравертов равен 16,7%. Рассматривая показатели экстраверсии – амбоверсии относительно группы учителей со средним уровнем развития педагогических способностей выявлено, что интровертов 17,4%, амбоверсия присуща 56,5%, отнесены к экстравертам 26,1%. Категория учителей с малыми педагогическими способностями содержит 22,2% интровертов, 33,3% амбовертов и 44,5% экстравертов. Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что типологические особенности личности влияют на уровень развития педагогических способностей учителей начальных классов.

Таким образом, по результатам исследования можно сделать выводы о том, что на развитие педагогических способностей учителей началь-

ных классов влияют объективные и субъективные акмеологические факторы. К объективным факторам относятся: возраст, стаж работы, уровень полученного образования, семейное положение. К субъективным факторам – самооценка и типологические особенности личности.

Результаты, полученные по итогам исследования и использованные диагностические методики могут найти применение в деятельности акмеологической (психологической) службы, акмеологов (практических психологов) для акмеоло-

гического сопровождения педагогической деятельности учителей начальных классов.

Библиографический список

1. Держач А.А. Акмеологические основы развития профессионала. – М.; Воронеж: НПО МОДЭК, 2004. – 752 с.
2. Держач А.А., Зызыкин В.Г. Акмеология. – СПб.: Питер, 2003. – 256 с.
3. Кузьмина Н.В. Предмет акмеологии. – СПб.: Политехника, 2002. – 189 с.

Т.Е. Джагаева, Ц.Г. Джиеова

ВНЕАУДИТОРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТУДЕНТА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА

Обращение к системе высшего профессионального образования актуализируется кризисными явлениями как в общественной жизни в целом, так и в образовательной сфере в частности. Диверсификация педагогического образования потребовала существенных изменений в его структуре и содержании, которые исходят из принципов фундаментализации, гуманизации, гуманитаризации и дифференциации. Важным результатом в этом направлении явилась реализация в высшей школе многоуровневой системы подготовки специалиста, ориентированной на новый порядок включения студента в трудовую деятельность.

Актуальность данной проблемы прозрачна: студенты вуза в недалеком будущем займут ведущие позиции в образовании, науке, бизнесе, политике, а качество их работы, профессиональных навыков во многом будет зависеть от воспитательного потенциала вузовской деятельности. Организационно-управленческие способности будущего специалиста развиваются различными способами и средствами вузовской подготовки – от чтения курсов дисциплин межфакультетскими кафедрами до участия в студенческом самоуправлении. Развиваются они комплексно, в структуре разнообразной деятельности студентов. Успешное решение задач воспитания конкурентоспособного профессионала возможно, на наш взгляд, при организации в вузе внеаудиторной или общественно-полезной работы для студенческой молодежи. Общественная деятель-

ность формирует у будущего специалиста целостную систему способностей мировоззренческого и организационного характера.

Целью выбора рассматриваемой нами проблемы явилось теоретическое обоснование и практическая реализация форм и методов внеаудиторной и внеучебной деятельности студентов как фактор формирования культуры личности будущего специалиста.

Внеаудиторная общественная деятельность, построенная на основе интересов студента и возможностей выбора социального поля действия, вырабатывает социальный опыт, укрепляет гражданскую позицию. Все это способствует формированию гибкого мышления, понимания межличностных отношений в коллективе, развивает творческие способности [1; 7]. Для выработки, выше перечисленных характеристик важную роль играет организация студенческих советов (вуза, факультетов, курсов) при значительной поддержке преподавателей кафедр общественных дисциплин.

За короткое время обучения в вузе студентам необходимо выработать не только профессиональные навыки, но и приобрести ряд умений, включая коммуникативные и организаторские. В этой связи вся работа высшей школы предполагает максимальное включение студенческой молодежи в различные виды деятельности [8].

Новизну подходов к решению проблем внеаудиторной деятельности мы видим, во-первых, в формировании творческой атмосферы в студенческих коллективах и, во-вторых, в создании

гибкой системы управления внеаудиторной деятельностью.

Вовлечение студентов в активную общественную деятельность на базе Юго-Осетинского государственного университета мы начинаем при первой встрече с первокурсниками, на которой старшекурсники рассказывают о делах факультета, университета, помогая, таким образом, молодым людям приобретать навыки сначала исполнительской, а затем и организаторской деятельности.

Повышение культурного уровня деятельности в студенческих коллективах определяется стилем студенческого самоуправления, уровнем его развития; качеством организации коллективной и индивидуальной деятельности студентов в свободное время; продуманностью организации досуга студентов в общежитиях; развитием культурных традиций непосредственно в каждом студенческом коллективе; осуществлением и поддержкой культурных инициатив молодежи [3].

Анализ различных направлений, видов и форм деятельности студентов показывает, что именно качество и ценностное содержание их разносторонней деятельности является решающим фактором формирования культуры будущего специалиста [2; 6].

В жизнедеятельности коллектива Юго-Осетинского государственного университета нами реализуются следующие внеаудиторные традиции: проведение государственных праздников, знаменательных дат (Новый год, Международный Женский День, праздник Весны, Мира и Труда, День Учителя, День защитников Отечества и др.); традиции студенчества страны (Международный день студента, День знаний и т. д.); военно-патриотической направленности (Линейка памяти в студенческом лагере «Фидан», встречи с ветеранами военных действий; традиции, характерные для данного коллектива, отражающие его специфику (День Университета; шефство старших курсов над младшими; встречи с бывшими выпускниками вуза и другие.

Помимо проведения традиционных мероприятий в воспитательной работе студентов, нами разрабатываются нетрадиционные нововведения:

1. Организация разнообразных клубов по интересам, «малых форм» студенческого досуга, которые привлекательны тем, что имеют единые цели общения и сравнительно небольшую аудиторию. Мы считаем, что эффективность клубных форм работы бесспорна, ибо их вариативность дает студентам возможность раскрыть свои спо-

собности, таланты, развивать интересы. Сегодня в вузе функционируют как общеуниверситетские («Аполлон»), так и факультетские клубы («Чысыл», «Рухс» и др.).

2. Ежегодное проведение благотворительной акции «Благодеяние» сотрудничество с Цхинвальским детским приютом, воинами Миротворческих Сил, дислоцированными в городе и регионе.

3. Создание студенческих органов самоуправления. Самоуправление – это и участие в управлении молодежным коллективом и в объединениях по интересам; это и организация студенческого быта в общежитиях во взаимодействии с профсоюзной организацией и др.

Особенность студенческого самоуправления заключается в том, что сегодня каждый факультет сам определяет структуру управления: какие органы ему нужны, каков должен быть их состав, какая направленность, область интересов, время работы (в комсомольском самоуправлении, как известно, на всех факультетах функционировали одинаковые органы без учета специфики коллективов).

4. Работа музея истории вуза («Музей им. Вассо Абаева»). Мы считаем, что материалы музея, формы его работы приобщают студентов, преподавателей и сотрудников к делам предшествующих поколений, воспитывают чувство патриотизма и преданности к Отчизне.

5. Создание психологической службы, которая помогает в формировании коллективов, групп, определении лидеров, изучении индивидуальных способностей, увлечений, интересов каждого студента. К работе со специалистами-психологами привлекаются студенты факультетов журналистики, экономики, биологии, юриспруденции, филологии, заместители деканов по воспитательной работе всех факультетов, кураторы групп, что способствует более продуктивной деятельности и своевременному решению проблем.

6. Организация совместной работы Координационного Совета Университета с профкомом студентов и аспирантов.

Известно, что на становление специалиста влияет и цель, осознанная педагогами и студентами, и деятельность в процессе аудиторной и внеаудиторной работы, и общение в разнообразных коллективах по интересам, и, конечно, высоконравственный и одновременно высококвалифицированный в своей профессиональной области в педагогике и психологии преподаватель, опирающийся на продуманную систему воспитания [5].

Анализ литературы и собственный опыт позволяют сделать вывод, что в процессе жизнедеятельности студенческого коллектива осуществляется самореализация и самоактуализация личности, без которых невозможно всестороннее формирование человека. Самореализация составляет сущность жизни, является важнейшей стороной человеческого бытия. Потребность в самореализации заложена в человеке природой, в процессе развития она проявляется в форме интересов, стремлений, ценностных ориентации и социальных установок, всей жизни.

Особенностью воспитательной системы в вузе, осуществляющей технологию саморазвития личности, является переход от воспитания к самовоспитанию. Одним из фактором формирования культуры личности будущего специалиста является внеаудиторная деятельность. Внеаудиторная деятельность удовлетворяет потребности студентов в самопознании, самовыражении, самоутверждении самоопределении, самоуправлении, самореализации, если ее содержание, формы и методы обеспечивают переход от воспитания к самовоспитанию.

Внеаудиторная сфера рассматривается нами как область практического удовлетворения потребностей саморазвития в общественно одобряемой, социально и личностно значимой деятельности. Для процесса саморазвития правильно организованная внеурочная работа имеет особую психолого-педагогическую ценность. В свободной добровольной деятельности по интересам выражено все необходимое для полноценного формирования личности.

В разработке технологий и организации активной внеаудиторной деятельности студентов нами рассматривается совокупность учебной и воспитательной системы вуза, которая выступает педагогическим условием формирования культуры личности студента – будущего специалиста.

Основываясь на положениях личностно-ориентированного воспитания, мы рассматриваем внеаудиторную воспитательную работу как целенаправленное взаимодействие педагогов и студентов, как диалог участников педагогического процесса, через который формируется культура личности специалиста.

Библиографический список

1. Альберти Р.Э., Эммонс М.Л. Самоутверждающее поведение: Распрямись, выскажись, возрази! – СПб., 1998. – 188 с.
2. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – Л., 1968. – 339 с.
3. Асмолов А.Г. На пути к толерантному сознанию. – М., 2000. – 112 с.
4. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года // Учительская газета. – 2002. – 30 июня. – С. 26–29.
5. Педагогика и психология высшей школы. Учебное пособие. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. – 352 с.
6. Столин В.В. Самопознание личности. – М., 1973. – 153 с.
7. Щуркова Н.Е. Новые технологии воспитательного процесса. – М., 1993. – 79 с.
8. Якунин В.А. Психология учебной деятельности студентов. – М.; СПб., 1994. – 105 с.

Е.С. Зорина, Д.В. Чаплыгин

**АКТИВНАЯ ЖИЗНЕННАЯ ПОЗИЦИЯ ШКОЛЬНИКОВ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ,
НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(70–80-е гг. XX в.)**

Статья посвящена актуальным проблемам формирования активной жизненной позиции школьника, носит историко-теоретический характер. В ней представлен анализ учебно-методической литературы, раскрывается понятие «активная жизненная позиция» и обосновывается ее значимость для современного российского образования.

Социально-экономические и общественно-политические процессы, развивающиеся в настоящее время в России, предъявляют к гражданам определенные требования: быть сознательными членами общества, правильно ориентироваться в сложных перипетиях жизни, самим вырабатывать верные моральные и идейно-политические убеждения, осознавать социальную ответственность за будущее России, активно участвовать в проектировании и созидании будущего страны. Все вышеназванное предполагает, что соответствующий этим требованиям человек должен обладать устойчивой жизненной позицией.

В последнее время на правительственном уровне неоднократно звучала проблема воспитания активной жизненной позиции у молодежи. Так, в приветствии Президента России В.В. Путина к участникам I Всероссийского Форума сельской молодежи, проводимом в июне 2005 года, глава правительства выразил убеждение, что от активной жизненной позиции, инициативы молодого поколения во многом зависит эффективность решения проблем российского общества; так же В.В. Путин в ходе пресс-конференции 31 января 2006 года особо подчеркнул, что активная жизненная позиция очень важна сейчас для России.

Однако в современной научно-педагогической и учебно-методической литературе отсутствует теоретическое и методологическое обоснование процесса воспитания такой позиции учащихся.

Вместе с тем, в отечественной педагогической науке накоплен значительный исследовательский потенциал в изучении данного феномена. Уже в середине 70-х гг. прошлого века проблема формирования активной жизненной позиции личности стала одной из ведущих теоретических и практических задач педагогики. В соответствии с историческими реалиями рассматриваемого периода, педагогическая наука в значительной степени следовала в фарватере партийных реше-

ний. Так на XXV съезде КПСС (1976 г.), подчеркивалось, что «...формирование активной жизненной позиции гражданина социалистического общества является одной из главных задач нравственного формирования личности...» [4, с. 197].

Разработке процесса формирования позиции личности уделяли внимание многие ученые. Во всех учебных пособиях по педагогике исследуемого периода (С.П. Баранов, Л.Р. Болотина, Т.А. Ильина, В.А. Сластенин, И.Ф. Харламов, Г.И. Щукина) процесс воспитания «будущего строителя коммунизма» основывался на активизации его жизненной позиции. Она, в свою очередь, расценивалась как интегральная характеристика активности личности, выражающаяся в его принципиальности, последовательности в отстаивании своих взглядов, единстве слова и дела. Как справедливо замечал С.Д. Лаптенко, суть такой позиции заключается «в понимании человеком своего места в мире, социальных процессах, гражданственности, ответственности за все» [2, с. 48]. Им же отмечалось, что человеку, обладающему этой позицией, присущи такие свойства как активное движение к цели, борьба за ее достижение, в то же время личные цели у него неразрывно связаны с общественными интересами.

Поскольку формирование активной личности в изучаемый период приобрело широкий общественный смысл, а по степени ее трудовой, общественной и моральной активности судили о ценности человека для общества и коллектива, то выработка активной жизненной позиции у школьников рассматривалась как одна из наиболее важных задач и конечная цель нравственного воспитания, а уровень ее сформированности выступал критерием его эффективности. Причем, как отмечал Б.Т. Лихачев «важно не столько то, что человек говорит о себе, своих намерениях и поступках, сколько то, как он поступает в каждом конкретном случае, как он относится к другим людям, к общественной и личной собствен-

сти, к труду, к общественной деятельности, к общим и личным интересам, к требованиям общественной дисциплины, — именно эти отношения рисуют нравственный портрет личности» [3, с. 122].

Исследователи в своих работах акцентировали внимание на том, что активная жизненная позиция — это социально-обусловленное свойство личности, определяющее направленность, моральные свойства, отношения, ценностные ориентации и т.п. Поэтому она рассматривалась в педагогических исследованиях, учебно-методических пособиях, научно-популярной литературе в тесной связи с такими понятиями как нравственное отношение к действительности, приобретение нравственного опыта, формирование индивидуального нравственного сознания как внутреннего регулятора деятельности, поведения и отношений, нравственная ответственность перед обществом и самим собой и т.п. [5; 6; 7; 8].

Проведенный анализ педагогической литературы исследуемого нами периода позволяет сделать вывод, что активная жизненная позиция рассматривалась в качестве стержня в системе отношений, социальных и нравственных ценностей, являлась показателем нравственной воспитанности, в то же время данная позиция определялась как процесс становления жизненных взглядов личности.

Особо подчеркивалось, что выработка такой позиции должна начинаться еще у младших школьников, но наиболее интенсивен этот процесс — в подростковом и юношеском возрасте. Также обращалось внимание на то, что активная жизненная позиция в существенной мере зависит не столько от суммы воспитательных воздействий на личность, сколько от отношения самой личности к общественному долгу, от сформированности у детей идейно-нравственных качеств, от работы школьника над самим собой, от умения самостоятельно пополнять свои знания, ориентироваться в потоке научной и политической информации [3; 7; 8].

При этом вышеперечисленными авторами учебных пособий указывалось, что активная жизненная позиция это «сложное и тонкое» образование личности, что она не является врожденным или наследуемым свойством человека, ребенок приобретает ее в процессе онтогенеза и в течение всей своей жизни, в ходе общения с людьми. Также отмечалось, что она не может сформироваться стихийно или согласно природным человеческим естественным законам, то есть сама по себе. Более того, в силу различных причин (быто-

вых, психологических, нравственных) ребенок может «выпасть» из системы активных общественных отношений, избрать пассивную жизненную позицию, а это в свою очередь может спровоцировать распад личности, утрату индивидуальности. Тем не менее, процесс выработки такой позиции поддается целенаправленному влиянию и является продуктом воспитательного воздействия.

Таким образом, в 70–80-е гг. XX века процесс формирования активной жизненной позиции школьника предполагал оказание организационной, психологической, идеологической и направляющей педагогической помощи как со стороны учителей, так и со стороны семьи, пионерской и комсомольской организаций, других детских общественных объединений. Смысл всей воспитательной работы состоял в целеустремленном и организованном вовлечении детей в систему общественных отношений, эффективность выработки активной позиции зависела от степени вовлеченности школьников в активную общественную деятельность.

В исследуемый период в отечественной педагогике утверждалось, что процесс воспитания направлен на формирование социально важных качеств личности, на создание и расширение круга ее отношений к окружающему миру — к обществу, к людям, к самому себе (что в свою очередь и является позицией личности). Чем шире, разнообразнее и глубже система отношений личности к различным сторонам жизни, тем богаче ее собственный духовный мир, устойчивее и активнее ее жизненная позиция.

В трудах педагогов и психологов обращалось внимание на то, что любое качество личности не может существовать вне контекста целостной личности ребенка, вне его деятельности, переживаний, убеждений. Соответственно, процесс формирования активной жизненной позиции как стержневого качества личности представляет собой сложный, многозначный акт, носит длительный характер и включает в себя такие взаимосвязанные между собой «звенья» как общественные потребности — знания — чувства — практическую деятельность — привычки — инициативное поведение.

Анализ специальной педагогической и методической литературы показывает, что при формировании у школьников жизненной позиции, обеспечивающей их активное участие в общественно-политической, трудовой, учебной деятельности, учитывали ее структуру, включающую в себя следующие компоненты:

– мотивационный блок, представленный потребностями и стремлениями подрастающего поколения к активной деятельности. Это могут быть: потребность успешно выполнять общественные требования и задачи, ими поставленные, желание достичь более высоких целей, стремление добиваться успехов в любой деятельности, поддерживать престиж активного участника – компетентного, энергичного, успешно действующего;

– познавательный, и тесно связанный с ним аксиологический, блоки, содержащие в себе знания, практический жизненный опыт, взгляды, принципы, убеждения, мировоззрение, систему ценностных ориентаций в нравственной, политической, религиозной, эстетической сферах, умение анализировать и оценивать общественные явления и свой разнообразный опыт для выработки собственного мнения, способность к умению самостоятельно делать выводы из своих знаний и опыта;

– эмоциональный блок, предполагающий наличие чувств и переживаний, определяющих отношение человека к реальной действительности. Такие чувства поддерживают готовность подрастающей личности к проведению в жизнь того, что она считает правильным, достойным и т.п. Соответственно к этому блоку относятся: долг и чувство ответственности, уверенность в успехе и значимости выполняемой работы, вдохновение, воодушевление, любовь к Родине, патриотизм, чувство доброты, заботливости, любви к людям;

– волевой блок, включающий в себя умение и желание поступать в соответствии с предъявляемыми общественными требованиями и нормами морали. Проявление инициативы, умение мобилизовать свои и силы товарищей на достижение поставленных целей, умение отвлекаться от различных помех, преодолевать сомнения, препятствия, различного рода трудности; сюда же относятся такие волевые проявления как дисциплинированность, организованность, сдержанность и настойчивость.

Процесс становления активной жизненной позиции строился в определенной последовательности, соотносящейся с этапами формирования личности ребенка. Логика процесса представляется следующей:

– внешнее воздействие (стимул). Им могут выступать: предъявление требования активной деятельности, личностного отношения, собственной оценки и самостоятельного принятия решений; различные жизненные ситуации и задачи,

когда нужно действовать в интересах общества, принимать решения за или против норм поведения и жизни; необходимость делать выбор, действовать в духе определенных убеждений как в привычных, так и новых условиях. Во всех случаях стимул должен быть ребенком адекватно воспринят, осознан и отражен в его внутреннем мире, получить ту или иную личностную оценку, то есть должен стать его «внутренней позицией», только тогда он станет регулятором соответствующего поведения и деятельности;

– внутренний побудитель (мотив), составляющий потребность и стремление человека быть активным участником социальной жизни общества, коллектива класса, отряда и т.п. Только мотив, сформированный на основе осознания и принятия стимула, становится способным превратиться во внешнюю акцию, стать движущей силой поступков;

– выбор программы действий и формы поведения. На этой ступени ребенок устанавливает положительные внутренние связи своих мотивов с требованиями общества и принимает решение об активном участии «в борьбе за построение нового общества, в производительном труде, в политической и общественно полезной деятельности» [5, с. 238]. На данном этапе школьник анализирует и оценивает реально складывающиеся ситуации, применяет приобретенные знания, опыт и убеждения для моральной оценки как собственного поведения, так и поведения других, а также осознает взаимосвязь между мотивом и результатом действия. На этой основе он самостоятельно принимает решения, делает выбор, которые позволяют ему в дальнейшем жить и поступать в духе собственных убеждений, не расходящихся с требованиями общества;

– реализация мотива в соответствующем поведении и закрепление последнего в привычке, в реальной жизни это происходит тогда, когда действия ребенка, его практическое поведение строятся в соответствии с жизненными целями, устремлениями, усвоенными идеалами, убеждениями, нормами, то есть отвечают общественным требованиям. Такое поведение вырабатывается и становится привычным в случае постоянного участия (в меру своих сил) в преобразовании окружающего мира, в решении задач, имеющих значение для общества;

– превращение привычного поведения в свойство личности. Активная жизненная позиция счи-

талась устойчивым качеством личности в том случае, если все вышеназванное прошло процесс интериоризации, то есть из внешнего перешло во внутреннее, вошло в систему и служит внутренним регулятором поведения. Школьник добровольно отстаивает и защищает свои убеждения в любых обстоятельствах, действует соответственно общественным нормам и требованиям, строит свою жизнь, осознавая, признавая и желая им следовать. Привычное поведение позволяет производить действия не только под контролем, но и в силу выработанной потребности в данном действии, помогает найти правильный выход в спорных моментах, выступает движущей силой поступков в любой ситуации и в любых условиях, оно вызывает чувство радости, удовлетворения, то есть становится образом жизни.

Указанные ступени (этапы), на наш взгляд, представляют собой схему, отражающую динамику и последовательность формирования такого важного свойства личности как активная жизненная позиция. На современном этапе общественно-исторического развития вышеприведенная схема может служить программой воспитания рассматриваемого качества. Однако, учитывая сложные и противоречивые условия учебно-воспитательного процесса современной школы, отдельные ступени могут быть видоизменены, свернуты, совмещены, передвинуты, но неизбывным остается то, что выработка системы мотивов и привычных форм их реализации всегда должна носить постоянно действующий характер.

В рамках данной статьи была осуществлена попытка анализа учебно-педагогической и методической литературы с целью раскрытия теоретических аспектов проблемы воспитания жизненной позиции «активного и разносторонне развитого члена общества, знающего, умеющего и желающего отдавать свои силы улучшению жизни своего народа, расцвету своей Родины» [6, с. 65] у школьников в 70–80-е гг. XX века.

Учеными того периода активная жизненная позиция рассматривалась как целостное образование личности, ее стержневое качество, которое определяло и выражало систему ее отношений к обществу, идеалам существующей идеологии, окружающим людям, труду, себе и т.п.

Такая позиция формируется на основе приобретаемой детьми системы знаний, в последующем служащих основой убеждений, включает в себя воспитание системы нравственных чувств,

оценочных суждений, умение применять известные нормы поведения к отдельным фактам действительности на основе их анализа, сравнения и рассуждений. Это происходит в течение всей жизни человека, проходя ряд ступеней, соотносимых с этапами формирования личности, но наиболее интенсивно – в детском возрасте.

Становление активной жизненной позиции совершается путем включения подрастающего поколения в добровольное практическое участие в специально организованной общественно полезной деятельности.

Рассматриваемое качество личности проявляется в целях, а особенно в мотивах деятельности школьника, в тех средствах и путях, которые он выбирает и использует для достижения поставленных задач, в реакции на достигнутый результат, на успех или неудачу.

Активная жизненная позиция, будучи социально-обусловленным качеством, представляет собой сложное проявление связей личности с окружающим миром, является сплавом теоретических знаний и практического жизненного опыта, воспринятых, осознанных и принятых им общественных норм поведения, ценностей и личных субъективных желаний, интереса и направленности.

Библиографический список

1. Волков А.К., Пирогов В.И. Идеино-политическое воспитание старшеклассников. – М.: Педагогика, 1985. – 160 с.
2. Лаптенко С.Д. Система нравственного воспитания (Опыт БССР). – М.: Знание, 1982. – 64 с.
3. Лихачев Б.Т. Общие проблемы воспитания школьников: Учеб. пособие по спецкурсу для студентов пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1979. – 167 с.
4. Очерки истории педагогической науки в СССР (1917–1980) / Под ред. Н.П. Кузина, М.Н. Колмаковой. – М.: Педагогика, 1986. – 288 с.
5. Педагогика. Учеб. пособие АПН СССР. – М.: Просвещение, 1978. – 506 с.
6. Педагогика. Учеб. пособие для студентов фак. педагогики и методики нач. обучения пед. ин-тов. / Под ред. С.П. Баранова и др. – М.: Просвещение, 1976. – 352 с.
7. Педагогика: Учеб. пособие для педучилищ / С.П. Баранов, Л.Р. Болотина, Т.В. Воликова, В.А. Сластенин. – М.: Просвещение, 1981. – 367 с.
8. Щуркова Н.Е. Научить быть человеком (О специфике нравственного воспитания). – М.: Знание, 1979. – 96 с.

С.В. Истомина

ВЛИЯНИЕ КОМПОНЕНТОВ РЕГУЛЯТОРНОГО ОПЫТА НА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САООПРЕДЕЛЕНИЕ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

В данной статье рассматривается влияние регуляторного опыта на профессиональное самоопределение старшеклассников. Автор анализирует данные эмпирического изучения особенностей операционального компонента, опыта сотрудничества и профессионального самоопределения в их взаимосвязи и влиянии.

Актуальность исследования профессионального самоопределения, как процесса выбора профессии и самореализации в ней обусловлена практическим запросом, который сформировался в условиях экономических преобразований, связанных с появлением рынка труда, переорганизацией производства. Проблема профессионального самоопределения наиболее актуальна в ранней юности, так как старшеклассники находятся на пороге своего профессионального будущего. Это связано с тем, что потребность в самоопределении является центральным компонентом социальной ситуации развития старшеклассников.

Анализ работ, посвященных изучению профессионального самоопределения, показал, что данной проблемой занимались многие отечественные авторы (Е.А. Климов, 1983, 2004; А.К. Осницкий, 1992, 1998; И.С. Кон, 1984; Н.В. Самоукина, 2003; Н.С. Пряжников, Е.Ю. Пряжникова, 1997, 2001; В.А. Бодров, 2001; К.М. Гуревич, 1988; В.Н. Обносков, 1998; Е.С. Романова, 1992 и др.).

Мы рассматриваем профессиональное самоопределение личности в плане субъектной активности и определяем его как двусторонний процесс поиска своего места в мире профессии и поиск места профессии в своей жизни. А.К. Осницкий отмечает, что профессиональное самоопределение начинается с момента выбора профессии и проходит длительную историю развития, осуществляется в ходе активного овладения основами данной профессии, овладения необходимыми знаниями и умениями, постепенного повышения уровня профессионального мастерства [2].

В своем исследовании мы опираемся на концепцию субъектного (регуляторного) опыта, разработанную А.К. Осницким в рамках структурно-функционального подхода к изучению процессов саморегуляции, где саморегуляция произвольной активности понимается как системно организованный процесс по инициации, построению, поддержанию и управлению всеми вида-

ми и формами внешней и внутренней активности, которые направлены на достижение принимаемых субъектом целей (О.А. Конопкин, В.И. Моросанова, В.И. Степанский). Обратившись к анализу регуляторного опыта, А.К. Осницкий выделяет пять взаимосвязанных и взаимодействующих компонентов: ценностный опыт, опыт рефлексии; опыт привычной; операциональный опыт; опыт сотрудничества.

Наше исследование направлено на выяснение роли регуляторного опыта в процессе профессионального самоопределения. Понимание того, какое место компоненты регуляторного опыта занимают в процессе выбора профессии, какие именно компоненты регуляторного опыта влияют на профессиональное самоопределение, на успешное регулирование человеком своей произвольной активности, позволит отыскать пути повышения осознанной саморегуляции, как одного из способов формирования самостоятельности, ответственности и успешности субъекта. В рамках данной статьи мы ограничимся анализом результатов эмпирического изучения операционального компонента регуляторного опыта и опыта сотрудничества, их взаимосвязи и влияния на профессиональное самоопределение старшеклассников.

Первым этапом нашей работы было изучение особенностей профессионального самоопределения, операционального опыта и опыта сотрудничества старшеклассников. Для этой цели нами было продиагностировано 407 человек, из них 123 учащихся 10 классов и 284 – одиннадцатых классов, 214 девушек и 193 юноши. В выборку вошли учащиеся средних общеобразовательных школ, лицей и гимназии.

Для реализации задач исследования мы использовали «Модифицированный дифференциально-диагностический опросник» (МДДО) А.К. Осницкого, «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой, опросник «Саморегуляция» А.К. Осницкого, модификацию социометрической методики для выявления у учащихся

Таблица 1

Уровни операционального опыта	Девушки		Юноши		Общее кол-во учащихся
	кол-во	%	кол-во	%	
высокий	63	15,5	51	12,5	114 (28%)
средний	97	23,8	78	19,2	175 (43%)
низкий	54	13,3	64	15,7	118 (29 %)

умений и склонности к сотрудничеству А.К. Осницкого, социометрия (по Т.А. Ратановой), анкетные и опросные методы.

При анализе особенностей профессионального самоопределения мы смогли выявить уровни – низкий, средний и высокий; а при изучении особенностей операционального опыта – наличие/отсутствие отдельных умений саморегуляции, общего уровня саморегуляции, умелость в нескольких профессиональных сферах («Природа», «Техника», «Человек», «Знаковые системы», «Художественный образ») и общее количество этих умений; при изучении опыта сотрудничества – уровни сотрудничества (высокий, средний (достаточный), недостаточный) и сопряженную оценку индекса надежности.

По данным методик, выявляющих уровень операционального опыта, мы смогли выделить три группы старшеклассников (табл. 1):

1) учащиеся с высокими показателями общего уровня саморегуляции (28%) самостоятельны, гибко и адекватно реагируют на изменение условий, выдвижение и достижение цели у них осознанно. Чем выше у учащегося общий уровень осознанной саморегуляции, тем легче он овладевает новыми видами активности, тем стабильнее его успехи в привычных видах деятельности. У них хорошо развиты структурно-компонентные, функциональные, личностно-стилевые особенности саморегуляции, общее количество трудовых умений от 30 до 40;

2) у учащихся с низкими показателями уровня саморегуляции (29%) потребность в сознательном планировании и программировании своего поведения не сформирована, что в значительной степени сказывается на их профессиональном выборе. Они зависимы от мнения других людей, всю ответственность за этот шаг они перекладывают

на других людей; у них неразвиты особенности саморегуляции, общее количество трудовых умений от 0 до 19;

3) у 43% учащихся отмечены средние показатели уровня саморегуляции. Недостаточно развиты особенности саморегуляции, общее количество трудовых умений от 20 до 30. По нашему мнению это объясняется тем, что успешность овладения различными видами деятельности в большей степени зависит от соответствия особенностей регуляции и требований осваиваемого вида активности.

Достаточно информативными оказались результаты МДЮ, анкеты, беседы с учителями и родителями, на основе которых мы смогли выделить уровни сформированности профессионального самоопределения у старшеклассников (результаты представлены в таблице 2):

1) учащихся с низким уровнем профессионального самоопределения характеризуются отсутствием выраженных интересов, отсутствием умений во всех сферах (!), склонностей, предпочтений в профессиональной сфере, недостаточно развитой рефлексией, снижением динамики интересов, завышенной критичностью, неустойчивым интересом к учебной деятельности, безразличным отношением к будущей профессиональной деятельности, перекладыванием ответственности за профессиональный выбор на других людей (друзей, родителей). 15% юношей имеют направленность на неудачу в делах; а 14% – отрицательно относятся ко всем видам профессиональной деятельности;

2) у учащихся со средним уровнем профессионального самоопределения отмечается интерес к какой-либо профессиональной деятельности, одновременно отсутствие умений в данной сфере; склонность и хороший уровень адаптации

Таблица 2

Уровни ПСО	Девушки		Юноши		Общее кол-во учащихся
	кол-во	%	кол-во	%	
высокий	55	13,3	43	10,8	98 (24,1%)
средний	108	26,3	95	23,6	203 (49,9%)
низкий	51	12,3	55	13,7	106 (26%)

в одной сфере, неустойчивый интерес к учению и труду, не всегда успешное овладение практическими умениями и навыками, неустойчивое отношение к будущей профессиональной деятельности. В данной категории оказались юноши, которые боятся серьезных трудностей при реализации своих намерений;

3) высокий уровень профессионального самоопределения отмечен у учащихся с выраженным интересом и развитыми умениями в нескольких сферах, наличием склонности, предпочтением и положительной направленности к профессиональной деятельности. Из 98 учащихся с высоким уровнем профессионального самоопределения 74 человека (75,5%) отметили наличие умений в 4–5 сферах из пяти существующих; в то время как среди старшеклассников с низким уровнем подобное количество умений отмечено у 11 (10,4%).

Выбор профессии определяют интересы и потребности учащихся, совпадение профессиональных намерений и действий выбора профессии, положительная динамика профессиональных интересов, внутренний локус-контроль. Такие старшеклассники уже определили ВУЗ, в который они будут поступать, целенаправленно готовятся к вступительным экзаменам (посещают факультативы, репетиторов, подготовительные курсы в ВУЗе, читают дополнительную литературу); в качестве будущей профессии выбирают престижные специальности (юрист, экономист, психолог, программист и т.д.).

Анализ данных и применение статистических методов (коэффициент корреляции Пирсона) показал наличие взаимосвязи между уровнем профессионального самоопределения и умениями сотрудничества:

1. Учащиеся с высоким уровнем профессионального самоопределения характеризуются высоким уровнем сотрудничества ($r_{xy}=0,56$ при $p \leq 0,01$). Такие учащиеся адекватно оценивают свои возможности в качестве предпочитаемого участника сотрудничества, индекс надежности ≈ 1 . Надежность характеризует учащегося как партнера во взаимодействии сверстников и определяется как отношение числа предполагаемых учеником выборов себя сверстниками для совместных дел к числу реальных выборов сверстника. Эти данные коррелируют и с результатами социометрии ($r_{xy}=0,91$ при $p \leq 0,01$): учащиеся с высоким уровнем сотрудничества являются «звездами» (87%) и предпочитаемыми (13%).

2. Учащиеся с низким уровнем профессионального самоопределения характеризуются низким уровнем сотрудничества ($r_{xy}=0,63$ при $p \leq 0,01$). Такие учащиеся (9%) переоценивают себя как желаемого участника сотрудничества, числитель в индексе надежности обычно равен 0 или 1, в то время как знаменатель (число предположений о выборе сверстниками) значительно выше (от 3 до 7). В целом индекс надежности равен от 0 до 0,5. Практически все эти учащиеся являются отвергаемыми (81%) и пренебрегаемыми (19%) по данным социометрии.

Анкетирование и беседа с классными руководителями подтверждают полученные данные. Учащиеся с высоким уровнем сотрудничества довольно успешно обучаются, посещают факультативы и дополнительные занятия по подготовке к обучению в вузе. В большинстве случаев они являются активом класса и помогают учителю в реализации многих мероприятий внеклассной работы. Пользуются заслуженным авторитетом в среде сверстников, их выбирают как желаемых сотрудников в разных сферах деятельности (трудный поход, обсуждение профессионального выбора, совместная работа в бригаде). У 79 старшеклассников (91,8%) с высоким уровнем сотрудничества отмечены высокие показатели (более 5) по шкале «Общительность» МДДО, т.е. у них в большинстве случаев высокие показатели в сфере «человек-человек», развитая сфера общения, обеспеченная умениями общения, умениями сотрудничества.

На заключительном этапе нашей работы мы выявляли влияние операционального опыта и опыта сотрудничества на профессиональное самоопределение учащихся с помощью двухфакторного дисперсионного анализа. В процессе подсчетов оказалось, что такой фактор как опыт сотрудничества не влияет на профессиональное самоопределение, операциональный опыт – влияет при $p \leq 0,05$, однако при взаимодействии данных факторов уровень статистической значимости значительно увеличился ($p \leq 0,01$). Следовательно именно взаимодействие компонентов регуляторного опыта обеспечивает более высокий уровень саморегуляции человека в различных сферах деятельности.

По итогам проведенной работы можно сделать ряд выводов:

1. Развитая система операционального опыта, отдельные умения саморегуляции, умения

в различных сферах профессиональной деятельности и достаточная научная база позволяют старшеклассникам более гибко ориентироваться в мире профессий, сделать правильный профессиональный выбор.

2. Учащиеся с сопряженным индексом надежности показывают высокие результаты и в сфере обучения, и в сфере общения. Успешное взаимодействие с окружающим миром позволяет им адекватно ориентироваться в изменяющейся обстановке, нести ответственность за совершаемые действия. Успешное сотрудничество со сверстниками и взрослыми позволяет таким старшеклассникам сделать первые пробы в различных сферах профессиональной деятельности и на основе этого опыта наметить наиболее оптимальную

область для последующей реализации своих жизненных планов.

3. Влияние операционального опыта и опыта сотрудничества в их взаимодействии обеспечивает более высокий уровень профессионального самоопределения у старшеклассников.

Библиографический список

1. Осницкий А.К. Структура, содержание и функции регуляторного опыта человека: Дис. ... д-ра наук. – М., 2000.

2. Осницкий А.К. Психология самостоятельности. Методы исследования и диагностики. – М.; Нальчик: Изд. центр «Эль-фа», 1996. – 125 с.

3. Осницкий А.К. Умения саморегуляции в профессиональном самоопределении учащихся // Вопросы психологии. – 1992. – №1. – С. 52–59.

Н.В. Карпук

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОЛЛЕДЖА В ПРОЦЕССЕ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ

В статье рассматривается система организационно-педагогических условий формирования информационной компетентности преподавателей педагогического колледжа как компонент стратегического управления образовательным учреждением; определяются этапы формирования информационной компетентности.

Инновационное развитие государства, общества, личности предопределяется прогрессом в области образования. Высокое качество образования для всех – стратегический национальный ресурс, главный конкурентный капитал, одно из фундаментальных условий устойчивого динамичного развития общества. Становление новой системы образования, ориентированной на вхождение в мировое образовательное пространство и реализацию стратегии Болонского и Брюгге-Копенгагенского процессов, характеризуется существенными изменениями в педагогической теории и практике.

В условиях развития новых подходов и технологий образования человека (информационно-педагогического, личностно-ориентированного, опережающего, глобального), формирования глобально-региональной (локальной) системы образования предъявляются новые требования к содержанию педагогической деятельности в педагогическом колледже, уровню профессионально-педагогической культуры преподавателей, их

профессионализма и мобильности в развивающемся едином информационном пространстве.

На смену формуле «образование на всю жизнь» приходит стратегия «образование через всю жизнь», реализовать которую призвана система непрерывного профессионального образования, в том числе и педагогического (ссуз – вуз – ИПК, ФПК). Непрерывное образование специалиста должно быть направлено в целом на развитие его личности, систему его ценностных ориентаций, мотивов действий, представление о себе как специалисте, а также на формирование способностей к самоанализу и самосовершенствованию, а не только на профессионально значимые знания и умения.

В современных исследованиях, посвященных вопросам качественного обновления методологии профессионального образования и его технологий, обращается внимание на взаимообусловленность компетентности в области информационных технологий и профессионального мастерства.

Гуманизация образования взрослых в системе повышения квалификации преподавателей педагогического колледжа проявляется в важных взаимосвязанных аспектах, к числу которых мы относим направленность системы повышения квалификации преподавателей на развитие личности в целом, подход к обучающемуся как к носителю общечеловеческой культуры; развитие творческих способностей преподавателей в различных областях их деятельности, в том числе, в сфере общения; создание условий образовательного процесса (например, сочетание диагностики и самодиагностики и др.) при обучении преподавателей, при которых укрепляется или даже воскресает вера в себя, свои возможности; формируется потребность в саморазвитии; развитие инновационных способностей преподавателей, их умения работать в новых условиях, принимать и осуществлять новые решения.

Повышение квалификации преподавателей педагогического колледжа непременно должно также соответствовать требованию научно-исследовательского совершенствования, повышающего педагогическую, методическую, информационную компетентность и исследовательскую культуру обучаемых.

Организационные возможности непрерывного образования позволяют учитывать коллективные, групповые, индивидуальные потребности учителя, поэтому общие для всех и индивидуальные формы повышения квалификации должны стать паритетными. Система повышения квалификации преподавателей строится на сочетании в ее содержании глобальных и региональных проблем, благодаря чему у педагога формируется устойчивое отношение к себе как члену мирового сообщества и одновременно личности, живущей «здесь», на своей «малой родине» (в городе, районе, селе).

Повышение квалификации преподавателей педагогического колледжа в условиях непрерывного многоуровневого профессионального образования становится более эффективным при внедрении **комплекса организационно-педагогических условий:**

- организационно-экономических, предполагающих многоканальное финансирование и необходимую материально-техническую базу системы повышения квалификации;
- учебно-материальных, приводящих профессиональные образовательные программы повы-

шения квалификации преподавателей в соответствие с потребностями современной системы образования и запросами личности;

- научно-методических, повышающих педагогическую, методическую и информационную компетентность преподавателей педагогических колледжей;

- организационно-управленческих, формирующих гибкую структуру управления системой повышения квалификации, направленную на организацию инновационной деятельности;

- психолого-педагогических, предполагающих создание положительной мотивации у всех участников процесса повышения квалификации через повышение профессионально-управленческой компетентности.

Несомненно важным мы полагаем усиление регионального компонента во всех программах повышения квалификации. История и искусство города, история науки и история педагогики в нем, история школ, история родов, семей и отдельных людей должны стать предметом рассмотрения и профессиональной деятельности учителя. Для этого необходимо как привлечение принципиально новых специалистов по этим вопросам, так и включение в эту работу всех педагогов.

Этому в значительной степени будет способствовать проведение занятий и курсов в системе повышения квалификации учителей как по общечеловеческим, глобальным проблемам (мировая история и искусство, ценности культуры членов мирового сообщества, жизнь как ценность, экология, психология и т.д.), так и по тематике, максимально привязанной к судьбе своего народа – рода – местности.

Создание системы организационно-педагогических условий повышения квалификации работников является важнейшим компонентом стратегического планирования любого образовательного учреждения, в том числе и педагогического колледжа.

Стратегическое планирование – аналитический процесс, а стратегический менеджмент – организационный. В стратегическом планировании используются экономические и технологические переменные. В стратегическом менеджменте, кроме того, учитываются еще и психологические, социологические и политические факторы. Стратегический менеджмент обычно рассматривается как совокупность пяти взаимосвязанных процессов: анализ среды (внешней и внут-

ренной), определение миссии и целей, анализ и выбор стратегии, реализация стратегии, оценка и контроль выполнения стратегии.

О.С. Виханский, определяя понятие, объединяет оба подхода, подчеркивая значение человеческих ресурсов в стратегическом управлении: «Стратегическое управление – это такое управление организацией, которое опирается на человеческий потенциал как на основу организации, ориентирует производственную деятельность на запросы потребителей, осуществляет гибкое регулирование и своевременные изменения в организации, отвечающие вызову со стороны окружения и позволяющие добиваться конкурентных преимуществ, что в результате позволяет организации выживать и достигать своей цели в долгосрочной перспективе» [1].

Создание информационного общества требует решения задач формирования современной информационной среды и информационной инфраструктуры, обеспечивающей эффективное формирование информационных ресурсов, подготовки информационных продуктов и услуг, имея в виду и образовательные программы и средства. Справиться со стратегическими задачами образования будущего могут только соответственно подготовленные учителя. И в этом случае неизмеримо возрастает роль преподавателя колледжа, призванного аккумулировать в себе проблемы образования, перевести их в задачи, отработать необходимое содержание и технологии обучения.

В рамках реализуемой Минобразованием России научно-технической программы «Научное, научно-методическое, материально-техническое и информационное обеспечение системы образования» действует подпрограмма «Информационные технологии в образовании». Основными направлениями работы в соответствии с программой являются информатизация процессов обучения в системе общего и профессионального образования, повышения квалификации и переподготовки кадров, разработка педагогико-эргономических аспектов информационных технологий; разработка учебно-методических комплексов по различным дисциплинам для подготовки педагогов и студентов к профессиональной деятельности, информационно-образовательных сред и Интернет-систем (в том числе для Интернет-тестирования); создание информационного и организационно-методического обеспечения для развития отраслевой сертификации в области

информационных технологий. Особое внимание уделяется информатизации образования как направления, связанного с приобретением и развитием информационной культуры человека.

В ситуации динамично меняющегося мира, глобальной взаимозависимости и конкуренции, необходимости широкого использования и постоянного развития технологий стратегическое значение имеет не только информатизация сферы образования, но и формирование у педагогов информационной компетентности. Компетентность определяется как владение, обладание соответствующей компетенцией, включающей личностное отношение к ней и предмету деятельности; как качество личности, проявляющееся в способности и готовности ее к деятельности, основанной на знаниях и опыте.

Под информационной компетентностью в современных исследованиях понимается интегрированное качество личности, являющееся результатом отражения процессов отбора, усвоения, переработки, трансформации и генерирования информации в особый тип предметно-специфических знаний, позволяющее вырабатывать, принимать, прогнозировать и реализовывать оптимальные решения в различных сферах деятельности с помощью компьютера, включающее в себя ИКТ-компетентность и компетенции в области информационных технологий [3].

Такое понимание термина дает основание рассматривать информационную компетентность как ведущую функциональную компетентность в структуре общей, в данном случае, профессионально-педагогической компетентности, в содержании которой выделяют ключевую, базовую и специальные компетенции, по сути, составляющие определенное интегративное единство и раскрывающие логику формирования информационной компетентности учителя.

Понимание того, что в век высоких технологий компьютерная грамотность стала насущной необходимостью, перед каждым педагогическим коллективом стоит задача создания информационно-образовательной среды. Одной из форм повышения квалификации преподавателей в ГОУ СПО «Вешенский педагогический колледж имени М.А. Шолохова» является система работы над научно-методической проблемой колледжа. В течение нескольких лет стратегической проблемой является проблема повышения качества подготовки специалистов. Решая эту многогранную

проблему, ежегодно научно-методический совет колледжа выделяет определенный аспект вышеуказанной проблемы: комплексное учебно-методическое обеспечение учебного процесса, национально-региональный аспект подготовки будущего педагога, использование современных педагогических технологий как фактор повышения качества подготовки специалистов. Прошедший учебный год был посвящен работе над проблемой «Информационная компетентность преподавателей как фактор качества подготовки специалистов».

Определяя пути решения заявленной научно-методической проблемы, мы выделили несколько этапов: 1 этап – диагностирование состояния проблемы и проектирование деятельности; 2 этап – изучение и осмысление теоретических основ проблемы; 3 этап – практическая реализация темы в педагогической деятельности каждого преподавателя; 4 этап – систематизация и обобщение полученных результатов.

На первом этапе было проведено анкетирование преподавателей с целью выявления уровня владения информационными технологиями, на основе полученных результатов были организованы разноуровневые группы обучения преподавателей компьютерным технологиям.

В разработанной нами модели выделены следующие блоки информационной компетентности преподавателя в соответствии с составляющими информационной культуры: пользовательский, дидактический и мировоззренческий. Данные блоки способствуют формированию коммуникативного, ценностно-смыслового компонентов информационной культуры преподавателей-предметников на теоретическом уровне.

Практически формирование информационной компетентности проявилось в том, что преподаватели стали использовать полученные знания при приеме, переработке, выдаче и преобразовании учебной информации. Все чаще в учебно-воспитательном процессе стали применяться мультимедийные технологии, а также информационные ресурсы.

Под информационными ресурсами понимается совокупность образовательных материалов и средств доступа к ним, снабженная методикой по их использованию в учебном процессе. В этот комплекс могут входить рабочие программы, перечни вопросов, тем, глоссарии, конспекты лекций, вопросы для самопроверки и проверки, образцы творческих работ учащихся, методические

материалы, рекомендации, инструкции и т.д. Итогом работы над проблемой станет диск «Банк электронных иллюстративных приложений к урокам».

Соблюдение ряда организационно-педагогических условий необходимо и при использовании индивидуальных форм повышения квалификации (ИФПК). Прежде всего, индивидуальные формы обучения преподавателей используются при недостаточно развитой мотивации, при отношении к коллективному обучению лишь как к юридически необходимой, но вместе с тем удобной форме. Выбор самим педагогом индивидуальных форм повышения квалификации обусловлен четкой, осознанной целью обучения. Этой целью может быть обобщение своего опыта, изучение опыта коллег с последующим его описанием, подготовка статьи, брошюры, книги об опыте работы, опережающая разработка новой технологии обучения, диагностика и повышение уровня своего мастерства, получение нового звания или должности в системе педколледжа (председатель ПЦК, заведующий кабинетом, методист научно-методического совета).

Весьма существенным фактором успешности ИФПК является предоставление каждому преподавателю учебной литературы, дидактических материалов, пособий в помощь самообразованию. Без этого индивидуальная работа преподавателя наталкивается на ряд непреодолимых для него трудностей и либо прекращается, либо приобретает бессистемный характер, т.е. не приводит к намеченной цели.

Еще одним условием успешности ИФПК является наличие подготовленных к этой работе методистов, владеющих как содержанием современной методики обучения предмету, так и андрагогическими умениями, т.е. умением работать со взрослыми обучающимися.

Таким образом, только подходя к повышению квалификации преподавателей педагогического колледжа комплексно, сочетая фронтальные, групповые и индивидуальные формы совершенствования профессионального мастерства преподавателя, учитывая и создавая необходимые организационно-педагогические условия, можно реализовать стратегические цели современного профессионального образования.

Библиографический список

1. Виханский О.С. Стратегическое управление. – М., 1995. – С. 53.

2. Гавриленко Е.Р. Педагогические условия управления повышением квалификации преподавателей колледжа: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Ростов-на-Дону, 2002. – 25 с.

3. Гудкова Т.А. Формирование информационной компетенции будущего учителя информатики в процессе обучения в ВУЗе: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Чита, 2007. – 22 с.

Т.В. Киреева

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА

Устойчивое развитие и экологизация наших городов находится сегодня в руках учащихся и студентов. В статье предлагается вести обучение экологии через и посредством экореконструкции и экореставрации самой образовательной среды: инфраструктуры, использование новых источников энергии, утилизацию и вторичное использование ресурсов, создание ландшафтной среды приближенной к естественной.

Восстановление природной среды и повышение качества жизни одновременно с достижением экологического равновесия и устойчивого развития – одно из главных направлений развития цивилизации. В конце семидесятых годов прошлого столетия ряд западных ученых Ричард Реджистер, Ванг Русонг, Себастьян Моффэтт подняли проблему создания экологически чистого города – Экосити (ecocity, ecological city). Экосити – город, построенный на принципах экологичности, находящийся в экологическом равновесии с природой и не отторгаемый природными экосистемами, не загрязняющий природу и пронизанный зелеными коридорами, с нишами для жизни диких животных, с экологичными зданиями и экологизацией всей деятельности людей в городе, с высоким качеством жизни, системой экологического образования, воспитания и вовлечения всех жителей в процесс экологизации их жизни и деятельности [4]. Прежде при строительстве зданий, возведении целых городов и промышленных объектов практически не обращалось специального внимания на проблемы адаптации к природе, поэтому большая их часть не является экологичной в полной мере или вообще не соответствует минимальным требованиям экологичности.

При разработке новых проектов следует применять основные принципы средового проектирования, которые сегодня сродни врачебному постулату – «не навреди». Гибкая планировка, демократизм и бережное обращение к существующей на данной площадке ландшафтной среде, требования экологичности – экологической реконструкции, реставрации и мелиорации (улучшение) выходят на первый план.

Экологичная реконструкция – это изменение параметров существующего неэкологичного объекта с приведением его и окружающей среды в состояние экологичности (биоопозитивности). Это требование касается как объектов строительства, так и объектов ландшафта [2].

Экологичная реставрация антропогенного ландшафта – это возврат компонентов ландшафта в естественное (или близкое к нему) природное состояние, которое было несколько десятилетий назад (20–50 и более лет). Экологизация ландшафтного дизайна отражается, прежде всего, на изменении подхода к трактовке поверхности земли, дополняя постепенное представление о ней, как горизонтальной основе пространства пониманием ее, как части «живой» ткани природы [2]. Экореставрация касается только ранее созданных антропогенных ландшафтов (городских, сельскохозяйственных промышленных) и означает их восстановление и возврат к прежнему природному состоянию. Эти ландшафты могут использоваться для проживания, или хозяйственной деятельности, или же быть «покинутыми», т.е. заброшенными после хозяйственной деятельности.

Экореконструкция и экореставрация – это сравнительно новые понятия, означающие, с одной стороны, экологизацию ранее построенных и эксплуатирующихся неэкологичных объектов, а с другой стороны, возврат природной среды в прежнее состояние (имеется в виду достижение прежней чистоты воздуха, воды, почв, восстановление ландшафтов, лесов и др.).

Экологичная реконструкция и реставрация должны носить комплексный, системный характер и сопровождаться экологизацией всей деятельности человека. Без этого системного подхо-

да экореконструкция отдельных направлений жизни и деятельности человека и экореставрация загрязненных ландшафтов не позволит достичь цели – восстановления природной среды и повышения качества жизни одновременно с достижением экологического равновесия и устойчивого развития. При разработке комплексной программы экореконструкции и экореставрации необходимо учитывать ряд экологических ограничений, условий устойчивого развития и принципов экологизации (биооптимизации). Для знания основ экореконструкции и экореставрации специалисты и граждане должны быть экологически образованы. Экологичные учебные заведения стали все шире использоваться для экологического образования и воспитания за рубежом.

Школьные и дошкольные учреждения, вузы, техникумы, училища – это как раз те учреждения, с которых должно начинаться экологическое образование. Именно там должно воспитываться экологическое мышление, гуманное отношение к природе. Само здание, территория учебного заведения, интерьер, должны нести информацию экологичности и наглядно демонстрировать преимущества экологичной среды. На смену холодно-равнодушной эстетике периода научно-технического прогресса, должна прийти эстетика естественной природной среды.

Экологическое обучение и воспитание возможно и необходимо вести не только на основе учебников и лекций, но и путем непосредственного контакта – обучением самой экологичной средой.

Широкое экологическое образование возможно путем экологичной реконструкции существующих учебных заведений. Особо актуален вопрос первоочередного проведения экореконструкции всех школьных (или учебно-воспитательных) объектов – детских садов, школ, колледжей, университетов и других учебных заведений. Экологичная реконструкция всех учреждений образования необходима в первую очередь для экологического воспитания учащихся самой средой зданий и инженерных сооружений, прилегающих ландшафтов. Второстепенное внимание к эстетической выразительности учебно-производственной среды является недостатком современной проектно-строительной практики. Традиционное деление фасадов на главные, боковые и дворовые неприемлемо для учебных зданий, где важны все элементы учебной и учебно-производственной среды [1]. Долгие годы проектирование

объектов образования велось на основе типизации, что имеет существенные недостатки, к главным из которых можно отнести жесткость архитектурно-планировочной структуры здания. Варианты решения отдельных планировочных узлов, которые иногда предусматривались в проектах, не обеспечивали многообразие конкретных функциональных требований к архитектуре учебных зданий. Практика показывает, что даже школы одной и той же вместимости могут иметь разное соотношение учебных и учебно-вспомогательных помещений в зависимости от комплектации классов, количества параллелей учащихся одной возрастной группы [3]. Ландшафтное окружение школ, основанное на типовом генплане, разрушало среду, традиции и национальные особенности местности, лишало уникальности.

Экологичная реконструкция учебных заведений должна носить системный характер, она может осуществляться по этапам, каждый из которых будет решать один из конкретных вопросов роста экологичности и сможет служить наглядным пособием для обучения. Экореконструкция должна быть направлена не только на достижение независимости зданий от внешних сетей, на незагрязнение природы и ее поддержку, но и на получение устойчивой, эстетически обогащенной, ландшафтной среды. Основными направлениями здесь могут быть:

- создание красивой и здоровой архитектурно-ландшафтной среды;
- использование возобновляемой энергии для энергоснабжения (отопления, освещения);
- утилизация всех органических отходов с получением биогаза, удобрения; поддержка биоразнообразия, флоры и фауны [4].

Зарубежный опыт проведения подобных мероприятий указывает на значительные финансовые затраты. Новые источники энергии, переработка и утилизация отходов, устройство системы координации процессом по системе «умный дом» – все это требует значительных капиталовложений. В нашей стране подобные преобразования, в отсутствие правительственной программы, могут возникать только как частная инициатива, опирающаяся на инвестиции. Первым этапом по продвижению подобных программ может стать программа архитектурно-ландшафтного преобразования территории образовательного комплекса: посадка деревьев и кустарников, цветников, благоустройство, создание удобных

мест отдыха и обучения на открытом воздухе, устройство плодового сада, удобряемого получаемым из органических отходов школы гумусом; создание школьного зоологического сада, устройство школьной теплицы с экзотическими растениями, устройство «зеленых коридоров» на территории, устройство велодорожек, устройство эксплуатируемой кровли-газона с выходом на нее из лестничной клетки, пристройка к наружной стене остекленной теплицы. Улучшение флоры способствует улучшению фауны на участке.

Таким образом, улучшение образовательной среды по средствам экологизации способствует повышению комфортности, созданию гуманной среды, как для обучения, так и для воспитания. Главная задача проведения подобных программ –

привлечение внимания студентов к проблемам живой природы и возможность самому принять участие в решении этих проблем. Обучение через участие усиливает интерес студентов к обучению, окружающей среде, повышает мотивацию и ответственность, воспитывает гражданские качества.

Библиографический список

1. Козорез Б.И., Ковальский А.Н. Архитектура учебных зданий. – Киев: Будівельник, 1980. – 144 с.
2. Нефедов В.А. Ландшафтный дизайн и устойчивость среды. – СПб.: 2002. – 295 с.
3. Степанов В.А. Школьные здания. – М.: Стройиздат, 1975. – 238 с.
4. ЭкоСити [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.RuStroy.Net.htm>

С.А. Курносова

ШКОЛА-ЛАБОРАТОРИЯ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧИТЕЛЕЙ

Столкнувшись с проблемой управления процессом становления школы-лаборатории, управленческая команда средней общеобразовательной школы №40 – муниципального образовательного учреждения г. Петропавловска-Камчатского – ведёт поиск критериев эффективности работы школы в режиме лаборатории.

Авторский замысел – аналитическое рассмотрение специфики оформления исследовательской деятельности школьных учителей, процесса профессионального педагогического самоопределения в школе-лаборатории в его динамике.

Школа-лаборатория – одна из форм самостоятельной практической и исследовательской деятельности учителей с целью углубления и закрепления теоретических знаний, развития навыков самостоятельного экспериментирования. Опыт-но-экспериментальная деятельность учителей, работающих в школе-лаборатории, понимается как составная (наиболее сложная и трудоёмкая) часть их научно-исследовательской работы. Самостоятельная опытно-экспериментальная деятельность учителей школы-лаборатории включает в себя следующие этапы:

- подготовка необходимого для опыта (эксперимента) научно-методического сопровождения;
- составление схемы-плана опыта (эксперимента);

– проведение опыта (эксперимента);

– описание опыта (эксперимента).

Работа школы в качестве лаборатории необходимо подразумевает, что учителя не только актуализируют имеющиеся профессиональные знания, умения и навыки, но и овладевают новыми, необходимыми им в дальнейшей деятельности и служащие основой конструкторской, рационализаторской и опытнической работы: устанавливают причинно-следственные связи между компонентами профессиональной деятельности (переосмысливают, переоценивают сложившиеся связи, упрочивают их, налаживают новые; возможно, декомпозируют свою профессиональную деятельность с тем, чтобы выстроить её вновь, на иных ценностных основах).

Для каждого учителя постепенно устанавливается своё, наиболее рациональное соотношение между временными границами основных этапов опытно-экспериментальной работы. К примеру, разработка научно-методического материала опытно-экспериментального исследования сопровождает работу учителя, выступая всякий раз то условием эффективности, то промежуточным результатом какого-либо другого этапа.

О ходе и результатах опытно-экспериментальной работы учителей в школе-лаборатории могут говорить обзоры литературы и представления передового и инновационного опыта, откры-

тые или экспериментальные уроки педагогов, составление банка дидактических материалов нового поколения, диагностируемые педагогические эффекты в развитии учащихся, учебные и учебно-методические пособия учителей (написанные единолично или в соавторстве), публикации в сборниках научных статей, участие в городских и областных конкурсах «Учитель года», на научных конференциях (в перспективе – публикации в научных и научно-методических периодических изданиях, участие в конкурсах инновационных проектов, монографии, диссертационные сочинения и пр.).

Возможна фронтальная опытно-экспериментальная работа, при которой работа всех учителей школы-лаборатории осуществляется в рамках темы конкретной «культурно-образовательной инициативы» внешних организаций, с участием внешних специалистов. Задания внешней «культурно-образовательной инициативы» могут затрагивать не все аспекты и не весь временной промежуток школьного учебно-воспитательного процесса – в зависимости от логики исследования. Например, учащимся и педагогам школы-лаборатории может быть предложено стать участниками контрольной группы на констатирующем и завершающем этапах «внешнего» эксперимента.

При фронтальной научно-исследовательской работе составляется план работы ученическо-педагогического сообщества: определяется цель работы, порядок её выполнения, необходимое научно-методическое сопровождение. При фронтальной работе проверка положений гипотезы осуществляется с помощью научно-методических материалов, предоставленных авторами «культурно-образовательной инициативы». Школа-лаборатория также способна предоставить соответствующие условия. Собственно, «культурно-образовательная инициатива» может включать разработку силами школы-лаборатории научно-методического сопровождения решения проблемной задачи.

Анализ отчётной документации педагогов школы-лаборатории показал, что так называемые «сквозные исследования», развивающие проблематику фронтальных научных исследований, становятся наиболее эффективными. Не приходится сомневаться, что индивидуальный поиск решений проблемной задачи, отличающийся большей самостоятельностью, связан с теми или иными (объективными или субъективно так воспринимаемыми) трудностями.

Сущность научно-исследовательской работы может состоять в поиске целей образования, отличных от существующей практики; нового содержания образования (при сохранении существующих целей); новых форм организации учебно-воспитательного процесса.

Одной из организационных форм взаимодействия педагогов школы является метод педагогических лабораторий – индивидуальных («Педагогическая лаборатория одного учителя») и групповых («Временная творческая группа»).

В основу работы педагогических лабораторий положен принцип индивидуальности. Учителя работают по заданиям, рассчитанным на определённый срок (от одного месяца до одного года и более лет). Педагоги разрабатывают самостоятельно или получают готовый список литературы по проблеме, проблемную задачу и указание возможных путей поиска её решения.

Метод педагогических лабораторий подразумевает работу педагогического сообщества школы-лаборатории в целом (при планировании работы, обсуждении проблемной задачи, подготовке к общим заданиям, объяснении нового, относительно трудного для самостоятельного поиска, при разьяснении встретившихся затруднений, общих для нескольких педагогических лабораторий; при обобщении результатов). Общие встречи позволяют сконцентрировать интеллектуальные усилия педагогов на главных проблемах научно-исследовательской деятельности школы-лаборатории, согласовать идеи по конкретным проблемам или направлениям деятельности; уточнить рабочий понятийный аппарат, обсудить научные сообщения, проблемы «вытаскивания» зашедших в тупик экспериментов; скоординировать деятельность школьных подразделений (психологического, социального, научно-методического, научного ученического и др.), научных руководителей инновационных и исследовательских проектов из числа преподавателей вузов и специалистов Камчатского областного ИПКПК, работающих совместно со школой. Осуществляется, таким образом, взаимное обучение.

Такие встречи содействуют сплочению и развитию педагогического сообщества школы-лаборатории, будируют творческую профессионально-личностную активность учителей школы-лаборатории, способствуют улучшению настроения, взаимообогащению идеями, ощущению общности; контакты с миром науки содействуют

приобщению учителей к серьёзной научной работе, стимулируют и мотивируют педагогов на стратегические цели, поддерживают научно-исследовательскую инициативу учителей. В школе-лаборатории создаются условия, в которых педагог повышает свою теоретическую компетентность по новой познавательной схеме, основанной на представлении о множественности истин, невозможности монополии на истину; условия, в которых важнейшим аспектом нового идеала научности является аксиологический, т.е. предполагающий «человеческое измерение» какого-либо процесса и его результата. В мировоззрении учителя школы-лаборатории происходит размытие мировоззренческой «несгибаемости» и «окончателности», проявляется продуктивная линия идеологии незнания, сомнения и критики, плюрализма, терпимости.

На итоговых конференциях педагогические лаборатории отчитываются о работе в целом.

Суть педагогической деятельности школы — внутренняя сторона творческой деятельности школьного педагогического сообщества; это не просто развёртывание в школе некоторых исследований, но и общая ориентация всего стиля школьной жизни, превращающая творчество и поиск педагогов в постоянные элементы развивающейся образовательной среды школы.

Педагогическая лаборатория является одним из организационных механизмов реализации научно-исследовательской деятельности педагогического сообщества школы-лаборатории на всех макро- и микроэтапах разработки и реализации программы (в том числе отдельных её разделов) развития школы — подготовительном (выявление необходимых ресурсов, выяснение готовности педагогов к научно-исследовательской работе и т.д.), основном (выявление круга потенциальных заказчиков школы-лаборатории, анализ образовательных запросов разных заказчиков, приоритетных образовательных потребностей, создание модели школы-лаборатории с учётом этих потребностей, их соотношения с ценностными ориентациями и возможностями школы; построение образа выпускника школы; разработка концепции, конкретизация целей промежуточных этапов работы школы-лаборатории и т.д.) и завершающем (экспертиза и обсуждение программы развития школы-лаборатории педагогическим сообществом).

Анализ научно-исследовательской деятельности школы-лаборатории объявляет способность

педагогического сообщества школы мобильно реагировать на развитие общества, на социальные требования; указывает на готовность педагогов к исследовательской и экспериментальной деятельности. Анализ материалов позволяет констатировать, что исследовательский потенциал педагогов школы-лаборатории наиболее эффективно развивается в процессе системной научно-исследовательской работы, что, в свою очередь, указывает на проблемные задачи, требующие безотлагательного поиска своего решения.

Так, обновление почти на 50% педагогического состава школы-лаборатории обозначило необходимость выйти на новые, а также актуализировать прежние пути и способы повышения профессиональной компетентности учителя. Принцип индивидуальности проявляется в своеобразной «идеологической неинтегрируемости» педагогических взглядов на возможные решения той или иной профессиональной задачи. Жизнедеятельность школы-лаборатории протекает «во многих временах»: одни педагоги демонстрируют своё стремление и готовность к научно-исследовательской деятельности, другие — уже втянулись в конструкторскую, рационализаторскую и опытническую работу и осуществляют её самостоятельно; работа отдельных школьных учителей может быть охарактеризована как «долабораторная». Несомненно, эта «многоукладность» может сказаться на результатах диагностирования, например, удовлетворённости профессионально-личностных интересов педагогов в условиях школы-лаборатории в целом.

Основными направлениями научно-исследовательской деятельности школы-лаборатории являются разработка и освоение содержания образования, эффективных технологий обучения, воспитания и развития детей, новых форм организации образовательного процесса, оптимальных структур, систем и механизмов управления (в том числе, развитием собственно школой-лабораторией как особой моделью учреждений образования — при освоении комплексного подхода к организации опытно-экспериментальной работы).

В результате анализа научно-исследовательской деятельности школы-лаборатории за 2003–2005 гг. определены следующие приоритетные направления её научно-исследовательской и методической работы:

— формирование единого научно-методического пространства в школе;

– разработка концептуальных основ педагогических проектов (проектирование образовательного пространства школы в целом и отдельных образовательных областей);

– научно-методическое сопровождение освоения эффективных форм, методов, технологий образования в контексте концепции его модернизации;

– разработка регионального компонента содержания школьного образования;

– организация предпрофильной подготовки и профильного обучения на старшей ступени общего образования;

– подготовка модели мониторинга образовательных процессов;

– активизация научно-исследовательского потенциала педагогических кадров; научно-методическое сопровождение их исследовательской и опытно-экспериментальной деятельности;

– выявление и профессиональное сотрудничество с творчески работающими учителями и педагогическими коллективами других школ, вовлечение их в научно-педагогическую деятельность (возможны формы интеграции по типу: «дошкольное образовательное учреждение – школа-лаборатория», «школа-лаборатория – другие школы (возможно, экспериментальные)», «школа-лаборатория – учреждения профессиональной подготовки (НПО, СПО, вуз)» и др.);

– профессиональное сотрудничество с Камчатским областным ИППК.

Продолжается разработка критериев эффективности научно-исследовательской деятельности школы-лаборатории. Очевидно, на данном этапе становления школы-лаборатории затруднительно определить степень соответствия её деятельности имеющимся нормативным моделям. Тем не менее, при оценке эффективности деятельности школы-лаборатории как социально-педагогического проекта представляется важным увидеть ценности и смыслы деятельности школь-

ных учителей, сущность «культурно-образовательной инициативы» (замысла) педагогов школы-лаборатории, сущность идеи школы-лаборатории в Камчатской области и её адекватность существующим проблемам.

Так, совершенно очевидно, не имеет смысла заявлять среди критериев значительные качественные изменения в системе образования (города, области) – её усовершенствование, рационализацию, модернизацию и т.п., поскольку большая часть осуществлённых преобразований не является новой, особенно для продвинутой части педагогического сообщества. Тем не менее, достоинство социально-педагогического проекта «школа-лаборатория» состоит в том, что научно-исследовательская деятельность школьных учителей направлена на обогащение опыта исследовательской деятельности педагогов и руководителей других школ, активизацию профессионального потенциала педагогических сообществ, на решение проблем конкретных образовательных учреждений.

В целом, для оценки эффективности научно-исследовательской деятельности школы-лаборатории представляются приемлемыми существующие в передовой научно-исследовательской педагогической практике самые общие критерии: во-первых, актуальность данного социально-педагогического проекта «школа-лаборатория», его социальная приемлемость и соответствие потребностям школьников, родителей учащихся, школьных учителей, заказчиков, потенциальных потребителей, а также нормативной модели образовательной деятельности; реалистичность, соответствие культурно-образовательной ситуации в области и реализуемость проекта; во-вторых, целостность конструкции «школа-лаборатория», проработанность и согласованность структурных частей данного социально-педагогического проекта; в-третьих, проработанность аспекта управления школой-лабораторией.

ФОРМИРОВАНИЕ СУБЪЕКТНОГО ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ОПЫТА УЧАЩИХСЯ ИНДИВИДУАЛИЗИРОВАННЫМИ СРЕДСТВАМИ ОБУЧЕНИЯ

Анализ психологических и педагогических исследований показал, что вопросы, связанные с определением категории «субъектный познавательный опыт», его содержанием и структурой нашли отражение в исследованиях многих ученых (И.И. Ильева, В. Вундт, Я.А. Пономарева, А.В. Брушлинского, Б.Г. Ананьева, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, И.С. Якиманской, И.И. Ильева, И.Я. Лернера, В.В. Краевского, В.С. Леднева, М.С. Каган, Л.В. Занкова, Г.Д. Кирилловой, Е.Ю. Бондаревской, Ю.В. Сенько, В.Э. Тамарина, О.Ю. Елькиной, Е.П. Поповой, И.Г. Шабаева, С.А. Феоктистова и др.). Ученые выделяют различные его компоненты, но, в общем, их можно представить как когнитивный, деятельностный, эмоционально-ценностный.

В определении сущности субъектного познавательного опыта учащихся наша позиция базировалась на исследованиях В.В. Давыдова, Й. Ломпшера, А.К. Марковой, согласно которым субъектный опыт учениками понимается как продукт присвоения учеником структурных компонентов учебной деятельности. «Овладение каждым из компонентов новой деятельности, переход от одного компонента к другому – именно это обогащает ребенка, преобразует его психику [10, с. 6].

Вслед за И.Э. Унт и М.А. Холодной мы считаем, что наиболее широкие возможности для формирования субъектного познавательного опыта учащихся предоставляет внутриклассная индивидуализированная самостоятельная работа, так как именно такая форма работы позволяет давать учащимся различные задания, выполняемые в индивидуальном темпе, а учителю оказывать каждому ребенку индивидуализированную педагогическую помощь [9; 11].

Сторонниками когнитивного подхода к формированию субъектного познавательного опыта учащихся (М.Е. Бершадский) особое внимание уделяется когнитивному опыту учащихся и его формированию в процессе обучения. При этом одним из решающих условий для формирования субъектного познавательного опыта учащихся является изучение когнитивного опыта школьника [1].

В ходе экспериментального исследования, на примере изучения учащимися предметов естественнонаучного цикла, мы изучали субъектный познавательный опыт учащихся, анализировали учебные затруднения учащихся в освоении программного материала и причины их обуславливающие, ставили задачу создать условия по устранению причин таких затруднений и моделирование учебного успеха для каждого учащегося с позиций успешности формирования субъектного познавательного опыта учащегося [3].

Как известно в практике обучения учащихся содержание образования опосредуется школьным учебником. В нашей стране в последние годы создано большое количество вариативных учебников, учебно-методических комплектов, учебных пособий. Однако как показывает практика, не для всех учащихся в равной степени школьный учебник или его вариативные аналоги опосредуют содержание образования по предмету, а значит не достаточно формируют субъектный познавательный опыт учащегося. Существующие учебно-методические комплекты при всем своем совершенстве страдают существенным недостатком объективного порядка: учебно-методические комплекты рассчитаны на некоего абстрактного «среднего» ученика и в силу этого не могут учитывать индивидуальные особенности каждого отдельно взятого учащегося.

Таким образом, учебник представляет собой модель содержания образования, а не модель процесса усвоения этого содержания. Поэтому, как мы полагаем, формирование субъектного познавательного опыта учащихся будет эффективно проходить, если учитель будет использовать дополнительные к учебно-методическим комплектам средства обучения.

Как показывает практика формирование субъектного познавательного опыта и в частности формирование субъектного опыта когнитивной деятельности при обучении предметам естественнонаучного цикла связано в большинстве случаев с преодолением учащимся учебных трудностей и учебных затруднений. Если учебная трудность носит объективный характер, обусловлена содержанием образования и обладает раз-

вивающим потенциалом, то учебные затруднения учащихся или конкретного учащегося носят субъективный характер и могут быть обусловлены рядом факторов, а именно: обеспеченностью доступности для преодоления учебной трудности, особенностями субъектного познавательного опыта учащегося, содержанием учебной задачи и индивидуальными особенностями когнитивного развития личности учащегося.

Особенностью его формирования при обучении учащихся предметам естественнонаучного цикла является то, что учащиеся должны овладеть содержанием и структурой учебной деятельности как модельным образованием, умениями решать учебную задачу и овладеть предметным содержанием в виде знаково-символической деятельности, которое, в свою очередь, и определяет логику, характер и результативность предметных (например, математических) действий и операций. Иначе говоря, учащиеся должны овладеть как бы синхронно несколькими различными видами деятельности. В каждом из этих случаев процесс овладения различными видами деятельности происходит как во внешнем плане (организационно-практическом), так и во внутреннем (интеллектуальном) плане.

Таким образом, экспериментальное изучение опыта позволило нам конкретизировать опыт когнитивной деятельности и включить в его компонентный состав такие составляющие его, как: математическая (физическая) деятельность, знаково-символическая деятельность, речемыслительная деятельность, оперирование научными понятиями и учебная самостоятельность.

При этом в ходе экспериментального исследования мы пришли к выводу, что каждый из этих компонентов, как отмечалось нами выше, нужно формировать в условиях индивидуализированной самостоятельной работы, особенности организации которой учитывают специально разработанные средства обучения.

На основе компонентного состава опыта когнитивной деятельности были разработаны индивидуализированные средства обучения в виде когнитивных карт.

Под индивидуализированными средствами обучения мы понимаем дидактические средства для учителя и учащихся. При этом учитель с помощью таких средств может управлять учебной деятельностью учащихся при усвоении ими учебного материала. Для учащихся эти средства пред-

ставляют собой самостоятельную программу учебных действий по восприятию, переработке и присвоению конкретного фрагмента содержания обучения математике или физике. Учащиеся в процессе своей деятельности могут регулировать темп усвоения, самостоятельно выбирать наиболее удобные и для него приемлемые уровни сложности выполнения заданий, определять объем и содержание учебного материала для усвоения, а также формы его предъявления.

Разработанные нами индивидуализированные средства обучения представлены в виде когнитивной модели и называются когнитивными картами. Когнитивная карта является формой когнитивного картирования внутренней репрезентации стимульной ситуации, предлагаемой учащимся в виде решения конкретной задачи определенного типа задач в рамках изучаемой темы. Когнитивная карта для самостоятельной работы учащихся является знаково-символической моделью процесса самообучения учащихся. Когнитивная карта в единстве с батареей тестов достижений носит, прежде всего, обучающий характер и обеспечивает возможность учащемуся самостоятельно принять решение о выборе собственного маршрута овладения предложенным учебным содержанием – выполнить ли только тестовые задания базового уровня усвоения, или, выполнив их, переходить к выполнению тестовых заданий повышенного и высокого уровней сложности. Более того, каждая тема, в своем единстве когнитивной карты и батареи тестовых заданий является законченным фрагментом обучения (самообучения) и представляет собой обучающий модуль [8].

Исходя из особенностей предметного содержания каждой темы и учета возрастных особенностей учебной деятельности учащихся в ходе моделирования и структурной организации когнитивных карт было разработано три типа когнитивных карт.

Когнитивная карта I типа направлена на устранение учебных трудностей, связанных с усвоением учебного материала и его закреплением, и ориентирована на количественную динамику усвоения материала. В карте I типа в критериально-ориентированном тесте представлены задания базового уровня сложности [4].

Когнитивная карта II типа разработана с ориентировкой на качественную динамику усвоения учебного материала. В отличие от карты

I типа в критериально-ориентированном тесте данного типа карт представлены задания разного уровня сложности (базового, повышенного, высокого) [4; 5].

Когнитивная карта III типа представлена как «карта-описание» и «карта-схема». Схематизация рассматривается как разновидность моделирования и при этом схематизация в когнитивной карте осуществляется в виде изображения структуры и раскрытие ее сущности. Таким образом, построенная структурно-логическая схема, как целостная картина, обеспечивает избежание ошибок творчества детей. Задания в ней представлены повышенного и высокого уровня сложности [6].

Разработанные индивидуализированные средства обучения представлены в серии учебных пособий под общим названием «Математика без проблем» (Часть I, 5–6 кл.; Часть II, 7–8 кл.; Часть III, 9–11 кл.) и «Физика без проблем» (9–11 кл.) [7].

Комплекты учебных пособий отражают требования действующего Образовательного стандарта основного и среднего (полного) общего образования по математике и физике (как на базовом уровне, так и на профильном) и Примерным программам основного и среднего (полного) общего образования по математике и физике, и не привязаны к учебникам математики и физики конкретных авторских линий. Это позволяет школьному учителю при организации учебного процесса интегрировать эти пособия практически с каждым из действующих учебников.

Таким образом, экспериментальное исследование показало, что для наиболее эффективного формирования субъектного познавательного опыта учащегося наряду с существующими дидактическими средствами обучения целесообразно использовать адресные индивидуализированные средства обучения – когнитивные карты, которые направлены на формирование основных компонентов субъектного познавательного опыта учащихся.

Формирование субъектного познавательного опыта учащихся на основе индивидуализированных средств обучения осуществляется наиболее успешно, если в учебном процессе в комплексе используются разные типы когнитивных карт.

Библиографический список

1. Бершадский М.Е. Когнитивные смыслы образования // Школьные технологии. – 2002. – №2. – С. 13–17.
2. Границкая А.С. Научить думать и действовать: Адаптивная система обучения в школе. – М.: Просвещение, 1991. – 172 с.
3. Михайлова Е.В. К проблеме формирования субъектного опыта учащихся при обучении математике // Опыт исследования актуальных проблем обучения и воспитания. Сборник аспирантских работ. – КГПУ, 2004. – С. 81–90.
4. Разинов П.А., Бамбуляк М.Ю., Глазова В.Г., Михайлова Е.В. Математика без проблем. Часть I. Индивидуализированные когнитивные карты для учащихся 5–6 классов. Экспериментальное издание. – Петрозаводск: «ПетроПресс», 2002. – 45 с.
5. Разинов П.А., Михайлова Е.В., Буйчик В.В., Бамбуляк М.Ю. Математика без проблем. Часть II. Индивидуализированные когнитивные карты для учащихся 7–8 классов. Экспериментальное издание. – Петрозаводск: «ПетроПресс», 2002. – 69 с.
6. Разинов П.А., Михайлова Е.В., Пархоменко Т.М. Математика без проблем. Часть III. Индивидуализированные когнитивные карты для учащихся 9–11 классов. Экспериментальное издание. – Петрозаводск, 2006. – 100 с.
7. Разинов П.А., Андриященко Н.П., Михайлова Е.В. Физика без проблем. Индивидуализированные когнитивные карты для учащихся 9–11 классов. Экспериментальное издание. – Петрозаводск: ГОУ РК «ИПКРО», 2003. – 61 с.
8. Разинов П.А., Михайлова Е.В., Максимова Н.Д. Математика без проблем. Индивидуализация обучения учащихся 5–11-х классов на основе когнитивных карт. Книга для учителя. Экспериментальное издание. – Петрозаводск: ГОУ РК «ИПКРО», 2007. – 85 с.
9. Унт И.Э. Индивидуализация и дифференциация обучения. – М.: Педагогика, 1990. – 192 с.
10. Формирование учебной деятельности школьников / Под ред. В.В. Давыдова, Й. Ломпшера, А.К. Марковой. – М., 1982. – С. 6.
11. Холодная М.А. Формирование персонального познавательного стиля ученика как одно из направлений индивидуализации обучения // Школьные технологии. – 2000. – №4. – С. 12–13, 16.

О.П. Мороз

ОБ ОПЫТЕ СОЗДАНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ КАФЕДРЫ – ЦЕЛЕВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА И ТЕЛЕРАДИОКОМПАНИИ «ТВЕРЬ»

Одной из задач системы высшего образования является её соответствие социальному заказу, предъявляемому рынком труда. Для повышения уровня подготовки выпускника, для адаптации его при трудоустройстве, для ликвидации разрыва между образовательной программой и запросом работодателя необходим качественно иной подход в подготовке студентов. Для этого, в соответствии с действующим законодательством, в перечень обязательных дисциплин в университетской программе можно включить дисциплины и спецкурсы, имеющие практическое значение для дальнейшей успешной трудовой деятельности выпускника. Реформирование образовательных программ необходимо провести при активном участии бизнес-структуры, регионального кадрового заказчика. О специфике этого процесса писали Л.Н. Алексеев и И.Ф. Коршенков – сотрудники Дальневосточного государственного технического университета¹. Такое целевое сотрудничество облекается в форму корпоративной кафедры.

При этом важнейшими задачами являются:

- выработка согласованных подходов и общей политики в развитии инновационной образовательной инфраструктуры;
- разработка механизмов приведения в соответствие теоретической подготовки выпускников с их будущей специализацией;
- создание учебно-методической базы;
- формирование устойчивой практики целевого обучения.

Реализации этих задач и способствует Корпоративная кафедра, инициатива создания которой принадлежит Тверскому государственному университету. Руководство ГТРК «Тверь» поддержало идею высшего учебного заведения, приступив к обсуждению организационной основы инновационного сотрудничества.

В январе 2007 года достигнута устная договоренность о заключении Договора о намерениях создания корпоративной кафедры на 2007–2010 годы на базе ГТРК «Тверь» и определена базовая функция кафедры: реализация согласо-

ванных подходов для создания и развития инновационной образовательной структуры, разработка и дальнейшее освоение научно-технических и инновационных идей, направленных на повышение уровня подготовки выпускников. Для управления проектом создания и развития кафедры образован Координационный Совет, в который вошли руководители ВУЗа и представители ГТРК «Тверь». Начато формирование базы данных методических потребностей журналистов-выпускников, анализ наставнических возможностей сотрудников предприятия. Установлены рабочие связи с потенциальными сотрудниками кафедры. Это делается для того, чтобы собрать сведения об их инновационных разработках, уже апробированных в телерадиокомпании и полезных будущим журналистам.

В задачу Тверского государственного университета, готовящего кадры для СМИ, входит базовое теоретическое обучение будущих журналистов, руководство научными исследованиями, подготовка студентов к итоговой аттестации, составление образовательных программ, обеспечение юридической правомочности всей схемы сотрудничества, контроль за её реализацией. Задачей ГТРК «Тверь» является обеспечение студентов, проходящих подготовку, площадками для приобретения практического опыта, например, в формате стажировок или реализации учебных проектов. Кроме прочего, ГТРК «Тверь» ведет подготовку аналитических материалов: регламента подготовки выпусков, информационных писем Регионального департамента ВГТРК, адресованных руководителям Службы информации; резюме по мониторингам эфира с рекомендациями экспертов ВГТРК, результатов контент-анализа выпусков программы «Местное время. Вести Тверь», выполненного сотрудниками компании. ГТРК «Тверь» также собирает библиотеку профессиональной литературы, которая была бы полезна студентам, но является труднодоступной как узконаправленная и издаваемая малыми тиражами: это брошюры Института повышения квалификации работников телевидения и радио-

вещания; диссертационные исследования по деятельности филиалов ВГТРК, предназначенные для служебного пользования; эксклюзивные статистические исследования автономной организации «Интерньюс»; материалы ежегодных конференций «Журналистика» МГУ и др.

Сотрудники телерадиокомпаний «Тверь», обладающие многолетним опытом работы в телевизионной журналистике, могли бы преподавать студентам третьего – четвертого курса очного и заочного отделений практические занятия по следующим базовым дисциплинам: «Практика информационной журналистики», «Стилистика информационного текста», «Основы монтажа как художественная форма», «Чтение текста в эфире».

Специальные курсы, которые студенты выбрали бы самостоятельно с учетом более близкой им сферы журналистского творчества или по соглашению с потенциальным работодателем, могут называться «Парламентская журналистика», «Церковная журналистика», «Работа в кадре», «Координация творческого и технического процессов в редакции», «Редактирование авторского текста», «Действенность выступлений и проекты редакции», «Мониторинг и повышение рейтингов», а также «Универсальный журналист». Этот перечень отражает штатную структуру и основные виды журналистского мастерства на ГТРК «Тверь». Например, в производственном процессе задействованы корреспонденты узкой специализации, которые ведут политическую или религиозную темы, требующие особой подготовки. Спецкурсы: «Работа в кадре», «Координация творческого и технического процессов в редакции», «Редактирование авторского текста» – предполагают отбор студентов, которые обладают склонностями к работе ведущего телевизионных программ, продюсера или директора наполнения эфира и редакторов. Курсы: «Действенность выступлений и проекты редакции», «Мониторинг и повышение рейтингов» – в настоящее время весьма актуальны. Освоение навыков стратегического медиапланирования, методов повышения эффективности работы редакции – та профессиональная сфера, которая, к сожалению, только осваивается коллективами региональных телекомпаний. Как правило, подобные знания и умения среди сотрудников до сих пор являются результатом многолетней работы, постоянного самосовершенствования и стремления к повышению квалификации. Наконец, специальный

курс «Универсальный журналист» – это перспективное направление мировой журналистики, когда корреспондент обязан быть компетентным не только в разных сферах действительности (экономика, спорт, политика), но и демонстрировать разные профессиональные умения (выполнять функции автора, интервьюера, оператора, режиссера, а впоследствии на монтаже – видеоинженера и звукорежиссера). Кроме того, в последнее время в медиасообществе становится все более популярным новый принцип организации работы новостной редакции – ее конвергенция. Это понятие не так давно употреблялось лишь в сфере менеджмента, теперь оно касается и производства контента. (Под контентом мы подразумеваем все содержание эфира: новостной материал, рекламный блок и др.) Конвергенция – слияние технологий. Применимо к наполнению эфира, говорим о мультимедийности и интерактивности информационной среды. «Суть конвергентной редакции в консолидации, объединении и последовательной интеграции всех типов имеющихся сегодня форматов – печатного, онлайн-нового, мобильного и вещательного. Созданный на единой базе центр (мобильная телефония, Интернет, радио и телевидение), наращивая информационные потоки и делая их непрерывными, увеличивает свой потенциал. А удовлетворенная качеством новостей и других информационных продуктов аудитория остается в пределах одного бренда...»² Преимуществом такого подхода был посвящен практический семинар «Как управлять переходом к мультимедийности в традиционных СМИ» (Москва, февраль 2007). Конвергенция медиа позволяет готовить полноценные материалы, сочетающие в себе глубину газетной журналистики, эмоциональность видео и онлайн-овую интерактивность. Подобные редакции уже действуют в США, Англии, Дании, Норвегии, Аргентине, Бразилии, Индии. Информационные ресурсы, которыми располагают региональные филиалы ВГТРК, вполне допускают освоение этого способа обработки информации и производства контента и в нашей стране. Для этого журналистам нужно научиться работать в новых условиях. Корпоративная кафедра готовила бы компетентных работников вида деятельности, который только осваивается в российском информационном пространстве. Итак, успешность освоения дисциплин – критерий отбора перспективных студентов с творческим и профессиональным по-

тенциалом. Форма занятий: лекция и последующее закрепление знаний на практике. Вариант: чтение теории, обсуждение готовых материалов, далее – формирование выпуска новостей. Благодаря аппаратуре, переданной ГТРК университету, у студентов есть возможность снимать сюжеты, писать тексты, монтировать видеоряд, озвучивать собственные материалы и при этом анализировать собственные ошибки под руководством профессионалов.

Практика должна углубить имеющиеся теоретические знания, это создаст особый эффект обучения. По окончании курса студенты проходят различные виды контроля усвоения знаний и формирования умений, сдают зачеты и экзамены, в том числе и государственный. На этом же этапе с наставником обсуждают целесообразность написания дипломной работы на корпоративной кафедре.

В настоящее время реализация проекта «Корпоративная кафедра» идет в соответствии с планом. В феврале 2007 года на Празднике прессы в Торжокском районе состоялось подписание соглашения о создании кафедры по подготовке тележурналистов на филологическом факультете Тверского государственного университета. Среди участников соглашения – руководство университета, телекомпаний ГТРК «Тверь» и «Пилот» (Тверь), а также Ассоциация телерадиокомпаний Тверской области. Кроме того, в феврале этого же года открыта телевизионная учебная студия, оборудование для которой предоставила ГТРК «Тверь». Студенты высоко оценили ее необходимость: «В теории ты можешь читать сколько угодно, но ощутить профессию ты можешь только на практике, когда видишь, как составляются кадры, как взаимодействуют звуковые и видео фрагменты»³. Теперь на телеканалах «Тверь» и «Пилот» действуют рабочие площадки, где студенты проходят практику. С сентября 2007 года к преподавательской деятельности на отделении журналистика филологического факультета ТвГУ приступила телевизионный журналист Н.Н. Ангелейкова – член Тверского регионального отделения Союза журналистов России, автор и ведущая целого ряда программ, победитель и лауреат многих профессиональных конкурсов, работающая на ГТРК «Тверь» с момента основания Областного телевидения. Н.Н. Ангелейкова преподает практический курс «Основы журналистского

мастерства» для четвертого курса заочного отделения. В составе Корпоративной кафедры работает и В.В. Быкова – член Тверского областного отделения Союза журналистов России, имеющая государственные и региональные награды за заслуги в профессиональной деятельности, автор и ведущая большого числа информационных и тематических программ. Именно В.В. Быкова вела первый выпуск новостей «Верхневолжье» Калининского областного телевидения в марте 1989 года. Ее популярность равнялась известности Валентины Леонтьевой – ведущей федерального эфира. В Твери В. Быкова неоднократно входила в рейтинги самых знаменитых женщин региона. Местная газета «Караван» присваивала ей звание «Человек года». В.В. Быкова читает теоретический и практический курсы для второго, третьего и четвертого курсов дневного и заочного отделений «Интерактивные СМИ» и «Основы творческой деятельности журналистов». Программы курсов преподавателей Корпоративной кафедры разработаны в соответствии с требованиями государственных стандартов о Высшем образовании и утверждены проректором по научной и инновационной работе Л.Н. Скаковской, а также заведующим кафедрой журналистики П.А. Майданюком. Учебные программы на будущий год – в стадии согласования.

Опыт создания Корпоративной кафедры при Тверском государственном университете имеет большое практическое значение для решения кадровой проблемы местных телекомпаний. Кроме того, не менее важно, что Корпоративная кафедра позволяет высшему учебному заведению повысить свое соответствие социальному заказу региона, вместе с тем создать альтернативу обучению в крупных городах России, где действуют кафедры телевизионной журналистики.

Примечания

¹ *Алексейко Л.Н., Корищенко И.Ф.* Создание центра научно-технического и инновационно-технологического сотрудничества в реализации региональной инновационной политики российского Дальнего Востока. – www.conference7.rcsme.ru.

² *Уразова С.* Конвергенция медиа, или тренинг с необычным маршрутом // Телецентр. – 2007. – №1. – С. 18.

³ *Быкова Ю.* Интервью в выпуске 19.40 «Местное время. Вести Тверь». – 2007. – 29 мая.

РЕЧЕВЫЕ АКТЫ ЭМПАТИВНОГО ТИПА И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В КОММУНИКАТИВНОМ АКТЕ

Данная статья посвящена речевым актам эмпативного типа и их реализации в коммуникативном акте. В ней даётся определение понятию эмпатии и рассматриваются основные линии развития представлений об эмпатии в различных областях науки.

Традиционно в искусстве, литературе и повседневной жизни гуманизация отношений между людьми связывается с сочувствием, состраданием, умением понять другого человека, проникнуться его горестями и радостями. В психологии эти важнейшие способности обобщаются понятием «эмпатия».

Эмпатия – это сложное явление, которое с трудом поддается определению. В связи с этим имеет смысл начать с такого определения, которое разделяется большинством авторов. Начальной точкой, на наш взгляд, может послужить утверждение Мид о том, что эмпатия предполагает способность занимать позицию другого [19]. Иначе говоря, эмпатия подразумевает принятие роли другого и понимание чувств, мыслей и установок другого человека.

Для образного представления акта эмпатии часто привлекаются такие метафорические описания как способность ‘прогуляться в ботинках’, ‘влезть в шкуру’ или ‘увидеть ситуацию глазами’ другого. Эти метафоры действительно содержат важный элемент эмпатического процесса, а именно разделение внутреннего опыта другого человека. Многозначность термина «эмпатия» порой заставляет исследователей использовать более однозначные, по их мнению, понятия «идентификация», «сопереживание» и другие.

Обзорные работы по проблемам эмпатии изобилуют десятками определений и подходов к ее изучению. Предлагаются модели эмпатического процесса, стадии, этапы, уровни, механизмы. Вместе с тем можно выделить несколько основных линий развития представлений об эмпатии.

По нашему мнению, в исследованиях по проблемам эмпатии выделяются два основных направления: когнитивное и эмотивное. В первом случае эмпатия рассматривается как способ понимания другого человека, направленный на анализ другой личности (Р.Б. Карамуратова, 1965), как «умственная коммуникация», как «способность понимать структурирование мира другим без принятия его позиции» (G. Mead, 1934), т.е.

как чисто интеллектуальный процесс. Эмпатия при таком подходе определяется как осмысление внутренней жизни другого человека, как вид чувственного познания. В рамках данного направления существует тенденция, рассматривающая эмпатию как интуитивное познание эмоционального состояния другой личности.

Представители другого направления трактуют эмпатию как эмоциональное состояние, возникающее у субъекта при виде переживаний другого человека (Т.И. Пашукова, 1985). Эмпатия в этом случае рассматривается как аффективное явление, суть которого состоит в проникновении в аффективные ориентации другого человека, в сочувствии переживаниям этого человека, в способности приобщиться к его эмоциональной жизни, разделить его эмоциональное состояние, то есть это то, что Н.Н. Обозов называет «эмпатическим отреагированием» (Н.Н. Обозов, 1979).

Анализ вышеуказанных исследований делает очевидным вывод, что дифференцировка эмпатии как процесса производится с учетом преобладания в ней одного из двух компонентов: когнитивного, эмоционального. Преобладание когнитивного компонента в отражении эмоционального состояния другой личности характерно для адекватного понимания другой личности. Доминирование эмоционального компонента в эмпатии говорит о преимущественно эмоциональном отклике одной личности на переживания другой.

Естественно, существует и «компромиссный» подход, в соответствии с которым эмпатия содержит когнитивный и аффективный компоненты и может ситуативно проявляться как в познавательной, так и в аффективной сферах (G. Gladstein, 1983). Более того, ряд исследователей отмечает, что дихотомия когнитивной и аффективной эмпатии ложна, оба вида неизбежно влияют друг на друга, либо, в принципе, сами термины неточны и описательны (C. Duan & C. Hill, 1996).

Новый импульс к развитию представлений об эмпатии и ее исследований в последние десятилетия был дан гуманистической психологией,

в первую очередь К. Роджерсом. Эмпатия стала обсуждаться в контексте психотерапии, а вслед за этим – в сфере реальной человеческой практики педагогического процесса, семейной жизни и т. д.

К. Роджерс определял эмпатию как «способ существования с другим человеком. Это значит войти во внутренний мир другого и быть в нем как дома. Это означает временное проживание жизни другого, продвижение в ней осторожно, тонко, без суждения о том, что другой едва ли осознает...».

На таком понимании роли эмпатии базируется клиенто-центрированный подход к психотерапии. К. Роджерс подчеркивал, что понимание клиента должно быть лишено предвзятости, стереотипности. Оно очень важно для психологического благополучия человека. В общем случае само по себе переживание состояния, когда ты понял другим, значительно способствует росту личности. Иногда даже намерение понять может «вылечить». Осознание того, что кто-то пытается понять причудливые, спутанные, неясные высказывания больного, поощряет его больше выражать себя, помогает понять, что он важен для другого.

С точки зрения гуманистической психологии именно слушание с пониманием (слышание) лечит, а не объяснение, интерпретация, как, например, в психоанализе.

Эту главную идею гуманистической психологии повторяет интерсубъективный подход в отечественной социальной психологии: понятие диалога как слушания – слышания, подтверждения (А.У. Хараш).

Впоследствии К. Роджерс распространил свое понимание эмпатии на другие сферы человеческого общения: ученик–учитель, ребенок–родитель и т.д. К. Роджерс говорит об эмпатии как о важнейшей установке, свойстве фасилитатора. Фасилитатором, т.е. способствующим процессу (личностного роста, учения, общения), может быть, по его мнению, не только психотерапевт, но и учитель, родитель, супруг.

Завершая описание вклада гуманистической психологии в развитие представлений об эмпатии, можно сказать, что утвердившееся к середине 1960-х гг. представление об аффективно-когнитивной природе процесса эмпатии было дополнено, а на наш взгляд, и углублено введением коммуникативного компонента.

К. Роджерс, С. Труакс определяют коммуникативный компонент как способность передавать

партнеру понимание его переживаний или его внутренней ситуации. С. Дэниш, Н. Каган говорят о способности отслеживать и описывать внутренний мир другого в понятных для него словах. Т. Киф в свою модель эмпатического процесса включает этап точной передачи другому возникших по его поводу чувств в вербальной и невербальной формах. Н.Н. Обозов в своей иерархической структурно-динамической модели называет коммуникативный компонент эмпатии действенным или поведенческим. На этом уровне эмпатии проявляются реальные действия и поведенческие акты по оказанию помощи и поддержки партнеру по общению (Н.Н. Обозов, 1979). Такое расширенное и углубленное понимание эмпатии означает, что при отсутствии коммуникативного компонента нельзя говорить об эмпатии.

Акт эмпатии может состояться только тогда, когда ваш собеседник чувствует, что вы его понимаете, видите, слышите. И это он может узнать по тому, что вы говорите, делаете, по вашей мимике, пантомимике, жестам, не говоря уже о конкретных поступках.

Профессор психологии Университета Лайоне в Чикаго автор ряда книг по психологическому консультированию и профессиональному тренингу консультантов Дж. Иган замечает, что если присутствию и слушанию – это навыки, которые позволяют консультанту установить связь с миром клиента, то эмпатия – это навык, который позволяет консультанту передать клиенту ясным языком своё понимание мира. Поскольку эмпатия – это навык, то это то, чему можно научиться. Сообщение понимания не обязательно предполагает выражение посредством слов. Имея достаточно времени, люди могут создать то, что он называет «эмпатическими отношениями», в которых понимание сообщается с помощью разнообразных, едва уловимых, невербальных способов. Иногда единственного взгляда, брошенного одним супругом другому, втянутому в нежелательную для него беседу, бывает достаточно, чтобы передать всю глубину понимания. Взгляд говорит: «Я знаю, что ты чувствуешь себя пойманным, что ты не хочешь ранить чувства другого человека. Я чувствую, что внутри тебя происходит борьба. Я знаю, что тебе хотелось бы чтобы я избавил тебя от этого, если я могу сделать это тактично». Люди с эмпатическими отношениями, выражают эмпатию посредством действий. Рука, обнимающая плечи человека, кото-

рый только что потерпел поражение, поглаживание по голове ребёнка, кивание головой в подтверждении понимания услышанного, внимательный проникновенный взгляд и добрая улыбка могут передать поддержку и эмпатию.

Адекватная эмпатия вызывает у человека чувство, что его услышали, поняли ту или иную личностно значимую для него область внутреннего опыта, что как правило, приводит к эмоциональному облегчению и обретению смысла.

Наблюдение переживаний другого может привести к эмпатии как заражению эмоциями другого. Подобное может происходить в различных ситуациях: в диаде «мать-ребенок», в любовных отношениях, в группе, в толпе и т.п.

В своей обзорной статье C. Duan and C. Hill (1996) отмечают, что термин «эмпатия» описывается в соответствии с тремя различными подходами.

Во-первых, эмпатия определяется как черта личности или общая способность «понимать переживания другого человека» или «осознавать чувства других людей». Эмпатия определяется как «эмпатическая диспозиция», «интерперсональная ориентация», «способность реагировать на чувства другого человека» и «диспозициональная эмпатия». Подобного подхода к эмпатии придерживались как представители психотерапии и психоанализа (D. Buie, S. Danish & N. Kagan, R. Dymond, B. Easser, R. Hogan, C. Rogers, F. Sawyer,), так и исследователи в сфере социальной психологии и психологии развития (J. Aronfreed, N. Feshbach, M. Davis, R. Kestenbaum, E. Farber & L. Sroufe, G. Mead). Имплицитно в этих взглядах содержится представление, что некоторые индивиды являются более эмпатийными, чем другие, как по генетическим, так и по онтогенетическим основаниям.

Во-вторых, эмпатия определяется как ситуативное когнитивно-аффективное состояние. С этой точки зрения эмпатия определяется как «замещающая» реакция по отношению к реакциям другого человека, а также ощущение внутреннего мира другого как своего собственного мира. Имплицитно для такого ситуационного подхода то, что безотносительно уровня развития эмпатии, эмпатическое переживание определено ситуацией. Очевидно, что такой подход находится в сфере интересов психотерапии при оценке эмпатии терапевта в течение сессий. Социальные психологи также заинтересованы в таком подходе, так как он позволяет манипулировать эмпати-

ей при исследовании ее роли в таких процессах, как альтруизм и атрибуция.

В-третьих, эмпатия определяется как многофазовый процесс переживания. Здесь переживание эмпатии рассматривается от момента к моменту, и оцениваются процессы, включенные в продуцирование эмпатического состояния. Различные модели «состояний» показывают, что терапевт в состоянии терапевтической эмпатии проходит через ряд этапов. В циклической модели G. Barrett-Lennard (1981) определены три фазы эмпатии: эмпатическое резонирование, выражение эмпатии, полученная эмпатия. Процесс «временного проживания» C. Rogers (1975) включает 1) ощущение внутреннего мира клиента и 2) сообщение клиенту об этом ощущении. Двухшаговая эмпатия в психоанализе H. Kohut (1984) включает понимание и объяснение, а многошаговый межличностный процесс G. Gladstein (1983) — эмоциональное заражение, идентификацию и принятие роли. Клиническая ценность такого подхода велика, но эмпирическая операционализация эмпатии как многофазового феномена ограничена. Как и многие другие теории состояний, многофазовая эмпатия сложна для оценки. Таким образом, теории, определяющие эмпатию как процесс, включающий множество состояний, остаются скорее описательными, чем объяснительными.

C. Duan and C. Hill (1996) считают, что указанные подходы выражают собой три различных феномена, имеющих эмпатию в качестве общего корня: *диспозициональную эмпатию, эмпатическое переживание и эмпатический процесс*. Такое видение поможет уменьшить путаницу, возникшую вокруг дефиниции эмпатии.

В межличностной коммуникации эмпатия — это средство вежливости. Попытка проникнуть во внутренний мир другого несёт послание уважения. Эмпатия является также ненавязчивым средством помощи клиенту в исследовании себя и своей проблемной ситуации. В конечном итоге она действует как своего рода смазочный материал, эмпатия поощряет и облегчает диалог.

Такое представление об эмпатии раскрывает широкие возможности для развития эмпатии через обучение специальным способам понимания и выражения своего понимания другого человека.

Различные формы эмпатии базируются на чувствительности человека к своему и чужому миру. В ходе развития эмпатийности как свой-

ства личности формируется эмоциональная отзывчивость и способность прогнозировать эмоциональное состояние людей. Эмпатия может быть в разной степени осознанной. Ею могут обладать один или оба партнера по общению. Уровень эмпатийности экспериментально определялся в исследованиях Т.П. Гавриловой и Н.Н. Обозова. Лица с высоким уровнем эмпатии проявляют заинтересованность в других людях, пластичны, эмоциональны и оптимистичны. Для лиц, обладающих низким уровнем эмпатийности, характерны затруднения в установлении контактов, интровертированность и эгоцентричность.

Широко известны разработанные К. Роджерсом и другие методы эмпатического (активного) слушания. На их основе создаются специальные программы обучения навыкам эмпатии психотерапевтов, учителей, родителей, супругов. Имеется также много данных о применении методики А. Мехрабиана для учителей (С.Б. Борисенко, К.В. Вербова, Г.В. Парамей). Методика С.Б. Борисенко «Закончи ситуацию» была создана специально для исследования педагогической эмпатии.

В результате анализа понятия «эмпатия» в отечественной и зарубежной психолого-педагогической литературе мы пришли к выводу, что за этими понятиями могут скрываться очень разные содержания, иногда даже противоположные их первоначальному смыслу.

Нами же эмпатия рассматривается как свойство личности, проявляющееся в ситуациях общения и взаимодействия, в которых актуализируется гуманистическая направленность. Эмпатия проявляется в понимании внутреннего мира человека, эмоциональном приобщении к его жизни.

Цель эмпатии в том, чтобы помочь клиенту почувствовать себя понятым, и в том, чтобы помочь ему сдвинуться с места. Важно не просто сопереживать с человеком какие-то его чувства и эмоции, а характером своего сопереживания затухивать негативные эмоциональные проявления индивидуума, например, такие как тревогу, вину или утрату объекта. Эмпатия – это всегда двусторонние отношения, ролевые распределения в них будут зависеть от перлюкации речевого акта. Выражая соболезнование, сочувствуя или сопереживая, говорящий проникается настроением партнера по коммуникации, разделяя с ним его отрицательное психическое состояние. Как правило, такое общение носит либо официально-деловой характер, когда начальник выража-

ет соболезнование своему подчиненному по поводу смерти одного из членов его семьи, либо дружеский характер. С фонетической точки зрения, данные речевые акты можно отнести к мягким увещаниям с мало интенсивной, плавно изменяющейся мелодикой.

Речевые действия, выраженные глаголами успокаивать, поддерживать, одобрять, мирить, подбодрить, совершаются говорящим без соотнесения себя с позицией слушающего. Данные речевые акты выполняют воспитательную функцию (учитель, тренер–ученик, родитель–ребенок), помогают снять тревожные и болезненные состояния (врач–пациент). Авторитарная модальность такого речевого взаимодействия выражается в проникновенности, убедительности, аргументированности речи говорящего. В завершении следует сказать о том, что описание просодической структуры эмпативных иллокутивных актов стилистически не дифференцировано.

Эмпатия как механизм формирования межличностных отношений способствует их развитию и стабилизации, позволяет оказывать поддержку партнеру не только в обычных, но и в трудных, экстремальных условиях, когда он особенно в ней нуждается.

Библиографический список

1. Бодаев А.А. Психология общения. – М.; Воронеж, 1996.
2. Борисенко С.Б. Методы диагностики и формирования эмпатии у учителей: Автореф. дис. ... канд. наук. – Ворошиловград, 1988.
3. Вербова К.В., Парамей Г.В. Психодиагностика склонностей и способностей к педагогической деятельности // Вестн. МГУ. – 1990. – №2. – С. 66–70.
4. Вопросы психологии познания и общения. – Краснодар, 1985.
5. Гаврилова Т.П. Понятие эмпатии в зарубежной психологии // Вопр. психол. – 1975. – №2. – С. 147–158.
6. Гаврилова Т.П. Эмпатия и ее особенности у детей младшего и среднего школьного возраста: Автореф. дис. ... канд. наук. – М., 1977.
7. Гиппенрейтер Ю.Б., Карелина Т.Д., Козлова Е.И. Феномен конгруэнтной эмпатии // Вопросы психологии. – 1993. – №3.
8. Джрнзаян Л.Н. Механизмы эмпатии в межличностных отношениях: Автореф. дис. ... канд. наук. – Тбилиси, 1984.
9. Карамуратова Р.Б. Психологическое исследование роли оценочной эмпатии в педагогичес-

ком процессе: Автореф. дис. ... канд. наук. – Алма-Ата, 1984.

10. *Кохут Х.* Интроспекция, эмпатия и психоанализ: исследование взаимоотношений между способом наблюдения и теорией // Антология современного психоанализа. Т. 1 / Под ред. А.В. Россохина. – М.: Институт психологии РАН, 2000.

11. *Михальченко Г.Ф.* Формирование эмпатии у старшеклассников, ориентирующихся на педагогическую профессию: Автореф. дис. ... канд. наук. – М., 1989.

12. *Роджерс К.Р.* Взгляд на психотерапию: становление человека. – М., 1994.

13. *Сарджвеладзе Н.И.* О балансе проекции и интроспекции в процессе эмпатического взаимодействия // Бессознательное: природа, функции, методы исследования: В 4 т. / Под общ. ред.

А.С. Прангишвили, А.Е. Шерозия, Ф.В. Бассина. Т. 3. – Тбилиси, 1978. – С. 485–490.

14. *Duan C. & Hill C.E.* The current state of empathy research // *Journal of Counseling Psychology*. – 1996. – V. 43. – №3. – P. 261–274.

15. *Barrett-Lennard G.T.* The Empathy Cycle: Refinement of Nuclear Concept // *Journal of Counseling Psychology*. – 1981. – №28. – P. 91–100.

16. *Egan G.* The skilled helper. Pacific Grove, Ca; Brooks/Cole. – 1988.

17. *Goldstein A.P., Michaels G.Y.* Empathy development training, consequences. – New Jersey; London, 1985. – 287 p.

18. *Kohut H.* How Does Analysis Cures? – The University Chicago Press, 1984.

19. *Mead G.* Mind, Self and Society. – Chicago: University of Chicago Press, 1934.

А.В. Пашкова

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКЦИОНИЗМ О ПОНЯТИЙНОЙ СПЕЦИФИКЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Постигая мир, в котором мы живем, подвергая его рациональному анализу и эмпирическому изучению, необходимо стремиться к онтологической ясности. К. Джерджен, профессор психологии колледжа Свартмора (США), один из главных представителей постмодернистского направления в психологии, основатель так называемой теории социального конструкционизма, пишет о необходимости четко разделять предметы, иначе мышление станет туманным, а исследование может оказаться беспочвенным. Ясность в этих вопросах нужна также для профессиональной эффективности. Строгое разделение областей исследования и целей различных профессий позволит избавиться от лишних усилий и способствует движению науки вперед. В этом контексте различение социального и психологического, межличностного и социального, создает условия для сосуществования продуктивных и дополняющих друг друга дисциплин исследования.

Однако с изменением развития научного знания в XX в. обнаружилась ограниченность подобной «страсти к порядку». Различные направления, заявляя свои права на территории реального, изолируются от соседних областей знания. Когда же эксперты из оппозиционных течений пытаются сотрудничать, их модели часто оказы-

ваются несовместимыми. Кроме того, любая ограниченная научная теория пытается включить в сферу своих исследований и объяснить человеческую деятельность в целом. На взгляд Джерджена [4], в конце XX века обозначился стремительный рост числа междисциплинарных областей знания (гендерные исследования, исследования сред, исследования культуры, гомосексуальные исследования и др.), наблюдается всеобщее недовольство традиционными дисциплинарными границами. Урбанистическая социология начинает сближаться с антропологией, социальная психология – с социальной лингвистикой, психология – с эволюционной биологией, культурная антропология – с литературным анализом. Но, что еще важнее, считает Джерджен, это то, что различные интеллектуальные течения последних сорока лет всерьез поставили под вопрос любые попытки разделения областей исследования.

Деррида [1] и другие исследователи анализируют любое высказывание не как нечто самостоятельное, а как зависящее от длительной истории употребления языка, в который оно включено. Рассматривать значение слова как прозрачное – значит, по их мнению, отрицать его историю, вытеснять всю его обширную сеть взаимозависимостей и препятствовать возможности его творческого и разностороннего применения.

Проводя параллели между экзистенциалистской и гуманистической ориентациями, Джерджен отмечает, что экзистенциалистская теория, на первый взгляд, воплощала многое из того, что существенно для гуманизма. В то же время, в экзистенциальной мысли отсутствует важнейший элемент гуманистической традиции – значимость истории, культуры, сообщества. Размышления Джерджена строятся в логике диалогического развития рассматриваемых направлений.

Джерджен выступает за более диалогичное развитие событий, он не против различий вообще, скорее, против различий, оторванных от исторического и культурного контекста. По его мнению, устранение различий угрожает деструкцией сообщества, поэтому задача состоит в том, чтобы поместить их в контекст текущего взаимодействия. Вместо того, чтобы заранее абстрактно определять, что составляет «признак социального», он пытается включиться в важный и давно ведущийся диалог, представив определенную концепцию социального, которая может направить обсуждение по интересному и потенциально значимому пути. Джерджен в качестве эксперимента решил присоединиться к давнему диалогу, ввести первичную концепцию социального и, в целях дальнейшего развития диалога, развернуть обсуждение в сторону более многогранной, и прагматически ориентированной концепции. Начать свой эксперимент ученый решил с рассмотрения социального конструирования в гуманистической традиции.

Джерджен решает осуществлять анализ с точки зрения радикального социального конструкционизма. К конструкционистским текстам он причисляет все современные источники, в которых исследуются способы использования людьми языка с целью достижения понятности, а также влияние этих способов на человеческое существование (множество работ по социологии знания, истории науки, феминистской теории, семиотике, литературной теории, риторическому анализу, теории коммуникации и постмодернистской политической теории и философии). На взгляд Джерджена, психологические, материалистические и макросоциологические понятия предстают единицами дискурсивных практик. Они обязаны своей понятностью относительным процессам, т.е. формам координации между двумя или более людьми. Лингвистическое значение рождается не в сознании отдельного индивида, а в скоор-

динированной совместной деятельности [2]. Фактически в процессе координации действий производится весь ряд осмысленных высказываний, включая конструкционистские описания. Поэтому точное значение отношений остается не строго определенным и зависит от дальнейших социальных отношений.

Конструкционистские мыслители, стремясь к построению гуманного общества, в целом отказываются от представления, что наш язык описания мира функционирует наподобие зеркала или карты или что он имеет прозрачную и обязательную связь с окружающим. Напротив, конструкционисты в большинстве своем базируются на таком подходе к языку, в котором основной акцент делается на понимании значения как вытекающего из употребления языка. Слова получают значение благодаря попыткам членов разных сообществ согласовать свои действия, поэтому значение языка вырастает из текущих отношений между людьми. Индивидуальное сознание перестает быть источником смысла и заменяется отношениями, то есть отношения определяют нашу способность мыслить, быть понятными. Отношения предшествуют индивидуальному существованию, а не наоборот.

Толкование К. Джердженом социальной психологии, как интерпретирующей научной дисциплины в своих важнейших аспектах, перекликается с новейшими исследованиями в жанре дискурсивной психологии. Одним из основоположников дискурсивной психологии, возникшей в 70–80-х годах XX столетия в Великобритании, является профессор философии из Оксфорда Р. Харре. Положение о социальном происхождении явлений, которые традиционная психология относит к области интерпсихического, является принципиальным для дискурсивной психологии и ставит ее в один ряд с исследованиями социоконструкционистского характера. Не случайно теоретики дискурсивной психологии рассматривают конструкционизм Джерджена как метатеоретическую предпосылку психологических исследований. По мнению Р. Харре, становление дискурсивной психологии сопровождалось сдвигом на уровне метатеории: позитивистский индивидуализм уступил место анализу социального генезиса психологических явлений [6]. Р. Харре был одним из тех, кто вместе с К. Джердженом стоял у истоков нетрадиционного подхода к психологическим исследованиям. Еще в 1970-е годы он раз-

работал концепцию социальной психологии как науки о социальных значениях. Поэтому «этогеническую» психологию Р. Харре можно считать не только одной из ранних версий конструкционизма, но и прообразом современной психологии дискурсивного анализа. Этогенический подход в рамках психологического исследования предполагает структурную дешифровку социальных ритуалов для интерпретации правил социального взаимодействия. Как приверженец социального конструкционизма, Р. Харре не считает естественнонаучные модели знания адекватным средством для постижения сферы психосоциального. В основу этогенической модели Р. Харре положены два тезиса:

1) антибихевиористское утверждение, что человека следует рассматривать как субъекта собственных действий, самостоятельно организующего и направляющего свои поступки, а не как пассивного проводника внешней среды;

2) антикогнитивистское понимание ментальных процессов как результата межличностного символического воздействия, где психика выступает собирательным термином для описания дискурсивной деятельности, характерной для индивида в пределах сообщества.

Для того, чтобы понять социальное поведение личности, необходимо проникнуть в мир тех социальных значений, которые составляют основу поведенческих актов. Ведущая роль в объяснении социальных значений принадлежит эмпирическому анализу высказываний субъекта действия по поводу совершаемых им поступков, тех значений, которые он приписывает этим поступкам и ответным реакциям других участников интеракции. Инструментом таких объяснений служит речь, поэтому, по мнению Р. Харре, главным техническим средством этогенического анализа в рамках психологического исследования становится анализ речи действующих лиц [5]. Этогеническая психология предполагает решение двух задач: аналитической, связанной со структурным осмыслением результатов социального взаимодействия, и генетической, состоящей в выявлении исходных шаблонов, их структуры и форм репрезентации в социальных действиях. С этогенической точки зрения, познание причин социального поведения вряд ли возможно, ввиду неповторимости их природы. Как и К. Джерджен, Р. Харре полагает, что социальные универсалии вряд ли возможны. Разделяя идею К. Джерджена

о нестабильности социальных феноменов, Р. Харре считает, что социальные науки, в том числе психология, могут предоставить данные только об отдельных социальных образованиях. Р. Харре считает дискурсивную психологию практическим опытом конструкционизма.

Р. Харре и Ф. Мохаддам полагают, что дискурсивная психология может воспользоваться методом лабораторного эксперимента при условии целенаправленного изменения его задач и организации [7]. По их мнению, психологическую лабораторию следует превратить в сценическую площадку, где будут разыграны социальные эпизоды как упорядоченные цепочки дискурсивных действий. Экспериментатор в таком случае становится драматургом и режиссером в одном лице, а субъекты эксперимента получают роли и превращаются в актеров. Разумеется, драматургическая метафора и ролевые модели давно известны и широко применяются в социальной психологии. Новизна в данном случае состоит в том, что сценически-драматургическая аналогия будет использоваться как в аналитических, так и в перформативных целях, т.е. не только для осмысления существующих, но большей части институциализированных социальных практик, но главным образом для разыгрывания социально-психологических ситуаций повседневности.

По мнению Р. Харре и Ф. Мохаддам, цель эксперимента не в том, чтобы идентифицировать причины поведенческих событий, а в том, чтобы понять интерпретацию разворачивающейся драмы ее участниками. Но для этого экспериментатор-режиссер должен предусмотреть в своей постановке пространство для социально-дискурсивной импровизации. Импровизация проистекает из интерпретации актером наличной ситуации и значения в ней предложенной роли.

Разъясняя суть дискурсивно-сценической трансформации лабораторного эксперимента, авторы используют древнегреческое понятие «эккиклема». Так называлась выдвижная площадка, которую в древнегреческом театре выкатывали на основное пространство открытой сцены, чтобы зрители могли видеть, что происходит внутри. Греки использовали эккиклему для того, чтобы привлечь внимание аудитории к некоторым скрытым моментам сценического действия. Ту же цель, по мнению Р. Харре и Ф. Мохаддама, преследует и эмпирическое исследование в социальной психологии, оно акцентирует те аспекты со-

циальной жизни, которые до сих пор оставались в тени. Эксперимент как «экзиклема» напоминает моделирование универсума в физике, когда воспроизводятся не все, а только нужные экспериментатору параметры реального мира. Применение метода «экзиклемы» позволит не только проникнуть в мир дискурсивного взаимодействия, но и даст ключ к адекватному толкованию природы намерений.

Рассмотренные нами социально-психологические подходы к проблеме понятийной специфики психологического исследования раскрывают современные тенденции в развитии психологического знания на Западе. Главное содержание этой тенденции состоит в обращении к сфере социальных смыслов как к первостепенному объекту психологического исследования. В отличие от когнитивистских моделей социального познания конструкционистские схемы опираются на нетрадиционное толкование генезиса значений и знаний о мире. С этой точки зрения, значения всегда контекстуальны, они возникают не «внутри» индивида, а «между» субъектами социальной интеракции. Инструментом образования значений и создания образа мира служит язык повседневного общения, воплощенный в социально-дискурсивной практике. И К. Джерджен, и Р. Харре в известной мере обогащают сложившийся образ социальной психологии и видят свою задачу в изменении, переосмыслении традици-

онных средств социопсихологического анализа. На смену индуктивной логике и статистическим методам изучения динамики поведения индивидов и групп должна прийти риторика постижения мира с помощью теоретических категорий и понятий. На смену естественнонаучным моделям должно прийти понимание социальной психологии как науки о социальном генезисе психологических явлений.

Библиографический список

1. Деррида Ж. О грамматологии / Пер. с фр. Н. Автономовой. – М., 2000.
2. Куайн У.В.О. Слово и объект / Пер. с англ. А.З. Черняка и Т.А. Дмитриева. – М.: Праксис, Логос, 2000.
3. Саптр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Пер. с фр. А.А. Санина // Семерки богов. – М.: Политиздат, 1990.
4. Gergen K.J. Realities and relationships: Soundings in social construction. – 1994.
5. Harre R. The ethogenic approach: theory and practice // Advances in experimental social psychology. – N.Y.; L., 1977. – Vol. 10. – P. 283–314.
6. Harre R. The second cognitive revolution // Amer. behavioral scientist. – L., 1992. – Vol. 36. – №1. – P. 5–7.
7. Moghaddam P.M., Harre R. Rethinking the laboratory experiment // Amer. behavioral scientist. – L., 1992. – Vol. 36. – №1. – P. 22–38.

М.Н. Смирнова

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ПРОЦЕССЕ ОКАЗАНИЯ РЕАБИЛИТАЦИОННОЙ ПОМОЩИ ДЕТЯМ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

В настоящее время отмечается тревожная тенденция роста количества детей, имеющих нарушения физического и нервно-психического развития, наследственной патологии, причиной которых могут быть различные экологические, биологические, социально-психологические и другие факторы и их сочетание. Анализ динамики численности инвалидов в Российской Федерации за последние 30 лет указывает на неуклонное увеличение масштабов инвалидности. Это подтверждают исследования последних лет ученых и практиков (Е.Т. Лильин, Л.М. Шипицына, Н.С. Морова, В.А. Худик,

М.А. Беляева, В.К. Волкова, Л.Н. Винокурова, М.М. Хекай) и медико-биологическая характеристика всего контингента детей России, составленная по результатам специальных углубленных обследований во многих регионах [2; 4]. В связи с этим, можно наблюдать изменения, произошедшие в российском обществе, которые проявились в усилении внимания к проблеме лиц с ограниченными возможностями здоровья, осознании важности реабилитационных мероприятий. За последние годы комплекс нормативно-правовых, административных, экономических, социокультурных условий сложился в определенную сис-

тому, позволяющую открывать на базах Министерства труда и социального развития РФ и Министерства образования и науки РФ новые формы реабилитационных учреждений по оказанию помощи детям с отклонениями в развитии [13]. Структура реабилитационных учреждений может быть разнообразна и формируется в зависимости от потребностей в регионе.

Согласно «Примерному положению о Реабилитационном Центре», реабилитационные центры для детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья призваны оказывать систему медицинских, психологических, педагогических и социально-экономических мероприятий, направленных на устранение или возможно более полную компенсацию ограничения жизнедеятельности, вызванных у ребенка его заболеванием.

Успешное решение этих задач может быть обеспечено интегративным подходом в процессе взаимодействия специалистов в реабилитационном процессе. В этом случае реабилитационные воздействия не просто интегрируются, но именно преобразуются в составе принципиально нового синтеза научного знания и социальных практик [2; 6]. Для исследования проблемы важен междисциплинарный подход, который в равной мере ориентирован на совокупность как патобиологических, так и психопедагогических аспектов. Поэтому он рассматривается многоаспектно, как междисциплинарный процесс, с выработкой на гуманитарно-антропологической базе междисциплинарных способов анализа и проектирования источников детского развития в норме и патологии [6]. Изучению данной проблемы посвящены работы В.З. Кантор, В.Т. Кудрявцева, К.А. Семенова, С.М. Колковой, Т.В. Бутенко, и др.

Необходимость комплексного подхода к проблеме реабилитации обуславливается единством процессов реабилитации и коррекции в их компенсаторной направленности [5]. Объединение медицинской, психологической, социальной видов реабилитаций в системной концепции является особой методологической установкой, дающей возможность избежать альтернативности (биологическое или социальное) в подходе к ребенку с ограниченными возможностями здоровья [7]. Реабилитационная деятельность может осуществляться лишь на основе глубокой интегрированности образовательных, воспитательных, социальных и лечебно-оздоровительных программ, нацеленных на сочетание индивидуали-

зации и социализации ребенка (И.М. Бгажнокова, В.В. Коркунов, Н.Н. Малофеев, Л.М. Шипицина, В.К. Волковой, Д.В. Лернер, Р. Иттенбах, С. Кирх, В.И. Загвязинский, В.К. Зарецкий, А.А. Северных, В.И. Слободчикова, В.К. Волковой и др.).

Одной из центральных категорий научного осмысления специфики оказания реабилитационной помощи детям с ограниченными возможностями здоровья, на наш взгляд, выступает категория взаимодействия.

Выступая как междисциплинарная категория, «взаимодействие» подвергается рассмотрению с позиции различных наук: философской, социальной, психологической, педагогической. Взаимодействие определяет существование и структурную организацию любой материальной системы и является универсальной формой движения и развития. Взаимодействие в процессе реабилитационных мероприятий представляет собой сложную систему взаимопереплетающихся связей, оно с неизбежностью несет бесчисленное множество противоречий, которые заставляют его развиваться, переходить в новое состояние [1].

Анализируя характер взаимодействий в рамках реабилитационного центра мы опираемся на исследования Л.В. Байбородовой, А.В. Волохова, М.И. Рожкова, Л.И. Уманского, Р.Х. Шакурова. Взаимодействие специалистов и детей с ограниченными возможностями здоровья выступает в качестве интегрирующего фактора всех отношений внутри реабилитационного центра.

Анализ работ посвященных системе межличностных отношений ребенка с воспитывающими его взрослыми (К.В. Солоед, Макклелланд, Л.И. Солнцева, Спиваковская, С.М. Хорош, А. Фрейд, Э. Эриксон), характеристике общения и специфике взаимодействий ребенка с другими людьми (В.В. Столин, Е.Т. Соколова, А.Я. Варга), значимость эмоционального характера внутрисемейных отношений для становления личности (Л.В. Загик, Т.А. Маркова, Т.А. Репина, Е.Ю. Яницкая и др.) позволил определить, что участие родителей в реабилитационных мероприятиях определяет качество и динамику развития ребенка.

Анализ научно-методических работ позволяет констатировать, что качественное различие характера взаимодействия в реабилитационном процессе определяется, прежде всего, составом участников совместной деятельности. Разнообразие типов взаимодействия объединенных совместной целью обуславливают многоаспект-

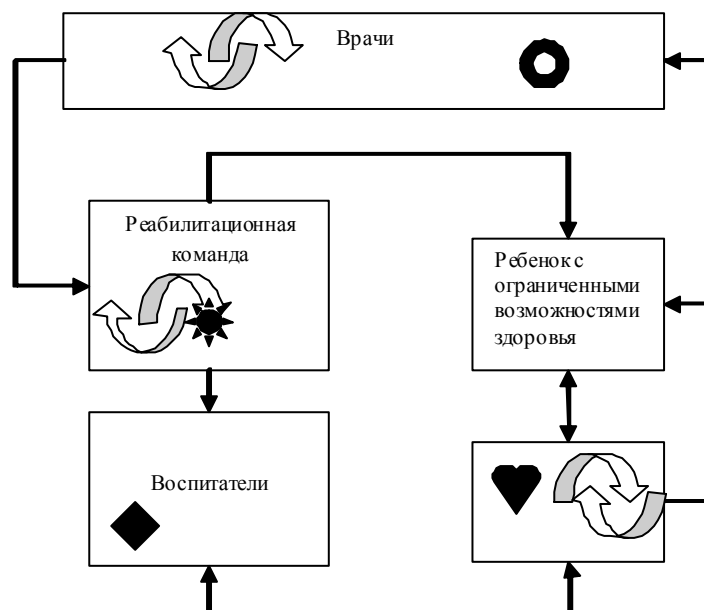

Рис. 1. Традиционно сложившаяся система взаимодействия в условиях реабилитационного центра

ность, многоуровневость данного процесса. Характер взаимодействия зависит от компетентности участников, которое отражается в соотношении объективно необходимых знаний, умений, психологических качеств. Профессионально-важные качества рассматриваются как необходимые для успешной реализации трудовой деятельности и находят свое отражение в понятиях компетентность, профессионализм, квалификация.

Анализ традиционно сложившейся системы взаимодействия врач – реабилитационная команда – воспитатель – семья ребенка с ограниченными возможностями здоровья в процессе реализации комплексной реабилитации показал разнообразные связи в данной системе взаимодействия.

Педагогическое взаимодействие как система является одной из элементов системы комплексной реабилитации. Комплексная реабилитация, основанная на интеграции педагогической, социальной и медицинской реабилитаций представляет собой сложную многоуровневую систему взаимодействия педагогов, воспитателей, психологов, врачей, социологов, организаторов здравоохранения и образования; взаимную адаптацию технологий обучения, воспитания и лечения; временную синхронизацию их в режиме жизнедеятельности ребенка. Изучение работ, посвященных системному подходу к исследованию явлений (В.П. Беспалько, Ю.А. Конаржевский, Ф.Ф. Королев, М.И. Рожков, В.Н. Садовский), по-

зволило сделать вывод о том, что комплексная реабилитация относится к открытым системам. Базовыми принципами ее структурирования выступают принцип комплексности и вариативности, в значении единства многообразия.

Анализ научно-педагогической литературы позволяет определить общие подходы к комплексной реабилитации детей с ограниченными возможностями: значимость раннего начала реабилитации, так как дошкольный возраст является периодом интенсивной социализации (Л.С. Выготский, А.В. Запорожец, Д.Б. Эльконин); необходимость ранней диагностики как профилактики инвалидности (Л.К. Грачев, О.И. Лебединская); взаимосвязь медицинской и психолого-педагогической реабилитации детей-инвалидов для повышения эффективности реабилитационного процесса в целом (Г.А. Добровольская, В.И. Лубовский, Н.Б. Шабалина, Н.В. Шапкина, Л.М. Шипицына)

Понятие «комплексной реабилитации» имеет широкое распространение на практике. Анализ научной литературы показал, что в настоящее время в теоретическом аспекте недостаточно проработана содержательная сторона данного понятия. На основе проведенного анализа научной литературы в нашем исследовании мы представляем определение *комплексной реабилитации* как, системы интегрированных медицинских, психологических, педагогических и социальных реабилитационных мероприятий, на-

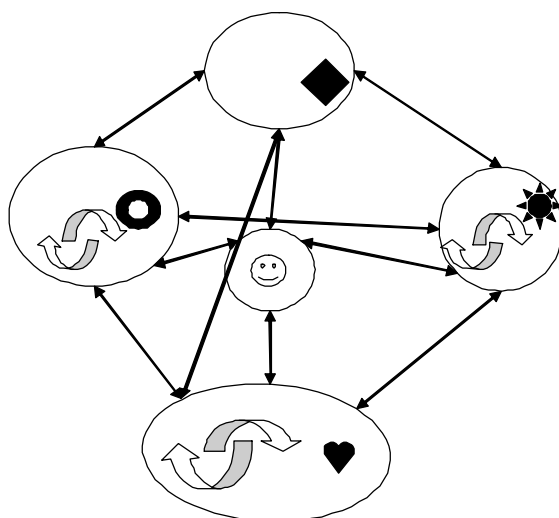

Рис. 2.

Условные обозначения: ♥ – семья ребенка с ограниченными возможностями здоровья; ★ – реабилитационная команда; ● – группа врачей; ◆ – воспитатели, ☺ – ребенок с ограниченными возможностями здоровья, ↻ – схематичное обозначение внутригруппового взаимодействия

правленную на устранение или возможно более полную компенсацию ограничений жизнедеятельности, вызванных патологическим состоянием функций организма ребенка.

Возможность реализации системы комплексной реабилитации, включающей мероприятия медицинского, педагогического, психологического и социального характера для детей с ограниченными возможностями здоровья является важнейшей практической задачей реабилитационного центра.

Взаимодействие разнопрофильных специалистов центра с семьей и ребенком с ограниченными возможностями здоровья в процессе осуществляется в процессе:

- медико-социальной реабилитации;
- социально-психологической реабилитации;
- социально-педагогической реабилитации.

Специалисты реабилитационного центра информируют родителей о комплексе лечебных и психолого-педагогических мероприятий, применяемых к их ребенку, о содержании отдаленных перспектив в развитии ребенка. Это способствует активному включению семьи в реабилитационный процесс.

В ходе опытно-экспериментальной работы была проведена диагностика характера взаимодействия между ребенком с ограниченными возможностями, их родителями и специалистами, участвующими в реабилитационных мероприятиях. Результаты данной диагностики показали

необходимость психологизации процесса комплексной реабилитации и в особенности взаимодействия в триаде врач-ребенок-родитель.

В процессе анализа научно-педагогической литературы была выделена схема традиционного взаимодействия в реализации реабилитационных мероприятий. Модифицировав данную схему взаимодействия мы применили ее на практике. Модификация проходила в направлениях:

- взаимодействия врачей с участниками реабилитационного процесса,
- психологизации медицинской реабилитации и всего процесса комплексной реабилитации;
- поступательно-возвратного комплексного взаимодействия всех участников реабилитационного процесса;
- выделения ребенка с ограниченными возможностями здоровья, как отдельного участника реабилитационного процесса.

В результате проведенной опытно-экспериментальной работы было доказано, что применение модифицированной схемы способствует более эффективному взаимодействию участников реабилитационного процесса. В тоже время более дифференцированный характер работы реабилитационной команды, указывает на развитие и усовершенствование комплексной реабилитации как системы.

Таким образом, технология организации педагогического взаимодействия в реабилитацион-

ном центре опирается на представление о нем как элементе системы комплексной реабилитации. Специфика педагогического взаимодействия в реабилитационном центре обусловлена структурными особенностями центра, контингентом и отражена в межотраслевом и семейно-центрированном взаимодействии, повышение квалификации специалистов и их компетентности в смежных областях деятельности, обеспечивает коммуникативное единство в процессе межотраслевого взаимодействия. Комплексная реабилитация, организуемая на принципах одновременности и параллельности введения реабилитационных мероприятий способствует, целостности и комплексности системы реабилитации, а вариативность взаимодействия находит отражение в индивидуальной программе развития ребенка в соответствии с его этиопатогенезом. Психологизация процесса реализации реабилитационных мероприятий и активное вовлечение семьи в реабилитационный процесс способствует более эффективному взаимодействию среди участников реабилитационного процесса и положительно влияет на восстановление и развитие ребенка.

Библиографический список

1. *Байбородова Л.В.* Теория, методика и практика взаимодействия в разновозрастных группах учащихся. — Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2007. — 320 с.
2. *Волкова В.К.* Лечебная педагогика в условиях детского реабилитационного центра. — Тюмень: Вектор Бук, 2000. — 152 с.
3. *Гребенюк О.С., Рожков М.И.* Общие основы педагогики: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: ВЛАДОС, 2003. — 160 с.
4. *Гришина Л.П., Лавров Д.И.* Инвалидность как многофакторная проблема // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. — 2006. — №2. — С. 27–31
5. *Кантор В.З.* Реабилитация лиц с комбинарованными нарушениями как комплексная проблема. // Медико-психолого-педагогическое развитие лиц с комплексными нарушениями. — СПб.: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2001. — С. 3–6.
6. *Кудрявцев И.Т.* Психологические основы развивающей педагогики оздоровления // Вопросы психологии. — 2005. — №5. — С. 101–103.
7. *Лильин Е.Т., Доскин В.А.* Детская реабилитология (избранные очерки). — М.: Издательский центр МБН, 1997. — 279 с.
8. *Морова Н.С.* Основы социально-педагогической реабилитации детей с ограниченными возможностями: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. — М., 1998.
9. Об утверждении примерного положения о реабилитационном учреждении // Бюллетень Департамента по делам семьи, женщин и детей Минтруда России. — 1998. — №4. — С. 34–50.
10. *Овчарова Р.В.* Психологическое сопровождение родительства. — М.: Изд-во Института Психотерапии, 2003. — 139 с.
11. Родители и дети: Психология взаимоотношений / Под ред. Е.А. Савиной, Е.О. Смирновой. — М.: «Когито-Центр», 2000. — 230 с.
12. *Худик В.А.* Детская патопсихология. — Киев: Здоровье, 1997. — 96 с.
13. *Шипицына Л.М., Иванов Е.С.* Реабилитация детей с проблемами в интеллектуальном и физическом развитии. — СПб., 1995.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МНОВОВАРИАНТНЫХ ТЕСТОВЫХ ЗАДАНИЙ

Задача получения объективной, качественной информации в области образовательного процесса была и остается чрезвычайно важной. Эта информация необходима всем участникам процесса обучения: обучающимся, преподавателям, родителям, а также управленческому персоналу. Высокий уровень потребности решения данной задачи порождает предложение. В настоящее время наиболее часто используемой формой получения информации о качестве подготовки обучающихся является тестирование. Существуют различные виды педагогических тестовых материалов (критериально-ориентированные, нормативно-ориентированные и т.д.), которые включают различные формы тестовых заданий (ТЗ) [1–4]. Для обеспечения технологичности обработки данных тестирования чаще используют ТЗ закрытого типа с выбором единственного правильного ответа или оценивают остальные ТЗ как задания с выбором единственного правильного ответа. К ним относятся ТЗ закрытого типа с выбором нескольких правильных ответов, на установление соответствия, правильной последовательности, открытого типа с несколькими пропусками). Данные задания авторы называют многовариантными тестовыми заданиями. В ряде статей [5–7] было отмечено, что многовариантные тестовые задания позволяют диагностировать одновременно больше видов знаний (сравнительные, сопоставительные, классификационные и др.), а также обеспечивают более объективную оценку знаний обучающихся (вероятность угадывания правильного ответа снижается), имеют более высокую разре-

шающую способность, дискриминативность и, зачастую, без применения такого рода заданий невозможно сохранить достаточной содержательную валидность теста.

С целью выяснения отношения обучающихся к различным формам тестовых заданий было проведено анкетирование, результаты которого представлены в таблице 1.

Оценивание производилось по среднему баллу, выставленному по результатам анкетирования по 10-ти балльной шкале.

Как видно из данных таблицы 1, показатели многовариантных тестовых заданий оказались выше, чем у тестовых заданий с выбором единственного правильного ответа. Наиболее интересно по форме оказалось задание на установление соответствия, самая низкая возможность запоминания у заданий на установление соответствия и открытого типа. Эти задания имеют наиболее высокие показатели «низкая возможность угадывания» и «трудность задания». Полученные данные свидетельствуют о том, что многовариантные тестовые задания являются более интересными и перспективными формами тестовых заданий для проверки уровня знаний учащихся и студентов.

Аналогичное анкетирование было проведено среди экспертов – преподавателей, учителей, компетентных в вопросах тестирования и в формах тестовых заданий.

Как показывают результаты (таблица 2 и рисунок) наиболее важными показателями качества различных форм тестовых заданий являются:

– 1-я группа – «возможность проверки понимания сущности явления», «возможность

Таблица 1

Сравнительные характеристики многовариантных тестовых заданий и заданий с выбором единственного правильного ответа (анкетирование выборки студентов (n=100))

Характеристики заданий	1 ТЗ	2 ТЗ	3 ТЗ	4 ТЗ
Трудность задания	3,4	4,5	5,9	7,9
Низкая возможность угадывания правильных ответов	5,0	5,3	6,6	7,3
Низкая возможность запоминания правильных ответов	4,6	4,8	5,8	5,7
Наиболее интересно по форме	5,7	5,1	6,2	4,6

Примечание: 1 ТЗ – закрытого типа с выбором одного правильного ответа; 2 ТЗ – закрытого типа с выбором нескольких правильных ответов; 3 ТЗ – на установление соответствия; 4 ТЗ – открытого типа.

Таблица 2

Сравнительные характеристики многовариантных тестовых заданий и заданий с выбором единственного правильного ответа (результаты оценок экспертов)

№	Характеристики ТЗ	Ранг	Оценка с п. прав.	Оценка с 1-м прав.
1	Низкая возможность угадывания правильных ответов	5	6,9	3,6
2	Низкая возможность запоминания правильных ответов	5	6,6	3,6
3	Возможность проверки алгоритмических знаний	5	7,1	4,1
4	Возможность проверки связи явлений	6	6,5	3,3
5	Возможность проверки последовательностей действий и операций	6	6,9	3,7
6	Возможность проверки понимания сущности явления или процесса	6	6,4	4,1
7	Технологичность составления задания	6	4,0	6,8
8	Технологичность обработки задания	5	3,3	7,4
9	Трудность задания	5	7,3	2,8

Примечания: ранг присваивается экспертом в зависимости от значимости данной характеристики от 1 до 9 (более значимой характеристике присваивается более высокий ранг); оценка соответствует среднему баллу, выставленному по результатам анкетирования по 10-ти балльной шкале.

проверки связи явлений», «технологичность составления задания»;

– 2-я группа – «возможность проверки знания последовательностей», «возможность проверки алгоритмических знаний», «технологичность обработки задания»;

– 3-я группа – «низкая возможность угадывания правильных ответов», «низкая возмож-

ность запоминания правильных ответов» и «трудность задания».

Необходимо отметить, что различие в назначенных рангах у показателей невелико (от 5 до 6), что свидетельствует о довольно высокой значимости всех перечисленных показателей. За исключением показателей «технологичность обработки» и «технологичность составления» заданий

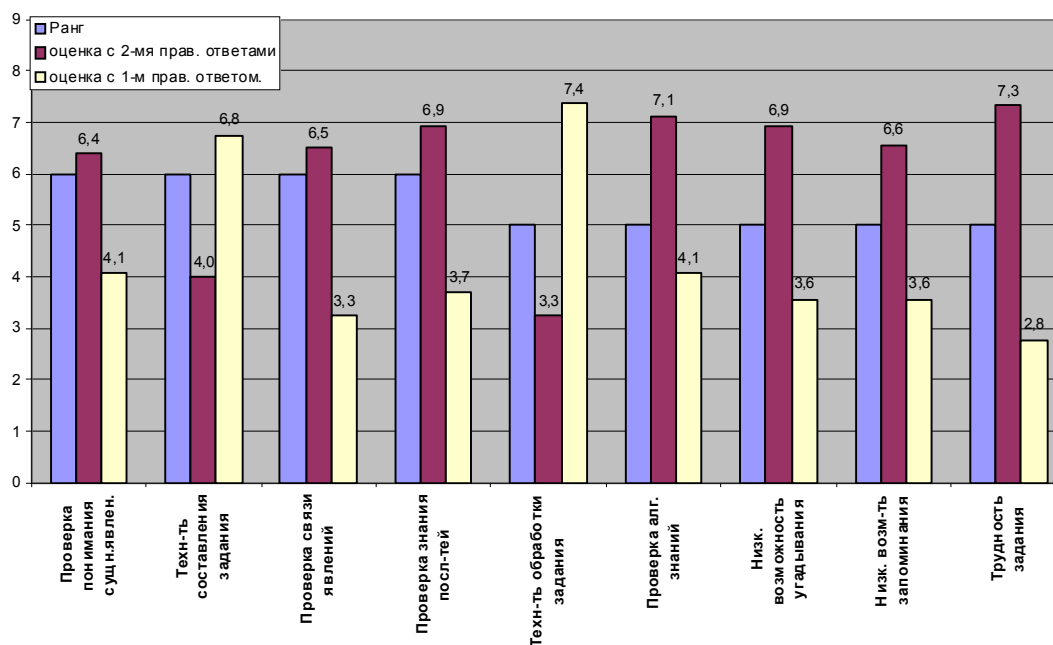

Рис. Диаграмма результатов анкетирования экспертов «Характеристики многовариантных тестовых заданий и ТЗ с выбором единственного правильного ответа»

оценки показателей у многовариантных тестовых заданий значительно выше. Это подтверждает, что данные формы тестовых заданий, по мнению экспертов, являются более эффективными для проверки уровня обученности учащихся и студентов, но не получили внедрения в достаточной мере для диагностики из-за отсутствия технологии их разработки и анализа.

Библиографический список

1. Аванесов В.С. Композиция тестовых заданий. – М.: Центр тестирования МО РФ, 2002. – 240 с.
2. Аванесов В.С. Основы научной организации педагогического контроля в высшей школе. – М.: Изд-во МИСиС, 1989. – 167 с.
3. Михайлычев Е.А. Дидактическая тестология. – М.: Народное образование, 2001. – 432 с.
4. Майоров А.Н. Теория и практика создания тестов для системы образования. – М.: Интеллект-центр, 2001. – 296 с.
5. Станкевич Т.Г., Дерябина А.Г. О необходимости разработки многовариантных тестовых заданий с выбором нескольких правильных ответов // Инновационные процессы в сфере образования и проблемы повышения качества специалистов: Материалы междунар. науч.-метод. конф. – Ижевск: Изд. дом Удм. ун-та, 2005. – С. 218–220.
6. Станкевич Т.Г. Об особенностях различных типов многовариантных тестовых заданий с выбором нескольких правильных ответов // Инновационные процессы в сфере образования и проблемы повышения качества специалистов: Материалы междунар. науч.-метод. конф. – Ижевск: Изд. дом Удм. ун-та, 2005. – С. 195–199.
7. Станкевич Т.Г., Камашев Г.Я. Новый подход к обработке многовариантных тестовых заданий с выбором нескольких правильных ответов // Вопросы тестирования в образовании. – 2005. – №4. – С. 32–43.

О.А. Шубина

ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕНИЯ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ (на примере изучения студенческой молодежи)

В работе проанализированы особенности и специфика общения в юношеском возрасте по результатам проведенного социологического исследования. Автор изучил широкий комплекс направлений по молодежной проблематике, а также применил многоуровневый подход к изучению данного вопроса, что позволило рассматривать молодежь как социальный феномен.

В настоящее время проблема изучения молодого поколения приобретает особое значение, поскольку именно студенческая молодежь определит в конечном итоге образ нашего «завтра».

В системе студенческого образа жизни происходит процесс формирования социально-профессиональных и нравственных качеств личности. Главная специфика студентов заключается в становлении личности, переживающей процесс социализации как усвоение социальных норм и ценностей, образцов поведения, формирования ожиданий ролей и статусов. Под образом жизни понимают совокупность типичных видов жизнедеятельности индивида, социальной группы или общества в целом. К ведущим видам деятельности студенческой молодежи, как правило, относят: учебно-познавательную, общественную и коммуникативную деятельность [5]. Последнюю рассмотрим более подробно.

Проблема особенностей общения студенческой молодежи в обществе остается неизменно

актуальной на протяжении всего существования различных гуманитарных наук, в том числе психологии, педагогики и социологии. Актуальность данной работы определяется анализом специфики общения различных социально-демографических групп, в частности студенческой молодежи.

Таким образом, являясь частью общества, молодежная проблематика, в том числе и студенческая, представляет собой широкий комплекс идей и направлений, изучающаяся различными гуманитарными дисциплинами.

Объектом исследования в данной работе являются студенты высших учебных заведений очной формы обучения г. Сургута Ханты-Мансийского автономного округа – Югра. В опросе приняли участие 600 респондентов, из которых 240 мужчин и 360 женщин.

Предметом исследования является специфика общения студенческой молодежи.

В соответствии с выбранным объектом и предметом целью данного исследования стало раскрытие особенностей общения студенческой молодежи.

Справочная литература предлагает следующее определение студенчества, – это социально-демографическая группа, обучающаяся в высших учебных заведениях, характеризующаяся определенной численностью, половозрастной структурой, территориальным распределением; определенным общественным положением, ролью и статусом; особой фазой, стадией социализацией, которую проходит значительная часть молодежи, и, которая характеризуется определенными социально-психологическими особенностями [2]. Существенная социальная черта студенчества – его близость по характеру деятельности, интересам, ориентациям к социальной группе интеллигенции, специалистов [7].

Возрастной диапазон студенческой молодежи психологи устанавливают от 17–18 до 23–24 лет [1; 6; 8]. В данный период возникает проблема выбора жизненных ценностей, формируется внутренняя позиция по отношению к себе («Кто Я?», «Каким Я должен быть?»). Именно в этом возрасте молодой человек определяет для себя, в какой последовательности он приложит свои способности для реализации себя в труде и в самой жизни.

В работе «Идентичность: юность и кризис» американский психолог, представитель эго-психологии, Э. Эриксон, определяет юность как пятую и шестую фазы жизненного пути человека, которая характеризуется появлением чувства собственной неповторимости, обостренным чувством изоляции и одиночеством, поиском интимной близости [10]. Исследователь сопоставляет каждый период жизненного цикла человека с кризисом. При благоприятном разрешении кризиса индивид в свою очередь приобретает то или иное качество, которое должно сформироваться в свое, лучшее для этого время. Например, в юношеском возрасте первоочередной задачей является цельное осознание себя и своего места в мире. Заканчивается период юности принятием ролевого набора и нахождением собственной идентичности.

В юности усугубляется разрыв между молодыми людьми в сфере ценностных ориентаций и притязаний на признание, способности к рефлексии и в сфере других особенностей, характеризующих личность.

Познавательные внутренние мотивы отходят на второй план, а на первый – выдвигаются узколичные внешние, мотивы достижения. Качественно по структуре меняется учебная мотивация, которая становится для молодого человека, прежде всего,

средством реализации жизненных планов будущего. Так, например, большинство студентов, принявших участие в опросе относятся к высшему учебному заведению как средству, необходимому для успешного продвижения по жизни и эта позиция, безусловно, сформирована под влиянием социально-экономической ситуации в стране. 11,3% опрошенных, опасаются в настоящее время не получить качественное образование. Таким образом, высшее образование предлагает широкий выбор видов деятельности, развивает способность приспосабливаться в жизни, вуз дает профессиональные знания и общую культуру. Современный студент в большей мере становится практичным, что проявляется в стремлении с помощью образования добиться успеха в жизни, материального благополучия и соответствующего социального положения.

С усложнением жизнедеятельности у юноши происходит не только количественное расширение диапазона социальных ролей и интересов, но и качественное их изменение, появляется все больше взрослых ролей с вытекающей отсюда мерой самостоятельности и ответственности. В этом возрасте многие думают о выборе профессии, а некоторые уже начинают трудовую деятельность. По результатам проведенного социологического исследования, 21,5% из числа опрошенных постоянно подрабатывают, а 2,2% студентов вынуждены обходиться случайными заработками. За последние десятилетия социальный портрет студенчества претерпел серьезные изменения: иные моральные критерии, жизненные ориентиры. Многие из них вынуждены материально обеспечивать себя, работая параллельно учебе.

Психолог Э. Штерн сравнивает выбор профессии с выбором супруга, которые являются двумя главными решениями, определяющими судьбу человека. В то время как выбор супруга наступает уже в фазе зрелости и, таким образом, предоставляет юношескому периоду подготовиться к этой цели в процессе «серьезной игры», выбор профессии должен быть совершен у большинства людей в течение пубертатного периода [9]. Иногда на окончательное решение в выборе жизненной профессии уходит несколько лет, поскольку молодые люди до конца не осознают ни степени своей пригодности к работе, ни ее характера. Так, например, среди студенческой молодежи тоже наблюдается поиск себя, особенно на первых курсах обучения в вузе, когда молодые люди могут кардинально поменять специальность и факультет.

Несмотря на то, что ведущим видом деятельности в юношеском возрасте является профессиональное самоопределение, общению, как ведущему виду деятельности индивида в подростковый период развития, по-прежнему отводится важное место в становлении личности молодого человека. Так, по результатам проведенного социологического исследования в вузах г. Сургута, в рейтинге значимых духовно-нравственных и социальных ценностей, состоящего из тридцати восьми позиций, студенты ставят «дружбу» на третье место, а «общение с друзьями» на четырнадцатое.

Высшее учебное заведение воспринимается студентами не только как социальный институт профессионального образования, но и как среда общения: более 80% студентов предпочитают неформальное общение в своем студенческом кругу. Многие российские исследователи отмечают, что приятное времяпрепровождение в студенческие годы является дополнительным стимулом (мотивом) получения высшего образования.

На формирование личности будущего специалиста с высшим образованием оказывает и культурное пространство, знакомство с которым происходит не только в рамках учебного процесса, но и в свободное от учебы время. Огромную роль в становлении личности «подростающего» поколения интеллигенции оказывает содержание, формы и методы организации досуга студентов, поскольку именно в данном возрасте происходит формирование устойчивых интересов, культурно-эстетических потребностей. Результаты проведенного опроса свидетельствуют: 24,8% респондентов предпочитают свободное время посвящать общению с друзьями; 11,3% – читать; 14,8% – смотреть телевизор; 14,1% – посещать ночные и развлекательные клубы; 10% – проводить время за компьютером; 5,4% – посещать кинотеатры; менее 10% (9,6%) студентов занимаются спортом, посещают спортивные секции. Творческим саморазвитием занимаются лишь 5,5% студенческой молодежи.

Таким образом, в данном возрасте происходит дальнейшее освоение социального пространства: интенсивно осваиваются свой регион и центр города, определяются в них предпочитаемые места общения, которые выступают как информационный источник, стимулирующий и дающий пищу для дальнейшего межличностного взаимоотношения со сверстниками.

Специфика общения в юношеском возрасте была изучена отечественным психологом

А.В. Мудрик, и изложена на страницах его научных трудов [4]. Им был проведен ряд исследовательских мероприятий, направленных на изучение особенностей общения в данном возрасте.

По результатам наблюдений проведенных под руководством А.В. Мудрик было установлено, что в юности значительно расширяется круг общения, вследствие резкого увеличения числа друзей и приятелей, которые не связаны друг с другом территориальной близостью. Среди знакомых могут появиться старшие ребята, разница в возрасте с которыми составляет от 2 до 7 лет, а также сверстники, представляющие другие социальные группы. Эти данные свидетельствуют об определенной тенденции и имеют под собой социально-экономические и социально-культурные основания: резкий рост числа сверстников в связи с поступлением в вуз, сближение культурного уровня различных социальных групп населения, общие источники информации у молодежи, мода как интегрирующий фактор и др. [4].

Как правило, молодые люди в данном возрасте четко определяют грань между другом и ровесником. Это подтверждается тем, что 75,7% студентов утверждают, что друзья следуют нормам морали, в отличие от сверстников, по мнению 29,8% респондентов, далеко немногие следуют нормам морали.

Важность общения со сверстниками подтверждает тот факт, что для 66,3% студентов «очень важно» мнение своих друзей, а для 27,2% – «имеет значение». Тогда как мнение своего супруга (-ги) / молодого человека (девушки) отмечают как «очень важно» лишь 35,8% из опрошенных респондентов.

Круг общения юношей расширяется и за счет включения в него взрослых людей. А.В. Мудрик отмечает, что к общению со взрослыми стремится более 70% юношей, при этом особенно растет необходимость в общении с родителями [4]. Так, например, отвечая на вопрос: «Насколько значимы и авторитетны для Вас родители?». Большинство молодых людей (99,5%) отмечают как «очень важны». Таким образом, для абсолютного большинства молодежи понимание взрослых: матери и отца важнее, чем сверстников.

Другой немаловажный фактор, определяющий взаимоотношения со взрослыми является показатель значимости и авторитетности преподавателей. 69,5% респондентов утверждают, что преподаватели вуза, в котором они обучаются, являются для них значимыми и компетентными лицами.

На наш взгляд, данный показатель является позитивной тенденцией, поскольку именно в этот возрастной период заканчивается процесс идентификации, уподобления другим людям, присвоение от них социально значимых свойств личности. Стремление студентов прислушиваться к мнению преподавателей благотворно отразится на становлении личности молодых людей.

Открытие своего внутреннего мира – радостное и волнующее событие. Но оно вызывает и много тревожных, драматических переживаний. Вместе с осознанием своей уникальности, неповторимости, непохожести на других приходит чувство одиночества [3]. Юношеское «Я» еще неопределенно, расплывчато, оно нередко переживается как смутное беспокойство или ощущение внутренней пустоты, которую необходимо чем-то заполнить. Отсюда, растет потребность в общении, и одновременно повышается его избирательность, появляется потребность в уединении. Поведенный опрос показал, что более половины девушек и около 45% опрошенных юношей осознают у себя наличие потребности в уединении. Исследования, проведенные под руководством А.В. Мудрика показали, что некоторая часть молодых людей предпочитают уединение как наиболее приемлемый для них вид свободного времяпрепровождения [4]. Психолог отмечает среди молодежи данного возраста определенную склонность, которую он называет «клаустрофилией» (любовь к ограниченному пространству). Ее проявления исследователь усматривает в попытках и стремлениях ребят общаться в комнате на чьей-либо квартире, укрыться своей группой от посторонних глаз, стать завсегдатями небольшого кафе или бара и др.

В данный период завершается индивидуализация личности, происходит оформление жизненных установок, благодаря чему происходит утверждение в сознании и поведении устойчивых ценностных ориентаций, прежде всего социокультурных.

Для составления модели личности современного студента были выяснены мнения студентов о своих личностных качествах в трех аспектах: отношения студентов к самим себе, отношения к своим сверстникам, а также качества, к которым необходимо стремиться.

Показательные ответы респондентов на вопросы: «Какие качества присущи Вам в большей степени?», а также «Какие качества Вы цените в других людях?». В первой «пятерке» наиболее распространенных личностных качеств студентами

в большинстве случаев были отмечены следующие: доброта (14,2%), отзывчивость (11,1%), юмор (9,8%), коммуникабельность (9,4%), целеустремленность (8,4%).

Среди личностных качеств, характерных для других людей, студенты в первую очередь ценят: доброту (13,6%), юмор (12,3%), ум (9,5%), коммуникабельность (8,6%), отзывчивость (8,5%), честность и порядочность (8,5%).

Полученные ответы отражают наличие у студентов юношеского оптимизма, энергичности и предприимчивости. Данные факты свидетельствуют об активной рефлексии, о желании обладать более престижными социально-статусными характеристиками.

Интересно было также узнать о том, какие качества, по мнению студентов, необходимо развивать и совершенствовать. Полученные данные, подтверждают факт, что большинство студентов стремятся развивать личностные качества, такие как: «уверенность в себе», «целеустремленность», «независимость», «коммуникабельность» и др., т.е. те качества, которые в будущем окажут положительное влияние в профессиональной деятельности.

При выяснении мнения студентов о своих личностных качествах, полученную оценку не всегда стоит воспринимать как реальное проявление этих качеств, а как некий идеал, к которому стремятся студенты.

Таким образом, ранжирование нравственных личностных характеристик позволяет составить абстрактную модель идеальной, с точки зрения студента, личности.

В заключении можно подвести итоги проведенного исследования. Во-первых, общению как одному из ведущих видов деятельности в данном возрасте отводится довольно важное место в становлении личности молодых людей. Во-вторых, в связи с поступлением в вуз резко увеличивается круг знакомых и друзей, отличительной чертой которого является не связанность территориальной близостью как ранее (старшие классы школы). В-третьих, несмотря на большую значимость мнения друзей в жизни молодых людей, последние, как правило, больше начинают прислушиваться к мнению взрослых (родители, авторитетные в глазах молодежи лица, преподаватели). В-четвертых, отмечается довольно противоречивый характер общения в данном возрасте. С одной стороны, налицо стремление студентов расширить свой круг общения, с другой – отме-

чается потребность в уединении.

Студенческие годы являются основным подготовительным этапом в жизни молодого человека, будущего специалиста и интеллигента. Очень важным является то, с каким настроем студенты вступят в свое будущее. Образ жизни студента, к которому относится и коммуникативная деятельность, является интегральным показателем того, каковы мотивы, ценностные ориентации, содержание, способы и формы жизнедеятельности будущего специалиста. Студенчество является духовным и интеллектуальным потенциалом России, который нуждается в создании необходимых условий для социального развития и реализации своих возможностей.

Библиографический список

1. *Абрамова Г.С.* Возрастная психология. – М., 1999. – С. 543.
2. Большая советская энциклопедия. Т. 25. –

М., 1976. – С. 11–12.

3. Социология молодежи / Под ред. В.Т. Лисовского. – СПб., 1996. – С. 94–106.

4. *Мудрик А.В.* Юношеский тип общения. – М., 1984. – С. 59–69.

5. *Мухина В.С.* Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество. – М., 2000. – С. 420–423.

6. *Павловский В.В.* Ювентология: проект интегративной науки о молодежи. – М., 2001. – С. 95.

7. Российская социологическая энциклопедия / Под ред. Г.В. Осипова. – М., 1998. – С. 327.

8. *Сорокоумова Е.А.* Возрастная психология. – СПб., 2006. – С. 163–167.

9. *Штерн Э.* Педология юности // Возрастная психология: детство, отрочество, юность: хрестоматия / Сост. и науч. ред. В.С. Мухина, А.А. Хвостов. – М., 2003. – С. 471–481.

10. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. – М., 1996. – С. 100–106.

Я.А. Петропавловская

СТУДЕНТЫ И НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО УНИВЕРСИТЕТА: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ

Человек приобщается к социальным ценностям, культуре, приобретает общественную сущность и способность участвовать в социальной жизни в процессе социализации. Согласно А.В. Мудрику социализация – это «развитие и самоизменение человека в процессе усвоения и воспроизводства культуры, что происходит во взаимодействии человека со стихийными, относительно направляемыми и целенаправленно создаваемыми условиями жизни на всех возрастных этапах»¹. Для нас важно понимание М.И. Рожковым и Л.В. Байборовой процесса социализации как интеграции «человека в систему социальных отношений, в различные типы социальных общностей (группу, институт, организации)»².

Особое место среди составляющих процесс социализации занимает социальное воспитание. Именно социальное воспитание способствует формированию у человека качеств, необходимых ему для решения личностных проблем, определения стратегии и тактики построения отношений с другими людьми и различными социальными институтами (М.И. Рожков). Социальное вос-

питание в своих исследованиях анализируют В.Г. Бочарова, М.А. Галагузова, А.В. Мудрик, Л.Е. Никитина, В.Д. Семенов, Г.Н. Филонов, В.А. Фокин и другие.

Для нас теоретическим ориентиром выступает социально-педагогическая концепция А.В. Мудрика. Автор вводит следующее определение: социальное воспитание – это процесс «относительно социально контролируемой социализации, осуществляемый в специально созданных воспитательных организациях, который помогает развить возможности человека, включающие его способности, знания, образцы поведения, ценности, отношения, позитивно ценные для общества, в котором он живет»³. Б.В. Куприянов считает, что «социальное воспитание может быть представлено как организованное воспроизводство культуры определенных групп, возвращение детей по образу и подобию некоего социокультурного идеала, подготовки подрастающего поколения к выполнению совершенно определенных социальных функций, проектирования адекватного в социокультурном плане варианта жизни»⁴.

Многие ученые (Б.В. Куприянов, А.В. Мудрик, М.В. Шакурова, В.Р. Ясницкая и др.) ведущую роль в относительно социально контролируемой социализации отводят воспитательным организациям, в которых человек приобретает институционализированные знания, нормы, опыт. А.В. Мудрик под «воспитательными организациями» понимает «специально создаваемые государственные и негосударственные организации, основной задачей которых является социальное воспитание определенных возрастных групп населения»⁵. Ученый основными функциями воспитательной организации называет приобщение человека к культуре общества; создание условий для индивидуального развития и духовно-ценностной ориентации; автономизация подрастающих поколений от взрослых; дифференциация воспитуемых в соответствии с их личностными ресурсами применительно к реальной социально-профессиональной структуре общества.

Согласно представлению А.И. Пригожина об «организации» можно выделить такие свойства воспитательной организации как наличие организационной структуры (системы коммуникации, культурных особенностей, распределение социальных ролей), возникающей в процессе организывания, наличие общественных функций.

В костромской научно-педагогической школе сложился подход, рассматривающий университет, факультеты в качестве воспитательной организации (Е.В. Буслова, Т.В. Козырева, А.Е. Подобин и др.).

Сформировавшееся в настоящее время понимание вуза, как особого социального института, возникшего и развивающегося в связи с определенными общественными потребностями, по мнению А.А. Владимирова, позволяет характеризовать его как носителя определенных социально значимых и необходимых структур, функций, деятельностей. Автор выделяет основания, позволяющие высшей школе иметь выше перечисленные характеристики: комплекс ценностных установок, принципов, норм, соответствующая материально-техническая база и организационная структура. «С точки зрения институционального подхода высшая школа представляет собой такой социальный институт, основная функция которого заключается в воспроизводстве и развитии высшего уровня человеческих ресурсов данного общества, в упорядоченной и целенаправленной социализации и профессионализации интеллектуально высокоразвитого слоя составляющих его индивидов»⁶.

Университет как высшая школа является носителем выше перечисленных общих характеристик, вместе с тем он обладает и своими специфическими особенностями. Прежде всего, это связано с тем, что с самого начала основания университетов, в отличие от других высших учебных заведений, соединяли теоретические исследования и обучение. П.А. Гусаковский, С.В. Костюкевич, Л.А. Ященко констатируют, что при зарождении университетов как корпорации студентов и преподавателей, «с одной стороны, вырабатывался особый научный (университетский) дискурс, с другой – формировался и особый университетский образ жизни, обязательно включавший в себя стремление к знанию, общению, исследованию»⁷.

Итак, одной из отличительных черт университета является ведение в его рамках научно-исследовательской деятельности. Данное обстоятельство объясняет и особенности структуры этого типа вузов, а именно существования университетских научных сообществ, членами которых являются преподаватели, сотрудники, аспиранты и студенты университета.

Вместе с тем, университет как высшая школа призван выполнять наряду с образовательной, научно-исследовательской и культурно-воспитательную функцию. Р.Г. Минзарилов считает сверхзадачей университета – быть духовным центром культурно-воспитательной работы, автор отводит высшей школе особое место в системе агентов социализации личности. «Культурно-творческая миссия вуза... предполагает создание условий для свободного и творческого развития личности каждого студента. Культурный уровень значительной, если не подавляющей части студентов требует «пропитывания» студентов культурой, вовлечение их в культурный процесс и прежде всего, пробуждение у них потребности в культурных ценностях»⁸.

Проблема воспитания студентов в отечественной педагогической литературе представлена широко и разносторонне. Существенный вклад в решение данной проблемы вносят концепции социального воспитания В.Г. Бочаровой, М.А. Галагузовой, А.В. Мудрика, В.А. Никитина, Л.Е. Никитиной, В.Д. Семенова, Г.Н. Филонова, В.А. Фокина. П.И. Бабочкиным, И.М. Ильинским, В.Т. Лисовским определены важнейшие направления воспитательной работы со студентами вузов.

Современные исследования проблемы воспитательной работы в вузе отражены в работах Н.Ф. Басова, В.М. Басовой, В.А. Березиной,

Е.А. Бондаревской, И.А. Винтина, Н.С. Дежниковой, И.М. Ильинского, Т.С. Комаровой, Е.А. Левановой, В.Л. Матросова, М.И. Рожкова, Э.И. Сокольниковой, А.И. Тимониной и др.

Для более глубокого понимания процесса социального воспитания студентов в университете в целом и в его структурных элементах, обратимся к сложившемуся в педагогической антропологии подходу к воспитанию как к специфически человеческому способу бытия. В философском плане бытие воспитанника есть реально существующее явление, обладающее полнотой и разнообразием существования (телесное, социальное, психологическое, духовное). Проведя анализ современных научных представлений, Б.В. Куприянов пришел к выводу, что наиболее существенный аспект бытия воспитанника для социального воспитания может быть выражен через понимание внешнего необходимого условия, обеспечивающего полноту бытия – жизнедеятельности воспитательной организации (А.В. Мудрик), воспитательной (воспитывающей) среды (Л.М. Лузина, Ю.С. Майнулов), культуры школы – образовательного учреждения (М.В. Воропаев, Т.В. Цырлина, Г.А. Филиппов), «культурной среды» (Н.Б. Крылова). В любом случае при таком подходе наиболее значимыми являются понятия «со-бытия» и диалога (сопричастности) как способа бытия.

В современной педагогике (В.А. Караковский, Л.И. Новикова, М.И. Рожков, Н.Л. Селиванова, В.П. Сергеева, В.П. Созонов, Е.Н. Степанов) воспитательная среда рассматривается как компонент воспитательной системы, обеспечивающий успешность развития и саморазвития личности ребенка путем разнообразной деятельности, создания сообществ, благоприятной атмосферы, самоуправления и т.д. Определяющим элементом бытия воспитательной организации обычно называют отношения между ее субъектами, которые создают особый образ жизни.

По мнению Б.В. Куприянова, возможно понимание социального воспитания как воспитания в коллективе – в социальной общности. Автор считает, что социальным можно назвать воспитание, осуществляемое в коллективах воспитательных организаций как микрообществах.

Университет как воспитательная организация является пространством жизнедеятельности индивидов и сообществ.

Университетское научное сообщество, считает Р.Г. Минзарипов, выступает фактором опти-

мизации процессов образования и воспитания молодых специалистов.

Остановимся на более подробном рассмотрении понятий «сообщество», «научное сообщество».

В настоящее время существуют различные определения понятий «сообщество», «научное сообщество».

Проведя теоретический анализ, В.Н. Лялягина и З.Ф. Хубецова выделили два основных исторически сложившихся подхода к пониманию «сообщества»:

- классический, когда объединяющим фактором является общая территория. При данном подходе сообщество понимается как объединение людей только по географическому признаку;

- современный, где в сообщества объединяют людей по каким-либо общим интересам: религиозным, этническим, профессиональным.

По мнению В.Н. Лялягиной, З.Ф. Хубецовой, в настоящее время понятие сообщества чаще стало определяться в терминах совместной деятельности с другими людьми, а не в терминах совместного проживания.

Робин Хамман, определяет сообщество как со-вместность людей, находящихся во взаимодействии в некотором пространстве и в течение определенного времени, и связанных между собой общими целями или интересами.

Для лучшего понимания функционирования сообщества обратимся к приведенной в книге «Структура для анализа и понимания сетевых сообществ» К. Сауза и Дж. Прис схеме. Авторы считают, что каждое существующее сообщество не просто объединяет своих членов, но имеет свои цели и определенную стратегию. А члены сообщества разделяют задачи и ожидания, формирующие цели сообщества, и принимают нормы и правила, принятые в сообществе и составляющие его политику. Существование сообщества возможно лишь при осуществлении членами сообщества конкретных действий. Каждое из таких действий воплощает задачи и ожидания сообщества, тем самым двигая его к поставленным целям, а также следует общим нормам и правилам. Кроме того, общество не может функционировать без коммуникаций, их требуют действия. Авторы также констатируют, что члены многочисленного сообщества могут объединяться в отдельные группы.

Многие исследователи (Дж. Дьюи, В.Н. Лялягина, Е.Д. Патаракин, З.Ф. Хубецова и др.) боль-

Рис. Схема функционирования сообщества по К. Соуза и Дж. Прису

шое внимание уделяют коммуникациям внутри сообщества, которые могут осуществляться как реально, посредством общения лицом к лицу, так и виртуально, с помощью средств массовой коммуникации. Джон Дьюи считает, что коммуникация имеет предопределяющее значение для формирования сообщества, т.к. люди живут в сообществе благодаря тому общему что есть между ними, а коммуникация – тот способ, благодаря которому они обретают это общее. Е.Д. Патаракин подчеркивает, что эффективная коммуникация (реальная или виртуальная) между членами сообщества требует от них определенного уровня знаний по предмету. Особо автор отмечает неформальный характер коммуникации в сообществе, так как именно это отличает его от организации. Так же интересно замечание Е.Д. Патаракина о том, что в отличие от более официальных структур, в сообществах важна деятельность, а не формальные механизмы.

Важным, на наш взгляд, является вывод Т.Р. Гайнутдинова в исследовании «Сообщество и событие в пространстве современного социально-философского знания» о том, что «каждый индивид сообщества выступает мобильной совокупностью некоторых прав и обязанностей, ролей и функций»⁹:

Согласно выше сказанному, люди, входящие в сообщество объединяются коммуникативными, деятельностными связями и отношениями.

В настоящее время исследователи выделяют различные виды сообществ: местные сообщества, любительские сообщества, сообщества обмена знаниями, сообщества интересов, сетевые сообщества, сообщества профессионалов и т.д.

Нас интересует такая разновидность сообществ, как научные.

Из существующего множества определений научного сообщества нам кажется достаточно емким следующее: «научное сообщество... обозначает совокупность исследователей со специализированной и сходной научной подготовкой, единых в понимании целей науки и придерживающихся сходных нормативно-ценностных установок (этоса науки). Понятие фиксирует коллективный характер производства знания, необходимо включающий коммуникацию ученых, достижение согласованной оценки знания учеными, принятие членами сообщества интерсубъективных норм и идеалов познавательной деятельности» (сайт РГГУ).

В настоящее время научное общество представляет собой сложную структуру объединений ученых, в связи с этим науковеды различают не-

сколько социальных форм организации научных сообществ: «придерживающаяся определенной парадигмы группа ученых» (Т. Кун), «объединение ученых в границах проблемных областей» (А.В. Мозговая), «научная школа» (В.И. Богословский, В.К. Криворученко, М.Г. Ярошевский и др.). В.К. Криворученко выделяет три группы научных сообществ: академические, отраслевые, вузовские.

Однако при любой социальной форме организации научного объединения, являющегося сообществом, его члены связаны общими целями, следуют определенным нормам и правилам, придерживаются ценностей данного сообщества, являются участниками совместной научной деятельности и научного общения, выступают мобильной совокупностью некоторых ролей и функций, т.е. люди объединены коммуникативными, деятельностными связями и отношениями. Выше сказанное правомерно и для научного сообщества университета.

Из выше изложенного следует, что научное сообщество является фактором социализации и пространством социального воспитания студентов. Именно триада «деятельность, отношения, общение», по мнению Б.З. Вульфова и В.Н. Харькина, характеризует содержание социального существования человека, т.к. в ней отражены разные проявления единой социальной сущности человека (его активность в действиях, связях, обмене информацией с другими людьми, с обществом, со всей средой обитания). «...само освоение человеком мира, самоутверждение, самореализация, осуществление своего «Я», т.е. социализация, воспитание и саморазвитие происходят в деятельности, отношениях и общении»¹⁰. Авторы пишут: «...в деятельности формируются и реализуются знания, умения, навыки – весьма важные сами по себе как проявления способностей, как всякий профессионализм; в отношениях же складываются жизненная идеология, мораль, духовность, гуманность личности»¹¹. Общение может быть в виде прямого или опосредованного обмена информацией в широчайшем диапазоне от множества людей, до уединения с собой (рефлексия, размышления). «Истинная (а не только) культура общения, ценная сама по себе как всякое проявление внутренней культуры, выступает важнейшим условием успешной совместной деятельности людей, взаимодействия каждого из них с другими и в то же время проявлением и фактором

формирования их отношений и между собой, и к различным явлениям жизнедеятельности»¹².

А.В. Мудрик обращает внимание на такое явление в социальной педагогике как вхождение воспитанника в воспитательную организацию. В исследованиях костромской научной школы большое внимание уделяется идее включенности личности в деятельность (принадлежит В.В. Рогачеву, использовалась в научных исследованиях Б.В. Куприянова, А.И. Тимонина, А.Л. Уманского и др.). В.В. Рогачев констатирует, что «достижение состояния включенности в деятельности приводит к эффективному влиянию последней на личность, происходят личностные изменения, являющиеся главными показателями ее социализации»¹³.

Итак, можно констатировать что

- социальное воспитание студентов осуществляется в университете как воспитательной организации;
- университет как воспитательная организация является пространством жизнедеятельности индивидов и сообществ;
- важную роль в жизнедеятельности университета играет научное сообщество;
- жизнедеятельность научных сообществ может быть представлена в виде трех сторон: деятельность, общение, отношения;
- составной частью социального воспитания студентов университета является включение их в научное сообщество.

Примечания

¹ Мудрик А.В. Социальная педагогика: Учеб. для студ. пед. вузов. / Под ред. В.А. Сластенина. – М.: Академия, 2002. – С. 9.

² Рожков М.И., Байбородова Л.В. Организация воспитательного процесса в школе: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: ВЛАДОС, 2001. – С. 7.

³ Мудрик А.В. Социальная педагогика: Учеб. для студ. пед. вузов / Под ред. В.А. Сластенина. – М.: Академия, 2002. – С. 111.

⁴ Куприянов Б.В. Социальное воспитание в учреждениях дополнительного образования детей (попытка обоснования концепции) // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия «Педагогика. Психология. Социальная работа. Акмеология. Ювенология. Социокинетика». – 2006. – №1. – С. 25.

⁵ Мудрик А.В. Социальная педагогика: Учеб. для студ. пед. вузов / Под ред. В.А. Сластенина. – М.: Академия, 2002. – С. 109.

⁶ *Владимиров А.А.* Высшая школа как социальный институт и генератор интеллектуального потенциала гражданского общества: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Нижний Новгород, 2001. – С. 29.

⁷ *Гусаковский М.А., Яценко Л.А., Костюкович С.В.* Университет как центр культуропорождающего образования. Изменение форм коммуникации в учебном процессе. – Мн.: БГУ, 2004. – С. 4.

⁸ *Минзаринов Р.Г.* Социализация личности молодого специалиста в условиях трансформации гуманитарной среды классического университета: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. – Казань, 2006. – С. 18.

⁹ *Гайнутдинов Т.Р.* Сообщество и событие в пространстве современного социально-философского знания: Автореферат дис. ... канд. филос. наук. – Ярославль, 2006. – С. 9.

¹⁰ *Вульф Б.З., Харькин В.Н.* Педагогика рефлексии. Издание 2-е. – М.: «Издательство Магистр», 1999. – С. 54.

¹¹ Там же. – С. 55.

¹² Там же. – С. 56.

¹³ *Рогачев В.В.* Педагогические условия включения старшеклассников в социальную деятельность: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Ярославль, 1994. – С. 10.

**Научные труды преподавателей,
поступившие в библиотеку КГУ им. Н.А. Некрасова**

КРЮКОВА Т.Л. МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ: ТРИ КОПИНГ-ШКАЛЫ. – КОСТРОМА: АВАНТИТУЛ, 2007. – 62 С. – ISBN 978-5-98342-063-2.

ЗАХАРОВА Ж.А. ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ И СОЦИАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ДЕТСКОГО ДОМА И ЗАМЕЩАЮЩЕЙ СЕМЬИ / Ж.А. ЗАХАРОВА, Э.И. ЧУГУНОВА. – КОСТРОМА: АВАНТИТУЛ, 2007. – 83 С. – ISBN 978-5-98342-082-3.

ЗАХАРОВА Ж.А. ЧТО ДЕЛАТЬ, ЕСЛИ?: МЕТОД. РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ ЗАМЕЩАЮЩИХ РОДИТЕЛЕЙ / Ж.А. ЗАХАРОВА, Э.И. ЧУГУНОВА. – КОСТРОМА: АВАНТИТУЛ, 2007. – 35 С. – ISBN 978-5-98342-073-1.

КУФТЯК Е.В. ПРИНИМАЮЩАЯ ЗАБОТА. ОТВЕТЫ ПСИХОЛОГА НА ВОПРОСЫ РОДИТЕЛЕЙ. – КОСТРОМА: КГУ, 2007. – 76 С. – ISBN 978-5-7591-0839-9.

КУФТЯК Е.В. ПРИЕМНАЯ СЕМЬЯ: ОСОБЕННОСТИ ПОДБОРА И АДАПТАЦИИ: МЕТОД. ПОСОБИЕ / Е.В. КУФТЯК, И.В. ТИХОНОВА. – КОСТРОМА: КГУ, 2007. – 48 С.

ЗАХАРОВА Ж.А. ПЕРВИЧНАЯ ДИАГНОСТИКА ПРЕТЕНДЕНТОВ НА РОЛЬ ЗАМЕЩАЮЩЕГО РОДИТЕЛЯ: МЕТОД. ПОСОБИЕ / Ж.А. ЗАХАРОВА, Э.И. ЧУГУНОВА. – КОСТРОМА: АВАНТИТУЛ, 2007. – 80 С. – ISBN 978-5-98342-067-0.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ СМЫСЛОВОЙ ОСНОВЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ КОМПОНЕНТОВ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Лингвистические исследования последних десятилетий отчетливо демонстрируют, что все большее количество лингвистов отходит от имманентного анализа языковых систем и не приемлет более игнорирование деятельностной природы языка и его включенность в процессы жизнедеятельности человека и общества. На стыке с лингвистикой возник ряд новых дисциплин, таких, как психолингвистика, этнолингвистика, социолингвистика, лингвокультурология и когнитивная лингвистика. Не стало исключением и исследование грамматики, которая традиционно анализировалась и объяснялась со структурных позиций, а нынче получает новую жизнь, благодаря комплексному и антропоцентрически ориентированному объяснению существующих феноменов.

Активное развитие когнитивного направления в лингвистической науке стало в известной мере реакцией на господствовавшие прежде трактовки грамматики как чисто формальной структуры, отделенной от семантики. Анализ предшествующей литературы напоминает о том, что ранее лингвисты либо полностью игнорировали анализ значения, либо применяли анализ условий истинности употребления знака, что фактически приравнивало значение к набору свойств, присущих денотату.

Язык в когнитивной лингвистике – не порождающая система, а система знаков, которую говорящие используют в актах порождения речи. Соответственно, грамматика – это тоже система символов, имеющих свое значение. Значение – не условие истинности, а концепт, в котором отражены не только объективные свойства описываемого знаком явления. Прежде всего, в нем отражены субъективное видение носителей данного языка этого явления, способ его представления.

В морфологической структуре слова выражены грамматические значения разных рангов (общекатегориальные, категориальные, частнокатегориальные, или значения граммем), содержательная и функциональная специфика которых

только в последние годы стала подвергаться обстоятельному анализу. Актуальной задачей остается выявление механизма причастности этих грамматических значений к процессу выражения авторских интенций.

Принято считать, что приспособление грамматической формы слова к требованиям речевой ситуации осуществляется в обычных условиях интуитивно, и, если осуществляется в соответствии с усом, остается стилистически (и прагматически) нейтральным. В текстах, реализующих не только коммуникативную, но и эстетическую функцию, частное грамматическое значение может актуализироваться и получать особую содержательность.

Грамматическое значение является составной частью содержательной структуры слова; слово в тексте никогда не выступает в чисто грамматическом плане. Грамматическое значение обязательно, облигаторно. Концепция грамматического как обязательного восходит еще к трудам средневековых схоластов. Ср. известный афоризм: «Grammatica ars obligatoria». Итак, грамматика есть искусство владения обязательным, и конституирующим признаком грамматического значения признается обязательность их выражения для некоторого класса языковых единиц. О наличии грамматической категории в языке свидетельствует не способность человека что-либо выражать, но неспособность оставить что-либо невыраженным.

Принцип обязательности грамматики в отечественной лингвистике был описан еще в 60-х годах прошлого столетия такими лингвистами, как И.А. Мельчук, А.А. Зализняк и др. Будет нелишним напомнить здесь некоторые устоявшиеся понятия. Традиционно в грамматике разграничиваются: 1) языковые значения, то есть значения единиц, классов и категорий данного языка, рассматриваемые в парадигматической системе и в речевых реализациях, и 2) смысл (смысловое, мыслительное, когнитивное содержание) – содержание, представляемое как инвариант внутриязыковых синонимических преобразований и межъязыковых соответствий.

Подход к смыслу как к тому содержанию, которое остается неизменным при синонимических преобразованиях, намечен уже А.А. Потебней. Проводя различие между «содержанием языка» и «внеязычным значением», А.А. Потебня пишет: «Чтобы получить внеязычное содержание, нужно бы отвлечься от всего того, что определяет роль слова в речи, например, от всякого различия в выражениях «кто носит меч», «кому носить меч», «чье дело ношение меча» и т.д. [1]. Здесь уже выражена мысль о том, что представление о «внеязычном содержании» достигается в результате определенной операции анализа, включающего сравнение рассматриваемых выражений, отвлечение от различий и выделение общего.

В исследованиях А.В. Бондарко [см. 2] различается смысловая основа значения и интерпретационный компонент, то есть способ представления смысла, связанный с данной формой. Общий принцип таков: у каждой формы – свое значение. Различие форм (в широком смысле – форм слова, словосочетания и предложения) не может не отразиться на выражаемом содержании. Разные формы либо выражают значения, меняющие смысл высказывания, либо, при тождестве или сходстве смысла, заключают в себе разные способы его языковой семантической интерпретации. Поскольку каждая языковая единица включает в свое значение свойственный только ей интерпретационный компонент, это предполагает, что равнозначность синонимических конструкций возможна лишь как тождество смыслового содержания, но не как тождество значений, поскольку каждое из них отличается тем или иным нюансом, обусловленным языковой интерпретацией смысла.

Языковые средства, которые часто расцениваются как синонимические, оказываются небезразличны для самого смысла высказывания. Ср.: «Немцы наступают» и «Немец наступает». В одном случае – простая расчлененная множественность, в другом – передача множества с помощью единицы – «образа сплошного множества». Существенны и различия в стилистическом компоненте этих высказываний. М.М. Бахтин (1986) писал о том, что грамматика (и лексика) существенно отличаются от стилистики (некоторые даже противопоставляют ее стилистике), но в то же время ни одно грамматическое исследование не может обойтись без стилистических наблюдений и экскурсов. В целом ряде случаев граница

между грамматикой и стилистикой как бы и вовсе стирается. Грамматика и стилистика сходятся и расходятся в любом конкретном языковом явлении: если рассматривать его только в системе языка, то это грамматическое явление; если же рассматривать его в целом индивидуального высказывания или речевого жанра, то это стилистическое явление. «Ведь самый выбор говорящим определенной грамматической формы есть акт стилистический» [3], тем более – выбор девиативной формы.

Так называемые «девиативные» формы приводят к намеренному усложнению процесса протекания коммуникации, к фиксации внимания на форме языкового выражения [см. об этом 4]. Разнообразные отклонения важно учитывать, по мнению указанных авторов, даже в академической лексикографии, тем более – в научном описании языка, а их игнорирование приводит к серьезным эстетическим издержкам, поскольку отсекает огромный пласт языковых явлений, подлежащих научному осмыслению.

О том, что в лингвистическом исследовании абсурдно ориентироваться только на норму, писал еще В.А. Звегинцев [5], однако традиция жесткого разделения нормативного и ненормативного, правильного и неправильного жива и сегодня. Об отклонении от нормы чаще всего говорят как об основе экспрессивности, и «гипотеза отклонения» в таком смысле приобрела уже дурную славу, превратившись в *deviationist talk* – «болтовню отклонистов» [6].

Я. Мукаржовский предложил классическую формулировку девиативной модели. В издании «Пражский лингвистический кружок» он пишет: «Нарушение литературной нормы и особенно систематическое ее нарушение дает возможность использовать язык для целей поэзии; без этой возможности поэзии не было бы вообще» [7]. Эта формулировка считается ядром всей «девиативной стилистики». Всякое отклонение от эталона требует дополнительного времени, ментальных и перцептивных усилий. Важно и то, что нарушение стандарта тогда только приобретает эстетическое качество, когда стандарт при этом нарушении актуализируется. Иначе говоря, признается эстетическая нацеленность не только актуализированных, но и автоматизированных сфер. Так что условием поэтического является не само отклонение как таковое, а возникающее при этом новое отношение, связанное, например, с пога-

пением знакомой информации и увеличением семантического потенциала текста.

Анализ демонстрирует, что одни и те же девиационные формы способны передавать различную прагматику. Так, от слова «человек» множественное число образуется, как известно, супплетивным способом. Форма «человеки», как множественное число от единственного «человек» нормативна только в косвенных падежах в сочетании с количественными числительными, как это демонстрирует «Орфоэпический словарь русского языка» [8]. Однако девиативная форма «человеки» достаточно распространена и экспрессивно нагружена, о чем совершенно отчетливо пишет «Русская грамматика» [9]. Ср.: «У вас не бывает ощущения, что вы, когда пишете, протыкаете людей словами, как бабочек – иголками, и кладете в коллекцию, то есть вы стали энтомологом, изучающим *человеков*?» (Неделя. 1991. №207) или «Нормальные *человеки*, иногда даже в плохих ботинках» (В. Токарева «Хэппи энд»).

Очевидно, потребность в этих формах определяется тем, что авторам важно подчеркнуть связь с исходной формой, существенным для авторов является то, чтобы не утратился комплекс смыслов, соотносимых со словом «человек». Контекстно эти формы могут приобретать либо пейоративную, либо мелиоративную окраску. Сравним: «Исчезли компании, исчезла видимая связь между людьми. Людей нет. Есть *человеки*. И каждый замкнут в самом себе» (Е. Петров «В фашистской Германии») и «Очень много людей. Прискорбно мало *человека*» (М. Горький «Письмо к Пятницкому»). В первом примере выделенное курсивом – пейоратив, во втором – явный мелиоратив.

Анализ прагматики именных грамматических форм невозможен без учета фактора лексического значения, ибо грамматическая деятельность человека не может осуществляться без лексем. Лексика играет интегрирующую роль по отношению к грамматическим процессам других языковых уровней. В лексическом значении слова уже заложены его синтаксические функции: названия лиц = субъекты, предикаты или адресаты; особняком стоят слова типа «балагур», «болтун», они в основном выполняют функцию оценочного предиката и т.д.

Все грамматические категории имени – род, число и падеж – относятся к тем грамматическим явлениям, которые могут быть интерпретированы только с учетом фактора лексического значения. Грамматическое число, охарактеризо-

ванное оппозиционно-парадигматически, представляется в четком соотношении с делением существительных на лексико-грамматические разряды и тематические группы внутри разрядов. Падежная семантика выявляется в теснейшей связи с лексическим значением слова. Род мотивирован не только у одушевленных существительных, что подтверждается многочисленными олицетворениями на основе категории рода.

Безусловно, морфология – одна из автоматизированных сфер. Тем не менее, было бы неверно утверждать, что морфология лишь помогает рельефно представить игру лексических значений. По мнению Я.И. Гина [10], такое утверждение противоречило бы нашим представлениям о поэтическом языке. Художественная конструкция («поэтический ряд») задает одни и те же «вопросы», предъявляет одни и те же требования ко всем уровням языка, а каждый уровень отвечает тем, чем располагает.

Библиографический список

1. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. 3. – М.: Просвещение, 1968. – С. 72.
2. *Бондарко А.В.* К проблеме соотношения универсального и идиоэтнических аспектов семантики: интерпретационный компонент грамматических значений // Вопросы языкознания. – 1992. – №3. – С. 5–19.
3. *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – С. 257.
4. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Постулаты когнитивной семантики // Известия АН РФ. Сер. л-ры и яз. – 1997. – №1.
5. *Звегинцев В.А.* Теоретическая и прикладная лингвистика. – М., 1967. – С. 150.
6. *Изер В.* Историко-функциональная текстовая модель литературы // Вестник МГУ. Филология. – 1997. – №3. – С. 122.
7. Пражский лингвистический кружок. – М., 1967. – С. 408.
8. Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р.И. Аванесова. Изд-е 6. – М.: Русский язык, 1997.
9. Русская грамматика. Т. 1. – М.: АН СССР, 1980. – С. 503.
10. *Гин Я.И.* К вопросу о построении поэтики грамматических категорий // Вопросы языкознания. – 1991. – №2. – С. 103–104.

Л.З. Полещук

«ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕКСТ» И ПЕТЕРБУРГСКИЙ МИФ В КОНЦЕПЦИИ В.Н. ТОПОРОВА

Сегодня в литературоведении все более популярным становится исследование семиотических систем, которые обладают собственным языком, организованным по особым правилам. «Петербургский текст» является одной из подобных вторичных моделирующих систем, которая отражает некоторые особенности русской классической культуры.

В настоящий момент существует несколько, на первый взгляд, синонимичных понятий, связанных с Петербургом в русской литературе, главные из которых: «петербургский текст» и петербургский миф. Эти понятия часто смешиваются, в то время как, на наш взгляд, их следует разграничивать, поскольку они относятся к разным уровням художественного текста.

Наиболее абстрактным из этих двух понятий является петербургский миф. Петербургский миф – это своего рода *мифологический инвариант не имманентный конкретным текстам, он существует потенциально в рамках определенного типа художественного сознания*. Такое определение петербургского мифа связано со структурными определениями мифа в целом. Миф – это некая структура, базирующаяся на определенных инвариантных преобразованиях, которые должны читаться по «семантической» вертикали (то есть по парадигматическому принципу)¹.

«Петербургский текст» же – это воплощение этого инварианта на текстовом уровне (при этом материалом для воплощения могут быть отдельные произведения отдельных авторов или же совокупность произведений). «Петербургский текст», таким образом, оказывается вторичным по отношению к петербургскому мифу, его смысловым «производным». Этот сверхтекст имеет свое семантическое «ядро», центр, в котором хранятся основные категории петербургского мифа, обеспечивающие его «самотождественность». В роли такого центра для топологических сверхтекстов выступает конкретный локус Петербурга, взятый в единстве его историко-культурно-географических характеристик.

Именно в таком ракурсе рассматривается «петербургская мифология» в фундаментальной работе В.Н. Топорова «Петербург и “Петербург-

ский текст русской литературы” (введение в тему)». Так, Топоров, прежде всего, задается вопросом: что позволяет считать совокупность произведений русской литературы о Петербурге единым текстом? И отвечает на него следующим образом. Все «петербургские» произведения обладают некоей *семантической связностью*, которая приводит к кросс-жанровости, кросс-темпоральности и даже к кросс-персональности². Все это позволяет снять жанровые, хронологические и авторские ограничения, и увидеть петербургский текст единым и внутренне связанным феноменом. В связи с чем во всех текстах можно выделить определенное смысловое ядро, которое представляет собой некую совокупность вариантов, сводящихся в принципе к единому источнику (здесь следует отметить, что подобный же подход применялся Топоровым и для анализа традиционной (в частности, славянской) мифологии)³.

Однако В.Н. Топоров исследует культурный феномен Петербурга не только со структурно-семиотической, но и с философской точки зрения, в этом смысле его петербургский миф оказывается синтетическим образованием, функционирующим в разных культурологических и философских пространствах. Так, исследователь отмечает, что «петербургский текст, представляющий собой не просто усиливающее эффект зеркало города, но устройство, с помощью которого и совершается переход *a realibus ad realiora*, пресуществление материальной реальности в духовные ценности, отчетливо сохраняет в себе следы своего внетекстового субстрата и в свою очередь требует от своего потребителя умения восстанавливать («проверять») связи с внеположенным тексту, внетекстовым для каждого узла Петербургского текста. Текст, следовательно, обучает читателя правилам выхода за свои собственные пределы, и этой связью с внетекстовым живет и сам Петербургский текст, и те, кому он открылся как реальность, не исчерпываемая вещно-объектным уровнем»⁴.

Философский подход в работе В.Н. Топорова соседствует с подходом историческим, недаром первая часть работы имеет название «Петербургская идея русской истории». Поэтому законо-

мерно сравнение двух городских текстов: московского и петербургского. Так, исследователь полагает, что «в определенном контексте русской культуры как раз и сложилось актуальное почти уже два века противопоставление Петербурга Москве, связанное, в частности, с изменившимся соотношением этих городов. В зависимости от общего взгляда размежевание этих столиц строилось по одной из двух схем. По одной из них бездушный, казенный, казарменный, официальный, неестественно-регулярный, абстрактный, неуютный, выморочный, нерусский Петербург противопоставлялся душевной, семейственно-интимной, патриархальной, уютной, «почвенно-реальной», естественной, русской Москве. По другой схеме Петербург как цивилизованный, культурный, планомерно организованный, логично-правильный, гармоничный, европейский город противопоставлялся Москве как хаотичной, беспорядочной, противоречащей логике, полуазиатской деревне»⁵.

Философско-исторический анализ культурно-феномена Петербурга в работе Топорова дополняется анализом самого «петербургского текста» с точки зрения его генезиса и структуры. Топоров утверждает, что Петербург имеет свой язык и что говорит он своими улицами, площадями, водами, островами, садами, зданиями, памятниками, людьми, историей, идеями. Здесь Топоров дает развернутое определение «петербургского текста» и выявляет ряд его признаков. «Петербургский текст» «может быть понят как своего рода гетерогенный текст, которому приписывается некий общий смысл и на основании которого может быть реконструирована определенная система знаков, реализуемая в тексте»⁶.

Одна из главных особенностей «петербургского текста» по утверждению Топорова – его мифогенность. Главный миф петербургской мифологии – это «аллегоризирующий» миф о создании города. Это мотивировало появление в петербургском «своде» сказаний мотива ожившей статуи Петра, «который выступает, с одной стороны, как *Genius loci*, а с другой, как фигура, не исчерпавшая свою жизненную энергию, являющаяся в отмеченные моменты города его людям (мотив «ожившей статуи») и выступающая как голос судьбы, как символ уникального в русской истории города»⁷.

Однако миф о творении города, как убедительно показывает В.Н. Топоров, связан с мифом о его

эсхатологическом разрушении. При этом креативный и эсхатологический мифы не только возникли в одно и то же время, но и ориентировались друг на друга, выстраивая себя как «анти-мифы» по отношению друг к другу. Здесь возникает семантика «обратности» и зеркальности Петербурга, о которой в свое время писал Ю.М. Лотман. Как видим, мотив демонической перверсии оказывается структурообразующим началом не только по отношению к «петербургскому тексту», но и по отношению к организации его мифологического метатекста. Естественно, все это свидетельствует о чрезвычайной внутренней напряженности между двумя смысловыми «антитетичными» полюсами петербургского мифа.

Петербург действительно живет на некоем идеальном уровне и наличие этого идеального уровня, несомненно, обусловлено наличием «синтетического сверхтекста», с которым связываются «высшие смыслы и цели» петербургского бытия. Присутствие такого сверхтекста со своими законами и «легендами», приводит к тому, что сугубо исторический уровень интерпретации Петербурга заменяется *историософским*. Этот историософский пласт, так или иначе, отражается практически в каждом произведении, где возникают «петербургские» мотивы.

В целом Топоров пытается выявить «базисные» положения «петербургского текста», которые функционируют на глубинном уровне, определяют его структуры. Одно из таких базисных положений, на наш взгляд, заключается в воздействии петербургского пространства на героя. Герой здесь оказывается как бы «заложником» Петербурга, и его поведение, а также все его действия как бы «мотивируются» петербургским локусом его обитания. Отметим, что тесную связь пространства и героя до В.Н. Топорова выявила О. Фрейденберг, утверждавшая, что герой является всего лишь функцией пространства⁸. Позволим себе предположить, что чем более пространство мифологизировано, тем менее является самостоятельным герой, вынужденный жить по законам «мифологического места». И петербургский «спациальный» миф – ярчайший тому пример.

С опорой на особенности петербургского локуса Достоевского В.Н. Топоров выделяет следующие формальные показатели «петербургского текста» в системе его художественного языка.

Внутреннее состояние: а) отрицательное – хандра, тоска, сплин, бред, полусознание, болезнь,

одинокость и т.п.; б) положительное – предельная радость, свобода, спокойствие, дикая энергия, сила, веселье, жизнь, новая жизнь...

Общие операторы и показатели модальности: вдруг, внезапно, в это мгновение, неожиданно; странный, фантастический; кто-то, что-то... Природа: а) отрицательное – закат (зловещий), сумерки, туман, дым, пар, муть, духота, вонь, грязь...; б) положительное – солнце, луч солнца, заря; река (широкая), Нева, море, взморье, острова, берег...

Культура: а) отрицательное – замкнутость-теснота, середина, дом (громада, Ноев ковчег), трактир, каморка-гроб, комната неправильной формы...; б) положительное – город, проспект, линия, набережная, мост, площадь, сады, крепость, дворцы, церкви; распространить(ся), простираться, расширяться...

Предикаты (чаще с отрицательным оттенком): ходить, бегать, кружить, прыгать, скакать, проникать, исчезнуть, возникнуть, утонуть... Способы выражения предельности: крайний, неистощимый, необъяснимый, неописуемый, необыкновенный... Высшие ценности: жизнь, полнота жизни, память, воспоминание, детство, дети, вера, молитва, Бог...

Фамилии, имена: Германн, Медный всадник, Петр, Евгений, Акакий Акакиевич, Раскольников, Голядкин... Элементы метаописания: театр, сцена, кулисы, декорации, антракт, публика, роль...⁹

Далее Топоров указывает, по каким параметрам эти элементы «петербургского текста» могут быть выстроены в каждом отдельном произведении. Ср.: «Эти же языковые элементы, данные в приведенных выше списках парадигматически, могут быть аранжированы и *синтагматически*, что практически и происходит при формировании фрагментов Петербургского текста («объективный» аспект) или при чтении его конкретных отражений («субъективный» аспект). Принцип комбинации на синтагматической оси задан основным мотивом – *путем* (выходом) из центра, середины, узости-ужаса на периферию – на простор, широту, к свободе и спасению (в другой геометрической интерпретации – снизу вверх или даже с периферии (окраины) к центру, <...>»¹⁰.

С Петербургом в литературе прочно соединилось некое культурно-историческое манихейство. Добро и зло в нем, по наблюдениям В.Н. Топорова, растут из одного корня, питают родник петербургской историософии, тесно связанной

с историософией России, с ее прошлым и будущим. Единство Петербургского текста в большой степени цементируется общностью художественного языка его субтекстовых образований. По мнению В.Н. Топорова, «на этом уровне открываются необыкновенно богатые возможности, связанные с поразительной густотой языковых элементов, выступающих как диагностически важные показатели принадлежности к Петербургскому тексту и складывающихся в небывалую в русской литературе по цельности и концентрированности картину, беспрочно отсылающую читателя к этому сверх-тексту»¹¹.

Таким образом, В.Н. Топоров, исследуя петербургский сверх-текст с мифопоэтической точки зрения, выявил его основные качества и свойства, связанные с культурно-географическими особенностями петербургского пространства.

Не менее важно, что Топоров подошел к вопросу о петербургском мифе, скорее с семантической, нежели с синтаксической точки зрения. И если Ю.М. Лотман преимущественно обращается к «способу» сочетания единиц петербургского мифа, то Топоров исследует сами эти единицы. В этом аспекте Топоров действительно доказал, что Петербург является *текстом* со своим *языком* и *правилами*, по которым единицы этого языка организуются.

Применяя свой структурно-мифологический подход, исследователь наглядно показал, как в рамках петербургского мифа происходит проекция с оси селекции на ось комбинации. Это универсальное правило художественности, выведенное Романом Якобсоном¹² оказалось релевантным и по отношению к петербургскому мифу. Характерно, что в соответствии с этим принципом Топоров вначале выявляет набор исходных элементов, а затем показывает трансформации этого множества в каждом отдельном тексте.

Исследование петербургского мифа, выполненное В.Н. Топоровым, нам представляется исключительно ценным с двух точек зрения. Во-первых, ряд выявленных им мотивов обнаруживается в эпических текстах русских символистов. Во-вторых, важна сама методология Топорова, которая состоит в первоначальном выделении некоего «ядерного» набора элементов (образов, мотивов, сюжетов), а затем в исследовании конкретной реализации этих элементов в каждом отдельном тексте. В итоге обнаруживается то *общее*, что соединяет частные «петербургские тек-

сты», а также будут выявлены различия, которые заключаются в самом подходе к комбинированию исходных признаков «петербургского текста» в отдельных произведениях.

Примечания

¹ См. об этом: *Леви-Строс К.* Структурная антропология. – М., 1985. – С. 183–208.

² *Леви-Строс К.* Указ. соч. – С. 279.

³ *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Инвариант и трансформации в мифологических и фольклорных текстах // Типологические исследования по фольклору. – М., 1975. – С. 44–77.

⁴ *Топоров В.Н.* Петербург и «Петербургский

текст русской литературы» (введение в тему) // Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. – М., 1995. – С. 259.

⁵ *Топоров В.Н.* Указ. соч. – С. 267–268.

⁶ *Топоров В.Н.* Указ. соч. – С. 274.

⁷ *Топоров В.Н.* Указ. соч. – С. 275.

⁸ *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. – М., 1997. – С. 221–223.

⁹ *Топоров В.Н.* Указ. соч. – С. 314–315.

¹⁰ *Топоров В.Н.* Указ. соч. – С. 315.

¹¹ *Топоров В.Н.* Указ. соч. – С. 313.

¹² См.: *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». – М., 1975. – С. 193–230.

Д.Н. Жаткин, Т.А. Яшина

ТОМАС МУР В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ 1820-Х ГГ. (П.А. Вяземский, А.И. Одоевский, Д.П. Ознобишин)

С учетом тенденций литературного развития в России 1820-х гг. авторами статьи осуществлен анализ русских переводов произведений Томаса Мура, выполненных П.А. Вяземским, А.И. Одоевским, Д.П. Ознобишиным. Установлено, что в наиболее удачных переводах удалось сохранить музыкально-мелодическую основу стиха Томаса Мура, характерную склонность поэта к исповедальности, философскому осмыслению жизни.

В 1820-е гг. произошло знакомство российских читателей с циклом «Ирландских мелодий» («Irish Melodies») Томаса Мура, привлечшим внимание многих русских поэтов и переводчиков. «Я собирался заказать тебе перевести несколько пьес или хотя одну из «Irish Melodies» de Moore, – писал А.И. Тургенев П.А. Вяземскому в октябре 1823 г. – Они переведены и на французский: «Mélodies Irlandaises», хотя и слабо. Достань и прочти» [22, с. 361].

Вяземский внимательно следил за творчеством Мура, однако только спустя годы смог выполнить просьбу А.И. Тургенева, осуществив перевод «ирландской мелодии» Мура «Whene'er I see those smiling eyes...», входившей в седьмой выпуск «Irish Melodies». Перевод под названием «Когда мне светятся глаза, зеркало счастья...» был опубликован в «Северных цветах» на 1829 год, причем этот номер альманаха Вяземский незамедлительно переслал А.И. Тургеневу. «Получил ли ты Цветы на нынешний год, – интересовался Вяземский у А.И. Тургенева в 1829 г. – Тут есть перевод мой одной ирландской мелодии: покажи ее Муру. Этому Фоме должно будет, как и тому, дать тронуть пальцем, а на слово он никак пове-

рить не может. Первою строфою я доволен; перевод четырех начальных стихов второй затруднителен, а вклеить в стих: сердце оледенелое или пылающее за ним – невозможно по стопосложению нашему. Никак не уломаешь сердца» [23, с. 76].

В альбом Софьи Николаевны Карамзиной, старшей дочери писателя, П.А. Вяземский собственноручно внес свое переводное стихотворение «Когда мне светятся глаза, зеркало счастья...», причем эта запись, сделанная на седьмом листе альбома, имела некоторое разночтение с печатным вариантом 2–4 стихов второй строфы [ср.: 5, с. 55 и 17, с. 69]. Разночтения в перечислении возможных тлетворных воздействий времени на человека вместе с тем не изменили основной мысли произведения, убедительно переданной в переводе П.А. Вяземского: «While youth, that now like snow appears, // Ere sullied by the darkening rain, // When once't is touched by sorrow's tears // Will never shine so bright again» (Т. Moore) [25, р. 309] – «А юность светлая, на солнце жизни ясной // Блестящая, как снег, не тронутый дождем, // Когда в слезах тоски утратит блеск прекрасный, // Уж не разыграет вновь померкнувшим огнем» (перевод П.А. Вяземского) [5, с. 55].

С творчеством Т. Мура опосредованно связано стихотворение Вяземского «Слеза» (1829). А.Н. Гиривенко обратил внимание на то, что появление этого произведения инспирировано переводом В.Н. Олина «К плачущей Юлии» (1824) из цикла «Юношеских стихотворений» Мура, причем у Вяземского «не только творчески осмыслен образно-тематический план, но и появляется характерный ориентальный колорит (связанный с бытованием эмблематики “слезы” в русской романтической поэзии)» [9, с. 7; подробнее см.: 8, с. 118–121].

Вяземский хорошо знал о встречах А.И. Тургенева с выдающимися английскими писателями, а потому в его письмах в Лондон можно встретить просьбу узнать у Мура, «который из портретов Байрона вернейший», уточнить у Мура или Вальтера Скотта их отношение к возможной переработке собственных произведений прежних лет «согласно с изменением постепеными мыслей и слога» [23, с. 66, 75]. Интерес Вяземского к Муру был достаточно устойчивым, о чем можно судить по его критическим статьям, в которых имя ирландского поэта неизменно называлось рядом с именем Байрона: «В каком-нибудь столетии Байрон, Томас Мур, как ныне Анакреон или Овидий, попадутся под резец испытателей и цветы их яркой и свежей поэзии потускнеют от кабинетной пыли и закопятся от лампадного чада комментаторов, антиквариев и схоластиков» («Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова», 1824) [6, с. 97]; «...некоторый отблеск восточных красок есть колорит поэзии века, <...> книги Байрона, Мура и других первоклассных поэтов современных наполнены его радужными переливами» («Сонеты Мицкевича», 1827) [6, с. 127–128].

Из письма А.И. Тургенева В.А. Жуковскому от 17 марта 1829 г. известно, что А.И. Тургенев уговаривал Вяземского переводить по корректурным листам книгу Томаса Мура «Письма и дневники лорда Байрона с замечаниями о его жизни» («Letters and Journals of Lord Byron with Notes of His Life»): «Вчера виделся с издателем Муровой биографии Байрона, книгопродавцем Мурраем, приятелем Байрона. Хочет ли Вяземский переводить или хотя в извлечении издать на русском биографию Мура и письма к нему и к прочим Байрона? Автор и издатель готовы в листах доставлять мне книгу их, которой с нетерпением

ожидает читающая Европа» [цит. по ст.: 1, с. 952]. Однако замыслу А.И. Тургенева было не суждено реализоваться, поскольку русская цензура признала книгу Мура о Байроне нежелательной для распространения [см. подробнее: 2, с. 271]. Данное обстоятельство ничуть не ослабило интереса к Байрону со стороны русского общества и, в частности, П.А. Вяземского, собиравшего автографы великого поэта и посетившего в 1838 г. Нью-Стедское аббатство. Более того, некоторая зависимость русской поэзии от выдающихся зарубежных образцов, ощущавшаяся критикой, вызывала ироничные суждения, в частности, в «Новом живописце» Н.А. Полевого.

В записке о переводчиках Байрона в России, составленной А.И. Тургеневым по просьбе Мура в феврале 1829 г. на французском языке, дана такая характеристика переводческой деятельности П.А. Вяземского: «Le Prince Wiazemsky, l'un de nos poètes les plus spirituels, quoique parfois peu correct dans son style, a beaucoup, traduit de Byron et l'a imité dans une grande partie de ses poesies. Il avait l'intention de faire sa biographie, avant qu'il n'apprit qu'une main plus habile va lui élever «monumentum aere perennius» («Князь Вяземский, один из самых остроумных наших писателей, хотя иногда и небрежный в своем стиле, много переводил Байрона и подражал ему в большей части своих стихотворений. Он является одним из наиболее усердных его почитателей и его счастливым подражателем. Он имел намерение написать его биографию до того как узнал, что более искусная рука собирается воздвигнуть ему «памятник, вековечнее меди»» [14; цит. по: 2, с. 256, 258]. Как видим, Мур получил из записки А.И. Тургенева хотя и субъективное, но достаточно полное представление о Вяземском. Субъективизм автора записки проявился в порицании Вяземского за «небрежность» слога, причем А.И. Тургенев еще в 1827 г. критиковал своего друга за отсутствие стремления к совершенствованию слога, сочетавшееся, однако, с оригинальностью и силой художественного выражения [см.: 24, с. 747]. Можно предположить, что Мур знал Вяземского не только как переводчика Байрона, но и как переводчика одной из своих «ирландских мелодий». Это тем более реально, что А.И. Тургенев во время одной из встреч с Томасом Муром вполне мог подарить ему пересланный в Лондон П.А. Вяземским экземпляр «Северных цветов» на 1829 год.

К переводу стихотворения Мура «Remember thee? yes, while there's life in this heart...» из VII части «Ирландских мелодий» обратился в период пребывания в Читинском остроге поэт-декабрист А.И. Одоевский. В исповедальном лирическом размышлении «Тебя ли не помнить? Пока я дышу...» (между 1827 и 1829) Одоевский говорил о негасимой любви к отчизне, придающей смысл человеческой жизни, побуждающей к возвышенным размышлениям, великим свершениям: «Будь вольной, великой и славой греми, // Будь цветом земли и жемчужиной моря, // И я просветлею, чело вознесу...» [18, с. 137]. Превращая «подлинные цепи каторжанина в условные символы» [12, с. 391], поэт в полном соответствии с традициями декабристской литературы призвал любить родину такой, какая она есть, и стремиться силой своей любви к ее преображению: «В цепях и крови ты дорожи сынам, // В сердцах их от скорби любовь возрастает, // И с каждою каплею крови твоей, // Пьют чада любовь из живительных персей» [18, с. 137]. И в этих суждениях ощущалась та пламенность, иррациональность мысли, которую, очевидно, чувствовали многие современники поэта и, в особенности, М.Ю. Лермонтов, говоривший о «темных вдохновеньях» в стихотворении «Памяти А.И. Одоевского» (1839) [16, с. 61]. Одоевскому удалось точно передать авторское настроение и основные чувства, выраженные Муром, трепетно отзывавшимся о родной Ирландии: «Remember thee? yes, while there's life in this heart. // It shall never forget thee, all lorn as thou art; // More dear in thy sorrow, thy gloom, and thy showers, // Than the rest of the world in their sunniest hours» [25, p. 296]. Перевод Одоевского, который можно считать одной из лучших русских интерпретаций «Ирландских мелодий», остался в рукописи и, будучи впервые опубликованным только в 1922 г. [см.: 15, с. 54], не оказал влияния на восприятие Томаса Мура в России в XIX в.

Первый русский поэтический перевод «мелодии» Томаса Мура «Oh! breathe not his name...» был, судя по всему, создан Д.П. Ознобишиным. В фонде 213 Рукописного отдела Института русской литературы РАН хранятся материалы, позволяющие судить о том, что к творческому наследию Мура Ознобишин обращался на протяжении всей своей жизни. Под №24 в указанном фонде М.П. Алексеев обнаружил и внимательно изучил тетрадь в переплете на 140 листов «Стихотворения

Д.П. Ознобишина (1823–1829 гг.)». В этой тетради, в числе прочего, имелся и перевод посвященной Роберту Эммету «ирландской мелодии» «Oh! breathe not his name...»: «Не зовите его, пусть спит он в безмолвье, // Где холодный с бесчестьем сложен его прах; // Пусть слезы застынут на наших очах, // Как вечерняя роса на его изголовье. // Но с вечерней росы, хоть безмолвно ложится, // Свежим дерном могила его обновится, // А слезы, что льем мы, хоть льем их в тиши, // Сохранят его память живой для души» [цит. по: 11, с. 68]. Ознобишин успешно передал высокий гражданственный пафос английского оригинала, сочетающийся с твердой убежденностью в торжестве идеалов свободного земного бытия. Публикация данного перевода, выполненного, согласно датировке в рукописи, в 1826 г., состоялась несколько позже, в альманахе «Зимцерла» на 1829 год, причем в оглавлении рядом с названием вместо фамилии автора был указан криптоним «Ш», отсутствие которого в числе известных псевдонимов Ознобишина побуждает А.Н. Гиривенко осторожно говорить о предполагаемом авторе русского перевода [см.: 7, с. 543].

В той же тетради Д.П. Ознобишина М.П. Алексеев обнаружил еще пять переводов из Томаса Мура. Датированный 1 сентября 1826 г. перевод «ирландской мелодии» «The Minstrel-Boy» уступал по художественным достоинствам более раннему, относящемуся к 1823 г. переводу И.И. Козлова «Молодой певец», однако при этом являлся вполне завершенным, композиционно целостным, что побудило Ознобишина к его публикации под названием «Юноша-певец» в журнале «Атеней» и в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду» [4, с. 369; 20, с. 831]. Как и в переводе «Не зовите его, пусть спит он в безмолвье...», внимание Ознобишина сконцентрировано на основной идее произведения Мура, – неспособности вражеских оков смять «дух гордый и юный», уничтожить вместе с человеком свободлюбивый настрой народа. С датой «20 декабря 1826 г.» в тетради помещено стихотворение Ознобишина «Эрин», являющееся переводом «Erin! The tear and the smile in thine eyes...» из первой части «Ирландских мелодий» Томаса Мура: «Эрин! Твои слезы, улыбка в очах, // Слили, как радуга на небесах! // Сквозь волн бед светлея, // Сквозь радость темнея, // Твои солнцы, бледнея, восходят в слезах» [цит. по: 19, с. 93]. В июне 1828 г. Ознобишин обратился к переводу стихотворения

«Though the last glimpse of Erin with sorrow I see...» из первой части «Ирландских мелодий» Т. Мура, однако этот перевод, включающий три строфы-четверостишия, по-видимому нуждался в дополнительной обработке, а потому не был предложен автором для печати. В книге М.П. Алексеева, посвященной русско-английским литературным связям, в качестве иллюстрации воспроизведена страница рукописи Ознобишина, убедительно свидетельствующая, что «ирландская мелодия» «Уж Эрин бледнеет» подвергалась существенной правке; только первая строфа текста избежала исправлений: «Уж Эрин бледнеет, чуть видный очам; // Но ты где, мне Эрин везде будет там. // Вдали мне отчизной твоя будет грудь, // И взгляда твоего, друг милый, осветит мой путь» [3, с. 719; первую публикацию стихотворения см.: 21, с. 177]. В тетради «Стихотворения Д.П. Ознобишина (1823–1829 гг.)» имеются также датированный мартом 1828 г. перевод стихотворения «If thou'lt be mine...» из седьмой части «Ирландских мелодий» Мура под названием «Моею будь, друг милый...» и стихотворение «Горный дух» – перевод «мелодии» «The Mountain spirit» из девятой части «Ирландских мелодий».

Дальнейшее обследование материалов Д.П. Ознобишина в ИРЛИ, осуществленное Т.М. Гольц, позволило выявить в фонде 213 другие произведения, восходящие к Муру и до настоящего времени не опубликованные, – «Песню Зелики» (ф. 213, №21) и перевод четвертой части поэмы «Лалла Рук» под названием «Светило гарема» (ф. 213, №31) [см.: 10, с. 413]. В том же фонде под №22 хранится ранний сборник Ознобишина «Мечты» (1821–1822), включающий в себя, в числе многочисленных переводов из Катулла, Э. Парни, А. Ламартина и др., «Отрывок из Томаса Мура»: «Та песнь была // Для тех мила // Кто грустных дней // В душе своей // Не находил, // Кто счастлив был, // Когда любил...» [13, л. 22 об.]. Переложением из Т. Мура является также стихотворение Ознобишина «Рождение арфы», впервые опубликованное в №2 «Галатей» за 1839 г.

Как видим, к «Ирландским мелодиям» Томаса Мура в эпоху русского романтизма обращались не только М.Ю. Лермонтов и И.И. Козлов, чьи переводы достаточно хорошо изучены отечественными литературоведами, но и другие известные русские писатели – П.А. Вяземский, А.И. Одоевский, Д.П. Ознобишин. Наиболее удачные из переводов точно передавали музыкаль-

но-мелодическую основу стиха Томаса Мура, характерную рассудочность, склонность к исповедальности, патриотические настроения, нашедшие отражение в английском оригинале. Русским поэтам оказывались близки свободолюбие Мура, бунтарские и тираноборческие мотивы его творчества, признание естественности процессов изменения жизни, ведущих к преобразению духовной сущности человека.

Библиографический список

1. Алексеев М.П. Автографы Байрона в СССР // Литературное наследство. – Т. 58. – М.: Наука, 1952. – С. 949–998.
2. Алексеев М.П. Томас Мур, его русские собеседники и корреспонденты // Международные связи русской литературы. – М.; Л.: Наука, 1963. – С. 233–285.
3. Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века). – М.: Наука, 1982. – 868 с.
4. <Без подписи>. Юноша-певец // Атений. – 1828. – №12. – С. 369.
5. Вяземский П.А. Полное собрание сочинений: В 12 т. – СПб., 1880. – Т. 4. – 432 с.
6. Вяземский П.А. Сочинения: В 2 т. – М.: Художественная литература, 1982. – Т. 2. – 568 с.
7. Гириченко А.Н. Отражение творчества Томаса Мура в русской литературе первой трети XIX в. // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1984. – Т. 43. – №6. – С. 537–543.
8. Гириченко А.Н. Перевод в литературном процессе (новое в стихотворении П.А. Вяземского «Слеза») // Тетради переводчика. – 1989. – Вып. 23. – С. 118–121.
9. Гириченко А.Н. Русская рецепция Томаса Мура: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1992. – 20 с.
10. Гольц Т.М. Ознобишин Дмитрий Петрович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. – М.: Большая российская энциклопедия; Фианит, 1999. – Т. 4. – С. 411–415.
11. Зимцерла. Альманах на 1829 год. – М.: тип. С. Селивановского, 1829. – 168 с.
12. Зыкова Г.В. Одоевский Александр Иванович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. – М.: Большая российская энциклопедия; Фианит, 1999. – Т. 4. – С. 390–392.
13. Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук. – Рукописный отдел. – Ф. 213. – №22.

14. Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук. – Рукописный отдел. – Ф. 309. – №367.
15. Кубасов И.А. Декабрист А.И. Одоевский. – Пг.: Звенья, 1922.
16. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 т. – М.: Художественная литература, 1975. – Т. 1. – 648 с.
17. Модзалевский Б.Л. Из альбомной старины // Русский библиофил. – 1916. – №6. – С. 65–86.
18. Одоевский А.И. Полное собрание стихотворений и писем. – М.: Academia, 1934. – 596 с.
19. Ознобишин <Д.П.> Эрин // Сын отечества. – 1827. – Ч. 113. – №9. – С. 93.
20. Ознобишин <Д.П.> Юноша-певец // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». – 1832. – 28 дек. (№104). – С. 831.
21. Ознобишин Д.П. Стихотворения / Сост., вступ. ст. и примечания Т.М. Гольц. – М.: Голос, 1992. – 416 с.
22. Остафьевский архив кн. Вяземских: В 5 т. / Под ред. и с примечаниями В.И. Саитова. – СПб.: тип. А.Д. Ступина, 1899. – Т. II. – 580 с.
23. Переписка А.И.Тургенева с кн. П.А.Вяземским. – Пг.: Всемирная литература, 1921. – Т.1. 1814–1833. – 328 с.
24. Русская старина. – 1875. – №4. – С. 746–748.
25. Moore T. Poetical works. – Paris: PLG, 1829. – 546 p.

Е.В. Бермус

ПУШКИНСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПОВЕСТИ А.М. РЕМИЗОВА «НЕУЁМНЫЙ БУБЕН»

Изучение источников литературного произведения – одно из приоритетных направлений исследования творчества А.М. Ремизова (1877–1957). В данной статье в означенном аспекте анализируется малоизученная повесть писателя «Неуёмный бубен» (1909), а именно исследуется связь произведения с наследием А.С. Пушкина.

Отношение А.М. Ремизова к Пушкину нельзя назвать однозначным. Признание его неизмеримого вклада в развитие русской литературы чередовалось с прохладной отчуждённостью. Как заметил С. Кибальник, «Ремизову Пушкин труднее всего дался, и то, что вначале мнилось «холодным и сухим», раскрывалось затем как особый стиль, «рассказ», нечто вроде «стилизаторства»» [4, с. 176]. Тем не менее Ремизов нашёл «своего» Пушкина в мощном народном начале его произведений.

Проблема влияния творчества А.С. Пушкина на произведения А.М. Ремизова уже привлекала внимание исследователей, большей частью в связи с пушкинскими реминисценциями в повести «Крестовые сёстры» [5; 12; 13].

Мы хотели бы остановиться на повести А.М. Ремизова «Неуёмный бубен» (1909), также испытывавшей пушкинское влияние. Фабула повести представляет собой незамысловатую историю любви-страсти мелкого канцеляриста Ивана Семёновича Стратилатова к шестнадцатилетней Надежде. За таким достаточно незатейливым сюжетом скрывается множество отсылок к произведениям древнерусской и новой русской литературы, каноническим библейским текстам и апокрифам. Для нас особый интерес представ-

ляют заимствования из произведений А.С. Пушкина «Гавриилиада» (1821) и «Чёрная шаль» (1820). Основанием для сближения «Неуёмного бубна» и пушкинских произведений являются прежде всего упоминания их в повести А.М. Ремизова. Исследователи обращали внимание на связь ремизовского текста с «Гавриилиадой» [3; 11], но подробного сопоставительного анализа произведений проведено не было. Связь «Неуёмного бубна» с пушкинской «Чёрной шалью» до сих пор не изучалась. Цель настоящей статьи – исследовать влияние данных пушкинских произведений на ремизовскую повесть.

В центре «Гавриилиады» любовная коллизия, участниками которой являются Бог, дьявол и архангел Гавриил, соперничающие за право обладать Марией. В фабуле легко угадывается пародия на библейскую легенду о непорочном зачатии Христа. Вероятно, под влиянием поэзии Парни, Вольтера, популярной в России 20-х годов XIX века [1, с. 317–325], А.С. Пушкин придаёт поэме эротическую окраску: пушкинский Бог предстаёт как сластолюбивый старец, восплаивший любовью к юной Марии, а посредником между ними («а по-земному сводник» [7, с. 11]) стал архангел Гавриил, явившийся деве в виде прекрасного юноши.

Заимствования из «Гавриилиады» прослеживаются на различных уровнях повести «Неуёмный бубен». Должно быть отмечено фабульное сходство двух произведений. Ремизов достаточно точно воссоздаёт ряд ключевых эпизодов пушкинской поэмы: мечты персонажа о юной непорочной возлюбленной, факт её измены с более привлекательным мужчиной, столкновение двух соперников. Цель Пушкина – в шутильной форме разоблачить непорочное зачатие. Ремизов пушкинский сюжет предельно схематизирует, доводя до заурядного для литературы любовного треугольника. Вполне бытовая история брошенного мужа потребовала от писателя трансформации системы образов поэмы. Так, в роли сводника в «Неуёмном бубне» выступает некая Елена Антоновна, а в роли наперсника персонажа – сослуживец Зимарев. Если Пушкин выносит имя архангела в заглавие поэмы, акцентируя внимание именно на этом персонаже, то у Ремизова Прокудин упоминается лишь несколько раз: стражник помогал Стратилатову с Надеждой перебраться в новый дом, после чего героиня увезла вещи бывшего наречённого мужа и сама ушла к Прокудину. Однако усомниться в том, что образ красавца Емельяна дан в проекции на пушкинского Гавриила, оснований нет. Образ Прокудина в повести «Неуёмный бубен» намечен несколькими штрихами. Значение его существенно редуцируется, но основные характеристики образа существенных изменений не претерпели.

Не очень подробно разработан и образ главной героини «Неуёмного бубна» Надежды. Ремизов ограничивается скупой портретной зарисовкой, в которой воображаемое Стратилатовым смешивается с реальностью («сама тоненькая, а села – полдивана заняла» [9, с. 317]), противоречивыми отзывами о ней второстепенных героев, считанными репликами самой героини. Стратилатов же видит в ней, в первую очередь, непорочную Марию. Однако мотив искушения отсылает, прежде всего, к ветхозаветному мифу о прародительнице рода человеческого Еве. Ремизов контаминирует два ветхозаветных мифа (о непорочном зачатии и искушении Евы сатаной). Источником такого синтеза послужила всё та же пушкинская поэма, в которой Марию искушают бес и архангел Гавриил. Она повторяет судьбу первой женщины, вкусившей от древа познания, но, по Пушкину, Мария не была изгнана из рая, а Бог признал её сына своим.

В «Неуёмном бубне» действие концентрируется вокруг фигуры Ивана Семёновича Стратилатова, мелкого служащего канцелярии, коллекционера редкостей, эротомана. На это указывает и тот факт, что произведение публиковалось также под названием «Повесть об Иване Семёновиче Стратилатове» [10].

В образе Стратилатова писатель совмещает черты Бога и беса из «Гавриилиады». Персонаж соблюдает церковные обряды: постится, посещает богослужения, читает молитвы. Но в сознании читателя возникает сомнение в истинности веры героя. Он нередко развлекал сослуживцев эротическими историями, но «рассказ, по тонкости своей, как всегда, требующий большой выразительности» [9, с. 294] прерывал «у церквей, так как считал своим долгом, поравнявшись с церковью, обязательно помолиться, а молился Иван Семёнович долго и усердно» [9, с. 294]. Или же упоминание о том, что герой «в субботу, отстояв всенощную и не заходя домой, отправляется на бульвар, с бульвара в Денисиху – в Денисихе такие дома беззакония» [9, с. 307]. Перед кончиной персонажа строки из пушкинской поэмы заменяют молитву «Богородица»: «За минуту до смерти... сиделка уверяла, что Богородицу читать стал, а фельдшер... хихикал, что вовсе не Богородицу, а будто стихи какие-то...» [9, с. 331]. В контексте повести «Неуёмный бубен» молитва «Богородица» становится эквивалентом «Гавриилиады», что отражает двуликость Стратилатова.

«Богородица» – одна из главных православных молитв: «Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие, Господь с Тобою, благославлена Ты в женах и благославлен Плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших». По мысли М.В. Козьменко, основной конфликт повести материализуется с помощью «противостояния в сознании героя двух текстов» [6, с. 357] (священный текст молитвы и кощунственная поэма).

Разыгрывая в своей жизни пушкинский сюжет, Стратилатов позиционирует себя как Бога, потому девицу ищет себе подстать – юную, непорочную, он ищет свою Марию. Но писатель последовательно подчёркивает бесовское начало в герое. Обращает на себя внимание происхождение персонажа от *обернибесовской* крестьянки, во внешнем облике – «лопухатые» [9, с. 295], заострённые кверху уши.

Если у Пушкина Бог и бес – соперники, то в контексте художественного мира Ремизова со-

здаётся один противоречивый образ. С пушкинским Богом Стратилатова роднит пристрастие к поэзии. Сравним у А.С. Пушкина:

Он сочинял любовные псалмы

И громко пел: «Люблю, люблю Марию...» [7, с. 10].

Подобно Творцу, который «любил восточный, пёстрый слог» [7, с. 10], в «Гавриилиаде», Стратилатов увлечён литературой, преимущественно любовной поэзией Батюшкова, Подолинского, Константина Романова. Ремизовский герой проводит свой досуг за исполнением романсов на стихи А.С. Пушкина, А.В. Кольцова.

Бесовство Стратилатова не только в его «неуёмном» эротоманстве, но и в частой трансформации внешнего облика (считается, что у дьявола нет лица). Сам персонаж чувствует себя то красавцем Прокудиным, то мальчишкой – писарем Забалуевым. Стратилатов упоминает, что он безуспешно «ровно три года соблазнял» [9, с. 301] гимназистку Яковлеву. Данный факт предыстории персонажа отсылает к ветхозаветной легенде о грехопадении Евы. Пушкинский бес также предстаёт перед Марией в облике «красавца молодого» [7, с. 16] или змея.

Со Стратилатовым – «бесом» борется его соперник стражник Прокудин в конце повести. Сцена драки перекликается со схваткой Гавриила с бесом. Но если у Пушкина герои сражаются за женщину (в центре повествования – любовная коллизия), то в произведении Ремизова эпизод приобретает бытовой оттенок: Стратилатову не хотелось расставаться с серебряной укладкой. Такая причина гибели имеет нарочито сниженный характер. Иное понимание причин смерти героя прозвучало из уст Агапевны, верной служанки Стратилатова. Высокий стиль её фразы напоминает о жертвенной смерти Христа или христианских мучеников: «Из-за женщины такую муку принял...» [9, с. 330].

Общим для двух произведений является приём пародии. «Повествование как игра – вот суть «Гавриилиады»» [14, с. 63], поэтому, очевидно, поэма наполнена пушкинской лёгкостью, изящностью слога. У Ремизова иначе. В философской антропологии писателя человек – существо, мучающееся между духовным и плотским, между Богом и дьяволом. А.М. Ремизов с помощью приема пародии не только (и не сколько) стремится к привнесению комизма в повесть, но подчёркивает трагическую раздвоенность человека.

Еще одним источником «Неуёмного бубна» стала пушкинская «Чёрная шаль» [8, с. 138]. Романс на эти стихи исполняет Стратилатов. Произ-

ведение А.С. Пушкина имеет лиро-эпическую природу – это воспоминание лирического героя о возлюбленной, которая изменила ему. Застав любовников, в порыве ревности он заколот обоим булатом. Такой конец вполне созвучен финалу романтических баллад. Мотив измены сближает «Чёрную шаль» и «Неуёмный бубен». Ремизов избегает кровавой развязки. Происходит столкновение соперников, но это драка, напоминим, за укладку с серебром. Романтический конфликт писатель сводит к бытовому. Ремизов упрощает коллизию «Чёрной шали», стремясь акцентировать внимание на общих эпизодах с «Гавриилиадой». Он использует лишь те мотивы, которые присутствуют в обоих текстах (измена женщины, столкновение соперников). Данная особенность отбора источников и работы с ними связана со спецификой художественного сознания писателей начала XX века – восприятием мира как повторения вечных сюжетов.

Таким образом, пушкинский подтекст формирует в «Неуёмном бубне» фабулу, напоминающую известный архетип – измена молодой жены старому мужу [6, с. 357].

Библиографический список

1. *Алексеев М.П.* Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. – Л.: Наука, 1984. – 478 с.
2. *Бермус Е.В.* Евангельский текст в повести А.М. Ремизова «Неуёмный бубен» // Проблемы развития гуманитарной науки на Северо-западе России: Опыт, традиции, инновации: Мат. науч. конф., посвящ. 10-летию РГНФ 29 июня – 2 июля 2004 г.: В 2 т. – Петрозаводск, 2004. – Т. 2. – С. 63–65.
3. *Данилевский А.А.* Mutato nomine de te fabula narratur // А. Блок и основные тенденции развития литературы начала XX века. – Тарту, 1986. – С. 137–142. (Тр./Тарт. ун-т. Вып. 735).
4. *Кибальник С.* Пушкин у Ремизова // Алексей Ремизов: исследования и материалы. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. – С. 172–177.
5. *Кожеевникова О.В.* Пушкинские реминисценции в повести А.М. Ремизова «Крестовые сёстры» // Пушкинские чтения – 99: Материалы юбилейной межвуз. конференции, посвящённой 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. – СПб., 1999. – С. 20–22.
6. *Козьменко М.В.* Алексей Ремизов // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х гг.): Кн. 2. – М.: Наследие, 2001. – С. 340–380.
7. *Пушкин А.С.* Гавриилиада. Репринтн. вос-

произведение изд. 1922 г. – М.: Художественная литература, 1991. – 123 с.

8. Пушкин А.С. Чёрная шаль // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. – М.: Воскресенье, 1994. – Т. 2. – Кн. 1. – С. 138.

9. Ремизов А.М. Неуёмный бубен: роман, повести, рассказы, сказки, воспоминания. – Кишинёв: Литература артистикэ, 1988. – С. 288–331.

10. Ремизов А.М. Повесть об Иване Семёновиче Стратилатове. Неуёмный бубен. – Берлин: Русское творчество, 1922. – 90 с.

11. Слобин Г.Н. Проза Ремизова 1900–1921. – СПб.: Академический проект, 1997. – 206 с.

12. Топоров В.Н. О «Крестовых сёстрах» А.М. Ремизова: поэзия и правда. Статья первая // Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. – СПб.: Искусство, 2003. – С. 519–549.

13. Тырышкина Е.В. «Крестовые сёстры» А.М. Ремизова: концепция и поэтика. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1997. – 235 с.

14. Шварцбанд С.М. История текстов: «Гавриилиада», «Подражания Корану», «Евгений Онегин» (гл. I–IV). – М.: Изд-во Рос. гос. гуманитарн-та, 2004. – 237 с.

Н.А. Жангуразова

НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ СТАРЫХ МИФОВ (романы З. Толгурова рубежа XX–XXI вв.)

В данной статье нами делается попытка проанализировать с точки зрения литературоведческой критики некоторые недавно опубликованные романы писателя Зейтуна Толгурова, с целью ознакомления широкой читательской аудитории с аспектами творческой индивидуальности известного балкарского прозаика, нашего современника. Роману «Голубой типчак» критиками уделено достаточное внимание, но, в основном, они рассматривают произведение как очередной роман со сложной и противоречивой фабульной структурой. В действительности, с этим можно согласиться, и все же, «Голубой типчак», на наш взгляд, произведение зрелого символического реализма, в котором автор выходит далеко за пределы предметов и явлений в обычном их понимании, и, в первую очередь, давая оценку роману, его следует рассматривать именно с этой точки зрения. Что же касается романа «Белое платье» – наша статья является первой попыткой дать критический анализ этому сложному истинно национальному полотну. И, на наш взгляд, роман является новым, очень весомым художественно-эстетическим феноменом в литературах РФ.

В последние годы в национальных литературах России появилось множество произведений, герои которых борются, ищут и стремятся к абсолютизму во всем. Авторы современных повестей и романов (И. Казиев «Кто убил человека из рая», Т. Керашев «Последний выстрел»,

Э. Мальбахов «Страшен путь на Ошхамахо», «Ищи, где не прятал», А. Теппеев «Мост Сират», «Ас-Тах» и другие) через своих героев, страстно обращаются к народу, предлагая переосмыслить жизненные ориентиры, поступки и действия согласно совести. Литература, по своей сути, предназначена воспитывать, учить ответственности, реалистически воспроизводить действительность. «Искусство всегда призвано выражать, воплощать, осваивать живую современность, быть насквозь современным, если даже тематически оно захватывает прошлое», – пишет по этому поводу известный критик литературовед В.В. Кожин [3, с. 32]. В качестве подтверждения высказанной мысли уместно вспомнить увидевшие свет в конце XX – начале XXI века романы балкарского писателя З. Толгурова «Голубой типчак» и «Белое платье».

Глубокий психологизм, мотивированность сюжетных переплетений – вот характерные черты романа Толгурова «Голубой типчак» (1993). Взгляд автора здесь обращен в прошлое народа, связанное с войной, жестокой депортацией, различного рода гонениями. Но прошлое осваивается с сегодняшней точки зрения.

Основной конфликт произведения связан с перипетиями нелегкой судьбы мальчика-сироты. Главная мысль автора – показать силу человеческого духа, нравственный и моральный облик каждого героя, функционирующего в своей жизненной нише.

Однако действия, поступки героев, их жизнь нанизаны автором на некий философско-нравственный стержень, который и составляет фабульную линию романа. Именно гносеологический подход к описанию событий является доминирующим, когда предметом анализа становятся не столько социальные явления или идеологические установки, а вечная борьба миров, познаваемых и непознанных истин.

Центральные образы произведения формируют две основополагающие линии групп. В одной из них состоят герои с нелегкой судьбой, живущие по совести и убеждениям (Халимат, Крым, Фаризат), в другой – опять же, люди с нелегкой судьбой, но алчных и властных (Айшат, Даум, Хафисат). Надо отметить, что, практически, все персонажи произведений Толгурова – трагичны, это люди нелегкой судьбы, вынужденные противостоять жизненным обстоятельствам, чувствующие себя малыми песчинками в вечном круговороте Вселенной.

Очень разные герои, созданные З. Толгуровым, в конечном итоге, заняты одним – поиском смысла жизни и бытия. В этом плане интересны рассуждения одного из главных действующих лиц романа – мальчика Крыма. Казалось бы, еще совсем ребенок, но он уже близок к пониманию философии вечных природных начал. Удивительно в романе слияние и родство мальчика с природой. Не по-детски зрело смотрит он на окружающий его мир:

«Было немного страшно, что весь этот звенящий и свистящий в ушах шум ветра так резко оборвался с остановившимся конём. Крым всего лишь крупница, слабый побег на одной из ветвей дерева жизни. Так почему же этот могучий мир подчиняется ему. Он встряхнул рукой, тут же под одним из камней жест повторился, он вскрикнул «мама», тишина вдруг очнулась и ответила тем же. На многие вопросы, беспорядочно столпившиеся в голове, Крым не смог найти ответа, но зато почувствовал воодушевление. Оказывается весь этот бескрайний мир следит за ним и видит все его действия. Теперь, стоя на теплом камне и почесывая затылок, он понял, что и сам имеет какое-то значение в этом огромном и, казалось бы, беспорядочном мире» [5, с. 66].

Как и каждого разумного человека на этой земле автора «Голубого типчака» глубоко волнует вопрос отторжения, размежевания личности и его коренных связей с родной землей. Тема деграда-

ции человека звучит как бы подтекстом. А призыв к вечным истинам является доминирующим.

Главный герой, совсем маленький, живет среди своих односельчан, он чуток ко всему, его мировосприятие близко к идеальному. Но автор отрывает его от всего, что дорого, отправляя вместе с приемным отцом в глубь России. И здесь образ Крыма выходит на совершенно иной качественный уровень – он взрослеет в другой среде, с другой культурой и религией. Как ни прискорбно, в конце романа Крым, вернувшись на Кавказ, не вспоминает ни свое трудное детство, ни свою мать, для которой он был единственным лучом в ее полной драматизма судьбе, ни зов родной природы – ничего. Такова печальная судьба человека, волею судьбы оторванного от родины. У большинства детей войны возможность чувствовать родительское тепло в сообществе со своей землей была отнята. И именно этот факт в центре художественного осмысления автора «Голубого типчака».

З. Толгурову необычайно тонко удается воспроизвести природу горного края. Не случайно автор назвал свой роман «Голубой типчак». Типчак глубоко символичен, сказания о его чудесных свойствах уходят своими корнями в глубь карачаево-балкарских мифов и легенд. Он несет в себе скрытый философский смысл, не прощает слабости, лжи, лицемерия, кто взойдет на него, непременно больно ушибется, будь то животное или человек. Трава типчак всегда зеленая, промерзлая, скользкая, но очень красивая. Она обманчива, как сама жизнь. Так и человек живя на земле, часто не постигает истин и, в конце концов, падает с воздвигнутой им же башни. Ценность жизни, по замыслу автора, сакральна, ее нужно все время искать и постигать. Но не всегда это получается, в конечном итоге, на этом поле выживает тот, кто умеет приспособливаться к обстоятельствам или быть абсолютным победителем.

Нередко в своих произведениях Толгуров четко оппозиционирует два мира – мир высоких эстетических идеалов и духовной бедности, добра и зла. Подобные противостояния часто проецируются из мира природы на реальную человеческую жизнь. В качестве иллюстрации приведем образы таких непримиримых персонажей романа как вожак косяка отважный жеребец Алакёз (Сероглазый) и беспрестанно преследующая его агрессивная волчица Гожай (Злобная). Их прототипы часто упоминаются в мифах и национальном фольклоре балкарцев. В художественной ре-

конструкции автора они иносказательно персонафицируют сложную диалектику человеческих взаимоотношений: так молодая женщина Халимат не выдержав вседозволенности и бесчинства системы власти теряет память, воспользовавшись ситуацией ее сестра Айшат завладевает имуществом, разлучив ее с единственным ребенком. Психологически достоверно и тонко автор сумел показать положительные и отрицательные характеры, неизменно сохраняя национальный колорит. С особым состраданием Толгуров повествует о героине романа Халимат, о ее переживаниях, чувствах, сомнениях. Ее образ в отличие от корыстной Айшат, является олицетворением женственности, добродетельной решимости, рассудительности.

Лиризм, тонкое знание культуры, обычаев народа и умение преподнести все это читателю – вот характерные черты, присущие писателю З. Толгурову.

Опубликованный вслед за «Голубым типчаком» роман Толгурова «Белое платье» (2005) ознаменовал собой новый виток не только в творчестве самого писателя, но и балкарской прозы в целом. Это произведение представило читателю законченную систему мировосприятия и мышления Толгурова – философа. Здесь автор использует такие приемы, когда сюжетные перипетии служат фоном в художественной стратификации основных проблем человеческого и космического масштаба, когда предметом исследования служит человек сам по себе в кругу вечных и циклически повторяющихся истин.

Художественная ткань нового романа писателя нанизана на сюжеты из нартского эпоса карачаево-балкарской мифологии. Роман также отмечается полифоничностью, полисюжетностью, историзмом, когда внимание читателя акцентируется то на жизненных явлениях сегодняшнего дня, то актуальные сегодняшние проблемы рассматриваются из глубины веков, глазами мудрых предков, с точки зрения непреходящих, вечных истин. Для примера, хочется привести сцену из романа, где один из главных героев художник-правдоискатель, встретившись с дряхлой столетней старухой переспрашивает случайно услышанную им фразу из ее монолога:

- О ком это ты говоришь, кого это всех жизнь тербит и бросает под ноги?
- Всех: тебя, меня.
- Я не под ногами!

– Да, ты прав и в то же время нет, ты живешь только своим трудом, поэтому и говорю, что жизнь тебя не жалеет.

– Если бы я искал другие средства, я не считал бы себя человеком... Жизнь изменится к лучшему.

– Да кто против? Но ожидая перемен мы сгорбили. Деревья растущие ввысь искорежены, если почву все время гложет паводок, лес не остается лесом. (Подстрочный перевод – Ж.Н.) [6, с. 30].

Сущность жизни, по Толгурову, есть трагизм. Трагизм человека, потерявшего корни, потерявшего надежду, является трагизмом, который порождает «несоглашаемость, несогласие с несправедливостью мироустройства и человеческого удела в нем» [2, с. 48].

В образной структуре романа «Белое платье» немаловажную роль играют символы, они организуют в понимании читателя некую цепь нравственно-философского направления, через которую автор косвенной речью передает свое видение мира, они играют организационную роль выхода на сущность Вселенной и человеческого предназначения в нем:

– «Человек должен быть чист перед самим собой», – подумал художник. Есть люди непорочные снаружи, а на самом деле живущие в согласии с несправедливостью, смешавшие свое достоинство с грязью. И таких Зекерия знал немало. Надевающий белые одеяния и сердцем должен быть чист, и честь должна быть выше гор, не раз любил он повторять своей любимой. И никто не должен на эту честь посягать. На надетое им «белое платье» Аскерхан он был чуток. И девушка, понимая это, всегда была ему благодарна. А что же теперь случилось с ней?» (Подстрочный перевод – Ж.Н.) [6, с. 24].

Белое платье, как символ чести и достоинства женщины, возвращает нас к исконным обычаям предков, когда честь и достоинство были на первом месте. Автор романа призывает остановить негативную глобализацию Вселенной, спасти наш хрупкий, но все еще не знающий себе равных мир.

Не случайно роман начинается с того, что чудовище-великан (образ эмегена из нартского эпоса карачаево-балкарцев) жадно высматривает земли нарттов на равнине. Посредством художественных образов (доблестные нарти и извечные их противники эмегены-великаны) автор проводит параллели, сопоставляет два мира – прошлое и настоящее. Приоритеты и проблемы сегодняшнего дня рассматриваются в соотнесении с про-

странственными форматами архаичных легенд. Мифологизирование ситуации помогает автору глубже раскрыть корни конфликта, тему современности. Миф, являясь хранителем информации о предыстории человечества, в художественном осмыслении «открывает пути не только в прошлое, но и в будущее, ибо для современного человека «помнить» — означает и жить днем сегодняшним, и одновременно прогнозировать будущее...» [1, с. 22].

В «Белом платье» мастерски сочетается круговорот жизни — печаль, радость, суета, бессмысленность идеалов, повседневных человеческих забот. Из нашей жизни ничего этого невозможно искоренить, но все же мы люди и, в конечном итоге, говорит писатель, мы различим ростки той правды, которая характерна человеческому сообществу.

Говоря же в целом о прозаическом творчестве З. Толгурова, надо сказать, что на сегодняшний день оно динамически развивается в русле повествовательных моделей крупного жанра со сложной, полисюжетной, хронологически детер-

минированной основой. Это и есть те самые характерные признаки, которые являются отличительной особенностью современной прозы мирового уровня.

Библиографический список

1. *Аджаматова Н.К.* Проблема эволюции конфликта и национального характера в прозе народов Дагестана и Северного Кавказа: Автореф. ... д-ра филол. наук. — Махачкала, 2007. — С. 46.
2. *Гуртуева Т.Б.* Маленький человек с большой буквы. — Нальчик: Эльбрус, 1994. — С. 207.
3. *Кожин В.В.* Статьи о современной литературе. — М.: Советская Россия, 1990. — С. 544.
4. Писатели Кабардино-Балкарии (XIX — конец 80-х гг. XX в.). Библиографический словарь. — Нальчик: Эль-фа, 2003. — С. 443.
5. *Толгуров З.Х.* Голубой типчак: Роман, повесть / Перевод с балкарского. — Нальчик: Эльбрус, 2003. — С. 392.
6. *Толгуров З.Х.* Белое платье: Роман, повесть. — Нальчик: Эльбрус, 2005. — С. 344. (На балкарском языке).

Т.О. Земледельцева

РОЛЬ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ АРМЕЙСКОЙ СЛУЖБЕ В СЮЖЕТНОЙ ПРОЗЕ А.А. ФЕТА

За прозой Фета давно уже установилась репутация автобиографичной. Репутация эта опирается, в первую очередь, на то, что исследователям и читателям ярко бросаются в глаза многочисленные параллели между прозаическими произведениями и мемуарами Фета. В этом отношении М.В. Строганов выразил, пожалуй, общее мнение литературоведов по поводу прозы Фета: «Фет не умеет фантазировать, и между его сюжетной прозой и другими, несюжетными прозаическими жанрами его: мемуарами, критикой, публицистикой — принципиальной разницы нет: это всегда яркий рассказ о том, что реально было в реальной жизни с четким определением временной, причинно-следственной обусловленности, с ясно прописанной целевой установкой и предметно-определятельными отношениями. Всё, что написано в прозе, было именно так, как написано в ней» [5, с. 7]. Действительно, на первый взгляд кажется, что фантазировать в прозе Фет то ли не умел, то ли не

хотел, то ли ленился, но более детальный анализ убеждает, что Фет учился фантазировать в своей прозе, искал свою неповторимую творческую манеру, но нужно констатировать, вслед за И.С. Тургеневым и самим Фетом, что «ни драматической, ни эпической» «жилки» в нем «совершенно нет» [7, т. 1, с. 7]. Задачей моей работы, однако, не является выставление оценок прозаическим опытам Фета, мне хочется показать механизм создания Фетом сюжетной прозы и правильное это будет сделать на конкретном примере. В своей работе я покажу, как автобиографический материал, в частности, воспоминания об армейской службе, в различной степени участвует в создании сюжетной прозы Фета.

В прозе, кроме нескольких литературных и политических статей да трех томов воспоминаний, Фет оставил нам семь рассказов. В хронологическом порядке они располагаются так: «Каленик» (1854), «Дядюшка и двоюродный братец» (1855), «Семейство Гольц» (1870), «Первый

заяц» (1871), «Не те» (1874), «Кактус» (1881), «Вне моды» (1889). Повести «Семейство Гольц» предшествовали, видимо, два незавершенных прозаических наброска, сходные по материалу и манере. Два этих неоконченных и неопубликованных отрывка обычно не анализируются исследователями в ряду сюжетной прозы Фета, я же рассматриваю их в своем анализе, так как они свойственны прозаической манере Фета и в основе их сюжета лежат воспоминания Фета об армейской службе.

Во всей сюжетной прозе присутствуют воспоминания Фета об армейской службе, которой он посвятил более 10 лет своей жизни (с 1845 по 1858 г.). Исключение составляют только рассказы «Первый заяц» и «Вне моды», в которых нет упоминаний об армейской службе, так как первый повествует о событиях юности Фета задолго до его поступления на военную службу, а второй представляет собой автопортрет старика Фета, попытку раскрыть основы своего мирозерцания. Вся остальная проза Фета так или иначе связана с армейскими воспоминаниями, которые могут входить в художественное произведение на правах сюжетообразующих элементов, или быть только фоном для вымышленного сюжета, или же вообще являться только средством для развития сюжета.

В 1854 г. вышел в свет первый рассказ Фета «Каленик», в основе которого лежат воспоминания поэта о периоде армейской службы в Херсонской губернии, о быте, нравах, культуре Малороссии. Возможно, после написания этого рассказа Фет задумал целый цикл прозаических произведений из армейской службы. Об этом свидетельствует письмо от 22 января 1865 г. ближайшего друга и родственника Фета И.П. Борисова: «Ну что же, Афоня, идут ли вперед Крыловские рассказы, не думаю, впрочем, чтобы Москва и Петербург дали тебе время заняться нашим братом армейцем, и ты закувыркался в других животрепещущих омутах, а теперь самая пора записать то, что было, пока еще *свежо предание*, а верится с трудом» [3, с. 14]. Скорее всего, в этот цикл должны были войти три завершенных рассказа «Каленик», «Семейство Гольц», «Не те», и два неоконченных и неопубликованных отрывка, так как в основе их сюжетов лежат воспоминания Фета об армейской службе в Новороссии. Однако автор так и не объединил эти произведения в цикл, и причины этого неизвестны. Общность автобиографического материала в этих рас-

сказах позволяет поставить проблему использования Фетом воспоминаний из армейской службы в сюжетной прозе, определить сходные моменты и специфические черты такого использования в каждом отдельном произведении, и на основе этого выявить пути становления творческой манеры Фета-прозаика.

Первый рассказ Фета «Каленик» был посвящен актуальной проблематике 1840–1850-х гг., идущей еще от Гете: современный социальный человек перед лицом «равнодушной» природы. Побудительной причиной для написания этого рассказа была просьба Краевского дать «стихов для “Отечеств.<енных> записок”», но «новых стихотворений <...> не оказалось», и Фет «написал прозою небольшой рассказ “Каленик”» [7, т. 1, с. 37]. В центре рассказа о непостижимости тайн природы – образ Каленика, отличающегося поразительной интуицией, которой он руководствуется в жизни вопреки здравому смыслу. Каленик – лицо реальное, это был денщик Фета, служивший с ним в течение нескольких лет в Херсонской губернии. В мемуарах Фета мы находим упоминание об охоте [8, с. 474], время, место и участники которой совпадают с описанными в рассказе, нет только тех сюжетов, которые характеризуют главного героя как знатока природы, определяют его близость с природой. Из автобиографии Фета можно почерпнуть совсем мало информации о Каленике: автор вскользь упоминает о его постоянном непосредственном детском смехе, об удивительной способности ломать и терять дышла к экипажам, о его несомненных кучерских способностях [8, с. 456, 472, 491]. Все эти черты реального прототипа сохраняются и у Каленика в рассказе, но остальные истории, так ярко характеризующие его, не находят подтверждения в мемуарах. Таким образом, в первом своем рассказе Фет на основе автобиографических реалий, связанных с армейской службой, создает произведение, вписывающееся в контекст русской литературы 1840–1850-х гг. и дающее автору возможность обозначить свою позицию по поводу одной из актуальных проблем литературы того времени – кризиса отношений между природой и социально детерминизированным человеком.

С помощью такого же приема домысливания или дописывания, создается неоконченный отрывок, условно называемый при печати «Корнет Ольхов» [3, с. 18–21], над которым Фет работал в середине 1860-х гг. Этот неоконченный отрыв-

вок примечателен тем, что в нем автор, используя автобиографический материал своей армейской службы, создает автопортрет. Служба его в уланском полку в городе Крылове, производство в корнеты, университетское прошлое, отношения с отцом, который обладал «явно бычливым нравом», страсть к охоте, наличие собаки по кличке Трезор – эти и многие другие факты напоминают реалии из биографии Фета. Но значительно больший интерес, чем биографические детали жизни Фета, отраженные в этом произведении, представляет «внешний» и «внутренний» портрет корнета Ольхова, изображенный здесь. Мы не найдем в мемуарах такого детального описания внешности молодого Фета, и такой исповедальности, такого раскрытия некоторых подробностей душевной жизни молодого Фета (армейского периода) его проза не знает. И, если в «Каленике» наряду с ярким портретом главного героя Фет дописывает сюжетные действия, важные для раскрытия проблематики рассказа, то в «Корнете Ольхове» Фет воссоздает внутренний монолог, не действия, а чувства. И, видимо, именно эта интимность и исповедальность заставила автора утаить этот рассказ в запасниках, слишком явно в главном герое проступал сам Фет. Но этот прозаический опыт создания автопортрета повлиял на специфику последнего рассказа Фета «Вне моды», в котором автор создал автопортрет, взглянул на себя отстраненно, раскрыл основы своего мирозерцания, подвел некоторые жизненные итоги. И если автопортрет в неопубликованном фрагменте при печати выглядел бы несколько вызывающе (выходило бы, что молодой автор явно переоценивает свою значимость), то рассказ «Вне моды» явился органичным завершением становления авторского метода Фета-прозаика.

Второй неоконченный и неопубликованный фрагмент, условно называемый при печати «Полковник Бергер» [3, с. 21–26], создавался Фетом в одно время с «Корнетом Ольховым» и близок к рассмотренным рассказам по манере использования автобиографического материала, который тоже относился к годам военной службы автора. Скорее всего, этот отрывок должен был увековечить память полковника К.Ф. Бюлера, у которого Фет был адъютантом и очень с ним сдружился. Здесь нет вымышленных событий и героев: слуга барона Бергера (К.Ф. Бюлера) – «шаровидный литвин Петр», корнет Филиппенко (в реальности – Пилипенко), который не по уставу рас-

кланивался с командиром, поручик Кумашев (князь Кудушев), просивший «отпустить ему хор трубачей» за деньги, холеный майор Вандберг (майор Вайнберг), переведенный из гвардии в уланы за неблаговидное поведение, – всё это персонажи из воспоминаний Фета [8, с. 435–438, 454, 462]. Писатель рассказывает об обстановке в полку после своего назначения на должность полкового адъютанта, пытается представить глубоко симпатичную ему личность командира Бюлера и для этого сводит разрозненные сюжеты из воспоминаний об армейской службе в один разговор между бароном Н.К. Бергером и С.С. Мусинским (образ, имеющий реальный прототип). Это тот же ход, что в «Каленике» и в «Корнете Ольхове», но здесь, в сущности, не выдуманно вообще ничего, а просто один разговор составлен из эпизодов армейской жизни, несомненно, обсуждавшихся в процессе многолетнего общения Фета с Бюлером.

Впоследствии Фет идет дальше, доводя этот прием создания прозаического произведения из автобиографического материала до апофеоза. Он берет из своей жизни сюжет, подробно описывает его в рассказе, а позднее с некоторыми стилистическими изменениями перепечатывает его в мемуарах. Так создавался рассказ «Первый заяц», посвященный воспоминаниям о событиях юности, о первом охотничьем трофее. Этим же приемом Фет активно пользуется, создавая наиболее интересующий нас рассказ «Не те», написанный, вероятно, в связи с юбилеем шефства Александра II над уланским полком, в котором служил Фет. Здесь описывается царский смотр в Елисаветграде императора Николая I, который выражает уверенность: «Вы славно будете служить моему сыну, моему внуку». И этот рассказ должен был послужить подтверждением для Александра II слов его покойного отца Николая I и показать преданность и верность Фета царю.

Повесть «Семейство Гольц» также посвящена армейским годам жизни Фета. Здесь Фет продолжает разрабатывать приемы, освоенные им в уже созданных рассказах, – пытается играть с автобиографическим материалом и вымышленными элементами. В этой повести вымышленный сюжет впитывает в себя малое количество автобиографических деталей, происхождение которых можно предположить чисто практическими целями: зачем придумывать мелочи, которые можно просто перенести из жизни. Автобиографи-

ческих реалий здесь немного: место и время действия – город Крылов, в котором Фет служил в кирасирском Орденском полку в должности адъютанта во второй половине 1840-х гг.; некоторые второстепенные персонажи – полковому доктору Иринарху Ивановичу Богоявленскому приданы черты известного переводчика Диккенса, литератора, педагога 1840–1850-х гг. Иринарха Ивановича Введенского, автобиографичен образ полкового командира Карла Федоровича Б... (Бюлера), адъютантом которого в 1849–1853 гг. был Фет, прототипом начальника округа Федора Федоровича Гертнера является Федор Федорович Вернер, прототипом помещика Коваленко является генерал Н.Д. Золотницкий, прототипом его жены – У.Д. Каневальская, прообразом Anastasie Заболоцкой была С.М. Золотницкая [8, с. 301, 434–435, 441, 443–444, 470–472, 462]. Все эти детали выполняют роль театрального задника, на фоне которого разворачиваются вымышленные события повести о судьбе поселенного ветеринара Гольца, спившегося, опустившегося человека, который истязал свою семью, довел до самоубийства жену, оставил троих детей сиротами. Фет в этом рассказе, используя автобиографические реалии своей армейской службы, создает художественно преобразованную действительность, развивает какой-то вымышленный сюжет. Такое нетрадиционное для фетовского творчества произведение получило, однако, высокую оценку у близких Фету людей, так в письме от 21 февраля 1870 г., написанном сразу после визита к Фету в Степановку, Л.Н. Толстой отзываясь на прочитанный им в Степановке рассказ: «Я, уезжая от вас, забыл вам сказать еще раз, что ваш рассказ по содержанию своему очень хорош и что жалко будет, если вы бросите его или отдадите печатать кое-как, и что он стоит того, чтобы им заняться, ибо содержание серьезное и поэтическое, и что если вы можете написать такие сцены, как старушка с поджатыми локтями и девушка, то все вы можете обделать соответственно этому» [6, т. 1, с. 401]. И.П. Борисов, делясь впечатлениями от только что прочитанного им рассказа в письме к Фету от 22 октября 1870 г., отмечает: «...прочел с большим удовольствием <...> потому уже, что никакого тут нет Шопенгауэрства» [1]. Таким образом, повесть «Семейство Гольц», в которой автобиографизм отошел на второй план, отнесенный вымышленным сюжетом, можно по праву считать большой авторской удачей Фета-прозаика.

Все рассмотренные произведения так или иначе базируются на воспоминаниях Фета об армейской службе, которые могут полностью организовывать повествование в отрывке «Полковник Бергер» и в рассказе «Не те», а также участвовать в создании произведения, являясь основой для дописывания сюжета в «Каленике» и «Корнете Ольхове», или же вообще лишь оттеняя центральный вымышленный сюжет в повести «Семейство Гольц». Однако среди прозаических произведений Фета есть два рассказа, сюжетно не связанных с армейскими воспоминаниями, но в которых упоминания о военной службе играют важную роль в организации повествования, это повесть «Дядюшка и двоюродный братец» и рассказ «Кактус».

Повесть «Дядюшка и двоюродный братец», увидевшая свет в разгар «мемуарной» эпохи [2, с. 355] в 1855 г., опирается на опыт предшествовавшей ей литературы: композиционно она напоминает роман М.Ю. Лермонтова «Герои нашего времени», и в ней ощущается значительное влияние автобиографических повестей Л.Н. Толстого «Детство» (1852) и «Отрочество» (1854). Но особый интерес в ней составляет автобиографизм. Перед нами своеобразная «семейная хроника», в которой рассказывается о двух родственных семьях, о судьбах двоюродных братьев – молодых дворянских отпрысков: Ковалева (автобиографический образ) и Аполлона Шмакова (прототип – сын Л.Н. Шеншиной Капитон). В своем повествовании Фет, в отличие от Толстого, показывает разные эпохи развития личности, но наиболее примечательной является попытка воссоздания атмосферы детства, погружение в его заботы и интересы. Автобиографические детали и образы пронизывают всё повествование, касающееся детства и юности главных героев, однако основная сюжетная линия, касающаяся обрисовки образа циника и эгоиста Аполлона Шмакова, который женился ради большого приданого, но не получив его, возненавидел жену, выгнал ее из дома и отобрал маленькую дочь для «забавы» своей матери, вымышлена автором. Автобиографический образ штабс-ротмистра Ковалева впитал в себя много реалий из биографии Фета, в том числе и сведения о поступлении им после окончания университета на военную службу. Однако это упоминание носит скорее организующий повествование характер, служит средством развития сюжета. Штабс-ротмистр Ковалев пишет

в своем дневнике, который был опубликован после его смерти повествователем (композиционное сходство с романом Лермонтова «Герой нашего времени»), о случайной встрече с Петрушей Моревым (прототип – И.П. Борисов), уговорившем его, только что окончившего университет, поступить на службу в уланский полк (этот факт имеет автобиографическую основу и приведен в воспоминаниях Фета) [8, с. 261]. Этот реальный случай является поводом для введения в повествование вымышленного рассказа Морева, из которого читатель узнает о дальнейшей судьбе Аполлона Шмакова, о том в какого подлеца превратился мальчик, раньше являвшийся примером для подражания.

По той же схеме действует Фет в более позднем своем рассказе «Кактус», в котором он полемизирует со своим другом философом В.С. Соловьевым по поводу некоторых положений его философской теории и одновременно вспоминает о друге юности Ап. Григорьеве. Композиционно этот рассказ продолжает линию «Дядюшки и двоюродного брата» – это тоже «рассказ в рассказе». В нем два взаимосвязанных сюжета: главное событие первого, обрамляющего сюжета – расцвет кактуса, породившего разговор о силе искусства, пробуждающего любовь, в центре второго – подтверждающая это история, в которой рассказывается о личности Аполлона Григорьева и пении цыганки Стеши. Но в отличие от «Дядюшки и двоюродного брата», в котором обрамляющий рассказ и многие эпизоды сюжета являются вымышленным, в рассказе «Кактус» эти оба рассказа находят свою прототипическую основу: автобиографичность первого, обрамляющего сюжета, состоит в изображении воробьевских реалий, в прототипичности действующих лиц и автобиографичности многих деталей, автобиографичность второго сюжета также лежит на поверхности, хотя и не лишена некоторой доли вымысла. Однако для моего анализа важным является то, как вводится в повествование второй центральный сюжет. Он начинается словами героя-повествователя: «Ровно двадцать пять лет тому назад я служил в гвардии и проживал в отпуску в Москве, на Басманной. В Москве встретился я со старым товарищем и однокашником Аполлоном Григорьевым» [4, с. 234]. Это явно уже разработанный в «Дядюшке и двоюродном братце» сюжетный ход – повествователь

встречает старого приятеля, который, в «Дядюшке и двоюродном братце» рассказывает ему об общем знакомом, а в «Кактусе» встреченный товарищ становится главным действующим лицом описанных событий. Только в первом случае эта сюжетная схема вводит в повествование вымышленный эпизод, характеризующий одного из главных героев, а во втором случае – вводится основной сюжет, не лишенный некоторой доли вымысла, но в общем автобиографический.

В целом, вышеизложенный анализ позволил вскрыть основные механизмы использования автобиографического материала, на примере воспоминаний из армейской службы, в сюжетной прозе Фета и охарактеризовать неповторимую творческую манеру Фета-прозаика. Можно смело утверждать, что все произведения Фета имеют автобиографическую основу, но также стало очевидно, что автобиографические реалии в различной степени участвуют в создании сюжетной прозы Фета. Степень их участия варьируется от формального присутствия в произведении, в котором они лишь средство развития сюжета, до полного доминирования в повествовании, сюжет которого частично или целиком они образуют. Необходимо также отметить, что наиболее удачным способом использования автобиографического материала в прозе Фета является создание вымышленного сюжета, оттеняемого некоторыми биографическими реалиями, создающими лишь фон для основного действия.

Библиографический список

1. Борисов И.П. Письма Фету А.А. // РО ИРЛИ, ф. 337, ед. хр. 20272, л. 205.
2. Егоров Б.Ф. Художественная проза Ап. Григорьева // Григорьев Аполлон. Воспоминания. – Л., 1980. С. 337–367.
3. «Крыловские» рассказы Фета (Два неопубликованных фрагмента) / Публикация Л.И. Черемисиновой // XVII Фетовские чтения. А.А. Фет и русская литература. – Курск, 2003. – С. 14–26.
4. Русский вестник. – 1881. – Т. 156. – Ноябрь.
5. Строганов М.В. «Мир от красоты». Проза и поэзия Фета. – Курск, 2005.
6. Толстой Л.Н. Переписка с русскими писателями: В 2 т. – М., 1978.
7. Фет А. Мои воспоминания. 1848–1889. – М., 1890.
8. Фет А. Ранние годы моей жизни. – М., 1893.

А.А. Круглова

«ТЕМНЫЕ АЛЛЕИ» И. БУНИНА: ПОЭТИКА ЗАГЛАВИЯ

Заглавие «Тёмных аллей» многопланово. Тёмные аллеи – это дорожки для гуляющих в тенистом вечернем парке, но вместе с тем и нечто иное: тёмные закоулки человеческой души, в которых гнездится то, о чём никто не подозревает, тайные мысли, желания, определяющие, в конечном счете, изгибы, причудливые повороты судьбы героев, тёмные стороны эроса, запутывающего жизненные пути, превращая их в лабиринт. Тёмные аллеи – символ всего мистического, непонятного, алогичного, что мы видим у большинства бунинских персонажей. Этот символ пронизывает все рассказы цикла, являясь ключом к пониманию замысла автора.

Как известно, Бунин избрал первичное заглавие, отрицая возможность какого-либо другого. В письме к одному из издателей он выразил это так: «Вы мне когда-то – уже давно – прислали предполагаемое содержание “Тёмных аллей” для шведского издания и предполагаемое название этого сборника: “Молодая любовь”, или “Чистый понедельник”, или “Трактир на воде”. По-моему, “Чистый понедельник” будет непонятно или скучно шведам, “Трактир на воде” тоже не заманчиво. “Молодая любовь” – ничего себе; но почему не назвать как русское издание и как будет озаглавлен сборник и во Франции, и в Англии, и в Америке <...> и в Германии (там желает издать мюнхенский издатель Franz Ehrennirh) – т.е. именно: “Тёмные аллеи”? Это и красиво, и поэтично. Очень стою за это именно название сборника»¹.

Образ тёмных аллей с самого начала вводит читателя в мир природы, в котором буквально растворяется бытие человека. Необычайная изобразительность, живописная образность стиля Бунина замечательно проявляется в пейзажах, которыми наполнены все рассказы, включенные в книгу. Например: «ночи были теплы и непроглядны, в чёрной тьме плыли, мерцали, светили топазовым светом огненные мухи <...>. Когда глаз привыкал к темноте, выступали верху звёзды и гребни гор, над деревней вырисовывались деревья, которых мы не замечали днём» («Кавказ»)²; «Ночная синяя чернота неба в тихо плывущих облаках, везде белых, а возле высокой луны голубых. Приглядишься – не облака плывут – луна плывёт, и близ неё, вместе с ней, льётся золотая

слеза звезды: луна плавно уходит в высоту, которой нет дна, и уносит с собой всё выше и выше звезду» («Смарагд», 67); «Летний жаркий день, в поле, за садом старой усадьбы, давно заброшенное кладбище, – бугры в высоких цветах и травах и одинокая, вся дико заросшая цветами и травами, крапивой и татарником, разрушающаяся кирпичная часовня» («Часовня», 252), «Заходила из-за сада туча, тускнел воздух, всё шире и ближе шёл по саду мягкий летний шум, сладко дуло полевых дождевым ветром» («Натали», 155).

Пейзаж у Бунина – главнейший компонент мира литературного произведения. Кроме того, действие в книге зачастую происходит в усадьбах средней полосы России (Орловская, Воронежская области). Как писал Д.С. Лихачёв, «тесно обсаженные липами, сравнительно узкие аллеи были одной из самых характерных черт русских садов, особенно усадебных, и составляли их красоту»³. Таким образом, хронотоп усадьбы характерен для творчества Бунина, и вовлечение читателя в пространство «дворянского гнезда» начала XX века начинается уже с чтения заглавия. Д.С. Лихачёв замечает, что «для орловчанина Бунина, любившего усадебные сады, “тёмных лип аллея” (так правильно у Н.П. Огарёва) была своего рода символом ушедшей России»⁴. Исследователь Л.В. Ершова приходит к выводу, что «проза И.А. Бунина является существенным этапом развития русской усадебной культуры, возникшей в России на рубеже XVIII–XIX вв., достигшей расцвета в первой половине XIX столетия и пришедшей в упадок к началу XX века»⁵.

Пейзаж неразрывно связан с лирическим фоном книги. Кроме того, в заглавии проявляется авторская субъективность, понимание Буниным мира через восприятие природы. Л.В. Ершова пишет: «В более поздней бунинской прозе, вошедшей в сборник “Тёмные аллеи”, усадебная тема представлена значительным количеством рассказов <...> В них загородное имение становится тем местом действия, где раскрываются чувства и качества души центральных героев. Поэзия дворянских гнёзд, живописность и мелодичность окружающей их природы, садов, озёр и лесов выявляет глубинные свойства характеров действующих лиц, их потребность наслаждаться

красотой, любить, переживать, страдать и испытывать счастье. Эмоциональность и чувственность свойственны как описаниям поместий, так и психологическому рисунку образов персонажей⁶. Таким образом, лирическое описание пейзажа связано и с психологизмом книги, что, как мы уже отмечали, открывается уже в заглавии. «Именно пейзаж создаёт психологический настрой восприятия текста, помогает раскрыть внутреннее состояние героев, подготавливает читателя к изменениям в их жизни», «пейзаж, данный через восприятие героя, – знак его психологического состояния в момент действия. Но он может говорить и об устойчивых чертах его мировосприятия, о его характере»⁷. Таким образом, полифункциональность образа, заявленного в заглавии, предлагает читателю несколько направлений восприятия текста, тесно связанных друг с другом. Е.Ю. Афонина пишет об этом так: «Разумеется, символично-метафорическое начало и указание на множественность – это две тенденции, указывающие вектор тяготения. <...> С одной стороны это заглавие [«Тёмные аллеи» – А.К.] указывает на множественность, с другой, – оно является цитатой из лирического стихотворения. Соответственно строится и повествование, объединяющее сюжетные эпизоды, осложнённые лирическим началом»⁸.

Кроме того, «пейзажный образ, как знак определённого чувства, может варьироваться и повторяться в рамках одного произведения (т.е. может быть мотивом и даже лейтмотивом...) пейзажные образы в контексте рассказа приобретают богатую символику, становятся многозначными»⁹. Мотив тёмных аллей независимо от того, в усадебном хронотопе разворачивается действие или нет, пронизывает каждый рассказ, включенный в книгу. Как мы уже отмечали, это «тёмные аллеи» страсти, человеческой души, человеческих желаний, стремлений и действий, загадочные и непонятные другим. (Например, мотив тёмных аллей напрямую связан с теми чувствами, которые связывали Валерию Остроградскую, героиню рассказа «Зойка и Валерия», и Левицкого, героя того же рассказа: «зачем, зачем так скоро и безжалостно приблизила она его к себе, сделала не то своим другом, не то рабом, потом любовником, который должен был довольствоваться редким и всегда неожиданным счастьем только поцелуев, зачем говорила ему то “ты”, то “вы”, и как у ней хватило жестокости так просто, так

легко вдруг перестать даже замечать его в первый же день знакомства с Титовым?» («Зойка и Валерия», 83). Данный мотив усиливается ещё и тем, что последняя встреча героев, апофеоз этих мучительных отношений, приведший к окончательному решению об уходе из жизни Левицкого, происходит поздно вечером среди аллей деревьев в саду).

Многоплановость заглавия книги связана и с тем, что «Тёмные аллеи» – это реминисценция, особая разновидность цитаты. Реминисценция – «(лат. *reminiscentia* – воспоминание) – не буквальное воспроизведение, невольное или намеренное, чужих структур, слов, которое наводит на воспоминания о другом произведении»¹⁰. В данном случае это напоминание о стихотворении Н. Огарёва «Вблизи шиповник алый цвел...». Специфика выбора неточной цитаты (реминисценции) из другого произведения для заглавия собственного произведения состоит в том, что, «подключая авторский текст к чужому, адресуя читателя ко всему тексту-источнику или какой-то его грани, цитата остаётся элементом сразу двух текстов: чужого и авторского»¹¹. Е.Т. Атаманова подчёркивает, что реминисценцию следует понимать как «осознанное художественное обращение к существующему тексту, которое узнаётся как на внетекстовом, так и на лексическом уровнях»¹². По нашему мнению, реминисценция стихотворения Н. Огарёва, подключая текст к культуре XIX века, позволяет провести параллель с «усадебной прозой».

Традиционно сильной позицией для цитаты (в нашем случае реминисценции) считается начало текста (наряду с финалом)¹³. В «Тёмных аллеях» цитата находится именно в такой позиции: «создавая на малой площади огромное смысловое напряжение, она становится одним из “нервных узлов” произведения», определяя «понимание всего последующего под определённым углом зрения»¹⁴. Тем более, что общее заглавие-цитата перекликается со всеми рассказами книги (в этом специфика выбранного Буниным жанра): с её помощью возникают новые смыслы, отсутствующие в каждом произведении в отдельности. Таким образом, заглавие-цитата принадлежит огромная смыслообразующая и объединяющая роль. «Заглавие можно рассматривать как минитекст, приглашающий к чтению, дающий предварительное общее представление о произведении»¹⁵.

Кроме того, «известное читателю имя автора отсылает его к предшествующему творчеству, а также к биографии»¹⁶. Имя Бунина было более чем известно: ко времени начала работы над «Тёмными аллеями» он уже был первым в России Нобелевским лауреатом в области литературы.

Таким образом, заглавие — сокращенная редакция текста. Структура заголовочного комплекса «Тёмных аллеи» содержит несколько семантических ядер, которые раскрываются как на лексическом, так и на внетекстовом уровнях всех рассказов, включенных в книгу.

Примечания

¹ Письмо С.А. Циону № 34 23 июня 1947 г. Париж // И.А. Бунин. Новые материалы. — М., 2004. — Вып. 1. — С. 316.

² Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. — М., 1967. — Т. 7. — С. 15. Далее ссылка на это издание даётся в тексте с указанием страниц в скобках.

³ Лихачёв Д.С. Тёмные аллеи // Звезда. — 1981. — №3. — С. 182.

⁴ Там же. — С. 184.

⁵ Ершова Л.В. Усадебная проза И.А. Бунина // Филологические науки. — 2001. — №4. — С. 13.

⁶ Там же. — С. 21.

⁷ Себина Е.Н. Пейзаж // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины: Учеб. пособие / Под ред.

Л.В. Чернец. — М., 1999. — С. 231.

⁸ Афонина Е.Ю. Поэтика авторского прозаического цикла: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Тверь, 2005. — С. 11.

⁹ Себина Е.Н. Пейзаж // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины: Учеб. пособие / Под ред. Л.В. Чернец. — М., 1999. — С. 232.

¹⁰ Фоменко И.В. Цитата // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины: Учеб. пособие / Под ред. Л.В. Чернец. — М., 1999. — С. 497.

¹¹ Там же. — С. 503.

¹² Атаманова Е.Т. Русская литература XIX века в контексте художественной прозы И.А. Бунина (проблема реминисценций): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Елец, 1998. — С. 5.

¹³ См.: Лотман Ю.М. Структура художественного текста. — М., 1970. — С. 259–260.

¹⁴ Фоменко И.В. Цитата // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины: Учеб. пособие / Под ред. Л.В. Чернец. — М., 1999. — С. 503.

¹⁵ Чернец Л.В. Литературное произведение как художественное единство // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины: Учеб. пособие / Под ред. Л.В. Чернец. — М., 1999. — С. 154.

¹⁶ Там же. — С. 154.

Т.С. Круглова

ЖАНРОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ «СТИХОВ К БЛОКУ» М. ЦВЕТАЕВОЙ В СВЕТЕ КОММУНИКАТИВНЫХ УСТАНОВОК АВТОРА

Предлагая нашу жанровую интерпретацию цветаевского цикла «Стихи к Блоку», мы исходим из гипотезы, что те или иные жанрово-смысловые валентности стихотворений реализуются в зависимости от коммуникативных задач автора и от ролей адресата, которые приписываются ему автором.

Как известно, цикл включает в себя 16 стихотворений, связанных между собой рядом сквозных образов и мотивов, объединенных образом адресата — Александра Блока. Причем М. Цветаева объединила стихотворения в цикл уже после смерти А. Блока, включив в него написанные ею стихи 1916 года и посмертные стихи 1921 года.

Поскольку стихи обращены к Блоку, то по формальным и содержательным признакам стихотворения прежде всего вписываются в жанровые координаты послания. Напомним, что послание как жанр рассчитано на вполне определенного реального адресата, обозначенного в самом тексте стихотворения. Причем адресат, как правило, задан эксплицитно — в названии, в именном обращении, а также присутствует в пространстве текста имплицитно. А именно: указание на него содержится в самой художественной структуре цикла и выявляется через обращения, вопросы, восклицания. Таким образом, в послании реализуется изначально заданная коммуникативная

ситуация «я – ты», причем участники внутритекстового эпистолярного пространства – отправитель письма и особенно его получатель – обозначены в тексте.

Укажем на еще один немаловажный признак жанра, выявленный С. Артемовой – это «интимизация мира адресата и адресанта», отграниченность их от остальной аудитории. Отправителем подразумевается, что у получателя тот же код, что и у него – «у собеседников предполагается наличие общего кода и «общей памяти», необходимых для успешной коммуникации¹.

Все эти признаки легко обнаруживаются и в «Стихах к Блоку». Во-первых, адресат (Блок) задан прямо – его имя вынесено в заглавие цикла. Однако в самих стихах оно упоминается лишь единожды: «Святое сердце Александра Блока!». В остальных стихотворениях имя заменено местоименными обращениями («ты», «у тебя», «твое» и т.д.). Помимо обращений, Цветаева обыгрывает имя и фамилию адресата (ср.: «Имя твоё, звучащее словно Ангел»); в стихотворениях они являются «ключами» для раскрытия смысла.

Далее, цветаевский цикл пронизан цитатами из лирики Блока: буквальное цитирование встречается довольно часто: «Как нас любил, слепых и безыменных, // За синий плащ, за вероломства грех... // И как нежнее всех – ту глубже всех // В ночь канувшую – на дела лихие!»². Сравним у А. Блока: «Ты в синий плащ печально завернулась, // В сырую ночь ты из дому ушла». Далее, у Цветаевой: «Как станешь солнце звать – и как не встанет» (1, 69). У Блока: «Ты будешь Солнце на небо звать – // Солнце не встанет».

Из блоковской лирики Цветаева заимствовала и центральный мотив его «Снежной Маски»: образ снега («снега голубого», «снежной мглы», «снежной пены») проходит через весь цикл, сема «снег» встречается практически в каждом стихотворении: «Имя твоё – поцелуй в снег» (1, 65). «И, под медленным снегом стоя, // Опущусь на колени в снег...» (1, 67). Из блоковских стихотворений и «снеговые» эпитеты: для Цветаевой Блок – «снеговой певец», «снежный лебедь». Таким образом, Цветаева находит параллели в собственной лирике и лирике Блока, находит «общий код» творчества.

Однако коммуникативная установка данного цикла несколько другая, чем у жанра послания. Ведь у традиционного послания соотнесенность корреспондентов создает ту диалогичность, ко-

торая вносит в сферу лирического переживания некое объективирующее начало – указание на другое лицо и связанные с ним возможные факторы быта, литературной практики, общественной позиции, мироощущения. При любой степени поэтической условности (прежде всего условности ролей, приписываемых в художественной системе произведения автору и адресату), данный жанр открывает прямой выход в сферу злободневно-жизненных (а подчас и сиюминутных) интересов, являя возведенный до уровня искусства эпистолярный контакт одного реального лица с другим по существенным для обоих вопросам. Послание как жанр определяется именно установкой на диалог с адресатом.

Однако коммуникативная стратегия Цветаевой несколько иная: она вовсе не задается целью завязать диалог с адресатом, втянуть его в собственные рассуждения, сделать его соучастником своих переживаний. Даже в жизни Цветаева, как известно, не решилась лично встретиться с Блоком, стихи, посвященные ему (1916 года), передала через дочь. Такова у нее и поэтическая модель поведения, реализованная в цикле: Автор-адресант не пытается заговорить с адресатом, привлечь внимание, а лишь восхищенно наблюдает за ним со стороны. Ср.: «Я на душу твою – не зарюсь!...» (1, 66); «И по имени не окликну, // И руками не потянусь!» (1, 67). Блок для Цветаевой – это божество поэзии, явление самой жизни, её воплощение.

Жизненно-поэтический облик Блока трансформируется в образ некоего архетипического Поэта, приближенного к божеству (ср.: «Имя твоё, звучащее словно Бог»). В связи с подобной моделью адресата, Цветаева воспекает, прославляет его, ставит над всеми, наделяет божественными чертами, поэтому послание модифицируется в оду. Ср. коммуникативные задачи и едва ли не экзистенциальные цели, которые автор-адресант перед собой ставит в общении с Блоком: «...Мне – славить // Имя твоё» (1, 67); «Я молюсь тебе – до зари» (1, 67). Поэтому Блок у Цветаевой – «сноvideц, всевидец», Поэт, певец жизни («певчая прорезь», «рот-его-рана»). Блок поднимается над обывателями («крылья извели право: лететь!»). Крылья для Цветаевой – символ поэта (вдохновения!): «Но помните, что будет суд, // Разящий, как стрела, // Когда над головой блеснут // Два пламенных крыла!» (1, 45).

В стихах 1921 года, а также в одном из стихотворений 1916 года («Думали – человек!...») до-

минирует иная коммуникативная установка, связанная с мотивом гибели Блока: Цветаева оплакивает поэта. При этом «ты» заменяется «он» и меняется адресат: Цветаева обращается к окружающим: «О, поглядите – как // Веки ввалились темные!» (1, 68); «Вот он – гляди – уставший от чужбин...» (1, 70); «Други его – не тревожьте его! // Служи его – не тревожьте его!» (1, 70).

Таким образом, послания приобретают жанровые черты эпитафии и плача. Ср.: «Так, сердце, плачь и славословь...» (1, 74). Более того, она описывает (ср.: «Три восковых огня // Треплются, суеверные.» (1, 68); «Черный читает чтец, // Топчутся люди праздные...» (1, 74), а затем и имитирует жанровую структуру уже не литературного, а религиозного обряда – *панихиды, отпевания*. Цветаева писала А. Ахматовой: «Смерть Блока я чувствую как вознесение»³. Поэтому сквозь трагический пафос смерти пробиваются словословящие ноты и в цикле появляется мотив *воскрешения – вознесения – вечной жизни*. «Над окаянной – // Взлет осиянный. // Праведник душу урвал – осанна!» (1, 71).

Важно подчеркнуть, что Цветаева не просто следует жанрово-стилевым канонам литургической поэзии: она имитирует литургическое действие (как бы воплощая в лирическом сюжете цикла ход этого богослужения, последовательно символизирующего страдания Христа, Его смерть, воскрешение, вознесение на небо). Следуя этому порядку, Цветаева сперва славит Блока, затем оплакивает его смерть и радуется воскрешению.

Не случайно цикл изобилует христианскими символами (солнце, свет как символ Господа), цитатами из молитв (свете тихий святыя славы, осанна, аминь), парафразами и отсылками к евангельским текстам (ср., например, мотив «вечернего света», «запада солнца», образы «Вседержитель», «праведник», «Свете тихий»). Отсюда и использование церковно-славянской лексики (*стезя, риза, венок из терний*), и аллюзии на церковные тексты. Ср. у Цветаевой: «ризой снеговой

одет» и в Евангелии от Марка: «Одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег» (Мк.9:3). Ср. также стих. «Ты проходишь на запад солнца...», являющееся переложением одной из молитв, входящих в *вечернюю Литургию*⁴.

Итак, парадоксальность «жанрового бытия» цветаевского цикла «Стихи к Блоку» заключается в том, что он не поддается однозначному жанровому определению. В цикле проявляется не столько доминанта адресованного жанра послания (установка на диалог, создание иллюзии замкнутого от остальной аудитории дискурса), сколько трансформация жанрового канона.

Жанр цикла «Стихи к Блоку» может иметь различные интерпретации. По формальным и содержательным признакам его можно отнести к жанру послания. Однако, в соответствии с ипостазированием коммуникативных установок автора (не только и не столько на собеседование, сколько на восхваление, воспевание, а затем – отпевание), жанровый облик цикла меняется, трансформируясь то в оду, то в плач, то в литургию. Таким образом, жанр в «Стихах к Блоку» становится, амбивалентной, «текучей» категорией: конкретное жанровое содержание реализуется в зависимости от ассоциативного контекста, сформированного «горизонтом читательских ожиданий», благодаря чему многократно расширяются семантические связи текста, обогащая его смысл.

Примечания

¹ Артемова С.Ю. Лирическое послание в литературе XX века: поэтика жанра: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2004. – С. 11.

² Цветаева М. Собрание сочинений: В 2 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 69. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи в круглых скобках с указанием тома и страницы.

³ Цит. по: В мире Блока. – М., 1981. – С. 430.

⁴ Никитин В. Православные таинства и обряды. Церковное богослужение // Малая церковь. – М., 1992. – С. 133–146.

ИЗУЧЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОГО СТИЛЯ М.А. БУЛГАКОВА ЧЕРЕЗ АНАЛИЗ МОТИВА ПРИХОДА ДЬЯВОЛА В ЕГО РОМАНАХ

Основным положением мотивного анализа является мысль о том, что важнейшая задача современной исследовательской практики – постижение творческой индивидуальности художника. Стержневым условием решения этой задачи, на наш взгляд, является принцип освоения произведения в его целостности, остающейся, как отметил М.М. Гиршман, «...недостаточно прояснённой характеристикой произведения, несводимой не только к сумме, но и к простому взаимодействию всех его сторон» [1, с. 8], – принцип, лежащий в основе данного исследования и предполагающий привлечение к анализу рукописных материалов.

Рассмотрим особенности мотивной организации романов М.А. Булгакова, определяющие неповторимость булгаковского индивидуально-авторского стиля, на примере мотива прихода дьявола в Москву, какой ей увидел писатель.

Мотив, который послужил толчком для написания романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и который сохранился на протяжении всей работы автора над «Мастером и Маргаритой», внося в повествование элементы фантастического гротеска, – это мотив прихода сатаны в Москву. Изначально это было связано с «... всемогуществом главного героя, явившимся в повестях 20-х годов устойчивым противовесом «кошмару в пиджаке и полосатых подштаниках», как именуется повествователем московских рассказов и фельетонов Булгакова постоянный их персонаж – обитатель коммунальной квартиры» [2, с. 226]. Данный мотив издавна являлся предметом внимания творцов, эстетически переосмысливаясь ими и воплощаясь в различных художественных образах; однако М.А. Булгаков предложил свою версию традиционного сюжета: мотив прихода сатаны в романе «Мастер и Маргарита» включает в себе потенциал сюжетного развёртывания, связанного с испытанием московского народонаселения.

Сам сатана появляется не только в «Мастере и Маргарите», но и в «Похождениях Чичикова», где является силой, приведшей к появлению в этом мире «мёртвых душ». В пьесе «Кабала свя-

тош» архиепископ Шаррон также имеет весьма специфический облик, напрямую указывающий на его связь с дьяволом. В «Белой гвардии» «колдовская волна» выносит «на поверхность отчаянного украинского моря» Петлюру, которого, как истинного Сатану, как позднее Воланда, все видели, но о котором никто не может сказать ничего определённого: все «начинали путаться в описаниях наружности, путать даты, указания места... «Вы говорите бритый?» – «Нет, кажется... позвольте... с бородкой»...» [3, с. 229].

Ассоциативная игра с традиционными образами используется писателем в «Театральном романе», где в образе «духа зла» появляется Рудольфи. Для поэтики повествования булгаковских романов очень важен ракурс изображения. В частности, в «Театральном романе» повествовательный фокус сосредотачивается на рефлексии воспринимающего сознания, его эмоциональном переживании происходящего. Центром изображения в романе является личность Максудова – талантливого художника, воспринимающего современную ему социальную систему как странный, противоречивый, фантастический мир. Весьма показателен, в частности, хронотоп встречи героя с редактором: Рудольфи появляется в квартире Максудова, и пространство, которое может быть рассмотрено как «своё» для героя, в то же время приобретает отчётливые признаки враждебного, «чужого» для него места.

Характерная для творчества художников-реалистов двадцатого века черта – «безбытность», отмеченная Вяч. Полонским в статье о Б. Пильняке (критик писал, что в произведениях писателя «много бытового материала», но в то же время «было бы рискованно всерьёз назвать его бытописателем – так всё в нём разворочено, смещено, остранено, и включено в вихревое обрамление, игнорирующее какой бы то ни было быт» [4, с. 139]). Эта особенность, выводящая, по мнению Вяч. Полонского, творчество Б. Пильняка за пределы реализма, является знаковой и для М.А. Булгакова, определяясь социальной проблематикой кризиса в отношениях человека и окружающей его среды. В произведениях М.А. Булга-

кова тема неустроенности, бездомности получает своё развитие от уютного дома на Алексеевском спуске («Белая гвардия»), оказавшегося в эпицентре драматических исторических событий, до известной фразы из «Мастера и Маргариты» о «квартирном вопросе», испортившем, по мнению Воланда, москвичей. В «Театральном романе» эта тема реализуется в традиционном для писателя хронотопе московской коммуналки: «Вообразите, входит Ильичин и видит диван, а обшивка распорота и торчит пружина, на лампочке над столом абажур сделан из газеты, и кошка ходит, а их кухни доносится ругань Аннушки» [3, с. 248]. На предметном уровне, связанном с мотивом прихода дьявола, подчёркивается неустроенность быта героя, вполне в духе «игрового склада булгаковского таланта», которому, по замечанию В.В. Химич, «была соприродна монтажная по сути структурная основа гротеска, не только дисгармоничными средствами воссоздающего картину дисгармоничной действительности, но и дающего абсолютную свободу авторской субъективности». Так, отсутствие масла беспокоит Максудова наравне с неудавшимся самоубийством: «Кроме того, я чувствовал, что самоубийство, прерванное на самом интересном месте, теперь уже не состоится, и, следовательно, с завтрашнего же дня я опять окажусь в пучине бедствий. Кроме того, нужно было предложить чаю, а у меня не было масла» [3, с. 258].

Первый же вопрос, с которым Рудольфи обратился к Максудову: «— А нельзя ли зажечь лампу?», — делает такую деталь, как перегоревшая лампочка, предметным знаком прихода «духа зла», нетрадиционно приносящего свет («проделавшего один из своих нехитрых фокусов», в интерпретации М.А. Булгакова), воплощенным на бытовом уровне. Читатель вовлекается в непредсказуемую игру логики смещения здравого смысла и гротескного алогизма: на вопрос Максудова «— Вы всегда носите лампочки с собой?» «дух» сурово отвечает: «— Нет, ... простое совпадение, — я только что был в магазине». Пространственные признаки события прихода «злого духа, принявшего личину редактора», к писателю, таким образом, определяют бахтинскую ситуацию «диалога на пороге» через нарушение предметно-пространственной оппозиции «дом — бездомность» (придя к Максудову домой, Рудольфи попадает в место, которое домом не является).

Принципом организации «Театрального романа» становится «вывернутая» логика, логика случайных совпадений, проявляясь, в частности, на сюжетном уровне: скромный работник «Пароходства» на самом деле — талантливый писатель. Фраза «— Боже! Это апрель! — воскликнул я, почему-то испугавшись, и крупно написал: “Конец”» демонстрирует нарушение логики на уровне причинно-следственных связей: испуг на самом деле связан не со временем года, то есть внешним фактором, а с завершением романа и началом нового периода в жизни Максудова.

Знаковое слово «почему-то», достаточно часто встречающееся в этом произведении, характеризует несовпадение внутреннего мироощущения героя и внешнего миропорядка, — и сам факт распада логических связей создаёт ощущение конфликтности, напряжённости ситуации, ещё усиливающееся благодаря последовательно проводимой мысли о нервности, странности, сложности героя, его разлада с самим собой («Я вообще человек странный и людей немного боюсь», «Это приступ неврастении, — объяснил я кошке»). Подобное напряжение приобретает в «Театральном романе» большую эстетическую значимость, и вся препозиционная ситуация прихода Рудольфи к Максудову (история написания романа, трудности с публикацией) подготавливает сознание читателя к тому, что в этом мире приход дьявола вполне укладывается в рамки логики. Рудольфи решает чью-то судьбу, выполняя функции «высшей силы». Его приход читается в координатах прихода дьявола через призму сознания Максудова, что создаёт в целом игровую ситуацию: Рудольфи предстаёт ряженым: «Тут я разглядел, что он в пальто и в блестящих глубоких галошах, а под мышкою держит портфель. “Это естественно, — подумал я, не может он в ином виде пройти по Москве в двадцатом веке”» [3, с. 257]. Появление Рудольфи обусловлено своеобразием художественного метода М.А. Булгакова, соединяющего в своём творчестве черты фантазмагорического мира с алогизмом реальности, поскольку именно редактор, и в обычной ситуации чрезвычайно важная для писателя персона, в романном мире оказывается причиной спасения жизни художника. С точки зрения синтактики мотива прихода дьявола приобретает значение игра с читательским ожиданием на сюжетном уровне: с одной стороны, читатель изначально обладает знанием о том, что сюжет построен на истории о самоубийце («Впрочем, что же

требовать с человека, который через два дня после того, как поставил точку в конце записок, кинулся с цепного моста вниз головой»), подобная повествовательная интенция реализуется также на уровне названия произведения («Записки покойника»). С другой стороны, человек, пишущий эти «Записки», по-видимому, остаётся жив после истории с револьвером – мы знаем это заранее, так как повествование построено от лица предполагаемого самоубийцы.

Событие неудавшегося самоубийства вплетается в сюжетную интенцию всего романа по принципу недосказанности, незавершённости. Первоначально заданная определённости, выраженная в названии «Записки покойника» и подчёркнутая в экспозиции, здесь обрывается, однако фактически открытый финал получает своё сюжетное завершение, и мотив появления «духа зла», вполне в соответствии с особенностями булгаковской поэтики, моделирует игровое взаимодействие в зоне между фантастическим и реальным полюсами. «Тени шутят», и дьявол оказывается редактором литературного журнала; он сохраняет жизнь герою, но в итоге бессилён что-либо изменить в мире нарушенного порядка.

В «Мастере и Маргарите» событие появления Воланда и его свиты в Москве показано через восприятие игрового сознания повествователя, выступающего здесь на различных уровнях:

– он хорошо знает московских литераторов, точно это человек из их круга («первый был не кто иной...»);

– он, на первый взгляд, сочувствует двум писателям, встретившимся с неведомым (так, при появлении перед Берлиозом «сотканного из воздуха» Коровьева повествователь в ответ на мысленную реплику персонажа «Этого не может быть!» отмечает: «Но это, увы, было»);

– это рассказчик из московского мира, знающий, что произошло с писателями («Речь эта, как впоследствии узнали, шла об Иисусе Христе»), и создающий интригу с целью усиления эффективности события («да, надо отметить первую странность этого страшного майского вечера...», «вторая странность...», третьей странностью оказался иностранец. Гоголевское «страшный майский вечер», принцип тройственности, – всё это создаёт атмосферу сказочности как один из уровней повествования);

– он всё же знает больше, чем любой московский персонаж («Приходится признать, что ни

одна из этих сводок никуда не годится»...). Это один из доводов в пользу нарочитости «промосковской» повествовательной позиции, заключающейся в близости ракурса изображения происходящего в первой главе к мировоззрению одного из персонажей московского мира романа.

Слово автора, творчески переосмысливающее культурный речевой опыт, получает своё развитие в творчестве М.А. Булгакова от ранних произведений к итоговому роману. А. Нинов, выделяя такие важные этапы работы писателя над образом автора, как создание в конце 30-х роли Автора, затем – Первого при работе над «Мёртвыми душами», замысла Чтеца в инсценировке «Войны и мира», появления голоса Издателя в «Записках покойника», формулирует заключение: «Всё творчество Булгакова в тридцатые годы – это по существу борьба за Авторство в широком смысле слова, борьба тем более отчаянная, что конкретные обстоятельства жизни писателя препятствовали энергии его творческого самовыражения на каждом шагу» [5, с. 7].

Разнообразные подвижные ролевые маски в романе «Мастер и Маргарита» создают сложное полифоническое переплетение жанровой ткани текста. Так, первая глава романа начинается в отстранённой эпической манере: «Однажды весною, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах появились два гражданина». В дальнейшем событие появления Воланда в Москве создаёт возможность для столкновения точек зрения, обусловленного сюжетной интенцией повествования и делающего всё более явной позицию заинтересованного рассказчика. Э. Проффер отмечает в своём исследовании романа «Мастер и Маргарита»: «с точки зрения стиля этот роман – наиболее свободное творение Булгакова» [6, с. 214]. Действительно, использование писателем разнообразных форм диалогизированной передачи чужого слова создаёт характерную для романного мышления ситуацию «незавершённого настоящего» (М.М. Бахтин), формирует зону «фамильярного контакта» между автором и его героями. Для анализа события перехода Воланда и его свиты в московский мир ракурс повествования имеет определяющее значение, поскольку именно точка зрения повествователя обуславливает характер топоса («иностранец в сером» чужд моделируемому в зоне события прихода Воланда образу московского рассказчика, а пространство города для этого же по-

вестователя родное, следовательно, данное пространство чуждо «иностранцу» – это связано с сюжетной ситуацией «неузнанного пришельца», незнакомца, что впоследствии подчёркивается удивлением Мастера по поводу безграмотности Иванушки и Берлиоза, причём последний, как отмечает Мастер, «хоть что-то читал»), при этом отношение к московскому миру самого «иностранца» скрыто внешним игровым уровнем. Проблеск информации на эту тему (интерес «иностранца» к новым местам, его испуг при мысли о многочисленных атеистах) также не может быть достоверным, поскольку сам «иностранец» – не просто участник игры, а её инициатор. Так, в своей игре с Берлиозом он сначала вскользь упоминает о том, что человек может случайно попасть под трамвай, а затем разворачивает целую мистификацию («Раз, два... Меркурий во втором доме... луна ушла... шесть – несчастье... вечер – семь...»), чтобы «громко и радостно» объявить Берлиозу его судьбу.

Повествовательная перспектива имеет значение при анализе временного смещения события: событие, происходящее в настоящем времени московского мира, на самом деле уже произошло («как впоследствии узнали», «Впоследствии, когда, откровенно говоря, было уже поздно, разные учреждения представляли свои сводки с описанием этого человека»). Говоря о беседе двух литераторов, повествователь романа вскользь отмечает: «Речь эта, как впоследствии узнали, шла об Иисусе Христе» [3, с. 388]. Временное смещение события, о котором идёт речь, и события самого рассказывания обусловлено появлением «духа зла», произошедшими вслед за тем событиями и расследованием «дела о гипнотизёрах». Беседа двух москвичей одновременно происходит в настоящем романа и является элементом сводки происшествий в будущем (частью истории о том, как видный литератор попал под трамвай); при этом событие рассказывания о происходящем читается в координатах повествователя – будущих рассказчиков московского мира – участников беседы, что позволяет увидеть в авторском голосе нарочито серьёзное отношение к теме, обсуждаемой писателями (антирелигиозная поэма) и в то же время – через мотив будущего наказания Берлиоза – свойственную ироничному складу булгаковского мышления ноту горького раздумья о системе, в которой получает право на признание не истинный художник, но лишь

человек, способный во имя простого благополучия писать «по заказу» на любую тему, даже посягая на Христа.

С точки зрения сюжетной интенции именно временной аспект события реализует позицию Воланда как ожидаемого «возмутителя спокойствия», инициатора игры, а само его появление позволяет рассматривать как знак наступающих перемен; кроме того, временное смещение позволяет повествователю сюжетно противопоставить социальную систему («разные учреждения») и образ сатаны, нагружая само понятие «учреждений» контекстными связями с темой бюрократизации советского режима и подготавливая будущее развёртывание мотива испытания всего современного автору общества.

Представляется значимым моментом связь рассматриваемого события с композиционным принципом произведения «Мастер и Маргарита» «роман в романе». Существенный аспект события прихода Воланда в Москву в связи с данным принципом заключается в том, что сам герой (то есть дьявол) становится рассказчиком. Меняется его речевая маска (пропадает акцент), появляется принципиально иная его позиция по отношению к новому ракурсу изображения: теперь это уже не участник происходящего, и даже не заинтересованный рассказчик, но «всеведущий повествователь». Тот факт, что именно Воланд рассказывает историю о Пилате и Иешуа, очень важен для прочтения художественного смысла произведения, в частности, для понимания своеобразно осмысленной и воплощенной в романе теме художника и его творения. Образ рассказчика ершалаимского мира, мира, увиденного в романе глазами Воланда, Бездомного, Мастера, принципиально неизменен. В этом ракурсе сама жанровая основа «роман в романе» претерпевает существенные изменения, поскольку роман Мастера перестаёт быть собственно литературным произведением, становясь вместо этого неким откровением, явленным художнику.

В целом, можно отметить, что мотив прихода дьявола в произведениях М.А. Булгакова органично включается в создаваемую писателем картину действительности, в которой алогизм происходящего, воспринимающийся как устойчивая черта поэтики художественного мира, отражает движение авторской мысли от жизненного материала, связанного с представлениями писателя об

изменившемся положении человека в новой реальности, к реально-фантастическим сюжетам.

Библиографический список

1. *Гиришман М.М.* Литературное произведение: Теория и практика анализа: Учеб. пособие. – М., 1991.
2. *Чудакова М.О.* Творческая история романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вопросы литературы. – 1976. – №1.
3. *Булгаков М.А.* Белая гвардия. Театральный

роман. Мастер и Маргарита. – Киев, 1985.

4. *Полонский Вяч.* Шахматы без короля // Полонский Вяч. О литературе. – М., 1988.

5. *Нинов А.* После катастрофы. Автор, Рассказчик, Издатель, Первый, Чтец и другие Действующие лица произведений Булгакова 1929–1939 гг. // Искусство Ленинграда. – 1990. – №1.

6. *Проффер Э.* Художник и власть. По страницам романа «Мастер и Маргарита» // Иностранная литература. – 1991. – №5.

И.В. Рудометкин

ОТРАЖЕНИЕ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ Г. СКОВОРОДЫ В ПОВЕСТИ «ЗАЯЧИЙ РЕМИЗ»

Повесть Н.С. Лескова «Заячий ремиз» во многом проясняет взаимосвязи авторского миропонимания с философскими взглядами Григория Сковороды. Идеи, волновавшие украинского философа XVIII века, оказались близки и современны писателю XIX века. Пути достижения истинного счастья, роль духовного и материального в жизни человека, отношения человека с окружающим миром – всё, что так волновало Сковороду, оказывается в центре авторского внимания в «Заячьем ремизе». Где же соприкасаются взгляды философа и писателя? Прежде всего, в объяснении природы человека, смысла его бытия и определении истинного счастья. Чтобы понять образный язык «Заячьего ремиза» или, говоря словами Н.С. Лескова, «деликатную материю», все, «что щекотливо, очень тщательно маскировано и умышленно запутано», необходимо спроецировать их на некоторые положения философии Сковороды.

Философской основой учения Сковороды является концепция «двух натур». Все сущее, по мнению мыслителя, обладает «двумя натурами»: видимой, доступной ощущениям, и невидимой, внутренней, доступной только интеллектуальному созерцанию. «Видимая натура называется тварь, а невидимая – бог», – утверждал Сковорода [3, т. I, с. 113]. Это же «раздвоение натуры» мы наблюдаем не только в высказывании Сковороды, но и в предпосланном Н.С. Лесковым эпиграфе к тексту «Заячьего ремиза», и в некоем «двойничестве» личности главного героя повести – Оноприя Перегуда. В учении Сковороды человек в его взаимоотношении с миром занимает центральное место. Это особенное положение чело-

века определяется тем, что тот, в отличие от остальных тварей божьих, наделен разумом и волей, а потому не только способен осознать свою природную сущность, но в соответствии с ней самосовершенствоваться, то есть приобретать атрибуты, свойственные «невидимой натуре». Чтобы устоять против сетей и соблазнов этого мира, каждому из людей необходимо найти моральную опору в самом себе, познать в себе «истинного» человека. Именно таков пафос учения Сковороды: «познай себя», познай в себе настоящего, «истинного» человека и действуй как настоящий, истинный человек.

В повести Н.С. Лескова «Заячий ремиз» философия Сковороды получает своеобразное отражение. В силу усреднённости и даже примитивности своей натуры главный герой ничем не защищён от того, что Сковорода называет соблазнами мира. Ни церковные обязанности, ни тем более исполнение должности станового не способствуют самопознанию и самосовершенствованию, а оборачиваются «бесовским», неразумным честолюбием. Желание Перегуда получить награду за пойманного потрясателя и «вздеть на себя орден, по крайней мере, не ниже того, как у отца Назария, а быть может, и высший», вытесняет непосредственное ощущение радости жизни. Как только честолюбие завладевает всеми помыслами Перегуда, в нём происходит «оборот во всех мыслях и во всей... жизни» [1, с. 543], пока он не приходит к мысли о покаянии и необходимости расплаты за свои «бетизы».

Можно утверждать, что и религиозные взгляды Н.С. Лескова имеют много общего с воззрениями Сковороды. Об официальной церковной

идеологии народный философ отзывался крайне отрицательно. Для служителей церкви, по мнению Сковороды, стала типичной подмена действительного благочестия и любви к истине церемониями и обрядами. На этой почве расцветают лицемерие и фарисейство духовников, для которых служение Христу превращается в средство удовлетворения желаний и стремлений, противоречащих его заветам. Отношение к религии Н.С. Лескова оказывается во многом сходным со взглядами философа. Разногласия писателя с церковью находят свое отражение в творчестве писателя. В «Заячем ремизе» это ярко проявилось в характеристике священнослужителей трёх поколений. И здесь очень важен ракурс восприятия последних. Лесков не пользуется «переводом» слова героя. В наивном восприятии образы церковников отражаются в их курьезном естестве. Отец Прокоп, например, «служил в красных чоботах и всякую неделю читал людям за обедню то “Павлечение”, которое укрепляет в людях веру, что они “рабы” и что цель их жизни состоит в том, что они должны повиноваться своим господам» [1, с. 505]. Пользуясь «закляткой» пана Опанаса, которую тот как бы дал ему перед смертью («на вічні віки щоб нікогда не було у нас в Перегудах ні жида, ні католика»), Прокоп разгоняет всех «жидов» и сам даёт деньги под проценты, дороже «жидовских». Это греховное предприятие он передает своему зятю – Маркелу, которого уже ничего не интересует, кроме прибыли от ростовщических операций. На исповеди же он предпочитает выяснение покражи огурцов со своего баштана. А вот для Назария, следующего духовного служителя перегудинского прихода, исповедь открывает серьёзные возможности проникнуть не только во «все мимо текущие прегрешения», но и в «предбудущие намерения» людей для доносительства. Пренебрегая тайной исповеди, он получает орден именно за доносы.

Отдельно следует сказать об образе архиерея. На фоне других персонажей этого ряда архиерей выделяется как незаурядная личность, во многом сходящаяся в своих представлениях со Сковородой. С точки зрения Сковороды Библия содержала неправдоподобные и фантастические, не соответствующие здравому смыслу истории и сказания. С позиции разума и в соответствии с законами природы Сковорода отрицал правдоподобие библейских чудес и высмеивал людей, верящих в них, критиковал суеверие церковников

и пребывающих в духовной темноте людей. Сходное мироотношение и у архиерея, по словам Перегуда, человека «огромных дарований и пре-страшной учености», который на все замечания о тех или иных улучшениях по его части говорил: «Верти, не верти, а треба пролагать путь посреди высыпанных курганов буйного неверия и подлых болот рабострастного суеверия» [1, с. 526]. Однако ум и «учённость» не мешают архиерею оказывать покровительство Вековечкину, который, по оценке Перегуда, «был негодай паче, нежели Регул», но владыка им «дорожил и имел его за инспектора для образования певчих». Знание архиереем Платона, Цицерона, Тацита, Плавта, Сенеки, Теренция не спасает, однако, от житейских соблазнов. Архиерей с его умом и образованностью покровительствует человеку с темным прошлым, поскольку тот превосходно знает способ успешного ведения приказных дел. Цитаты из сочинений Сковороды использует в своей речи не только архиерей, но и предводитель дворянства, к которому попадает Перегуд после поминки «потрясателя». Когда главный герой приходит в сознание в доме князя и просит предоставить себя своей участи, тот отвечает: «У вашего философа Сковороды есть одно прелестное замечание: «Цыплёнок зачинается в яйце тогда, когда оно портится», вот и вы, я думаю, теперь не годитесь более для прежнего своего занятия, а зато в духе вашем поднимается лучшее» [1, с. 585]. Приведенная цитата сопрягается с некоторыми деталями из рассказа Перегуда о высиживании им на болоте цаплиных яиц, из которых обязательно должны появиться жар-птицы. Зарождение качественного нового в отживающем, как и «зачинание» цыпленка в яйце – начало всех начал в мифопоэтическом сознании.

Главный герой повести познает свою личность, находясь в сумасшедшем доме, а вся его предшествующая жизнь оказывается косвенным отражением постоянной борьбы в его душе «истинного человека» (то есть божественной сущности) с «телесным болваном». История Перегуда демонстрирует читателю потенциальные возможности личности, наделённой не только телесным «болваном», но и духом. «Наблюдения и опыты» Оноприя Перегуда из Перегудов способствуют преобразованию жизненной «драмокомедии» в трагедию. В естественном движении к идеалу, в стремлении принести посильную помощь, помочь человечеству Оноприй Перегуд

оказывается близок Ивану Северьянычу Флягину, которому очень «за народ помереть хочется» [2, с. 320]. Оноприй Перегуд хочет поделиться обретенной Истиной, чтобы все поняли «... что им надо делать. Тогда жить и умирать не будет так страшно, как нынче!...» [1, с. 590]. И это вызывает у читателя искреннее сочувствие.

Библиографический список

1. Лесков Н.С. Заячий ремиз // Н.С. Лесков. Собр. соч.: В 11 т. Т. 9. – М., 1958.

2. Лесков Н.С. Очарованный странник // Н.С. Лесков. Собр. соч.: В 5 т. Т. 3. – М.: Изд-во «Правда», 1981.

3. Сковорода Г. Сочинения: В 2 т. – М.: АН СССР Институт философии; Изд. соц.-эконом. лит. «Мысль», 1973.

4. Анкудинова О.В. Лесков и Сковорода (к вопросу об идейном смысле повести Лескова «Заячий ремиз») // Вопросы русской литературы. – Львов: Изд-во Львовского ун-та, 1973.

Е.К. Савельева

ГОРОДСКОЙ ПЕЙЗАЖ РАННЕЙ ЛИРИКИ А.А. АХМАТОВОЙ В ОЦЕНКЕ ЗАРУБЕЖНЫХ КРИТИКОВ 70–90 ГОДОВ XX ВЕКА

Лирика Анны Ахматовой – отражение культурной, социально-политической и исторической жизни России первой половины XX века. Известный отечественный литературовед и автор книги об Ахматовой В. Вилленкин отмечал, что «отечественная и западная “ахматовина” за последние годы так разрослась, что, наверное, уже приближается по своей широте и аналитической детализации к нашему пушкиноведению» [1, с. 59]. Предмет исследования данной статьи – специфика рецепции (восприятия и интерпретации) зарубежными славистами жизни и литературного творчества А.А. Ахматовой, а именно городского пейзажа в ранней лирике. Цель работы состоит в выявлении своеобразия рецептивных подходов к образу города в поэтике А.А. Ахматовой. Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к анализу работ зарубежных ахматоведов и определяется малоизученностью избранного ракурса.

Среди англо-американских критиков, изучению творчества 1910–1920 гг. отведено одно из ведущих мест. Ахматова обрела широкую известность на Западе после присуждения ей в 1964 г. в Италии международной премии для поэтов – Этна Таормина, а в 1965 г. – степени почетного доктора Оксфордского университета. Существенно содействовали ее известности в 1970–1980-е годы литераторы третьей волны русской эмиграции. Изучение творчества Ахматовой в 1970–1980-е годы существенно стимулировало к публикации в зарубежных литературоведческих изданиях исследований советских ученых – Р.Д. Тименчика, В.Н. Топорова, Т.В. Цивьян.

В период с 1970 по 1990 годы за рубежом было выпущено 106 работ, из них 12 книг, 9 диссертаций и 83 статьи; авторы книг – корифеи зарубежного ахматоведения (Аманда Хейт, Кейс Верхейл, Сэм Драйвер, Роберта Ридер, Соня Кетчиан, Дэвид Веллс, Венди Росслин). Первой научной биографией Ахматовой по праву считается монография Сэма Драйвера (1972). Американский исследователь дал периодизацию творчества поэта, используя такие критерии, как время написания произведения, тема, структура и стиль. В дальнейшем на данную работу будут ссылаться в исследованиях более поздних годов, поэтому монографию Драйвера можно по праву назвать основополагающей в движении зарубежного «ахматоведения». Монография А. Хейт создавалась при жизни Ахматовой и под её чутким руководством, поэтому эта работа наиболее полно отражает жизненный путь поэта. По данным AATSEEL (American Association of Teachers of Slavic and East European Languages – американская ассоциация преподавателей славянских и восточно-европейских языков), Дэвид Веллс принадлежит к числу тех критиков, которые пытаются разрушить культ личности Ахматовой. По их мнению, Веллс – ученый, который пытается понять поэзию Ахматовой, не поддаваясь эмоциональной оценке истории её жизни. Работу Роберты Ридер часто сравнивают с наследием, созданным А. Хейт – обе работы носят биографический характер. AATSEEL подчеркивает, что Р. Ридер в своей работе большое внимание уделяет деталям, характеризующим жизнь поэта. Книга представляет исторические данные, социальные условия и био-

графическую информацию, так же как и разъяснение многих стихов.

Несмотря на различные темы, затронутые в исследованиях разных лет (религиозные мотивы, хронотоп, образ автора, образ лирического героя), рассмотрим вопрос, получивший широкое рассмотрение в англо-американской критике: урбанистический мотив.

Образ города и противопоставленной ему деревни типичны в наследии русской литературы. Также они характерны для поэзии Ахматовой. Местом действия в литературе нового времени часто становится город, а природа все больше и больше уступает ему. В литературе появился даже оксюморонный термин: «городской пейзаж». Так же, как и природная среда, город обладает способностью воздействовать на психику людей. Кроме того, у города в любом произведении есть свой неповторимый облик, и это не удивительно, так как каждый писатель не просто создает топографическое место действия, но в соответствии со своими художественными задачами строит определенный образ города. Зарубежные литературоведы уделяют большое внимание рассмотрению урбанистического мотива в ранней лирике Ахматовой. Исследования представлены в таких работах: статье «Функция архитектурных образов в поэзии Ахматовой» В. Росслин [2], монографии «Петербург Ахматовой» Ш. Лайтер [3] и отдельных глав книг Д. Веллса «А. Ахматова. Её поэзия» [4], Кейса Верхела «Тема времени в поэзии Ахматовой» [5], Р. Ридера «А. Ахматова. Поэт и пророк» [6]. Основными положениями работ являются следующие аспекты: архитектура города и её лирическое воплощение, Петербург и его культурная жизнь, повлиявшая на развитие и становление поэзии Ахматовой, приобщенность поэта к литературной традиции, выраженной в стихах о Царском Селе.

Рассмотрим наиболее значимые моменты вышеперечисленных работ. Американский ученый Дэвид Веллс, выдвинув концепцию экстра-текстуальности поэзии Ахматовой, говорит о методе художественного выражения через визуальное искусство, к которому он относит образ Санкт-Петербурга. Дэвид Веллс подчеркивает, что фиксированность и постоянство места, являясь одной из главных черт стихотворений Ахматовой, часто использованы с целью выделить изменчивость эмоционального состояния героини. А прием реминисценции как один из самых важ-

ных строительных блоков поэзии предоставляет читателю историческую перспективу, которую можно восстановить по некоторым сведениям о лирической героине в настоящем. Дэвид Веллс подчеркивает, что эта историческая перспектива будет в дальнейшем расширяться, основываясь на эмоциональной функции памяти. Это можно увидеть в цикле «Стихи и Петербурге».

Сердце бьется ровно, мерно
Что мне долгие года!
Ведь под аркой на Галерной
Наши тени навсегда. [7, с. 88]

Итак, Дэвид Веллс не рассматривает образ города как отдельный мотив в творчестве Ахматовой, а говорит об особенностях поэтики, настаивая на расширении границ текста за счет перемещения места действия в константном пространстве. Город – это место действия любовной драмы и декорации жизни лирической героини.

Другой исследователь Роберта Ридер, выражая свое мнение о роли реминисценции в творчестве Ахматовой, выделяет урбанистический мотив, выступающий в «Четках» и в «Вечере», в самостоятельный. Критик подчеркивает, что Ахматова, в отличие от своих предшественников символистов и футуристов, воспекает город Санкт-Петербург во всей его исторической красоте. Символистов привлекала уродливость и развращенность города, футуристы были привлечены уличным языком и технологическими чудесами. Роберта Ридер, анализируя образ города, говорит, что взгляд Ахматовой был более типичным для группы «Мира искусства», которые в своих картинах и журналах изображали Санкт-Петербург XVIII века и пушкинских времен. Они называли это восхищение прошлым. Это был «ретроспективизм», который считали частью русского возрождения, он начался во 2-ой половине XIX века. Прекрасные картины Александра Бенуа и Константина Сомова – работы типичных представителей этого времени. Действительно, американский исследователь абсолютно прав. В доказательство приведем слова В.М. Жирмунского: «Петербургский пейзаж Ахматовой был ее поэтическим открытием. “Урбанизм” ее предшественников, символистов, шел иными путями. Петербург Ахматовой показан реалистически, но вместе с тем монументально, в классической пушкинской манере, в которой личные воспоминания сплетаются с национальной историей» [8, с. 54].

Ридер продолжает свою теорию, утверждая, что Ахматова также изображает город метонимично и метафорично, чтобы открыть эмоциональное состояние, в котором она пребывала в период раннего творчества. Ее оценка твердой и прочной городской архитектуры контрастирует с взглядами о непрочности человеческой природы.

Цикл стихотворений в сборнике «Вечер», посвященных Царскому Селу, положит начало теме, которая будет развиваться на протяжении всей жизни А. Ахматовой, так как поэт столкнулась лицом к лицу с увеличивающимся трагическим опытом. Ее жизнь в Царском Селе, по мнению Р. Ридера, становится символом затишья перед грозой революции и войны. В 1911 году жизнь все еще относительно мирная. Цикл «В Царском Селе» изображает природу в ее наилучшем проявлении, наиболее типичном для того времени – расчесанные гривы лошадей и высаженные деревья. В этом игрушечном городе сложно воспринимать отношения всерьез. Сама лирическая героиня уменьшилась до размеров игрушки, как её «розовый друг какаду». Роберта Ридер выражает свое впечатление о том, что сами стихотворения городского пейзажа ведут диалог с читателем: сколько элегантности, самоуверенности, красоты, силы в этих башнях, арках, куполах, возведенных человеческой рукой, и какво непостоянство, кратковременность, горечь и горе в этих вспыхивающих человеческих тенях, исполненных внутренним непониманием, фатальным разногласием и быстрой переменой чувств. Она отмечает тяжесть и грусть этого контраста между миром и жизнью: властный шарм конструкции, возведенной человеком, и оскорбительное несовершенство его непостоянных чувств и скромной страсти.

Самый подробный анализ мотива города был произведен Шерон Лайтер. Она движется от лирического выражения города к натуральному. Анализируя непосредственно текст, она выделяет, что в ранней любовной поэзии городская скульптура функционирует как эмоциональная карта, определяющая связи, которые обозначают священные и несвященные места. Мгновенный проблеск узких каналов и «сумеречный мрак» белой ночи мы находим в первой книге Ахматовой «Вечер» (1912). Когда очертания города выясняются в «Четках» (1914) и даже более рельефно в «Белой стае» (первое издание 1917), он воспринимается в условиях пространственной дихотомии, который отделяет героиню от ее возлюбленного, и область любви от области нелюби.

Рассмотрим точку зрения Шерон Лайтер более подробно. Пространственные дихотомии могут ясно наблюдаться в стихотворениях 1913 года, в которых город появляется как непривлекательное отдаленное место, противопоставляется теплему таинственному царству возлюбленного или потенциального возлюбленного.

В стихотворении «О тебе вспоминаю я редко» контраст «его» домена и внешнего города содержится в образе «красный дом твой над мутной рекой» [7, «Белая стая», с. 112], который героиня проходит «нарочно», так как она предчувствует «вторую, неизбежную встречу с тобой». В ее коротком появлении в этих стихотворениях, воды города, представленные в традиционной негативной окраске (холодная, грязная, бурная), репрезентируется область нелюбви. Героиня идентифицирует сама себя с внешним, бурным городом; она – ахматовская «ведьма», которая появляется в строчках «над будущим тайно колдую» и «горько волну, твой ронизанный солнцем покой». В стихотворении видна парадигма – яркая, простая, мирная действительность, которую ищет героиня, и холодная, бурная реальность, к которой она принадлежит.

Подобная парадигма появляется в числе других стихотворений, где, тем не менее, у жизни «после смерти», нет никакого пространственного закрепления. Петербург как место прошлого, потери любви осматривается из нелокализованного настоящего. Стихотворение «В последний раз мы встретились тогда» [7, «Четки», с. 73] воспроизводит последнюю встречу возлюбленных на берегу Невы. Речное окружение, которое играло и будет продолжать играть такую огромную роль в любовных стихотворениях о Санкт-Петербурге, функционирует больше чем стилизованные кулисы.

Была в Неве высокая вода,

И наводнения в городе боялись...

Так традиция города как место природного бедствия (город Медного Всадника) является объективным коррелятом (термин «объективный коррелят» является характерным для формального метода зарубежного литературоведения, был введен Томасом Элиотом, относится к цепи объектов или явлений, которые постоянно вызывают в памяти определенные эмоции. – Прим. автора) для личной ситуации: достигая критической точки, воды переливаются через края ее берегов. Упрек возлюбленного семантически связан с определением «переливающихся берегов»,

так как он говорит ей, что она переступила допустимые границы как женщина

Как я запомнила высокий царский дом

И Петропавловскую крепость!

«Высокий царский дом» резонирует с «высокой водой» Невы, но если «высокая вода» — это символ нестабильности, то «высокий дом» имеет противоположную коннотацию: стабильность, прочность. Связанное с прилагательным «королевский», он образует позитивно наполненную семантическую единицу. Второй элемент воспоминания — Петропавловская крепость — добавляет понятию высоких монументальных структур коннотации как непроницаемости, так и тюремного заключения. Как будто героиня пыталась присвоить эти архитектурные структуры своей внутренней жизни, так же как и определяя их как объективный коррелят, адекватный для значимости момента.

В трактовке «воспоминаний» героини, данной в последней строфе, нет ни высокой воды, ни монументальных зданий, но вместо них — две свободные, отвлеченные субстанции — воздух и поэзия.

Затем, то воздух был совсем не наш,

А как подарок Божий — так чудесен.

И в этот час была мне отдана

Последняя из всех безумных песен.

Возвращение «последней из всех безумных песен» знаменует как конец любовной связи — отречение от любви, — так и обретение говорящим свободы как поэта, освобождение от возлюбленного, который отрицал ее право быть поэтом.

В «Стихах о Петербурге» более тщательно проработанная сеть образа города функционирует двусмысленно по отношению к вопросам гибели и выживания. Об этом говорит другой критик Кейс Верхэл. Санкт-Петербург является субъектом данного стихотворения, главной реальностью, в условиях которой Ахматова интерпретирует неудачу любовной связи. Проще говоря, героиня находит утешение в утверждении, что её любовь будет продолжать жить в бессмертии города. В формулировке Верхэла: «Чувство истории города или нации как безвременного континуума — при котором качество существования петербургской статуи и архитектурные детали служат символом — приводит к взаимосвязи с чувством безвременного расширения значимых моментов через линейный дифференциал времени в субъективном опыте» [5, с. 67]. Верхэл утверждает, что читателю не удастся взять счастливое ожидание новой жизни

ни по номинальной цене, потому что это противоречит чувству будущего, развитое ранее в стихотворении, где «она представила течение времени как временное прекращение, как безграничное расширение (навсегда...навсегда) настоящего момента, в котором предметы (нераскрытый веер мой) и архитектурные детали столицы сохраняют их реальность, но в котором личностное существование редуцировано до отраженной полужизни» [5, с. 74]. Так существование двух несопоставимых видений будущего может неудовлетворительно объяснить пустоту и отсутствие оптимизма стихотворений. Зафиксированное, неизменяемое будущее принадлежит любовной связи, свободное, динамическое будущее принадлежит смертным мужчине и женщине, которые спасли эту любовь. Она ясно отрицает необходимость «долгих лет» настоящей любви, в пользу этого духовного союза с городом. «Бессмертность» их любви основана на том, что пара стояла вместе во время «блаженного мига чудес».

Оттого, что стали рядом

Мы в блаженный миг чудес,

В миг, когда над Летним садом

Месяц розовый воскрес...

Так, по мнению зарубежных критиков, город Санкт-Петербург воплощает обнадеживающую культурную преемственность, он также символизирует негативную неизбежную судьбу, четко предсказанную сцену, на которой должна быть разыграна драма «свободного» мужчины и женщины.

Библиографический список

1. Виленкин В. Образ «тени» в поэтике Анны Ахматовой // Вопросы литературы. — 1994. — №1. — С. 57–67.
2. Rosslyn Wendy. The Function Of Architectural Imagery In Akhmatova's Poetry // Irish Slavonic Studies. — 1985. — №6. — С. 19–34.
3. Leiter Sharon. Akhmatova's Petersburg. — Cambridge University Press, 1983.
4. Wells David N. Anna Akhmatova. Her poetry. — Berg, Oxford, Washington, D.C., 1996.
5. Verheul K. The Theme of Time in the Poetry of Anna Akhmatova. — The Hague, 1971.
6. Reeder Roberta. Anna Akhmatova. Poet and Prophet. — New-York, 1995.
7. Ахматова Анна. Стихотворения и поэмы. — М., 2005.
8. Жирмунский В.М. Творчество Анны Ахматовой. — Л., 1973.

Е.С. Савельева

ПСИХОЛОГИЗМ И ЛИРИЧЕСКАЯ ЭКСПРЕССИЯ ОБРАЗОВ «ИСТОРИИ МОЕГО СОВРЕМЕННОКА» В.Г. КОРОЛЕНКО

В статье предпринята попытка охарактеризовать систему приемов психологического изображения действительности у В.Г. Короленко путем анализа текста автобиографического романа-воспоминания «История моего современника» и выявления особенностей авторского повествования.

Художественное освоение человеческого сознания принято обозначать термином «психологизм». Под психологизмом мы вслед за Л.А. Колобаевой понимаем «способы раскрытия внутренней, духовной и душевной, жизни человека» [1, с. 8].

Жанры, избираемые Короленко – рассказы с элементами автобиографизма, очерки с натуры, рассказы героев в ключе исповеди, задушевной беседы, – как нельзя лучше располагают к использованию приемов психологизма. Следует обратить внимание на то, что психологизм в изображении героев помогает читателю лучше понять не только самих героев, но и автора, который выражает свое к ним отношение, а следовательно, и авторскую идею, заключенную в произведении.

Вызывает немалый интерес проникновение во внутренний мир персонажей романа-автобиографии. Автобиографические произведения обладают очень специфическим, индивидуальным характером. Все помыслы автора автобиографической повести связаны со стремлением полнее описать жизнь своего героя, передать его психологию, его мироощущение.

Одно из ведущих мест в системе приемов психологического изображения В.Г. Короленко занимает авторское повествование.

Принципом, положенным в основу его творчества в общем и «Истории моего современника» в частности, является стремление воспроизводить события с точки зрения «тогдашнего восприятия». Осветим этот прием настолько, насколько он является средством выражения авторской субъективности.

Рассказывая о прошедших годах, Короленко всегда четко разграничивает свою теперешнюю позицию и позицию своего автобиографического героя на данном этапе его развития. Точка зрения автора может дополнять или пояснять точку зрения «современника», но она отнюдь не замещает ее. Замечательно то, что Короленко никогда не пытается скрыть свои «тогдашние» взгляды

и убеждения, даже если они идут вразрез с его современными мыслями. Он может позволить себе лишь выразить свою точку зрения на себя прежнего. Описывая первый год обучения в Технологическом институте, рассказывая о том, что приходилось голодать, Короленко говорит как бы между прочим: «В сущности это было медленное умирание с голоду, только растянутое на долгое время» [3, с. 90]. Автор не стесняется даже самых нелепых, смешных своих ошибок и заблуждений, смеется над своей восприимчивостью к литературным мотивам и типам. В стремлении найти такие слова, «которые бы всего ближе подходили к явлениям жизни» [4, с. 295], «современник» находит определение даже для своего костюма из дешевой материи, сшитого для поездки в столицу провинциальным портным: «Оставив в стороне моду, я чувствовал себя одетым с иголочки, “довольно просто, но со вкусом”» [3, с. 11]. Автор заключает эти слова в кавычки, показывая, что это и есть то определение, подобранное молодым юношей, который хочет выглядеть хорошо, презирая при этом моду и не имея для этого средств. После замечания знакомых дам о непригодности такого костюма для столицы Короленко говорит о своих чувствах: «А я остался с жуткой тоской одиночества в сердце и неприятным сознанием, что мой “немодный, но простой и изящный” костюм привлекает ироническое внимание...» [3, с. 14]. Автор опять берет характеристику костюма в кавычки. Конечно, человек, писавший эти строки, уже не думает так, и этими кавычками он подчеркивает разницу между собой и этим юношей, таким юным и наивным.

В первом томе «Истории моего современника», состоящей из пяти частей, в которых рассказывается о раннем детстве писателя, об учебе в пансионе пани Окрашевской, в жиитомирской и ровенской гимназиях, выступает именно такой образ автора. Читатель воспринимает произведение в двух временных планах, то переносясь в 50–60-е годы XIX века и становясь на позицию

ребенка, то поднимаясь к точке зрения автора на происшедшие тогда события.

Такие возвращения автора от описываемых событий к собственному современному мнению продолжают в течение всего романа. Отметим некоторую их особенность. В первых главах, свое мнение о поступках и мыслях ребенка, которым был когда-то, В.Г. Короленко по праву старшинства высказывает, как правило, в форме утверждения, пояснения, оценки: «Нравы на нашем дворе были довольно патриархальные, и всем казалось естественным, что хозяйка-домовладелица вызывает жильца для объяснений, а может быть, и для внушения» [4, с. 61] – о жильце, позволившем себе мучить «купленного» мальчика.

Также приемлема форма сентенции, морали, может даже афоризма: «В детской жизни бывают минуты, когда сознание как будто оглядывается на пройденный путь, ловит и отмечает собственный рост. Одну из таких минут я вновь пережил в эту ночь под веяние ветра и его звон в проволоках, смутный, но как будто осмысленный» [4, с. 145].

Авторское вмешательство может носить характер сообщения об исторических фактах, вносимого для освещения и прояснения событий, о которых не может быть рассказано ребенком: «В сентябре 1861 года город был поражен неожиданным событием. Утром на главной городской площади, у костела бернардинов, в пространстве, окруженном небольшим палисадником, публика, собравшаяся на базар, с удивлением увидела огромный черный крест с траурно-белой каймой по углам, с гирляндой живых цветов и надписью: “В память поляков, замученных в Варшаве”» [4, с. 105].

Имеются в тексте и замечания от первого лица, в которых чувствуется ирония, отеческая насмешка над героем: «Как давно это было, и какой я был тогда глупый... И насколько я теперь умнее того мальчишки, который припадал ухом к телеграфным столбам или гордился... чем же? Званием малыша пансионера... А вот теперь я уже “старый гимназист” и еду в новые места на какую-то новую жизнь...» [4, с. 144–145].

В главах, посвященных описанию студенческого времени, автор по-иному выражает свое отношение к поступкам героя. В повествовании явно чувствуется ирония, ее проявления пронизывают весь текст, порой являясь неотделимыми от собственных слов героя. Часто иронические мысли оформляются в замечания от первого

лица: «Во мне сложилось заносчивое убеждение, что я едва ли не самый умный в этом городе. Мерка у меня была такая: я могу понять всех людей, мелькающих передо мной в этом потоке, колышущемся, как вода в тарелке, от шлагбаума до почты и обратно. <...> А они и не догадываются, какие мысли о них и какие мечты бродят в моей голове» [3, с. 12]. Персонаж вроде бы говорит о своем превосходстве над окружающими людьми, однако мы легко вычленим скрытый смысл, вложенный автором в уста героя. Далее автор дополняет с высоты своего жизненного опыта: «Я был глуп. Впоследствии, когда я стал умнее, я легко находил людей выше себя в самых глухих закоулках жизни» [3, с. 12].

Иногда автор в своих отступлениях прибегает к форме повествования о герое в третьем лице, словно оправдывая его: «А между тем, если читатель подумает, что мой современник был так безнадежно глуп, как может показаться по описанному здесь его настроению, то он, пожалуй, ошибется. Этот застенчивый молодой человек не был лишен даже в эти минуты некоторой наблюдательности...» [3, с. 30]. Такая форма повествования помогает В.Г. Короленко стать ближе к читателю, вести с ним о герое разговор один на один, словно выведя героя в соседнюю комнату.

В «Истории моего современника», произведении, основанном на реальных фактах, встречаются отрывки, в которых говорится о заведомо вымышленных событиях, – это мечтания автора. Этим отрывкам предшествует введение читателя в иную временную протяженность – авторское воображение: «Под слитное жужжание шкивов и движение ремней мое подвижное воображение уносилось далеко от данной минуты... Еще несколько лет... Я овладею техникой, выработаюсь в такого же умного и крепкого рабочего, как этот полесский практикант» [3, с. 54]. Рубленый слог таких отрывков говорит прежде всего о твердости авторских намерений, его вере в то, что так и может действительно произойти, а также о том, что молодой человек, мечтавший в таком ключе о совершенно различных вещах, был очень открыт для всего нового и стремился не к какой-то конкретной цели, а к чему-то вовсе для него не определенному.

Далее картина меняется: расхождение во взглядах сводится к минимуму, увеличивается доля действий героя. Для прямого обращения к читателю, для выражения своей точки зрения

Короленко прибегает к отступлениям, в которых говорит о герое в третьем лице: «Читатель уже, вероятно, заметил из предыдущего, что мой современник был особенно восприимчив к воздействию литературных мотивов и типов» [3, с. 73].

В последующих главах увеличивается совпадение мнений героя и автора, поэтому автор все реже прибегает к иронии и характеристикам действий героя. Авторские отступления преследуют теперь одну цель: сделать повествование более стройным, вводя в текст сообщения, отзывы и обобщения об исторических событиях, не коснувшихся лично героя, но имеющих значение для объяснения дальнейших событий. Так, например, не называя источника сообщения, В.Г. Короленко говорит о чигиринском деле, о покушении Соловьева – событиях, происшедших в то время, когда герой находился под арестом в Литовском замке.

Для творчества писателя в целом характерно наличие второго рассказчика, ведущего повествование от первого лица [«Чудная», «Убийца», «Ат-Даван»]. Таким рассказчиком чаще всего выступает человек, случайно встреченный писателем в течение его странствий. Этот человек может быть жандармом, ямщиком, преступником – важно то, что он находится в резком социально-психологическом контрасте с самим автором.

Такое построение произведения дает возможность Короленко выразить не только свою точку зрения на описываемое событие, но и показать проблему изнутри, осветив ее так, как сам участник события ее понимает. Таким образом, определяющая черта рассказчика состоит в том, что он является частью и выразителем умонастроений, характера и речевой культуры единого целого.

В «Истории моего современника» посторонний рассказчик не присутствует. Высказывания персонажей часто имеют форму неразвернутых или развернутых реплик, после которых, как правило, следует авторское мнение, пояснение. Эта особенность продиктована избранным жанром: в автобиографическом произведении автор не должен уступать право повествования. При необходимости охарактеризовать того или иного персонажа автор часто пользуется приемом введения литературного портрета, не доверяя герою самому рассказывать о себе.

В «Истории моего современника» автор стремится к достоверному изображению действительности, что опять-таки продиктовано избранной жанровой формой автобиографического рома-

на-воспоминания. Некоторые легенды и фантастические события (мистический страх перед «тем светом», явление мары) вводятся автором в главы о детстве, чтобы показать тонкую впечатлительную натуру мальчика. После введения в текст рассказа о чем-то таинственном автор спешит объяснить действительные причины того, что ребенку или неграмотным крестьянам казалось сверхъестественным.

Портрет персонажа в художественном пространстве биографий несет психологическую нагрузку. Особенности внешности даются в сочетании с чертами характера. Рассмотрим характеристику Студенского, владельца корректурного бюро, у которого Короленко работал в 1872 году [3, с. 119–124]. Писатель представляет его нам, прибегая к литературной аналогии, усиливающей психологическую глубину образа. «Это была фигура оригинальная, в чисто диккенсовском роде».

В одном предложении ярко описана внешность Студенского. Приведем его полностью: «Высокий, худой, желтый, лицо почти безусое и дряблое, все в мелких складках и морщинках, светлые, неопределенного цвета глаза, производившие впечатление мутных льдинок, и при этом – прекрасные волнистые, светлокаштановые кудри, в рамке которых странно выступала эта безжизненная маска» [3, с. 120]. Эта краткая портретная характеристика создает отталкивающее впечатление о человеке из-за употребления слов, вызывающих определенно отрицательные ассоциации: «лицо <...> дряблое», «глаза, производившие впечатление мутных льдинок». Настороженность в настроении самого Короленко, недоверие его к этому человеку заметно благодаря противопоставлению: прекрасные кудри – безжизненная маска. Наряду с отсутствием развернутого описания можно говорить еще об одной особенности портретной характеристики: чаще всего она носит характер лейтмотива. Далее, рассказывая о Студенском, Короленко часто называет его лицо маской, руки сухими, цепкими и костлявыми, голос тусклым, мертвым, а самого его сравнивает с «сумасшедшим маниаком» или «фантастическим вампиром». Квартиру, отделанную «по странному вкусу» Студенского, где Короленко жил и работал с братом, он описывает так: «Двери и карнизы были черные, даже потолок довольно темного цвета. В общем комната напоминала гроб. От времени до времени черная дверь приоткрывалась, в ней показывалось

лицо-маска, и длинная сухая рука Студенского протягивала в щель большой корректурный лист, резко и траурно белевший на темном фоне...» [3, с. 121]. На писателя и квартира, и ее хозяин оказывали тягостное впечатление: «На меня нападала невольная оторопь».

Портрет героя, изображение его внешности используется не только как прием косвенного изображения внутреннего мира героя, но и указывает на психологическое состояние автобиографического персонажа. Настроение автора проявляется в образе героя, затем воплощается в структуре текста, все части которого подчинены общему направлению творческой мысли автора.

О своем настроении в этот тяжелый период Короленко говорит: «Не могу вспомнить без содрогания об этих двух-трех месяцах моей жизни...». Проследив за биографическими сведениями Короленко, можно понять, чем вызвано такое настроение помимо внешних особенностей хозяина корректурного бюро и обстановки. Поступая учиться в Технологический институт, Короленко был переполнен самыми высокими надеждами, мечтал попасть в Петербург как в другой мир. Но «мечта за мечтой уносится ветром...» [3, с. 116]. Прожив более двух лет в Петербурге, Короленко не окончил ни одного курса в институте, будучи подхваченным особым течением студенческой жизни. Именно в этом гробу, в корректурном бюро, к писателю приходит осознание, что город остался тем же — могучим, манящим и заманчивым миром, и лишь от человека зависит: увязнуть в бессмысленной работе или идти навстречу своей мечте. Неожиданно для себя Короленко бросает все в Петербурге и уезжает в Москву поступать в Петровскую академию. Немалую роль в этом решении сыграли, видимо, давящая обстановка корректурного бюро Студенского и ее хозяин, «фантастический вампир» с мертвым лицом-маской. Так, мы видим субъективную обусловленность между художественным восприятием действительности, рождавшим такие мрачные образы, и общим настроением писателя, окружавшей его действительностью. Этот факт подчеркивает слитность отдельных фрагментов «Истории моего современника», их объединение образом автора.

Вся структура романа-воспоминания и используемые в нем принципы и приемы создания героев подчинены авторской концепции, представлению автора о судьбе героя.

В создании образов героев автор использует систему художественных средств, которая складывалась на протяжении целых столетий: биографический элемент, систему лейтмотивов, литературные аналогии, портретные характеристики, психологизм. Работая над произведением, Короленко преследует несколько целей: описание собственной жизни, воссоздание художественной панорамы жизни России 60–80-х гг. XIX века и определение идеала человека эпохи. Для достижения поставленных целей писатель идет через приведение широчайшего литературного контекста, раскрытие духовного склада героев, проникновение в их внутренний мир. Для воплощения своего замысла писатель привлекает обширнейший фактический материал.

В.Г. Короленко отличает стремление понять внутренний мир творческой личности в его противоречивой сложности, эволюции. Характер повествовательного стиля, портретный рисунок — приемы, свойственные косвенной форме психологического изображения героев. Повествование от третьего лица дает возможность автору показывать глубоко и подробно внутренний мир героя, психологически интерпретировать его поведение. Портретные характеристики героев являются средством раскрытия психологических особенностей личности: внешние черты героев соотношены с их внутренним миром. Рассмотрев приемы создания образа главного героя, мы пришли к выводу, что они, будучи традиционными, даже обязательными для автобиографии, отражают в то же время индивидуальность писателя.

Библиографический список

1. Колобаева Л.А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX–XX вв. — М.: Изд-во МГУ, 1990. — 333 с.
2. Короленко В.Г. Собр. соч.: В 10 т. — М., 1955. — Т. 1. — 495 с.
3. Короленко В.Г. Собр. соч.: В 10 т. — М., 1955. — Т. 6. — 327 с.
4. Короленко В.Г. Собр. соч.: В 10 т. — М., 1955. — Т. 5. — 399 с.

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ Ю.П. АННЕНКОВА (на материале романа «Повесть о пустяках»)

Роман Юрия Павловича Анненкова «Повесть о пустяках» вышла в 1934 г. в Берлине и сразу же привлекла внимание читателей, в основном, русских эмигрантов, покинувших Россию после кровавых событий первой четверти XX в. Пространственным центром указанного произведения является голодный, «больной» Петербург, а главным героем – художник Коленька Хохлов, многими чертами напоминающий самого автора – Анненкова.

В книге «О психологической прозе» Л.Я. Гинзбург отмечала: «Если сила документальных жанров в непредрежденности, в том, чего “не придумаешь”, то литература вымысла, напротив того, сильна безграничными возможностями организации, потенциальным совершенством свободно рождающегося плана»¹. «Повесть о пустяках» в жанровом отношении представляет собой синтез художественных и документальных элементов с сильным, как уже отмечалось, автобиографическим началом². Вследствие этого «сила» анненковского романа состоит в том, что в нем сочетаются узнаваемые, исторически достоверные события с причудливыми поворотами сюжета, порожденными авторской фантазией.

Художник – искусство – действительность – та цепь отношений, которая является центром теории культуры. Художник является субъектом и творцом культуры, которая в своих бесконечных формах *выражает* действительность. При этом творческая личность (как существо био-социокультурное) постоянно осмысливает свое диалектически сложное единство с миром и культурой, что и составляет смысл *эстетической рефлексии*. «Повесть о пустяках» Анненкова как произведение, синтезирующее «образ» и «факт», представляет собой феномен, где присутствует и эстетическая и социорефлексия, что повышает ценность этого выдающегося произведения замечательного русского литератора и художника.

«Повесть о пустяках» раскрывает трагедию художников, переживших революцию 1917 г. (принимая или не принимая ее). За вымышленными именами героев скрываются Николай Гумилев, Натан Альтман, повествователь рассказывает о деятельности Горького и Блока, вспоминает даже о поэте

Шенье и художнике Курбе, которых коснулись революционные события далеких эпох. Однако через весь роман проходит образ Пушкина, чье имя упоминается так часто, что можно говорить о «пушкинском тексте» «Повести о пустяках».

Образ великого поэта является значимым для анненковской эстетической рефлексии, так как именно с его помощью (иногда в иронической форме) оцениваются современные автору романа события.

Рассказывая о том, как знаменитые писатели, «любимцы публики» (Анненков называет их «пеной русской культуры»), взбодораженные революцией, забастовками, войной, бродили с эстрады на эстраду, из трактира в трактир («от “Давыдки” на Владимирском в “Вену” на Морской»), повествователь не без иронии замечает, что они «произносили пьяные тосты за русскую музу, за Пушкина и за Дмитрия Цензора, травили кошек в отдельных кабинетах и не платили по счетам»³.

Вызывает усмешку уже то, что Пушкин упоминается рядом с Дмитрием Цензором (1877–1947), ныне забытым, но в 1910-е гг. весьма популярным поэтом, которого критиковали серьезные литераторы за дурновкусие. Что касается травли кошек, то в комментариях А.А. Данилевского (к указанному изданию) описывается скандал, разразившийся в 1907 г. в Петербурге. Дело в том, что несколько писателей травили украденных кошек охотничьими собаками, что широко обсуждалось в газетах. Упомянув имя Пушкина, за которого произносили тосты приятели истязателей кошек, Анненков дает реальную характеристику «пьяному десятилетию», показывает истинное лицо ныне несколько приукрашенного (и поэтому искаженного) «серебряного века». «Затхлые мебелишки» Петербурга, автографы, вырезанные поэтами на столах и стульях, рисунки, «выполненные» художниками рыбными костями и жареной картошкой на стенах кабачков, становятся бесценным свидетельством, правдивым рассказом о больном времени еще и потому, что выполнены они «на фоне Пушкина» (если вспомнить известные строки Б. Окуджавы).

Продолжая рисовать картину «пьяной» эпохи, Анненков упоминает вымышленные и реаль-

ные имена, также связанные с Пушкиным. В действительно существовавшей пивной «Черепок» (Литейный проспект, дом №12) некто Савва Керн (автор здесь же, в скобках, цитирует «Я помню чудное мгновенье») читает блоковскую «Незнакомку», а на улице две проститутки, Ванда и Мурка, также называют себя Незнакомками.

Пушкин и Блок, с одной стороны, сниженные образы пьяного Керна и двух порочных Незнамок, с другой стороны, дают возможность сравнить разные эпохи, ощутить «веселую» катастрофичность атмосферы предреволюционного Петербурга.

Совершенно, казалось бы, неожиданно цитируется газетный некролог, в котором сообщается «о смерти генерала от кавалерии Александра Пушкина, следовавшей в имении Останкино Каширского уезда» (с. 64).

В 1914 г. действительно скончался старший сын великого поэта, генерал Александр Александрович Пушкин, о чем сообщали газеты того времени. Смерть сына Пушкина, совпавшая с началом Первой мировой войны и всеобщей мобилизацией, также усиливает ощущение тревоги, которая является доминирующей эмоцией, возбуждаемой в читателе анненковским романом.

В «Повести о пустяках» упоминаются дачи на берегу Финского залива, где собирались поэты и писатели. Речь идет о дачах Анненкова и Чуковского, где бывали Маяковский, Горький, Шалапин, Есенин и многие другие. В литературном «салоне» писателя Апушина (прототипом послужил К.И. Чуковский) беседуют о культуре, о войне, читают стихи, после чего следует реплика: «Браво! Взгляните на позу: Пушкин у Пушкина, Мицкевич в салоне какой-то графини». Рядом — другая реплика, красноречиво свидетельствующая о надвигающемся голоде, нехватках, масштабы которых даже представить себе не могут легкомысленные завсегдатаи дачного «салона»: «Сегодня хлеб вздорожал на одну копейку, а пирожных в кондитерских совсем не пекли» (с. 68).

Пушкин, декабрист Пуцин, опальный Мицкевич, смешиваясь с «дезертирами», «усами Гогенцоллерна», «печеньем Эйнем» и «голубоватым рафинадом заводов Кенига», вызывают у читателя горькую усмешку, страх за русскую культуру, сочувствие к шутникам, которые вскоре будут либо расстреляны, либо уедут из страны.

Наряду с реально существовавшими режиссерами, писателями, художниками Анненков упо-

минает иных «творцов», которые создавали «сценарии» и играли свои роли на сцене истории. Писатель использует объемную и точную метафору — «режиссеры войны» (имеется в виду Первая мировая война), говоря о политиках, разжигавших страсти, отправлявших по всей России поезда со стонущими ранеными, что должно было обеспечить «необходимый подъем чувств» (с. 77).

Анненков не оставляет без внимания и В.И. Ленина (с которым был хорошо знаком отец писателя), одного из главных «режиссеров» русской революции и истории. Одна из главных героинь, Мотя Шевырева, со словами «Заметано! ... Ленин, эстет и художник, прислал в ЦК партии большевиков письмо об искусстве», принесла статью «вождя», где последний настоятельно советует относиться к восстанию «как к искусству». Общеизвестная «крылатая» фраза в романе выделена курсивом и повторяется на 3-х страницах 10 раз.

Если признать, что Ленин, Троцкий и Дзержинский, упоминаемые в произведении, были творцами, то творцами можно назвать и матросов, разгромивших дачу главного героя, заполнивших ее своими испражнениями и оставивших свой автографы на стенах жилища, где еще недавно бывали лучшие представители русской культуры.

Однако главный герой романа, художник Коленька Хохлов, был так восхищен «музыкой революции» и «гекзаметром декретов», что искренне, как и многие другие его собратья по цеху, полюбил эту революцию и поверил в нее. Поэтому нет ничего удивительного в том, что анненковская эстетическая рефлексия (и антропология) в основном рассматривает важнейшую для художников тех лет проблему: участие творческой интеллигенции в современных событиях и истории вообще.

Указанная проблема в романе рассматривается многоаспектно. В самом начале Первой мировой войны отец Коленьки Хохлова, старый революционер — народоволец, упрекал сына, уклоняющегося от службы в армии: «Ты же художник, ты же видишь, как немцы разрушают Лувенскую библиотеку, как они разрушают Реймский собор, как шаг за шагом они уничтожают памятники искусства и культуры. Ты, художник, видишь все это и остаешься хладнокровным?» (с. 86). Со временем отец, видя бессмысленные жертвы, жестокость погромов, разруху, горько разочаровался в революции, идеалах своей юности и заявил, что российская интеллигенция, «носительница нашей культуры, источник гуманитарных

идей», жила «в сфере отвлеченных идей» и поэтому «оказалась за бортом» (с. 130).

Эти слова, с глубокой болью и горечью пронесенные человеком, всю жизнь служившим народу, но признавшим в конечном итоге свое поражение, видимо, полемичны по отношению к известной статье А. Блока, в которой поэт призывает интеллигенцию содействовать революции, «слушать ее».

Вихрь революции закружил и обманул многих выдающихся людей того времени, и Анненков сообщает о том, что «Гумилев обучает милиционеров географии. Ветхий Кони читает лекции о психологии преступности в исправдоме для проституток. Ахматова влачит пайковый мешок; выдачи скудеют с каждым днем, но мешок становится все более непосильным. Аким Волынский произносит талмудические речи на собраниях «Всемирной Литературы», на Моховой... Комиссия Горького высчитывает количество калорий, необходимых для правильного питания ученых, писателей, художников...» (с. 141).

В скандально-покаянной речи отца Коленьки Хохлова, Ивана Павловича, прозвучала значимая фраза: «Политическую действительность мы всегда склонны были театрализовать» (с. 131). Автор романа продолжает развивать эту мысль и показывает, как современная ему творческая интеллигенция создает «вторую» действительность: «Раскрашенные грузовики останавливались на перекрестках: актеры на грузовиках разыгрывали агитки, колотили толстопузых капиталистов, которым под накладными ватниками было теплее других, стегали попов и белых генералов и декламировали революционные монологи в парходные рупоры» (с. 151).

Известно, что Анненков с группой художников и актеров подготовил грандиозное театрализованное «Взятие Зимнего дворца», приуроченное к третьей годовщине октябрьской революции. Более тысячи актеров бегали, кричали, потрясали оружием в Тронном и Гербовом залах дворца.

Этот реальный факт нашел отражение в «Повести о пустяках», и Анненков очень искусно вписал акт сотворения «второй» действительности в мировую культуру и историю, в которых художники всех времен и народов играли какую-либо роль. Автор романа сообщает, что в 1561 г. скульптор Леон Леони написал Микель-Анджело о том, что он занят самым пышным празднеством, какое только осуществлялось за последние

100 лет. Леони с гордостью сообщал, что в Мантуе невозможно найти ни досок, ни гвоздей, ни крыш, так как все материалы пошли на грандиозные постройки декораций.

Анненков отмечает, что «голодная» русская революция, повторенная в грандиозной феерии «Взятие Зимнего дворца», «нанизывает новое звено на общую цепь того площадного искусства, где количество становится качеством, цепь, уходящую в далекие века: уличные шествия “тела Христа”, кошунственные празднества “осла”, средневековые мистерии..., санкюлотские ритуалы Французской революции в честь Федерации» (с. 225).

М.М. Бахтин писал о том, что в России «процесс карнавального объединения народно-праздничных форм <...> не совершился: различные формы народно-праздничного веселья, как общего, так и местного характера (масленичного, святочного, пасхального, ярмарочного и т.п.) оставались необъединенными и не выделяли какой-либо преимущественной формы, аналогичной западноевропейскому карнавалу»⁴.

Анненков (вопреки Бахтину) в своем романе показал, что в России «процесс карнавального объединения народно-праздничных форм» в конце концов совершился, но не естественным путем, а... по воле большевиков! Тем не менее грандиозное зрелище так потрясло Хохлова (одного из творцов феерии), что в тот момент, когда пушки Петропавловки возвестили об окончании празднества, Коленька почувствовал, что «революция для него умерла», и заплакал. Анненков отметил, что Хохлов, как и все русские, «умел плакать над абстракциями» (с. 225). Для художника *абстракция* порой ближе и понятнее, нежели *реальность*, что является спасением и одновременно трагедией для творческой личности, не всегда способной перевести язык образов на язык понятий.

Однако революция с сопутствующими ей расстрелами, голодом, холодом, разрухой, чудовищными погромами властно вторгалась в жизнь художников, поэтов, музыкантов, актеров, доказывая, что «человеческая жизнь в большинстве случаев мало театральна <...>. В человеческой жизни, за редкими исключениями занавес падает без репетиций, как придется» (с. 296). Как ни старались люди искусства «отгораживаться» от вселенной «не материальной плотностью стен, а нарисованными цветами» (с. 156), как ни хотелось им верить, что «нет больше страшной действительности, все — лишь диккенсовская рождественская

повесть...» (с. 171), им приходилось менять «буржуйку за две простыни» (с. 157), месяцами не мыться, узнавать, что князь Петя (видимо, Гумилев) забит насмерть прикладами (одна из версий гибели поэта), слышать о зарезанных евреях, убитых красных, белых и многое другое.

Как же соотносятся искусство и действительность, каковы основные постулаты анненковской эстетической рефлексии и эстетической антропологии?

Творческая личность и творимая ею «вторая» реальность, безусловно, часто далеки от «первой» реальности. Призывы к служению и само служение революции Анненков в конечном итоге называл заблуждением, недоразумением, погубившими многих и многих. Тем не менее искусство, по мнению автора «Повести о пустяках», – это «ядро», центр Петербурга, это необходимая «сердцевина», окруженная «кольцом митингующих фабричных окраин, замешанная безликим сплавом горожан, маски которых стерты страхом и лишениями». Бесцельно и вдохновенно блуждают (и живут) питерские историки и поэты, писатели, философы и художники, искусствоведы и критики, музейщики, книжники и театралы», иногда «сходясь вместе». Так же бесцельно, подчиняясь законам природы, соединяются в каплю ртути «шарики и крупинки» (с. 245). Люди искусства, даже осознавая бесцельность и незащищенность своего труда, словно горошинки ртути, все равно продолжают свое движение и ищут себе подобных невзирая ни на что.

Подводя итоги рассмотрения анненковской эстетической рефлексии и культурной антропологии, можно вспомнить платоновскую теорию отражения идей в материальном мире или шопенгауэровское учение о двоемирии, но наиболее близким Анненкову философом был, вероятно, Ф. Ницше, считавший, что «культура – это лишь тоненькая яблочная кожура над раскаленным хаосом»⁵. Культура, с одной стороны, слаба и беззащитна перед жестокостью материального мира, с другой стороны, «раскаленный хаос» истории не в состоянии ее уничтожить, он даже в какой-то степени стимулирует ее развитие. Наконец, «яблочная кожура» – явление, насколько *необходимое, настолько и прочное*.

Примечания

¹ Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. – Л., 1977. – С. 32.

² См. об этом: Данилевский А.А. Автобиографическое и прототипическое: «Повесть о пустяках» Юрия Анненкова // Диаспора: Новые материалы. – Париж; СПб., 2001. – С. 241–290.

³ Анненков Ю.П. (Б. Темирязов). Повесть о пустяках. – СПб., 2001. – С. 59. Далее ссылки на указанное издание будут даваться в тексте статьи в скобках с указанием страниц.

⁴ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. – М., 1990. – С. 242.

⁵ Ницше Ф. «Злая мудрость», афоризм 304. Соч. Т. 1. – М., 1990. – С. 767.

Е.Е. Смирнова

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИЕМА РЕТАРДАЦИИ В «ЗАПИСКАХ ПСИХОПАТА» ВЕН. ЕРОФЕЕВА

«Все на свете должно происходить медленно и неправильно»¹, – произносит Веничка, герой поэмы «Москва – Петушки», бессознательно давая художественную формулировку «второго начала термодинамики, закона повышения энтропии, известного из школьной физики. “Медленно” здесь означает, что процесс должен быть квазистатическим, т.е. скорость процесса должна быть таковой, чтобы успевало восстанавливаться термодинамическое равновесие, и такой процесс будет обратимым. “Неправильно” означает, что процесс должен

идти в направлении увеличения энтропии, меры беспорядка, хаоса»².

Элементы семантической ясности и смутности в постмодернистском тексте сосуществуют друг с другом и выполняют множество функций, одной из которых является реализация принципа эпического торможения, или ретардации.

Для начала оговорим само понятие ретардации: это «фабульный, или композиционно-сюжетный, прием, свойственный эпическим жанрам: задержка развития сюжетного действия, замедление рассказа о событиях (повествования в узком значении).

Осуществляется посредством введения внесюжетных компонентов: статических описаний (развернутых пейзажей, интерьеров, портретов и т.п.), лирических отступлений, возвращений к «предыстории» или «междустории» героя и т.п.; нередко — посредством повторения однородных элементов (в сказке, рыцарском и авантюрном романе)³.

В текстах классического типа этот прием сознательно использовался авторами и подчинялся общей концепции произведения. В прозе Вен. Ерофеева все иначе. Рассмотрим этот вопрос подробнее на примере «Записок психопата», первого произведения автора.

«Записки психопата» представляют собой своего рода «дневник», состоящий из нескольких «глав» (временных промежутков), имеющих отдельные подзаголовки. Гармония в тексте создается на уровне его формальной организации, тогда как в повествовании законы логики и смысловые связи вообще не имеют никакой силы. Дело в том, что хаос изначально концентрируется в больном сознании героя. Подтверждение этого можно найти уже в самом начале текста:

«Стоп... чорт побери!

Интересно, какому болвану...

Какому болвану, спрашивается, интересно меня пугать в третьем часу...

В третьем ли?..

Да, вероятнее всего...

Гм, в третьем... Кто бы это мог быть... Кретинизм же это в конце концов, чорт побери...» и т.д.

Герой оказывается не в состоянии бороться с проникнувшим в его сознание хаосом. Поэтому в тексте мы получаем нагромождение причудливо скомпонованных, не связанных между собой повествовательных кусков, многие из которых могут быть представлены в качестве законченных произведений. Среди них: элементы размышлений героя на разные темы, отрывки автобиографического характера, философские эссе, диалоги посторонних людей, цитаты из чужих дневников и т.д. Все это выплескивает из себя главный герой, делая это «медленно и неправильно»:

«Я прежде всего — психопат. И поэтому нагромождение нелепостей может считаться даже достоинством...» (С. 70) — признается он.

Повествование предельно затруднено включением принципиально разных по качеству, объему и тематике отрывков. Например:

«9 мая

Господь Бог цитирует Федора Тютчева!

Смотрите на небо!

Смотрите на небо!

Это — печать Всевышней нервозности!

Проверьте исправность громоотводов и захлопните чердачные окна!» (С. 90)

«19 мая

Все в той же малиновой кофточке... страшно...» (С. 96)

Один «день» может включать в себя эпизод пьяной прогулки героя со своим другом по ночному городу, а следующий — список многочисленных донесений на В.В. Ерофеева в различные инстанции. Создается впечатление, что использование приема ретардации в «Записках психопата» становится основополагающим принципом построения текста. Связность же обеспечивается путем обозначения временных промежутков, что характерно для жанра дневниковой прозы.

Выплескивая на бумагу «больные» мысли, герой постепенно освобождает свое сознание от сконцентрированного внутри него хаоса. И мы можем предположить, что в конце «Записок...» ему это удастся. На наш взгляд, размышления героя о пустоте своего дома в последней «главе» ассоциируются с мыслью о «пустоте» внутри его самого:

«...Оставил только это, последнее... Фиолетовые занавески...

Ведь если их сбросить, каждый увидит: пусто... Нет ничего... А ведь было, наверное... Что-то было...» (С. 134)

Элементы деструкции, разрушающие сознание героя, приводят к возникновению текста, затрудненность повествования которого очевидна. Но, по мере накопления многочисленных алогичных компонентов, происходит опустошение сознания героя, а, следовательно, и снижение роли хаоса в произведении, ввиду чего мы можем говорить о просветленной концовке «Записок психопата».

Таким образом, в прозе Вен. Ерофеева дополнительный и отчасти деструктивный с точки зрения классического сюжета элемент замедления действия начинает играть здесь центральную конструктивную роль.

Примечания

¹ Ерофеев Вен. Записки психопата. — М., 2001. — С. 140. Далее ссылки на это издание даются с указанием страниц в скобках.

² Благовеценский Н.А. Случай Вени Е. Психологическое исследование поэмы «Москва — Петушки». — СПб., 2006. — С. 36.

³ Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. — М., 1987. — С. 322.

Н.М. Сергеева

ПОЭТИКА СНОВИДЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО

В статье предпринята попытка осмыслить феномен сновидения на основе современных достижений психологии и литературоведения, выяснить причины его влияния на творчество писателя, раскрыть формы выражения онирического в художественных произведениях Мережковского.

Обращаясь в литературном творчестве к многогранному феномену сновидения, художник, вольно или невольно, проникает из сферы исключительно гуманитарной в область естественнонаучную. Именно в этой отрасли знаний была разработана методологическая база и сформирован терминологический аппарат для описания онирических явлений, под которыми понимаются сновидения и другие близкие к ним проявления подсознательного – бред, галлюцинации, гипнотический транс. В связи с этим для всестороннего и объективного изучения литературных снов нам представляется необходимым рассмотрение онейросферы (в частности, сновидений) с точки зрения психологии.

Рубеж XIX–XX веков отмечен всплеском научного интереса к феномену сновидения. Особое значение в его разработке принадлежит представителям различных школ психоанализа – З. Фрейду, К.Г. Юнгу, Э. Фромму, А. Адлеру, Н. Малкольму.

В своих работах по психологии сна и снотолкованию З. Фрейд обобщил обширный и весьма ценный материал многократных эмпирических наблюдений. Исследуя природу сновидений и их особенности, он одним из первых пришел к выводу об их генетической близости с творческим процессом. Литературное произведение как продукт художественного воображения и сновидение как результат психической деятельности сновидца обладают сходными функциями. Для них характерно сгущение, концентрация содержания в образах, приобретающих символическое значение; драматизация – «превращение мыслей в ситуацию» [8, с. 324]; и смещение (или «пероценка психических ценностей» [8, с. 325]), представляющее собой перераспределение акцентов, повышение идейной значимости и эмоциональной наполненности фактов и образов, которые на первый взгляд кажутся несущественными.

Сходную позицию занимает К.Г. Юнг. Воспринимая сновидение как одну из форм проявления бессознательного, психолог отмечает, что оно не

есть зеркальное отражение сознания. Сновидение мыслит не рассудочными категориями, а образами, которые воспроизводят состояние разума, но в преломленном свете, и в равной степени содержат рациональное и эмоциональное начала. Юнг предлагает обозначить такой синтетический образ понятием «художническое видение» [11, с. 183], сближая тем самым состояния сна и творчества. Обращает внимание исследователь и на такое важное свойство творческого процесса, как спонтанность, произвольность мысли, продуцирующей особую реальность, не тождественную внешнему миру. По мысли Юнга, этим свойством в равной степени обладает и сновидение.

Подобные сближения позволяют нам понять причины столь частого обращения художественного сознания писателей к различным формам онирического. На основе достижений современной психологической науки в литературоведении XX века сформировалось направление, которое попыталось исследовать эстетическую функцию сновидений в художественном тексте. Концептуальной работой, заложившей основу семиотического подхода к сновидению, стала статья Ю.М. Лотмана «Сон – семиотическое окно».

Исследователь предлагает воспринимать сон как знак нового этапа в развитии человеческого сознания, когда «реакция, потеряв непосредственную импульсивность, еще не делается относительно свободной и, следовательно, потенциально управляемой» [3, с. 123]. С течением времени сон вытесняется на периферию сакрального пространства, «сон-предсказание – окно в таинственное будущее – сменяется представлением о сне как пути внутрь самого себя» [3, с. 125], как способ постижения собственного бессознательного.

Лотман, однако, не касается фрейдистской концепции сна, он останавливается лишь на близости этой методики с древнейшими толкованиями сновидений, берущими свое начало еще в эпохе предкультуры. Традиционно готовое сновидение представляется человеку чем-то чуждым его сознанию, продиктованным извне некой таин-

ственной силой, что выражается даже на вербальном уровне посредством пассивной конструкции: «мне снилось». Ученый же настаивает на ином понимании сна. Он называет его «семиотическим зеркалом», отражение в котором каждый человек дешифрует посредством своего языка. Причем каждый из этих языков должен обладать неотъемлемым свойством – максимальной неопределенностью, что «делает его неудобным для передачи константных сообщений и чрезвычайно приспособленным к изобретению новой информации» [3, с. 124]. Таким образом, сновидение, по мысли Лотмана, есть не что иное, как «информационно свободный “текст ради текста”» [3, с. 124].

Характерными особенностями сновидений исследователь называет:

- полилингвильность (использование сновидением эквивалента действительности – «нереальной реальности» – нечленимого единства музыкальных, зрительных, вербальных и иных пространств);
- индивидуальность (невозможность проникнуть в чужой сон);
- скрытость образа источника видения (это «нулевое пространство», по мнению Лотмана, в зависимости от типа истолковывающей культуры может заполняться различными носителями сообщения, как то божество, голос совести или голос подавленной сексуальности);
- необходимость толкователя, будь то языческий жрец или современный психоаналитик.

Все эти особенности позволяют сну (в том числе и запечатленному в художественном тексте) исполнять важную функцию в культуре, а именно: «быть резервом семиотической неопределенности, пространством, которое еще надлежит заполнить смыслами» [3, с. 126].

Онирические элементы включались в литературные произведения авторами едва ли не каждой эпохи «либо с целью психологической достоверности поведения и духовного формирования героя, либо для усиления и акцентировки фантастического, мистического, лирического, гротескового и комического, сатирического эффекта» [7, с. 7]. Предшественниками Мережковского в области введения снов в ткань художественных произведений были Жуковский и Пушкин, Гоголь и Гончаров, Достоевский и Л. Толстой. Из современников писателя мотив сна встречается в творчестве Блока, Ахматовой, Волошина, Цветаевой,

Бальмонта, Ремизова. В этом ряду не был исключением и Мережковский. В своей книге «Было и будет. Дневник 1910–1914» писатель замечает: «Что для души человека сновиденья, то для души народа легенды. Скажи мне, что тебе снится, и я скажу тебе, кто ты; скажи мне, какие у тебя легенды, и я скажу тебе, какой ты народ». В соответствии с этим положением Мережковский активно вводит в художественную структуру своих произведений различные легенды, мифы, сны, которые играли роль особых смысловых включений, раскрывающих душу героя или определяющих народные судьбы. Однако современные литературоведы обошли вниманием этот аспект его творчества, а ведь сон – прорыв в инобытие, мир ноуменальный – весьма удобная форма для выражения мистического содержания, которое провозглашалось совершенно необходимым элементом современной литературы.

Попытаемся отчасти восполнить этот пробел и обратимся к первому роману трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист» – «Смерть богов. Юлиан Отступник».

Онейросфера довольно широко представлена в романе. Писатель неоднократно включает в структуру своего произведения описания ночных грез героев: видят сны Юлиан и Констанций, Арсиноя и юродивый Парфений, дремлет природа, и даже Эллада – «богоподобная красота человека на земле» [6, с. 192] – вовсе не умерла, но спит. Остановимся на нескольких наиболее ярких случаях проявления онирического в романе.

Для постижения идейного смысла «Смерти богов» важен эпизод, передающий не то тонкий сон, не то галлюцинацию Юлиана, возникшую под воздействием дурманящих курений. Снадобья иерофанта Максима погружают Юлиана в инобытие, которое кажется ему столь же подлинным, сколь и сама жизнь: снежные горы, тучи, шум моря, – полный комплекс визуальных и звуковых ощущений, у героя не возникает сомнений в возможности и реальности таких грез. Читатель же без труда отграничит сон-галлюцинацию от основного повествования романа – видение это четко структурировано и имеет стройную композицию. Оно состоит из трех сцепленных по монтажному принципу картин, последовательно являющих затуманенному сознанию Юлиана фигуры Титана и Люцифера, а также некий голос, зовущий Савла. Перед Отступником открываются возможные жизненные пути: быть

язычником (в первой грезе мы видим античного титана Прометея, который называет Юлиана своим братом Геркулесом); отречься от Христа, дабы быть равным по силе свободному и непокорному падшему ангелу – антихристу; или же внять призыву тихого голоса. Следует отметить, что голос, который Юлиан будто бы «слышал <...> когда-то в незапамятном детстве» [6, с. 81] трижды повторяет одну и ту же фразу: «Савл! Савл! Зачем ты гонишь Меня?» [6, с. 81]. Согласно Священному Писанию, с таким вопросом обратился к Савлу – яростному гонителю христиан – Сам Бог. Услышав призыв Господа, язычник убоился и обратился ко Христу, став активным проповедником, известным под именем апостола Павла. Отождествляя своего героя с Савлом, Мережковский ненавязчиво, почти на подсознательном уровне, указывает Отступнику на путь христианства. Фактически писатель проводит Юлиана путем тех же сомнений, что занимали и его самого, ставит в ситуацию выбора, предельно драматизируя ситуацию.

Мережковский пытается и читателя убедить в оправданности подобных философских построений. Позднее в авторском комментарии к своей первой трилогии писатель пояснит: «Когда я начинал трилогию “Христос и Антихрист”, мне казалось, что существуют две правды: христианство – правда о небе, и язычество – правда о земле, и в будущем соединении этих двух правд – полнота религиозной истины. Но, кончая <...> я уже знал, что обе правды – о небе и о земле – уже соединены во Христе Иисусе» [5, с. VI]. Однако в «Смерти богов» еще сильна мысль о заведомой невозможности единой правды, о бесплодности попыток соединить несоединимое. Голос, призывающий Юлиана-Савла еще слишком слаб для того, чтобы герой избрал этот путь – путь со Христом. Отверженный и не стремящийся к этому, единственное его желание – возродить веру в Олимпийцев, восстановить Элладу – богоподобную красоту человека на земле.

Форма сновидения здесь позволяет писателю погрузить своего героя в инобытие, где возможно увидеть практически одновременно совершенно несовместимые образы. И Юлиан, действительно, не просто верит своим иллюзиям, он в них живет – действует, размышляет, вступает в диалог. Для Отступника все это не только возможная, но и абсолютно реальная ситуация.

Емкая метафорическая формула П. Кальдерона «жизнь есть сон», положенная в основу его

одноименной пьесы, получила широкое распространение в художественных и философских работах последующих эпох. В весьма популярной во второй половине XIX века книге «Мир как воля и представление» А. Шопенгауэр указывает на такое генетическое сходство между жизнью и сном, что «если стать на точку зрения вне жизни и сна, то мы не найдем в их существе определенного различия и должны будем вместе с поэтами признать, что жизнь – долгое сновидение» [10, с. 17–18]. Сходные идеи мы находим и у современников Мережковского. Так, В. Брюсов прямо говорит о стертости границ между жизнью и фантазией, явью и сновидением: «То, что мы обычно считаем воображаемым, – может быть, высшая реальность мира, а всеми признанная реальность, – может быть, самый страшный бред» [1, с. VII].

Очевидно, подобные мысли посещали и Мережковского: парафраз метафоры «жизнь есть сон» появляется в романе неоднократно. Необходимым условием перерождения обыденности в картину сновидения в сознании героя становится неправдоподобность жизненной ситуации. Причем не важен субъект восприятия событий: логику абсурда, по которой организуется то или иное событие, одинаково чутко воспринимают и цезарь, и простой человек. Яркий пример трансформации яви в сон в сознании героя – торжественное действо в честь Диониса, устроенное Юлианом. Начало праздника вполне удовлетворяло императора: «Он сидел на колеснице, запряженной белыми конями; в одной руке его был золотой тирс, увенчанный кедровою шишкой, символом плодородия, в другой – чаша, обвитая плющом; солнечные лучи, падая на хрустальное дно, отражались ослепительно, и казалось, что чаша до краев полна, как вином, солнечным светом. Рядом с колесницей шли ручные пантеры, присланные ему с острова Серендиба. Вакханки пели, ударяя в тимпаны, потрясая зажженными факелами; <...> юноши с приставленными ко лбу козлиными рогами фавнов наливали в чаши вино из кувшинов; они толкали друг друга, смеясь» [6, с. 187]. Картина светлая и радостная. Однако при ближайшем рассмотрении прекрасные вакханки оказываются гетерами, канатными плясуньями, комедиантками; фавны – кулачными бойцами, акробатами, конюхами из цирка. Стройный хор, прославляющий античного бога, сменяется хриплыми голосами, затягивающими площадную песню. Раздражение им-

ператора нарастает. Но когда изящная вакханка стала с жадностью, облизываясь, есть лепешки, а потом, «окончив, вытерла руки о пурпурный шелк одежды, выданной для праздника из придворной сокровищницы» [6, с. 188], границы реального и абсурдного совершенно стерлись. Юлиану все это показалось гадким и глупым сном. И такая ситуация в романе не единична: трет глаза старый жрец Горгий, в тайной надежде, что эллинский «учитель», представший перед ним – всего лишь сонная греза, а не император Юлиан; будто просыпается от прежней жизни Арсиноя, увидев в пустыне среди камней осколок белого мрамора. Представление о жизни как сне, характерное для многих героев романа «Смерть богов», позволяет автору объединить пространство произведения, организовать сферу игры.

Характерно, что в тексте появляются не только описания сновидений, но и смутные воспоминания о них – «счастливый сон» и «дурной сон», являющиеся своеобразными знаками последующих событий. Так, не подавшееся словесному описанию сновидение полководца Виктора (в романе нам дается только его характеристика «дурной сон»), оказалось пророческим, и гибель Юлиана, отказавшегося, несмотря на предзнаменование, надеть латы, уже не кажется случайностью.

Подведем некоторые итоги. Сны появляются в романе неоднократно, они дифференцированы по форме, семантике и выполняют в повествовании разные функции. В тексте романа можно выделить следующие ситуации онирического характера: собственно сон (в том числе и сон-кошмар), видения, галлюцинации под воздействием дурманящих веществ, воспоминания о сновидении. Чаще всего сновидения в романе четко структурированы: сон с легкостью ограничивается от реальности, начало засыпания и пробуждения обозначены соответствующими

словесными формулами, но есть и исключения. Все наиболее важные свои идеи Мережковский подает в художественном тексте посредством литературного сна персонажа, что позволяет в какой-то мере оправдать странные сближения и противоречивые метафизические схемы особенностями психологии героя, находящегося в состоянии измененного сознания, представить мистические идеи в более убедительном для читателя виде, драматизировать ситуацию. Прием сна позволяет проникнуть во внутренний мир героев, выполняя тем самым дополнительную характерологическую функцию. Онирические элементы (в частности, парафраз метафоры «жизнь есть сон») являются своеобразными сквозными мотивами, объединяющими роман в единое целое.

Библиографический список

1. Брюсов В. Предисловие // Брюсов В. Земная ось. – М., 1911.
2. Кун Н.А. Боги Древней Греции. – М., 1992.
3. Лотман Ю.М. Сон – семиотическое окно // Лотман Ю.М. Семиосфера. – М., 2000.
4. Мережковский Д.С. Эстетика и критика: В 2 т. – М., 1994. – Т. 1.
5. Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. – М., 1914. – Т. 1.
6. Мережковский Д.С. Смерть богов. Юлиан Отступник // Мережковский Д.С. Собр. соч.: В 4 т. – М., 1990. – Т. 1.
7. Нечаенко Д.А. Сон, заветных исполненный знаков: Таинство сновидений в мифологии, мировых религиях и художественной литературе. – М., 1991.
8. Фрейд З. Психология бессознательного. – М., 1989.
9. Фрейд З. Толкование сновидений. – Ереван, 1991.
10. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. – М., 1900.
11. Юнг К.Г. Психология бессознательного. – М., 2001.

В.И. Столбов

ОБРАЗ ПОЭТА В ТВОРЧЕСТВЕ А.Н. БАШЛАЧЕВА

Определенная тривиальность заявленной темы в настоящее время становится препятствием для исследователей творчества А.Н. Башлачева, желающих пользоваться новыми методами при изучении нового материала. Однако уже доказанная принадлежность автора к значительным явлениям отечественной поэзии позволяет предположить, что и на новом материале возможно добиться ощутимых результатов с помощью классических литературоведческих схем. В данной статье предпринята попытка соединить текстовый анализ и контекстуальный подход для выявления специфики поэтики А.Н. Башлачева на примере типичного в русской лирике образа поэта и поэзии.

Гипотеза данной статьи в том, что в творчестве Башлачева присутствует взаимообратимость текста и реальности для лирического героя, а впоследствии и самого поэта. Представляется, что в работе над словом и языковой тканью поэт движется от очевидного интертекста т.е. апелляции к общеизвестному факту и «массовому сознанию», к поэтике диалога (скрытых аллюзий, требующих сотворческого усилия автора – для освоения «чужого слова» – и читателя – для адекватного понимания текста) и от сопричастности культурному контексту к самодостаточному слову, максимально возможной активизации его буквального значения и семантического поля. В творчестве Башлачева последних лет («Имя имен», «Вечный пост», «Пляши в огне», «Когда мы вдвоем») мы сталкиваемся с движением текста за звучащим словом, голосом автора и бытийным значением ассоциативных, подчас только фонетических созвучий. Интертекст в таком случае также теряет свое привычное значение поля литературной и языковой игры, приобретая онтологический статус – игра идет всерьез, цитаты встречаются в освеженном новыми смыслами тексте на равных правах, а сотворенный их созвучиями текст, сюжет, неотделим от жизни автора.

Попытаемся восстановить логику становления и развития лирического «я» как в контекстуальном плане – в области интертекста или поэтики диалога, так и в плане имманентном – рассматривая динамику образа Поэта как соавтора глобального текста человеческой культуры.

Преобразование и «одушевление» художественного пространства в стихотворениях Башлачева начинается с того момента, когда прежде немой мир начинает звучать и шевелиться, хотя не сразу и не обязательно движение и звук означает выздоровление. За иллюстрацией можно обратиться к сюжетным стихотворениям «пограничного» периода, которые, благодаря своей внешне социально-сатирической проблематике традиционно считаются «ученическими» по отношению к бытовым зарисовкам В. Высоцкого и А. Галича. («Подвиг разведчика», «Случай в Сибири», «Слет-симпозиум» и др.). В «Подвиге разведчика» действительно заметно влияние В. Высоцкого – в авторских интонациях и сюжетных переключках песен о «прителевизионной» жизни обитателей коммунальной квартиры/сумасшедшего дома В случае сомнения достаточно вспомнить песни Высоцкого из серии «Диалог у телевизора», и за прямым соотношением текстов заглянуть в статью О.В. Паляя¹. Но «чужое слово» здесь служит фоном для раскрытия «одолженной» темы изнутри иной, башлачевской поэтики.

Проблема искусственного конструирования жизни со стороны тоталитарного государства и – шире – власти, массового сознания – актуальная и в бардовской среде «свободных романтиков» у Башлачева решается своеобразно, на основе характерного для его поэтики конфликта своего и «чужого» слова, музыки и шума. Отмечено, что жизнь в обработке «негативной поэтикой» была искусственным, бессознательным – безмолвным существованием². Потрясенный поэтом, лирический герой, прислушиваясь (пробуждаясь), обостренно чувствует, видит и, что важнее, слышит все вокруг: *«и время шло не шатко и не валко / Горел на кухне ливерный пирог / Скрипел мирок хрущевки-коммуналки / И шлепанцы мурлыкали у ног... Эcran. А в нем с утра звенят коньки / В хоккей играют настоящие мужчины / По радио поют, что нет причины для тоски / И в этом ее главная причина...»*. Назойливые, перебивчивые звуки не без труда находят гармонию, переходя в звон, а затем в голос и музыку. Разного рода бряканье, скрип, зудящее радио, подгоревшие пироги – голос искусственного, бездуховного (и бестелесного), фиктивного мира. Ка-

чественно значимый шаг из «негативной поэтики» заключается в смене ракурса — персонаж, ранее принадлежащий этому пространству, осознает его неполноценность, а значит, пробует услышать другие — светлые, ласковые звуки. Чаще всего чистым, животворным звуком в мире башлачевских песен назван звон — ср. «*Время колокольчиков*», «*Я люблю колокольный звон*» и др. В разбираемом сюжете звенящие детские коньки, перебиваемые засевшим в сознании персонажа штампом массовой песни, или пушистые шлепанцы-котятка — частички уже другого, новорожденного мира и воплощение его — задача героя. В сущности, автор словно заставляет персонажей пройти тот путь, который уже знаком молодому поэту — от пустой жизни, игры, бунтарства к осознанию своего «я» и активному действию, творчеству.

Пространство прежде чужой культуры («территории тишины» самой первой песни) становится дружественным Башлачеву. Очень характерно, что на этой ступени — активных поисков голоса — стираются границы между различными направлениями диалога и даже безнадежно советские цитаты не оцениваются априори негативно, как это принято в андеграунде, в том числе и в рок-поэтике «классического» периода³. Получается скорее наоборот: словно стремясь оправдать недавнюю агрессию, автор обеляет жизнью именно «нелюбимые» диссидентами от искусства изречения, а также собственноручно побитых прежде авторов. Приведем несколько примеров в защиту нашего тезиса и проследим за последовательным «превращением» заимствованных мотивов.

Если в раннем творчестве Башлачева А.С. Пушкин служил кирпичиком в стене советских мифологем («*Мороз и солнце — день чудесный / Для фрезеровочных работ*» — скомпрометированное слово — гротескное отражение искусства), то в дальнейшем оказывается важен Пушкин как автор сказок («*Спроси меня, ясная звезда / Не скучно ли долбить толоконные лбы?*»), и впоследствии — в роли поэта-пророка («*Целовало меня Лихо, только надвое разрезало язык*» — аллюзия на стихотворение «Пророк»). Причем «советский хит» о ясной звездочке легко и непринужденно чувствует себя в условиях поэтической легенды, в молитве непреходящей звезде и музе, а Пушкин на правах лирика-сказочника органично вписан в песенный хоровод природы и любви, где «все русалки о серебряном хвосте ведут по кру-

гу нашу честь» («Когда мы вместе»). «Наше» здесь уже не значит «чужое», краденое, но «общее», «бессмертное», объединяющее множество культур и сознаний в единый монолит общечеловеческого текста на языке переживаний — понимания, созвучия и любви. «Мы» — это и «Оля+Рашид», семья, соединяющая двух людей в одном сердце («Сядем рядом», «Когда мы вдвоем», «Ёжик»), и круг соратников по творчеству — от дружеской компании («Песенка на лесенке») до пушкинского поэтического братства («Петербургская свадьба», «На жизнь поэтов»). Здесь напрашивается сопоставление с прежним «мы», означающим механическое объединение. По мере динамики творчества, в целом направленного на поиск созвучия «всего со всем» «швы» между различными цитатами все менее очевидны. «Каталоги» ранних стихов математичны — смысл стихотворения восстанавливается при сложении смыслов всех цитат.

Анализируя «звуковые» образы Башлачева необходимо сказать о музыке соприкасающихся намеков в композиции авторского текста. Математикой (расчетливой, гипертрофированной музыкой) оборачиваются гимны и марши «Абсолютного вахтера» — слушатель оказывается в «скупой гармонии стен». Напротив, мелодия, «мерцание» скрытых намеков и смыслов в голосе музыканта Александра Башлачева — это словно беседа разных авторов на одном языке на слух постороннего человека (читателя) — они, понимая друг друга с полуслова, этими полусловами и перекидываются, а нам остается только трудно искать начала нитей⁴.

Еще более поздние песни, например, «Имя имен», вообще не поддаются препарированию — слушатель, пробуя «на ходу» схватить ускользающе знакомые слова очень часто впадает в состояние, близкое к гипнотическому трансу; читателю, следуя за мозаикой текста, остается только нанизывать друг на друга равноправные и параллельно развиваемые смыслы. Право естественным образом сращивать эпохи, языки, знаки, заключено в личности поэта, аккумулирующей в себе духовный опыт всех избираемых предшественников.

Прочтение слова/звука, как метафоры жизни, органично принимается возрождающимся художественным миром Башлачева — так, смысл смерти несут в его лирике и собственно снег («*Ляжет ласковый снежок / На дыру прореху; В снежном поле / Душа гуляет*»); образ смерти —

Снежной бабушки в «Егоркиной былине») и прочие «чистые» слова и предметы («В чистом поле»). Снежное поле или белый лист – ещё/уже не жизнь, но отсюда можно начинать отсчет жизни.

На раннем этапе «негативной» поэтики проблема авторства / истинности мира не была полностью проявлена, поскольку лирический герой «мы», общего лица был несвободен – нежизнеспособен на уровне аксиомы. Начиная говорить «от себя» поэт сталкивается с проблемой подлинного и фиктивного творчества, автора и скриптора. Текст – радио, телевидение, клишированная строка, гипноз «Грибоедовского вальса», воинственные мечты алкогольного патриота о «Подвиге разведчика» – пробует запрограммировать мышление и реальность, и поэтому он неизменно враждебен личности; слепое следование тексту, формуле, «чужому слову» означает смерть или равноценное с ней существование (см. все вышеприведенные стихотворения). Напротив, жизнь, опыт души, выраженный в звучащем здесь и сейчас слове Поэта-певца, способна «умыть» текст, снимая с него налет предшествующих смыслов. «Враги сожгли родную хату» воспринимается человеческой трагедией только тогда, когда герой, пройдя через недоверие к тексту, словно проверяет его для себя и произносит заново.

Пытаясь на уровне жизнотворчества преодолеть игровые установки постмодернизма, Башлачев приходит сначала к проповедническому тону, а в итоге – практически к реализации метафор Ролана Барта, наполняя буквальным, онтологическим смыслом и «жизнь как текст» (читай – заклинание) и «смерть автора» (буквальный полет в окно как реализация уже созданного «текста смерти»⁵). Мифотворческий вектор лирики Башлачева созвучен рок-сознанию в целом, находящему в жизнотворчестве, конструировании мифологических рафинированных «образцов», во-первых, продуктивный способ коллективного творчества, во-вторых, игровой интерес в духе постмодерна и, в-третьих, решение непреходящей для «бунтарского» сознания проблемы выбора. Башлачев-Поэт органично вписывается в пространство именно рок-культуры, в то время как его предшественники (Макаревич, Гребенщиков, Романов) в своих альтернативных политике мирах опирались на опыт «серебряного века». Таким образом, прежде тесный, ограниченный мирок открывается навстречу всему пространству русской и, посредством нее, мировой культуры двадцатого века⁶.

То же самое можно сказать и о жанровых новациях Башлачева: жанры *сказки* и *былины*, которые не предполагают автора, принадлежат доличностной, анонимной эпохе, но взамен не могут обойтись без Героя – «переключка», диалог современного поэта с архаическими формами повествования происходит и ощущается на уровне законов конструирования и действия текста, основ художественного пространства, заданных характеристик героя. Подобная ширина охвата, по всей видимости, означает, что автор разрабатывает универсальный, свободный от временных и жанровых рамок, заверенный мифологически образ Поэта – Барда – Героя⁷.

Исходя из установки на творчество против игры готовыми клише⁸ автор, «умывает слова», т.е. вплетает в ткань текста «чистое» (=истинное) слово, освобожденное от всех предшествующих авторской речи связей, литературных или языковых. Разрушая и строя заново, набело словосочетания в свободном порядке, придерживаясь лишь мелодической логики и гибкой системы языка, Башлачев говорит на новом языке – поверх старого, и о новой реальности – поверх прежней. Такая трактовка слова работает против автора и сотворенной им реальности – «произвольное» плетение словес в итоге разрушает язык в бесконечной подмене значений (ср. *«Воля уготована тем, кому вольготно / Мне с моею милою рай на шабаше / У меня есть все, что душе угодно / Но это только то, что угодно душе»*) но сначала поэт, по всей видимости, искренне верит в магию слова, и в этой вере находит единственный залог творчества. Башлачевский текст представляет жизнь творца (личности) как предписанный, известный и постепенно «проясняемый» человеку сюжет, где условием жизни (достоверности) героя является его искренность, верность взятой на себя миссии – подвига очищения и освящения «пустого киселя» «безъязыкой» реальности. Круги жизни – геометрический образ абсолютной гармонии и одновременно ада, куда спускается вслед за своим черновым, трудным словом поэт/музыкант (с мифологической подсветкой – Орфей, Иисус / Иешуа).

Отметим переосмысленную в устах новоявленного автора семантику круга – в раннем творчестве так очерчивалось замкнутое, пустое движение. Круг в качестве идеально завершенного пути предполагает вечность бессмертия души в слове. Идеально замкнутое, защищенное (ми-

фологическое) пространство не допускает ничего непоправимого, гибельного (ср. «Добрый полем, синим лугом / Все опушкою да кругом / Все опушкою-межою / Мимо ям да по краям.») Если Владимир Маяковский ставит «точку пули в своем конце», то Башлачев оставляет за автором право на «знак кровоточия», т.е. продолжение жизни слова в общей панораме культуры после физического гибели человека. («Несчастную жизнь / Семь кругов беспокойного лада / Поэты идут / И уходят от нас на восьмой»). Вместе с тем оба автора связывают бытие поэта с его словом, текстом, а это слово, как заговор, заклинание, может привести к демоническим силам, равняясь одержимости. Со смертью автора в жизни-тексте Башлачева «знак кровоточия» венчает писанный кровью договор с дьяволом; у Маяковского в адовых декорациях дает «прощальный концерт» флейта-позвоночник. К тому же начиная с мифологических истоков флейты (инструмент козлоногого бога) расценивалась, как принадлежность теневого, бесовского мира. Различие «мира-книги» у Маяковского и Башлачева в *просветленности* мироведения второго – лирический герой Маяковского не находит выхода из гротескных, преисподних лабиринтов жизни-текста, правила, шаблона («комната – глава в крученыховском аде»); задача Башлачева-певца – музыкальное выстраивание, перетворение жизни по мелодическим законам гармонии.

Жизнь в стихотворениях Башлачева достаточно регулярно приравнивается к листу бумаги, т.е. творению текста и самому тексту, не теряя своей бытийности, достоверности, причастности стихам и стихиям – ср. «Красной Жар-птицею, салютная маузером лающим / Время жгло страницы, едва касаясь их пером пылающим...»; «В казарме проблем банный день – промокла тетрадь...»; «после строк ставят знак кровоточия...»; «Если ветреной ночью я снова сорвусь с ума, побегу по бумаге я / Да, это путь длиною в строку, а строка коротка / Ты же любишь сама, ты же любишь сама, когда губы огнем лижет магия / Когда губы огнем лижет магия языка»). В последнем случае перед нами неоспоримо наглядное доказательство слитности магического текста и реальности, поэтической, человеческой жизни и творчества – ветер гонит огонь речи по бумаге, а «магия языка» может с равным успехом быть метафорой слова поэта и поцелуя любимого человека. Причем, заметим, что метафо-

ра «жизнь-текст» не случайно, но регулярно подкрепляется уподоблением «поэт-огонь» (ср. также «Нынче скудный день – горе горном, да смех в меха / С пеньем на плетень горлом красного петуха»). Таким образом, неизбежно гибельным – и очарованным – оказывается их встреча, столкновение, говоря на человеческом языке – творчество, слово поэта.

Мы обращаем внимание, во-первых, на то, что творчество открывается только, как минимум, двоим, причем не всегда понятно кто из них во главе. Во-вторых одушевленное любовью слово непосредственно вылечивает и далее творит мир – вне лирического, песенного текста нет никакой реальности, кроме разве что дырявого мешка (еще одна жизнь-текст-texture-ткань). Поэтика Башлачева благосклонна к множественным смыслам, но не допускает недосказанности, недоразвития звучащего слова, и в данном случае, идя на поводу фонетики, автор выговаривает зависимый от звука мир, в котором струны перебирают как зерна (читай – смыслы, жизни, имена...), а Русь и грусть неразличимы не только по историческим, но и по фонетическим причинам. «Магия языка» всегда исходит из любящей (поющей) души – вначале это любовь к женщине, человеческое чувство, поэже, по мере расширения границ и масштабов – к родной земле, миру, Вселенной.

Подводя итог рассуждениям, следует отметить, что, преодолевая – на уровне жизнетворчества – иронические установки постмодернизма, поэт приходит практически к реализации метафор Р. Барта, наполняя буквальным, онтологическим смыслом выражения «жизнь как текст» и «смерть автора». Миссия поэта (традиционная тема русской поэзии) осмысливается Башлачевым, как поиск магического языка подлинных имен, который открывается в привычных словах, «умытых», освобожденных из «несвободных» сочетаний, стереотипов. («Имя имен»). При этом подлинный текст, разворачиваясь в слове поэта, на листе бумаги, одновременно неотделим от жизни, и поэту приходится подтверждать его реальными действиями, иногда становящимися необратимыми.

Примечания

¹ Палий О.В. «Рок-н-ролл – славное язычество» (источники интертекста в поэзии А. Башлачева) // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Сб. ст. №2. – Тверь, 1999. – С. 67–73.

² Свиридов С.В. Поэзия А. Башлачева: 1983–1984 // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Сб. ст. №3. – Тверь, 2000. – С. 162–172.

³ Кормильцев И., Сурова О. Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Сб. ст. №1. – Тверь, 1998. – С. 5–33.

⁴ Проблема печатного текста и голосового исполнения музыкального произведения рассмотрена в статье Свиридов С.В. Альбом и проблема вариативности синтетического текста // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Сб. ст. №8. – Тверь, 2004. – С. 13–45.

⁵ Доманский Ю.В. «Текст смерти» в русском роке. // poetics.nm.ru.

⁶ Более подробно об этом говорится в нашей статье Столбов В.И. Мифопоэтический аспект рок-лирики (на примере творчества А.Н. Башлачева) // Поэтический мир славянства. Исследования по славянской поэзии. Сб. ст. – М.: Институт славяноведения РАН, 2006. – С. 280–287.

⁷ См. Столбов В.И. Героический миф в русской рок-поэзии 1980-х // Человек в информационном пространстве. Сб. науч. трудов. Вып. 3. – Ярославль, 2005. – С. 212–215.

⁸ См. статью Столбов В.И. Отражение массового сознания в поэзии А.Н. Башлачёва // Ярославский педагогический вестник. – 2004. – Вып. 1–2. – С. 42–47.

С.А. Стулова

КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ДИНАМИКИ ВНУТРЕННЕГО ПРОСТРАНСТВА РАННЕЙ ПОЭЗИИ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

Поэтический мир О. Мандельштама – это целое, строго структурированное пространство, все элементы которого взаимосвязаны, причем связь эта носит динамический характер: не раз и навсегда установившиеся отношения между рядом стихотворений на уровне мотивов, а постоянно возникающие новые связи элементов структуры друг с другом.

Это замечание справедливо по отношению к внутреннему пространству не только одного стихотворения, но и целого цикла. Также в единое смысловое целое организовано и пространство всей ранней поэзии Мандельштама, к которой мы относим сборники «Камень» и «Tristia».

При разговоре о поэзии О. Мандельштама неизбежны переклички: говоря об одном стихотворении, мы будем вспоминать друг за другом другие, одно и то же стихотворение будет не раз привлечено при анализе лирики под разными углами, так как одно стихотворение – это микромир, часть большого мира – поэтики цикла, поэтика цикла – часть поэтики в целом. И то, что есть в одной крошечной молекуле вещества, есть и в другой его молекуле, и во всем веществе, и наоборот. Неважно – от части к целому или от целого к части, они созданы из одного «вещества» и подвижно связаны друг с другом. И даже слово «часть» не вполне передает нашу мысль, поскольку семантика части – недостаточность,

в противовес целому, а у Мандельштама каждый элемент поэтического мира – поэтический микромир, он имеет все те же характеристики, что и целое. Это скорее не часть и целое, а микрокосм и космос.

Поскольку внутренний поэтический мир соотносится с внутренним миром поэта, а он немалым без культурных категорий и пронизан культурными импульсами, мы можем говорить о культурной динамике в целостной семантической структуре ранней поэзии О. Мандельштама. Любое произведение Мандельштама озарено культурным светом, который соединяет стихотворения тончайшими нитями семантических связей. Культурный аспект также динамичен, поскольку представляет диалог культур внутри пространства ранней поэзии Мандельштама, в результате которого семантическое наполнение мотивов и образов претерпевает изменения, обрастает новыми смыслами.

Чтобы доказать это положение, мы рассмотрим ряд стихотворений из ранней лирики Мандельштама, объединенных мотивом песка, который не получил достойного освещения в работах мандельштамоведов. Это следующие стихотворения: «В таверне воровская шайка...» (из цикла «Камень»), «Не веря воскресенья чуду...», «Еще далеко асфodelей...» и «Сестры – тяжесть и нежность...» (из цикла «Tristia»).

В таверне воровская шайка
Всю ночь играла в домино.
Пришла с яичницей хозяйка;
Монахи выпили вино.

На башне спорили химеры –
Которая из них урод?
А утром проповедник серый
В палатки призывал народ.

На рынке возятся собаки,
Менялы щелкает замок.
У вечности ворует всякий,
А вечность – как морской песок:

Он осыпается с телеги –
Не хватит на мешки рогож,
И недовольный, о ночлеге
Монах рассказывает ложь! [2, с. 33].

Как это часто бывает у Мандельштама начала «Камня», практически все пространство текста обусловлено фундирующей реальностью (термин Ю. Левина). По сути, это описание таверны, из которого поэт выхватывает важные для себя детали: воровская шайка, игравшая в домино, хозяйка, принесящая яичницу, монахи, пьющие вино – это пространство внутри таверны. С приходом утра пространственный план расширяется: появляется рынок, собаки, меняла, палатки, проповедник. Очень много деталей на малом пространстве текста, что вызывает ощущение некоторого сумбура. Но вот поэт вводит деталь, которая может относиться и к реальному плану, а может быть внесена и как не обусловленное реальностью явление:

На башне спорили химеры –
Которая из них урод?

Речь, вероятно, идет о скульптурах фантастических чудовищ на верхней балюстраде собора Парижской Богоматери. Но образ химеры отсылает нас к античной мифологии, в которой химера – порождение Тифона и Ехидны, огнедышащее чудовище с головой льва, телом козы и хвостом дракона. Семантический план, заданный глаголом «спорили», вызывает у нас ассоциации с живыми существами, а не скульптурами. Этот же семантический план, опрокинув смысловое поле «уродливое» на противоположное, вызывает ассоциации со спором трех греческих богинь – Геры, Афины и Афродиты – из-за яблока с надписью «Прекраснейшей», которое подбросила им богиня раздора Эрида. Так семантический план спора чудовищ о том, кто из них ужасней, обра-

чивается семантикой спора красавиц о том, кто прекрасней. Мифологический мотив спора женщин из-за внешности, как мы видим, даже получив противоположное значение, просвечивает сквозь новое смысловое поле. Так в один ряд с бытовыми событиями, описанными в стихотворении, встает мифологический план, который меняет заданную изначально семантику, и появляется смысловое поле вечных ценностей и греческой культуры. Поэтому уже не так странно звучат строки:

У вечности ворует всякий,
А вечность – как морской песок:
Он осыпается с телеги –
Не хватит на мешки рогож...

Поэт вводит в стихотворение мотив вечности, сравнивая ее с песком. Так в поэзии Мандельштама впервые появляется мотив песка, который далее будет развиваться и обрастать новыми семантическими планами. Почему поэт сопоставляет вечность и песок, отвлеченное понятие и конкретное явление окружающего мира? Это не только сравнение по сходству, основанное на семантическом плане неисчерпаемости, бесконечности, неограниченности. Возьмите горсть песка – и в ямку тут же осыплется новый, и вот уже и не видно, откуда вы взяли горсть. Так и вечность – человек проживает отведенное ему время, не сокращая вечность ни на миг; запасы вечности неисчерпаемы, и после смерти человека она останется такой же, как и была, как будто и не прошло время человеческой жизни. Но это не только сопоставление, но и противопоставление. Образ песка, сопоставленный с временным планом, создает в воображении образ песочных часов. А песочные часы – это уже время. А время не бесконечно, оно быстро бежит и кончается, как песок в колбе часов. Но часы можно перевернуть – и отсчет времени начинается заново – для кого-то другого – и так до бесконечности. Так в мотиве песка сопрягаются семантические планы бесконечного, текущего потока вечности и заданного границами дискретного времени, как, впрочем, и во внутреннем пространстве стихотворения. Вечность – это химеры, античная мифология, спор богинь, скульптуры, собор Парижской Богоматери. Время – это таверна, шайка воров, яичница, рынок, монахи. В финале стихотворения поэт снова возвращает читателя во внешний план стихотворения, как после увлекательной экскурсии в неизведанные глубины прошлого. И словно и не было культуры Древней Греции:

И недовольный, о ночлеге
Монах рассказывает ложь.
Но мотив песка задан, и он перекидывает смыс-
ловой мостик в другое стихотворение.

Не веря воскресенья чуду,
На кладбище гуляли мы.
– Ты знаешь, мне земля повсюду
Напоминает те холмы

.....
.....
Где обрывается Россия
Над морем черным и глухим.

От монастырских косогоров
Широкий убегает луг.
Мне от владимирских просторов
Так не хотелось на юг,
Но в этой темной, деревянной
И юродивой слободе
С такой монашкой туманной
Остаться – значит быть беде.

Целую локоть загорелый
И лба кусочек восковой.
Я знаю – он остался белый
Под смуглой прядью золотой.
Целую кисть, где от браслета
Еще белеет полоса.
Тавриды пламенное лето
Творит такие чудеса.

Как скоро ты смуглянкой стала
И к Спасу бедному пришла,
Не отрываясь целовала,
А гордою в Москве была.
Нам остается только имя –
Чудесный звук, на долгий срок.
Прими ж ладонями моими
Пересыпаемый песок [2, с. 60].

В ранней публикации в «Аполлоне» вместо
отточий были строки:

Я через овиди степные
Тянулся в каменистый Крым [1, с. 476].

Если обратиться к биографии поэта, реальные
события, лежащие в основе стихотворения, выя-
вить несложно. Стихотворение посвящено
М. Цветаевой, к которой Мандельштам в июне
1916 года ездил погостить в подмосковный Алек-
сандров. Эхо этого визита, когда поэтесса водила
Мандельштама гулять на кладбище, и звучит
в этом стихотворении. Образ М. Цветаевой в по-
эзии Мандельштама претерпел метаморфозу: из
«Авроры с русским именем и в шубке меховой»
[2, с. 57], какой она была во время встреч в Моск-
ве, она превратилась в «монашку туманную». Из

ее облика уходило европейское начало («Авро-
ра»), и обнаруживался «лба кусочек восковой» –
воспоминание о «восковых ликах» московских со-
боров. Поцелуй в лоб напоминает последнее це-
лование, внося в стихотворение семантику про-
щания и расставания:

Нам остается только имя –
Чудесный звук, на долгий срок.
Прими ж ладонями моими
Пересыпаемый песок.

Имя превращается в звук. То, что в «Камне»
было сакральным, запрещенным к употреблению
всуде во избежание обесмысливания, утраты до-
рогой душе сущности, становится простым зву-
ком, отчуждается от своего носителя, теряет ос-
мысленность.

Мотив песка вызывает в памяти мотив вечно-
сти и времени. Пересыпание песка ладонями –
образ, семантически схожий с переворачивани-
ем песочных часов. Но пересыпание песка ладо-
нями чревато тем, что песок постепенно утекает,
как время, сквозь пальцы. И пока песок не утек
сквозь пальцы окончательно, его надо срочно
передать другому. А если этот подарок значим
для поэта, значит, это не простой песок, и даже не
время, он дарит что-то дорогое для него, а что
именно, нам будет проще понять, если мы обра-
тимся к другому стихотворению.

Еще далеко асфodelей
Прозрачно-серая весна.
Пока еще на самом деле
Шуршит песок, кипит волна.
Но здесь душа моя вступает,
Как Персефона в легкий круг,
И в царстве мертвых не бывает
Прелестных загорелых рук.

Зачем же лодке доверяем
Мы тяжесть урны гробовой,
И праздник черных роз свершаем
Над аметистовой водой?
Туда душа моя стремится,
За мыс туманный Меганом,
И черный парус возвратится
Оттуда после похорон!

Как быстро тучи пробегают
Неосвященную грядой,
И хлопья черных роз летают
Под этой ветряной луной.
И, птица смерти и рыдания,
Влачится траурной каймой
Огромный флаг воспоминанья
За кипарисною кормой.

И раскрывается с шуршаньем
Печальный веер прошлых лет,
Туда, где с темным содроганьем
В песок зарылся амулет;
Туда душа моя стремится,
За мыс туманный Меганом,
И черный парус возвратится
Оттуда после похорон! [2, с. 62].

Стихотворение переключается со стихотворением «Не веря воскресенья чуду...» (мотив песка, образ «прелестных загорелых рук», тематика смерти, которая в предыдущем стихотворении вводится образом кладбища и мотивом последнего целования). Данное стихотворение – предвидение Мандельштамом своего возвращения из Крыма («Туда душа моя стремится, за мыс туманный Меганом», «пока еще на самом деле шуршит песок, кипит волна...») в Петербург 1917 года. Мотив похорон имеет отношение, скорее всего, не к биографии поэта, а к историософской катастрофе, случившейся в России. Мотив похорон вводится через образы античной культуры: луг, поросший асфоделями – атрибут царства мертвых у древних греков; Персефона – дочь богини плодородия Деметры, вынужденная треть года проводить в царстве Аида; мотив черного паруса отсылает читателя к мифу об Эгее, который бросился в море, увидев черный парус – знак смерти, который его сын Тезей, возвращавшийся с Крита, забыл сменить на белый. Так, вводя в пространство стихотворения не обусловленные окружающей действительностью реалии, которые отсылают нас к античной мифологии, поэт создает семантическое поле ощущения катастрофы, смертельной опасности, беды, случившейся за крымским мысом Меганом. Мотив этой катастрофы, рушащегося миропорядка, утраты культурных ценностей станет одним из центральных в цикле «Tristia». Аппеляция к прошлому выражается в строках:

И раскрывается с шуршаньем
Печальный веер прошлых лет,
Туда, где с темным содроганьем
В песок зарылся амулет.

Снова появляется мотив песка, но в ином окружении: «в песок зарылся амулет». Образ не менее загадочный, чем в предыдущем стихотворении, но семантика зарытого в песок амулета обращает нас к статье Мандельштама «О собеседнике», где поэт использует образ найденной в песке бутылки: «У каждого человека есть друзья. Почему бы поэту не обращаться к друзьям, к естествен-

но близким ему людям? Мореплаватель в критическую минуту бросает в воды океана запечатанную бутылку с именем своим и описанием своей судьбы. Спустя долгие годы, скитаясь по дюнам, я нахожу ее в песке, прочитываю письмо, узнаю дату события, последнюю волю погибшего. Я вправе был сделать это. Я не распечатал чужого письма. Письмо, запечатанное в бутылке, адресовано тому, кто найдет ее. Нашел я. Значит, я и есть таинственный адресат... Письмо, равно и стихотворение, ни к кому в частности определенно не адресованы. Тем не менее оба имеют адресата: письмо – того, кто случайно заметил бутылку в песке, стихотворение – “читателя в потомстве”» [3, с. 147]. Образ амулета, зарытого в песок, наполняется семантикой «поэзии, адресованной читателю в потомстве». Так и горсть песка, из строк:

Прими ж ладонями моими

Пересыпаемый песок –

обретает новый семантический план – акт дарения поэтического наследия, культурных ценностей собеседнику поэта, в качестве которого в настоящее время выступает читатель. И, конечно, тут же вспоминается другое мандельштамовское стихотворение:

Возьми на радость из моих ладоней

Немного солнца и немного меда,

Как нам велели пчелы Персефоны [2, с. 77].

Как мы знаем, образ пчел у Мандельштама связан с поэзией, поэтому акт передачи в чужие руки меда, собранного хлопотливыми пчелами, равносильно акту дарения самим поэтом его творчества последующим поколениям.

В. Иванов в книге «По звездам», которая была прочитана Мандельштамом в 1909 году и очень ему понравилась, писал: «Пересыпание золотого песка есть образ нечуждый символике религиозной: он имеет отношение к высшим состояниям мистического созерцания... Горсть песка достаточна для поэта, чтобы вообразить себя владельцем груд золота. Самые тусклые дни самого ничтожного существования он волен превратить мечтой в “духовную вечность”» [5, с. 149].

Следующее стихотворение, в котором есть мотив песка, не менее загадочно, чем предыдущие.

Сестры – тяжесть и нежности, одинаковы ваши приметы.

Медуницы и осы тяжелую розу сосут.

Человек умирает, песок остывает согретый,

И вчерашнее солнце на черных носилках несут.

Ах, тяжелые соты и нежные сети,

Легче камень поднять, чем имя твое повторить!

У меня остается одна забота на свете:
Золотая забота, как времени бремя избыть.

Словно темную воду я пью помутившийся воздух.
Время вспахано плугом, и роза землею была.
В медленном водовороте тяжелые нежные розы,
Розы тяжесть и нежность в двойные венки заплела
[2, с. 71].

В этом стихотворении сплетены практически все мотивы и образы поэзии раннего Мандельштама: мотивы тяжести, смерти, песка, меда, камня, имени, времени, воздуха, образы медуницы, осы, розы, солнца. Соединение их на столь маленьком пространстве приводит к перенасыщению стихотворения семантическими планами, которые появляются в избытке, благодаря огромному количеству свободных смысловых связей. Вероятно, этим стихотворение и привлекательно для исследователей, которые неоднократно пытались расшифровать его сложный для понимания текст. Мотив песка получает в стихотворении дополнительную семантическую окраску – остывания – и напрямую оказывается связанным с мотивом смерти: «Человек умирает, песок остывает согретый». Мотив песка вписан в семантическое поле смерти. Теплый ранее, свидетель жизни, освещенный и согретый солнцем поэтического творчества или согретый ладонями поэта, он остывает, поскольку умерли и человек, и солнце. Время человека вышло, песок в часах его жизни перетек до последней крупинки, и некому перевернуть часы. Коммуникативный

акт прервался, и песок опять превращается в атрибут вечности. Вновь теплым он станет, если его возьмет в ладони другой человек – налицо попытка диалога поэта со своим читателем. Вновь появляется мотив преемственности, акта передачи и принятия поэтического наследия.

Так, в поэтическом мире раннего Мандельштама мотив песка оказывается втянутым в семантические поля вечности – времени – смерти – поэзии – культуры – преемственности культурных ценностей – диалога автора с последующими поколениями, которые динамически развиваются, получая новое смысловое наполнение в каждом стихотворении Мандельштама, объединяют их в семантическое целое, проникнутое светом культуры и организованное внутренней динамикой.

Библиографический список

1. Мандельштам О.Э. Сочинения. В 2 т. Т. 1. Стихотворения. – М., 1990.
2. Мандельштам О.Э. Сочинения. В 2 т. Т. 1. Стихотворения; Переводы. – Тула, 1996.
3. Мандельштам О.Э. Сочинения. В 2 т. Т. 2. Проза. – Тула, 1994.
4. Левин Ю.И. О. Мандельштам. // Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. – М., 1998. – С. 9–155.
5. Тарановский К. Очерки о поэзии О. Мандельштама // Тарановский К. О поэзии и поэтике. – М., 2000. – С. 13–208.

О.Н. Иванищева

АКТУАЛИЗАЦИЯ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Антропоцентрическая тенденция в развитии современной научной мысли, а также когнитивный подход к языку предполагают обращение к человеку как носителю языка. Носитель языка – это носитель определенной культуры. По мнению современных философов, культура является результатом действия законов смыслообразования. Поэтому необходимо, в том числе, представлять себе, какой смысл вкладывают носители языка в то или иное слово, в ту или иную фразу.

Фоновые знания определяются как общий фонд, который позволяет говорящим на одном

языке понимать друг друга, как обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения [1, с. 498].

Цель статьи – представить соотношение понятий «фоновые знания» и «культурный компонент лексического значения», а также определить структуру фоновых знаний современного носителя русского языка и способ выделения элементов культуры, актуализированных в языковом сознании носителя языка, на материале художественных текстов.

Поскольку фоновые знания имеют внеязыковой характер, то встает вопрос о соотношении культурного компонента значения и фоновых знаний.

Как известно, термин «культурный компонент» как часть семантической структуры слова был введен в научный оборот Н.Г. Комлевым.

Н.Г. Комлев определяет культурный компонент как зависимость семантики языка от культурной среды индивидуума. При этом ученый признает, что культурный компонент сопутствует лексическому понятию, под которым он имеет в виду «минимальный комплекс абстрагированных свойств, выделяющих предмет и отводящих ему место в систематизированной совокупности слов-мыслей людей». Следовательно, культурный компонент — это нечто, что слово-знак выражает кроме самого себя [9, с. 111, 116].

Мысль о наличии минимума наиболее характерных отличительных признаков, которые необходимы для выделения и распознавания предмета, представлена в работе С.Д. Кацнельсона «Содержание слова, значение и обозначение». С.Д. Кацнельсон различает понятия формальные и содержательные. В формальном понятии представлен вышеуказанный минимум, подытоживается главное из того, что нужно знать о предмете, а содержательное понятие охватывает все новые стороны предмета, его свойства и связи с другими предметами. Последнее, по С.Д. Кацнельсону, в сущности то, что А.А. Потебня называл «дальнейшим значением» [8, с. 18].

Существенное, на наш взгляд, различие содержательного понятия С.Д. Кацнельсона, дальнейшего значения А.А. Потебни и культурного компонента значения состоит в том, что первые «личны»¹, а второе «народно», если пользоваться терминологией А.А. Потебни.

В работах Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова представлен своеобразный аналог содержательного понятия, рассмотренный с точки зрения преподавания русского языка как иностранного. Авторы рассматривают содержательный план слова в отличие от плана выражения, состоящий из лексического понятия и лексического фона. Лексическое понятие включает признаки предмета (по терминологии Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова — семантические доли), которые обеспечивают узнавание предмета, а лексический фон, который шире понятия, — это совокупность непонятных семантических долей, совокупность некоторых знаний, сопряженных со словом. Но и понятие, и фон — языковое явление. Они оба лежат на пересечении языка и культуры [5, с. 70–75].

Не случайно в работах современных исследователей отмечается тот факт, что культурный элемент — это отражение в значении национально-специфического восприятия тем или иным народом каких-либо реалий, фрагментов действительности и даже чистых конструктов народного сознания [14, с. 62–64]. «Народность» подчеркивается и в определении культурного компонента значения как того объема информации, который у говорящих на каком-либо языке связывается со словом (или словосочетанием) [2, с. 84].

Таким образом, отличие культурного компонента значения и фоновых знаний определяется соотношением *минимум-максимум*. Кроме того, при определении объема фоновых знаний необходимо, с нашей точки зрения, различать их когнитивную и коммуникативную сущность.

В первом случае важно, что фоновые знания по своей природе имеют внеязыковой характер и как часть имплицитного контекста (фоновые знания коммуникантов о предшествующей ситуации) являются одним из видов пресуппозиции.

Во втором случае фоновые знания определяются как общий фонд, который, по определению О.С. Ахмановой, позволяет говорящим на одном языке понимать друг друга.

Актуализация *когнитивной* сущности фоновых знаний дает возможность выявить обыденные (ненаучные) представления о мире носителя языка, например, то, что связано у него с тем или иным словом. Актуализация *коммуникативной* сущности фоновых знаний позволяет говорить о том, что есть определенный «коммуникативный минимум», необходимый, для того чтобы общение состоялось. Не весь объем знаний, «стоящих» за словом у носителя языка, является востребованным при коммуникации и представляется обязательным условием для правильного восприятия. Более того, этот объем часто трудно определить даже носителю языка.

Фоновые знания многослойны: можно знать о предмете, как он выглядит, для чего используется, можно иметь в виду образ, который ассоциируется с данным предметом. В самом общем виде фоновые знания можно представить как соединение фактической и эмоционально-оценочной сторон: с одной стороны, факты, информация о предмете (вид, свойства, функции, роль, назначение), а с другой — стереотипы его восприятия (эмоции, оценка, символичность для данной культуры, ассоциации).

Фоновые знания о реалии имеют полевою структуру: в центре представлены знания, которыми обладает большая часть носителей языка (ядро), а на периферии находятся групповые и индивидуальные фоновые знания (знания, которые имеют носители, относящиеся к разным социальным (возрастным, профессиональным, общественным) группам и та информация, которая актуализируется в сознании носителя языка – индивидуума).

Очевидна трудность различения типичных признаков реалии (ядро) и индивидуализированного образа (периферия) – проблема, которая встает и в ассоциативном и в когнитивном эксперименте.

Думается, что использование в качестве «информанта» художественного текста может сыграть существенную роль в определении признаков реалии, которые актуализируются в сознании *типичного* носителя языка. Построение текста основано на стереотипах культуры (так следует делать, говорить, реагировать и т.д.). Поэтому понимание/непонимание текста основано на знании этих стереотипов.

Например, почему все носители языка одинаково воспринимают текст, в котором есть культурно-коннотированное слово? Культурно-коннотированные слова, или реалии, как известно, – слова, обозначающие предметы материальной и явления духовной культуры какого-либо общества. Все носители одного языка и одной культуры имеют общие знания о предмете национальной культуры (реалия-предмет), поэтому реалия-слово воспринимается ими однозначно. И наоборот, носители другого языка и культуры нуждаются не просто в переводе (не случайно эту лексику называют безэквивалентной), а в толковании слова.

Художественный текст как хранитель фоновых знаний по-разному «представляет» признаки реалии. Роль текста, прежде всего художественного, в актуализации элементов культурного компонента культурно-коннотированного слова уже исследована нами [7]. В данной работе мы сосредоточим внимание на вопросе о том, как выделить признаки реалии, используя контекст, какие способы выявления фоновых знаний подсказывает нам структура художественного текста.

Представление признаков реалии в тексте либо имплицировано, либо эксплицировано.

Признаки имплицированы, когда культурно-коннотированное слово функционирует на уровне *нейтральной* лексики. Тогда найти признаки реалии (если они есть в тексте) можно только зная их.

См. примеры: (1) *Расположенная недалеко от дома пельменная была издавна его кормилицей и проклятьем. Можно бы потратить четверть часа и приготовить дома приличную еду. Вместо того, проклиная свою лень, Костя сворачивал с гастрономического дерзновенного пути и переступал порог осточертевшего пищеблока. Так случалось всегда, когда он был не в настроении или когда ему начинало казаться: холостяцкая жизнь – верная гибель* [11].

Толкования словарей (*пельменная* – *закусочная, в которой основным блюдом являются пельмени* [15, с. 1312]; *род столовой, закуской, где подают, готовят пельмени* [3, с. 790]) не дает представления об образе «забегаловки», где на скорую руку, часто стоя, питались сытным, вкусным, но недорогим блюдом. Для многих пельмени были даже своего рода деликатесом, но дух советской столовой, с ее чанами и запахом, портил впечатление от еды. В тексте признак реалии «*пельменная*» – еда на скорую руку – имплицирован, но читатели – носители языка и культуры этот признак реалии отмечают.

(2) *Она хорошо одевалась. Джинсовая юбка-брюки, высокие сапоги, белый брючный костюм, дубленка, меховая шляпа... – когда такое было еще острым дефицитом. Она излучала энергию – жизненную, социальную, интеллектуальную, любовную. Всех знала, все читала, говорила на пяти языках, водила машину и прекрасно держалась в любом обществе. Эти достоинства венчались главным – она принадлежала мне, иногда казалось, мне одному* [6].

Слово «дефицит» хорошо известно поколению советских людей, но словари не отражают всю гамму ассоциаций, связанных с этим словом у носителей языка (*дефицит* – *недостаток чего-л., нехватка в чем-л.; недостача* [3, с. 255]; *товар (ресурс), которого нет в достаточном количестве* [15, с. 526]; *вещь, товар, имеющиеся в недостаточном количестве и пользующиеся повышенным спросом* [16, с. 303]). Текст, не называя признаков реалии, создает подтекст, понятный русскому читателю: человек, имеющий дефицитные товары, относится к элите общества, обладает связями и денежными средствами, чтобы их купить.

Если признаки реалии в тексте эксплицированы, то культурно-коннотированное слово функционирует как национально специфическое, или, точнее сказать, *культурно специфическое*: оно

является символом определенной культуры или определенной эпохи в жизни данного государства.

Признаки реалии эксплицируются при использовании приемов типизирования (как обычно, как все делают) и противопоставления (сопоставления, сравнения).

См. примеры: (1) *В те кануны в Лету времени такое учреждение, как киностудия мультфильмов, могло позволить держать на жалованье юродивых. Исстари известно: подобные существа на Руси приносили удачу. И администрация продолжала потихоньку эту языческую практику* [11]; (2) – *На дорожку! – хохотнул господин Мидзуэмон, запустил пятерню за пазуху красного кимоно и вытянул три деревянные чарки. – Русские всегда так делают, а наша несравненная отправляется как раз в их чертову дыру. Чтобы сокрушить противника, надлежит изучить его повадки, и когда вдруг окажешься с ним нос к носу, знаниям этим не будет цены* [11].

В данных примерах типизированы признаки реалий «юродивый» и «на дорожку». Последняя реалия относится к типу культурно-коннотированных сочетаний (термин В.П. Беркова). В обоих случаях подчеркнут признак «обычно, всегда» по отношению к данной культуре и к данному народу. Таким образом подчеркивается специфичность реалии, которая для читателя-носителя языка и так очевидна.

Прием сопоставления (сравнения, противопоставления) позволяет эксплицировать признаки реалии на основе включения последней во внутрикультурный и межкультурный ряд. В первом случае реалия представлена в одном денотативном ряду с явлениями той же культуры, во втором – с явлениями чужой культуры.

Ср. примеры: (1) *Конечно, было жалко. Отдать свой раритет... Все равно что "Победу" или "Чайку", такую совершенную и законченную, такую невероятную в потоке нынешних машин, поменять на скучные – "земные" и приземистые – "Жигули"* [12]; (2) *Три года, проведенные в Варшаве, остались на всю жизнь самыми счастливыми. Он перестал видеть во сне мать, перестал мочиться во сне, дед больше не лупил его, так как целыми днями был занят на заводе. И еще дед как-то помолодел, мурлыкал фронтовые песенки, вместо "Беломора" стал курить болгарские сигареты* [10].

В примере (1) реалии, обозначенные номенклатурными названиями (Победа, Чайка, Жигу-

ли), противопоставлены по признаку престижности (раритетности) (Жигули – худшего качества, Победа, Чайка – лучшего). В примере (2) денотативный ряд тематической группы «сигареты» представлен реалиями разных культур, хотя противопоставление идет по тому же признаку (курить болгарские сигареты – значит иметь иной статус).

Кроме того, пример (2) представляет собой сопоставление по автостереотипному ряду, когда носитель языка оценивает свою реалию в сравнении с чужой. Выделяется и сопоставление по гетеростереотипному ряду, когда реалия представлена глазами носителя другой культуры. См. примеры: (1) *Гастрономия не входит в число пражских прелестей. Царит свинина, а сильнейшим разочарованием в Праге стали кнедлики: вознесенные Гашеком в поэтическое достоинство, они оказались ломтями вареного теста – торжество литературы, позор кулинарии* [4]; (2) *Мара мне не жена. Она – girl-friend. Это трудно перевести на русский. Мне – трудно. По мне, это звучит так: мы не чужие и не одно целое. Не – свои, не – чужие. Отношения наши – это война, но, конечно, не настоящая. В настоящей войне ты или свой, или чужой. А у нас это не так, на уровне дипломатии: то холодная война, то жаркие поцелуи* [13].

Художественный текст – источник, с помощью которого можно выделить элементы культуры, актуализирующиеся в сознании носителя языка. Эти элементы чаще всего не отражены в словарях, а их знание чрезвычайно важно, чтобы правильно понимать собеседника.

Примечание

¹ С.Д. Кацнельсон, однако, отмечает неоднозначность этого положения по отношению к содержательному понятию. Он пишет о том, что формальные понятия тяготеют к сфере народного языка и не терпят индивидуальных отклонений, а содержательные понятия, напротив, их допускают. Но и те, и другие социальны [8, с. 24].

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов: 2-е изд., стереотип. – М., 2004.
2. Берков В.П. Слово в двуязычном словаре. – Таллин, 1977.
3. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000.

4. Вайль П. Гений места. – М.: Изд-во Независимая Газета, 2000.
5. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: 2-изд. – М., 1976.
6. Жолковский А. Through a Glass, Darkly, или 20 виньеток о нелюбви // Новый мир. – 2006. – №10. – С. 71–94.
7. Иванищева О.Н. Лексикографирование культуры в двуязычном словаре: Дисс. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2005.
8. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение: 2-е изд., стереотипн. – М., 2004.
9. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. – М., 2003.
10. Кривошеина К. Недоумок // Звезда. – 2006. – №10. – С. 7–56.
11. Новожилов Г. Московский Бисэй // Новый мир. – 2006. – №10. – С. 3–29.
12. Савельев И. Гнать, держать, терпеть и видеть // Новый мир. – 2007. – №1. – С. 8–32.
13. Солнцев Ю. Куда падают листья // Звезда. – 1998. – №10. – С. 26–64.
14. Солодуб Ю.П. Структура лексического значения // Филол. науки. – 1997. – №2. – С. 54–66.
15. Толково-энциклопедический словарь. – СПб.: «Норинт», 2006.
16. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складчиковской. – М.: Эксмо, 2006.

А.В. Насыбулина

СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РУССКИХ ЗАГАДОК

Если «местом рождения» русской народной загадки (РНЗ) можно считать крестьянскую среду, а сама традиционная загадка условно может быть названа «деревенской», то основными центрами переосмысления и преобразования загадок стал город, с его бесспорным превосходством в развитии и внедрении новых технологий, проникновением новых веяний культуры. Новые реалии в современных трансформах загадок могут весьма органично накладываться на совершенно иное загаданное – ср.: традиционное *Сам гол (наг), а рубашка в пазухе (свеча и светильня)* и запись 2006 г.: *Сам гол, а рубашка в пазухе (боди-арт)*.

Трансформации в одинаковой степени могут затрагивать план содержания (ПС) русских народных загадок и план выражения (ПВ). Отсюда выделяем два основных типа трансформов: 1) ПС (означаемое) один > ПВ (означающее) от двух и больше. Например, *Два конца, два кольца, по середине гвоздик; Два конца, два кольца, а в середине гвоздик; Два конца, два кольца, в середине гвоздик (ножницы);* 2) ПВ один > ПС от двух и больше: *Два конца, два кольца, по середине гвоздик (ножницы, жертва маньяка, геевская свадьба, очень «навороченный» новый русский)*. Первый тип представляет собой структурное варьирование, а второй собственно является семантическим преобразованием. Современный материал показывает, что семантическая трансфор-

мация может усложняться наложенной на ПВ вариативностью.

Структурно-семантические преобразования РНЗ разнообразны: расширение/сокращение компонентного состава, замена компонентов, изменения в их расположении, полная деформация, перемещение смыслового центра, контаминация и т.д. При этом образная основа всех возможных трансформаций какой-то одной паремии имеет общую часть, мотивированную семантическими ассоциациями лексических компонентов с исходным значением.

Наряду с продуктивными моделями трансформов имеются индивидуально-авторские трансформации, где каждая преобразованная единица имеет свое индивидуальное значение и внутреннюю форму. Создавая такие трансформы, носитель языка пытается строить языковую игру, затрагивая фонетические, лексические, морфологические, синтаксические особенности паремии.

Процесс трансформации потенциален для всего фонда РНЗ: практически каждая паремия может быть подвергнута преобразованию с течением времени. «За века существования загадок в народном быту сменилось несколько экономических укладов жизни, и каждый из них оставлял свой след в загадках», – так определил условия бытования загадки во времени В.П. Аникин [1, с. 67]. Непременным условием бытования загадки в языковом социуме является необходи-

мое у членов этого социума представление о загаданном предмете. Если предмет как реалья утрачивает свое существование или отходит на второй план, загадка в своем первоначальном виде также сходит на нет или становится достоянием истории. Однако образная система загадки позволяет ей приспосабливаться в языковом плане к условиям иной реальности – к реальям, имеющим более широкое распространение в современном быту и образно подходящим под описание ушедших. На эту особенность паремий данного вида указывал и В.П. Аникин: «Одновременно с созданием новых загадок шел процесс переосмысления старых, хранивших древнюю иносказательную образность. Загадка *Шли козы по калинову мосту, увидели зорю, попадали в воду (небо и звезды)* с незначительным изменением: *Катились каточки по липову мосточку, увидели зорю, пометались в воду* – стала разгадываться весьма обыденно: *горох варят*» [1, с. 70].

Так протекает процесс естественного переосмысления образной части загадки. Российские фольклористы В.В. Иванов и В.Я. Топоров рассматривают трансформации первоначального фольклорного текста как операции, приводящие к искажению текста при сохранении инвариантной схемы. «Вся сумма трансформаций исходного текста определяет пределы устойчивости лежащей в его основе схемы, позволяет различить постоянные и переменные величины в тексте и тем самым наметить правила преобразования, в соответствии с которыми можно вывести все множество вариантов схемы» [3, с. 50]. Рассматривая типологию трансформаций, они выделяют две группы: трансформацию исходного текста внутри данной традиции и с выходом за ее пределы, что чаще всего объясняется именно сменой предыдущей исторической традиции новой или сосуществованием обеих этих традиций.

С целью выявления трансформационного потенциала русской народной загадки в сентябре 2005 года нами был проведен эксперимент среди студентов 1–3 курсов Псковского государственного педагогического университета. Участникам эксперимента были предъявлены загадки, бытовавшие в Псковской губернии в XIX веке, широко представленные в сборнике знаменитого фольклориста Д.Н. Садовникова «Загадки русского народа» (1960). (Примерно 10% паремий в сборнике отмечены как записанные именно на Псковщине. Их количественное присутствие в общерос-

сийском фонде дает возможность расценивать значимость бытующих на территории Псковской губернии паремий.)

Для интерпретации в современной аудитории были отобраны загадки, включающие этнографизмы – наименования бытовых реальных, ушедших из обихода. Одной из таких реальных являются *палочки для кладки лучины*. Как показал эксперимент, псковская загадка *Сидит баба на печке, Во рту два ломоточка хлеба*, разгадкой на которую служит именно эта реалья, может продолжить свое существование с другим ответом. При этом данная паремия сохраняет целостность компонентов образной части, которые в совокупности создают иной образ, воплотившийся в ответе *тостер*. Из 120 псковичей, опрошенных нами, 53 сошлись на этом варианте ответа.

Обратимся к следующему примеру: *Два кольца, Один конец, В середине дворец*. Ответ на эту псковскую загадку – *снимцы* (свечные щипцы). Из 120 респондентов, включенных в наш эксперимент, ни один не смог дать исходный ответ. Безэквивалентному варианту ответа *снимцы* были предложены альтернативные варианты ответов.

Ассоциации, возникающие в сознании респондентов, в одних случаях основывались на языковом опыте, в других – на сопоставлении с окружающими реальями. Так, 18 человек ответили на эту загадку *ножницы*. Очевидно, в случае у респондентов сыграл стереотип образа, зафиксированного в языке – *два кольца*. Однако неединичность других ответов наталкивает на вывод, что данная образная часть загадки способна развивать в сознании носителя языка иное решение в ответе в соответствии с новой традицией. При этом каждый ответ-трансформ указывает на доминирующий компонент в образной части загадки, спровоцировавший именно этот ответ: 10 предложили в качестве ответа *часы*, еще 7 человек были уверены, что это *будильник*, 9 посчитали правильным назвать *шкатулку*, по 4 человека предположили, что это *свадьба* или *кастрюля*, и трое сказали, что это *ведро* или *голова*.

В процессе естественной языковой трансформации данной паремии, если такая трансформация произойдет, право на свое бытование будет иметь каждый ответ, но какой из них станет в дальнейшем наиболее частотным – покажет время. Возможно, ни один из этих вариантов не станет настолько сильным, чтобы быть узальным, и тогда процесс трансформации может длиться бесконечно или вовсе прекратиться без результата.

Возьмем следующую загадку: *Великан в углу (Печь)*. По сравнению с другими паремиями, предложенными нами вниманию респондентов, частотность воспроизведения первоначального ответа была выше, чем в иных загадках – каждый пятый участник без труда дал этот ответ. Но при этом совершенно ошеломляющий по количеству результат дал ответ *шкаф* – 3/5 респондентов. Возможно, он и станет трансформационной доминантой, значительно опережая вариант ответа, оказавшийся на третьем месте – *холодильник*.

Примечательно, что некоторые загадки, подвергнутые в ходе эксперимента современной трансформации в ответе (переосмысление образной части загадки, признаком смены значения которой является нетрадиционный ответ), не уходят далеко от сущности загаданного объекта, а наоборот, четко следуют ей. Так, «крестьянский» *голик* (голый веник) совершенно естественно превращается в «городской» *пылесос*. *Микола ходит, ходит. Да в угол и сядет*: ответ, зафиксированный на Псковщине еще в XIX веке, – *голик*. Сегодня его заменяет *веник* (44 из 120 ответов), как варианты средства для уборки помещений рассматриваются *метла* и *швабра* (12), на смену им приходит *пылесос* (5). Таким образом, со временем происходит естественная реинтерпретация паремии, основывающаяся на усовершенствовании реалии, когда носитель языка стремится применить образную часть загадки к настоящей общественно-исторической и языковой действительности. То есть, по сути дела, участники эксперимента создавали вторичный оригинальный текст, с одной стороны через подавление оригинала, а с другой – через своеобразное преломление его образной части, через ее восстановление в современной образно-языковой системе. Не исключено, что данный процесс в языке может затрагивать и структурно-формальную систему паремий.

Таковы возможные пути естественной трансформации загадки, когда реалия не утрачивается, а модернизируется. Вместе с ней в сознании носителя языка при загадывании по образу воссоздается предмет современности, сходный по назначению с первоначально загаданным предметом.

Большое значение при современном осмыслении загадки имеет расширение границ кругозора современного носителя языка от узко бытового к всеобъемлющему. Ответы респондентов на многие загадки уходили от конкретного предмета в сторону абстрактных понятий и явлений природы. Например, *Без ног, а бежит (Мяч)*. На

ряду с неоднократно воспроизводимыми ответами, обозначающими конкретный предмет (*велосипед* – 4, *машина* – 5, *шар* – 3, *стрелки часов* – 10), были категорически иные ответы (*ветер* – 6, *вода* – 7, *время* – 46, *года* – 3, *мысли* – 6, *река* – 5, *ручей* – 9).

Результаты паремиологического эксперимента по выявлению трансформационного потенциала загадки показали возможность их как естественной, так и индивидуально-авторской реинтерпретации. Наличие в ответах на предложенные нами загадки индивидуально-авторских трансформаций объясняется сравнительно низкой паремиологической компетенцией – респондент не может отгадать загадку и намеренно создает оригинальный ответ. При этом отгадывающий выстраивает ассоциацию с нехарактерными предметами, но использует основополагающий признак, заложенный в традиционной паремии. Например, *Кум с кумой видятся, А близко не сходятся (Пол и потолок)* – *памятник Ленину и здание университета*. В новом ответе сохраняется главное условие – предметы должны находиться в одном обозримом пространстве, быть статичными и не иметь возможности пересечения.

Таким образом, трансформации загадки в ответе тесно связаны с переоценкой понятий, заложенных в ее образной части. Изменение семантического наполнения паремии в рамках той или иной группы (в том числе и территориальной) находится под воздействием социальных, культурных, идеологических факторов и личного опыта носителей языка.

Языковая стратегия, разворачивающаяся при загадывании, объединяет в себе высказывание (собственно текст загадки), понимание (ответ на нее) и последствие (эффект, подтверждением которого является реакция партнера по коммуникативному акту).

Разгадать загадку кажется легко — надо найти реальные соответствия созданным метафорическим образам. Однако на практике все значительно сложнее. Причины этого С.Г. Лазутин усматривает в следующем: «Во-первых, для этого нужно обладать довольно развитым образно-ассоциативным поэтическим мышлением и, во-вторых, нужно быть очень сообразительным, способным преодолеть немалые, нарочито, искусственно создаваемые загадкой трудности логического порядка» [4].

Загадка как жанр должна создавать затруднения в отгадывании предмета или явления, скры-

того в метафоре. Степень такого затруднения зависит от просторов ассоциативных связей между предметом загадывания и его метафорическим двойником. Данный механизм свойственен и трансформированной загадке, характеризующейся наибольшей степенью затруднения, чем у первичной загадки. Загадка-трансформ – это вторичная переработка ассоциативных связей.

Для традиционной, ранней по происхождению, русской народной загадки характерен узкий круг ассоциаций, развивающихся в пределах предметной сферы человеческого быта или природы. Переработка, обновление, уже известных метафор не часто, но все же встречается и в современных загадках.

Нередко для достижения эффекта неожиданности в русской загадке применяется нарушение логической цепочки построения метафорических образов. Неожиданность загадок часто основана на таких механизмах, как игра слов и парадокс. Благодаря парадоксу в загадке становится очевидным, что аналогия с предметом загадывания не полная, а загаданный предмет не равен предмету метафорической параллели.

Языковой базой трансформаций русской загадки можно считать явления омонимии и полисемии. В связи с тем, что оба эти явления представляют собой определенную помеху в процессе коммуникации, важность их для создания РНЗ очевидна. Если оценивать способность омонимии и полисемии влиять на кодовые свойства языкового знака с позиции вредности/полезности данного явления для процесса коммуникации, то обе эти позиции, исходя из целей, способов и ситуативных особенностей загадывания, очевидно будут полярно расположены по отношению к слушающему (отгадывающему) и говорящему (загадывающему). Воспроизведем две коммуникативные ситуации при загадывании трансформированной загадки: 1) говорящий сообщает первую часть загадки (вопрос), слушающий называет вторую часть (ответ); 2) говорящий сообщает первую часть загадки (вопрос) и озвучивает вторую часть (ответ).

Второй вариант загадывания предпочтительнее для говорящего, в связи с определенным эмоциональным успехом, достигаемым самоутверждением. Триумф говорящего становится особенно очевидным при воспроизведении какой-либо трансформы загадки, когда загадывающий рассчитывает на знакомой слушающему ответ, а подразумевает иной. Поэтому, использование

омонимии и полисемии в трансформированной загадке, особенно в первой ее части, «выгодно» для говорящего и «вредно» для слушающего. Таким образом, загадывающий стремится к созданию текста, неоднозначного для понимания и запутывающего оппонента посредством эффекта омонимии или многозначности, тогда как слушающий затруднен не только отгадыванием зашифрованного предмета, но и выбором верного слова из омонимичной пары или одного из значений многозначного слова.

Сравним традиционную загадку про ножницы *Два конца, два кольца, по середине гвоздик* с одной из ее семантических трансформаций: *Два конца, два кольца, по середине гвоздик (Набор отмычек (в уголовной среде))*. Этот трансформ базируется на обновленной трактовке образа при абсолютном компонентном тождестве образной части. Возможность новой отгадки возникает на основе многозначности слов *гвоздь*, *гвоздик*, которые в воровском жаргоне обозначают отмычку [5, с. 124].

Другая трансформация исходной загадки о ножницах предстает в усеченном виде, где опускается важный для первой трансформации сегмент *по середине гвоздик*. Одна означающая (образная часть загадки) на базе полисемии распространилась на два означаемых (две отгадки): *свадьба геев* и *очень «навороченный» новый русский*, т.е. человек (бизнесмен) имеющий много дорогостоящих, модных, престижных вещей.

Отгадывание этих трансформов требует от слушающего определенной установки на современный социокультурный фон явления полисемии. Так, слово *конец* в исходной загадке употреблено в основном значении: 'предел, граница, последняя точка чего-л. имеющего протяженность, а также примыкающая к этому пределу часть пространства'. Ни один толковый словарь литературного языка не дает того значения, в котором слово *конец* выступает в рассматриваемых трансформах загадки о ножницах. Более позднее разговорное обозначение другого предмета (мужского полового органа) данным словом фиксируют словари сленга и разговорной речи [6, с. 301; 7, с. 269]. В загадке о свадьбе геев значение слова *конец*, переносится с части на целое, обозначая лицо мужского пола.

Слово *конец* в значении 'мужской половой орган' встречается и в трансформации с отгадкой *очень «навороченный» новый русский* (у него не только два дорогих кольца на пальцах, но и два

половых органа). Хотя можно предположить, что сегмент *два конца* образно повторяет всем известный жест нового русского, когда два пальца выдвинуты «козой» (так называемая «распальцовка»). В этом случае мы имеем дело с перекрестным развитием полисемии на базе метафоры, что нередко наблюдается в жаргоне: мужской половой орган здесь называют двадцать пятым пальцем или просто пальцем, а палец руки, соответственно – концом, членом и т.п.

Возьмем пример трансформации другой РНЗ *Маленькая собачка не лает, не кусает, а в дом не пускает. (Замок)*. Появление знака @ – обозначения коммерческого Интернет-знака «Ат» – в русском языке привело к развитию многозначности слов *собака, собачка*. Данный языковой элемент оказался привлекательным для загадочной модели, вследствие чего возник следующий трансформ: *Не лает, не кусается, а так же называется (ответ – @)*. Структурно трансформ весьма отдален от исходного варианта, но сегментов *не лает, не кусается* вполне достаточно для опознания прототипа. Особенностью данной трансформации является перенесение компонента (собачка) из одной части загадки в другую, что еще раз доказывает необходимость анализа не только вопросной части загадки, но и ее ответа.

Следующий пример показывает возможность цепной трансформации. Традиционно бытующая загадка о столе *Четыре братца под одной крышей стоят* в «первозданном» виде имела более сложную структуру и отражала другие элементы обозначаемого: *Четыре братца под одной шляпой стоят, одним кушаком обвязаны (Стол)*. В усеченном варианте сегмент *шляпа* абсолютно спокойно мог быть заменен любым обозначением другого предмета, сходного по своим свойствам – способности покрывать что-либо, например: *шляпа > крыша*. И тогда уже загадка *Четыре братца под одной крышей стоят* с появлением нового понятия *крыша* перестроилась на современный лад, где означаемым стал не *стол*, а *мафия* или те, кого мафия крышует – держит под своей защитой, «крышей».

Трансформации загадок на базе омонимии и смежных с ней явлений также продуктивны, как и трансформы на базе полисемии. Чаще всего в процессе трансформации используются не лексические омонимы, а совпадающие по звучанию отрезки речи разной синтаксической структуры.

Таковы, например, омофоны *отчего* (наречие) и *от чего* (местоимение с предлогом): *Отчего гусь (утка) плавает? (От берега)*. Данный элемент преобразования стал весьма популярным, продиктовав аналогичные структурные варианты загадок с компонентами *почему* и *по чему*, *зачем* и *за чем*: *Почему в Париже девки ходят рыжие? (По земле); Зачем вода в бутылке? (За стеклом) и т.д.* Языковая игра в данном типе загадок предназначена для устного воспроизведения паремий. В письменном варианте (например, в Интернете) для передачи подразумеваемого смысла вопроса, может быть указана форма как слитного, так и раздельного написания, что снижает степень затруднения отгадывания.

На базе омонимии строятся и семантические трансформации каламбурного характера: например, *Сухой – клин, мокрый – блин (Зонтик)*. Омонимичное одному из компонентов слово *блин* (междометие-эвфемизм, выражающее досаду, раздражение и т.п.), задающее направление образному переосмыслению загадки, обеспечивает возможность каламбурного ответа: *Мокрый клин, блин!*

Увидев некоторые возможности трансформаций русских загадок мы предполагаем возможным дальнейшее углубленное изучение механизмов реализации новых ассоциативных связей на базе традиционных РНЗ.

Библиографический список

1. Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. – М.: Учпедгиз, 1957.
2. Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач / Сост. Д.Н. Садовников. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960.
3. Иванов В.В., Топоров В.Н. Инвариант и трансформации в мифологических и фольклорных текстах // Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти В.Я. Проппа. – М.: Наука, 1975.
4. Лазутин С.Г. Поэтика русского фольклора: Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. – М.: Высш. школа, 1981. (Электронная версия http://www.infoliolib.info/philol/lazutin/2_1.html).
5. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. – СПб.: Норинт, 2000.
6. Никитина Т.Г. Толковый словарь молодежного сленга. – М.: Астрель, 2003.
7. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб.: Норинт, 2004.

ФОРМИРОВАНИЕ ВОЕННО-МОРСКОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В работе прослеживаются пути формирования военно-морской лексики в русском языке; представлены основные лексико-семантические группы, сложившиеся в эпоху Древней Руси; приведены примеры употребления указанной лексики в летописных текстах и произведениях устного народного творчества.

По утверждению историков, отечественный военно-морской флот развивался самостоятельным, самобытным путем и его формирование связано с торговыми морскими перевозками. Суда, идущие в другие страны, выполняли не только торговую, но и военно-оборонительную функцию [1]. Именно эти факторы обусловили путь формирования военно-морской лексики в русском языке.

Материалом для наблюдения в нашей работе послужили тексты договоров Руси с Византией X в., дошедшие в составе русских летописей, «Повесть временных лет», Русская Правда, былины, а также исторические материалы, рассказывающие о военно-морских походах русичей, и основанные на них художественные тексты.

В Договорах с Византией 907, 911, 944 гг., Русской Правде и других источниках морская лексика представлена следующими тематическими группами:

- названия судов, их деталей и оснастки: *лодьа, корабль, челн, струг, кубара, бус, палуба, парус, нос, корма*;
- название войска и оружия: *дружина, вои, меч, щит, копие, оружие*;
- военные объекты: *застава*;
- глаголы мореплавания: *ходить* в значении 'плавать' и *волочить* (судно).

Слово *лодьа* в Русской Правде и других юридических документах употреблялось с определениями *морская, набойная*. Например: «Аже *лодью* украдет... а за *морскую лодью* 3 гривны, а за *набойную* 2 гривны, за *челн* 20 кун, а за *струг* гривна» [8, с. 116].

На *набойных лодьях* русские воины совершали первые военные морские походы – в византийские владения в конце VII – начале IX вв. Это были суда с увеличенной высотой бортов, к которым крепились стойки, а к ним прибывалось несколько досок – *набои*. Такое усовершенствование ладьи значительно увеличивало ее грузоподъемность, размеры и остойчивость и давало возможность разместить 40–50 вооруженных че-

ловек. По бортам для защиты воинов от стрел навешивались *щиты*. В связи с этим можно считать, что словом *лодьа* именовалось судно, имеющее не только торговое, но и военное назначение.

В древнерусских текстах имеются свидетельства о военно-морских столкновениях Руси с другими племенами и народами [3, с. 7, 9], о морских походах русичей. Рядом оказываются военные и морские наименования. Этот факт, в частности, дает основание полагать, что словом *корабль* русичи называли вооруженное судно: «И повелъ Олегъ *воемъ* своимъ колеса издѣлати и воставляти на колеса *корабля*» [11, с. 158]. Отметим, что термином *корабль* и сегодня в русском языке чаще всего именуется военное судно, которое совершает боевой поход: «Я в первый раз в жизни спустилась в подводный *корабль*. Могла ли подумать тогда, что спускаюсь в его (любимого – примеч. авт.) будущую могилу?» [13]; «Верил я *кораблю* и ребятам, // Что служили бок о бок со мной...» [5].

По свидетельству историков [1], контакты Руси с греками носили военный и политический характер, связанный с первенством в военно-морском искусстве и господстве на морских просторах. В дальнейшем это не могло не отразиться на характеристике лексических заимствований, связанных с этим историческим периодом. Происхождение термина *корабль* вызывает споры [12]; большинство этимологов считает его древним заимствованием из греческого языка с этимологическим значением 'судно'.

Греческим термином *кубара* в русском языке также именовалось судно, но только греческое: «Аще обрящутъ Русь *кубару* Гречскую» [8, с. 33].

Когда в 1151 г. на лодьях «*воевать Киев*» прибыл князь Изяслав Мстиславович, он ввел в бой невиданные здесь ранее суда. Они имели уже палубные настилы и надстройки на них. До этого времени мореходы защищали перевозимые грузы и укрывались от непогоды под временной крышей, сплетенной из лыка – *луба*. Возможно, от

этого слова и произошло название *палуба* (*полу-ба*): общеслав. «*палуба*» образовано с помощью приставки *па-* от исчезнувшего *луба* (ср. лит. *lubà* – «тесина», «доска»). Первоначальное значение – «лубяная настилка» (как пол, так и крыша) [15, с. 324]. На палубе находились воины, одетые в боевые доспехи. Имевшиеся на этих судах два рулевых устройства получили название *весел*, а располагались они на *носу* и *корме* [4, с. 13]. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» наименования *нос* и *корма* датированы соответственно 1150 и 1152 гг. [10].

Собираясь в море, те, кому предстояло охранять и защищать суда, никогда не употребляли глагол *плавать*. Для обозначения этого действия ими использовался глагол *идти* (*ходить*): «И повелѣ Олегъ воємъ своимъ колеса издѣлати и поставити на колеса корабля < > вѣспяша парусы съ поля, и *идяше* къ граду» [3, с. 7]; «се *идутъ* русь бещисла корабль, покрыли суть море корабли» [3, с. 9]. В этом же значении глагол *ходить* сохраняется в современном русском языке как профессионализм военных моряков: «Мы жили в их домах и казармах, мы *уходили* в *моря* от их причалов, мы учились тушить пожары и заделывать пробойны на их уцелевших и устаревших подлодках» [14].

Кроме того, глагол *идти* (*поити*) обозначал также военный поход: «Се *идутъ* русь бещисла корабль, покрыли суть море корабли» [3, с. 9]. В летописных свидетельствах боевые действия называются также глаголом *воевати*: «И выиде Олегъ на брегъ, и *воевати* нача...» [3, с. 7].

Таким образом, с древних времен за военно-морским термином *идти* (*ходить*) сохранилась семантика ‘находиться в морском дозоре’, ‘нести боевое дежурство’.

В связи с этим в текстах Договоров и «Повести временных лет» упоминаются названия различных видов вооружения русских воинов, плавающих в Византию: *оружие, щиты, мечи, стрелы, копье*, а также само название воинов – *вои*. Например: «И рече Олегъ: “исхийте парусы паволочиты Руси” ...и бысть тако: и повѣси *щитъ* свой въ вратехъ, показуя победу...» [3, с. 8]; «И повелѣ Олегъ *воємъ* своимъ колеса издѣлати и поставити на колеса корабля» [3, с. 7].

Русские былины также содержат упоминание о военных действиях русичей на море. В связи с этим в их текстах используется слово *дружина*, именуемое военных помощников князя: «Поми-

нает жена Садка / Со *дружиной* во синем море...» [2, с. 445]; «Собирался Василий на свой червлен корабль / Со своею *дружиною хороброю*...» [2, с. 463]. В былинах говорится и о том, как «дружина хоробрая» сопровождала на судах «богатого новгородского гостя». Следовательно, в случае необходимости суда русичей вооружались и были готовы не только к защите, но и становились серьезной угрозой для врагов, часто морских пиратов [7].

В былине «Василий Буслаев молиться ездил» в качестве военно-морского наименования упоминается слово *застава*: «...побежали по морю Каспийскому / На ту на *заставу* корабельную, / Где стоят казаки-разбойники, / А стары атаманы казачие» [2, с. 462]. Таким образом, не только в «Словаре русского языка XI–XVII вв.», а и в древнерусских текстах многозначное слово ‘*застава*’ имело следующие толкования: «1. Отряд, охраняющий войско на марше или при расположении на месте. // Отряд, оставленный для охраны или осады каких-л. путей, для засады. // Засада, место засады. 2. *Пограничная застава*» [9].

Указанная семантика слова *застава* сохранилась и в современном русском языке: название одной из улиц столицы Северного флота, г. Североморска, – *Северная застава*.

Как видим, древнерусские летописные тексты, Договоры Руси с Византией, былины свидетельствуют о далеко не мирных отношениях между мореходными государствами, например, морской Византией и речной Русью, и о том, что флот выполнял одновременно и торговую, и военную функции.

Анализ древнерусских текстов и исторических источников показывает, что современная военно-морская лексика начала формироваться в древнерусском языке на основе русской мореходной, а также военной лексики.

Среди слов, которые обозначали понятия, связанные с военно-морским делом, в современном подязыке военных моряков сохраняются и активно функционируют такие номинации, как *корабль, палуба, нос, корма, парусник, «ходить»* в море в значении ‘*плавать*’. Специальная же военно-морская лексика как специфическая терминология, обозначающая предметы и понятия из области военно-морского дела, в древнерусскую эпоху отсутствовала. Вероятно, это связано с основной функцией русского флота – защитной, а не завоевательной.

Библиографический список

1. Висковатов А.В. Краткий исторический обзор морских походов русских и мореходства их вообще до исхода 17 ст. – СПб., 1994; Михайлов М.А., Баскаков М.А. Фрегаты, катера, линейные корабли. – М.: ДОСААФ СССР, 1986; Ушаков И.Ф. Избранные произведения: В 3 т. – Мурманск, 1998. – Т. 1.
2. Былины. – М.: Советская Россия, 1988.
3. Гудзий Н.К. Хрестоматия по древней русской литературе XI–XVII вв. – М.: Учпедгиз, 1962.
4. Дыгало В.А. А начиналось все с лады... – М.: Просвещение, 1996.
5. Курганский Ю. Автономка – 2 / Сборник стихов и песен, посвященных подводникам. – СПб., 2003. – С. 61.
6. Памятники русского права. X–XII вв. Выпуск первый. – М., 1952.
7. Раздолгин А.А., Фатеев М.А. На румбах морской славы. – Л.: Судостроение, 1988. – С. 13.
8. Русская Правда // Памятники русского права. X–XII вв. Выпуск первый. – М., 1952. – С. 116.
9. Словарь русского языка XI–XVIII вв. Вып. 5. – М.: Наука, 1978. – С. 300.
10. Словарь русского языка XI–XVIII вв. Вып. 7. – М.: Наука, 1980. – С. 318; Вып. 11. – М.: Наука, 1986. – С. 424.
11. Словарь русского языка XI–XVIII вв. Вып. 14. – М.: Наука, 1988. – С. 158.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс, 2006. – С. 321.
13. Черкашин Н. Митина любовь // Море любви. – М., 2005. – С. 69.
14. Черкашин Николай. Черная эскадра. – М., 2003. – С. 12.
15. Шанский Н.М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка: Пособие для учителя. Изд. 2-е, исправ. и доп. / Под ред. С.Г. Бархударова. – М.: Просвещение, 1971.

Н.В. Сизова

НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ПОНЯТИЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (на примере идеологемы *террор*)

В статье рассматриваются некоторые современные подходы к анализу политического дискурса, а именно междисциплинарные направления исследования. Разбирается возможность комбинирования данных подходов при анализе идеологемы «террор» и ее производных. Особое внимание уделено рассмотрению данных понятий в хронологическом и межкультурном аспектах.

В последние годы заметно возрос интерес к изучению политического дискурса как объекта междисциплинарных исследований. Анализ взаимосвязи языка и политики способствует пониманию смысла, направленности и целесообразности речевых действий человека в политической сфере, а также дает возможность выявить непосредственные механизмы воздействия речевых актов на личностное и общественное политическое сознание. В данной статье будут рассмотрены некоторые современные подходы к исследованию политического дискурса, а также попытка их комбинирования при анализе его понятий.

В лингвистической литературе нет общепринятого определения языка политики. «Политические лингвисты» в своих работах оперируют такими понятиями, как *политическая коммуникация*, *политический дискурс*, *политическая речь*, *по-*

литический язык и т.д. Нередко эти понятия используются как взаимозаменяемые. Например, Е.И. Шейгал допускает использование словосочетаний *политическая коммуникация* и *политический дискурс* в качестве нестрогих синонимов; однако *язык политики* является более обширным понятием и включает всю «структурированную совокупность знаков, образующих семиотическое пространство политического дискурса» [11, с. 22]. Более того, *язык политики* (language of politics), по мнению автора, следует отграничить от понятия *политический язык* (political language). Если язык политики Е.И. Шейгал относит к так называемым профессиональным подъязыкам, то политический язык не является прерогативой политиков или государственных чиновников, он связан со специфическим использованием общенародного языка как средства убеждения и контроля [11, с. 21–22].

А.П. Чудинов разграничивает *политическую лексику* и *политологическую терминологию*. Политологическая терминология в полной мере известна только специалистам и используется только в научных и иных специальных текстах, в то время как политическая лексика – это тематическое объединение общеупотребительных слов, которые должны быть понятны абсолютному большинству граждан [10, с. 90]. Сравнивая специфические признаки политической и разговорной, научной или официально-деловой речи, исследователь приходит к выводу, что *политический язык* является лингвистическим термином и имеет не меньше прав на существование, чем по-прежнему используемые лингвистами термины *официально-деловой язык*, *разговорный язык* или *научный язык* [10, с. 32].

Противоположное мнение высказывает П.Б. Паршин: «Совершенно очевидно, что чисто языковые черты своеобразия политического дискурса немногочисленны и не столь поддаются идентификации. То, что обычно имеется в виду под языком политики, в норме не выходит за рамки грамматических, да, в общем-то, и лексических норм соответствующих идиоэтнических (“национальных”) языков...» [8]. Он подвергает сомнению существование политического языка как такового, политического языка вообще, считая, что предметом политолингвистики является *идиополитический дискурс*, т.е. конкретно совокупность тех или иных видов дискурса, актуальных в стране на момент изучения [8].

Г.Ч. Гусейнов помещает в центр своего исследования понятие *идеологический язык*, в пространственном отношении представленный как «место встречи и частичного взаиморастворения языка идеологии с обыденным, пошлым или банальным языковыми горизонтами, включающими и так называемый ненормативный, или обценный, пласт русского языка» [1, с. 11].

Разнообразие используемых понятий и дефиниций можно объяснить приверженностью авторов тех или иных методологических направлений анализа политического дискурса. Мы остановимся на так называемых «междисциплинарных» подходах.

Критический дискурс-анализ (Critical Discourse Analysis) – относительно новое направление в лингвистике, является составляющей такого популярного междисциплинарного направления как исследования культуры (cultural

studies). «Критики» полагают, что «знания» не являются объективным феноменом, а зависят от позиции говорящего, от того, кому он говорит и с какой целью [14, р. 22], поэтому критическое осмысление власти языка обуславливает наиболее полное и естественное понимание социального порядка. С этой точки зрения, доминирование той или иной социальной группы достигается в большей степени через идеологию и язык. Голландский лингвист Т. ван Дейк в связи с этим вводит понятие *идеологическое управление* (ideological management) [15].

Другое направление в рамках концептуального подхода к анализу языка – *историко-этимологическое*. Оно связано с исследованием эволюции понятия и рассмотрением контекстов его употребления и предполагает фундаментальное изучение исторической среды, в которой развивается понятие, а также детальное исследование его семантического поля. Например, описанию смысловых параметров базовых понятий отечественного политического дискурса и их «хронополитической эволюции» посвящена работа М.В. Ильина [2]. Некоторые исследователи пытаются соединить историко-этимологический подход с построением когнитивных схем, или логико-морфологических структур [2; 3].

Интересен *лингво-идеологический анализ* политического дискурса, находящийся на стыке критического дискурсивного анализа и когнитивного метода. В рамках данного подхода исследуются стереотипы, лежащие в основе политических предубеждений, а также взаимосвязь языка и идеологии.

Лингво-идеологический анализ русского тоталитарного и постсоветского дискурсов представлен в работах Н.А. Купиной и Г.Ч. Гусейнова. В них авторы оперируют понятием *идеологема*. Так, Н.А. Купина трактует ее как мировоззренческую установку, облеченную в языковую форму, как вербально закрепленное идеологическое предписание [4, с. 13, 43]. Г.Ч. Гусейнов определяет идеологеми как «знаки или устойчивые совокупности знаков, отсылающих участников коммуникации к сфере должного – правильного мышления и безупречного поведения – и предостерегающих их от недозволенного» [1, с. 14]. Особое внимание автор уделяет анализу динамики идеологеми от стадии первоименования до стадии постсоветского переосмысления.

Далее в работе мы сосредоточимся на попытке комбинирования выше обозначенных

подходов при анализе понятия *террор* и его производных.

Выбор данных понятий для анализа мотивирован актуальностью, а точнее злободневностью, стоящих за ними явлений. Проблемы терроризма активно обсуждаются не только специалистами, но и широкой общественностью. Это вполне закономерно, т.к. данное явление общественной жизни можно анализировать с разных точек зрения (философской, политологической, социологической, правовой, психологической и др.). На наш взгляд, этот анализ следует дополнить рассмотрением лингвистического аспекта обозначенных понятий.

На сложность структур выбранных слов указывает следующее: несмотря на их «интернациональность» и, казалось бы, полную переводимость, единого, общепринятого определения до сих пор не выработано ни международным правом, ни научным сообществом. «Что считать, а что не считать “террором” каждый решает сам, в зависимости от идеологических установок, опираясь на собственную интуицию», – утверждают российские исследователи [6, с. 155].

Историки пишут об опричном терроре, терроре яacobинском, красном и белом терроре эпохи гражданской войны и т.д.; современные публицисты пишут об уголовном терроре; к терроризму относят угоны самолетов и захват заложников и т.п. Террором называют и массовые репрессии, официально санкционированные государственной властью на законодательном уровне [6, с. 155]. Именно так большинство людей трактует террор советского времени. В литературе часто встречаются выражения «Большой террор», «сталинский террор», «послевоенный террор», содержащие в себе, как правило, негативные коннотации. Однако далеко не во всех случаях политические убийства или официально санкционированные массовые репрессии воспринимаются как террор. Нельзя не отметить, что в СССР был круг людей, которые действительно верили в «правое дело» партии и советской власти и считали репрессивную политику необходимостью на пути построения коммунизма. Для них восприятие данного явления совсем иное, а соответственно слово *террор* не содержит отрицательных коннотативных значений.

Итак, слово *террор* и его производные нельзя характеризовать как термины. На наш взгляд, это идеологемы, поскольку употребление данных

слов почти всегда маркировано, эмоционально окрашено. Понимание террора в различных социокультурных дискурсах неодинаково: то, что является очевидным преступлением для одних, другим может видаться подвигом и целью всей жизни. Например, печально известные события 11 сентября 2001 г. для американцев и европейцев являются трагедией и оцениваются исключительно как тяжкое преступление. Однако для определенной части исламистов это не преступление, а так называемое возмездие, реализация которого рассматривается ими как подвиг. Отметим, что использование слов *террор*, *терроризм* для них в этом отношении не приемлемо.

Все выше приведенные примеры доказывают необходимость рассмотрения широкого культурно-исторического контекста употребляемых понятий. В течение нескольких веков протекал процесс переосмысления явления террора и, соответственно, изменялось семантическое наполнение идеологемы, это явление характеризующей.

Террор как явление социально-политическое был порожден Великой французской революцией. В переводе с латыни *terror* означает «страх, ужас, устрашающее обстоятельство». Однако негативной окраски во время Великой французской революции (когда террор являлся ее инструментом) у данного понятия не было. Революция, в свою очередь, была способом «восстановления нацией своих прав» и, соответственно, воспринималась положительно. В связи с этим стоит отметить, что возникновение идеологемы *террор* обусловлено развитием идеологемы *революция*.

В русских словарях и энциклопедиях дореволюционной эпохи не было толкования понятия *террор*. В первом издании словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона были помещены статьи о яacobинском терроре эпохи Великой французской революции и о белом терроре роялистов в 1815–1816 гг. [12]. Интересно, что слово *террор* в данных статьях производилось от французского *la terreur*, а не от исконного латинского *terror*. Во втором дополнительном томе этого же словаря, вышедшем в 1907 г., т.е. уже после революционных событий 1905 г., появилась статья «Террор в России», в котором террор был назван «системой борьбы против правительства, состоявшей в организации убийства отдельных высокопоставленных лиц, а также шпионов, и в вооруженной защите против обысков и арестов» [13]. Период систематического террора автор относит к 1878–

1882 гг. В статье говорится также о возобновлении террора в начале XX в., упоминается террор партии социалистов-революционеров, а также черносотенный террор. В связи с этим исследователи связывают возникновение *российского* революционного терроризма, прежде всего, с борьбой за социальную революцию. Террористическая революция представлялась противникам царизма, в частности эсерам, самой справедливой формой борьбы, а акт террора виделся ими как акт самопожертвования. Соответственно, идеология *террор* на данном этапе наделялась отнюдь не отрицательными, а скорее положительными коннотациями. В связи с этим террор стал главным аргументом в борьбе против идейных противников после 1917 г. Так, в толковом словаре Д.Н. Ушакова (1940 г.) дается такое определение данного понятия: «Физическое насилие по отношению к политическим врагам», после которого в качестве иллюстративного примера следует цитата В.И. Ленина: «*Наши красный террор* есть защита рабочего класса от эксплуататоров, есть подавление сопротивления эксплуататоров...» [9].

Однако государственный террор, унесший с 1917 г. миллионы жизней, хотя и имел генетическую связь с террором дореволюционным, тем не менее, не мог долго восприниматься однозначно с одобрением, т.к. он был направлен уже не на эксплуататоров, а на обычных людей. Отныне государственный террор в массовом сознании — это государственные репрессии, а соответствующая идеология окрашена негативно. В связи с этим происходят изменения в ее употреблении. Например, в толковом словаре С.И. Ожегова (издание 1973 г.) террор трактуется как «физическое насилие, вплоть до физического уничтожения, по отношению к политическим противникам» [7]. С одной стороны, это определение в принципе дублирует толкование, данное в словаре Д.Н. Ушакова. Однако иллюстративные примеры качественно другие. Во-первых, *фашистский террор*. Здесь политический противник отождествляется с главным для советского человека внешним врагом государства. Возможно, таким ярким примером официальная идеология пыталась свести понимание террора в целом к восприятию данного явления в указанном контексте. Вторая вербальная иллюстрация понятия — *индивидуальный террор*, с конкретизацией в скобках — единичные акты политических убийств. За словосочетанием «индивидуальный террор», как

правило, стоит образ террориста-одиночки, выступающего против системы, против властных структур, т.е. это словосочетание в принципе антонимично государственному террору. Интересно, что слова *индивидуальный* и *единичные* естественно не могут стоять в одном смысловом ряду со словами *массовый* и *репрессии* (последнее крайне редко используется в единственном числе).

Однако, несмотря на эволюцию оценочного значения данной идеологемы (ее динамики от положительной трактовки вплоть до противоположной) террор советского периода определяется исследователями как способ управления социумом посредством превентивного устрашения, как основополагающий **государственный принцип** [6, с. 157].

Безусловно, ситуация в постсоветский период изменилась. В 90-е годы прошлого столетия страна испытала потрясения, связанные с ситуацией на Северном Кавказе. Вследствие этих событий террор в общественном сознании отождествлялся именно с Чечней и трактовался уже не как государственный принцип, а как своего рода **политика против государства** и его граждан. Актуальным стало выражение «чеченский террор». Но есть ли чеченский террор в восприятии, например, английского или американского общества? Исследователи отмечают, что в опубликованном госдепартаментом США списке террористических организаций чеченские военизированные группировки отсутствуют [5, с. 169], а зарубежные СМИ для обозначения этих событий предпочитают в использовании формулировки «внутренние конфликты на территории России», «преступные действия», «антиправительственные выступления» и т.п. Более того, до сих пор не существует единой официальной оценки соответствующих событий среди российских политиков, чиновников и силовых структур. Отсюда многообразие используемых выражений и терминов: антитеррористическая операция в Чечне — вооруженный конфликт, война на территории Чеченской Республики; чеченские боевики, террористы — незаконные вооруженные формирования и т.п.

Современное понимание идеологемы *террор* еще более сложное. Это связано с трагическими событиями уже мирового масштаба: взрывы в Испании, Великобритании и, конечно, в США 11 сентября 2001 г. Вследствие этого все чаще используется сочетание «международный терроризм». Тем не менее, отсутствие словарного оп-

ределения явления дает безграничные возможности для построения манипулятивных стратегий. Например, использование риторики антитеррора для легитимации Соединенными Штатами военных действий на территории Афганистана и Ирака. Большинство граждан и все крупные политические партии России осуждали ответный **террор и бомбардировки городов Ирака** Америкой в 2003 г. В США и Великобритании же общественное мнение было на стороне политики **военных действий в Ираке**. В исследовании Т. ван Дейка показано, как правительство США и поддерживающие его СМИ внедряли в сознание народа мысль о том, что военные действия США против Ирака этически безупречны. Основной аргумент – это борьба против ЗЛА (Evil, Guilty), совершившего неспровоцированный акт агрессии против ДОБРА (Good, Innocent). Таким образом, военная интервенция и бомбовые атаки Ирака в массовом сознании американцев и их союзников репрезентировались не как террористические действия, а как законные формы (вооруженного) противоборства [15]. Выражение «государственный терроризм» (state terrorism) использовалось лишь оппозиционной прессой, зная, какой негативный смысл, слова *террор* и *терроризм* приобрели как в американском, так и в мировом общественном сознании.

Итак, необходимо понимать, что именно можно определить как террор. Отсутствие ясного определения данного понятия объясняется сложностью феномена, который охватывает проблемы политические, психологические, этнические, религиозные, военные и др. Содержательное наполнение (негативные или позитивные коннотации) данного понятия детерминировано политическим дискурсом и социокультурными контекстами. Более того, безопасность человека является одной из основных общепринятых ценностей, а, следовательно, использование идеологем *террор* и *терроризм* превращается в важный элемент политической риторики и идеологической пропаганды. Таким образом, объединение различных подходов (историко-этимологического, лингво-идеологического и критического дискурс-анализа) открывает новые перспективы для анализа политического языка, что позволяет не только реконструировать контекстуально зависимые структуры смыслов, но выявить скрытые эффекты взаимодействия дискурса и системы социальных отношений.

Библиографический список

1. Гусейнов Г. Ч. Д. С. П. Советские идеологиемы в русском дискурсе 1990-х. – М.: Три квадрата, 2004. – 272 с.
2. Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОСПЭН), 1997. – 432 с.
3. Казанцев А. А. Тирания, диктатура: когнитивная схема и историческая судьба политических понятий // ПОЛИС (Политические исследования). – 2001. – №5. – С. 116–122.
4. Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. – Екатеринбург; Пермь: Изд-во Урал. университета; ЗУУНЦ, 1995. – 144 с.
5. Новикова Г. В. Сильная стратегия слабых. Террор в конце XX века // ПОЛИС (Политические исследования). – 2001. – №1. – С. 196–172.
6. Одесский М. П., Фельдман Д. М. Террор как идеологема (к истории развития) // Общественные науки и современность. – 1994. – №6. – С. 155–166.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Советская Энциклопедия, 1973. – С. 731.
8. Паришин П. Б. Выступление в дискуссии «Интернет-парламент: Архивы Интернет-парламента: Язык и политика». Архив 20 августа, 1999 // <http://ip.elections.ru/ip/messeges/941/1905.html>.
9. Толковый словарь русского языка / Под ред. Б. М. Волина, Д. Н. Ушакова. Т. IV. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1940. – С. 694.
10. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие. – М.: Флинта; Наука, 2006. – 256 с.
11. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 326 с.
12. Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Т. XXXIII. – СПб., 1901. – С. 69–81.
13. Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Дополнит. том. II. – СПб., 1907. – С. 753.
14. Barker Ch., Galasinski D. Cultural Studies and Discourse Analysis. A Dialogue on Language and Identity. – L.: Sage Publications, 2001. – 192 p.
15. Dijk T. A. van. Discourse and Manipulation (The CDA symposium, Athens, May 20–21, 2005: second draft) // <http://www.discourse-in-society.org/Discourse and manipulation.htm>.

Е.Ю. Колтышева

КРЕОЛИЗОВАННАЯ ДИКТЕМА КАК СТРУКТУРНО-СМЫСЛОВОЙ ЭЛЕМЕНТ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА

В настоящее время очевиден растущий интерес исследователей к рекламе и ее роли в современном мире. К изучению этой сферы обращаются представители разных наук: психологии, социологии, экономики, маркетинга. Текст рекламы как объект исследования привлекает и внимание лингвистов. За сравнительно недолгий период появилось много работ как зарубежных, так и отечественных авторов, посвященных изучению рекламного сообщения как текста прагматической направленности. Достаточно подробно описаны лексические, синтаксические и стилистические особенности рекламы. В то же время незаслуженно мало внимания уделяется весьма интересному аспекту – структурной организации рекламного текста и ее роли в реализации установки рекламодателя на оказание желаемого воздействия на адресата.

Любой текст как функционально-семантико-структурное единство обладает определенными правилами построения, выявляет закономерности смыслового и формального соединения составляющих его единиц [1, п. 6]. Действительно, в многочисленных определениях текста обращается особое внимание на сложность его структуры, наличие в его составе собственно текстовых единиц, объединение которых в границах текста создает смысловое целое, превышающее сумму его частей.

Изучение особенностей организации любого текста предполагает проблему выделения его единиц и описания их особенностей. Несмотря на кажущуюся решенность вопроса, он до сих пор остается актуальным. Существуют различные точки зрения. В настоящее время наиболее часто в качестве компонента текста рассматривается сверхфразовое единство (СФЕ), называемое также сложным синтаксическим целым (ССЦ), прозаической строфой, абзацем, а в американской лингвистической литературе – дискурсом.

М.Я. Блох убедительно доказывает, что элементарной единицей текста может быть как отдельное предложение, поставленное отправителем сообщения в содержательно-значимое положение, непосредственно не связанное ни структурно, ни семантически с окружающими его

предложениями (этим данная единица текста отличается от сверхфразового единства, которое состоит более чем из одного самостоятельного предложения), так и группа предложений, выражающих микротему. Такую тематизирующую единицу текста, которая может быть представлена союзом предложений или одним предложением, М.Я. Блох называет **диктемой** (от лат. dicto, dixi, dictum – говорю, высказываю) [2].

Включение тематически обособленного предложения наряду с тематическим объединением предложений в понятие элементарной текстовой единицы – диктемы – позволяет понимать эту единицу как элемент, образующий особый сегментный уровень языка – уровень диктем, следующий за уровнем предложения.

В диктеме выявляются следующие функционально-языковые аспекты речи: 1) номинация; 2) предикация; 3) тематизация; 4) стилизация. Номинация осуществляет именование общей ситуации, отражаемой диктемой. Предикация относит именование к действительности. Тематизация включает информацию, передаваемую диктемой в более широкую сферу – в разворачивающееся содержание целого текста. Стилизация определяет выбор языковых средств, осуществляя такое представление содержания, которое необходимо для эффективной передачи информации и реализации ситуативно-обусловленного воздействия на слушающего, соответствующего коммуникативной цели говорящего. Лишь совместное выявление компонентов выражения, относящихся к каждому из отмеченных функционально-языковых аспектов речи, реализует полноценный текст как продукт отражательно-мыслительной деятельности человека в различных формах языкового общения [2, с. 178–182].

М.Я. Блох подчеркивает что диктема – это «*универсальная* единица текста, как устного, так и письменного, **в любых его стилистических разновидностях**» [3, с. 62]. В связи с этим особый интерес представляет исследование рекламного сообщения, что объясняется спецификой, присущей, этому виду текста, обусловленной его явной направленностью на воздействие. Воздействовать на массовую аудиторию через СМИ с целью убеждения

приобрести те или иные товары и услуги – такова главная цель рекламных текстов.

С функциональной точки зрения рекламные тексты (далее РТ) как бы совмещают в себе реализацию двух функций воздействия: функции воздействия как функции языка, реализуемой с помощью всего арсенала лингвистических средств выразительности, и функции воздействия как функции массовой коммуникации, обозначаемой в англоязычной традиции устойчивым термином «persuasion» или «persuasive function» (функция убеждения или воздействия с целью убеждения) и реализуемой с применением всех новейших технологий воздействия, доступных тому или иному средству массовой информации. Так, печатная реклама в целях воздействия на аудиторию использует сочетание лингвистических способов выразительности с приемами графическими, визуальными, которые присущи пресसे как средству массовой информации. Особое расположение материала на странице, варьирование шрифтов, цветовые контрасты, запоминающиеся зрительные образы – все это в сочетании с удачным вербальным текстом многократно усиливает эффект воздействия [4, с. 68].

В связи с этим, разработка данной проблемы сопряжена с определенными трудностями, поскольку тексты рекламы сочетают в своем составе вербализованную информацию со знаками другой природы. И если ранее все неязыковые элементы (иллюстрации, графика, шрифты и др.) выводились за рамки собственно текста, то теперь принято говорить о гетерогенных или видеовербальных текстах – «сложных семиотических образованиях, построенных на основе, с одной стороны, знаковой системы естественного языка <...> и, с другой стороны, любой другой знаковой системы (не только рисунков и фотографий, но и музыки, танцев, запахов)» [5, с. 3].

Продолжительное время визуальным элементам рекламного текста отводилась второстепенная роль, так как большинство ученых придерживалось точки зрения, что язык является важнейшей формой выражения, служащей для обеспечения успеха рекламы и выполняющей функцию воздействия. Так, Х. Кафтанджиев утверждает, что именно благодаря вербальным знакам ключевые моменты домысливаются строго по рекламным коммуникативным интенциям рекламодателя. «Текст обладает большей конкретностью, указывая точное место и время со-

бытия, явления или название товара. Поэтому как средство коммуникации он более надежен, чем изображение» [6, с. 6]. В некоторых новых исследованиях, в основном в зарубежных работах, предпочтение отдается не вербальной, а изобразительной части сообщения. Ряд ученых (Л.С. Винарская, Е.Е. Анисимова и др.), рассматривая рекламный текст, акцентируют его комплексный характер. «Паралингвистические элементы, включающие иконические компоненты (фотографии, рисунки, цвет, макетирование) и графический, в составе которого функционируют параграфемные элементы, вступают в сложное взаимодействие с вербальным компонентом и создают единые информационные комплексы вербально-невербальной природы» [8, с. 28–29]. Мы также считаем, что вербальные и визуальные знаки в РТ не просто сосуществуют – они находятся в постоянном взаимодействии, синтезируются в один «специфический язык», который предполагает их гармоничное сочетание. Поэтому, важно включить неязыковые элементы в общую структуру текста и исследовать не только свойства отдельных компонентов (вербальных и визуальных), но и отношение их друг к другу, особенности их сочетаемости и включения в единую иерархическую семантико-смысловую структуру рекламного текста.

Материалом для данного исследования послужили 300 текстов рекламы из англоязычных женских глянцевого журналов («GLAMOUR», «COSMOPOLITAN», «MARIE CLAIRE»), опубликованных в период с 2005 по 2007 гг. Все тексты представляют собой поликодовые сообщения, сочетающие в своем составе вербальные и визуальные элементы.

Анализ материала показал, что, общее количество диктем, образующих рекламный текст, как правило, составляет от 1 до 4. Диктемы в составе РТ разнообразны и отличаются друг от друга по своей семантике, синтаксической структуре, коммуникативной функции и композиции, т.е. соотношению в них вербальных и невербальных элементов. В ряде случаев вербальный и визуальный элементы принадлежат разным диктемам и находятся в отношениях относительной автономии. Каждый из них выражает собственную микротему, передает определенную информацию и выполняет свою функцию.

Использование изображения позволяет выражать посредством наглядных, чувственно воспринимаемых образов абстрактные понятия и идеи. В результате возникают емкие, глубокие по сте-

Рис. 1.

пени обобщения рекламные образы. Так, в основе рекламного образа женской косметики часто лежит идея красоты, молодости, свежести, ухоженности. В изобразительном плане данный образ обычно создается с помощью изображения молодых женщин с рекламируемым товаром, цветов, природы, вызывающих соответствующие образные ассоциации, и использования нежных пастельных цветов: персикового, розового, светло-зеленого, голубого и т.п.

Однако значительно чаще вербальный и визуальный элементы рекламного текста находятся в такой тесной взаимосвязи, что в отрыве друг от друга они теряют свою самостоятельность как коммуникативные единицы. Они настолько тесно взаимосвязаны и структурно взаимообусловлены, что их нельзя рассматривать иначе, как особое коммуникативное и структурно-смысловое объединение, которое назовем **креолизованной диктемой (КД)**. Термин «креолизованный» был предложен отечественными лингвистами Ю.А. Сорокиным и Е.Ф. Тарасовым для обозначения текстов, организованных комбинацией естественного языка с элементами других знаковых систем [о креолизованном тексте см. 9].

Приведем несколько примеров: Snack-a-Jacks, Marie Clair, August 2006, p. 246 (рис. 1); Captain Morgan's PARROT BAY, COSMOPOLITAN, June 2005, p. 143 (рис. 2); NOXEMA, COSMOPOLITAN, June 2005, p. 263 (рис. 3).

В этих случаях именно креолизованную диктему (видеовербальный комплекс), построенную на

Рис. 2.

взаимосвязи вербальной и изобразительной составляющих, следует признать основной единицей РТ. Она сообщает целенаправленную смысловую информацию, тогда как составляющие её компоненты теряют смысл в отрыве друг от друга. Вне соотношения вербального компонента с изображением сообщение, передаваемое креолизованной диктемой, не может быть правильно понято и адекватно интерпретировано адресатом.

Таким образом, в составе проанализированных рекламных текстов можно выделить 2 основных типа диктем: монокодовые (чаще всего вер-

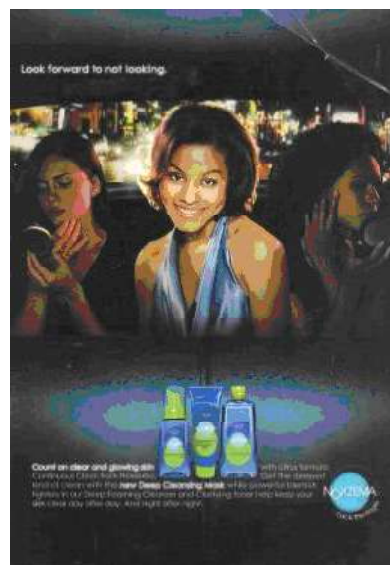

Рис. 3.

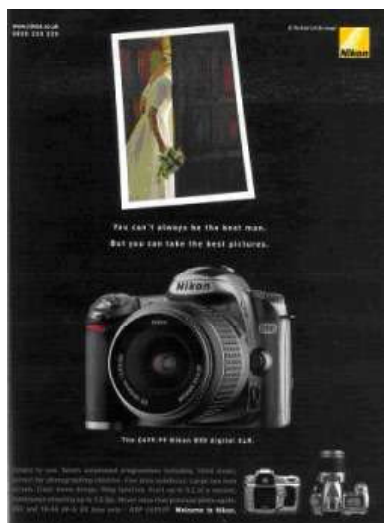

Рис. 4.

бальные) и смешанные/креолизованные. Так, следующий рекламный текст (Nikon, GLAMOUR, August 2006, p. 267) состоит из двух диктем: одной монокодовой и одной креолизованной (рис. 4).

В этом примере заголовок (You can't always be the best man. But you can take the best pictures. Nikon D 50 digital SLR.) и изображения (фотография выглядывающей невесты и рекламируемого фотоаппарата) могут быть объединены в креолизованную диктему; а основной текст представлен монокодовой диктемой, в которой приводятся аргументы в пользу рекламируемого товара (Simple to use. Seven automated programmes including "child mode", perfect for photographing children. Five area autofocus. Large two inch screen. Clear menu design. Help function. Start up in 0,2 of a second. Continuous shooting up to 2,5 fps. Never miss that precious photo again. D50 and 18-55 AF-S DX lens only – RRP \$499.99). В каждой из диктем актуализируются 4 основные функционально-языковые аспекта, а именно номинация, предикация, тематизация и стилизация. В результате формируется конкретная информация, которая и является предметом восприятия адресата. Каждая диктема характеризуется выдвиганием того или иного типа информации, который определяется содержательно-целевым типом диктемы. В КД преобладает импрессивная информация, а в монокодовой диктеме – фактуальная.

Наиболее распространенной креолизованной диктемой в проанализированных рекламных текстах является единство, состоящее из заголовка и изображения (см. рис. 1, 2, 3).

Между вербальной и изобразительной частями креолизованной диктемы устанавливаются разные корреляции. Своеобразие взаимообусловленности двух компонентов в составе КД позволяет подразделить КД на **три типа: взаимообусловленные** (рис. 3), где вербальный и изобразительный компоненты равноправны и не могут быть правильно интерпретированы в отрыве друг от друга (так реклама NOXEMA характеризуется сильной взаимосвязанностью текстовых элементов. Для понимания сообщения читатель должен учитывать обе знаковые системы одновременно. В противном случае неясно почему две девушки с пристрастием рассматривают свои лица в зеркале, а девушка, изображенная в центре, безмятежно улыбается, и какое отношение к этому имеет рекламируемая серия средств по уходу за кожей. Заголовок «Look forward to not looking.» также становится понятным только при соотношении его с изображением – только используя продукты данной марки можно не беспокоиться о чистоте и красоте кожи.), с *определяющим вербальным элементом* (рис. 1), где изображение зависит от вербального комментария, и без последнего смысл изображения неясен и может быть превратно истолкован (так в рекламе Snack-a-Jacks не сразу понятно, какая связь существует между упаковкой поп-корна и девушкой, одной рукой легко поднимающей фургон с надписью Snack-a-Jacks popcorn. Смысл рекламного сообщения становится понятным при прочтении заголовка: Surprisingly Light. New Snack-a-Jacks Butter Toffee Popcorn with less than 10% fat.); с *определяющим визуальным элементом* (рис. 2), где изображение доминирует, играя ведущую роль в раскрытии темы, и определяет интерпретацию вербальной части (заголовок «The Parrot Is Calling» рекламы рома Captain Morgan's PARROT BAY совершенно непонятен в отрыве от изображения предмета рекламы. Читатель недоумевает: Что это за попугай? Куда он зовет? К чему призывает? Только изображение бутылок с ромом Captain Morgan's PARROT BAY с попугаем на этикетке обеспечивает нужное восприятие данного РТ.).

Таким образом, в креолизованной диктеме элементы, принадлежащие разным семиотическим системам, либо находятся в отношениях взаимной обусловленности, либо определяющим является один из компонентов (визуальный или вербальный).

КД как и монокодовая диктема представляет собой **смысловое, коммуникативное и структурное целое**. Смысловая целостность КД заключается в единстве ее темы (микротемы). Отдельные элементы в составе КД не имеют самостоятельной темы, а служат совместно для выражения одной микротемы и взаимно дополняют друг друга, семантически взаимодействуют друг с другом при её раскрытии. Таким образом, креолизованная диктема **монотематична**. Объединение всех составляющих её элементов вокруг одной темы есть проявление её смысловой целостности. Переход от одной микротемы к другой есть пограничный сигнал, знаменующий конец одной диктемы и начало следующей.

Особенностью рекламного текста является тот факт, что, при всем разнообразии вариантов его построения, конкретных вариантов воплощения содержания, у рекламных сообщений одна тема (предмет/услуга, предназначенные для продажи) и одна главная мысль: «Это – прекрасный (выгодный, полезный) предмет/услуга, который просто необходимо купить, которым необходимо воспользоваться». Тема целого текста реализуется через иерархию частных тем, выделяющих все более дробные композиционно-текстовые отрезки. Самым нижним подразделением этой иерархии и служит диктема [2, с. 178]. В большинстве проанализированных РТ данная тема (представление предмета рекламы с наиболее выигрышной стороны) реализуется в КД. Последующие монокодовые диктемы в составе РТ содержат пояснения, дополнительные сведения, описание особенностей товара/услуги, позволяющие более точно его представить, а также информацию о производителе, продавце и месте, где товар можно приобрести. Например, реклама фотоаппарата Nikon (см. рис. 4). В данном РТ КД (заголовок+изображение) представляет предмет рекламы, а следующая диктема детализирует и конкретизирует его описание.

Тема КД может подаваться по-разному: *вербально*, когда используется только словесное обозначение предмета рекламы; *вербально-визуально* (как в примере, рассмотренном выше), когда словесное обозначение предмета рекламы дополнено его изображением; *визуально*, когда присутствует только изображение предмета рекламы без словесного его обозначения.

Отметим, что для РТ также характерны «интригующие» креолизованные диктемы, как пра-

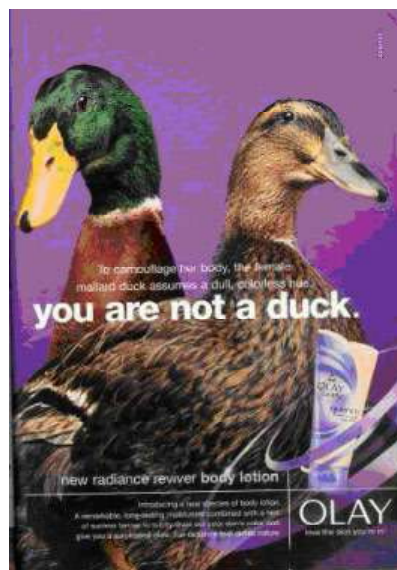

Рис. 5.

вило, объединяющие в своем составе заголовок и изобразительный элемент, цель которых не представить предмет рекламы, а вызвать у читателя интерес к последующему материалу, привлечь внимание, заинтриговать. Например, в следующем РТ (OLAY body lotion, COSMOPOLITAN, April 2005, p. 29) на фоне изображения двух уток (самка с невзрачным серым оперением и яркой окраски самца) дается следующий заголовок: «To camouflage her body, the female mallard duck assumes a dull, colorless hue. you are not a duck» (рис. 5).

КД здесь не столько служит цели раскрытия содержания целого текста, сколько привлекает к нему внимание.

Вербальный и изобразительный компоненты КД связаны между собой не только единством темы, но и разнообразными внешними сигналами, указывающими на то, что они представляют собой части одного целого и образуют в своей совокупности структурное единство. Сигналами структурной связи между компонентами КД могут служить и *визуальные* и *вербальные* элементы.

Вербальными средствами организации элементов в составе КД являются дейктические элементы (местоимения, наречия места и времени и др.) и повторы слов; *визуальными* – цвет, форма, пространственная близость, векторы/стрелки, в качестве которых могут выступать и элементы изображения.

Различные средства связи, как правило, функционируют в сочетаниях друг с другом, а не в «чистом виде». Например, в следующей КД

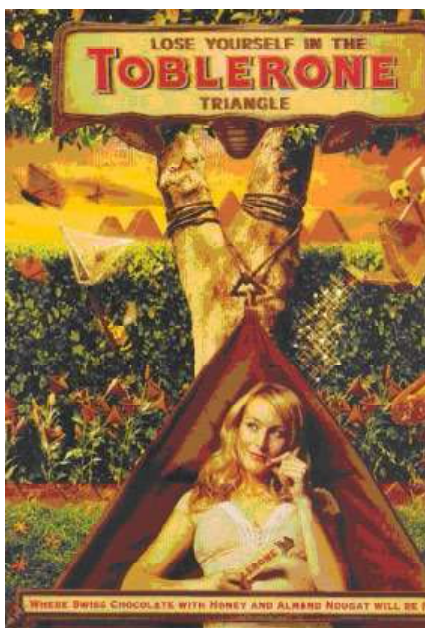

Рис. 6.

(весь РТ образует одну креолизованную диктему) взаимосвязанность компонентов выражается различными, действующими одновременно средствами (TOBLERONE, Marie Clair, August 2006, p. 124) (рис. 6).

Прежде всего, отметим **повтор**. На уровне *цвета* повторяются основные оттенки шоколадно-коричневого, сливочно-кремового, золотисто-медового и красного. Все вербальные элементы выполнены одинаковыми цветами и в одном стиле. Фирменное название в верхней части РТ и продолжение вербального текста внизу страницы представлены на кремовом фоне с коричневым ободком очень похожем на срез шоколада с нежной начинкой из нуги. Различные оттенки коричневого, кремового и золотистого доминируют во всем рекламном тексте. Особенность рекламируемого шоколада – необычная треугольная форма. Очевидно, этим объясняется преобладание данной *формы* в рассматриваемой диктеме (гамак, в котором отдыхает девушка – самый большой треугольник в данной рекламе. Возможно, это и есть тот самый TOBLERONE TRIANGLE, где предлагается потеряться и забыться, наслаждаясь чудесным шоколадом. Горы, цветы, бордюры также представляют собой кусочки шоколада. Даже крылья у бабочек, сачок, которым пчела ловит солнечный свет, и лейка, из которой на девушку в гамаке проливается искрящееся «волшебство» состоят из треугольных эле-

ментов. Таким образом, вербальный элемент «triangle» многократно повторяется в изображении (*вербально-визуальный повтор*). Кроме повторения среди средств связи необходимо отметить «**стрелки**». В данной КД их множество, и все они, являясь элементами изображения: орехи, форма ствола дерева, веревки и крепления гамака, идут от слова TRIANGLE и указывают на центральную часть изображения – девушку с шоколадом, чудесным средством очутиться в том райском уголке. Среди вербальных средств связи стоит назвать *дейктический элемент* where, который объединяет все компоненты данной КД (LOSE YOURSELF IN THE TOBLERONE TRIANGLE / WHERE SWISS CHOCOLATE WITH HONEY AND ALMOND NOUGAT WILL BE FOUND.).

Однозначно определить вид этой КД по характеру связи между его компонентами невозможно. Подобная картина наблюдается в подавляющем большинстве единств.

Итак, КД является реальной единицей рекламного текста, определяется одной микротемой, и рассматривается как семантическое и композиционное единство, нацеленное на реализацию прагматического воздействия.

Еще один не менее важный аспект диктемы заключен в ее стилистической охарактеризованности, которая как и тематическая, собирается от диктемы к диктеме и отображается на целом тексте [2, с. 179]. Именно диктема служит цельной единицей реализации коммуникативно-определенного контекста, в котором высказыванию может быть задана стилистическая характеристика. «Стилизация осуществляет такое коннотационное представление содержания, которое реализует ситуативно-обусловленное воздействие на слушающего, соответствующее коммуникативной цели говорящего» [3, с. 63].

Эффект стилизации в КД реализуется посредством экспрессивной рубрики информации, выдвигаемой в рекламном сообщении на первый план и создаваемой при помощи различных выразительных средств, прежде всего средств создания образности.

Наличие негомогенных частей в составе КД рассматривается нами как один из эффективных способов оказания неосознаваемого адресатом (манипулятивного) воздействия в рекламном тексте посредством создания яркого рекламного образа. Не секрет, что сегодня многие товары по своим объективным характеристикам ничуть не

Рис. 7.

отличаются от конкурентных, а иногда даже уступают им. Отсутствие реальных достоинств с лихвой компенсируется мифическими, созданием романтического ореола вокруг товара/услуги. В результате появляется «рекламный образ» – носитель рекламной идеи – уникального торгового предложения, позволяющего выделить рекламируемый предмет из ряда ему подобных, убедить адресата в необходимости, по крайней мере, поближе с ним познакомиться, узнать о нем больше. Реализация воздействия осуществляется с помощью всего арсенала вербальных средств. Выразительные возможности паралингвистических средств также широко используются для повышения образности рекламных текстов, для которых характерна тенденция к нестандартным, оригинальным способам выражения передаваемого собой содержания в целях повышения его действенности. Так следующий РТ (Orbit White, COSMOPOLITAN, June 2005, p. 178), образующий одну диктему, представляет собой яркий пример визуального тропа (рис. 7).

Визуальная метафора – изображение девушки с абажуром на голове и упаковкой отбеливающей жевательной резинки в руке – должна подчеркнуть эффективность рекламируемого продукта. Ведь улыбка девушки настолько ослепительна, что может быть сравнима со светом электролампы и это «сияние» даже необходимо слегка приглушить при помощи абажура. Использование этого приема заставляет читателя улыб-

нуться и делает рекламное сообщение ярким, запоминающимся.

Специфичность КД заключается еще и в том, что она имеет довольно сложную стилистику. Наряду с традиционными, уже ставшими нормативными, фигурами, такими как метафора, гипербола, сравнение и др. в ней употребляются фигуры вербально-визуальные, представляющие собой комбинацию 2-х видов знаков, коммуникативная значимость которых базируется на отношении напряженности их семантических свойств. Так в следующем примере – рекламе препарата от головной боли и мигрени (IMIGRAN RECOVERY, Marie Clair, August 2006, p. 271) изображение состоит из трех основных элементов: лица женщины, упаковки рекламируемого лекарства и открытой двери, ведущей в «светлое будущее» без боли. В центре РТ – вербальный элемент: MIGRAIN? Now there's a new way out (рис. 8).

В данной КД изображение выступает в качестве самостоятельного носителя информации и обладает определенной семантикой, что служит базой для его использования в приеме двойной актуализации значения, которая возникает в результате столкновения прямого и переносного значения слова way out, выраженных вербальным и иконическим знаком. В этом РТ обыгрывается переносное значение слова «way out» (выход из

Рис. 8.

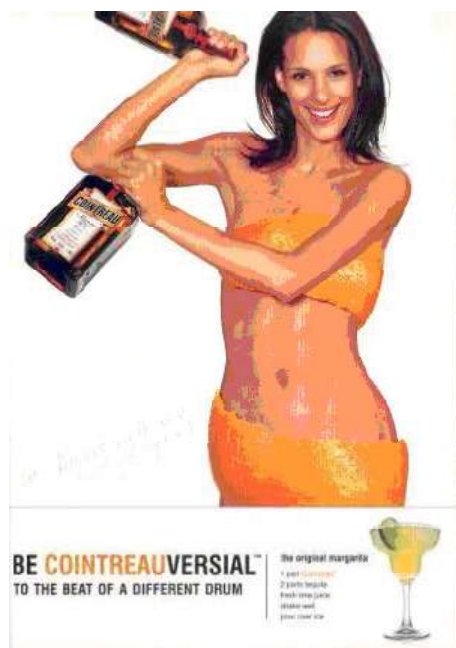

Рис. 9.

трудного положения), выраженное вербально, и прямое значение этого слова (выход наружу), переданное иконическим знаком, – изображением открытой двери. Такая вербально-визуальная метафора усиливает впечатление от РТ, делает его более ярким и экспрессивным.

Известно, что реклама представляет собой пример максимально эффективного использования выразительных средств, поскольку в основе ее создания лежат две тенденции: сжатость, лаконичность выражения и выразительность, емкость информации. Это обусловлено преобладанием в рекламном тексте функции воздействия, ведет к частому появлению в тексте **стилистических конвергенций**. Конвергенцией называется схождение в одном месте приемов, участвующих в единой стилистической функции. «Взаимодействуя, стилистические приемы оттеняют, высвечивают друг друга, и передаваемый ими сигнал не может пройти незамеченным» [10, с. 64]. В результате в небольшом по объему рекламном тексте создается мощное воздействующее поле. Иллюстрацией этого явления может служить следующий рекламный текст (COINTREAU, COSMOPOLITAN, June 2005, p. 277) (рис. 9).

Для повышения информационной насыщенности, оригинальности, запоминаемости, а в результате – усиления воздействия на адресата в рассматриваемом РТ используется целый комплекс выразительных средств и приемов. В этом тексте

можно выделить две креолизованные диктемы. Изображение девушки с бутылками ликера в руках и заголовок-слоган «BE COINTREAUVERSIAL TO THE BEAT OF A DIFFERENT DRUM» образуют одну КД. Другая диктема представляет собой рецепт коктейля «Маргарита», проиллюстрированный изображением бокала с готовым напитком. Особый интерес с точки зрения исследования стилистической конвергенции представляет первая КД. Созданный в данном случае рекламный образ отличается оригинальностью. Основная идея, реализуемая в диктеме – необычность, оригинальность, смелость и нестандартность, характерная как для рекламируемого товара, так и для людей, его употребляющих. При этом образность возникает благодаря взаимодействию изображения и вербальной части диктемы. В образе рекламы спиртных напитков изначально заложена идея искушения, получения удовольствия, подчас запретного [7, с. 91]. Для этой цели в этой рекламе используется образ красивой, обольстительной женщины, в импровизированном «бикини» из апельсиновой кожи. Это особый прием воздействия, при котором женская привлекательность и рекламируемый товар уподобляются друг другу (кроме того, данная ассоциация поддерживается с помощью повтора цвета: оранжевый – цвет и апельсинового ликера и «апельсинового» наряда девушки, и запатентованного названия). Вербальная часть КД представлена достаточно двусмысленным призывом-слоганом. В основе – метафора, построенная на сравнении эффекта от употребления напитка с движением под необычный музыкальный ритм барабана. Целостность рекламного образа достигается благодаря визуализации вербальной метафоры – изображения девушки, отбивающей ритм бутылками апельсинового ликера COINTREAU вместо барабанных палочек. Яркий, запоминающийся неологизм «COINTREAUVERSIAL» использует в качестве корня название рекламируемого ликера, которое выделено оранжевым цветом, и вызывает ассоциации со словом «controversial». Данный прием обеспечивает двойное прочтение слова и всей фразы. Образность креолизованной диктемы, для которой характерна конвергенция стилистических средств, усиливает ее воздействие на адресата, возбуждая потребительский интерес к предлагаемому товару.

Таким образом, КД может быть признана основной единицей РТ. Изображения и слова в кре-

олизованной диктеме не являются суммой семиотических знаков, их значения интегрируются и образуют сложно построенный смысл. Сочетание знаков разных семиотических систем в КД усиливает прагматический и стилистический потенциал рекламного текста, служит повышению информационной насыщенности текста, его оригинальности, доходчивости, запоминаемости, усиливает его воздействие на адресата.

Библиографический список

1. Валгина Н.С. Теория текста. http://www.hi-edu.ru/x-books/tmp/teorija_texta/v_print/013.htm#793.
2. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. — М.: Высшая школа, 2004. — 239 с.
3. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. — 2000. — № 4. — С. 56–67.
4. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной

английской медиаречи). — М.: Едиториал Урсс, 2005. — 288 с.

5. Пойманова О.В. Семантическое пространство видеовербального текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1997.

6. Кафтанджиев Х. Тексты печатной рекламы. — М.: Смысл, 1995.

7. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация. На материале креолизованных текстов. — М.: Академия, 2003. — 128 с.

8. Винарская Л.С. Информационная структура рекламного текста: Дис. ... канд. филол. наук. — М., 1995. — С. 28–29.

9. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. — М., 1990.

10. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: Стилистика декодирования. — М.: Просвещение, 1990. — 300 с.

Е.М. Абышева

ХРОНОПИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ЧУДО» В ТЕКСТАХ ИРЛАНДСКИХ СКАЗОК

В статье рассматриваются основные положения теории хронотопов и возможности их применения к текстам ирландских сказок. Обосновывается вывод о реализации концепта чуда на уровне хронотопов ирландских сказок на основе выделенного фрейма «время и место совершения чуда».

В русле интенсивно развивающегося когнитивного направления в лингвистике ширится круг исследуемых феноменов, относящихся к сфере человека и имеющих особую значимость для характеристики человека как рациональной и эмоциональной личности [9]. К таким феноменам относится и феномен чуда. То есть чудо мы относим к познавательно-эмоциональным концептам.

Вслед за Й.Л. Вайсгербером мы понимаем концепт как «духовный объект, структурирующий действительность», и отмечаем, что распознать концепт можно только анализируя мифы, фольклор, произведения литературы и искусства, в которых закрепились представления человека об окружающем его мире и о собственной природе [2]. Мы также разделяем мнение В.И. Чечётка, что изучение символики, которую мы обнаруживаем в языке, мифологии, фольклоре, культуре открывает исследователю доступ к человеческому сознанию. Человеческий язык является бесценным хранилищем древней культуры и истории людей [9].

Такие исследователи, как З.Д. Попова и И.А. Стернин полагают, что концепт может получить описание в терминах ядра и периферии. К ядру будут относиться прототипические слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью; первичные наиболее яркие образы; более абстрактные признаки составят периферию концепта. Периферийный статус того или иного концептуального признака вовсе не свидетельствует о его мало-значительности или маловажности в поле концепта, статус признака указывает на меру его удалённости от ядра по степени конкретности и наглядности образного представления [5].

Для определения ядра концепта «чудо» в английском языке мы провели компонентный анализ лексем, при этом мы обращались к таким словарям, как 1) **Britannica de Lux Edition, 2004 (CD)** [11] и 2) **American Heritage Dictionary (The third edition, by J. M. Patwell, P 2140)** [10]. Выбор данных словарей обусловлен тем, что помимо указания синонимов, они содержат так же ссылки на этимологию слов. Причём отличитель-

ной особенностью первого словаря является то, что он указывает дату вхождения слова в сферу речевого употребления, а отличительной особенностью второго словаря является то, что он позволяет выявить индоевропейские корни некоторых слов. Отметим также, что этимология слов более полно представлена в первом словаре.

Представим данные словарей в виде таблицы 1.

В результате проведённого компонентного анализа нами была выведена *интегральная сема* концепта «чудо» – “something causing astonishment” («нечто, вызывающее удивление»), и дифференциальная сема – “act of God” (Божественное деяние).

Входящие в концепт смыслы структурируются в виде фрейма [7].

Под фреймом вслед за М. Минским, мы понимаем «социально-обусловленную структуру знаний, представляющую тот или иной концепт (или его составляющую)». Фрейм организует понимание и категоризирует опыт, описывает то, что в данном обществе является типичным [4].

Проанализировав материал исследования (общим количеством 48 сказок) – сборник ирландских сказок П. Кеннеди “*Legendary Fictions of the Irish Celts*” [12] – мы пришли к выводу, что для концепта «чудо» релевантными будут следующие фреймы:

1. Исполнитель чуда.
2. Тип чуда.
3. Время и место совершения чуда.
4. Результат чуда.

В данной статье мы подробно остановимся на третьем фрейме: время и место совершения чуда.

Пространство и время относятся к числу важнейших феноменов, связанных с познавательной деятельностью человека [3]. Именно поэтому исследуя концепт «чудо» мы сочли необходимым обратиться к хронотопу ирландских сказок, с целью выявить особенности реализации концепта «чудо».

Понятие «хронотоп» М.М. Бахтин рассматривает в работе «*Формы времени и хронотопа в романе*»; он понимает хронотоп как «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [1]. Мы согласны с исследователем в том, что важным в хронотопе является выражение неразрывности пространства и времени, а потому хронотоп в литературе имеет существенное жанровое значение; настолько, что можно прямо сказать, что жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом [1].

М.М. Бахтин подчёркивает, что особенностью изображения бытового времени является *метаморфоза (превращение)*. Метаморфоза (превращение) – в основном человеческое превращение – наряду с тождеством, принадлежит к сокровищнице мирового доклассового фольклора. В особенно чёткой форме это сочетание сохраняется в народной сказке. В мифологической оболочке метаморфозы содержится идея развития, притом не прямолинейного, а скачкообразного, с узлами, следовательно, определённая форма временного ряда. Но состав этой идеи очень

Таблица 1

Сопоставление данных словарей Britannica de Lux Edition и American Heritage Dictionary

Word	Definition	Etymology	Date of entrance
miracle	divine event (intervention) – Britannica de Lux Edition act of God – American Heritage Dictionary	ME, from OF, from Late Latin <i>miraculum</i> , from <i>mirari</i> , Indo-European Root – <i>smei</i>	14th century
wonder	One that arouses astonishment	OE, from Old High German <i>wundor</i>	12th century
marvel	Something causing astonishment	ME, from OF, <i>merveille</i> , from Latin <i>mirabilia</i>	14th century
phenomenon	An occurrence	Late Latin <i>phaenomenon</i> , from Greek <i>phainomenon</i> Indo-European Root <i>bha-</i> <i>bhə-n-yo</i>	1605
prodigy	An extraordinary event	ME, from Latin <i>prodigium</i>	15th century
sensation	A state of heightened interest	ME, from Latin <i>sensatio</i> , <i>sensus</i>	1615

Таблица 2

Хронотопические характеристики ирландских сказок

Название сказки	Кто совершает чудо	Время совершения чуда	Место совершения чуда	Сами чудесные события
1. Adventures of Gilla na Chreack an Gour (Мальчик в козлиной шкуре)	Tom, <i>giants</i>	Long ago, at last, next morning, this time, daylight, for a little time, next day, at dinner, <i>he traveled and traveled</i>	Near the iron forge by Enniscorthy, street, wood, highroad to the town of Dublin	Tom meets a big giant in the wood; Bresna carries Tom home from the wood; Tom wins the giant and gets a fife in the wood; Begonias couldn't help dancing when Tom was playing the fife; Tom wins the next giant and gets ointment; Tom opened the door with the ointment
2. Jack and his comrades (Джек и его друзья)	Jack, <i>villain</i>	<i>Once</i> , summer, it's getting late, break of day	field	Jack meets aointed villain in the field
3. Jack the Master and Jack the Servant (Джек-хозяин и Джек-слуга)	Jack, <i>giant</i> , princess	A year and a day, sun began to shine, next morning, after sunset, night, the hour of noon, midnight	Pew, cave, castle, palace, river, gate, table	Uglier giant met Jack; The princess was under enchantment
4. The apparition in Old Ross (Призрак в Оулд Росс)	A gentleman (farmer), his daughter, <i>apparition</i>	11 o'clock at night	Neighborhood, steep hill	A gentleman-farmer and his daughter saw an apparition in the Old Ross; The apparition changed into the ass
5. The Brown Bear of Norway (Принц-Медведко)	Nurses, princess, prince, sorceress	Next minute, next moment, <i>three hours</i> , hundred years, next morning, before sunrise, dawn,	Lawn, floor, walls, window, door, chimney, shawl, panel in the wainscot	The nurses tell the princess that the Brown Bear of Norway is the enchanted prince; The prince tells the princess about the sorceress

сложный, почему из неё и развёртываются идеи разных типов [1]. В сказках встречаются примеры метаморфоз. Например, в сказке «Призрак в ОулдРосс» призрак, который увидели фермер и его дочка, вдруг оказывается ослом. А в сказке «Принц-медведко» принц перевоплощается в медведя при помощи шкуры этого животного.

По мнению М.М. Бахтина, в сказках имеет место инверсия времени, определяемая особым представлением о времени, в частности о будущем. Будущее путём инверсии относится в прошлое или частично, в настоящее, ибо этим путём всё становится более весомым, реальным, доказательным [1]. Действительно, сказки нередко заканчиваются «И жили они долго и счастливо...», «И стали они жить-поживать да добра наживать...». Хотя в этих концовках используется прошедшее время, мы понимаем, что в действительности, речь идёт о будущих событиях, а в повествовании просто опускаются незначительные детали.

Схожую мысль мы встречаем и у М.И. Стеблин-Каменского в работе «Становление литературы», в которой он пишет, что сказочный конец во многом определяет специфику сказки как фольклорного жанра. Именно этот конец всего больше определяет характер времени в сказке. С женитьбой на королевской дочке всякие события прекращаются, и время как бы обрывается. Но, обрывая время, сказочный конец тем самым выносит всё, что произошло до него, за рамки действительности [6]. Таким образом оказывается, что всё, рассказанное в сказке произошло в каком-то фиктивном времени, параллельном реальному.

В работе «Категория времени: время грамматическое и время художественное» З.Я. Тураева противопоставляет реальное время художественному и отмечает, что «художественное время не есть историческое время, однако историческое время прямо или опосредованно отражается в произведении искусства. Оно формули-

рует социальный характер освещения действительности» [8]. Отсюда очевидно значение художественного времени – оно является проекцией времени реального, одним из способов показать развитие действия.

Образ художественного времени возникает на основе необычного монтажа каких-то представлений о времени, порождённых творческим воображением. Важнейшими чертами художественного времени являются обратимость (например, возврат в прошлое), многомерность (действие развивается параллельно в нескольких местах в разное время) [8], но применительно к сказке, считает З.Я. Тураева, доминирует мифологический принцип построения сюжета [8]. Т.е. образы по степени художественного обобщения приобретают характер символов, типическое выступает на первый план.

Перейдём к исследованию хронопических характеристик ирландских сказок. Как уже было сказано, всего мы рассмотрели 48 ирландских сказок, входящих в сборник П. Кеннеди *“Legendary Fictions of the Irish Celts”*. Мы обращали внимание на именования героев, обозначения времени и места совершения чуда. В данной статье представим лишь фрагмент таблицы, обобщающей результаты нашего исследования по всем 48 сказкам.

Из данных таблицы 2 следует:

1) присутствуют герои, которые могут считаться волшебными: великаны, ведьмы, злые духи, прозрачные тела, привидения, кудесник, невидимые посетители, духи, дьявол, русалка, женщина в белом, колдун – 17 сказок;

2) встречаются примеры так называемой семантической категории неопределённого времени [8] – *шёл он шёл..., однажды утром (вечером, ...), время от времени, временами* – 11 сказок.

Рассмотрим обозначенные положения подробнее.

Лексику, которая используется для наименования героев сказок (например, такие слова, как *big giant, young giant, hags, evil spirit, apparition, fairy man, ghost, devil, mermaids, witches, sorcerer*) можно отнести к словам, принадлежащим к семантическому полю «чудо». А такие выражения, как *light bodies, woman in white, unseen visitors, some distance fugitives, villain* – мы считаем контекстуальными синонимами, так как отражают семантику чудо только в контексте данных сказок. Маркерами семантической категории неопределённого времени являются: а) повтор глагола с целью показать неопределённую длительность события во времени – *he*

traveled and traveled, she walked and she walked; б) использование слова *one* в качестве неопределённого местоимения – *one day, one evening, one night*; в) использование неопределённых наречий времени типа *at times, from time to time, once, there was once, in a good time*.

Таким образом, мы рассмотрели хронопические характеристики ирландских сказок и пришли к выводу, что концепт «чудо» проявляется в этих сказках и на уровне хронотопа. В качестве критериев реализации нами были избраны такие критерии, как волшебные герои, магические числа, неопределённое время и магические формулировки пространства. На наш взгляд, выбор этих параметров соответствует композиции сказок, а потому, результаты, полученные с помощью этих параметров можно считать объективными.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Эпос и роман // Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. – СПб.: Изд-во Азбука, 2000. – С. 9, 10, 79, 81.
2. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. – М.: УРСС, 2004. – С. 118.
3. Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1997. – Т. 56. – №3. – С. 22.
4. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. – С. 3.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Полевая модель концепта // Попова З.Д., Стернин И.А. Введение в когнитивную лингвистику. – Кемерово, 2005. – С. 14.
6. Стеблин-Каменский М.И. Мир саги. Становление литературы. – Ленинград: Наука, 1984. – С. 206.
7. Токарев Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 43.
8. Тураева З.Я. Категория времени: время грамматическое и время художественное (на материале английского языка). – М.: Высшая школа, 1979. – С. 15, 21, 51, 121.
9. Чечётка В.И. Концепт «человек» в мифопоэтической картине мира: Дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2005. – С. 5, 25.
10. Patwell J.M. The American Heritage Dictionary of the English Language. – NY, 2001. – P. 2100.
11. Энциклопедия Britannica de Lux Edition. CD-Rom [Электронный ресурс] (2004).
12. Kennedy P. *Legendary Fictions of the Irish Celts* [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.sacred-texts.com/neu/celt/lfic/htm>.

И.Н. Кузьмина

МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В АКТУАЛИЗАЦИИ ДИСКОНТИНУУМА (на базе немецкого языка)

Для раскрытия роли языковых категорий в актуализации дисконтинуума необходимо обозначить суть рассматриваемого явления.

Левосторонние и правосторонние связи единиц языка внутри сложно-синтаксического целого (ССЦ, логического единства), а также между ССЦ фрагментов текста с позиции грамматического, смыслового и коммуникативного аспектов обеспечивают континуальность текста (Г.Я. Солганик, Н.В. Шевченко). Дисконтинуум представляется нарушением такой континуальности.

1. Me ist kein Roboter. Er bestimmt alles, was an Bord und außerhalb geschieht ... (1a) Du wirst ihn nicht sehen, weil er vor mehr als siebzig Billionen Quarinen *tödlich verunglückte*. (1b) Er *verbrannte* in der Nähe des Sirius-Begleiters... [9, s. 105].

В данном фрагменте (1) наблюдается формальная последовательность текста, при которой событие X (Du wirst ihn nicht sehen) обусловлено событием Y (...weil er ...tödlich verunglückte). Предшествование события X не нарушает континуальности в силу нормативного характера грамматической реализации причинно-следственной связи: как правило, в сложноподчиненном предложении придаточное причины стоит после главного предложения. С содержательной стороны событие (1a) не раскрыто полностью, поскольку глагольную лексему *verunglücken* можно рассматривать в качестве гиперонима по отношению к единицам текста, выражающим множество видов несчастного случая, и тогда возникает ожидание дешифровки, инициирующее нарушение формальной последовательности текста. В этом случае следующее предложение (1b) представляет катафорическую связь элементов (*tödlich verunglückte* – *verbrannte*), реализация которой демонстрирует нарушение логической последовательности изложения с позиции структурного аспекта текста.

2. Ich habe mich an deine Bemerkung erinnert, dass Me *verbrannt* und dennoch am Leben sei [9, s. 113].

Высказывание 2 включается в событийную канву общего текста, о чем свидетельствуют формальные данные (страницы одного и того же про-

изведения: 105–113), а также лексическая наполняемость (*verbrannt*). Повторение глагольной лексемы *verbrennen* служит для раскрытия события первого высказывания (Me ist kein Roboter). Дистанционированность высказываний 1 и 2 обуславливается отсутствием непосредственной синтаксической связи между ними, что приводит к нарушению последовательности текста. На лексическом уровне связь, которая приобретает дисконтинуальный характер, сохраняется за счет реализации глагола *erinnern*. Используя выражение Ich habe an deine Bemerkung erinnert, адресант сообщает о наличии *предшествующего события* через указанную глагольную лексему, которая выступает анафорическим дейктиком (термин И.Р. Гальперина) в реализации ретроспективного направления дисконтинуума текста. С грамматической позиции, сочетание перфекта в главном предложении и презенса в придаточном подтверждает данное положение вещей. Участие в актуализации дисконтинуума анафорических дейктиков, в функции которых могут выступать языковые единицы лексического и грамматического уровней, обуславливает релевантность значений языковых единиц при нарушении последовательного характера текста ретроспективной направленности.

3. (3a) Lange Zeit rührte sich nichts. (3b) Hoffentlich bereitete man auf meinen Einstieg in den Raumschiff vor. (3c) Sobald ich eingestiegen war, wollte ich mit ihnen über die Dauer des Fluges sprechen. (3d) Ich sah hinüber nach Manik Maya. (3e) Bei Theo brannte noch immer Licht [9, s. 84].

События высказываний (3a), (3b) соответствуют одной ситуации внеязыковой действительности «ожидание определенного события», что позволяют установить средства языка, значение которых включает такие значимые признаки «ожидания» как «ничего не делать» (*nichts rührte sich*), «готовиться к чему-либо» (*bereitete man... vor*), «надеяться на что-либо» (*hoffentlich*). Это свидетельствует о проспективной характеристике межсобытийных отношений на уровне ССЦ (3a + 3b, 3c), поскольку общность события (ожидание чего-либо) реализуется с разных сторон: первое со-

держание (3a) дает представление об отсутствии действия, второе (3b) – о потенциальном действии (*hoffentlich*). В предложении 3с описывается реализация потенциального действия (сочетание плюсквамперфекта и претерита – грамматическое основание; дистантный лексический повтор *Einstieg* (3b) – *eingestiegen war* (3c) – лексическое основание). Смысловую связь высказываний сохраняет причинно-следственная связь событий: событие (*lange Zeit führte sich nichts*) имплицитно причину события (3b) (*offenbar bereitete man meinen Einstieg vor*); событие X (*der Einstieg in den Raumschiff*) определяет событие-следствия Z (*über die Dauer des Flugs mit ihnen sprechen, der Flug*). Взаимообусловленность указанных высказываний подтверждается и повтором корневой морфемы (*Einstieg* – *eingestiegen war*) и их синтаксической связью в рамках одного ССЦ. Таким образом, взаимообусловленность высказываний 3 (a-c) обеспечивается с одной точки зрения последовательный, с другой – дисконтинуальный характер текста.

Следствием ожидания является реализация ожидаемого. В связи с этим, следствием ожидания события X представляется актуализация этого события в следующем высказывании (3с). С позиции коммуникативного аспекта это подтверждается актуальным членением предложения, где событие X и его следствия Z выступают ремой высказываний (3b) и (3с), т.к. соответствующие языковые единицы функционируют в качестве членов предикативной группы: развитие тематической цепочки любого типа обуславливает тему следующего высказывания. Высказывания (3d) и (3е) раскрывают событие Y (*ich sah nach Manik Maya ...*), не связанное ни с темой, ни с ремой высказываний (3 a-c), что вызывает «эффект обманутого ожидания», нарушающий последовательный характер текста. На лексическом и грамматическом уровнях языка связь дисконтинуального характера обеспечивают в высказывании (3b) глагол *vorbereiten*, в высказывании (3с) модальный глагол *wollen* и придаточное предложение с союзом *sobald* и формой плюсквамперфекта глагола *einsteigen*, употребление которых связано с сообщением о потенциальном знании *событий, следующих за моментом речи*. Перечисленные средства языка, указывая на события посттекста, выступают в функции катафорического дейксиса как актуализатора проспективной направленности дисконтинуума текста.

Фактический материал демонстрирует, что в актуализации ретроспекции и проспекции участвуют лексические и грамматические средства языка, включающие сему «предшествования моменту речи» и/или «следования за моментом речи». Их участие, с одной стороны, позволяет говорить об анафорическом и катафорическом дейксисах как актуализаторах дисконтинуума различной направленности, с другой стороны, определяет значимость языковой категории и лексико-грамматического поля «темпоральности» для актуализации непоследовательного характера текста. При этом участие конституэнтов микрополя «будущего времени» (*wollen, vorbereiten, sobald*, форма плюсквамперфекта как синоним формы футурума II) в актуализации проспекции, и конституэнтов поля «прошедшего времени» (*erinnern*, форма прошедшего времени «перфект») в актуализации ретроспекции обуславливает специфику участия категории темпоральности в нарушении последовательного характера текста.

Наряду с выражением значения предшествования/следования за моментом речи ряд средств немецкого языка категории темпоральности обладают потенциалом выражать таксисные отношения (предшествование/следование события по отношению к другому событию). В случае, если языковые средства, выражая данные отношения, участвуют в актуализации дисконтинуума, можно говорить о значимости аспекта категории «одновременности/разновременности» (или категории таксиса) для данного явления текста.

4. Als die Telefonistin des Büros rauh-weiche Stimme Pilgrams ins Zimmer leitete, ...konnte Annette aus dem kurzen Ärmel ihrer Bluse ein Rinnsal von Schweißtropfen den Unterarm herablaufen sehen..., während sie ja, möglichst nur ja oder nein in den Hörer sprach [8, s. 33].

5. (5a) Noch vor zehn Stunden hatte Annette mit dem wirklichen Pilgram *telefoniert*. (5b) Jetzt war alles anders [8, s. 47].

Высказывание 4 и фрагмент 5 участвуют в изображении событий рассказа Роземари Цеплин „Schattenriß eines Liebhabers“, на что указывают формальные показатели (страницы одного и того же рассказа 33–47) и повтор антропонимов (Annette, Pilgram). При этом высказывание (5a) служит для раскрытия события X (Annette *telefoniert mit Pilgram*) высказывания 4, так как лексемы *Telefonistin, Stimme Pilgrams, Annette sprach in den Hörer* обозначают объекты и действия, ко-

которые предполагает глагол *telefonieren*, выступающий на этом основании гиперонимом соответствующих единиц текста. Отнесенность высказываний 4 и (5a) к ССЦ разных фрагментов текста обуславливает отсутствие синтаксической связи между ними, что нарушает последовательный характер текста. Предшествование события X, актуализованного высказываниями 4 и (5a) событию Y (*jetzt war alles anders*) опосредует употребление предлога *vor* и глагола *telefonieren* в форме плюсквамперфекта в сочетании с формой претерита глагола *sein*, выражающих значение разновременности действий (событий). Использованное в высказывании (5b) наречие *jetzt* предполагает совпадение момента свершения события Y с моментом речи. В связи с этим, указывая на разновременность событий X и Y, адресант сообщает о предшествовании события X моменту речи, поскольку наречие *jetzt* маркирует дифференцированный характер времени совершения действия через сопоставление «тогда – сейчас». Таким образом, плюсквамперфект в сочетании с претеритом (5a – 5b), предлог *vor* (5a) и наречие *jetzt* (5b) подтверждают нарушение последовательности изложения в тексте и как конституэнты поля темпоральности, выражающие значение разновременности действий (событий), обуславливают роль аспекта (подкатегории) «разновременности» (по Бондарко, категории таксиса) в маркировании дисконтинуума.

Однако, не всегда предшествующее или последующее действие (событие) совпадает с моментом речи.

6. (6a) *Ich wollte noch etwas Wichtiges wissen, bevor die Reise losging.* (6b) *Das feine Summen brachte mich aber zum Schweigen* [9, s. 107].

В высказывании (6a) адресант с помощью глагольной лексемы *wollen* сообщает о потенциальности событий X (*ich weiß etwas Wichtiges nicht*) и Y (*die Reise geht nicht los*). События X и Y можно рассматривать в качестве актуальной ремы высказывания (6a) и потенциальной темы следующего высказывания или ССЦ. Так как смена события обусловлена «жужжанием» как признаком начала путешествия (шум двигателей), то имеет место нарушение последовательности событий будущего X, Y, определенное союзом *bevor*. Содержание высказывания (6b) не раскрывает заданные события (*etwas Wichtiges wissen, die Reise geht los*), поскольку прерывает размышления персонажа. Это может быть и признаком

другого события, не имеющего отношения ни к событию X, ни к событию Y, в связи с чем следует рассмотреть оба случая. Если событие (*das feine Summen brachte mich aber zum Schweigen*) служит сигналом к новому, не связанному с событиями X и Y событию, то реализация высказывания (6b) нарушает логическую последовательность событий текста. При таком положении дел для актуализации дисконтинуума значим модальный глагол *wollen*, и не значим порядок следования. Таким образом, значение «разновременности действий» актуально для дисконтинуума, если одно из разновременных действий/событий совпадает с моментом речи, или нарушается последовательность действий/событий при разновременных событиях, ни один из которых не совпадает с моментом речи. Это определяет ряд особенностей аспекта категории «темпоральности» (категории таксиса) для актуализации непоследовательного характера текста.

Предшествование действия (события) моменту речи предполагает знание о данном действии (событии), его известность, определенность. Соответственно, следование действия (события) за моментом речи имплицитно его неопределенность, неизвестность. Это позволяет предположить, что категория и лексико-грамматическое поле «определенности/неопределенности» играют важную роль в актуализации дисконтинуума.

7. *Frau Bianka wurde dem jungen Edelmann Florio vorgestellt* [5, s. 35].

8. *Da erkannte Florio Frau Bianka* [5, s. 64].

В высказывании 7 описывается знакомство героев новеллы Эйхендорфа „Das Marmorbild“, что дают понять глагольная лексема *wurde vorgestellt* и соотнесенные с ней антропонимы (Florio, Frau Bianka). Заданная ситуация ориентирована на последующий текст, т.к. предполагает известность, определенность героев друг для друга и читателя в дальнейшем. Соответственно, событие Y (*da erkannte Florio Frau Bianka*) за счет повторной реализации имен собственных Florio, Frau Bianka в высказывании 8 можно рассматривать как следствие события X (*Frau Bianka wurde dem jungen Edelmann Florio vorgestellt*). Континуальность подтверждена и предшествованием события Y, что соответствует норме грамматической реализации причинно-следственных отношений. На лексическом уровне показателем такой связи явлений выступает анафорический дейксис глагола *erkennen*, выражающий значение опреде-

ленности, известности кого-либо до момента речи. Взаимообусловленные высказывания представляют собой синтаксически не зависимые друг от друга единицы текста, что нарушает последовательный характер текста. В связи с этим, анафорический дейктик в данном случае представляется маркером ретроспекции. Как конституэнт микрополя «определенности» глагол „erkennen“ подтверждает значимость категории «определенности/неопределенности» в актуализации ретроспекции.

9. Henning hört aus dem Nebenzimmer Vater zu Mutter reden: ... Warum fährt er (der Großvater) doch nicht ins Altersheim, wo er aufgehoben wäre. Warum bleibt er dort? Als letzter [7, s. 5].

10. Was hat dich (Henning) heute zum Großvater fahren lassen? [7, s. 10].

В высказывании 10 актуализована неопределенность причины действий героя через реализацию предложения с вопросительным словом „was“. При логической последовательности изложения причина предшествует следствию. Необходимость 10 и предшествующее ему 9, т.к. они содержат повторную реализацию имен „Henning“, „Großvater“. Актуализованная высказыванием 9 ситуация позволяет сделать субъективный вывод о причине события 10: слова отца „der Großvater bleibt als letzter dort“, „Großvater wäre im Altersheim aufgehoben“ вызывают у любящего внука желание поддержать дедушку, помочь ему. Отсутствие непосредственной синтаксической связи между высказываниями обуславливает их дистанцированность, что актуализирует дисконтинуум. С другой стороны, поскольку вывод не подкреплён соответствующими высказываниями в предтексте, в данном случае можно говорить только о субъективном разрешении неопределенности, которое должно быть подтверждено в последующем тексте. Предшествование в реализации событий нарушает логическую последовательность изложения. На лексическом уровне связь такого характера обеспечивает наличие вопросительного слова *was*, которое является анафорическим средством, «отсылающим» к предшествующему и последующему тексту, и, тем самым, актуализирующим ретроспекцию и проспекцию. Следовательно, средства языка, выражающие значение «неопределенности, неизвестности» обладают потенциалом выступать как в функции анафорического дейксиса, так и в функции катафорического дейксиса, маркирующих разную направленность дисконтинуума текста.

В качестве примера, когда значение неопределенности релевантно только для актуализации проспекции, можно привести высказывание 1, включающее гиперо-гипонимические отношения *verunglückte* – *verbrannte*. Глагольная лексема *verunglückte* задает неопределенность, разрешение которой (ожидание разъяснения, конкретизации) в последующем тексте актуализирует дисконтинуум проспективной направленности.

Таким образом, фактический материал демонстрирует функциональную значимость категории «темпоральности» и ее аспекта «одновременности/разновременности», а также категории «определенности/неопределенности» в актуализации дисконтинуума. Каждая категория имеет свою специфику при маркировании ретроспекции и проспекции.

Однако инвентарь средств языка, способных выступать в функции анафорического/катафорического дейксиса, не ограничен перечисленными категориями. В функции дисконтинуума могут выступать также периферийные средства других категорий, например, категории компаративности.

11. (11a) Da trat plötzlich in dem stillen Bogengange eine schlanke Dame von wundersamer Schönheit zwischen den Bäumen hervor. Florio stand voller Erstaunen... Es war Frau Bianka [5, s. 35].

12. Da sah Florio seine Frau Bianka wieder. (12a) Diesmal schien sie ihm (Florio) *noch schöner* [5, s. 57].

Фрагмент 11 участвует в актуализации события «встреча Флорио и г-жи Бьянки в саду», о чем свидетельствуют лексемы (Florio, Frau Bianka, zwischen den Bäumen, hervortreten). При этом в высказывании (11a) также сообщается о признании юношей красоты Бьянки (Dame von wundersamer Schönheit). Фрагмент 12 включается в ход событий текста, на что указывают формальные данные (страницы одного произведения: 35–57) и лексический состав (Bianka, Florio, корневая морфема *schön*), раскрывая событие У дистанцированного фрагмента текста «следующая встреча Флорио и г-жи Бьянки». Это позволяют установить лексемы *diesmal*, *sah wieder*, которые указывают на предшествование аналогичного события в тексте. При этом повторение антропонимов *Bianka*, *Florio* и корневой морфемы *schön* в высказывании 12 обеспечивает логическое соответствие отношения объекта *Florio* к героине новеллы *Bianka*, что обеспечивает смысловую связь высказываний 11a и 12a. Участие этих высказываний в раскрытии событий разных фраг-

ментов текста определяет отсутствие непосредственной синтаксической связи между ними, что нарушает последовательность изложения в тексте. На лексическом уровне соотносительность высказываний сохраняется за счет степени сравнения прилагательного *schön*, на которую указывает суффикс *-er* и частица *noch*, усиливающая воздействие сравнения. Словообразовательная морфема *-er* как конституент поля «компаративности», предполагает наличие «объекта сравнения» и «члена сравнения, с которым сравнивают» [2, с. 115]. Следовательно, форма сравнения прилагательного *schön* сигнализирует не только о необходимости сравнения, но и указывает на присутствие определенного предмета (лица) и его свойства в предшествующем тексте, т.е. выполняет функцию анафорического дейксиса в реализации ретроспективной направленности дисконтинуума текста. Следовательно, можно говорить о потенциале конституентов поля «компаративности» маркировать дисконтинуум.

Таким образом, наряду с категориями, участие которых в маркировании дисконтинуума опосредовано основным категориальным значением (темпоральность, таксис, определенность/неопределенность), можно определить значимость для актуализации непоследовательного характера текста категории компаративности, несмотря на вторичность значения «предшествования/следования» для рассматриваемого явления. Это позво-

ляет не только расширить спектр языковых средств, обладающих потенциалом выступать в функции анафорического и/или катафорического дейксисов, но и дифференцировать языковые категории с точки зрения их роли в актуализации дисконтинуума на доминантные и второстепенные.

Библиографический список

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М.: Наука, 1981. — 140 с.
2. Гулыга Е.В. Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. — М.: Просвещение, 1969. — 184 с.
3. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое): Учеб. пособие для студентов вузов по спец. «Рус. яз. и лит.». — М.: Высшая школа, 1991. — 182 с.
4. Шевченко Н.В. Основы лингвистики текста: Учеб. пособие. — М.: «Приор-издат», 2003. — 160 с.
5. Eichendorff J. von. Das Marmorbild: Erzählung. — Kehl: SWAN Buch-vertrieb GmbH, 1993. — S. 17–66.
6. Mann T. Tonio Kröger. — М.: Raduga – Verlag, 2002. — S. 74–171.
7. Nowotny J. Abschiedsdisko: Jugenderzählung. — Berlin: Kinderbuchverlag „Edition Holz“, 1981. — 95 s.
8. Zeplin R. Schattenriss eines Liebhabers: Erzählung. — Leipzig: Aufbau-Verlag, 1991. — 120 s.
9. Ziergiebel H. Zeit der Sternschnuppen: Roman. — М.: Menedjer, 2001. — 384 s.

А.Н. Максимов

МОДАЛЬНОСТЬ ПРЕДПОЧТЕНИЯ И ЕЕ ВЫРАЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Современный подход к изучению синтаксической семантики предполагает, что значение высказываний и отдельных языковых форм нельзя адекватно проанализировать без учета прагматического контекста и коммуникативного намерения говорящего. Под этими терминами понимаются соответственно экстралингвистическая ситуация, в которой происходит реализация сообщения, и непосредственно замысел высказывания. Наблюдая за языком в действии, т.е. за высказываниями в реальном общении, можно обнаружить способы формирования новых синтаксических конструкций, а также дифференцировать их по семантико-прагматическому критерию. Так, в общей массе пред-

ложений, выражающих сравнение, можно выделить группу предложений, выражающих отношение предпочтения. Эти предложения несут в себе принципиально новое содержание, которое не сводится к обозначению сравнительных отношений. В них заключается ценностно-избирательное отношение субъекта к окружающему миру. Именно эта семантика лежит в основе всех типов предпочтительных высказываний. В данной статье мы предлагаем анализ семантики предпочтения как разновидности значений субъективной модальности на материале высказываний современного английского языка. К тому же мы постараемся проанализировать основные средства выражения предпочтения в английском языке.

Предпочтение можно определить как волевой выбор оптимальной альтернативы из ряда возможностей. Выбор объекта предпочтения может определяться полезностью самого объекта, его необходимостью на данный момент или субъективным пристрастием человека. Поскольку предпочтение подразумевает выбор одного из множества, предпочитаемая нечто, субъект не ограничивается оценкой лишь одного объекта, но воспринимает его в сравнении с другими, и затем принимает решение.

Модальность предпочтения получает выражение, главным образом, в двух планах: 1) как акт предпочтения, иными словами, мысленное действие индивида, направленное на выбор оптимальной ситуации из нескольких альтернативных; 2) как состояние предпочтения, иными словами, устойчивая система вкусов. В первом случае предпочтение представляет собой перформативный акт, поскольку индивид не описывает свои вкусы, а выполняет действие (например, принимает решение, изъясляет желание). В связи с этим этот тип можно условно назвать перформативным предпочтением. Например:

“Would you like to go with the inspector, Mr. Poirot?” asked the chief constable, “or would you prefer to examine the study?” Poirot chose the latter alternative (A. Christie, “The Murder of Roger Ackroyd”, p. 61).

Второй случай сводится к констатации вкусов в рамках общей характеристики личности. Этот тип, соответственно, можно условно назвать констатирующим предпочтением. Например:

As I came to know later this secrecy was characteristic of him (Poirot). He would throw out hints and suggestions, but beyond that he would not go (A. Christie, p. 116).

Явление двух планов предпочтения рассматривается Н.Д. Арутюновой как «операциональное» (1) и «неоперациональное» (2) предпочтения. Первый тип выражает сознательный выбор (preferential choice), устраняющий альтернативы и программирующий действия. Признак обдуманности (взвешенности всех плюсов и минусов) противопоставляется решению по жеребьевке и выбору наобум. Второй тип рассматривается как некое психологическое состояние, склонность натуры [1].

Тем не менее, нельзя говорить о полном разграничении этих двух планов выражения предпочтения, поскольку конкретный акт предпочте-

ния в большинстве случаев связан с устойчивой системой индивидуальных вкусов, неотъемлемой частью общей характеристики личности.

Изучая модальность предпочтения, нельзя не отметить сложность ее специфики среди прочих явлений субъективной модальности. Это отношение, как никакое другое, характеризуется весьма тонким механизмом актуализации в тексте. Действительно, рассматривая ту или иную конструкцию предпочтения, можно отметить ее комплексную модальную сущность. Она представляет собой некий семантический сплав оптативной модальности, волеизъявления и сравнения. Именно эти значения в большинстве случаев используются для объяснения феномена предпочтения, они же являются неотъемлемыми семантическими компонентами дискурса предпочтения. Таким образом, содержание модальности предпочтения, по меньшей мере, трехчленно и не описывается в рамках одного вида отношений. Помимо этого следует отметить, что модальность предпочтения не реализуется в тексте при помощи одного лексического или грамматического экспонента. На уровне глубинной структуры она представляет собой системное отношение множества аргументов. Так, для актуализации модальной функции предпочтения Р требуются следующие аргументы: 1) S (субъект); 2) O (предпочитаемый объект); 3) O_n (альтернативные объекты, из которых производится выбор); 4) R (reasoning – обоснование предпочтения); 5) Ev (evaluation – эмоциональное описание всех достоинств O). Текстовый анализ показывает, что все выделенные аргументы функционируют как тематически организованное единство, несмотря на то, что некоторые аргументы могут получать как эксплицитное, так и имплицитное выражение.

Определив область значений, образующих семантическую сферу модальности предпочтения и выделив основные типы преференциальных высказываний, представляется возможным перейти к рассмотрению средств ее выражения в современном английском языке. Предварительно следует отметить, что любая семантика, в конечном счете, получает выражение на уровне диктемы, тематизирующей и стилиобразующей единицы устного или письменного текста. Однако средствами ее выражения могут быть самые разнообразные языковые элементы, от простых до более сложных. Так, значениями модальности предпочтения в английском языке обладают лек-

семы: *prefer*, *choose*, *favor*, *taste*, их именные и адъективные дериваты; аналитические сочетания *would rather*, *had better*; определенные типы сравнительных конструкций; а также, стоящие особняком, конструкции с оператором *better*.

Остановим внимание на основных способах лексико-грамматической индикации и, прежде всего, рассмотрим английские глаголы *prefer* и *choose*. Эти глаголы легко взаимозаменяются в контекстах, отражающих ситуацию выбора, что свидетельствует об их функционально-семантической общности. Это позволяет в большинстве условий употреблять то один, то другой глагол без всякого нарушения смысла. Вместе с тем, в системе языковых (лексических) значений *prefer* и *choose* отличаются друг от друга. Так, для глагола *choose* совсем необязательным является выражение субъективного пристрастия или наслаждения, получаемого от того или иного положения дел. *Choose* выражает лишь «механику» выбора, волеизъявление говорящего. В отличие от него *prefer* может характеризоваться дополнительными оттенками значения.

Prefer, будучи ядром модальной семантики предпочтения, «стягивает» вокруг себя лексические и грамматические единицы языка, способные выступать в том же контекстном значении, вместе с тем, эти единицы неизбежно привносят в значение часть собственной семантики.

Следовательно, мы говорим о прагматической общности и взаимозаменяемости глаголов *prefer* и *choose*, имея в виду их семантическую нейтрализацию, когда любой из них способен позиционировать в функции своего коррелята. Такая взаимозаменяемость часто подтверждается присутствием в контексте обоих слов, служащих для называния одного и того же явления. Например:

He sat and Mary Dove sat opposite him. She *chose*, he noticed, to face the light. An unusual *preference* for a woman. Still more unusual if a woman had anything to hide. But perhaps Mary Dove had nothing to hide (A. Christie, "A Pocket Full Of Rye", p. 22).

В функции выразителя предпочтения *prefer* может сочетаться и с другими модализованными глаголами, например: *love*, *like*. Последние выражают предпочтение только в сочетании с оператором "better", который вносит в их семантику ценностное сравнение (*prefer* = *love* or *like* better). В автономном употреблении *love* и *like* предпочтения не выражают, но передают более широкую гамму чувств, связанных с любовью,

наслаждением, желанием, одобрением, разного рода положительными эмоциями. Отмеченное различие между глаголами наглядно демонстрируется примерами контрастного употребления *love* и *prefer*. Например: "I *love* walking," she said. She might have added that she *preferred* to do it on a day when the wind was not blowing so keenly from the East (P.G. Wodehouse, "Jill The Reckless", p. 109).

Весьма и весьма малую группу языковых единиц, выражающих предпочтение, составляют *had better*, *would rather*, *would sooner*. Эти грамматические сращения функционируют как одно слово и являются синтаксическим аналогом слова *prefer*. Трудно говорить здесь об отдельном значении *had* или *would* уже по той причине, что в этих конструкциях не употребляются другие формы. О грамматичности этих сочетаний говорит и тот факт, что первые элементы сокращаются до формального 'd в экономной и быстрой речи. Это самые простые и частоупотребимые заготовки, выражающие предпочтения на все случаи жизни. В плане семантики *had better*, *would rather*, *would sooner* выражают некую исходную ситуацию, не устраивающую субъекта, и которой он предпочитает новое положение дел. Когда эти конструкции употребляются с первым лицом, они обозначают предпочтение говорящего, в случае их использования со вторым и третьим лицами, они выражают совет, просьбу или предостережение говорящего. Например:

"Ogden, darling," said Mrs. Pett, "I think you *had better* go to your room and undress to go to bed. A little nice sleep might do you all the good in the world". (P.G. Wodehouse "Piccadilly Jim", p. 158).

Сочетание *had better*, *would rather*, *would sooner* с простым инфинитивом (как в предыдущем примере) обозначает предпочтение или совет, относящийся к будущему с точки зрения момента речи. С перфектным инфинитивом эти конструкции употребляются крайне редко. Тем не менее, при таком использовании они выражают нереализованное предпочтение в прошлом, т.е. ситуацию, в которой субъект действовал вопреки самому себе. Например:

Elisabeth had never been more at a loss to make her feelings appear what they were not. It was necessary to laugh, when she *would rather* have cried (J. Austen).

Говоря о сравнительных конструкциях, необходимо сказать, что в основе их моделирования лежит морфологическая категория степеней срав-

нения прилагательных. По нашему мнению, именно прилагательные в формах сравнительной и превосходной степени обеспечивают грамматическое выражение модальности предпочтения. Прилагательные в этих формах обычно используются в сравнительных конструкциях различных типов для указания на неравнозначность объектов по определенному признаку. В связи с этим в конструкции сравнения один предмет всегда интерпретируется как обладающий большим количеством признака, а второй как обладающий меньшим его количеством. В усложненных компаративных конструкциях объекты могут соотноситься на основании множества дифференциальных признаков: скажем, А уступает В в одном качестве, имея превосходство над ним в другом качестве. Как известно, во многих языках сравнительные конструкции строятся по принципу семантической градации, в которой качественный признак реализуется в двух направлениях – по возрастающей и по убывающей. Отдельным типом сравнительных высказываний представляются заявления о тождестве или подобии предметов на основании общего признака. В этой связи можно сказать, что модальность предпочтения является частным аспектом сравнительных отношений, поскольку она реализуется за счет компаративной семантики соответствующих слов и структур. Важно отметить, что предпочтение актуализируется в сравнении не в любом случае, а только в том, когда признак лежащий в основе сравнения является приоритетным, т.е. значимым для говорящего. Например:

“There are simpler points,” said Poirot, “arising out of your report, points, that I prefer” (A. Christie, “Elephants Can Remember”, p. 127).

В данном случае простота аргументов представляется говорящему их полезным свойством, соответственно, он предпочитает довольствоваться ими, не принимая во внимание серьезные обстоятельства.

Прилагательные в сравнительной степени могут выражать модальность предпочтения самостоятельно, без помощи основного средства – глагола *prefer*. Акцентируя приоритетное свойство предмета, они имплицитно субъективный выбор. Так, высказывание *this is a sharper knife* имплицитно предпочтение говорящего воспользоваться в ситуации именно этим ножом, поскольку он острее того, с которым сравнивается, а высказывание *this is a shorter walk* имплицитно выбор говорящего пройти коротким путем в силу

разного рода обстоятельств. Эти предложения целесообразно употреблять в качестве спутников действия или указателей. В подобном смысле многие предложения с модальностью предпочтения можно рассматривать не только как сообщения о пристрастиях говорящего или его собственных интересах, но и как средство подтолкнуть собеседника к определенному действию, или как средство навязать адресату свою точку зрения. Например:

– She seems a very pleasant young woman.

– Oh! Dear, yes; – but you must own she is very plain. Lady Lucas herself has often said so, and envied my Jane’s beauty. I do not want to boast of my own child, but to be sure, Jane – one does not often see anybody better looking. It is what everybody says. I do not trust my own partiality (J. Austen “Pride and Prejudice”, p. 45).

Среди прилагательных основным экспонентом модальности предпочтения служит компаратив *better*. Действительно, любое прилагательное в сравнительной степени выражает предпочтение настолько, насколько оно включает в себя семантику слова *better*. «Лучше» выполняет в речи две основные функции: во-первых, оно выражает субъективную модальность, поскольку логически всегда можно спросить, для кого именно что-то представляется лучшим, и на каком основании, а во-вторых, оно функционирует непосредственно в структуре предложения, отражая сравнительные отношения между обозначенными референтами. Первая функция, модальная, является главной, так как сравнение осуществляется на основе субъективного восприятия реальных предметов.

В конструкциях предпочтения слово *better* способно замещать конкретные значения других прилагательных в сравнительной степени. Это возможно благодаря тому, что собственное значение слова весьма широко и неопределенно, ведь оно является категориальной формой слова *good*. Дело в том, что при каждом конкретном употреблении этого слова говорящий указывает на приоритетный признак, не называя его. Таким образом, под знаком слова *better* подразумеваются приоритетные свойства предметов и ситуаций, которые могли бы получить иное выражение, – а именно посредством других качественных прилагательных. Следовательно, когда говорят: *this house is better than that one*, то могут подразумевать *this house is larger, or more*

fashionable, or better-located in relation to the centre, or is situated in an area with fresher air и т.д. Better маркирует предпочтение как эксплицитно выраженную субъективную модальность, а компаративные формы прилагательных в то время имплицитно признают, заложенный в основу предпочтения. В этом смысле оператор better близок глаголу *prefer*, который также, выражая предпочтение, не содержит в себе его обоснования. В отличие от “*prefer*” и “*better*” компаративные формы прилагательных выполняют двойную работу: обозначают субъективное предпочтение и выражают своей семантикой тот признак, на основании которого говорящий предпочитает нечто. В логической теории признак, положенный в основу сравнения, называется *tertium comparationis*.

Подводя итоги, следует отметить, что семантика предпочтения занимает особое место в сфере субъективно-модальных значений, характеризующих индивидуальное восприятие и оценку действительности. Содержанием этой модальности является ценностно-избирательное отношение субъекта к предметам и явлениям окружающей среды. Как показывает анализ языкового материала, предпочтение само по себе является комплексом модальных значений, и в том или ином контексте оно характеризуется оттенками волеизъявления, желательности, предрасположенности к определенному порядку вещей. Предпочтением в широком смысле можно назвать как

ситуативный выбор, так и психическую склонность природы к определенному роду занятий. В первом случае решение субъекта подкрепляется рациональными обоснованиями и во многом зависит от условий, во втором случае субъект преимущественно руководствуется своими симпатиями. Сфера выражения предпочтения в английском языке достаточно широка. В нее входят как отдельные лексемы, так и грамматические конструкции, которые актуализируют это значение в высказывании.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни языка // Проблемы структурной лингвистики. — М., 1984.
2. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. — М., 2004.
3. Виноградов В.В. О категории модальности в русском языке // Труды ин-та русск. языка. — М., 1950.
4. Вольф Е.М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо» / «плохо» // В.Я. — 1986. — №5.
5. Ивин А.А. Основания логики оценок. — М., 1970.
6. Сепир Э. Градуирование: семантическое исследование // НЗЛ. Вып. XVI. — М., 1985.
7. Тулина Т.А. О способах эксплицитного и имплицитного выражения сравнения в русском языке // Филологические науки. — 1973. — №1.
7. Wright C.H. von. The logic of preference. — Edinburgh, 1963.

Е.Н. Морозова

ОППОЗИЦИОННОЕ ЗАМЕЩЕНИЕ ПО КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ (настоящее-будущее)

Понятие оппозиции является одним из основных в учении о грамматической категории слова. Передача категориальных значений основана на непосредственных парадигматических соотношениях грамматических форм и выявляется в виде категориальных грамматических противопоставлений, или оппозиций. Элементы объединяются в оппозиции по имеющимся у них «общим» признакам и при этом обязательно содержат «дифференциальные» признаки (далее ДП), которые непосредственно различают выражаемую оппозицией функцию [3, с. 122].

Теория оппозиций была впервые сформулирована Н.С. Трубецким в области фонологии. В своих трудах ученый определяет фонологическую оппозицию, дает ее характеристики, а также описывает различные виды оппозиций. По характеру соотношения ДП фонем были выделены такие виды оппозиций, как привативная, градуальная, эквиолентная. По количеству противопоставляемых членов — бинарная, тернарная, кватернарная и т.д. Для нас наибольший интерес представляет разделение Н.С. Трубецким оппозиций по объему их смысловозначительной силы или действительности в различных позициях на постоян-

ные и нейтрализуемые. Члены постоянной фонологической оппозиции являются самостоятельными фонемами. Когда же «фонологическое противоположение в известных положениях нейтрализуется», мы имеем дело с нейтрализуемыми оппозициями, «а положения, при которых возникает нейтрализация, мы называем положениями или позициями нейтрализации» (Н.С. Трубецкой, 1960).

Таким образом, в работах Н.С. Трубецкого было не только введено понятие оппозиции, но и был описан процесс оппозиционного замещения. Эти идеи заинтересовали многих ученых, как его современников, так и лингвистов последующих поколений. К ним относятся С. Карцевский, Р.О. Якобсон, Е.И. Шендельс, А.В. Исаченко, И.Б. Хлебникова. Наибольший интерес вызвала возможность применения идей Н.С. Трубецкого в области морфологии.

Сложность здесь состоит в том, как неоднократно отмечалось учеными, что единицы (соответственно члены оппозиции) в морфологии, в отличие от фонологических, обладают как планом выражения, так и планом содержания. Не всегда четко показано, в какой области происходит нейтрализация в том или ином случае. Но все сходится в том, что нейтрализация происходит либо в плане содержания, либо в плане выражения. Следует отметить, что некоторые ученые придерживаются мнения, будто о нейтрализации можно говорить лишь применительно к оппозициям в фонологии и морфологии, т.е. там, где существует парадигматика дифференциальных признаков и категорий.

Однако современные ученые говорят о наличии процесса нейтрализации и в области синтаксиса. Разработанная М.Я. Блохом теория парадигматического синтаксиса дает нам такую возможность, ведь теперь мы можем выявить парадигматические отношения и в синтаксисе, можем выявить оппозиции, и, следовательно, условия, при которых происходит снятие ДП.

Например: "I don't know what you're even talking about," old Sally said. "You jump from one—" "You know something?" I said. "You're probably the only reason I'm in New York right now, or anywhere. (J.D. Salinger)

В предложении с прямым порядком слов, наделенном семантикой вопроса, происходит перераспределение сем, и на первый план выходят те значения, которые помогают осуществить замысел автора высказывания.

В данном случае говорящий задает вопрос не для того, чтобы получить какую-то информацию. Его целью является развитие темы разговора. Мы наблюдаем здесь нейтрализацию по форме. При выражении вопроса в форме повествовательного предложения (скрытый вопрос) происходит замещение по формуле — ДП → +ДП (замена сильного члена оппозиции слабым).

Нас будут интересовать лишь вопросы, касающиеся оппозиций и процессов оппозиционного замещения в морфологии, хотя можно провести много параллелей с закономерностями, открытыми в области синтаксиса, которые мы постараемся принять во внимание.

Как упоминалось ранее, выделение оппозиций имеет огромное значение для описания и выявления природы грамматических категорий. Любая грамматическая категория конституируется оппозицией, в основном бинарной привативной. Что же касается интересующей нас категории времени, то, согласно традиционной теории, она образуется тернарной эквивалентной оппозицией. Лингвисты переносят житейское деление времени на настоящее, прошедшее и будущее в сферу грамматических категорий. Таким образом, мы имеем оппозицию, состоящую из трех членов, каждый из которых наделен своими ДП. Такая оппозиция по определению является эквивалентной, и некоторые ученые, например И.Б. Хлебникова, говорят о нейтрализации членов эквивалентной оппозиции по времени [6].

Мы придерживаемся концепции М.Я. Блоха. По его мнению, категория времени в английском языке состоит из первичного времени (настоящее-прошедшее) и вторичного времени (настоящее-будущее, прошедшее-будущее в прошедшем). Все оппозиции являются бинарными привативными, т.е. один член оппозиции отличается наличием ДП (маркированный), а второй его отсутствием (немаркированный).

Как было сказано выше, члены объединяются в оппозицию по общему признаку. Таковым, по нашему мнению, для этих оппозиций является отношение к какому-то временному пласту (будь то точка на оси времени или часть оси), что позволяет говорить о принадлежности всех этих оппозиций к категории времени. Оппозиция, составляющая категорию первичного времени, объединяет свои члены значением отношения к временному пласту плюс значение ретроспекции. Члены оппозиций вторичного времени объеди-

няются значением отнесенности к временному пласту плюс перспекция. В качестве немаркированного члена выступает настоящее. Оно выступает как бы точкой отсчета, векторным нулем. Нельзя сказать, что формы настоящего вовсе лишены значения. Они обладают более широким значением, способным растягиваться в сферу прошедшего и будущего.

Например: Ann visits her Granny every Sunday.

Форма настоящего времени в данном случае обозначает регулярное действие в настоящем. Но она может также обозначать, что Анна навещает бабушку по воскресеньям, следовательно, она навещала ее и прошлое воскресенье и навещит в следующее. В формах настоящего как бы потенциально заложена возможность растягиваться в сферы прошедшего и будущего, за счет более широкого, более «абстрактного» значения.

Второй член оппозиции обладает признаком, отличающим его от немаркированного члена и являющимся существенным для данной оппозиции. Поскольку нас будет интересовать лишь категория вторичного времени, то мы будем говорить о значении будущности, следования относительно момента речи (или какого то временного центра), которое является существенным для данной оппозиции. Этот признак является дифференциальным как для оппозиции *настоящее-будущее*, так и для оппозиции *прошедшее-будущее в прошедшем*.

Именно этот ДП и будет сниматься в процессе нейтрализации. Оговоримся, что выше сказанное характерно для плана содержания. В плане выражения дифференциальным признаком также наделена форма будущего времени – это вспомогательные глаголы *shall/will* (для будущего в прошедшем *should/would*). Различение планов содержания и выражения является весьма существенным в данном вопросе. Хотя оппозиция как способ реализации грамматической категории – это явление плана содержания, тем не менее, все маркированные, сильные ДП оппозиций находят непосредственное отражение в формах – носителях этих признаков.

Перейдем непосредственно к проблеме оппозиционного замещения.

Оппозиционное замещение определяется как явление, возникающее в процессе функционирования различных подсистем языка, как синтагматический процесс снятия смысловых дифференциальных признаков противочленов и стяжение

бинарной оппозиции к одному члену, т.е. один из членов оппозиции выполняет функцию своего противочлена, или иначе, получает ДП своего противочлена, теряя свои ДП или сохраняя их как фоновые (Е.И. Шендельс, И.Б. Хлебникова, Н.В. Данчеева и др.).

Говоря об оппозиционном замещении, ученые выделяют нейтрализацию и транспозицию. Каждый лингвист, занимающийся этой проблемой, видит их соотношение по-своему. Иногда это становится лишь вопросом терминологии. Нам близка позиция Н.В. Данчеевой, выделяющей, вслед за профессором М.Я. Блохом, в оппозиционном замещении два случая (нейтрализацию и транспозицию), которые «имеют одинаковую основу, но вместе с тем и принципиальное различие». Нейтрализация определяется ими как «такой частный случай оппозиционного замещения, при котором замещающий член выполняет функцию своего противочлена, теряя “на время” свои собственные». А транспозиция «представляет собой такой частный случай оппозиционной редукции, при котором замещающий член перенимает функцию своего противочлена (она становится основной), но сохраняет частично и свою собственную функцию, которая становится фоновой или переносной» [4].

Направление редукции в обоих типах замещения потенциально может происходить как в сторону слабого, так и сильного члена. Для терминологического различия замещение сильного члена слабым было названо восходящим, а замещение слабого члена сильным – нисходящим [1].

Попробуем подробнее рассмотреть механизмы данных процессов. Во-первых, определимся с ДП. Оба члена оппозиции обладают определенным набором значений (точнее сем). Некоторые семы являются общими для обоих членов, именно поэтому их и можно объединить в оппозицию. Однако имеются и другие семы, различающиеся у этих членов. Настоящее время обладает своими ДП, которые не являются существенными для оппозиции. Каждая форма обладает не одним ДП, а несколькими, поэтому мы их называем пучок ДП. Для маркированного члена, на наш взгляд, существенными являются еще и модальные значения, которые всегда присущи формам, выражающим будущее время. С одной стороны, событие в будущем всегда гипотетично, ожидаемо, желаемо, предполагаемо и т.д. С другой стороны, формы будущего времени образу-

ются сочетанием вспомогательного глагола (*shall, will, should* или *would*) с инфинитивом. Эти глаголы сейчас делятся на вспомогательные и модальные. Являясь только модальными в древнеанглийский период, далее они постепенно утрачивали модальное значение в формах будущего времени. Однако нельзя сказать, что они утратили его полностью. Модальное значение заложено в них потенциально и легко актуализируется в различных контекстах.

Таким образом, в процессе оппозиционного замещения происходит снятие ДП. Но каких? В каждом конкретном случае механизм различен.

Мы уже подчеркивали важность того факта, что морфологическая единица обладает планом содержания и планом выражения. При восходящей нейтрализации снимается ДП в плане выражения, оппозиция стягивается в один член – немаркированный. В плане содержания же можно сказать, что форма приобретает ДП своего противочлена, начинает выполнять его функцию. Но перенимает ли форма весь пучок ДП или только ДП, существенные для оппозиции?

Значение будущности может выражаться как лексическим, так и грамматическим способом. В первом случае с помощью адвербиалей или других лексических показателей (например, ряда союзов, также обозначающих будущее в своем содержании, союзов модального плана). Во втором случае с помощью грамматических форм (будущего времени). При восходящей нейтрализации, происходящей в случае присутствия лексического показателя будущего действия, грамматический показатель становится излишним, значение будущности переносится на адвербиалии. Всеобъемлющее свойство настоящего позволяет использовать его для передачи будущего действия. Форма настоящего как бы актуализирует потенциально заложенное в ней значение будущности в окружающем контексте, при этом она приобретает не только значение будущности, но и дополнительные семы.

М.Я. Блох выделяет три случая восходящей нейтрализации:

1. Когда форма настоящего выражает запланированное действие в будущем, определенность действия в силу намеченного плана, предварительную договоренность, и даже долженствование. Именно эти семы она и получает, теряя при этом свои собственные (например, одновременность моменту речи или векторному нулю оси времени).

Например: ‘What about Sandra? *Is* the Sixth Form College *taking* “industrial action” too?’

‘No, I’m *taking* her to the doctor’s.’ (D. Lodge, p. 21)

Это как бы «осколки» модального значения, присущего формам будущего времени, которые форма настоящего получает вместе с существенными для оппозиции ДП своего противочлена. Хотя, считается, что при восходящей нейтрализации форма не обладает стилистической маркированностью, мы все равно можем говорить о некотором присутствии модально окрашенных значений в форме, которые неотделимы от значения будущности.

2. Когда значение будущности выражается модальными глаголами и сочетаниями с модальными словами.

Например: “D.B. *coming* home for Christmas?” I asked her.

“He *may* and he *may not*, Mother said. It all depends. He *may have to stay* in Hollywood and *write* a picture about Annapolis” (J.D. Salinger, p. 165)

В этом случае перспекция изначально встроена в семантику глагола. Здесь также наблюдается поддержка окружающего контекста, но ее может и не быть. Семы модальности являются основными, а будущности сопутствующими.

3. Когда форма настоящего употребляется в придаточном предложении времени, условия, уступки, причем в главном предложении мы употребляем форму будущего времени.

Например: “If I *write* something down for you, will you read it carefully? And keep it?” (J.D. Salinger, p. 188)

Этот случай отличается от двух предыдущих тем, что является обязательным. Если там выбор в пользу настоящего был сознательным, необходимым для выражения нужных нам значений, которые терялись при употреблении будущего, то здесь выбор обусловлен сложившимися в языке закономерностями. Ранее в придаточных предложениях условия употреблялись формы косвенного наклонения. В процессе фонетических изменений эти формы совпали с формами настоящего. В настоящее время обозначение будущности опирается на время, выраженное в главном предложении, это действует правило «относительности времен». Еще одним нейтрализующим фактором является наличие союзов, обозначающих будущее в своем содержании, либо союзов модального плана. Никаких особенных дополнительных значений в данном случае форма не приобретает. Выражение значения неуверенности, возможности и т.п. является «обязанностью» союзов.

Другой вид оппозиционного замещения – восходящая транспозиция. Здесь тоже происходит снятие ДП по форме. Но в плане содержания мы наблюдаем несколько другой процесс. Форма настоящего приобретает ДП своего противочлена, сохраняя свои как фоновые. Таким образом, она становится наделена как семами маркированного члена, так и семами немаркированного. Такая «перегруженность» формы значениями приводит к их взаимодействию и «усилению». Противопоставленные в оппозиции значения настоящего и будущего, приходя в «столкновение» в одной форме, усиленные модальностью, присущей будущему времени, приводят к необычной экспрессивности формы, способной теперь выполнять стилистическую функцию оживления повествования.

При нисходящем направлении замещения в оппозиции вторичных времен образуется транспонированная форма, которая реализует как собственное значение будущности, так и значение «включенность момента речи» в качестве основного. Форма опять получается «перегруженной» семами, что делает ее стилистически активной. Ярко выраженными оказываются модальные значения предположительности и снятия категоричности утверждения, а также значение привычного действия при характеристике некоторого лица или предмета.

Например: “You can hit my father over the head with a chair and he *won't wake up*, but my mother, all you have to do to my mother is cough somewhere in Siberia and she *will hear* you. (J.D. Salinger, p. 159)

Данные модальные значения, выделенные Н.В. Данцеевой, принадлежат к субъективно-оценочной модальности. Таким образом, презентному футуруму свойственна субъективно-оценочная функция, так как модальные значения не только актуализируются в этом случае, но и остаются в ранге основных.

При нисходящем направлении оппозиционного замещения в большинстве случаев имеет место транспозиция. Если же рассматривать нисходящую нейтрализацию, то маркированный по форме член оппозиции должен выражать значение немаркированного, полностью теряя при этом значение будущности. Но в языке практически не встречается этот вид замещения в оппозиции. Причина, возможно, кроется в том, что формы настоящего, обладая более широким значением, способны растягиваться в план буду-

щего, актуализируя потенциально заложенные значения, изначально обладая способностью выражать значение своего противочлена в некоторых контекстах. Формы же будущего времени обладают более узким, частным значением и предназначены для обозначения именно действия в будущем, плюс модальность, присущая этим формам. Поэтому для них нетипично выражение значения своего противочлена, ведь в языке есть более подходящие для этого формы с большим арсеналом значений, связанных со сферой настоящего.

Таким нам видится механизм протекания оппозиционного замещения по категории вторичного времени (настоящее-будущее). Можно много спорить о причинах, по которым в языке происходит данный процесс, но одна является весьма очевидной. По теории, разработанной И.Р. Гальпериным, если форма повторяется и становится автоматизированной, она теряет ценность. Формы настоящего времени используются для обозначения настоящего, а формы будущего – для обозначения действия в будущем. Так повелось в языке, и никакой особенной, новой информации они не сообщают. Человек привык их декодировать именно так, а не иначе. Появляясь в непривычном контексте, эти формы поначалу представляют некоторую трудность для декодирования, что позволяет привлечь внимание воспринимающего, заставить его анализировать и декодировать данное сообщение, находя там новые смыслы, новую информацию. Так морфологические категории способны передавать дополнительную информацию, иногда выходящую за пределы установленных для них значений. Подтверждение этому мы находим в живой или художественно-литературной речи, где случаи оппозиционного замещения вызывают к жизни экспрессивные коннотации, способные резко повысить впечатляющую силу речи. А формы, находящиеся в позиции нейтрализации, и в гораздо большей степени транспонированные формы, демонстрируют яркую стилистическую окраску.

Это еще раз подтверждает тот факт, что контекст играет определяющую роль в процессе оппозиционного замещения, точнее столкновение глагольной словоформы с окружающим контекстом. Сама по себе форма в системе языка имеет закрепленное за ней нейтральное значение. Каждая грамматическая форма используется для

выражения именно этого значения. В речи (устной или письменной) происходит подбор словоформ соответствующих или не противоречащих друг другу для логичного обозначения задуманного. Употребление формы, логически не соответствующей остальным, является либо ошибкой (сбоем), либо «умышленным» использованием. Субъекту, порождающему речь, иногда необходимо выразить в дополнение к логическому еще и эмоционально важное для него на данным момент значение. Он подбирает для этого форму, в которой присутствуют нужные ему коннотации, причем они усиливаются за счет непривычного (нелогичного) использования формы. Встраиваемая в контекст, она приписывает в него оттенки присущего ей значения. Но в ходе исследования становится очевидно, что это двусторонний процесс. Контекстное окружение формы также влияет на ее семный состав, причем направление «смещения» значения в нашем случае зависит от направления процесса оппозиционного замещения.

При восходящем замещении в форме происходит накопление дополнительных сем, появляющихся в ней благодаря окружающему контексту. При этом при восходящей нейтрализации в большинстве случаев важную роль играет ближайший контекст. Как уже отмечалось, значение будущности в предложении выражается с помощью адвербиалий или союзов с модальным значением. Именно с них оно переносится на форму настоящего времени, как бы притягивается к ней, взаимодействует с ее собственным значением. Это приводит к выделению некоторых значений, как правило, модально окрашенных, которые и требуется выразить в данной ситуации. Дополнительные значения могут поступать в форму

и из более широкого контекста, например из всей диктемы. Это более характерно для восходящей транспозиции.

При нисходящем типе замещения контекст подавляет в форме будущего времени значение будущности, а она, в свою очередь, распространяет, «излучает» модальные оттенки значения на окружающий контекст, добавляя к выражению действия в настоящем субъективную оценку.

Таким образом, можно выделить два плана модальности:

- модальность, присущая контексту;
- модальность, присущая форме.

Процесс оппозиционного замещения по категории вторичного времени – это тонкий механизм перераспределения модальных значений между контекстом и формой.

Библиографический список

1. Блох М.Я. Категория оппозиционного замещения // Вопросы теории английского языка. – М., 1973. – С. 37–44. (Тр. МГПИ им. В.И. Ленина. – Вып. 1).
2. Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка: Учеб. 4-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 2003. – 423 с.
3. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики: Учеб. 4-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 2004. – 239 с.
4. Блох М.Я., Данчеева Н.В. Стилистический аспект грамматической формы (к проблеме оппозиционного замещения) / / Филологические науки – 1983. – №3. – С. 54–62.
5. Гальперин И.Р. Избранные труды. – М.: Высшая школа, 2005.
6. Хлебникова И.Б. Оппозиции в морфологии. – М.: МОПИ им. Н.К. Крупской, 1969.

А.Е. Фалилеев

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В АНГЛИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Проблема функционирования фразеологических единиц в речи была и остается одной из центральных проблем фразеологии. Всякий текст состоит из некоторого числа составляющих его элементов-слов, словосочетаний, предложений, сверхфразовых единств. Чтобы познать природу текста, необходимо познать свойства этих элементов и особенности их функционирования в тексте. В лингвистической литературе уже не раз отмечался тот факт, что функционирование языковых единиц в тексте зависит как от специфики коммуникативных условий, так и от особенностей семантики конкретной языковой единицы.

Изучение политической фразеологии, функционирующей в тексте, актуально как в плане рассмотрения языковых процессов, происходящих во ФЕ, так и в плане выявления особенностей взаимосвязи между развитием американской и британской политическими системами и средствами и формами отображения их в языке.

Сфера политического текста вызывает особый интерес, поскольку является определяющей в жизни государства, общества и, во многом, самой личности. Поэтому изучение взаимосвязи языка и политики позволяет заглянуть глубже в сущность происходящего в мире вокруг и внутри нас, дает возможность понять смысл, направленность и целесообразность речевых действий человека в такой сфере жизни как политика, а также выяснить непосредственные механизмы воздействия речевых актов на личностное и общественное политическое сознание.

Политический текст изучается с позиции стилистики, с точки зрения того, как в нем выражается идеология [9, р. 285; 10, р. 139]. Внимание исследователей привлекает вопрос об определении и классификации общественно-политической лексики [6, с. 338]. Вопросом, который до настоящего времени не нашел в языковедческой литературе общего решения, является определение понятия политической лексики.

Политический текст – это текст, выражающий политическое содержание, а именно, политические статьи, резолюции, решения.

Среди всех подходов к изучению политического текста самым комплексным является дис-

курс-анализ. Хорошо известно, что философы занимались изучением значимости языка для политики со времен Платона и Аристотеля. Так, например, аристотелевское определение человека как политического существа может быть адекватно понято лишь в сочетании с его определением человека как живого существа, обладающего речевой способностью. Есть все основания считать, что история человеческого общения и языка неразрывно связана с историей политики.

Следует отметить, что фразеологическая единица вводится в текст только в контексте. Роль контекста для английского языка значительно выше, чем для многих других языков [1, с. 25]. Этот факт имеет свое объяснение, которое следует искать, прежде всего, в характере английского грамматического строя.

Фразеологизмы и слова являются единицами разных языковых уровней: фразеологизмы – единицами фразеологического, а слова – лексического [4, с. 23]. В языке, говорит он, имеется некоторое количество устойчивых предложений в виде элементов «готовой цитации». Эти предложения, наряду с устойчивыми фраземами (фразеомами), составляют предмет фразеологии. Фраземы – это словосочетания, которые образуют лексемы, соединяясь друг с другом. Таким образом, среди словосочетаний различаются устойчивые словосочетания (фразеологические единицы) и свободные («синтаксические») словосочетания. Фразеологические единицы составляют специальный предмет изучения фразеологического раздела лексикологии, а свободные сочетания изучаются в нижнем разделе синтаксиса.

В процессе языковой коммуникации говорящий не ограничивается передачей простых предметных сообщений о фактах действительности. Вместе с этими сообщениями он стремится выразить свое отношение обозначаемым фактам и соответствующим образом воздействовать на разум, чувства и волю слушающего.

Коннотации играют весьма существенную роль в создании подтекста публичного выступления, поскольку сама подтекстовая семантика невозможна без переносного употребления номинативных единиц, без их оттеночных значений. Представляется вполне очевидным тот факт, что

без понятия коннотации практически невозможно стилизация речи. Коннотации играют большую роль в создании образности речи выступлений. Наряду с пресуппозициями, они являются базой для создания подтекста. В этом случае контекст – есть фактуальное, базовое значение диктемы.

Что касается сферы применения понятия коннотации, то она не может быть ограничена уровнем слова или словосочетания. Будучи ориентированной, прежде всего на употребление элемента языка в контекстно охарактеризованной позиции, понятие коннотации должно быть закономерно увязано и с основным контекстно-информационным элементом языка, каковым является актуализированное предложение (высказывание). Актуализированное предложение получает информационно-речевой статус в составе диктемы – тематическом объединении предложений (в нижнем пределе совпадающим с одним предложением), снабженным необходимыми прагматико-стилистическими признаками [3, с. 120–123].

В настоящей работе коннотация понимается как дополнительное, оценочное содержание некоторого языкового элемента, сопровождающее его основное значение. Коннотация слова – семантические компоненты (узловые или окказиональные), наслаивающиеся на денотативное значение.

Отличительной чертой ФЕ является их экспрессивность и эмоциональность. Нам представляется необходимым определить сущность каждого компонента коннотативного аспекта значения. Экспрессивность и эмоциональность являются самыми значимыми компонентами, так как именно они определяют стилистическую направленность языковой единицы. Экспрессивные и эмоциональные элементы в смысловой структуре языковых единиц обнаруживают много общих черт, среди которых можно назвать следующие: оба они относятся к выразительным средствам языка, имеют системный характер, входя в смысловую структуру единицы, они увеличивают её информативные возможности как количественно, так и качественно являются элементами не только речи, но и языка [7, с. 4–14]. Несмотря на присущие им общие черты, между ними существуют и принципиальные различия.

Прежде всего, эмоциональность и экспрессивность различаются по своей природе. Если экспрессивность связана с представлениями, то эмоциональность с чувствами. С функциональной точки зрения они также различны: экспрессия,

способность ФЕ выражать понятия ярко, наглядно, красочно передавать интенсивность его смыслового содержания наивысшую степень признака создавать особое восприятие своеобразный компонент его смысловой структуры обусловленной особенностями его семантики, формальной структуры, языкового состава [2, с. 242]. Эмоциональность – способность ФЕ выражать различные эмоции и чувства.

Что же касается экспрессивности эмоционального элемента, то большинство учёных полагает, что выражение эмоций всегда экспрессивно и поэтому эмоциональность рассматривается как понятие более узкое по отношению к понятию экспрессивности.

ФЕ обладает не только экспрессивностью и эмоциональностью, но и оценочностью, если выражает положительное или отрицательное отношение к тому, что они обозначают.

В политических текстах, эмоционально-окрашенные единицы почти всегда имеют оценочную направленность [5, с. 7]. Что же касается категоричного утверждения об обязательности эмоциональности оценочных фразеологизмов, то это положение вызывает возражение, так как примеры политических фразеологизмов как раз свидетельствуют об обратном; не все оценочные ФЕ являются эмоциональными, но они всегда экспрессивны [2, с. 23].

Например, Абрахам Линкольн за период своего правления создал много оборотов и по сей день используемых политиками. Девятнадцатого ноября 1863 года Линкольн произнес торжественную речь на поле битвы в Геттисбурге:

Four score and seven years ago our fathers brought forth on this continent a new nation, dedicated to the proposition that all men are created equal. Now we are engaged in a great civil war, testing whether that nation can long endure. We have come to dedicate a portion of that field as a final resting-place for those who here gave their lives, that that nation might live [8, p. 53].

Битва при Геттисбурге стала переломной в Гражданской войне США. Войска Союза одержали победу над силами Конфедерации. Однако ценой многих сотен жизней. Фразеологизм *to give one's life* – «отдать свою жизнь; пожертвовать жизнью» отражает смысл этих потерь. Оборот имеет положительную коннотацию, так как солдаты погибли за объединение разрозненного государства, за отмену рабства, за то, во что они верили.

Еще до начала Гражданской войны в своем первом инаугурационном обращении кандидат в президенты Линкольн поставил перед южными штатами выбор – «peace or the sword»:

I am loath to close. We are not enemies, but friends. We must not be enemies. Though passion may have strained, it must not break our bounds of affection. The mystic chords of memory, stretching from every battlefield and patriot grave, to every living heart and hearthstone, all over this broad land, will yet swell the chorus of the Union, when again touched, as they surely will be, by the better angels of our nature.

Фразеологизм *to swell the chorus* – «присоединить свой голос, присоединиться к мнению других» имеет в данном контексте нейтральный оценочный компонент.

Использование устойчивых выражений во времена Линкольна и во времена Буша-младшего имеет свои особенности. Не всем политикам удалось создать фразеологизмы, пережившие их, и по сей день используемые.

And so I urge Congress, as we take on this issue, to listen carefully to the American people. And I urge you to make sure that Congress hears your voices.

В данном контексте Буш употребляет оборот *to make sure* в значении «быть уверенным, убежденным». В ходе анализа нескольких речей президента США можно сделать вывод, что данный фразеологизм он употребляет особенно часто. Используя его, он, таким образом, заставляет людей быть уверенными.

People just don't want that when it comes to the Social Security debate. People want there to be goodwill and a good-faith effort by people of both political parties to sit down at the table, and say, the people are worried about it, there's a lot of grandparents in America worried about their grandchildren, we have run for office for a reason.

В представленном отрывке президент употребляет два оборота с положительным оценочным компонентом: *goodwill* и *good-faith*. Первый образован путем субстантивации из оборота *good will* – «добрая воля, доброжелательство; искренность». Второй полисемантический оборот означает «1) добросовестность, честность, честные намерения; 2) преданность, верность». Выражение *good will* встречается и в другой речи Буша: Hopefully, some good will come out of the evil perpetuated on this family.

О вкладе президента Буша-младшего в историю создания устойчивых единиц можно будет

судить лишь по прошествии времени. Однако сейчас в своих речах Буш широко использует различные устойчивые выражения. Одно из его выступлений начинается следующими словами:

Thank you all for coming. Thanks for coming. Please be seated. Thanks for being here. Go ahead and be seated. Now. Thanks for the warm welcome It's great to be back in central Florida. Thank you all for taking time out of your day to come by and let me discuss with you some important topics.

The warm welcome – «сердечный тёплый приём». Это субстантивный фразеологизм с положительным оценочным компонентом. Данная речь посвящена проблемам социального обеспечения. *Social security* – устойчивое выражение, означающее «социальное страхование, социальное обеспечение», относящееся к пласту специальных фразеологических единиц.

In 2001, I created a commission to look at the Social Security issue. And there were eight Democrats and eight Republicans on the commission. Former Democrat, United States Senator Daniel Patrick Moynihan from New York, one of the really fine, distinguished public servants headed the commission.

Выражением *public servant* – «государственный служащий, должностное лицо» Буш определяет чиновников, служащих народу. Это и отражено в лексической структуре оборота.

Следует отметить, что фразеологизмы разнообразят монотонность речи, делают ее более экспрессивной. Ниже приведена цитата, принадлежащая премьер-министру Великобритании Джону Мейджеру от второго мая 1997 года, приуроченная к его уходу с поста:

When the curtain falls, it is time to get rid off the stage.

В данной фразе использован фразеологизм *curtain falls* – «дело пришло к концу». Этим выражением министр обозначил конец своей деятельности в роли премьера. Синонимом данного фразеологизма является выражение *to come to an end* – «прийти к концу, окончиться», которое было использовано Невиллом Чемберленом первого сентября 1939 года:

We shall merely pass from one crisis to another, and see one country after another attacked by methods, which have now become familiar to us in their sickening technique. We are resolved that these methods must come to an end.

В этой речи министр осуждает деятельность фашистской Германии, нарушающей суверенные права Чехословакии.

Однако годом ранее, в 1938 году, тридцатого сентября, по возвращении из Мюнхена с совещания с Гитлером и Муссолини, Чемберлен заявил:

My good friends, this is the second time in our history that there has come back from Germany to Downing Street peace with honour.

Peace with honour – «почетный мир»; на этом совещании была гарантирована независимость Чехословакии, которая и была нарушена годом позже. Однако в данном 1938 году вышеупомянутый оборот был употреблен с положительной эмоциональной окраской.

Кроме того, в данной цитате употребляется оборот *Downing Street* с коннотативно-культурологической функцией значения. Субъект номинации в данном случае – английское правительство.

Таким образом, в ходе анализа речей политических деятелей Великобритании и США выяснилось, что в английском политическом тексте часто встречаются фразеологические единицы, которые можно назвать экспрессивно-эмоциональными, то есть они одновременно с выражением экспрессии передают также и эмоциональную оценку, но с отрицательным значением. Например, американский фразеологизм явно вульгарного характера *to kick smb. in the pants* (выругать, взгреть кого-либо) получает дополнительное значение «выгнать с работы». Он передает не только интенсивность действия, но и оттенок пренебрежительного грубого отношения предпринимателей к служащим.

Многие фразеологические единицы отрицательной оценки находят широкое применение в выступлениях политических деятелей. И это совершенно естественно, так как фразеологические единицы особенно часто используются там, где нужно разоблачить политического противника, представить в отрицательном свете его качества, действия и вызвать отрицательное отношение к нему со стороны публики. Например, «And so they've got an opportunity under this system to have an asset that you call your own. The system today, you have no assets. The money goes in and it goes out. We can hang by a thread. There's IOUs. They're paper. But there's no asset base. You see what's interesting about this notion about saving and investing is, the world has changed when it comes to investing, at least it's changed since I was being raised».

Необходимо отметить, что в политических текстах эмоционально-окрашенные единицы почти всегда имеют оценочную направленность. Что же касается категоричного утверждения об обязательной эмоциональности оценочных фразеологизмов, то это положение вызывает возражение, так как примеры политических фразеологизмов как раз свидетельствуют об обратном; не все оценочные ФЕ являются эмоциональными, но они всегда экспрессивны.

Характер экспрессивности ФЕ английского политического текста определяется присущими им выразительными средствами, компонентами коннотативного аспекта значения. Наиболее распространенным средством, создающим экспрессивность ФЕ английского политического текста, является образность. Это определяется самим характером данных единиц, большая часть которых возникла именно за счет переноса значения.

Библиографический список

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. – 207 с.
2. Берлизон С.Б. Выражение экспрессивности и эмоциональности в фразеологических единицах и слове // Вопросы фразеологии. Ч. I. (Труды Сам. ГУ им. Навои, новая серия. Вып. 219). – Самарканд, 1972. – С. 242.
3. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. – М.: Высш. школа, 1986. – 160 с.
4. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. – М.: Высш. школа, 2000. – 160 с.
5. Zubov A.B. О языковых средствах выражения категории оценки в современном английском языке (на материале англо-американской прессы). АКД. – М., 1974. – С. 7.
6. Одинцов В.В. Стилистика текста. – М., 1980.
7. Шаховский В.И. Проблемы разграничения экспрессивности и эмотивности как семантической категории лингвостилистики // Проблемы семасиологии и лингвистики. Вып. 2. – Рязань, 1975. – С. 4–14.
8. O'Callaghan B. An Illustrated History of the USA / by Bryn O'Callaghan. – 17th ed. – Longman, 2004. – 144 p.
9. Shapiro M.J. Language and Political Understanding. – New Haven, C: Yale University Press, 1981.
10. Wilson J. Politically speaking. – Cambridge, 1990.

Н.Ю. Шабалина

КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ В ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЕ ГЛАГОЛОВ УМСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (на материале английского и русского языка)

В данной статье рассмотрены когнитивные модели семантической деривации глаголов умственной деятельности английского и русского языка, а также принципы и механизмы изменения стандартного значения на субстандартное.

У становление системы когнитивных моделей лексических значений глаголов умственной деятельности английского и русского языка обусловлено тем, что сама понятийная система человека метафорична по своей сути и находит отражение не только в языке, но и в процессах мышления. Анализ метафор и определение моделей семантической деривации может воссоздать процедуру проецирования области «источника» на область «цели» и выявить сущность различных метафорических наименований, в которых сленговые обозначения обнаруживают самые разнообразные переосмысления, в том числе и метафорические.

Процесс когнитивного моделирования имеет в своей основе некое знание, структурированное во фрейм, которое можно определить как «концепт». Именно концепт отражает как существенные, так и все те признаки объекта, которые в данном языковом коллективе заполняются знаниями о сущности [4, с. 76].

Обратимся к самому понятию «модель», которое представляет собой некую схему, структуру, знаковую систему фрагмента природной или социальной реальности, порождения человеческой культуры [7, с. 382]. С лингвистической точки зрения модель предстает как искусственное созданное лингвистом реальное или мысленное устройство, воспроизводящее поведение какого-либо другого устройства в лингвистических целях [6, с. 304–305].

В нашей статье мы придерживаемся мнения А.А. Залевской о том, что ментальная модель как некое знание в долговременной или кратковременной памяти, структура которого соответствует структуре репрезентируемой ситуации, обобщает все виды информации, поступающие из внешнего мира, являясь символами и образами [2, с. 114–116]. Базисом ментальной модели служит прототипическая ситуация, так как она эксплицитно проявляется в производных значениях в наиболее общем виде и тем самым, удаляясь от

обозначаемой физической сущности, объединяет разрозненные и, на первый взгляд, совсем не связанные ситуации в некую общую группу.

В нашем исследовании мы определяем таксономические параметры глаголов умственной деятельности с вторичным метафорическим значением и прослеживаем наиболее общие когнитивные модели семантической деривации. В начале исследования следующие тематические группы глаголов умственной деятельности послужили источником семантической деривации:

1. Ходьба, стиль ходьбы, движение.
2. Перемещение в пространстве.
3. Действия инструментами.
4. Прием пищи.
5. Поглощение.
6. Изготовление чего-либо.
7. Сосредоточенность на чем-либо.
8. Игра.
9. Свет.

Рассмотрим подробнее группу «Ходьба, стиль ходьбы», представленную глаголами *to arrive, to clip, to creep up on, to drag-tail, to follow, to go over, to jerry* в английском языке и глаголами *впереть, догнать, допереть, доходить, настигать, продвинуться* в русском языке.

Очевидно, что при образовании субстандартного значения наблюдается категориальный сдвиг участников ситуации. Например, в стандартном значении глаголов анализируемой тематической группы *таксономический класс Субъекта* представлен человеком, и в сленговом значении «понять», «осознать» данных глаголов он не подвергается изменению. В субстандарте происходит изменение таксономического класса обстоятельства, то есть, из места действия (город) он становится темой: *Никак не въезжаю в смысл сказанного*.

Можно предположить, что в процессе метафорической деривации класс субъекта остается неизменным, что свидетельствует о необязательном сдвиге таксономических классов всех участ-

ников ситуации. В тематической группе «Ходьба, стиль ходьбы» английского и русского языка субъект производящих значений глаголов, которые принимают участие в субстандартной семантической деривации, может быть представлен:

– Человеком (*впереть, догнать, допереть, доходить, настигать, to creep up on, to drag-tail, to follow*). Например: *Внезапно до меня дошел смысл сказанного. Please, try to creep up on what I say!*

– Видом транспорта (*въезжать, доезжать, домчать*). Например: *по- моему я начал въезжать в эту математику!*

В остальных группах субъект представлен:

– Любым живым существом (*играть, to toy with*). Например: *Don't toy with this idea as it is a kinda serious...*

– Объектом неживой природы (*озарять, to dawn upon*). Например: *And suddenly it dawned upon me that he was damn right...*

Рассмотренный выше таксономический класс Субъекта является лишь одним из параметров глагольного лексема, которые «помогают словам объединяться в большие классы с нетривиальными сходствами в языковом поведении» [3, с. 15]. Остальные параметры представлены в виде:

1. Таксономической категории, которая проявляется в сочетаемости глагола. Например, *слушать* – деятельность; *выслушать* – действие; *слышать* – состояние. Тематического класса или семантического поля. Например, *понимать* – глагол ментального действия, *говорить* – глагол речи; *копать* – глагол физического действия.

2. Актантной или ролевой структуры и диатезы. Например, у слова «назвать» есть прямая диатеза (Назвать сына Иваном) и косвенная диатеза (Назвать Иваном). У слова «понять» присутствует только прямая диатеза – понять смысл.

Данные параметры не только характеризуют слово, но и делят эти слова на классы, являясь теми аспектами значения, которые наиболее часто подвергаются семантическим изменениям. Например, *он требует внимания* – действие, *забор требует покраски* – состояние, где происходит мена категории глагола. Или же *открыл окно* – это физическое действие, а *открыл закон* – действие ментальное, где имеет место мена тематического класса. В субстандарте происходит не только мена тематического класса, но и смена актантов. Например: *to dig the ground* – копать землю, *to dig the sense* – понимать смысл, тщательно размышляя о чем-либо [4, с. 201].

Проследим актантную структуру, включающую роли «Изображение» или «Образ». Образ входит в актантную структуру глаголов понимания, таких как *понимать, осознавать*. Синтаксический объект глагола «понимать» выражает одного участника – образ, который находится в сознании человека. Например, я [Экспертиент] понимаю слово [образ]. Актантной структурой глагола «понимать» будет {Экспертиент, стимул}, а диатезой – Экспертиент (субъект), образ (объект).

Например, в глаголах *to feature, to figure, to spot, to sense* (в глаголах «читать, разглядеть» русского языка) наблюдается реальная связь между такими понятиями как «представление» и «понимание». Соответственно, актантной структурой данных глаголов в предложении «*I sense it*» будет являться: I [Экспертиент] *sense it* [стимул/образ] → {Экспертиент, стимул, образ} может быть представлена, как Диатеза [Экспертиент – S, образ – O].

Актантная структура положена в основу определения моделей семантической деривации в контексте их употребления. В процессе семантической деривации образуется регулярная многозначность, когда одни значения многозначного слова преобразуются в другие по определенным лексическим правилам со сдвигом таксономического класса. По мнению А.П. Чудинова, «регулярная многозначность глаголов всегда связана с их семантической близостью, так как именно однотипные компоненты семантики являются основой для возникновения сходных производных значений, однако характер близости может быть различным» [5, с. 24]. В нашей статье данная семантическая схема представлена целой семантической группой глаголов, соответствующим денотативно различным реализациям, которые носители английского и русского языка сравнивают с прототипом и решают, можно ли подвести его признаки под определенный прототип или нет. При необходимости в обозначении ситуации со сходным значением можно применить исходное значение и к этим значениям. Например: *догнать человека, догнать мысль, идею*. В результате данного процесса мы имеем дело с расширением сферы приложимости исходного значения, что приводит к метафоризации. Предположим, что прототипический глагол задает некую прототипическую ситуацию, в данном случае, перемещение в пространстве.

Таблица

	Метафоры, присущие английскому языку	Метафоры, присущие русскому языку	Метафоры, присущие обоим языкам	
Концептуальная метафора	Понимание – это преуспевание	Понимание – это интенсивный процесс, требующий усилий	Понимание – это движение вперед	
Лексические единицы английского языка	To cotton on To put across		To jerry To leap To tack To track To rumble To wizen	
Лексические единицы русского языка		Воткнуться Рубить Парить Сечь (у сечь) Просекать	Впереть Догнать Допереть Доходить Настигать Продвинуться	
Модель образования	AB ₁ →CB ₂ (B ₁)E	AB ₁ →CB ₁ E	AB ₁ →CB ₁ B ₂ E	
Контекст	1. He cottoned on ay once without uttering a single word. 2. She desperately tried to put across the idea but in vain.	1. И тут я просек, что к чему ... 2. Не могу воткнуться в новую тему ...	1. I don't even track. 2. The material is easy to jerry.	1. Никак не въезжаю в это уравнение. 2. Смысл не доходит.

Рассмотрим **параметры** прототипической ситуации для группы глаголов с первичным значением «идти, направляться куда-либо».

Способ действия. Данные глаголы в исходном значении предполагают перемещение человека в пространстве с большей или меньшей скоростью. При этом для английской группы глаголов характерна быстрота движения, о чем свидетельствуют дифференциальные семы «*immediately, quickly*», присутствующие в стандартном значении и сохраняющиеся в субстандартном. В группе глаголов русского языка встречается дифференциальная сема «*медленно, с трудом*», и носители языка, употребляя данные лексемы, выражают презрение и насмешку по отношению к умственным способностям собеседника, которому требуется достаточно долгое время, чтобы понять что-либо.

1. Направление/пространство являются важными характеристиками процесса движения в исходном значении, которые выступают как прототип или наиболее общая категория, подвергающиеся метафоризации и обретающие новое значение «понимать». При этом заданное направле-

ние – это движение вперед, то есть продвижение в своем умственном развитии.

2. Цель – это тот параметр, который изменяет свое значение в процессе семантической деривации. Различают тривиальную цель, которая не находит свое отражение в словаре, так как совпадает с результатом, представленным в денотативном значении глагола, то есть, «настигать кого-либо» для того, чтобы догнать. Специальная цель предполагает конкретное направление, например, «въезжать куда-либо», то есть перемещаться из открытого места в закрытое. В английском языке «to follow» – следить за ходом чьих-либо мыслей, чтобы понять логику рассуждения.

Следуя когнитивной теории метафоры, можно сказать, что метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний – когнитивной структуры «источника» и когнитивной структуры «цели». При этом область источника – это более конкретное знание, которое человек получает в процессе жизненного опыта взаимодействия с окружающей действительностью. В нашем случае, это физическое действие (идти, ехать,

настигать). Сфера цели представляет собой менее конкретное действие, что-то более абстрактное, например, процесс понимания [1, с. 65–66].

Во всех примерах мы имеем дело с метафоризацией значения, что связано общей оценкой прототипической ситуации. Данный перенос осуществляется по схеме «перенос с физического действия на умственное» на основе сходства действия, ведь когда мы понимаем, осознаем что-либо, мы «продвигаемся» вперед в нашем умственном развитии, узнавая что-то новое, ранее неизвестное. Компонентный анализ, проведенный в данной группе, показывает, что переход из стандартного значения в субстандартное осуществляется по следующей схеме: $AB_1 \rightarrow CB_1E$, где

A = интегральная сема (интегральные семы разные);

B_1 = относительная дифференциальная сема (быстро/медленно);

B_2 = относительная дифференциальная сема (новая мысль, идея);

C = интегральная сема;

E = эмоционально-оценочный компонент.

Инициатором метафорического переноса с физического действия на умственное служит дифференциальная относительная сема, которая проводит аналогию между двумя процессами. С точки зрения когнитивной лингвистики данный процесс может быть представлен при помощи метафорической модели «Понимание – это движение вперед», которая помогает концептуализировать нематериальный процесс понимания. Исходное значение «идти» – это ментальная схема как способ концептуализации некоторой ситуации внеязыковой реальности.

Выделим следующие концептуальные метафоры, характерные как для английского, так для русского языка:

1. Понимание – это движение вперед.
2. Понимание – это внезапное перемещение.
3. Понимание – это приобретение.
4. Понимание – это техничный и интенсивный процесс, направленный на преодоление преграды.
5. Понимание – это усвоение умственной пищи.
6. Понимание – это постепенный процесс.

Представим некоторые концептуальные метафоры в сводной таблице.

Из таблицы видно, что в английском и русском языке процесс понимания многогранен и характеризуется приложением определенных усилий, что указывает на его основательность и трудоем-

кость. Например, для английского и русского языка характерна когнитивная модель «Понимание – это движение вперед», но в английском языке этот процесс характеризуется большей легкостью. Тогда как в русском языке этот процесс представляется гораздо более сложным, о чем свидетельствуют дифференциальные семы «медленно, с трудом». В обоих языках понимание чего-либо всегда означает озарение, «ученье – свет». В английском языке понимание – это еще и приобретение чего-либо ценного, где удачная мысль имеет аналогию с кладом. Только в английском языке для процесса понимания характерна восприятие ментального процесса как игры, о чем свидетельствует когнитивная модель «Понимание – это игра».

Таким образом, метафорический перенос – это осмысление чего-либо нового, до конца не усвоенного через что-то понятное, известное. Заметим, что прототипическая ситуация участвует наравне с исходным значением в семантическом развитии слова, так как она (ситуация) выступает как источник некой когнитивной схемы, которая в абстрактном и наиболее общем виде присутствует в производных значениях. Более того, в процессе субстандартной деривации обязательны категориальный сдвиг участников ситуации, хотя класс субъекта остается неизменным, а именно, *человеком* или *видом транспорта*, что свидетельствует о необязательном сдвиге таксономических классов всех участников ситуации.

Библиографический список

1. Бурмистрова М.А. Эволюция взглядов Дж. Лакоффа // Филологические науки. – 2003. – №1. – С. 63–66.
2. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: Изд-во Российск. гос. гуманит. ун-та, 1999. – С. 38.
3. Падучева Е.В. Таксономическая категория как параметр лексического значения // Русский язык в научном освещении. – 2003. – №6. – С. 192–216.
4. Розина Р.И. Категориальный сдвиг в семантической деривации // Вопросы языкознания. – 2002. – №2. – С. 13–23.
5. Чудинов А.П. Регулярная многозначность в глагольной лексике: Пособие к спецкурсу. – Свердловск, 1986. – С. 80.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 684 с.
7. Философский энциклопедический словарь / В.С. Соловьев. – 1997. – 464 с.

Ю.В. Буянова

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ КОМПАРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ (на материале современного французского языка)

В статье рассматриваются типы окказиональных изменений компаративных фразеологических единиц в современных газетных изданиях, а также влияние подобных преобразований на прагматический потенциал исходных фразеологических единиц.

Прагматика занимает одно из ведущих мест в современном научном мире по интенсивности развития и влияния на другие области знания. Существует несколько подходов и трактовок прагматики, которые, однако, сходятся в том, что в центре ее внимания находятся факторы и правила, обуславливающие выбор единиц, соответствующих *целям и задачам* коммуникации, будь то слово, словосочетание, предложение или высказывание.

В современных лингвистических исследованиях фразеологические единицы (ФЕ) рассматриваются как специфические единицы, обслуживающие прагматику языка, поскольку не только обозначают (сигнификативно-денотативное содержание), но и выражают (коннотативное содержание) [1; 2; 4; 5; 6; 9; 10].

Причину столь значительного прагматического потенциала ФЕ связывают с особенностями семантики, а именно с частичным или полным переосмыслением его компонентов. В.Н. Телия отмечает, что все слова и выражения, которым в толковании можно приписать маркеры иллюкции, «являются вторичными наименованиями, так или иначе прошедшими стадию ассоциативно-образного восприятия» [9, с. 120]. Вполне возможно, что назначение ФЕ как единиц вторичной номинации заключается, главным образом, в их экспрессивности, основном компоненте коннотативного значения, поскольку для выражения денотативного значения существуют другие языковые средства [7, с. 15].

Все традиционно выделяемые микрокомпоненты коннотации (эмоциональный, экспрессивный, оценочный и стилистический) содержат в себе прагматически значимую информацию, поэтому часто коннотативный компонент значения ФЕ рассматривается как коннотативно-прагматический.

С экспрессивностью связывается выразительность ФЕ, ее воздействующая сила, обеспечивающая интенсивность восприятия информации. Эмоциональный и оценочный компоненты пе-

редают отношение человека к объектам внеязыковой действительности. Стилистический компонент коннотативного значения сообщает информацию об условиях коммуникации, показывает потенциальную возможность использования ФЕ той или иной сфере общения.

Все перечисленные выше компоненты коннотации являются своего рода прагматическим полуфабрикатом, поскольку в системе языка ФЕ обладают лишь прагматическим потенциалом, способным реализоваться в конкретной коммуникативной ситуации [5].

В процессе употребления ФЕ в речи их *прагматический потенциал* может быть значительно *увеличен* посредством окказиональных преобразований.

Целью данной статьи является рассмотрение окказиональных преобразований компаративных фразеологических единиц (КФЕ) как механизма усиления их прагматического потенциала.

Компаративная фразеологическая единица – это возникшая на *образной основе* [3] компаративная конструкция, обладающая фразеологическим значением, основанным на семантическом преобразовании компонентов.

В образных ФЕ коннотативно-прагматический компонент значения выступает ярче, чем в необразных, поскольку образность апеллирует к эмоциональному восприятию сообщения, будит эмоциональное переживание мира, что является своеобразной формой воздействия на адресата и способствует коммуникативно-прагматическому успеху [8, с. 14].

Вместе с тем, длительное и частое употребление превращает фразеологизмы в клише, стирает их образность и экспрессивность, однако в процессе употребления КФЕ в речи их прагматический потенциал может быть увеличен за счет окказиональных преобразований.

К таким преобразованиям относят: только изменение плана содержания, связанное с нарушением нормативной сочетаемости КФЕ; изменение плана содержания, связанное с одновремен-

ным нарушением формальной устойчивости КФЕ на лексическом уровне; двойную актуализацию КФЕ [10].

Мы полагаем, что перечисленные виды окказиональных преобразований обладают разным прагматическим эффектом, поскольку они задействуют разные механизмы создания экспрессивности.

К изменению плана содержания, связанного с нарушением нормативной сочетаемости КФЕ, относится употребление основания сравнения в переносном смысле (то есть его метафоризация). Такие преобразования затрагивают, в том числе, сигнификативно-денотативный аспект семантики ФЕ, что также является прагматически значимым аспектом преобразования.

Рассмотрим пример употребления КФЕ *frapper / taper comme un sourd*.

Le soleil tape comme un sourd sur le lacis des ruelles du Panier (Marseille) où une meute de huit copains arrachent leur décapotable au bitume. Ils paradent – esbroufe et lunettes noires – en petits frères bravaches des Vitelloni (Fellini) (L'Express international, 2000, №2552, с. 30).

Прагматический эффект достигается «соприкосновением» прямого и переносного значений глагола *taper*: ‘donner un coup, des coups’ и ‘chauffer très fort’ (quand on parle du soleil) [11, с. 2564]. Такое окказиональное употребление ФЕ воскрешает в памяти переменное словосочетание, явившееся основой для КФЕ, «освежает» образ: солнце – подобно глухому, наносит свои палящие удары налево, направо.

К изменению плана содержания, связанного с одновременным нарушением формальной устойчивости КФЕ на лексическом уровне, относятся:

1. Сообщение дополнительных характеристик, приспособляющих сравнение-фразеологизм к контексту.

2. Замена одного из компонентов КФЕ синонимом или схожей по звучанию лексической единицей (ЛЕ).

Сообщение дополнительных характеристик устойчивому сравнению или вклинивание – это включение в состав ФЕ слов, переменных сочетаний слов или других фразеологизмов в данном речевом акте. Вклиниваемые окказиональные элементы расширяют структуру ФЕ, ее компонентный состав, добавляют ситуационные смыслы, отвечающие прагматическим установкам адресанта, т.е. дающие подробности и детали описываемой ситуации, отношение к ней говорящего.

Остановимся на примерах употребления КФЕ *aller comme un gant* – ‘très bien convenir’ [12, с. 401].

Après sa captivante performance dans In the Cut, Meg Ryan remonte sur le ring pour un film, librement inspiré d'une histoire vraie, qui lui va comme un gant... de boxe. Elle joue le rôle d'une secrétaire qui, par défi, entreprend de gérer la carrière de boxeur d'un petit voyou doté d'un méchant crochet du gauche (Première, 2004, №329, с. 56).

Heureuse de nous ouvrir les portes nacrées de son petit monde, Marianne Faithfull s'apprête à tourner à Versailles dans "Marie-Antoinette", le prochain film de Sofia Coppola. Elle y camera Marie –Thérèse d'Autriche, la mère de la souveraine décapitée. Un rôle qui va comme un gant de velours à cette icône chic qui ne s'est jamais délestée – même dans les moments "down", tristes and shoots – d'une certaine causticité hiératique ni de ses réparties parfois abruptes (Marie-Claire, 2005, №634, с. 49).

КФЕ выражают оценку, данную адресантом актерской работы исполнительниц главных ролей, а дополнительные характеристики, полученные ФЕ, являются, своего рода атрибутами сыгранных актрисами ролей в кино: тренер боксера (*un gant de boxe*) и королева (*un gant de velours*), т.е. позволяют конкретизировать ситуацию.

Замена одного из компонентов сравнения близкой по смыслу ЛЕ является прагматически значимым, если несет в себе изменения в коннотации.

D'étranges copains, hauts comme dix pommes, sont en train d'investir les chambres des petites filles... Ce ne sont que des poupées; mais hyperréalistes, dans le genre minets frimeurs et décervelés qui ne pensent qu'au... shopping (Le Nouvel observateur, 2005, №2094–2095, с. 84).

Haut comme dix pommes – измененный вариант КФЕ *haut comme trois pommes*. Хотя числительное низшего порядка заменяется числительным высшего порядка, на смысл это влияет самым неожиданным образом. Из контекста следует, что *haut comme dix pommes* гораздо меньше, чем *haut comme trois pommes*. Таким образом, замена *trois* на *dix* увеличивает экспрессивность ФЕ: вместо «очень маленький» – «очень-очень маленький» (усиление интенсивности признака).

Замена одного из компонентов сравнения схожей по звучанию ЛЕ способствует яркому проявлению оценочного компонента. Создается впечатление, что адресант как бы оговорился, но

именно эта 'оговорка' несет в себе оценочное суждение о предмете, усиливая тем самым прагматический эффект ФЕ.

Например, в КФЕ être comme un poisson dans l'eau 'парафраз' [12, с. 648] компонент poisson заменен схожим по звучанию poison.

Comme des poissons dans l'eau. Les dérivés des pesticides, de détergents et de médicaments menacent la faune et la flore.

Des alligators au pénis microscopique, des poissons qui changent de sexe, des spermatozoïdes humains paresseux. Toutes ces anomalies inquiètent les scientifiques. Ils soupçonnent l'eau de contenir des produits, jusqu'ici peu étudiés, dangereux pour la santé (L'Express international, 2003, №2698, с. 27).

При исследовании употребления КФЕ в газетных текстах мы столкнулись с ярким и выразительным примером замены компонентов сравнения. Такое явление получило у нас название «перетасовка» компонентов. Его суть сводится к следующему: автор статьи употребляет подряд несколько КФЕ в одном контексте, но меняет их интенсификаторы местами. Возникает тем самым эффект противоречия: эталоны отнюдь не являются таковыми для данных признаков. Преобразованные КФЕ получают прямо противоположный смысл, а экспрессивность преобразованной ФЕ из-за необычности, непредсказуемости такой замены усиливается.

Например,

Un recueil de facture certes classique mais aux arrangements sombrent variés, où défilent en vrac les lendemains de fêtes qui font mal à la tête, l'homme-bête fort comme un coq et fier comme un boeuf, le con content et contemplatif, le voisin voyeur, le fauché fait cocu par son banquier et le p'tit chien qui remue la tête sur la plage arrière (Télérama, 2005, №2869, с. 57).

К двойной актуализации мы относим «обывание» буквального и связанного значений КФЕ (или его компонентов).

Оригинальной авторской находкой можно считать следующий пример, в котором лексическое значение интенсификатора связано с обсуждаемой историей.

En général, après avoir commis un vol, on prend la fuite. Mais ce ne fut pas le cas de ce délinquant belge qui avait subtilisé le téléphone portable d'une femme qui buvait un café dans le bar bruxellois. Dès que la cliente s'est rendu compte

que son portable n'était plus sur la table, elle a emprunté le téléphone d'un ami et a composé son propre numéro. La femme a composé son propre numéro. La femme a hésité entre colère et hilarité lorsqu'elle a entendu son portable sonner... dans la chaussette d'un client, qui sirotait tranquillement sa boisson à quelques tables de là! Immédiatement arrêté, l'homme à la chaussette sonnante pourra être qualifié d'un "voleur bête comme ses pieds" (Marianne, 2005, №409, с. 36).

Итак, окказиональные преобразования являются действенным способом усиления прагматического потенциала исходных ФЕ. Такие преобразования могут вызывать изменение только коннотативного или коннотативного и сигнификативно-денотативного содержания узуальной КФЕ. Наибольшей прагматической эффективностью обладают окказиональные изменения в обоих макрокомпонентах семантики ФЕ.

Дать точную количественную характеристику усиления прагматического потенциала едва ли возможно, так как обычно изменения затрагивают не какой-либо один микрокомпонент коннотации (ввиду их сложной обусловленности), а сразу несколько. Однако мы полагаем, что прагматический эффект напрямую зависит от двух условий: необычности и непредсказуемости преобразований и от того, насколько органично они вписываются в структуру текста, т.е. насколько соответствуют поставленной прагматической установке адресанта. На основании вышеизложенного к окказиональным изменениям, обладающим булышим (по сравнению с другими изменениями) прагматическим зарядом следует отнести двойную актуализацию.

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. — VIII с., 472 с.
2. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. — Дубна: Феникс+, 2005. — 488 с.
3. Назарян А.Г. Устойчивые сравнения французского языка. — М.: РУДН, 1998. — 334 с.
4. Старикова Ю.И. Социолингвистический аспект прагматической функции экспрессивных фразеологических единиц (на материале французской прессы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1996. — 25 с.
5. Стебелькова Н.А. Прагматический аспект семантики фразеологической единицы // Сб. науч. тр.

МГИИ им. М. Тореца. Вып. 262. – М., 1986. – С. 11–20.

6. Соколова Г.Г. Фразеология французского языка (семантический аспект фразеологических единиц). – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1986. – 91 с.

7. Соколова Г.Г. Фразеобразование во французском языке. – М.: Высшая школа, 1987. – 144 с.

8. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 144 с.

9. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 288 с.

10. Хованская З.И. Стилистика французского языка. – М.: Высшая школа, 1984. – 344 с.

11. Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. – P.: Dictionnaires Le Robert, 2003. – 2954 p.

12. Rey A., Chantreau S. Dictionnaire des expressions et locutions. – P.: Dictionnaires LE ROBERT/VUEF, 2003. – 898 p.

О.В. Сурякова

РИТМООБРАЗУЮЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОРФЕМНОГО СТРОЕНИЯ ГЛАГОЛА В ЧЕТЫРЕХСТОПНОМ ЯМБЕ И ХОРЕЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (на материале произведений А.С. Пушкина)

Проблема изучения ритмообразующих характеристик слова в поэтической речи в русском языке ставится как комплексная проблема с учетом слоговой, морфемной и акцентной структуры. В данной статье анализируется ритмообразующий потенциал морфемной структуры ямбического и хореического глагола в сравнительном аспекте.

Стихотворная строка – это нить, на которую нанизываются слова. На подбор и расположение слов в стихотворной строке влияют три основных фактора – метр, ритм и рифма, а также стиль автора и признаки жанра. Метр, ритм и рифма задают определенные рамки для автора, которые он не может не учитывать при реализации своего поэтического замысла, и которые, несомненно, задают формальные критерии отбора словесного материала. На этом жесткая заданность основных факторов заканчивается, и начинается проявление разнообразных характеристик слов разных частей речи, ритмообразующий потенциал которых неоднозначен. Слова, принадлежащие разным частям речи, могут иметь различное слоговое и морфемное строение, свою словообразовательную, словоизменительную и акцентную структуру. Можно предположить, что выбор слов разной частеречной принадлежности с их типичными функционально-семантическими и грамматическими свойствами для заполнения той или иной позиции в поэтической строке оказывается не случайным, а вполне закономерным.

Предпосылкой данному анализу послужило предположение о том, что существуют определенные еще мало изученные взаимоотношения между метроритмическими особенностями поэтических размеров, с одной стороны, и тем, про-

явлением каких морфо-акцентных характеристик откликаются на поэтические размеры те или иные части речи, с другой. Как справедливо отмечает М.Л. Гаспаров, при процессе порождения стиха «говорить о том, как поэт подбирает такое-то ритмическое слово для заполнения такой-то позиции стиха, можно только если помнить, что он подбирает его не из ритмического словаря русской речи вообще, а из ритмического словаря той части речи», которая обладает необходимым набором свойств, удовлетворяющим помещению этого слова на данную позицию стихотворной строки, а у разных частей речи он различен [1, с. 169–185].

К настоящему времени проведены исследования поэтического материала в плане подсчета количества слогов, ударений, диарез, стопных и стопобойных словоразделов в поэтической строке, количества ритмико-синтаксических конструкций, видов и количества клаузул, проанализирована частотность разных частей речи в разных поэтических размерах вообще и частотность конкретной лексики у определенных авторов, проанализирована роль частей речи разного рифмующегося окончания и других элементов, составляющих лингвистику стиха [1; 2; 3; 4].

Ритмический анализ поэтической строки осуществлялся с позиций «фонетически ориентированного синтагматического описания» ритмической организации слова [6, с. 31–32]. Но еще

не было проведено комплексного исследования поведения слов различной частеречной принадлежности в фокусе их распределения по позициям в стихотворной строке в разных поэтических размерах с учетом морфемной, слоговой и акцентной структуры в сравнительном аспекте с целью выявления их ритмообразующего потенциала и последующей классификации и структуризации.

Впервые проблема изучения ритмической организации слова с позиции «синтеза морфологически и синтагматически ориентированного» его описания была поставлена в исследованиях Л.Г. Зубковой, где анализировалась «корреляция между ритмической структурой именных и глагольных словоформ и морфемным ударением в зависимости от длины и глубины словоформ» на материале художественной прозы, близкой к разговорно-обиходному стилю [там же]. Учет морфологического критерия является основополагающим и в данном исследовании, но на материале поэтического текста.

Анализировались три стихотворных отрывка общим объемом в 1000 строк, взятых из произведений А.С. Пушкина – из поэмы «Руслан и Людмила» (500 строк), написанной 4-х стопным ямбом, и из «Сказки о золотом петушке» и «Сказки о мёртвой царевне» (вместе 500 строк), написанных 4-х стопным хореем. Исходя из синхронического принципа описания языкового материала,

морфемное членение слов производилось на базе морфемно-орфографического словаря А.Н. Тихонова [8]. Анализ распределения словоформ в строке осуществляется на основе их размещения по отношению к стопе – слово занимает либо внутрислопную позицию, т.е. целиком входит в стопу (далее ВП), либо оказывается в межстопной позиции, когда одна часть слова попадает в одну стопу, а другая в смежную (далее МП). Членение поэтической строки на позиции, к примеру, в ямбе, имеет следующий вид: подстрочные цифры 1, 3, 5, 7 и косые линии обозначают ВП. Как видно, в этой строчке только слово «привлечь» занимает ВП – (7-ю), а слова «Наину» и «чарами», попадают в МП – слово «Наину» попадает в позицию между 1-й и 3-й, т.е. во 2-ю МП, слово «чарами» попадает между 3-й и 5-й позициями, т.е. в 4-ю МП:

/₁Най/₃ну ч_а/₅рами/₇привл_ечь/...

Цель исследования: выяснить, как морфемная структура слов (в данном случае глагола) влияет на ритмическую организацию стихотворной строки в 4-х стопном ямбе и хорее, т.е. выявить специфику ритмообразующего потенциала глагольных словоформ разной морфемной структуры (далее МС), обладающих разной глубиной (другими словами, степенью морфемной сложности) в стихотворной строке ямбического и хореического размеров в сопоставительном аспекте.

При этом решаются следующие задачи: выявить удельный вес глаголов по отношению к сло-

Таблица 1

Распределение глаголов различных МС по позициям в ямбе

№	МС	Позиции								Всего
		F/P								
		1	2	3	4	5	6	7	8	
1	КФ	16/5,0	17/5,3	5/1,6	10/3,1	4/1,2	3/0,9	12/3,7	5/1,6	72/22,4
2	КСФ	9/2,8	11/3,4	7/2,2	6/1,9	5/1,6	11/3,4	4/1,2	9/2,8	62/19,3
3	ПКФ	3/0,9	2/0,6	1/0,3	5/1,6	2/0,6	2/0,6	2/0,6	3/0,9	20/6,2
4	КСПф				1/0,3					1/0,3
5	КФПф	2/0,6	5/1,6		6/1,9				5/1,6	18/5,6
6	КССФ	6/1,9	13/4,0	1/0,3	4/1,2	3/0,9	3/0,9	9/2,8	5/1,6	44/13,7
7	ПКСФ	5/1,6	7/2,2	1/0,3	5/1,6	3/0,9	5/1,6	4/1,2	1/0,3	31/9,6
8	КСФПф		2/0,6	1/0,3	3/0,9				1/0,3	7/2,2
9	ПКПфПф		1/0,3							1/0,3
10	ПКФПф		4/1,2	1/0,3	2/0,6	1/0,3				8/2,5
11	КСССФ				1/0,3					1/0,3
12	ПКССФ		6/1,9		4/1,2	1/0,3	5/1,6	6/1,9	3/0,9	25/7,8
13	ПКСФПф	2/0,6	4/1,2		3/0,9	1/0,3	1/0,3			11/3,4
14	КССФПф		5/1,6	1/0,3	4/1,2				1/0,3	11/3,4
15	ПКССФПф		4/1,2		5/1,6		1/0,3			10/3,1
Всего		43/13,4	81/25,2	18/5,6	59/18,3	20/6,2	31/9,6	37/11,5	33/10,2	322/100

Примечание: F – количество глаголов, показатель абсолютной частоты; P – показатель относительной частоты от общего числа глаголов в %.

Таблица 2

Распределение глаголов различных МС по позициям в хорее

№	МС	Позиции							Всего
		F/P							
		1	2	3	4	5	6	7	
1	КФ	19/5,2	17/4,7	15/4,1	7/1,9	7/1,9	13/3,6	4/1,1	82/22,6
2	КСФ	13/3,6	11/3,0	6/1,7	8/2,2	2/0,6	15/4,1	8/2,2	63/17,4
3	ПКФ	2/0,6	13/3,6	2/0,6	2/0,6		9/2,5	1/0,3	29/8,0
4	КФПф		4/1,1	2/0,6		1/0,3	2/0,6		9/2,5
5	КССФ	5/1,4	3/0,8	7/1,9	5/1,4	3/0,8	15/4,1		38/10,5
6	ПКСФ		15/4,1	4/1,1	4/1,1	2/0,6	28/7,7		53/14,6
7	КСФПф		8/2,2	1/0,3	1/0,3		3/0,8		13/3,6
8	ПКФПф		2/0,6				1/0,3		3/0,8
9	ПКСПф						1/0,3		1/0,3
10	ККССФ						1/0,3		1/0,3
11	ППКСФ						1/0,3		1/0,3
12	ПКССФ		11/3,0		2/0,6		18/5,0		31/8,5
13	ПКСФПф		4/1,1		1/0,3		2/0,6		7/1,9
14	КССФПф		6/1,7	1/0,3			6/1,7		13/3,6
15	ПКССФПф		5/1,4		1/0,3		12/3,3		18/5,0
16	ПКСССФПф		1/0,3						1/0,3
Всего		39/10,7	100/27,5	38/10,5	31/8,5	15/4,1	127/35,0	13/3,6	363/100

вам других частей речи; проанализировать количественное распределение глаголов по ВП и МП и выявить своеобразие динамики глагольной «пульсации» в ямбе и хорее; проанализировать МС по глубине и сравнить общий индекс морфемного синтеза, индекс морфемного синтеза во ВП и МП в целом и по отдельности в каждой позиции; проанализировать распределение типов МС по ВП и МП, выявить иерархию МС по частотности в каждой позиции с учетом разнообразия типов МС и выявить общие черты и различия в ямбе и хорее.

Общее количество слов в ямбическом тексте – 2113, из них 15,2% – глаголы (321 глагол), общее количество слов в хореическом тексте – 1970, из них глаголы составляют 18,4% (363 глагола). Глаголов в хорее в 1,1 раза больше, чем в ямбе. Проанализированный материал обнаружил ряд особенностей в «чувствительности» глагольных словоформ к разным поэтическим размерам. Учитывая, что слов в ямбе на 6,8% (143 слова) больше, чем в хорее, но при этом в хорее пятая часть слов это глаголы, а в ямбе на глаголы приходится лишь седьмая часть слов, то этот факт подтверждает большую глагольность хорее по сравнению с ямбом, что объясняется ориентацией хорее на народный стиль, где интенсивное использование глагола – результат динамического и событийно насыщенного повествования. М.Л. Гаспаров, исследовавший ритмико-синтаксические конст-

рукции в поэтических текстах (ямбическом «Онегине» и хореических сказках) и прозе, тоже отмечает преобладание глаголов в хореическом стихе по сравнению с ямбическим стихом (в 1,1 больше, чем в ямбе). «Этот факт говорит в пользу близости хорее к прозе» [5, с. 289–300]. Следует уточнить, что к прозе разговорно-бытового стиля. Данный факт находит подтверждение и в исследованиях Е.Н. Поповой, которая диагностирует разницу в распределении частей речи в прозе в зависимости от ее функциональной принадлежности. К примеру, в разговорной речи глагол более частотен, чем в художественной и научной прозе [7].

Вследствие неравномерного количественного распределения глаголов по позициям создается своеобразный рисунок глагольной «пульсации», дающий разные глагольные пиковые позиции и неглагольные позиции-спады (см. табл. 1 и 2).

Из таблиц видно, что в ямбе глагольными пиковыми позициями являются 2 и 4 МП, а самыми «неглагольными» – 3 и 5 ВП. В хорее соответственно 2 и 6 и 5 и 7. Очевидно, что распределение глаголов в ямбе характеризуется более размеренным характером и представлено более или менее равномерными подъемами и спадами, чем в хорее, что отражает специфику жанра: это эпическая поэма, в которой повествование ведется спокойно и неторопливо. Глагольная пульсация в хорее совсем иного плана, характеризуется резкими и неравномерными скачками и спадами,

Таблица 3

Типы и количество МС в ямбе и хорее (в % от общего числа глаголов)

Ямб			Хорей		
Ранг	Морфемная структура	F/P	Ранг	Морфемная структура	F/P
1	КФ (слыш-ит)	72/22,4	1	КФ (скаж-ешь)	82/22,6
2	КСФ (бы-л-о)	62/19,3	2	КСФ (и-л-а)	63/17,4
3	КССФ (дел-и-л-и)	44/13,7	3	ПКСФ (с-ве-л-а)	53/14,6
4	ПКСФ (за-жиг-а-ет)	31/9,6	4	КССФ (саяж-а-л-а)	38/10,5
5	ПКССФ (за-служ-и-ть)	25/7,8	5	ПКССФ (у-бр-а-л-а)	31/8,5
6	ПКФ (вы-ход-ят)	20/6,2	6	ПКФ (про-ход-ит)	29/8
7	КФПф (серд-ит-ся)	18/5,6	7	ПКССФПф (у-дал-и-л-и-сь)	18/5
8,5	ПКСФПф (с-мерк-л-о-сь)	11/3,4	8,5	КСФПф (ду-л-а-сь)	13/3,6
8,5	КССФПф (клан-я-л-и-сь)	11/3,4	8,5	КССФПф (дог-ад-а-л-а-сь)	13/3,6
10	ПКССФПф (у-мч-а-л-а-сь)	10/3,1	10	КФПф (серж-у-ся)	9/2,5
11	ПКФПф (вы-зов-ет-ся)	8/2,5	11	ПКСФПф (у-лег-л-а-сь)	7/1,9
12	КСФПф (раста-л-л-ся)	2,2/7	12	ПКФПф (по-друж-и-ся)	3/0,8
14	КСПф (терз-ай-ся)	0,3/1	14,5	ПКСПф (за-ик-ну-ся)	1/0,3
14	ПКПфПф (с-жал-те-сь)	0,3/1	14,5	ККСФ (хо-хо-т-а-ть)	1/0,3
14	КССФ (чу-в-ств-у-ет)	0,3/1	14,5	ППКСФ (с-по-зна-л-и)	1/0,3
			14,5	ПКССФПф (вс-треп-е-ну-л-л-ся)	1/0,3

что является отражением жанровых и стиливых признаков: это народная сказка, отличающаяся динамичностью повествования. Как отмечает Гаспаров, по тенденциям стиля хореические сказки ближе к прозе: «...перед нами разница стиля, который в прозе движет сюжет более четкими глагольными толчками» [6, с. 289–300].

Выявляется общая тенденция к перераспределению глаголов, особенно сложных полиморфемных, в пользу МП в обоих размерах. В ямбе в МП глаголов в 1,7 раза больше, чем во ВП, в хорее в 2,5, а именно на ВП в ямбе приходится 118 глаголов (36,7% от общего количества глаголов), на МП 204 (63,3%), в хорее 105 (28,9%) и 258 (71,1%) соответственно. При этом нужно отметить, что во ВП в ямбе глаголов в 1,1 больше, чем в хорее, а в МП в 1,3 меньше, чем в ямбе. Как видно, в ямбе разница по количеству глаголов между ВП и МП менее резкая, чем в хорее. Отсюда более размеренная глагольная пульсация в ямбе.

Рассматривая глагольную наполняемость конкретно по отдельным позициям в ямбе и хорее, можно заметить, что в них действует двуединный принцип противоположения позиций – противоположение начальных позиций конечным и краевых срединным, причем характер противоположения меняется в зависимости от размера. В ямбе во ВП 1 и 7 краевые позиции противоположаются 3 и 5 срединным (13,4% и 11,5% против 5,6% и 6,2%), а в МП 2 и 4 начальные позиции конечным 6 и 8 (25,2% и 18,3% против 9,6% и 10,2%).

В хорее данный принцип действует с точностью до наоборот: во ВП 1 и 3 начальные позиции противоположаются 5 и 7 конечным (10,7% и 10,5% против 4,1% и 3,6%), в МП 2 и 6 краевые 4 срединной (27,5% и 35% против 8,5%).

В результате анализа были зарегистрированы следующие 19 морфемных структур глаголов.

Хотя основная масса глаголов в группе самых частотных МС с частотой от 5% и выше в обоих размерах представлена одинаковыми МС – КФ, КСФ, ПКФ, КССФ, ПКСФ и ПКССФ, все же в их иерархии обнаруживается ряд расхождений между ямбом и хореем, касающихся 3, 4 и 7 рангов. В ямбе 3 и 4 ранги представлены структурами КССФ и ПКСФ соответственно, а в хорее ПКСФ занимает более высокий ранг, чем КССФ; 7 ранг в хорее представлен сложной 6-ти морфемной структурой ПКССФПф, в то время как в ямбе здесь простая структура КФПф. С учетом степени сложности МС представляется целесообразным выделять три группы МС. Группа 1 – это 2–3-х и 4-х морфемные структуры – КФ КСФ, ПКФ, КСПф, КФПф, КССФ, ПКСФ, ПКСПф, КСФПф, ПКФПф, ПКПфПф, среди которых КФ КСФ, ПКФ, КССФ, ПКСФ – самые частотные глагольные типы. Группа 2, промежуточная между 1-й группой самых частотных и 3-й группой полиморфемных малочастотных структур, включает 5-ти морфемные структуры – КСССФ, ПКССФ, КСССФ, ПКСФПф, ППКСФ, КССФПф. И, наконец, группа 3 объединяет сложные 6-ти и 7-ми морфемные структу-

Таблица 4

Иерархия МС глаголов в отдельных позициях в ямбе (в % от общего числа глаголов в каждой данной позиции)

БП		МП		МС / %		4		6		8					
1	3	5	7	2	4	6	8	10	12	14	16				
КСФ	37,2	КСФ	39	КСФ	25	КСФ	32,4	КСФ	21	КСФ	17	КСФ	35,5	КСФ	27,3
КСФ	21	КСФ	28	КСФ	20	КСФ	24,3	КСФ	16	КСФ	10,2	КСФ	16,1	КСФ	15,1
КССФ	14	КСФ	5,5	КССФ	15	КССФ	16,2	КСФ	13,6	КСФ	10,2	КССФ	16,1	КСФ	15,1
КССФ	11,6	КССФ	5,5	КСФ	15	КСФ	11	КССФ	8,6	КСФ	8,5	КСФ	9,7	КССФ	15,1
КСФ	7	КСФ	5,5	КСФ	10	КСФ	11	КССФ	7,4	КСФ	8,5	КСФ	9,7	КСФ	9,1
КСФ	4,7	КСФ	5,5	КСФ	5	КСФ	5,4	КСФ	6,2	КССФ	8,5	КСФ	6,5	КССФ	9,1
КССФ	4,7	КССФ	5,5	КСФ	5	КСФ	0	КССФ	6,2	КСФ	6,8	КССФ	3,2	КССФ	3
КСФ	0	КССФ	5,5	КСФ	5	КСФ	0	КСФ	5	КСФ	6,8	КССФ	3,2	КСФ	3
КСФ	0	КСФ	0	КСФ	0	КСФ	0	КСФ	5	КСФ	6,8	КСФ	0	КССФ	3
КСФ	0	КСФ	0	КСФ	0	КСФ	0	КСФ	5	КСФ	5,1	КСФ	0	КСФ	0
КСФ	0	КСФ	0	КСФ	0	КСФ	0	КСФ	2,5	КСФ	5,1	КСФ	0	КСФ	0
КСФ	0	КСФ	0	КСФ	0	КСФ	0	КСФ	2,5	КСФ	3,4	КСФ	0	КСФ	0
КСФ	0	КСФ	0	КСФ	0	КСФ	0	КСФ	1,2	КСФ	1,7	КСФ	0	КСФ	0
КСФ	0	КСФ	0	КСФ	0	КСФ	0	КСФ	0	КСФ	1,7	КСФ	0	КСФ	0
КСФ	0	КСФ	0	КСФ	0	КСФ	0	КСФ	0	КСФ	0	КСФ	0	КСФ	0

Таблица 5

**Иерархия МС глаголов в отдельных позициях в хорее
(в % от общего числа глаголов в каждой данной позиции)**

ВП				МП		
1	3	5	7	2	4	6
МС / %						
КФ 48,7	КФ 39,5	КФ 46,7	КСФ 61,5	КФ 17	КСФ 25,8	ПКСФ 22
КСФ 33,3	КССФ 18,4	КССФ 20	КФ 30,8	ПКСФ 15	КФ 22,6	ПКССФ 14,2
КССФ 12,82	КСФ 15,8	КСФ 13,3	ПКФ 7,7	ПКФ 13	КССФ 16,1	КСФ 11,8
ПКФ 5,1	ПКСФ 10,5	ПКСФ 13,3	КФПф 0	КСФ 11	ПКСФ 13	КССФ 11,8
КФПф 0	ПКФ 5,3	КФПф 6,7	КССФ 0	ПКССФ 11	ПКФ 6,5	КФ 10,2
ПКСФ 0	КФПф 2,6	ПКФ 0	ПКСФ 0	КСФПф 8	ПКССФ 6,5	ПКССФПф 9,5
КСФПф 0	КСФПф 2,6	КСФПф 0	КСФПф 0	КСФПф 6	КСФПф 3,2	ПКФ 7
ПКФПф 0	КССФПф 2,6	ПКФПф 0	ПКФПф 0	ПКССФПф 5	ПКСФПф 3,2	КССФПф 4,7
ПКСПф 0	ПКФПф 0	ПКСПф 0	ПКСПф 0	КФПф 4	ПКССФПф 3,2	КФПф 2,4
ККСФ 0	ПКСПф 0	ККСФ 0	ККСФ 0	ПКСФПф 4	КФПф 0	КФПф 1,6
ППКСФ 0	ККСФ 0	ППКСФ 0	ППКСФ 0	КСФ 3	ПКФПф 0	ПКСФПф 1,6
ПКССФ 0	ППКСФ 0	ПКССФ 0	ПКССФ 0	ПКФПф 2	ПКСПф 0	ПКФПф 0,8
ПКСФПф 0	ПКССФ 0	ПКСФПф 0	ПКСФПф 0	ПКССФПф 1	ККСФ 0	ПКСПф 0,8
КССФПф 0	ПКСФПф 0	КССФПф 0	КССФПф 0	ПКСПф 0	ППКСФ 0	ККСФ 0,8
ПКССФПф 0	ПКССФПф 0	ПКССФПф 0	ПКССФПф 0	ККСФ 0	КССФПф 0	ППКСФ 0,8
ПКСССФПф 0	ПКСССФПф 0	ПКСССФПф 0	ПКСССФПф 0	ПКСФ 0	ПКСССФПф 0	ПКСССФПф 0

ры – ПКССФПф, ПКСССФПф. Следует отметить, что в хорее глаголы представлены более сложными МС как в группе высокочастотных (здесь с 6 рангом частотности зафиксирована 6-ти морфемная структура ПКССФПф, которая занимает в ямбе лишь десятый ранг), так и в группе низкочастотных МС, где в хорее встретился глагол 7-ми морфемной структуры ПКСССФПф, которой в ямбе нет. Можно предположить, что хореический размер более восприимчив к глаголам сложных МС, а глаголы сложных МС более «чувствительны» к хорее, чем к ямбу, хотя данное предположение еще нуждается в дальнейшей проверке.

Во ВП и МП в обоих размерах по глубине и с точки зрения разнообразия типов МС можно обнаружить некую общность и различия.

Для анализа иерархии частотности МС видится целесообразным рассматривать те структуры, которые представлены минимум пятью глаголами (в таблицах 4 и 5 такие структуры выделены жирным шрифтом). Здесь отмечаются определенные сходства и различия между ВП и МП по глубине и количеству представленных МС как внутри каждого размера, так и между ними. На ВП в анализируемой группе в обоих размерах употребляются глаголы только из 1 группы сложности с преобладанием 2–3-х морфемных глаголов – КФ и КСФ, с попеременным лидерством каждой из них. Причем только эти структуры отмечены в 3 и 5 ВП в ямбе и в 5 и 7 ВП в хорее. К структурам-лидерам примыкают 4-х МС. В ямбе это КССФ и ПКСФ в 1 позиции и КССФ в 7 пози-

ции. В хорее это КССФ в 1 позиции, а в 3 позиции эта МС занимает второе место по частотности. Появление многоморфемных структур во ВП в ямбе носит единичный характер – такова 5-ти морфемная структура ПКССФ (16,2%, 6 гл.) в 7 позиции, а в хорее их нет вообще. На МП приходятся глаголы всех 3 групп сложности – от 2-х до 6-ти морфемных структур.

Превалирующий характер КФ и КСФ в ВП проявляется еще и в том, что по частотности эти две МС намного превышают все остальные вместе взятые в анализируемой группе по каждой позиции, за исключением 7 позиции в ямбе, где превалируют 4-х и 5-ти морфемные МС – КССФ (24,3%, 9 гл.) и ПКССФ (16,2 %, 6 гл.) против КФ (32,4%, 12 гл.). Ямб: 1 позиция – КФ и КСФ (58,2%, 25 гл.) против КССФ и ПКСФ (25,6%, 11 гл.). Хорей: 1 позиция – КФ и КСФ (82%, 32 гл.) против КССФ (12,8%, 5 гл.); 3 позиция – КФ и КСФ (55,3%, 21 гл.) против КССФ (18,4%, 7 гл.).

Соотношение частотности разных по глубине МС в МП по сравнению с ВП заметно меняется в ямбе и кардинально в хорее. Хотя в ямбе в МП по-прежнему преобладают 2-х, 3-х и 4-х морфемные глаголы из 1-й группы сложности, тем не менее повышается удельный вес многоморфемных глаголов. Во 2 позиции они составляет пятую часть от всех глаголов, в 4 позиции четвертую часть и третью часть в 6 позиции. В хорее же во МП (за исключением 4 позиции) многоморфемные структуры составляют более половины всего количества глаголов в данных позициях. Особо

выделяется в хорее 6 позиция, где второй по частотности структурой выступает 5-ти морфемная структура ПКССФ (14,2 %, 18 гл.), при чем на долю других многоморфемных структур тоже приходится значительное число глаголов. К примеру, 6-ти МС ПКССФПф представлена 9,5 % (12 гл.) от общего числа глаголов в данной позиции, а 5-ти МС КССФПф 4,7% (6гл.).

ВП и МП различаются между собой также и по составу типов МС, как внутри каждого размера, так и между размерами. В МП в обоих размерах при одинаковой глубине словоформ состав типов МС гораздо разнообразнее, чем во ВП. В ямбе это особенно касается 2-х, 3-х МС, в хорее – 5-ти и 6-ти МС. Если в ямбе во ВП среди 2-х, 3-х МС лидирующее положение занимают только КС и КСФ, то в МП к ним присоединяются во 2 поз. КФПф, в 4 поз. КФПф и ПКФ и в 8 поз. КФПф. В хорее состав простых МС в МП пополняется только ПКФ во 2 и 6 позициях. Во ВП в ямбе состав типов 4-х и 5-ти МС представлен КССФ, ПКСФ и ПКССФ. В МП по сравнению с ВП состав типов МС данной глубины остается стабильным – это КССФ, ПКСФ и ПКССФ, он пополняется только КССФПф и 6-ти МС ПКССФПф. В хорее разница в составе типов МС данной глубины более заметная: во ВП это только КССФ, в МП – КССФ, ПКСФ, ПКССФ, КСФПф, КССФПф, ПКССФПф, при этом самыми частотными являются ПКСФ и ПКССФ. В целом, если посчитать все зарегистрированные типы МС в каждой позиции, то можно увидеть, что ямб представлен более широким спектром типов МС во ВП (7 против 4 в хорее в 1 поз.; 8 против 5 в 5 поз.; 6 против 3 в 7 поз.). Только в 3 позиции количество типов МС в обоих размерах одинаково – 8. В МП, как в ямбе, так и в хорее, представлены все зарегистрированные типы МС. В МП во 2 позиции в ямбе и хорее встретилось одинаковое количество типов МС; в 4 позиции ямб превалирует – 14 против 9 и ямб уступает хорею по числу типов МС в 6 позиции. – 8 против 15 соответственно.

Данным соотношением по глубине и частотности МС объясняются разные индексы морфемного синтеза в ВП и МП. Индекс морфемного синтеза в каждой позиции вычислялся как отношение всего количества морфем к количеству слов в данной позиции. В качестве таких показателей были выбраны индексы Гринберга, которые выявляют степень синтеза или общей сложности слова. Применяя индексы Гринберга к ча-

стям речи в русском языке, получается, что в русском языке наречие аналитично, существительное синтетично, а глагол и прилагательное – полисинтетичны.

Средний индекс морфемного синтеза глаголов в ямбе равен 3,4, в хорее – 3,5. В обоих размерах средний индекс морфемного синтеза в МП выше аналогичного индекса в ВП. В ямбе 3,6 в МП против 3,2 во ВП. В хорее 3,8 в МП против 2,8 во ВП. Индекс морфемного синтеза по каждой позиции в ямбе равен: в 1 поз. – 3,0; в 3 – 3,1; в 5 – 3,4; в 7 – 3,4; во 2 – 3,6; в 4 – 3,7; в 6 – 3,6; в 8 – 3,3. В хорее соответственно в 1 – 2,6; 3 – 3,0; 5 – 2,9; 7 – 2,7; 2 – 3,7; 4 – 3,4; 6 – 4,0. При этом средний индекс морфемного синтеза в ВП в ямбе выше, чем в хорее – 3,2 против 2,8 соответственно, в МП этот показатель в ямбе ниже, чем в хорее – 3,6 против 3,8.

Следовательно, в ямбе и во ВП и в МП глагол полисинтетичен, но степень синтеза оказывается все же выше в МП. Что касается хорей, то здесь налицо принципиальное различие. Глагол в хорее во ВП должен квалифицироваться как синтетический, а в МП как полисинтетический.

Итак, по результатам проведенного анализа можно сделать следующие выводы. Принимая во внимание перевес хорей над ямбом по количеству глаголов и особый характер глагольного рисунка в хорейной стихотворной строке, сближающий хорей с прозой, можно говорить о том, что хорей – более «глагольный» размер, чем ямб. Характер распределения глаголов во ВП и МП свидетельствует о разном ритмообразующем поведении глагола в ямбе и хорее: есть ярко выраженные «глагольные» и «неглагольные» позиции, которые не совпадают в этих размерах. Разного характера «пики и спады» создают разный глагольный ритм, который придает повествованию размеренный, как в ямбе, либо динамичный, как в хорее, характер. Выявляется явная тенденция к разграничению ВП и МП по степени сложности МС глаголов. Данные свидетельствуют, что МП более насыщенны не только по количеству глаголов, но и по разнообразию и морфемной сложности представленных там глагольных структур в обоих размерах, что отражается в индексе морфемного синтеза, который в МП выше аналогичного показателя в ВП. При этом в ямбе индекс морфемного синтеза в ВП выше, чем в хорее, а в МП ниже, что объясняется различиями в глубине и частотности представленных там типов МС.

При дальнейшем анализе данные по глаголам необходимо сопоставить с данными по именам с проведением исследования по тем же параметрам, которые были применены к глаголам. Следующий этап предполагает исследование морфоритмических структур именных и глагольных слов с учетом их слоговых и акцентных характеристик с целью выявления и сравнения ритмообразующего потенциала данных частей речи в ямбе и хоре.

Библиографический список

1. Гаспаров М.Л. Ритмический словарь и ритмико-синтаксические клише // Проблемы структурной лингвистики – 1982. – М., 1984. – С. 169–185.
2. Гаспаров М.Л. Синтаксические клише в поэзии Пушкина и его современников // ИОЛЯ. – 1999. – №3.
3. Гаспаров М.Л., Скулачева Т.В. Грамматический словарь стоп 4-ст. ямба в романе в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Стилистика и поэтика: тезисы всесоюзной научной конференции (Звенигород, 1989). Вып. 1. – М., 1989.
4. Гаспаров М.Л., Скулачева Т.В. Глагольная рифма и синтаксис стихотворной строки // Русский язык в научном освещении. – М., 2001. – №2.
5. Гаспаров М.Л. Пушкинские двусловия: язык, жанр, стиль, ритм и рифма в стихе // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: материалы и исследования. – М.: ОГИ, 2001.
6. Зубкова Л.Г. Части речи в фонетическом и морфологическом освещении. – М., 1984.
7. Попова Е.Н. Соотношение морфемы и слога: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1990.
8. Тихонов А.Н. Морфемно-орфографический словарь. – М., 2002.

Научные труды преподавателей, поступившие в библиотеку КГУ им. Н.А. Некрасова

ГАНЦОВСКАЯ Н.С. ЛЕКСИКА ГОВОРОВ КОСТРОМСКОГО АКАЮЩЕГО ОСТРОВА: ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ: [МОНОГРАФИЯ]. – СПБ.; КОСТРОМА: ИЛИ РАН СПБ.; КГУ ИМ. Н.А. НЕКРАСОВА, 2007. – 228 С. – ISBN 978-5-02-026504-2. – ISBN 978-5-7591-0814-6.

ЛЕБЕДЕВ Ю.В. СУДЬБЫ РОССИИ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ И.С. ТУРГЕНЕВА, Ф.И. ТЮТЧЕВА, Н.С. ЛЕСКОВА: В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ. – ОРЛ: ИД «ОРЛИК И К», 2007. – 272 С. (СЕРИЯ «ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ОРЛОВСКОГО КРАЯ»).

ЗАХАРОВА Ж.А. БЫТЬ ВСЕГДА РЯДОМ: МЕТОД. ПОСОБИЕ ДЛЯ ПРИЕМНЫХ РОДИТЕЛЕЙ / Ж.А. ЗАХАРОВА, С.Ю. СВЕШНИКОВ. – КОСТРОМА: АВАНТИТУЛ, 2007. – 68 С. – ISBN 978-5-98342-065-6.

БОЙЦОВА С.В. СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ РЕБЕНКА: [МЕТОД. ПОСОБИЕ] / С.В. БОЙЦОВА, Ж.А. ЗАХАРОВА. – КОСТРОМА: АВАНТИТУЛ, 2007. – 44 С. – ISBN 978-5-98342-081-6.

ФИЛОСОФИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Н.Н. Александров

ГЕНЕЗИС БРЭНДА И ЕГО СИСТЕМНАЯ МОДЕЛЬ

В этой статье мы постараемся выработать понятие брэнда. Для этого нам нужно будет соблюсти три условия:

1. Определения брэнда должны быть выражены в системной схеме. Схематизация способствует пониманию. Когда нет схемы, обсуждать нечего.
2. Чтобы понять суть брэнда, нужно раскрыть его происхождение. Системность подтверждает его генезисом.
3. Понятие «брэнд» должно быть пригодно для организации брэндинга, специфической деятельности по проектированию и управлению брэндами.

Маркировка

Начнем с генезиса. Откуда взялся брэнд? Из торговой марки. Откуда взялась марка? Из необходимости маркировать товары, а это возникает только в ходе обмена.

Товар маркировали по двум причинам:

- чтобы знать, кто это сделал. Например, в Древнем Египте на каждом кирпиче стояло имя его изготовителя – кого наказывать в случае чего.
- чтобы отличать хороший товар от всех прочих. В средневековье у каждого мастера в гильдии было свое уникальное клеймо или печатка. Это уже был предмет профессиональной гордости, повышающий цену товара: клеймо мастера гарантирует качество, а гильдия отвечает за своего мастера.

Итак, в основе лежит достаточно простая ситуация, когда на товар наложены семиотические характеристики. Возникает схема, изображенная на рисунке 1.

Рис. 1. Два уровня марочного товара

С маркировкой все было просто, пока делали глиняные горшки или продавали скот – достаточно было иметь печатку, тавро или клеймо. При больших потоках товаров возникает даже особая профессия – маркёр, ставивший метку.

По мере усложнения деятельности в обществе отличать понадобилось не только товары, но и услуги, например, кораблевладельцев, адвокатов или банкиров. Он клялись своим добрым именем, и если что, могли даже покончить с собой, чтобы сохранить честь имени, или честь марки банкирского дома. Как мы видим, связь марки с именем (наименованием) очень важна и она во многом сохраняется и далее.

А затем возникло множество производителей, которые гарантировали качество товара уже своим фирменным именем – не обязательно личным именем хозяина, а все чаще именем фирмы (в акционерном обществе хозяев много). И потому на место «товара» мы теперь должны подставить **маркируемый «объект»**, за которым скрывается многое: и товар, и услуга, и фирма, и человек. Схема наша сохраняется, и теперь это схема марки: перед нами маркированный объект, объект, имеющий марку.

Сегодня марка трактуется как наименование, имя или символ, или их комбинация, которые добавляются к объекту (продукту, услуге, фирме, человеку).

Отметим, что и сама маркировка в истории тоже усложняется. Постепенно она становится двухсоставной. **Маркировка объекта состоит их имени (наименования) + знака**. Это так называемая «семиотика марки». Такое сочетание имени и знака встречается в именной печати (клейме), отпечаток которой производители ставили на свои изделия в античности, средневековье и большей части Нового времени. Печати ставили и на сургуч в письмах, чтобы сохранить секретность. Поскольку печатка – это изделие почти ювелирное и неповторимое, со своими секретами, подделать его было весьма сложно.

Важно следующее – в основе любой маркировки в обществе всегда лежит семиотическая

уникальность, обеспечивающая к тому же и секретность. Одно из первых явлений такого рода – родовые гербы аристократии: это тоже имя + знак, имя рода и его герб (символ). Маркированные таким способом рыцари с гербом на щите – это один из первых примеров «бренда по имени Я».

При широком распространении маркированных товаров и совершенствовании технологий вплотную встала проблема защиты марки от подделок. Она была решена опять-таки на уровне корпораций, трастов, а затем и государств и даже союзов государств. Возникают официально зарегистрированные имена и знаки, а за их подделку власти жестоко карает, вплоть до смертной казни.

Далее и эти способы маркировки усложняются.

Имя марки (ее наименование) – теперь уже не обязательно имя производителя. Имя марки может иметь отношение и к товару, и к его продавцу, и производителю и многому другому – к товарной категории, серии и т.д. Тот, кто хотя бы один раз сталкивался с проблемой создания названия для своей фирмы, продукта или услуги, прекрасно представляет себе, какое это непростое дело. Поэтому сегодня разработка имени, названия, наименования превратилась в отдельную профессию – нейминг (в буквальном переводе – изготовление имени).

Знак марки – это визуально воспринимаемая часть маркировки. Сегодня его называют логотипом или «Лого». В основании знака лежит некая композиция: рисунок или пиктограмма, нередко в сочетании со шрифтом. И здесь тоже появляется особая профессия – дизайнер-промграфик (рис. 2).

Сочетание имени и знака может иметь разные доминанты: некоторые марки мы помним не по имени, а по знаку, а некоторые – наоборот. Наиболее удачными являются марки, где и имя марки, и ее знак примерно равноценны. Например, такова классическая марка напитка «Кока-Кола», сигарет «Мальборо», автомобилей «Форд»: есть товар (фирма-производитель), есть

имя, есть узнаваемый символ – логотип.

Третья семиотическая составляющая – это номер в регистрационном документе. Марка как понятие в этом смысле проще брэнда: «зарегистрированная торговая марка» – это обязательная официальная запись и номер брэнда в реестре. Этот ракурс функционально обеспечивает юридическую защищенность брэнда в обществе. «Зарегистрированная торговая марка» – понятие юридическое. Оно обеспечивает правомочность и эксклюзивность нашего брэнда. Уровни здесь разные, поскольку реестры разные – от всемирного до очень локального. Но главное – марка обязательно должна быть юридически защищена и зарегистрирована в национальном или международном реестре.

Последовательность очевидна: чтобы зарегистрироваться, уже нужна семиотическая определенность в виде имени и знака. Для регистрации марка должна иметь отличительные характеристики. Это имя и этот знак должны отличаться от всех прочих, внесенных в соответствующий реестр – это условие регистрации.

В конечном итоге важен только сам этот **номер в реестре**. А номер, как и имя, как и символ – относится все к той же семиотической реальности.

Соединение перечисленного и порождает марку. В марке, как минимум, присутствует имя (наименование объекта) + его символ, а также номер его регистрации в реестре.

На самом деле обсуждаемый семиотический набор (ИМЯ + СИМВОЛ + НОМЕР) – это не более чем условие вхождения марки в цивилизованный рынок и нахождения на нем. Поэтому нецивилизованный рынок игнорирует эти условия или подделывает этот семиотический набор в целом и по частям. Контрафактная продукция построена на имитации чужих товаров, использовании чужих имен и знаков, она игнорирует правовую «власть номера» в реестре. Чтобы все это работало, мир должен иметь общую юриди-

Рис. 2. Понятие о марке

ческую реальность. Например, страна должна вступить в ВТО и тем признать важность этого набора для всех.

ФОРМУЛА МАРКИ: ОБЪЕКТ + (ИМЯ + СИМВОЛ + НОМЕР).

МАРКА = ОБЪЕКТ + СЕМИОТИЧЕСКИЙ НАБОР.

Таким образом, марка – двухслойное образование. Хотя некоторые теоретики марки не включают сюда сам объект. Тогда мы имеем *branded article* – марочный товар, марочное изделие, – понятие только юридическое.

Вынесем отдельно наше утверждение: существует цивилизационная коммуникация, где фигурируют три типа символов: сочетания букв, геометрических конструкций и чисел. Роль у них чисто служебная, практическая, управленческая: обеспечить порядок в обществе.

Поэтому семиотический набор – это как паспорт, удостоверяющий права гражданства брэнда в данной цивилизации.

К началу XX века мы застаем довольно большое разнообразие по трем указанным вариантам и их оттенкам.

Дизайн-взрыв

В момент кризиса перепроизводства (конец 20-х, начало 30-х гг. XX века) возникает коммерческий дизайн, который выявил очень важный новый ресурс, неиспользованный на рынке так активно ранее. Это *образный ресурс*. Например, радиоприемники, которые никто не хотел покупать из-за заговаривания, вдруг пошли нарасхват, как только дизайнеры придали им модный «обтекаемый стиль» корпуса и ручек управления; при этом техническая начинка совершенно не изменилась. Один из классических примеров середины века – кровать из вспененного полиуретана французского дизайнера Роже Таллона: она предназначалась для беднейших слоев населения и стоила в производстве копейки, но ее дизайн оказался настолько стильным, что товар сразу стал элитарным и продавался в тысячи раз дороже себестоимости. Примеров такого рода масса и они убедили производителей и продавцов в одном: хорошо сработанный стильный образ вещи позволяет лучше продавать ее как товар и увеличивает его цену, иногда – в разы. Р. Каплан писал, что «первые успешные дизайн-операции действовали на экономику как магия, и первые дизайнеры могли играть роль волшебников... Дизайн

был новой алхимией, и в отличие от старой он работал».

В понятие «дизайн» объекта входит очень многое, но мы пока возьмем его простейший товарный вариант дизайна. В быденном понимании «дизайн» – это понятие, включающее внешний облик самого изделия (характеристики его формы: тональность, цвет, линейность, пропорции, фактуру, текстуру, шрифты и т.д.), его упаковку и его сопроводительную документацию. При этом понимании дизайнер выступает скорее как стилист, создающий или меняющий форму. Поэтому само это направление иногда называют *стайлинг* (стилистика). Его вершиной стал арт-дизайн, где дизайнер задает образ раньше, чем будет сделана сама вещь. Например, есть известные итальянские арт-дизайнеры, проектирующие только образы новых автомобилей, и на их услуги стоят очереди фирм-производителей. Например, Опель Авео рекламируют как автомобиль, дизайн которого спроектировал «сам Джуджаро».

Продолжим нашу историю. Постепенно дизайнеры обрабатывают не только товары, упаковку, документацию, но и фирмы, и услуги, и еще более сложные образования (нон-дизайн, о котором замечательно написал В.Л. Глазычев в классической работе «О дизайне»).

Появляется «фирменный стиль», очень широкое понятие, включающее и фирменный знак, и фирменный шрифт, и фирменные цвета, и прочие базовые образные характеристики (не только зримые) а также множество способов их применения: в интерьере и экстерьере зданий, на транспорте фирмы, на производственной одежде, на всех бумагах фирмы, во всех аксессуарах (значки, флаги, брелоки, авторучки, вымпелы, календари и т.д.), и конечно же – на всей продукции фирмы и на всем ее сопровождении. Это уже более широкое комплексное понимание дизайна. Знаменитая дизайнерская фирма Элиота Нойеса не заключает контрактов на проектирование, если эти контракты не гарантируют ей регулярного и продолжительного характера деятельности, охватывающей фирменный стиль, архитектуру, рекламу и дизайн. Как можно понять из этого набора, дизайн середины XX века уже достаточно далеко ушел от простой стилизации формы товара – у него теперь пять функций (эргономическая, инженерно-функциональная, экономическая, экологическая + эстетическая, которая все это интегрирует в форму).

Дизайн сделал очень важный **первый шаг от марки к брэнду**. Он раскрыл и употребил ресурс эстетической, образной сферы. Мы уже говорили, что *объектом брэндинга может быть практически всё*. Так вот, впервые это было осознано именно в дизайне. Примеры крайних проявлений: одна из дизайнерских фирм впервые спроектировала образ кандидата на выборах еще в начале 60-х годов. Рекомендации проектировщиков касались отнюдь не внешности, а сути образа кандидата и его поведения – сменить галстук, сбросить вес на 10 кг, по утрам бегать вдоль реки по определенному маршруту, по вечерам посещать такие-то пивные клубы и т.п. Тогда этот тип проектирования был в новинку, теперь это мировая практика имиджмейкерства, возникшего из дизайна.

Одним из развитых ранних примеров комплексного всеохватывающего дизайна, где дизайнеры проработали основные аспекты огромной социально-политической машины, был стиль Третьего рейха. Как такового товара, услуги или фирмы здесь нет, а есть один очень большой объект – «цивилизация Третьего рейха», по сути – миф или проект. Чтобы оживить этот проект в памяти, достаточно вспомнить хотя бы фильм о Штирлице или посмотреть документальные материалы, которых сегодня полно на DVD. Одежду, автомобили и символику по заказу Геббельса спроектировали самые знаменитые итальянские и немецкие дизайнеры того времени – и этот брэнд живет и продается и поныне, хотя самой цивилизации больше нет. То же самое можно сказать и о советской цивилизации, у нее тоже был свой брэнд. Именно это позволило впоследствии возникнуть такому уникальному явлению, как «соцарт» – советский стиль использовали модернисты-пересмешники.

Акцентируем ваше внимание на том, что в начале XX века, в первой его трети брэндированию подвергаются огромные по масштабу объекты: государства (цивилизации со всеми «потрохами»)

и всемогущие тогда тресты – настоящие киты экономики. Кроме эстетического, при помощи этих брэндов в дело включался и такой ресурс, как манипулирование волей. Но это пока происходит эпизодически, а профессионально и инструментально это было осознано позже – в середине XX века.

Отметим в целом, что дизайнерский образ здесь уже не имеет отношения к способам маркировки. В пространстве продаж активной силой становится вполне **самостоятельный слой, не связанный жестко ни с продаваемым объектом, ни с семиотикой марки, а связанный только с образом**. И это направление имеет в истории тенденцию к обособлению, о которой мы уже упоминали, например – имиджмейкерство. Речь идет о том, что постепенно был осознан «имидж» как самостоятельная ценность, как сила, жестко не связанная с формой и семиотикой. Например, имидж политического деятеля имеет к его носителю весьма отдаленное отношение.

По этому поводу есть такой исторический анекдот: Сталин отчитывает своего неупутевого сына-алкоголика Василия, и сын говорит ему: «Легко тебе говорить, ты же Сталин!» На что «отец народов» ему отвечает, показав пальцем в окно на плакат с его портретом на Красной площади: «Вон Сталин, а я – Джугашвили».

Имидж живет в коммуникации и способствовать его возникновению может все, что угодно из эстетической сферы, не обязательно зримое. Например, запах духов «Шанель №5» – это тоже имидж, создающий у потребителя очень сложный набор ассоциаций. Ни одной зримой черты при этом нет, а имидж есть, и он лежит в основании брэнда фирмы Коко Шанель. Упаковка и само имя основательницы здесь являются фоном. Мы еще будем об этом говорить, а теперь нам важно зафиксировать следующее: марка дополнилась образным слоем – имиджевым, а имидж многослоен. И на этом пересечении (маркированный

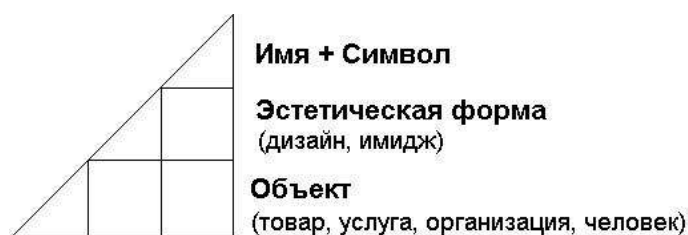

Рис. 3. Уровневое устройство брэнда

объект и образ) и возникает классический брэнд. Но до его появления остается еще один шаг.

Переведем теперь это наше понимание в иерархию. Объект брендирувания (товар, услуга, фирма, человек) облечен в образ (дизайн, имидж), наделен некими семиотическими атрибутами (имя и символы), официально защищенными от подделки. У нас появляются три ступеньки. В совокупности этот набор уровней уже характеризует брэнд (рис. 3).

Если подойти к рассмотренному набору с точки зрения теории знаков, то перед нами три взаимосвязанных уровня знаков:

ИМЯ+ЗНАК = **знак-символ**;

ИМИДЖ = **знак-образ**;

ОБЪЕКТ = **знак-вещь**.

Это понимание очень важно, поскольку раскрывает обязательный **минимальный состав брэнда по уровням**. Например, брэнд должен содержать в себе объект брендинга, выступающий как знак самого себя. Нужно обязательно презентировать объект – товар, услугу, фирму, человека. И это не имидж и не информация о наименовании и символах, это особая работа со знаком-вещью (хотя «услуга» – как объект – не вещь, а «фирма» – вообще виртуальна).

Но вся эта тройка – это еще не весь брэнд. Если мы возьмем образный слой, то тут есть возможность говорить о двух аспектах: содержание образа и форма образа. О форме образа мы говорим как о ее дизайне, точнее стайлинге. По своей функции **форма образа должна создать интерес и расположенность потребителя к объекту брендирувания**. «От нашего автомобиля невозможно отвести взгляд» – таков идеал действия формы.

Образ есть ловушка. Это хорошо понимает любая женщина, ежедневно уделяющая своему образу некоторое количество времени.

Содержанием образа в брэнде является, например, «обещание», которое сопровождает брендируемый объект. «Обещание» есть своего рода приманка, которая должна создать у потребителя совершенно новое качество: **«лояльность» брэнду**. За счет некоего действия или приема потребитель брэнда должен **всегда выбирать этот брэнд на любом фоне** (конкретный акт выбора) и **сохранять преданность этому брэнду** (лояльность) во все остальное время. То, что вызывает такой эффект, мы называли **«ментальной машиной» брэнда**. Подробнее о ней мы поговорим отдельно, а пока скажем, что исторически

она была осознана и запущена «на полную катушку» во второй трети XX века. У нее сохраняются резервы.

Теперь у нас состав брэнда полный, он включает все четыре компонента. Как только эта полнота была достигнута, возникает бум брэндов. Они начинают становиться самым мощным конкурентным оружием.

Брэнд-взрыв

Настоящий расцвет брендинга наблюдается во второй половине XX века. Цивилизованный мир постепенно становится глобальной торговой площадкой по продаже мировых брэндов. Но заметьте, что масштаб объектов брендирувания теперь не макро-, а мезо- (средний масштаб). Это масштаб фирмы, стоящей за товаром и товарными группами. Некоторые из этих фирм пришли из прошлого – типа Кока-Колы, МакДональдсов, но по большей части в этот период расцветают новые, связанные с новыми технологиями или новыми идеалами и образом жизни: IBM, Sony, Nice, Apple, The Beatles и т.п.

Ситуация массового нашествия брэндов 1950–1980-х годов никогда более не повторится, поэтому и о классическом типе брэндов мы говорим в определенном смысле уже исторически. Историки экономики связывают это цветение букета известных брэндов с появлением на рынке большого количества похожих товаров, а также с усложнением методов менеджмента и маркетинга. Эта дорогостоящая гонка за выход в пространство брэндов за короткое время продвинула вперед множество новых технологий – начиная от производственных и заканчивая технологиями масс-медиа. Постепенно сложился стереотип, по которому достойное качество приписывается только брендируемым объектам. И покупатель готов платить за них больше, такова новая идеология рынка после брэнд-взрыва второй трети XX века.

Но с нашей точки зрения это только фон. Действительным полем битвы становятся не товары, услуги, фирмы и даже не имиджи всего этого. Действительным полем битвы впервые становится **присутствие брэнда в сознании и подсознании потребителей**. Война переместилась сюда, поскольку теперь все работают примерно на одном технологическом уровне оборудования, все используют дизайн и потенциал имиджа, достижения менеджмента и маркетинга. Но до сих

Рис. 4. Три уровня и четыре компонента бренда

пор мало кто понимает, как войти в подсознание нужной группы потребителей и удержаться там надолго, а желательно – навсегда.

В это второе тридцатилетие XX века сложилась плотная группа мировых брендов, проникнуть в которую на глобальном уровне сегодня не просто сложно, а практически невозможно. Для военных действий на рынке остаются уровни ниже, типа национальных, региональных и т.п. брендов. Например, один из первых прорывов на нашем рынке – бренд «Довгань», который в перестроечную эпоху столь же успешно продавался, как и бренд МММ – и такое же короткое время. Сегодня в России складывается та же ситуация, что и везде – рынок брендов очень быстро наполняется и уплотняется. Но пока он очень активен и потому так интересен.

Что характерно, институализация брендинга происходит по тем же этапам, что и во времена дизайн-взрыва. Но это особая тема.

Подведем итоги

Мы говорили о внутреннем устройстве бренда и зафиксировали **три уровня**, без которых бренд не существует. Причем, мы пока обозначили их достаточно просто (рис. 4).

Если говорить о компонентном составе бренда, то мы насчитали здесь четыре компонента бренда и четыре группы особых техник.

- 1) семиотический компонент (Имя + Знак + Номер);
- 2) сам объект брендинга как особый компонент;
- 3) интерес и расположенность целевой аудитории к бренду;
- 4) преданность целевой аудитории бренду.

Соответствие состава бренда конструкции человека и его ценностям. Этот поворот темы очень изящно отвечает на вопрос: почему бренд

генетически становится в этой последовательности? Потому, отвечаем мы, что **этим путем рынок осваивает человека** – потребителя бренда: от простого ко все более сложному, от голый пользы – до тонкостей его психики и воли.

Бренд своим устройством обязан человеку. А устройство человека по своему составу тоже имеет четыре компонента:

- 1) биологическое тело – Соматика человека;
- 2) рациональный ум – Разум человека;
- 3) чувственное сознание – Душа человека;
- 4) волевая сфера – Дух человека (сила духа, сила воли).

Поскольку в случае с брендом мы имеем дело с ценностями, то у человека их тоже четыре, если говорить о ключевых. Четыре ценности явно связаны с устройством человека и они же проявляются в бренде:

- 1) утилитарные ценности (Польза) – это ценности для тела;
- 2) рациональные ценности (Истина) – это ценности для нашего ума;
- 3) эстетические ценности (Красота) – это ценности для нашей души;
- 4) управленчески-этические ценности (Добро) – это ценности для нашей Воли, для Духа.

Поговорим про ценности бренда, располагаемые вокруг объекта. Применим сказанное к бренду.

1. Прежде всего бренд обязан своим возникновением потребностям нашего тела, то есть, – Соме. А это все, что связано с Пользой.

В его основании лежит нечто, вокруг чего бренд разворачивается, – соматика бренда.

Соматика бренда имеет такие измерения, как вещество, энергия, информация. Поэтому объектом брендинга являются не только предметы, услуги но и фирмы, и партии, и прочие виртуальности типа «я» (бренд по имени «Я»). То-

вар – это прежде всего вещество. Действие, услуга – это прежде всего энергия. Фирма, партия, я – это виртуальность, то есть – информация.

Сوما прагматично характеризуется в брэнде как ПОЛЕЗНОСТЬ и ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ.

Экономическое измерение – ЦЕНА – спрятано у нас теперь в этой самой соме, в ОБЪЕКТЕ.

2. Вокруг этой Сомы сначала вырастает эмоциональный слой – образ, несущий смысл. Он же – эстетический образ.

В измерении брэнда это проявлено как ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ.

Это эстетическое измерение, а технологии, применяемые при создании брэндов – художественные. Главная ценность, соответственно, – ценность Красоты, действующая на Душу потребителя из целевой аудитории. Эстетический образ есть чувственный образ. Образ нужно сотворить, спроектировать и это первая задача брэндинга. Товар товаром, паспорт паспортом, а образ образом. Все отдельно.

Образы в обществе фигурируют только в культурной коммуникации. И этой коммуникацией, точнее процессами в ней, надо управлять. Это вторая задача брэндинга в этом измерении. При поддержании образа в рабочем состоянии в процессе его жизни в культурной коммуникации необходимы еще и коммуникационные технологии.

Эстетический образ несет смысл. Его же мы имеем в виду, говоря, что образ живет только в культурной коммуникации. Это два разных экрана, на которых мы отображаем одно понятие – чувственный образ.

3. Теперь разберем **наполненность смыслом**, которую мы приписываем образу. По сути это

и есть **содержание образа**. И оно связано с этическими ценностями (Добро) и в целом – с управленческими установками.

Смыслы живут только в коммуникации и в оболочке образов.

Здесь следует упомянуть о понятии «идентификация», которым обеспечивается восприятие, переживание и понимание идентифицируемой реальности как обжитой, родной, как того жизненного мира, где человек чувствует себя естественно и свободно, не «выживает в борьбе», а существует в состоянии примирения с жизнью. Комфортность личного мира – это основной источник личностных смыслов, к которым апеллирует брэнд.

О конструировании смыслов в пространстве ценностей и значений следует говорить особо, поскольку это и есть **аксиологическая** (ценностная) **суть брэнда**.

Третий слой – это то, что формирует долговременную ПРЕДАННОСТЬ групп покупателей по отношению к брэнду. Тут подключается слой Воли, или Духа человека. Это ментальное измерение и технологии здесь тоже ментальные – это ментальные программы. Ментальные программы в психике человека-потребителя брэнда поддерживаются при помощи «ментальных машин», которые брэнд-менеджер запускает и поддерживает в обществе.

4. Четвертый слой – рациональный. Это мир Идей, где ценности сводятся к Истине и выражаются символами.

Брэнд обязательно несет на себе если не Идею, то идеологию, и если не идеологию, то хотя бы Имя (наименование), символ. А имя – это всегда

Рис. 5. Четыре слоя в структуре брэнда

определенная идея. Имя связывает нас с ментальным миром, миром идей.

Соответственно, и технологии в данном случае тоже из этой области. Знак-символ – это видимое, визуальное проявление Имени. Об этом замечательно и исчерпывающе написал А.Ф. Лосев. И технологии символизации совсем не те, что в случае создания эстетического образа – они должны подействовать на наш ум, а не на душу. Поэтому не следует воспринимать символ через его выражение, а следует искать мысль, которая и удерживает рациональность брэнда. Вот она точно неповторима, если ваш брэнд работает. Эту мысль всегда можно свести к схеме (рис. 5).

В итоге мы можем констатировать, что в устройстве брэнда присутствуют и отражаются те же компоненты, что и в самом человеке, и в системе его ценностей:

1. Тело = соматика брэнда = ценность Пользы = экономическая часть брэнда = объект.
2. Ум = имя и символика брэнда = ценность Истины = семиотическая часть брэнда = Имя +

Символ + Номер.

3. Душа = чувственный образ брэнда = ценность Красоты = эстетическая часть брэнда = бренд-имидж.

4. Воля = ментальная машина брэнда = ценность Добра = этическая (управленческая) часть брэнда.

Эти рассуждения привели нас к очень интересной мысли: **единственное, что специфично для брэдинга, это управление волей потребителя.** Поэтому брэнд-менеджмент вообще-то следует определить именно так.

Брэнд-менеджмент есть управление волей потребителя (человека из целевой аудитории). Остальное относится к арсеналу иных видов деятельности – менеджмента, маркетинга, дизайна.

Что характерно, здесь применяются магические технологии, те же, что в первобытной магии, религии, эзотерике и политике. Но это совсем другая история, о которой мы поговорим в следующих статьях.

Ю.М. Килундина

СЮН ШИЛИ – СОВРЕМЕННЫЙ ФИЛОСОФ-НЕОКОНФУЦИАНЕЦ

Историко-философское изучение современного конфуцианства началось в кругах «китайского философского зарубежья» лишь в конце 70-х годов прошлого века. В КНР внимание к философии нового конфуцианства и к творчеству Сюн Шили проявилось в середине 80-х гг. Как известно, после 1949 г. Сюн Шили подвергался гонениям со стороны правительства, многие его бумаги были конфискованы или уничтожены во время обысков. Среди публикаций о Сюн Шили привлекают внимание статьи профессора Китайского университета Гонконга Лю Шусяна [30]. Библиография работ Сюн Шили может быть найдена в следующих изданиях [4, с. 485; 29, с. 4]. Среди не китайских исследователей Сюн Шили в хронологическом порядке можно назвать О. Бриера, посвятившего ему главу своей книги по современной китайской мысли [22]. Известный исследователь Чэнь Юнцзе (Chang Wing-tsit) включил во всеобъемлющую антологию первоисточников китайской философии с древности до наших дней перевод с комментариями фрагментов главной книги Сюн Шили «Синь вэйши лунь» и статью

о самом философе [25, с. 763–772]. В России обобщающих специальных исследований философии Сюн Шили нет. Отдельные ее стороны отражены в публикациях А.Б. Краснова [13], А.В. Ломанова [14], Е.А. Торчинова [18]. А.В. Ломанов также написал статью о Сюн Шили в энциклопедическом словаре «Китайская философия» [16, с. 302–303].

С 1922 г. Сюн Шили преподает учение виджянавады-йогачары в Пекинском университете, создав вскоре на основе синтеза йогачаринских и неоконфуцианских идей свою систему, и получившую название «новой йогачары», или «нового учения о только лишь сознании» (синь вэйши лунь). Система синь вэйши лунь ориентирована на проблемы онтологии [16, с. 302]. Помимо доктрин буддизма махаяны она вобрала в себя идеи «Чжоу и» и неоконфуцианства эпохи Сун (X–XIII века). Для обоснования соответствия своей неотрадиционалистской позиции общему направлению развития современной ему мировой культуры, Сюн Шили обратился к антисциентизму иррационалистического учения А. Бергсона. Заметно также влияние, Канта, Гегеля и Шопен-

гауэра, однако Сюн Шили был знаком с западной философией лишь в переводах.

Лю Шусян выделяет «теорию причинной обусловленности» как главную концепцию философских построений Сюн Шили. В своем исследовании под названием «Теория причинности Сюн Шили» [30] он уделяет ей главное внимание. В анализе проблемы причинности Сюн Шили следует обычной процедуре: сначала представляет теорию причинности, разработанную буддийской школой Вэйши, затем формулирует возражения по поводу данной теории и, наконец, формулирует собственную концепцию в качестве синтеза конфуцианства и буддизма.

В теории причинной обусловленности Сюн Шили выделяются различные типы причинности; прямая причина «мотив/импульс» (кит. *ин юань*, санскр. *хету*) и косвенные (санскр. *прагья*) причины: «предвосхищающий момент» (*тин ву чэн юань*, *саманантара*), наличие «объекта восприятия» (*со юань юань*, *аламбана*), «превосходящее условие» (*цин шан юань*, *адхипати*) [1, с. 27, 145]. Сюн Шили выводит следующие характеристики для такого термина Вэйши школы, как «мотив/импульс»: это должна быть реальная причина с достаточной энергией, чтобы произвести следствие; она должна произвести следствие, отличное по существу от собственного бытия; следствия должны являться продуктом ее собственной потенции. Прямая причина не только создает, но и детерминирует следствие [1, с. 27]. Хотя Сюн Шили утверждал, что хинаянские школы рассматривали шесть различных видов косвенных причин, но ни одна из школ не смогла дать точного и полного разграничения, ограничиваясь лишь различными вариантами «превосходящего условия», которые являются видами косвенной причины. Теория причинности – уникальная разработка Вэйши школы [30, с. 400].

«Предвосхищающий момент» сознания как причина восприятия характеризуется так: она должна предвосхищать следующий момент, и ее сущность, так же как и свойство, должны быть тождественны этому следующему моменту; момент за моментом вытекают из причины непрерывно; за «предвосхищающим моментом» неизбежно наступает следующий момент [1, с. 28–29].

«Объект восприятия» соотносится с субъектом так же, как с объектом; он определяет и определяется соотносящимся с ним субъектом; объективное сознание напрямую соотносится

с субъективным сознанием. Объекты могут быть прямые и косвенные, физические и умственные. Объект как причина представляет собой безусловный фактор, формирующий наше феноменальное знание [1, с. 30–36].

И, наконец, так называемое «превосходящее условие», способность органов чувств воспринимать объект, имеет следующие характеристики: оно должно быть достаточным или необходимым условием для свершения определенного действия; оно должно снимать условия, препятствующие осуществлению действия и должно создавать новые условия, предвосхищающие их осознание и реализацию [1, с. 37–40].

Из приведенного выше анализа становится ясным, что, если исходить из учения Вэйши, только прямая причина «мотив/импульс» есть «собственно причина»; остальные три Сюн Шили называет «причинными условиями» или «случайностями», косвенными причинами. Только прямая причина соотносится с метафизическим «миром семян»; остальные три соотносятся с феноменальным миром проявлений. Для прояснения различия между двумя мирами Сюн Шили приводит краткое изложение космологии Вэйши [1, с. 319]. С точки зрения философии Вэйши, ничто во вселенной не является реальным или вечным. Феноменальный мир как наша каждодневная реальность вовсе не подлинный мир. Воспринимаемый органами чувств мир может быть анализирован прежде всего с позиции субъекта. Пять видов сознания есть продукт взаимодействия органов чувств и объектов познания. Кроме того, органы чувств и объекты познания неотделимы друг от друга; их отношение одновременно является и их определением. Пока они не реальны в бытии, они являются следствием, а не причиной в метафизическом смысле [30, с. 402].

«Восемь видов сознания» (санскр. *аставиджняна*) – одно из важнейших понятий буддийских школ йогачары и виджнянавады. Одна из пяти скандх – «сознание» (*ши*) – в зависимости от источника знания подразделяется на восемь видов, представляющих дхармы (*фа*), относящиеся к сознанию. Первые пять видов соотносятся с миром феноменов бытия: зрительное (кит. *янь*, санскр. *капсур*), слуховое (кит. *эр*, санскр. *шрота*), обонятельное (кит. *би*, санскр. *гхрана*), вкусовое (кит. *шэ*, санскр. *джихва*), тактильное, или телесное (кит. *шэнь*, санскр. *ка*). Эти виды сознания связаны с чувственным восприятием и образуют пары

с видами отражений явлений внешнего мира: зрительное – «цвет» (сэ), слуховое – «звук» (шэн), обонятельное – «запах» (сян), вкусовое – «вкус» (вэй), тактильное – «осязание» (чу). Вэйши дополнительно установила шестое, или комплексное, рассудочное сознание (санскр. *мановиджняна*), которое имеет соединяющую функцию, сформированную посредством пяти первых видов сознания. В соответствии с интерпретацией Сюн Шили, это шестое сознание направляет все свое внимание к объектам феноменального мира. Вместе они образуют представление о чувственно познаваемых объектах (кит. *цзин*, санскр. *вишья*). Седьмой вид (*клиста-мана*) есть активное обобщающее сознание, источник рассудочного, и соотносится с категорией «мысленной оценки» (кит. *илян*). Клиста-мана, взятое отдельно от других видов сознания, рассматривалось как причина эгоизма и индивидуализма, источник возникновения иллюзий из-за кажущегося постижения реальности. Поэтому седьмой вид сознания Сюн Шили называет *атана* (санскр. *адана*), т.е. привязанность сознания к чему-либо. Восьмой вид сознания – *алая* (*алие ши*, *цзан ши*) – является высшим видом сознания и психическим источником всего сущего, причиной возникновения, изменения и сохранения всех явлений, поэтому называется «сознанием-сокровищницей», «абсолютным сознанием».

Сюн Шили активно использовал учение хиньяны, которое предполагает, что первые шесть видов сознания не имеют самостоятельной сущности и находят единство лишь при постижении седьмого и восьмого видов. Положение о том, что «восемь видов сознания представляют собой единое тело» (*ба ши ти и*), противопоставлено доктрине их разделенности – «восемь видов сознания разделены» (*ба ши ти бе*). Е.А. Торчинов утверждает, что мыслители Вэйши школы разработали философскую концепцию, основанную исключительно на анализе сознания и его содержания, что позволяет рассматривать ее в качестве своеобразной буддийской «феноменологии сознания». «В китайской виджнянаваде резко усилилась идеалистическая тенденция, приведшая к трактовке всей сферы опыта как различных состояний сознания» [18, с. 12]. «Сознание-сокровищница» порождает комбинации дхарм, образующие «вещи и явления» (*сян у*), в том числе эмпирические личности. В алая-виджняну заложены некие «отпечатки» опыта (кит. *сюньси*,

санскр. *васана*) – кармические впечатления, или «семена» (кит. *чжун цзы*, санскр. *биджа*), которые в надлежащий момент актуализируются через психику субъекта, что приводит к новой кармической активности, в свою очередь вызывающей васаны в виде новых «впечатлений-семян», закладываемых в алая-виджняну. Сюаньцзан, один из основоположников Вэйши школы, предложил учение об алая-виджняне как о хранилище «семян» – причинных факторов возникновения так называемых «дхарм, подверженных бытию». Вслед за Сюаньцзаном, Сюн Шили подразделял «семена» на универсальные, присутствующие в сознании всех живых существ, обуславливающие одинаковые проявления и восприятия (благодаря им, например, люди более или менее одинаково воспринимают горы, леса, реки и т.п.), и индивидуальные, присущие алая-виджняне отдельного живого существа и обуславливающие индивидуальные восприятия и оценки. Сюн Шили разделял семена на «нечистые» и «чистые», а отношения между семенами и алаей называл «весьма сложными». Семена в «новой йогачаре» имеют следующие характеристики:

– Каждое семя отлично от другого, поэтому во вселенной такое многообразие различных проявлений.

– Семена реальны, но их нельзя рассматривать как атомы Демокрита. Семена меняются в каждый момент времени и одновременно стабильны (Сюн Шили сравнивает их с состоянием человеческого тела, подверженного изменению, но сохраняющего свою самость).

– Отношения между семенами и проявлением таково, что семена создают проявления. Семена всегда скрыты и лишь их проявленность очевидна.

– Различные семена создают различные проявления, поэтому универсум упорядочен, а не хаотичен.

– Но отношения между семенами и их проявлением еще и взаимно пропорциональны: семена создают проявления, а проявления позволяют семенам «благоухать», после чего семена снова становятся причиной проявлений. «Благоухающие» семена в корне отличаются от оригинальных. Сюн Шили этот пункт называет «спорным» и говорит, что его можно различным образом интерпретировать.

– Субъекты и объекты суть сознание, созданное различными семенами. «Сознание и его функции есть проявленность семян».

– «Нечистые» семена существуют наравне с «чистыми». «С древних времен семена зла процветают, формируя стремительный поток, исчерпав который в алае-виджняне полностью, можно сформировать чистые семена, и тогда восьмое сознание называется «истинной таковостью» (кит. *чжэнь жу*, санскр. *бхутататхата*) [1, с. 315–319; 30, с. 404–406].

Е.А. Торчинов замечает, что Вэйши не признает наличия «сущности будды» (*фо син*) у всех людей, проповедуя искусственное ее создание посредством религиозной практики, а также отрицает «пустотность» (*кун, син кун*) дхарм как основу и содержание бытия [18, с. 11]. Следуя буддийской традиции, Сюн Шили считал внешний мир – «среду», (кит. *цзин*; санскр. *вишья*) и человеческое сознание (*ши*) неразрывными, как неразрывны «дух» (*синь* – «сердце») и чувственно воспринимаемые объекты. Эта идея конкретизируется Сюн Шили в понятии бытия как «изначальной субстанции» («коренная телесность» – *бэнь ти*), которая является основанием всех изменений, происходящих во вселенной. Эта субстанция абсолютна, единственна, неделима, пребывает вне пространства и времени. Однако ей присущ внутренний динамизм: идущая в *бэнь ти* трансформация сводится к двум основным процессам: «закрытию» (тенденция к интеграции и пребыванию «в себе») и «самораскрытию» (тенденция к творческой индивидуализации). Вот как Сюн Шили объясняет эти понятия: «Мы должны понимать, что первосущность не имеет физической формы и что ее нельзя охарактеризовать, она физически ни от чего не зависима, абсолютная, целная, чистая и самодостаточная. Тем не менее, ее функционирование весьма явлено и неизбежно, и это проявление мы называем закрытием. Другими словами, через процесс закрытия отдельные конкретные вещи получают свою физическую форму... Как только возникает тенденция к закрытию, одновременно появляется и другая тенденция. Она вполне самодостаточна, сильная и не материализованная – это самораскрытие» [30, с. 406]. Первый процесс приводит к формированию вещества, второй – духа, духовного. Эти тенденции образуют все сущее, хотя уровень самораскрытия выше всего у человека. В ходе «закрытия» образуется заколдованное статичное производное – вещество-материя, или, точнее, вещественность (*у*). Вещественность не противоположна духу, как проявление той же са-

мой субстанции, или того же самого бытия. Поэтому они образуют систему коррелятивного единства. Эти две тенденции выступают как тенденции *бэнь ти*, реализующие взаимопревращение духа и материи.

Сюн Шили подвергал критике буддийскую и западную философию за разделение сущности («коренной телесности» *бэнь ти*) и явления (*сянь сянь*). Он считал материю иллюзорной, так как мир находится в непрерывном изменении. Движение как целенаправленный процесс также иллюзорно, абсолютно лишь порожаемое *бэнь ти* «изменение» (*бянь*), которое немыслимо и концептуально невыразимо. В дальнейшем учение Сюн Шили о неразрывности «среды» и «сознания» переросло в учение о «недвойственности основы (субстанции) и ее динамической акциденции/функции» (*ти юн бу эр*). Выступал против спекулятивного «раздвоения» мира за счет абсолютизации сущности («основы» – *ти*) и отрыва ее от существования («функции» – *юн*), рассматривал «функцию» как проявление «основы», приписывая ей множественность и оформленность, а «основе» – абсолютность и отсутствие форм, причем проявление «функции» помимо «основы» полагал невозможным.

Библиографический список

1. Сюн Шили. Синь вэйши лунь (Новое учение о «только сознании»). – Б.м., 1942; Пекин, 1985.
2. Сюн Шили. Юань жу (Начала конфуцианства). Т.1–2. – Шанхай, 1956.
3. Сюн Шили. Ти юн лунь (Рассуждение об основе и функции). – Шанхай, 1958.
4. Сюн Шили. Сюн Шили цзи (Монография Сюн Шили). – Пекин, 1993.
5. Чжэн Цзядун. Бэньти юй фанфа – цун Сюн Шили дао Моу Цзунсань (Субстанция и формы ее саморазвития: от Сюн Шили до Моу Цзунсюня). – Шаньян, 1992.
6. Qin Yingjun. A review to Xiong Shili's thinking (Философия Сюн Шили) // Шисюэ юекань – J. of hist. science. – Кайфэн, 1998. – №1.
7. Буров В.Г. Современная китайская философия. – М., 1980.
8. Зайцев В.В. Конфуцианская концепция человека в философской мысли КНР // Философия и религия на зарубежном Востоке XX века. – М.; Новосибирск, 1985.
9. Игнатович А.Н. Буддизм в Японии. Очерк ранней истории. – М., 1987.

10. Кобзев А.И. Современный этап изучения и интерпретации неоконфуцианства // Нал. – 1983. – №6.
11. Краснов А.В. Некоторые аспекты роли традиции в политике КНР до «Культурной революции» – Вопросы экономики, истории, внешней политики стран Дальнего Востока. Ч. 1. – М., 1986.
12. Краснов А.В. Сюн Шили и судьба конфуцианства в КНР // XXIV научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. – М., 1993.
13. Ломанов А.В. Интерпретация и развитие китайской философской традиции в работах Фэн Юаня 20–40 гг. XX века. – М., 1993.
14. Ломанов А.В. Современное конфуцианство: философия Фэн Юаня. – М., 1996.
15. Китайская философия. Энциклопедический словарь / Под ред. М.Л. Титаренко. – М., 1994.
16. Розенберг О.О. Труды по буддизму. – М., 1991.
17. Торчинов Е.А. Хайдеггер и традиционалистская мысль Китая XX века. – М., 2003.
18. Утехин И.В. Учение виджнянавадинов о восьмом сознании // Мысль. Ежегодник Петербургской Ассоциации Философов. Вып. 1 (Философия в преддверии XXI столетия). – СПб., 1997.
19. Шуцкий Ю.К. Китайская классическая книга перемен Ицзин. – М., 1993.
20. Alitto G.S. The Last Confucian: Liang Shuming and the Chinese Dilemma of Modernity. – Berkely, 1979.
21. Briere O. Fifty Years of Chinese Philosophy. 1898–1950. – London, 1956.
22. Carsun Chang. The Development of Neo-confucian Thought. Vol. 1–2. – New York, 1957–1962.
23. Cheng Chung-ying. Philosophical Aspects of the Mind-body. – University press of Hawaii, 1975.
24. Chang Wing-tsit. A Source Book in Chinese Philosophy. – Princeton, 1963.
25. Chang Wing-tsit. Religious Trends in Modern China. – New York, 1953.
26. Chang Wing-tsit. Chinese Philosophy, 1944–1963. An Annotated Bibliography of Mainland China Publications. – Honolulu, 1967.
27. Edward J. Thomas. The history of Buddhist Thought. – London, 1959.
28. Jing Haifeng. A Summary of Xiong Shili's Research on Philosophy Conducted in China // Chin. Studies in philosophy. – White Plains, 1989. – Vol. 21. – №1.
29. Liu Shu-hsien. Hsiung Shih-li's Theory of Causation // Philosophy East and West. – Hawaii, 1969. – Vol. 19.
30. Russell B. The Problem of China. – L., 1922.
31. Tu Wei-ming. China in Transformation. – Cambridge, 1994.
32. Tu Wei-ming. Neo-Confucian Thought in Action. Wang Yang-ming's Youth (1472–1509). – Berkeley, 1976.
33. Tu Wei-ming. Hsiung Shih-li's Quest for Authentic Existence // The Limits of Change: Essays on Conservative Alternatives in Republican China. – Camb., 1976.

А.В. Королев

ЧТО ТАКОЕ ЭКЗИСТЕНЦИЯ?

В экзистенциализме центральной чертой целостности человека является экзистенция. Экзистенция – это переход от возможности в духе к реальности в полноте личного бытия. В пограничных ситуациях человек стоит перед лицом опасности, и в заботе раскрывается всецело. Пограничные ситуации – это «натянутый канат», в которых отчётливо проявляется наша экзистенция. Осмыслить экзистенцию мы можем с помощью «трансцендентального мышления». Чтобы разум стал сутью нашей натуры, приобрёл «законные границы» [1, с. 21] своего присутствия, мы должны проследить всё, что касается сознания человека и сферы его проявления в нравственно-духовном существовании –

экзистенции. Экзистенция и разум связаны посредством языка. «Бытие имеется только тогда, когда есть разомкнутость, т. е. когда есть истина. А истина есть лишь тогда, когда существует (экзистирует) такое сущее, которое распахивает и размыкает, причем так, что само размыкание принадлежит способу бытия этого сущего. Такое сущее есть мы сами. «Dasein» само экзистирует в истине. «Dasein» существенным образом принадлежит некий распахнутый мир и заодно с ним распахнутость самого «Dasein»» [2, с. 22].

Это «Dasein» заявляет о себе в любых обсуждениях основных онтологических проблем и прежде всего – в фундаментальном вопросе о смысле бытия вообще. Разработка этого вопроса и ответ

на него нуждаются в общей аналитике «Dasein». Онтология имеет в качестве своей фундаментальной дисциплины аналитику «Dasein». «Онтология не позволяет обосновать самое себя чисто онтологически. Условие ее собственной возможности указывает на некое сущее, т.е. – на онтическое, на «Dasein»» [2, с. 23].

Хайдеггер выделяет свою трактовку понятия «экзистенции» из двух трактовок этого понятия, выделяемых в истории философии – классической (экзистенция как существование любого сущего, в отличие от его сущности) и неклассической (экзистенция как специфический тип бытия, присущий только человеку). Под экзистенцией Хайдеггер подразумевает самобытие человека, поскольку оно относится к бытию и к этому отношению к бытию. Более того, как она, вроде бы всегда полагающая себя в стихии чистой мысли, может вообще что-то вести? Философия экзистирует всегда так, что ее чистая мысль и слово неотъемлемы друг от друга. Коренная взаимопричастность слова и чистой мысли в философствующем вот-бытии указывает на преимущественное расположение этого «Dasein» к сущему и бытию по сравнению с другими «Dasein» расположение, делающее философствующую экзистенцию ведущей в мироистории.

Быть чистой мыслью означает: тематизирующе заступая в ничто сущего, ставить свое вот-бытие у бытия. Но раз слово неотъемлемо от этого заступления, то оно также оказывается у бытия. Слово артикулирует (в исходном значении термина «артикулировать»), т.е. проясняюще разделяет. Но философское слово артикулирует не некое сущее, а само бытие. Этой артикуляцией бытие впервые осуществляется – темпорально исполняется как нечто сущее. Слово, чистой мыслью заступившее в ничто сущего, оказывается энергией бытия. Философия исторически ведет мир словом – тем же словом, которым наперед выводит мир из ничто мира – из бытия. Почему же это энергичное слово меньше всего слышно в мире? Потому что его назначение – дать говорить сущему. Философское слово не столько говорит в языке, сколько своим говорением задаёт язык, в котором всякое сущее (соразмерное вот-бытию и иное) держанием речи заявляет о себе.

Задать язык – значит, установить предельный смысл всякого говорения. Слово, завязывая речь, отсылает себя в иное слово в перспективе некоторого смысла. Этим смыслом определяется, в ка-

кое слово и каким образом происходит отсылание. Язык конституирует целостность таких отсылов, задавая их предельный смысл – последнее то-ради-чего. Это то-ради-чего, конфигурируя все поле отсылов, присутствует и в фигуре каждого отсыла. Философия хранит язык в его смыслоотсылности. Хайдеггер открыл нам онтологичность языка – его равноисходность из бытия с мыслью и сущим. Исходя из бытия, язык может удерживаться у него и притом кажет равную принадлежность сущему и мысли. Благодаря этому язык становится связующим конститутивом в структуре вот-бытия, темпорально располагающего себя к бытию, сущему и мысли. Он становится способом везде-присутствия «Dasein».

Философствование о всеобщем разумном развитии разрешается в развивающийся способ существования. Путь, по которому мы идём, есть наш выбор и он становится путём понятным только потому, что мы идем (развиваем). Мы не только на пути, но мы сам этот путь. Путь прокладываем в бытии, и оно, увлекаясь, движется по нему с нами. Осуществлённое (сущее) не брошено, но ведётся нами в понимании, но завершающее слово недосказано. В ряду ключевых отсылов, требующих наравне с «путём» и в единстве с ним осмыслиться в предельном слове: «говорение», «выговаривание», «речь», «призывание», «отзывание», «вопросание», «ответствование», «мыслеговорение». Все это отсылает к «логосу».

Слово, держащее путь, слово, размыкающее бытие в путь так, что оно (слово) всегда оказывается впереди на этом пути. История, завязанная с самим собой, – всегда только предыстория. Чтобы стать историей, вот-бытие этого мыслеговорения должно не только заступить, но и вступить в собственное небытие, проще говоря, оказаться на пороге собственного «дома». Фундаментальная онтология Хайдеггера в целом ведёт к устранению границы между собственно онтологическим и гносеологическим аспектами истолкования сущего. Тем самым логос, сконцентрированный исключительно на присутствие вещей, оказывается одновременно абсолютизированным, будучи тождественным бытию, и релятивизированным по отношению к сущностному аспекту бытия, так как формулировка «язык говорит» равнозначна «говорению» вещей о себе.

Причём сам Хайдеггер всё же отправлялся не от этих последних, но от философской рефлексии о предмете мысли, как бы отчуждённом им от

мыслящего субъекта. Нельзя пренебрегать хайдеггеровским опытом обоснования онтической цельности бытия (или сущего). Это – попытка вернуть человека мыслящего к гуманистической основе, но так, чтобы при этом избежать антропоцентризма, идеализирующего сугубо человеческую точку зрения. Правда, мне кажется, что искомая цельность обеспечивается иным началом – законами отражения, стоящими за принципом всеобщей связи между любыми природными сущностями. Частным проявлением этой связи и является человеческий язык в его экзистенциальном понимании, охватывающем как коммуникативные, так и гносеологические аспекты слова-логоса.

Подобное значение логоса Ясперс видел в «осевой времени», осевой эпохе, в которой человек как бы впервые пробуждается к ясному, отчетливому мышлению, возникает рефлексия, недоверие к непосредственному опыту и эмпирическому знанию, появляется почва, на которой впервые произрастает философское мышление. Общим для этой эпохи, считает Ясперс, является то, что в человеческих пограничных ситуациях встают самые последние вопросы, что человек осознает хрупкость своего бытия и в то же время создает образы и идеи, с помощью которых он может жить дальше, что возникают религии спасения, что начинается рационализация. «Осевая эпоха», как показывает Ясперс, кладет конец непосредственному отношению человека к миру и к самому себе. Он осознаёт свои границы, свое бессилие перед «последними вопросами бытия» – перед смертностью, конечностью, хрупкостью своего существования, перед трагической виной, которая становится основной темой и греческих трагиков, и древнееврейских пророков. «Сегодня задача состоит в том, – пишет Ясперс, – чтобы подлинный разум обосновать вновь – в самой экзистенции». Он сосредоточивается на том, чтобы раскрыть единство разума и экзистенции, тем самым возвращаясь к традициям классической европейской философии, которая именно в разуме видела высшую человеческую способность, но эта способность была идеализирована.

Связь между разумом и экзистенцией, подчеркивает Ясперс, настолько тесна, что «каждый из этих моментов оказывается утраченным, если утрачивается другой». Экзистенция, по Ясперсу, есть источник бытия, разум таким источником не является, однако без него экзистенция, «опи-

рающаяся на чувство, переживание, слепой порыв, инстинкт и произвол, становится слепым насилием» [1, с. 16]. Экзистенция не может быть опредмечена, но она может, по Ясперсу, сообщаться с другой экзистенцией, и этого достаточно, чтобы она существовала не как субъективная иллюзия, а как реальность особого рода. Ясперс, таким образом, вернулся к своей исходной теме – экзистенциальной коммуникации, но уже под новым углом зрения: высшая форма коммуникации теперь предстала как способ соединения разума и экзистенции. Это соединение проявляется только логосе, в языке. Духовность, нравственность, передаваемые из поколения в поколение, выжили благодаря языку. «Сегодня избегают воспринимать через язык бытие, более того, бытие подменяется языком. Считая, что бытие изначально, избегают всех привычных слов, прежде всего высоких слов, которые имели и могли иметь содержание. Дух как будто пребывает в новых наименованиях» [1, с. 360].

Как экзистенциальный субъект, человек, отнюдь не должен восходить к некому предельному совершенству, идеальному образцу, в коем воплощены все актуальные возможности человечества в целом. Нравственная деятельность человека направлена не на достижение каких-то предметных результатов, а на утверждение в самом себе собственной подлинной человечности. При этом имеется в виду не изживание в себе одних и формирование других свойств характера, а не безысходная в своей нескончаемости борьба с «неподлинным» способом бытия, мотивами, стремлениями, самообманом и иллюзиями (в том числе и с самой мыслью о достижении где-то в финальном итоге конечной цели). Это должно стать началом борьбы с тем, что неискоренимо присуще человеку, конфликт, составляющий непреходящее положение и обязанность человека.

Чтобы «тождество» внутреннего и внешнего бытия составляло подлинную нравственность, экзистенция отдельного человека должна руководствоваться «постулатами практического разума» [3, с. 373]. «Бытие как возможное бытие, действительное бытие, необходимое бытие – это хотя и не реальный предикат, но трансцендентальный предикат» [3, с. 373]. Эти «предикаты модальности бытия не могут возникать из объекта, как виды полагания должны возникать в субъективности и определяются из мышления» [3, с. 374]. Исполнение своего долга состоит не в осуществлении

общего принципа в его конкретном приложении к частной ситуации, а в самовоплощении собственной «человечности», вплоть до самого бунта против всего общепризнанного или общеобязательного, исторически завещанного или вновь выдвигаемого требования для всех.

Библиографический список

1. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1994.
2. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. – СПб., 2001.
3. Хайдеггер М. Тезис Канта о бытии // Время и бытие. – М., 1993.

Ю.Н. Менщикова

НОМО LINGUA, ИЛИ ФИЛОСОФСКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

В современном обществе, в котором главная роль отводится «инфосфере», существует потребность в упорядочении разнообразной, постоянно поступающей информации и связанной с ней эффективности речевой коммуникации. Это объясняет появление новых отраслей знания, в том числе прагматики (от греч. *pragma* – дело, действие), включающей в себя комплекс вопросов, связанных с говорящим субъектом, его адресатом и их взаимодействием в ситуации общения, что является объектом настоящего исследования.

Предпосылки прагматики возникли уже в древнегреческой философской традиции, отдельных философских учениях периода Средних веков и Нового времени. Выделению прагматики в самостоятельную отрасль знания способствовала система идей Ч.С. Пирса о том, что знак, особенно языковой – иконический, индекс или символ – способен оказывать на адресата разнообразные воздействия.

Эти идеи получили развитие в философско-семиотической концепции Ч.У. Морриса, который определил прагматику как отрасль семиотики, изучающую отношение знаков к интерпретаторам, а в знаковом поведении подчеркивал его социальный характер, при котором коммуниканты, обеспечивая друг друга стимулами, пытаются достигнуть взаимного понимания. Языковое поведение, входящее в состав знакового, является, таким образом, кооперативным и осуществляется при помощи знаков общения, т.е. межперсональных знаков, которые имеют одинаковое значение для отправителя и получателя сообщения [1, с. 194]. Из всего многообразия словесных знаков наибольшим прагматическим потенциалом, по мнению Морриса, обладают знаки-прескрипторы, задающие определенный способ по-

ведения адресата сообщения. Предложив классификацию словесных знаков, философ вместе с тем не объяснил причины и психологические механизмы их воздействия на поведение человека.

Это объяснение можно найти в работах Э. Кассирера, который пришел к выводу о том, что «в истории цивилизации слово выполняло две диаметрально противоположные функции» – семантическую и магическую [2, с. 62]. Обычные слова описывают вещи, их свойства, отношения, а магические слова стремятся возбудить у человека определенные эмоции и вызвать соответствующие действия. В доисторических обществах магическая функция доминировала над семантической и воздействовала на людей через колдунов и магов, манипулирующих словами в процессе специальных ритуалов.

В современном обществе, по мнению Кассирера, также существует язык, выполняющий магическую функцию, – язык политических мифов. Философ полагает, что такой язык преобладает в тоталитарном обществе, где политические мифы служат средством избавления человека от свободы выбора и ответственности, навязывая ему определенные ценности и действия.

По нашему мнению, ряд сфер общественной жизни современного общества, в том числе демократического, особенно политика и реклама, являются областями функционирования мифов и обслуживающего их магического языка, что порождает определенные формы бегства человека от свободы, проанализированные Э. Фроммом, а именно, авторитаризм, разрушительность и конформизм [3]. Данный феномен действительности языка на поведение человека обусловлен не только социальными условиями жизни людей, но и спецификой речевой коммуникации. В ее функции входит формирование образа подчиняемо-

го человека в сфере политики и желающего человека – в сфере рекламы, что является задачей данного исследования.

Речевое поведение, адекватное задачам общения, реализуется в речевой коммуникации, с учетом всех компонентов ее структуры: адресанта (коммуникатора или отправителя сообщения), адресата (коммуниканта или получателя сообщения), канала коммуникации, ее предмета и собственно речевого сообщения. Коммуникативная роль адресанта заключается в установлении контакта с адресатом, изменении уровня его информированности для достижения им требуемой версии понимания содержания сообщения или выполнения некоторых действий. Эта задача осуществляется через соответствующее языковое оформление информации, конкретные языковые средства, выбираемые говорящим субъектом в зависимости от целей общения, индивидуальных и социально значимых характеристик коммуниканта, что свидетельствует о прагматическом использовании языка. Как подчеркивает М. Хайдеггер, «с-казать – значит показать, объявить, дать видеть, слышать» [4, с. 265].

Коммуникативная роль адресата заключается в целесообразной интерпретации сообщения отправителя, результатом которой является некоторая версия его понимания и ответная словесная реакция. При этом выделяются неформальные интерпретирующие акты, исполнителем которых является физическое лицо, и институционализированные формы речевой деятельности, как например, идеологическая критика. В последнем случае речевые и интерпретирующие акты обладают официальным статусом, имеют большой социальный вес и оказывают, таким образом, существенное давление на массовое сознание [5, с. 142–144].

Предположение о том, что адресат восстанавливает смысл полученного сообщения в соответствии со своими знаниями, позволяет заключить, что случаи идеальной коммуникации, при которой смыслы ее участников полностью совпадают, возможны лишь в теории, тогда как в практическом общении наблюдаются нарушения (неудачи), то есть недостижение коммуникативной цели инициатором общения. Не случайно Н.А. Бердяев отмечает, что «общение мучительно трудно, потому что личности представляют разные и таинственные миры, лишь частично соприкасающиеся и друг другу открывающиеся» [6, с. 312].

Это позволяет заключить, что употребление языка представляет собой проблему, решить которую призвана прагматика, реализующая определенные тактики говорящего субъекта в той или иной коммуникативной сфере.

Эффективности речевой коммуникации способствует выбор подходящего медиаканала – телевидения, Интернет, телефона, радио, печатного слова, письма, в котором преобладает устная или письменная речь, что оказывает различное воздействие на адресата. При этом текст сообщения способен передавать два вида информации: предметно-логическую, или объективную, не связанную с коммуникативной ситуацией и ее участниками, и прагматическую, или субъективную, функцией которой является передача адресату своего отношения к предмету речи и воздействие на него самого с целью организовать его поведение. Предметно-логическая информация однозначно не зависит от языковых средств, оформляющих речевой акт, а прагматическая является результатом языковой реализации коммуникативной стратегии говорящего. На наш взгляд, прагматически ориентированные тексты, послужившие основой эмпирического анализа, и в целом прагматическое употребление языка особенно отчетливо проявляется в политической и рекламной видах коммуникации, определяющих предмет речи, его выигрышные характеристики и планирующих положительную ответную реакцию.

Для этого политические и рекламные информационные сообщения опираются на регулятивную функцию языка, выражающую идею реализации воли, интенции адресанта с целью воздействия на поведение адресата. Регулирование, или управление деятельностью человека, в свою очередь, осуществляется с помощью креативной языковой функции, конструирующей особую реальность, и магической функции, в основе которой лежит неконвенциональная трактовка языкового знака, связанная с особыми ритуалами, обрядами.

Вследствие этого функции языка находят свое отражение в политических и рекламных мифах, то есть совокупности правил, позволяющих управлять миром и человеком через знаки и смыслы – мифологемы и языковые приемы с элементами нейролингвистического программирования для побуждения человека к действию – резкое сужение тематики, упрощенное изложение проблемы, употребление ключевых, несущих экспрессивную нагрузку, слов, повторы. Наряду с об-

щими признаками, присущими указанным видам речевой коммуникации, можно выделить их отличительные свойства, составляющие специфику политической и рекламной коммуникации.

Во-первых, существует различие политики и рекламы как сфер общественной жизни. Под политикой понимают «причинно обусловленную, ситуативную, изменчивую по форме и ориентации деятельность на службе практической организации общества, создающую его структуры, институты, законы и правила, ... позволяющие человеку адаптироваться к изменчивым в пространстве и времени условиям» [7, с. 41]. Реклама представляет собой «одну из технологий маркетинговых коммуникаций, целью которой является попытка перевести качества товаров и услуг на язык переменных, именуемых потребительские предпочтения» [8, с. 93].

Во-вторых, эти виды коммуникации различаются в рамках субъект-объектного отношения, присущего управленческой и экономической сферам общества. В основе политической коммуникации находится субъект-объектная связь, представляющая ценностное и поведенческое принуждение по отношению к человеку. Например: «Мир хижинам, война дворцам» [9, с. 163].

Напротив, реклама, предпочитающая убеждение приказу, представляет собой демократическую коммуникативную модель с двухсторонней связью между субъектом-рекламодателем и потребителем как субъектом желаний, в центре которой находится свободный получатель сообщения, у которого есть право выбора, обусловленное тем или иным желанием. Например: «Устали от одного и того же?» [10, с. 33–34]. С целью моделирования потребительского поведения и пробуждения желания что-нибудь приобрести при составлении рекламных обращений учитываются не столько экономические, сколько личностные факторы, обусловленные ценностными предпочтениями человека. «Индивид, – считает Ж. Бодрийяр, – чувствителен к ... той заботе, с которой «другие» его убеждают и уговаривают, к неуловимому сознанием знаку того, что где-то есть некая инстанция ..., которая берется информировать его о его собственных желаниях, предвосхищая их и рационально оправдывая их в его собственных глазах» [11, с. 328].

В-третьих, цели этих видов коммуникации являются разными. Так, политика ориентируется на формирование образа подчиняемого человека,

живущего по принципу достижения общественного блага (в демократических обществах) или представляющего «колесико» в государственной машине (в тоталитарных обществах). Так, например, В.И. Ленин утверждал, что социализм надо строить «из того материала, который нам оставил капитализм... мы, социалисты и коммунисты, должны на деле доказать, что мы способны построить социализм из этих кирпичей, из этого материала, построить социалистическое общество из пролетариев... и из буржуазных специалистов» [12, с. 54].

В отличие от этого, рекламная коммуникация формирует образ желаемого человека, целью которого является удовлетворение своих витальных и прагматических потребностей, самоутверждение в результате обладания определенными товарами, брендами. «Субъект, – согласно представлению Э. Фромма, – это не «Я как таковой», а «Я как то, чем я обладаю» [13, с. 281].

В-четвертых, обе коммуникации обращаются к разным сторонам психики человека. Политические тексты апеллируют в основном к оценочным и рациональным качествам человека, осуществляя социальное маркирование, разъясняя смысл тех или иных событий общеполитической жизни, а также вдохновляют слушателей на реальные действия благодаря четко сформулированной цели, позволяющей перейти от процесса осмысления решения к собственно воспроизведению намеченного плана. Примером может служить политическая речь И.В. Сталина: «Я знаю, что подымая ярость миллионных масс против бюрократических извращений наших организаций, приходится иногда задевать некоторых наших товарищей, имеющих в старом заслуги, но страдающих теперь бюрократической болезнью. Но неужели это может остановить нашу работу по организации контроля снизу? Я думаю, что не может и не должно. За старые заслуги следует поклониться в пояс, а за новые ошибки и бюрократизм можно было бы дать им маленько по хребту. А как же иначе? Почему бы этого не сделать, если этого требуют интересы дела?» [14, с. 124].

Исключение, пожалуй, составляет риторика политического демагога, речевой портрет которого характеризуется многословием, специальным подбором фактов, широким использованием команд, непродолжительными паузами и длинными предложными конструкциями, а также отсутствием интереса к мнению собеседников, ярким примером чего служат речи В.В. Жириновского.

Рекламные тексты апеллируют к внутренним чувствам, особенно к вере, и эмоциям человека. Например: «Да-да-да! Суперлегкий, шоколадный! С разными вкусами! Поймешь сразу, что к чему, с первого укуса. Сделай Финт, ведь ты достоин...» [15, с. 254].

В-пятых, неодинаковыми являются и языковые средства политической и рекламной коммуникации. Излагая программы или позиции политического субъекта по определенному вопросу, политические тексты и речи включают в себя агитационные материалы, создающие контраст предложений отдельного кандидата или партии по отношению к другим претендентам, как например, публичное выступление Б. Муссолини: «Пока горизонты Европы меркнут в тумане неясности и беспорядка, Италия предлагает миру зрелище, восхитительное по своей красоте, дисциплине, цивилизованности...» [16, с. 145–146]. Политические лозунги, используемые в них, содержат имплицитный или эксплицитный призыв к совершению действия: «Сделай правильный выбор!» [9, с. 264].

Политические эвфемизмы неявно выражают отрицательные стороны денотата (предмета обозначения), как в примере: «Некоторое снижение темпов роста развития в отдельных районах» вместо «катастрофического падения жизненного уровня в стране» [9, с. 192]. Неологизмы, созданные политическими субъектами, часто не имеют фиксированного значения и предлагают простор для семантического манипулирования поведением людей – приватизация, а аббревиатуры типа КПРФ, ЛДПР служат не только для создания номинаций, но и для экспрессивизации речи.

Вербальное рекламное сообщение включает в себя следующие элементы: слоган, или рекламный девиз («Время покупать»), заголовок («\$ 2 за Вашу жизнь»), основной рекламный текст («Вы знаете, что достойны самого лучшего, и поэтому...») и эхо-фразу, или вывод, следующий из аргументации («Маленькие победы каждый день. М-м-м ... Магги!») [15, с. 8].

Основной рекламный текст, несущий наибольшую прагматическую нагрузку, предоставляет основные сведения о товаре и содержит обещание, конкретное предложение для потребителя, включающее несколько компонентов. Во-первых, торговое предложение отдельного рекламодателя должно представлять собой специфическое отличие от конкурентного товара или услуги, например: «Нурофен» – и боль прошла!» [8, с. 97].

Во-вторых, оно должно обладать притягательностью, то есть сообщать о конкретной выгоде психологического, материального, имиджевого или иного свойства, как в рекламе стирального порошка «Ариэль»: «Отстирает даже то, что другим не под силу. Не просто чисто – безупречно чисто» [8, с. 98]. Наконец, уникальное торговое предложение должно свидетельствовать о превосходной степени качества товара или услуги: «Только настоящий шоколад может носить имя «Кэдбери» [8, с. 98].

Стиль текста соответствует образу, который рекламодатель хочет придать товару: интеллектуальный, забавный или оригинальный. В любом случае, важным условием составления рекламного обращения считается выразительность, достигаемая при использовании идиоматических оборотов, синонимов, омонимов, эпитетов, обилием которых располагает практически каждый язык. Так, слово «лучший» нередко заменяется синонимами «избранный», «первый», «превосходный», «классический». С целью вызова положительных ассоциаций у потенциального покупателя эффективными оказываются такие эпитеты, как великолепный, удивительный, восхитительный, изумительный или более практичные эмоционально значимые характеристики товара или услуги – экономичный, утоляющий, ценный. Например: «Попробуйте новый удивительный вкус...», «Чистит отлично, экономит прилично». В текстах используются приемы семантического манипулирования, которые адресату практически никогда не удастся распознать, – неправильные аналогии, проводимые между несоразмерными явлениями. Примером может служить следующее рекламное предложение: «Яблоко выглядит хорошо, потому что в его кожице содержится воск. Мы добавили воск в наш крем, чтобы Ваша кожа также замечательно смотрелась».

С целью вызвать у человека жажду потребления и сформировать из него *homo consumens*, человека-потребителя, рыночную личность с ценностной ориентацией «иметь», в рекламных текстах часто используются фантазийные названия (плита «Волшебный повар»), игра слов или их употребление в неожиданном контексте («Кончай с жаждой!»), разные способы словообразования («Солид»), слова с выраженной звуковой ассоциацией, опорой на образы или ощущения («Не грусти – похрусти!», «Это не сон. Это – Sony»), аллитерации («If anyone can Canon can»),

глаголы, задающие темп высказывания – покупать, испытывать, получать, позволять, наслаждаться («Позвони и купи это сейчас»), грамматически неверные предложения без предлогов и союзов («Сейчас – специальное предложение! – только 50 пений!»).

Сравнительный анализ политической и рекламной коммуникации заставляет вспомнить слова Э. Тоффлера о том, что «все группы людей, от «примитивных» времен до сегодняшнего дня, зависят от общения людей друг с другом, лицом к лицу» [17, с. 71]. Таким образом, прагматика речевого общения, опирающаяся преимущественно на регулятивную, креативную и магическую функции языка, организует и направляет поведение людей в разных сферах общественной жизни. На наш взгляд, особенно полно ее возможности проявляются в политической и рекламной видах коммуникации, формирующих специфическими языковыми средствами конкретные образы человека, находящегося в подчинении тех или иных властных структур или под влиянием витальных и прагматических желаний, которые навязываются человеку.

Библиографический список

1. Morris Ch. Signs, language and behavior // Writings on the general theory of signs. – The Hague-Paris Mouton, 1971.
2. Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестн. Московского ун-та. Сер. 7: Философия. – 1990. – №2.
3. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: Прогресс, 1995.
4. Хайдеггер М. Путь к языку // М. Хайдеггер. Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993.
5. Шнейдер В.Б. Коммуникация, нормативность, логика. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002.
6. Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Н.А. Бердяев. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994.
7. Власть: Очерки современной политической философии Запада. – М.: Наука, 1989.
8. Борисов Б.Л. Технологии рекламы и PR. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001.
9. Шейгал Е.И. Семантика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004.
10. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. – М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2001.
11. Бодрийяр Ж. Система вещей. – М.: Рудомино, 1995.
12. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38.
13. Фромм Э. Иметь или быть? // Э. Фромм. Величие и ограниченность теории Фрейда. – М.: АСТ, 2000.
14. Романенко А.П. Советская словесная культура: образ ратора. – М.: Едиториал УРСС, 2003.
15. Медведева Е.В. Рекламная коммуникация. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
16. Ушакин С.А. Речь как политическое действие // Полис. – 1995. – №5.
17. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 2002.

В.Ю. Рыбникова, А.А. Мариев

К ВОПРОСУ ОБ ОНТОЛОГИИ АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ

В изменяемом мире, когда спонтанно возникают и отмирают и виды деятельности и составляющие мировоззрений, возможность стабилизации и осознанного регулирования образа жизни семьи, а точнее – разных сбалансированных образов жизни разных семей, социально значима. Со сменой многих ценностных иерархий и экономических ориентиров насущным стало и переосмысление ближайшего архитектурного окружения: какое человеку жильё нужно? В общем виде – жильё, соответствующее образу жизни. В цепочке профессий, обслуживающих социальную жизнь человека, ар-

хитекторы преобразуют экономические, эстетические, физиологические, и иные, требования общества, групп, индивидуумов, обращая их в устойчивые материализованные системы. При первом приближении может показаться, что профессиональные задачи и ответственности архитектора в этом и состоят. Однако необходимо видеть в этих материальных формах и сквозь них то возникающую, то пропадающую деятельность людей, то есть пространственно-временные алгоритмы, которые, в свою очередь, складывают, формируют образы (или – без-образия...) протекающей в архитектурной среде жизни. Если набор соци-

ально-осознанных задач, или задание на проектирование жилой среды, гармоничен и перспективен согласован, то реализуемые архитектурные проекты улучшают, делают комфортнее не просто жильё, но – жизнь, образ жизни. И таким же путем архитектурная материализация противоречивых, дисгармоничных социальных заданий порождает среду обитания, которая способствует развитию и воспроизводству асоциальных явлений и болезней. Профессиональная ответственность архитекторов, таким образом, распространяется и на формирование всех взаимосвязанных сторон жизни людей, обитающих в архитектурной среде, в том числе и ответственность за такие, казалось бы, отдаленные от архитектора сферы, как мораль, нравственность с их проявлениями в семейных и социальных отношениях.

Отметим, что огромное количество исследований по истории культуры вообще, и архитектуры в частности, посвящено анализу воздействия выдающихся произведений на внешнего наблюдателя, часто даже не на владельца объекта культуры, а именно – на зрителя: прохожего на площади или на улице, посетителя выставки, гостя в интерьерных пространствах. Воздействию архитектуры дворцов и апартаментов на владельцев, как на обитателей – уделено публичного внимания значительно меньше. И ещё меньше уделено внимания в истории и теории архитектуры воздействию «рядовой» застройки на её обитателей – на человека, на семью, на сообщество. При этом значение «рядовых» – селитебных, общественных и производственных архитектурных пространств и заданных ими времён, в силу массовости воздействия, – существенно, в проявлениях – разносторонне, в прямых и косвенных следствиях – не всегда очевидно.

Надо отметить, что в современном существующем разделении труда профессионально обусловленный антропоцентризм мышления архитекторов заужено ограничен существующими рамками ответственностей, а для проектирования в целом «образа жизни» групп, обитающих в массовой, рядовой застройке, специалистов пока (или – уже) не готовят. Даже художник, проектирующий интерьер жилья или отдельные его элементы, далеко не всегда легко находит общий язык с предшествующим ему в цепочке производства среды, архитектором. А специалисты коммунальных служб, врачи, экономисты, психологи и т.д. – их востребованность как специалистов и професси-

онально обоснованное благополучие просто и прямо пропорциональны наличию специализированных проблем в жизни населения.

Поэтому сообществу, для правильного задания ориентиров по формированию современной массово доступной и комфортной жилой среды, необходимо знать: *какому* человеку и *какое* жильё нужно? То есть в существующем разделении труда исследователями, в плановой цепочке предшествующими архитектору, должны быть подготовлены ответы на многие актуальные не только для проектировщика вопросы. Именно общими усилиями может быть создана современная концептуальная основа проектирования разных типов жилья для массовой застройки.

Может возникнуть вопрос: а не этим ли в советское время, особенно – с 60-х годов XX века, активно занимались коллективы многих проектных и научно-исследовательских институтов в системе Госстроя, в результате чего были разработаны и типовые проекты, и, действующая ещё и сейчас, система нормативно-справочной информации по архитектуре и строительству и был возведён, функционирующий и по настоящее время, огромный массив жилых пространств – «хрущёвок»? Ни в коей мере не умаляя достоинств прожитого нашим обществом (и – каждым по отдельности) периода, предлагаем рассмотреть: каковы, социализирующие, мировоззрение формирующие свойства пространственно-временных и иных характеристик, наиболее распространенных в российской массовой застройке, типов жилья, например, двух из них – сельской избы (до 60-х годов XX в.) и городской квартиры-«хрущёвки» (в 60–70-е годы). Переток значительных масс населения во второй половине прошлого века из сельской местности в города – это, в большой мере, именно путь из избы в «хрущёвку». Как было тогда принято расценивать – путь к лучшей жизни. Во всем ли «хрущёвка» была лучше избы, или иначе; какие онтологические и гносеологические приобретения и потери происходят при изменениях взаимосвязанного комплекса характеристик архитектурной среды и особенно жилья?

В избе от поколения к поколению накапливаемые наблюдения об удобствах и неудобствах в организации пространства и времени жизни семьи в полноте могли быть реализованы самими жителями. Поэтому семейное, личное осмысление и накопление мировоззренческого опыта и хозяй-

ственного, строительного мастерства имело перспективу, было увязано в смысловые социальные цепочки. Бытовая этика и особенности разновозрастной психологии, трудовое обучение – через личный пример, заготовительные, пищеприготовительные, утилизационные процедуры, санитарно-гигиенические и, снова и во всем – этические, обрядово-охранительные функции были обустроены, поддержаны элементами архитектуры избы. Можно проследить подробно, как уютом и открытость, экономность и гостеприимство, активная деятельность и созерцательность, мифотворчество и прямота, ассоциативное мышление и прозорливость проникали из сферы мировоззренческой в архитектурную среду, а архитектура избы, в свою очередь, способствовала формированию этих качеств в индивидуальном и общественном сознании.

Вовремя протопленная печь – тепло, а при том – и еда, для всех в избе, но это и загода заготовленные, в срок принесённые в дом дрова, наколотая лучина и нащипанная береста на растопку – вклад каждого от старшего до маленького, и уважение к старшим – организаторам цепочки годовых циклов взаимодействий для общего семейного блага. Традиции общения хозяина избы с гостем системно обустроены элементами членения пространства: собака под крыльцом, подъём на несколько ступеней, полутёмный «мост» (промостье), где чужой не сразу дверь в избу «нашарит», высокий дверной порог в сочетании с низкой притолокой, матица (без поклона не пройти), красный угол, длинные – «на всех» лавки у стола, парадная «выставка» столовой утвари в посуднике. А теплое, «привилегированное», детское место – на полотах, приспособлено и для отдыха, и для обучения через наблюдение за всем, что в избе происходит, при том с выгодной, побуждающей к обобщениям позиции – «с высоты безгрешного младенчества». Наблизжайшее к входной двери место, голбец – обустройство сочетания контроля перемещений «из избы – в избу» и отдыха – «кости прогреть», – «стариковское». И каждый – у всех на виду, и вклад каждого в жизнь семьи легко наблюдаем. И желаемые параметры температурно-влажностного режима, и отрегулированный режим питания в общих трапезах, взаимонаблюдение за характером, настроением и состоянием здоровья, предотвращение или ликвидация «промочек-протечек» и противопожарные меры, расширение жилья

через пристройку «прируба», эти и множество других элементов образа жизни – в прямой зависимости от воли семьи и осуществимы своими силами. Можно сказать, что из пространственно-временных алгоритмов избы – как модели мира, выросли самостоятельность, предприимчивость, смекалка, уравновешенность и целый спектр других, социально полезных проявлений мироведения. Здесь намеренно ограничим рассмотрение избы, как жизненного пространства семьи, при том, что очевидно: изба – элемент системы, сложного социального организма – сельского уклада жизни.

В соответствии с общегосударственной идеологией и архитектурно-строительными концепциями периода «хрущевской оттепели» централизованные отопление, холодное и горячее водоснабжение, канализация и мусороудаление, газификация и электроснабжение – блага, обеспечивающие старым, малым и людям в расцвете сил, а также слабым, больным и сильным, трудолюбивым, деятельным и ленивым *равные внешние условия проживания* их личной жизни. При том проявления воли каждого ушли из области, свободно наблюдаемой другими, возможности и потребности взаимодействия на дворовой территории в многоэтажном городском образе жизни также были практически сведены к нулю. Общественному содействию, сочувствию, сознанию эта новая, такая благоустроенная среда не оставила прежних пространственно-временных основ, и возвела при этом ограничения, не сразу различимые через господствовавшие тогда аксиологические фильтры. Многие осязательные ощущения и сложнейшие комплексы движений человеческого тела, являющиеся естественной питательной основой для построения мировоззренческих моделей, были вытеснены из учета и обустройства: или заторможены преобладанием иных, социально востребованных и новой архитектурой среды обустроенных длительностей и протяженностей (чтение, просмотр киносеанса, концерта, телепередачи, слушание радио, доклада на собрании и т.д.), или ограничены обслуживанием производственных функций и физиологических потребностей.

Так в квартире, где лучшая комната – изолированная, уже и не ясно, что делает ребёнок за закрытой дверью – спит, смотрит в окно или упорно учит уроки... Надо ли удивляться нарастающему разобщению в семьях, если в «улучшен-

ных» планировках каждая комната – тупик, а связи – только через узкий коридор или прихожую? Притом, что ценность для семьи общего, объединяющего пространства была осознана давно и не только для сельского образа жизни. «Лемюнэ оставил нам сборник планов жилых домов XVII в. «для лиц всякого звания». Во всех планах замечается традиционное расположение: жилые помещения буржуазной семьи собраны вокруг одной главной комнаты, представляющей центр семейной жизни» – писал Огюст Шуази ещё в конце XIX века о практике архитектуры во Франции [2, с. 690].

Холод и сырость в межсезонье, отключение на несколько летних месяцев горячего водоснабжения в квартире многоэтажки зависят уже не от воли и активности членов семьи, а от норм и правил, принятых где-то, когда-то, кем-то. Приспособить микроклимат в квартире к индивидуальным особенностям семьи (маленький ребёнок или больной) зачастую трудно, а иногда, только – вопреки централизованным коммунальным благам. При том возможности самостоятельного приспособления семейного жизненного пространства для изменяемых потребностей, например – с ростом семьи, в квартирах массовой застройки очень ограничены или вообще отсутствуют: преобладают планировки, где каждая комната – с единственным окном, в соотношении жилых и подсобно-вспомогательных пространств – анахроничная диспропорция, перенос межкомнатных перегородок грозит конструктивным ущербом всему зданию. По замечанию Норберта Винера: в XX веке человек так изменил окружающую среду, что для того, чтобы выжить в ней, человек должен изменить себя (вольная цитата). Так и происходит: в централизованно благоустроенной среде из ряда мировоззренчески значимых свойств характера стали уходить, за ненадобностью, личная инициатива, трезвость и дальновидность мышления, сочувствие, социальная ответственность. При том вновь изобретенные габариты элементов квартирных пространств и мебели регулировали физиологические жизненно важные вибрации человеческого организма не как активного созидателя, но как пассивного потребителя благ среды.

В настоящее время кажется очевидным, что «уже... в концепции объемно-планировочного решения квартиры и, особенно, в процессе конкретизации концепции с применением норм, могут быть заложены характеристики взаимодей-

ствий, складывающих устойчивый, энергосберегающий образ жизни или, наоборот, могут быть запроектированы и материализованы зоны конфликтов, расшатывающих энергетический баланс и семьи, и её членов» [1, с. 78]. Но такая очевидность проистекает из иных, в настоящее время – только нарождающихся и формируемых, конвенциональных онтологических оснований, чем те, которые господствовали в нашей стране в 1950–1960-е годы. Понятия и идеи: механизм власти, воинствующий атеизм, подчинение природы, за урожай – битвы, за чистоту – борьба, «догнать и перегнать Америку...»... преобладали не только в вербализованных, но и в других социально заданных текстах, к которым, с позиции общей теории знаковых систем, можно отнести и архитектурную среду. Потребность в пересмотре этих ориентиров постепенно привела сообщество с иным онтологическим и аксиологическим структурам: общество как социальный организм, уважение к различным религиозным основам мировоззрений, стремление к гармонизации отношений в природной и общественной среде... С этих позиций представляется возможным рассмотреть некоторые, неявные ранее, взаимосвязи разных уровней быта и культуры.

Что общего между ценой киловатт-часа и социалистическим реализмом или между «токамаком» и уровнем инфляции? Предлагаем своё понимание постоянных интеграционных гносеологических усилий, предпринимаемых как на уровне обыденного сознания, так и специалистами-исследователями, заинтересованными в средообразующем содействии.

Астрономия, эстетика, медицина, экономика, юриспруденция... – такие разные области знаний, обнесенные, как оградой, собственной терминологией, с выделением собственных областей для исследований и приложения выводов, по внутренней сути имеют общее – изучают и обустривают условия энергообмена всех уровней: от природного до социального, от физиологического до эстетического, от тутошнего и сиюминутного до разделенного на континенты и тысячелетия.

Имея ввиду социальную ценность общих мировоззренческих оснований предлагаем расширить понимание целесообразного в человеческой деятельности: гармонизация, взаимосогласование пространственно-временных характеристик всех профессионально разделённых прядей среды обитания – задача социальной архитек-

тоники, иначе говоря – *социально заданных условий энергообмена*. Можно проследить, как процессы поддержания *баланса энергообмена* всех уровней, от физических до психических, были в семейной жизни традицией сплавлены воедино, практически неразделимы. И к этому вновь необходимо прийти, если, конечно, преодоление существующего расщепления общественного сознания на декларируемое и осуществляемое, не только – желаемо, но и возможно.

Отметим: современный свод правил по обустройству архитектурной среды в пределах всей страны носит название «Градостроительный кодекс». То есть, по определению, изначально речь идет об архитектурной среде «градо-», о селитебных образованиях разноразмерных, но однотипных, уклада жизни – городского, с присущими ему особенностями энергообменных цепочек. Предлагаем наше понимание: город – это ориентир на возрастание профессиональной дифференциации, на товарно-денежные регуляторы взаимодействий и рост индивидуализма. В городском образе жизни для личности связи с природной средой – нерегулируемая переменная и потому – только пассивно учитываемая.

Напротив, сельский образ жизни – это ориентир в трудовых навыках на универсализм, здесь существенна роль натурального обмена (не только обмена товарами и услугами, но и информацией), в ментально-нравственной сфере – сохра-

нение коллективизма и ориентир на активную гармонизацию связей с природным окружением. Следует ли недоумевать, что «село вымирает», деревни безлюдуют, если *воспроизводство современной архитектурной среды, соответствующей образу жизни сел и деревень, даже и не задумано?* ...

Представляется необходимым в современной ситуации по-новому осмыслить потребности разномасштабных и качественно различных селитебнообразующих социальных процессов и привести в соответствие с ними концепции, полагаемые в основу создания всего спектра характеристик архитектурной среды, начиная с жилья, а затем, постепенно, привести в соответствие с потребностями сообщества, личности, семьи и саму архитектурную среду – как итог и основу сбалансированного образа жизни.

Библиографический список

1. Рыбникова В.Ю. Архитектурная среда как основа образа жизни семьи // Актуальные проблемы науки в агропромышленном комплексе. Материалы 57-ой международной научно-практической конференции: В 5 т. Т. 4. – Кострома: Изд-во КГСХА, 2006. – С. 78–79.
2. Шуази Огюст. История архитектуры: В 2 т. / Пер. с фр.; под ред. А.А. Сидорова. – М.: Изд. Всесоюзной Академии архитектуры, 1935. – Т. 2. – 694 с., илл.

Т.В. Зырянова

КУЛЬТУРОЛОГИЯ А.А. БОГДАНОВА

Марксизм как теоретическая конструкция позволил выработать новый взгляд на исследование культуры, и этот взгляд – макросоциологический. Допустимы и другие определения, ведь макросоциология Маркса непосредственно сливалась с его экономической теорией, и это был всего один из возможных вариантов научного синтеза.

В конце XIX века проблемами культуры на концептуальном уровне занимались многие видные русские марксисты, такие, как Плеханов, Покровский, Иоффе. Марксистский метод опробовал и Бердяев, но потом он от него отошел и даже перешел в критики этого метода.

Первопроходцем в обращении русского марксизма к проблемам культуры следует считать

Г.В. Плеханова. Его мысли о культуре в ряде позиций до сих пор остаются на редкость интересными, хотя сегодня на них редко ссылаются. Взгляды Плеханова на культуру были опосредованы историческими и социально-политическими ракурсами. Это был социологический детерминизм, хотя и своеобразный в плехановском варианте. Универсальный ключик марксистской методологии, как казалось первым авторам, открывал широкие перспективы.

Плеханов представил читающей публике культуру через понятие «способа производства», абсолютно новое для нее. Способы производства в истории подчинены формационной картине развития общества, поэтому в дальнейшем в марксистской традиции и культура должна была вписываться в эти экономические формации.

Второй особенностью его метода стал классовый подход к культуре. Культура – составная часть общества. Она отражает то, что скрыто, но при этом является основой истории, а именно: взаимоотношения и борьбу классов. Культура опосредована исторически конкретной социально-классовой структурой общества. Разные классы имеют разные потребности. Содержание и смысл, связанные с формами культуры, проявлялись в процессе удовлетворения социальных и материальных потребностей разных классов.

С позиции современности, это был ранний вариант функционального принципа, понимаемого Плехановым в контексте классового детерминизма. И культура здесь выглядела организованной системой.

Основания богдановского метода

Революционный пафос первых русских марксистов совпадает по своим устремлениям с прагматизмом и точно так же опирается на самый рафинированный рационализм. Это особенно заметно в работах автора, сыгравшего огромную роль на переломе эпох. Речь пойдет об Александре Александровиче Богданове.

Концепцию культуры содержат следующие его труды: «Основные элементы исторического взгляда на природу» (1899), «Познание с исторической точки зрения» (1901), «Эмпириомонизм» (1905–1906), «Из психологии общества» (1906), «Всеобщая организационная наука», она же «Тектология» (1912), «Роль коллектива в истории» (1914), «Наука об общественном сознании» (1918) и ряд статей. Культура интересовала А.А. Богданова всегда, и он осмыслял ее всесторонним образом. Недаром министром культуры в правительстве большевиков стал его последователь и друг А.В. Луначарский.

Богданов как уникальный теоретик построил грандиозное здание, обозреть которое удастся только сейчас. Поэтому во всем, к чему он обращался, обнаруживается очень много граней и связей со всеми его работами. На первое место обычно ставят его «Тектологию» – науку об общих принципах и законах организации. В основу ее была положена системная идея изоморфизма абиотических, биотических и социальных систем. На западе подобную идею изложил Л. фон Берталанфи в 1938 году – четверть века спустя.

Левое направление русского марксизма наиболее ярко проявилось в теории «пролетарской

культуры» и в идее «производственного искусства», которые сформировались у Богданова в предреволюционный период и получили развитие в работах его последователей – Луначарского, Пунина, Полетаева. Это был момент истории, в котором российский пролетариат осознал себя как самостоятельный класс, способный на активные действия в экономике, политике и культуре.

Концепция Богданова характеризуется как крайне левая, как крайне радикальная. В отличие от академически ориентированных плехановцев, Богданову было свойственно стремление превратить общефилософскую методологию и социологические модели в орудие непосредственного действия. Обратимся к основаниям научной платформы Богданова. Для начала отметим, что он был последовательным эволюционистом, материалистом и стоял на позиции пролетарской идеологии. Он применил функциональный подход к культуре, но это был иной, чем у Плеханова, подход.

Как марксист, Богданов не отделял культуру от социальной сферы: социальность у него взаимосвязана и является собой единство. Однако ортодоксальный марксизм по отношению к культуре был ему чужд: социологический детерминизм и упрощенный классовый принцип, примененные первыми русскими марксистами, с его точки зрения, выхолащивают многообразие культурных проявлений. Богданов стремился сделать свой анализ более гибким.

Чтобы постичь его замысел, нужно понять его идеал: это – предельная целесообразность организации целого, причем предельно рациональная целесообразность. Исходя из этого идеала, высшей целью культуры он провозгласил универсальное преобразование мира и человека, что в сегодняшнем понимании и есть принцип деятельности. Таким образом, Богданов, развивая представление Маркса о деятельности, довел его до инструментального понимания: «Культура класса – это совокупность его организованных форм и методов» [2, с. 331]. Перед нами – тотальность, «чистый принцип рациональной деятельности», все подчиняющий идеалу целесообразности.

Зафиксируем первый важнейший шаг Богданова: культуру как метод он отделил от содержания, которое культура несет. Оставался один шаг до последующей «НОТовской» практики – и этот шаг сделают его ученики и продолжатели. Тот же шаг параллельно с ним сделают идеологи прагматизма и основатели науки о менеджменте на западе.

В полемике последующих лет всегда вставал вопрос: зачем пролетариату культура, да и зачем она вообще? Как бы в ответ на этот вопрос Богданов сформулировал главную задачу культуры – жизнестроительную активность. Она выступает как основа для установления единства с другими формами деятельности человека.

Понятие культуры Богданов связал с понятием труда. Чтобы яснее и четче донести свое понимание культуры, он ввел понятия: искусство, мастерства, профессионализма. Свое полнейшее выражение культура, соединенная с искусностью, получила в художественной деятельности, в искусстве. Отсюда вырастает знаменитое положение Богданова о слиянии искусства и жизни через «производственное искусство».

Одной из великих исторических иллюзий, которую Богданов не мог не разделять как истинный русский марксист, был коллективизм в труде, в котором открываются некие общие цели и пути преобразования мира. Он страстно желал появления новой культуры, которая преодолела ограниченность всех предыдущих этапов истории (авторитарной и индивидуалистической культур). И когда пришло время действовать, он был к этому готов, как никто другой. Ленину даже пришлось вмешаться в процесс построения новой культуры, поскольку влияние идей Богданова на эту сферу после Октябрьской революции было больше, чем влияние партии. Произошло это благодаря Пролеткульту – организации, появившейся еще до революции. Ее идеологом и стал Богданов.

В 1918 году Богданов сформулировал программу пролетарской культуры, суть которой – в овладении пролетариатом организационными формами и методами пролетарской культуры в процессе коллективистского воспитания человека. Организационный подход к управлению и функционированию социальных структур он уже сформулировал в своей «Тектологии».

Как всегда, на этапе смены ментальных парадигм, новый идеолог тщательно избавляется от «идолов и фетишей» прошлого. Это проделали в свое время и Ф. Бэкон, и Р. Декарт. Единым, заменяющим традиционные в истории философии понятия (дух, материя, субстанция и т.п.), А.А. Богданов считал понятие «энергия». Новое учение – энергетизм.

Энергетизм понимается у него как новый тип причинности. И если на материале природы взаимопереход и взаимопревращение иллюстриру-

ются очень убедительно, то в истории общества это понятие еще предстояло утвердить. У Богданова энергетизм выглядит как процесс развития общественной связи в различных формах. В этом направлении он действует как последовательный эволюционист, и в итоге у него получается энергетический эволюционизм.

В основе философской методологии А.А. Богданова лежит сложный синтез махизма и марксизма (исторического и диалектического материализма). Общественное развитие трактуется им как процесс приспособления к среде, а сознание – как одна из форм такого приспособления. Специфика социального приспособления заключается в том, что оно совершенствуется в труде, – вот почему для раскрытия сути культуры он использовал анализ труда. Что интересно, понятие «труд» очень активно обсуждалось и интерпретировалось в ту эпоху, причем не только в науке, но и в искусстве (например, у поэта А.К. Гастева, ставшего впоследствии первым директором Центрального института труда).

Труд акцентирует техническую составляющую деятельности. И в этом смысле можно считать Богданова одним из первых авторов искусственно-технического подхода. По приему анализ труда – это «ключевое звено» его методологии: как анализ языка раскрывает содержание менталитета и культуры, так анализ труда у Богданова есть ключ к анализу культуры.

Труд рассматривается Богдановым прежде всего как техническая деятельность в процессе труда. Экономические отношения – отношения, возникающие по поводу трудовой деятельности. И это уже другой модус, иной ракурс трактовки марксизма. Источником развития общества у Богданова становится развитие форм общественного труда. А дальше связка – следующая: «Развивающаяся практика меняет картину бытия».

При этом вроде бы сохраняется марксистский метод: обусловленность общественного развития идет снизу вверх, от базиса – к надстройке, надстройка порождается базисом. Но Богданову важно выяснить, как именно это происходит, и делает он это через труд.

Дальше поворот мысли Богданова становится еще более интересным. Анализ культуры, труда и многого другого происходит через анализ психики. Здесь А.А. Богданов занимает позицию феноменализма, утверждая, что ничего, кроме микрокосма индивидуального сознания и его фе-

номенов, для исследования нам не дано. Только в его рамках сосуществуют и взаимодействуют объективное и субъективное, природа и культура, общество и личность. Только в сознании личности даны и психическое содержание, и физический мир. Кстати, аналогичное понимание было присуще и Л.С. Выготскому («Психология искусства»).

Из этих посылок и возникает совершенно новый взгляд на культуру А.А. Богданова. Все основные аспекты: труд, поведение, культуру – он освещает в контексте анализа психической жизни личности. Тогда становится понятно, что история и культура – это принадлежность индивидуального сознания, а не реального мира. В таком очертании они получают атрибутивные свойства: пространство, время, причинность. В культуре все исходит от человека, все сотворено им, включая образ мира, абстрактные понятия философии и науки, а также формы организации опыта.

Культура в этом воззрении становится некой автономной монадой. Она тем более парадоксальна, что дислоцирована в психическом «Я» человека, хотя и выражена вовне.

Но марксиста интересует не единица, а общество в первую очередь. И надо отвечать на вопрос: как это индивидуальное становится общественным, является им?

Обобществление феноменов индивидуального сознания, по Богданову, происходит через практику. Несмотря на то, что она сама по себе субъективна, понимание окружающего мира может обеспечить исключительно практика. Получается, что практика не просто обуславливает: она сама и есть процесс становления объективной картины мира в формах времени-пространства и причинно-следственных связей.

Психическое – обширная область, в которой лишь некоторую часть занимает сознательное. Социальность в понимании Богданова не разделима с сознательностью: «Социальная жизнь во всех своих проявлениях есть сознательно-психическая... Идеология и экономика – область сознательной жизни» [1, с. 57]. Такое утверждение объясняет предельный рационализм Богданова: социальное – как сознательное – может опираться только на разум.

Управляемость – главный козырь XX века – может реализовываться только через сознательную часть психики человека, а в ней главенствует рационализм. Рационально сконструированный проект – вот основной путь, по которому следу-

ют наука и социальное управление в XX веке. Проект «пролетарской культуры», который выдвинул Богданов, в этом отношении парадоксален.

Точка зрения на культуру

Из сказанного можно понять, что воззрение Богданова на культуру многолико, как и все его творчество. Например, он понимал культуру как некую тональность, очень тонко, что близко нашей ментальной гипотезе. Не менее важно еще одно его утверждение: у культуры нет границ. И, наконец, культура у него наделялась онтологическим статусом через соединение понятий «творчество» и «форма».

Но все эти нюансы можно понять при условии, если реконструировать целое. Попытаемся это сделать.

Причиной рождения культуры является труд человека, а сама культура есть все, что приобретено в процессе труда. Приобретения возвышают, облагораживают, совершенствуют жизнь людей. Плоды труда и мысли поднимают человека над природой, они дают ему власть над стихийной природой и над самим собой. Это все – из цитат А.А. Богданова.

Он функционалист. В его понимании функция определяет структуру. Функция культуры, по Богданову, состоит в приспособлении общества к постоянно изменяющейся среде. Приспособление есть движущая сила развития. В обществе первичным приспособлением является социальной инстинкт, а формы духовной культуры, объединяющие членов общества, относятся к разряду вторичных приспособлений.

Здесь возникает любопытное пересечение Богданова с прагматизмом и его основным понятием «опыт». У прагматиков «опыт» является понятием, с которого они начинают, а у Богданова к нему ведет ряд шагов: от техники – к идеологии, с доказательством их однородности: «Общественное бытие и общественное сознание в точном смысле этих слов тождественны», – считает Богданов. На этом основании генезис форм общественного труда и есть генезис форм общественного сознания. Основной вывод таков: формы труда определяют тип культуры.

При движении снизу вверх у Богданова выстраивается последовательность причин и следствий: технические приспособления порождают организационные, развитие того и другого ведет к разделению труда, а это требует дальнейшего

приспособления – и так вплоть до идеологии. Остается понять, какова здесь роль культуры.

А.А. Богданов связывает культуру с целеполаганием общественного труда. Это – аспект практической деятельности, без которой ее развитие немыслимо. Зафиксируем это как тезисы:

- культура несет практике цели;
- культура обеспечивает развитие практики.

Сущность культуры, по А.А. Богданову – в оформлении и закреплении определенной организации. Идею организации он изложил в «Тектологии» – в науке об общих принципах и законах организации. Этот труд изучали в Пролеткульте наряду с работами Маркса.

Богданов в данном случае интересовало все, что связано с социальной организацией исходя из понятий «труд» и «опыт». Исторические формы труда – это базовое основание для социальной организации во всех ее аспектах. Отсюда вырастает его собственный вариант социологии, где разным типам деятельности и социальным институтам приписываются соответствующие функции в обществе.

Так, науки «...представляют организованный опыт прошлого, прежде всего технический» [2, с. 2]. Наука есть результат практики и форма организации опыта.

Анализ форм познания – часть его теории культуры. По Богданову, осуществляющееся познание есть интеграция, составляющая культурную целостность общества. В формах духовной культуры закрепляется, передается опыт жизни в коллективе, сплавляя его изнутри пониманием и сочувствием [2, с. 34].

Искусство А.А. Богданов тоже понимал функционально. Во-первых, оно обеспечивает первичную потребность общения. Эта потребность реализуется с помощью выразительных форм, рождающихся в совместном труде, например слов. Слово – орудие общения людей, оно предшествует мышлению.

Во-вторых, искусство есть средство сбора, систематизации и трансляции опыта. Уникальность искусства состоит в том, что в искусстве «организация идей и организация вещей неразделимы» [2, с. 2–3]. Для А.А. Богданова искусство прежде всего инструмент организации классового сознания, одно из проявлений идеологии определенного класса.

Аналогично Богданов находит и социальную функцию религии: это – идеология в обществе

авторитарного типа, и ее сущность – организационная. Причина возникновения религии – «накопление авторитета предков». Религия сохраняется и в современном обществе, как и многие другие рудименты авторитарного общества (государство, армия, семья).

Первоисточником морали и права тоже является опыт. И это тоже формы организации опыта, такие же, как обычай, тысячелетняя привычка, норма. Их генезис – генезис опыта.

По А.А. Богданову, культура одного времени едина: это – единое целое психического и материального предметного выражения. Как целостность, она обладает качественной определенностью. Единство культуры состоит в единстве всех ее форм, в их организации. Это – основа для истолкования культуры.

Иерархическое место культуры

Исторические формы труда – базовое основание для выявления типов культуры. Однако формы труда у Богданова определяют и социальную организацию. Требуется теперь развести их по уровням и связать генетически.

Богданов использует своеобразный вариант идеи параллелизма бытия и мышления: общественное сознание образовано в соответствии с опытом.

Порождающая цепь – следующая: в труде, в совместном производстве, формируется модель производственной связи. Она, по Богданову, и становится моделью осмысления связи фактов в опыте, выступает в качестве конкретного типа мышления и культуры [2, с. 62]. И мы всегда имеем дело с определенным историческим типом сознания там, где может быть обнаружена своя модель объективной реальности.

Эта «картина бытия» в теории Богданова есть последняя истина мышления. Основные параметры мировоззрения задаются априорными формами, организующими общественную практику, – категориями. В данной картине выражены схема хронотопа и модель причинности: пространственно-временная схема видения мира и соответствующая модель мышления, основанная на причинно-следственных связях. Каждая такая картина есть квинтэссенция времени. Действительность – одна и та же. Различными являются способы интерпретации, связанность фактов этой действительности в сознании, понимание причинности в модели мышления. Таким образом, тип мышления конкретного времени

и общества задан его культурой – он предшествует индивидуальному сознанию.

В этом построении Богданов вплотную подошел к теории менталитета. И даже его энергетизм прямо подвел его к современному пониманию ментальной энергетики. При этом Богданов не пожелал оторваться от схемы марксизма. От базиса – к надстройке, а не наоборот! Генетическая связь – одна, снизу вверх: «развивающаяся практика меняет картину бытия» [1, с. 204]. Траектория ведет от общественной практики к организованности социума и культуры, а далее – к мировоззрению, со своей «картиной бытия».

В своем культурологическом исследовании мы используем в качестве главного инструмента трехуровневую модель, построенную по гегелевскому образцу: общее особенное, единичное. Ее суть заключается в нерасчлененности социокультурного ядра:

ОБЩЕЕ: мировоззрение = картина бытия.

ОСОБЕННОЕ: общество как организованность (включая культуру).

ЕДИНИЧНОЕ: практика = труд, совместное производство, опыт.

Модель дает возможность соотнесения ее уровней с категориальными понятиями – из него следует, что мировоззрение есть содержание, культура есть форма организованности, а формы дает практика.

Историческая модель культуры А.А. Богданова

Схема развития культуры Богданова должна была соответствовать марксовой схеме формаций. Но особо жесткой связи здесь не наблюдается.

Развитие культуры в понимании Богданова связано с развитием труда. Тип труда определяется его содержанием и формой организации. На основе этой цепи у Богданова намечаются три периода в развитии культуры: авторитарный, индивидуалистический и коллективистский, – каждый период связан со своим типом труда. В истории их было три.

1. Консервативный тип труда направлен на воспроизведение одного и того же. Он постоянно воссоздает прежние условия существования. По этому принципу устроены отрасли производства, обеспечивающие существование людей.

2. Авторитарный тип культуры соответствует патриархальному обществу и феодальной формации. В авторитаризме Богданов видит источник анимизма и религии. Авторитарное начало

здесь возобладавало над светским, поэтому искусство этих этапов истории религиозно.

Сущность этого типа в том, что он является собой натуральный фетишизм (авторитарный фетишизм). Здесь связь производителей принимается за связь явлений реального мира, за универсальный принцип его организации. Разрушается такой тип культуры с развитием обмена, капитализма, а в перспективе он разрушится окончательно по мере развития коллективизма и синтетических форм сотрудничества будущего общества.

3. Изменяющийся, или пластический, тип труда порождает соответствующий тип культуры. Этот тип труда присущ капиталистической формации. Он формирует исторический тип мышления, в котором природа выглядит непрерывной цепью взаимопереходящих и взаимосливающихся процессов.

Такой тип труда постоянно меняет и окружение, и самого человека. «Вся психологическая жизнь в большей степени складывается по пластическому типу. Изменяя среду, человек создает себе изменяющуюся психику» [1, с. 97]. Элементы культуры пролетариата возникают уже при капитализме.

4. Новый, синтетический, тип сотрудничества, по мысли Богданова, создаст и новый коллективистский тип мышления, и новый тип общества, и новую культуру. Он разрушит все фетиши прошлого, поскольку пролетарскому сознанию чужд фетишизм.

Богданов построил свою утопию будущего в виде логического прогноза. Причем в данном случае он проявил себя как автор-теоретик, а до этого он уже выступил как автор романа-утопии «Красная звезда» [4].

Типология культуры А.А. Богданова вырастает на основании исторических типов труда. Он обозначил четыре типа, четыре эпохи и их культуры:

- эпоху «первобытного коммунизма»;
- эпоху авторитарных культур;
- эпоху индивидуальных культур;
- эпоху коллективистской культуры, которая станет преобладающей при социализме.

Новая культура представлялась ему воплощением гуманизма в истинном смысле слова. Коллективизм должен открыть невиданные возможности для личного развития и творчества.

Общество крупного машинного производства потребует иного рабочего – это будет организатор рядом с машиной. Отсюда и требования к уровню его грамотности, и утверждение, что труд рабочего сближится с трудом инженера: «Тип

рабочей силы окажется одним, различны лишь степени ее развития».

Коллективизм, по убеждению Богданова, породит не конкуренцию, а ее противоположность: обмен функциями, то есть кооперацию. При всем том, что Богданов имел в виду подвижное, постоянно меняющееся общество будущего, его занимала идея «гармонической организации» трудовой системы в этом будущем. «По образцу этой связи строится новый механизм мышления» – таков его прогноз [1, с. 37–40, 51, 119–125, 133].

На основе таких представлений формулируется очень важная мысль Богданова: культура не только средство, но и цель. Сущность культуры – в оформлении и закреплении определенной организации. Цель культуры – совершенная форма организации.

Отношение к современности и концепция «пролетарской культуры»

Место «пролетарской культуры» в истории обозначено исторической схемой развития культуры. Пролетарская культура является основой для будущей коллективистской культуры, но еще не является ею. А.А. Богданов рассматривал ее как переходную от индивидуалистической культуры к коллективистской.

Современную ему эпоху Богданов называл переходной. Это – эпоха сосуществования и столкновения двух культур: буржуазной и пролетарской.

Цель «пролетарской культуры» – собирание сил во имя светлого будущего общества.

Оптимистическая жизнестроительная идея Богданова содержала призыв подходить к культуре с созидательной позиции. Ставилась цель: пролетариат может и должен создать свою самостоятельную пролетарскую культуру.

Собирание сил во имя светлого будущего – это действие, основанное не на разрушении и уничтожении, а на преемственности культуры поколений, на личном творчестве. «Пролетарская культура» – это «вся совокупность организационных форм и методов» [5, с. 331]. Осваивать эти формы и методы без культурного базиса и личного творчества нельзя. Пролетариат – наследник всей культуры, «но наследство не должно господствовать над наследником» – вот почему А.А. Богданов подчеркивал не только позитивную и конструктивную роль «пролетарской культуры», но и роль творческого процесса, роль личности в освоении и создании новой культуры.

Очень важно подчеркнуть расхождение А.А. Богданова с большевиками по поводу взятия власти. По Богданову, политическому перевороту должен предшествовать духовный переворот. Именно для этой цели был создан и успешно работал до революции Пролеткульт. И его роль после революции была исключительно высокой – фактически он был безоговорочным лидером в культурной политике.

А.А. Богданов в пролетарской культуре выявил следующие элементы: труд, товарищеские отношения, разрушение фетишей, единство метода. Этот набор не очень понятен сегодня, но он был вполне конкретным как руководство к действию в той ситуации. На его основе строились насущные задачи развития культуры:

- 1) демократизация знания;
- 2) освобождение от фетишизма в сознании (философии, искусстве, морали и т.д.);
- 3) соблюдение единства методов в подходе к новой культуре.

Частью задачи освобождения от фетишей Богданов считал преодоление авторитаризма и, в частности, вождизма в партии. Ему было явно не по пути со Сталиным.

Особое внимание он уделял развитию пролетарского искусства, считая, что прогрессивные черты пролетарской психологии могут воздействовать на психическое содержание его эпохи. Газеты и журналы первых десяти лет после революции были полны образцами пролетарского творчества, иногда – совершенно поразительными. Но в особый тип искусства этот поток сложиться не успел: Пролеткульт был ликвидирован по политическим соображениям.

С учетом будущего актуализируем два момента отношения Богданова к искусству. Во-первых, он критически относился к тезису «искусство для искусства» и отрицательно высказывался по поводу декаданса в искусстве. Во-вторых, он выступал за сохранение и освоение классического наследия. Это сыграло свою роль в культурной политике большевиков в момент, когда раздавались призывы к уничтожению прошлой культуры.

Кроме того, Богданов осудил утилитарный подход к художественной культуре. В частности, он выступил против использования искусства в роли «агитки». Но политикам эти его тезисы были мало интересны – они проигнорировали их.

В эпоху подъема революционного движения отношение к интеллигенции было негативным.

В потоке революции ее иногда просто уничтожали как нечто чужеродное, особенно — в тех случаях, когда сталкивались политические интересы.

Как теоретик и как политик, А.А. Богданов понимал, что без интеллигенции никакое развитие культуры невозможно. Практические задачи интеллигенции он видел в содействии развитию пролетарской культуры, и этот его замысел был в какой-то мере реализован. Такое понимание в значительной мере сохранял и А.В. Луначарский: пока он находился на посту народного комиссара просвещения, пытался всячески сохранить интеллигенцию и пристроить ее к делу построения пролетарской культуры. Из документов известны его столкновения с Лениным и другими большевиками, которым такая позиция казалась «либеральной мягкотелостью» [9].

Критики приписывают А.А. Богданову «отождествление идеологии и культуры». Но это скорее точка зрения его интерпретаторов: реальные воззрения Богданова — значительно сложнее. Следовало бы не реконструировать их, а увидеть его работы в совокупности — как единый текст.

Пара категориальных понятий Богданова «Труд — Культура», по сути, и есть основная его модификация пары категориальных понятий Маркса «Базис — Надстройка». Понятно, почему впоследствии наши марксисты о нем старались не упоминать: интерпретация Маркса Богдановым свидетельствовала о его явном продвижении вперед в осмыслении важнейшей проблемы. Но политический запрет на идеи Богданова обернулся для нашего государства реальным отставанием в целом ряде областей развития общества. Только сейчас стало ясно, что его постановка вопроса опередила и идеи прагматизма, и кибернетику, и теорию деятельности, и научный анализ

менеджмента и многое другое из того, что нам пришлось ускоренно наверстывать, основываясь уже на чужом опыте, на опыте тех, кто продолжал читать Богданова на чужих языках. Его «Тектология» продолжает переиздаваться до сих пор и входит в набор классических произведений науки и менеджмента XX века.

При этом утопии Богданова и его мечты о новом взлете человечества в рамках коллективной культуры стараются как-то отделить от его наследия как ненужную часть, как историческое заблуждение. Но история еще не закончилась, и как обернется дело в скором будущем — это еще вопрос. Возможно, к культурологическим идеям А.А. Богданова мир еще вернется.

Библиографический список

1. *Богданов А.А.* Познание с исторической точки зрения. — СПб., 1901.
2. *Богданов А.А.* Всеобщая организационная наука. — СПб., 1912.
3. *Богданов А.А.* Наука об общественном сознании. (Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах). — М.: Госиздат, 1918.
4. *Богданов (Малиновский) А.А.* Красная звезда. Роман. — М.: Правда, 1990.
5. *Богданов А.А.* Вопросы социализма: Работы разных лет. — М.: Политиздат, 1990.
6. *Гастев А.К.* Трудовые установки. — М.: Экономика, 1973.
7. *Выготский Л.С.* Психология искусства. — М.: Искусство, 1986.
8. *Луначарский А.В.* О культуре. — М.: Политиздат, 1977.
9. *Мазаев А.И.* Концепция производственного искусства 20-х годов. — М.: Наука, 1975.

И.С. ТУРГЕНЕВ В ДИАЛОГЕ РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ КУЛЬТУР

История восприятия И.С. Тургенева во Франции является интереснейшим примером чрезвычайно многообразного и насыщенного диалога культур. Различные аспекты этого диалога исследуются в данной статье на основе мемуарных и эпистолярных источников.

Одна из культурно-исторических репутаций И.С. Тургенева – репутация проводника русской культуры на Запад и западной культуры в Россию. Отечественными и зарубежными исследователями констатируется факт, что именно Тургенев был первым открытым Европою великим русским писателем. Благодаря ему русская литература становится событием и явлением европейской и мировой культуры. Тургенев еще при жизни был признан классиком всеми выдающимися деятелями Европы [2]. Блестящая образованность, неизменная доброжелательность, наконец, лирическое обаяние его личности и таланта обеспечили ему уникальное место в истории русско-европейских культурных связей [1].

Франция же часто выступала сакральным центром Запада или Европы в пространственных представлениях русской интеллигенции XIX века [7].

Во Франции имя Тургенева стало известно читающей публике уже с середины 1850-х годов, когда вышел в свет первый перевод «Записок охотника». К середине же 1870-х Тургенев был не только принят в круг Г. Флобера, но и признан «мэтром».

«Он находился на стыке двух мировоззрений, двух стран, двух судеб» [8, с. 160]. Взаимообогащению двух цивилизаций способствовали как благотворительная и общественная деятельность писателя, так и все его литературное творчество, выступавшее как для отечественного, так и для зарубежного читателя и летописью общественной жизни России XIX века, и своеобразной энциклопедией культуры и искусства Европы.

В предисловии к биографии Тургенева А. Труайя написал: «В его творчестве меня покорили мера, гармония, благородство. Меня увлекли его характер и судьба. Прикоснувшись к личности Тургенева, я открыл для себя раздвоенного человека, разрывавшегося между Россией и Европой. Русский до мозга костей, он прожил большую часть жизни за границей. Именно там он и написал самые русские свои произведения. Его хулили на родине. А во Франции смотрели как на

посла русской культуры. Он не стал европейцем, однако не остался и русским» [8].

Принятый с огромным уважением как свой, а точнее, как «мэтр», в парижских литературно-артистических кругах, Иван Сергеевич особенно любил дружеские встречи близких ему по духу писателей. Поначалу эти встречи назывались «обедами освистанных авторов», потом «обедами пяти» или «обедами Флобера». Помимо И.С. Тургенева и Гюстава Флобера в этих литературных «рандеву» участвовали Эмиль Золя, Эдмон де Гонкур и Альфонс Доде, оставившие об этом дневниковые и мемуарные свидетельства. «Мы садились за стол в семь часов вечера, а в два часа ночи трапеза еще продолжалась, – вспоминал Доде. – Флобер и Золя снимали пиджаки, Тургенев растягивался на диване. Мы выставляли за дверь гарсонов... и беседовали о литературе... Мы разговаривали с открытой душой, без лести, без взаимных восторгов» [11, с. 316].

Помимо упомянутых имен французских литераторов, в обширной переписке Тургенева чаще других фигурируют Ги де Мопассан, Жорж Санд, молодой Анатоль Франс, который в 1905 г. в ответ на «кровавое воскресенье» в Санкт-Петербурге станет основателем Общества друзей русского народа.

Сами французские литераторы, общаясь с Тургеневым, познавали неведомый им русский мир, тем более, что рассказчик он был блистательный. Из воспоминаний Мопассана: «Его литературные мнения имели тем большую ценность и значительность, что он не просто выражал суждение с той ограниченной и специальной точки зрения, которой все мы придерживаемся, но проводил нечто вроде сравнения между всеми литературами всех народов мира, которые он основательно знал, расширяя, таким образом, поле своих наблюдений и сопоставляя две книги, появившиеся на двух концах земного шара и написанные на разных языках» [11, с. 269].

Живя во Франции, Тургенев вел огромную и разнообразную общественную деятельность, направленную на преодоление вековых преду-

беждений, какие существовали в «культурном слое» Западной Европы по отношению к России. Прежде всего, он становится самым активным пропагандистом (а иногда переводчиком) русской литературы на Западе и западной в России. Благодаря ему русский читатель познакомился с творчеством Флобера, Золя, Мопассана.

В своем собственном творчестве «Тургенев утвердил, следуя за создателями отечественной словесности, те ключевые темы, фигуры и коллизии русской жизни, которые во многом определили направление и проблематику возникавшей великой литературы» [2, с. 195].

Главным достоинством его произведений является глубокий психологизм. Свои произведения Тургенев посвящал преимущественно изображению крестьянства и поместного дворянства, являясь летописцем русской жизни, ставил в своих произведениях коренные, злободневные проблемы, запечатлел важнейшие общественные, философские, нравственные, этические сдвиги в стране, оставил богатейшее литературное и эпистолярное наследие.

Событием стали «Записки охотника» – литературная «мина замедленного действия», направленная против существовавших тогда в России порядков и, прежде всего, против крепостного права, за что Тургенев подвергся царской опале и был выслан на родину, «под присмотр». Достоинством «Записок» было и то, что «автор увидел в крестьянах людей, которых можно было мерить европейской меркой» [2, с. 195].

Существует гипотеза о связи замысла «Записок охотника» с «охотничьими рассказами» Луи Виардо, публиковавшихся во французской прессе и изданных отдельным томом в 1846 г. под названием «*Quelque chasses en Russie*» («Несколько охот в России»). Очерки написаны по впечатлениям от общения с русскими друзьями, в том числе Тургеневым, с которым Л. Виардо вместе охотился во время первого турне Полины Виардо в России. Вряд ли можно настаивать на литературном влиянии, «...но сама идея высказать в «невинной» форме то, что волновало писателя более всего, ради чего он покинул Россию, “чтобы издали лучше напасть на своего врага”, могла быть подсказана если не прямо, то косвенно очерками Виардо» [1, с. 9].

Наконец, Тургенев ввел в литературу тему, которая стала едва ли не основной в нашей отечественной судьбе – тему нигилизма, показав не

только ее политическую и культурную злободневность, но и ее философскую и духовную глубину. «Он не только транслировал из европейской культуры образ нигилиста и вульгарного материалиста, но и его отечественный генезис. Так как в России того периода подобное осмысление было вряд ли возможно» [6, с. 21].

По утверждению Мопассана, «благодаря могучему дару наблюдательности, которым обладал Тургенев, ему удалось заметить пробивающиеся ростки русской революции еще задолго до того, как это явление вышло на поверхность. Это новое состояние умов он запечатлел в знаменитой книге «Отцы и дети». И этих новых сектантов, обнаруженных им во взволнованной народной толпе, он назвал *нигилистами*, подобно тому как натуралист дает имя неведомому животному организму, существование которого он открыл» [11, с. 270].

Кроме того, «именно Тургеневу принадлежит честь вполне сознательного использования определенного эстетического принципа для анализа явлений российской действительности – в контексте символов мировой культуры, в сравнении с великими образами европейской литературы, как в прямом соотношении («Гамлет Штирковского уезда», «Фауст», «Степной король Лир»), так и в косвенных параллелях, внутренней рифмовке, становящихся средством характеристики героев» [2, с. 195].

Тургенев «чаще всего стремится не выбирать между полюсами конфликта, а понять каждый, стремится исходить из противостояния, обнаруженного в жизни», тем самым «он в особой форме сохраняет верность... исходному принципу и общему духу целостности и меры...», что дало основание назвать его «наиболее антично соотносенным из всех русских писателей XIX века» [3, с. 18]. «Тургенев дает необычное для европейской культуры, с ее утверждением первородного права на счастье каждого человека, решение. Счастье оказывается индивидуальным выходом из общенародной драмы, чем-то вроде внутренней эмиграции. Трагическим началом пронизаны и индивидуальная и национальная судьба» [4, с. 146].

Авторитет русского литератора огромен. В 1878 г. на состоявшемся в Париже Международном конгрессе писателей под председательством Виктора Гюго Тургенева избирают вице-председателем.

Человеческая же судьба Тургенева драматична и до конца непостижима. Случилось так, что русский писатель, любивший родину, искавший

материал для творчества только в России, годами, десятилетиями жил во Франции. Франция не случайно занимает большое место в творческой и личной судьбе Тургенева. И это феномен его судьбы, его личности, его великой и драматичной любви.

На протяжении почти четырех десятилетий жизнь Ивана Сергеевича была связана с испанской певицей Полиной Гарсиа, ставшей супругой французского искусствоведа, директора Итальянской оперы в Париже Луи Виардо.

За прошедшие десятилетия было немало написано об интригующем «треугольнике», а вернее – об отношениях между выдающимся русским писателем и французской «звездой» сцены. Достойный ответ слишком настырным любителям покопаться в чужих интимных делах дала сама Полина Виардо. Уже после кончины Ивана Сергеевича она заметила, беседуя с художником А.П. Боголюбовым: «Какое право имеют так называемые друзья Тургенева клеймить меня и его в наших отношениях? Все люди от рождения свободны, и все их действия, не приносящие вреда обществу, не подвержены ничьему суду! Чувства и действия мои и его были основаны на законах, нами принятых, непонятных для толпы, да и для многих лиц, считающих себя умными и честными. <...> Ежели русские дорожат именем Тургенева, то с гордостью могу сказать, что сопоставленное с ним имя Полины Виардо никак его не умаляет» [11, с. 355].

В 1875 г. знаменитая певица и ее супруг вместе со своим русским другом Иваном Тургеневым приобрели бывшее имение Жозефины Богарне, первой супруги Наполеона, в Буживале. По соседству с белоснежным каменным особняком с изящной колоннадой автор «Записок охотника» построил двухэтажную дачу, напоминающую его дом в Спасском-Лутовиново. Тургенев будет проводить в «Ясенях» летние и осенние месяцы, а затем будет жить с 1875 и до последних дней, когда скончается в муках от болезни 3 сентября 1883 г.

Именно там, в своем кабинете он написал и закончил некоторые из своих самых значительных произведений. Осенью 1876 года здесь переписывалась «Новь», последний роман Тургенева. Там же в «Ясенях» в 1876 г. Тургенев закончил русский перевод «Искушение Святого Антония» Г. Флобера, которого Тургенев считал своим лучшим другом среди французских писателей. К Бу-

живалю имеют отношение «Сон», «Рассказ отца Алексея» и позднейшие «Клара Милич», «Стихотворения в прозе», предсмертные наброски, записанные под диктовку Полиной Виардо. Очень многие письма помечены Буживалем. «Ясени» в Буживале стали своеобразным очагом, символом культурных связей двух народов.

Во Франции Тургенев с особой настойчивостью пропагандирует Льва Толстого и Достоевского, несмотря на многие личные недоразумения. Он мечтает познакомить Европу с А.Н. Островским, считая его типично русским писателем, и не только рекомендует издателям перевести драму «Гроза» на французский язык, но и сам помогает переводчику. Островского же он уверяет в письме: «Здесь, на чужой земле, мне всё русское еще более близко стало и дорого; – а ни в одном из наших писателей русский дух не веет с такой силой, как в Вас» [10, т. 3, с. 146].

Живой отклик Тургенева находили и книги на русскую тему, издаваемые его французскими современниками. Так, издатель Этцель по настоятельному требованию Ж. Верна посылает его роман о России «Мишель Строгофф» на ознакомление И.С. Тургеневу.

Тургенев не усмотрел ничего предосудительного в том, что Ж. Верн выражает в романе определенное авторское отношение к вероятным событиям: российское самодержавие в лице царя – надежный щит против азиатского варварства. Но, зная хорошо Россию, он критикует автора за отсутствие связи с исторической реальностью: «Книга Верна, – пишет Тургенев издателю, – неправдоподобна – но это неважно: она занимательна. Неправдоподобие заключается в нашествии бухарского хана на Сибирь в наши дни – это все равно, как если бы я захотел изобразить захват Франции Голландией» [9, т. 11, с. 379].

В данном случае мы имеем дело не только с разными творческими натурами, но и с разными национальными мировоззрениями. Одно дело знание материала и действительности, другое – предвидение, определившее популярность произведения Верна. (Фраза «Прекрасно, как “Строгофф”» стала поговоркой среди современников автора).

Живя вдалеке от родины, писатель не прерывал постоянной живой связи с русским искусством.

В «Ясенях» и в «зимней» парижской квартире Виардо и Тургенева на улице Дуэ перебивало множество гостей: писателей, художников, музыкантов, просто почитателей таланта хозяев – из

России, Франции и других стран. С их творчеством Тургенев стремился познакомить Францию и всю Европу. Иван Сергеевич и чета Виардо были на редкость общительными людьми, оставившими добрую память у многих.

Среди желанных гостей были С.И. Танеев, А. Рубинштейн, А. Писемский, Г. Успенский, И. Репин, В.Д. Поленов. Тургенева окружало блестящее музыкальное общество. В гостинной Виардо часто звучала музыка Глинки, Бородина, Чайковского. Сама певица мастерски исполняла русские романсы. «В доме у Виардо, – вспоминал А.П. Боголюбов, – я познакомился с музыкантами Сен-Сансом, Сарасатом (скрипачом), с Золя, Полем Бурже, Ренаном и пр. Все шло под эту кровлю высокого искусства, считая честью быть у гениальной певицы и музыкантки <...> Бывали тут и литературные утра, организованные И.С. Тургеневым для усиления средств русской учащейся в Париже молодежи, которую он поддерживал, не зная отказа, причем иногда был бессовестно эксплуатируем...» [11, с. 337]. К Тургеневу мог явиться всякий. Он постоянно кого-то рекомендовал издателю, о ком-то хлопотал, кого-то опекал, кому-то покровительствовал.

К 70-м годам XIX века в Париже собралась большая группа русских художников. Со многими из них его связывали те или иные контакты: одни писали его портреты, художническую судьбу других он устраивал, не жалея сил, с третьими находился в переписке. Многие молодые дарования оказывались за границей в трудных условиях одиночества и нужды. Поэтому с целью сплочения и взаимопомощи, а также с целью популяризации во Франции русского искусства в 1877 году в Париже было основано «Общество взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже». В течение пяти с лишним лет Тургенев оставался бессменным секретарем «Общества», принимая постоянное и активное участие в его делах: разработке устава «Общества», составлении деловых писем, пригласительных билетов, программ литературно-музыкальных вечеров. Знаменательно, что самым последним выездом Тургенева из дома было посещение Новогодней елки в Обществе русских художников в Париже.

С именем Ивана Сергеевича Тургенева связана и история одной из крупнейших русских библиотек в Западной Европе. Ее возникновение было связано с насущной потребностью русских политических эмигрантов, молодых студентов, заб-

рошенных разными судьбами на чужбину интеллигентов в книгах на родном языке, в русских газетах и журналах. Так, в 1875 году в Париже появилась русская библиотека-читальня. Тургенев горячо одобрил идею революционера Г. Лопатина и обещал всяческое содействие. Он жертвовал библиотеке книги, оказывал помощь деньгами, не раз вносил за библиотеку плату за наем помещения. Тургенев передавал библиотеке сборы от утренников в доме Виардо. После смерти Тургенева в 1883 году общее собрание членов библиотеки постановило присвоить ей имя великого русского писателя. Библиотека им. Тургенева работала в Париже до начала Второй мировой войны, почти полностью уничтожена оккупантами. В 1959 году состоялось второе рождение этого замечательного очага русской культуры в Париже [5].

Тургенев был не только тонким знатоком музыки и талантливым ее слушателем, но еще и музыкальным драматургом. Это совсем неизвестная у нас грань драматургического дара писателя. В 1863 г. П. Виардо оставляет сцену, не желая пережить собственную славу. В Баден-Бадене, где она поселилась, П. Виардо готовила к оперной карьере учениц со всех концов света. Певица задумала для своей школы вокального искусства завести театр и писать для него музыку модного и необычайно популярного тогда в Европе жанра – оперетта. Тургенев решает помочь Виардо в ее композиторском дебюте, возбудить ее музыкальную фантазию и создает либретто комических опер. Писал он их по-французски. Русские тексты их были впервые напечатаны в России в 1964 г., почти через сто лет.

Восторженно называя своего старшего друга «одним из величайших гениев русской литературы», Ги де Мопассан писал, что Тургенев «всегда будет одним из тех, кому Россия должна быть обязана глубокой и вечной признательностью, ибо он оставил ее народу нечто бессмертное и неоценимое – свое искусство, незабываемые произведения, ту драгоценную и непреходящую славу, которая выше всякой другой славы! Люди, подобные ему, делают для своего отечества больше, чем люди вроде князя Бисмарка: они стяжают любовь всех благородных умов мира» [11, с. 271].

Таким образом, и современники Тургенева, и исследователи его биографии и творчества высоко оценивают вклад писателя в процесс взаимовлияния русской и европейской, прежде всего французской, культур.

Интерес к русской литературе во Франции, в том числе благодаря многогранной личности и таланту И.С. Тургенева, личная судьба которого была связана с этой страной, объясняется не только стремлением заглянуть в глубины «загадочной русской души». Русская литература для европейского читателя была и остается в той или иной степени средством осознания самобытности культур через сравнение и противопоставление.

Еще не полностью изученное эпистолярное наследие Тургенева открывает новые грани чрезвычайно многообразного и насыщенного диалога культур и предполагает обращение к нему в дальнейшем исследовании.

Библиографический список

1. Генералова Н.П. И.С. Тургенев в контексте русско-европейских литературных связей: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / ИРЛИ РАН. – СПб., 2001. – 29 с.
2. Кантор В.К. Русский европеец как явление культуры. – М.: РОССПЭН, 2001. – 704 с.
3. Кнаббе Г.С. Античное наследие Тургенева и истина либерализма // Международная конференция «Россия – Тургенев – Европа». – М.: Библиотека-читальня им. И.С. Тургенева, 2003. – С. 19–21.
4. Маркович В.М. Тургенев и русский реалистический роман XIX в. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. – 208 с.
5. Петровский Н. По следам Тургеневской библиотеки // Эхо планеты. – 2000. – №47. – С. 26–29.
6. Рябов М.Ю. И.С. Тургенев и «русская» Европа // Международная конференция «Россия – Тургенев – Европа». – М.: Библиотека-читальня им. И.С. Тургенева, 2003. – С. 19–21.
7. Сабурова Т.А. Европа в пространственных представлениях русской интеллигенции первой половины XIX века // Международная конференция «Россия – Тургенев – Европа». – М.: Библиотека-читальня им. И.С. Тургенева, 2003. – С. 11–16.
8. Труайя А. Иван Тургенев / Перев. с франц. Л.Д. Сережкиной. – М.: ЭКСМО, 2003. – 320 с.
9. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 28 томах. Письма в 13 томах. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1961–1968.
10. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Письма в 18-ти томах. – М.: Наука, 1982–1991.
11. Тургенев в воспоминаниях современников / Сост., вступ. ст. и комм. В.Г. Фридлянд. – М.: Правда, 1988. – 560 с.

О.В. Румянцева

УСАДЕБНЫЙ КОМПЛЕКС НЕРОНОВО КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФОРМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ ЕЕ ВЛАДЕЛЬЦА

В статье на материале солигаличской усадьбы Нероново рассматривается, как усадебный комплекс становится формой творческой самореализации ее владельца и как особенности его личности отражаются в образе усадьбы.

Весь XVIII век проходит в России под знаком приближения к Европе, что нашло выражение буквально во всех сферах русской жизни. Это особенно характерно для второй половины столетия, когда под влиянием идей эпохи Просвещения русский дворянин стремился не только внешне походить на европейца, но и внутренне. В связи с чем, становится актуальной проблема развития личности русского человека, в данном случае дворянина. В Европе это было характерно для третьего сословия, которое в век Просвещения начинает осознавать свою силу. В России же из-за особых общественно-политических и социальных условий проблема осознания себя как личности касается в основном представителей дворянства. После Указа 1762 года русский дворянин все чаще начинает чувствовать

себя личностью свободной и иногда даже самодостаточной. Вторая половина XVIII века в русской культуре стала временем окончательного разделения «Я» и «МЫ». Именно в этот период в России происходит противопоставление мира общественного и мира личностного. Указ Петра III, как известно, давал возможность дворянину нигде не служить и заниматься своими имениями, которые до того, по причине отсутствия хозяина, часто находились в запустении. Но дворянин, покинувший придворную или военную службу, должен был искать новые возможности самореализации. Эту возможность дало создание особого мира в своей усадьбе, где помещик являлся полновластным хозяином. По сути, полностью свободным дворянин и был только в своей усадьбе. Утверждение личностной свободы приближа-

ет дворянина к европейцу, дает возможность творческой реализации. Материализованным воплощением этого стал усадебный комплекс, основные составляющие которого: дом, парк, портретная галерея, — явились эстетически и философски наполненной формой репрезентации владельца.

Усадьба Нероново Солигаличского уезда Костромской губернии относилась к числу богатых и крупных провинциальных усадеб, где хозяйственная деятельность владельца органично сочеталась с жизнью культурной и творческой. Нероново с 1697 года и 1917 года принадлежала Черевинным, что делает ее настоящим «гнездом» одного дворянского рода.

Петр Иванович Черевин (1733–1813), при котором усадьба становится хозяйственно и культурно развитым центром, в 1761 году вышел в отставку и занялся обустройством родового гнезда. В 1780-х годах здесь началось строительство нового каменного дома, Воскресенской церкви и планировка пейзажного парка. О самом Петре Ивановиче известно немного. Начиная он свою службу корабельным учеником в Архангельске, в 1761 году числился поручиком, затем был переведен на статскую службу с чином секунд-майора и вышел в отставку. В 1767 году снова стал служить на гражданскую службу. В 1782 — был выбран предводителем дворянства Усольской (Солигаличской) округи Костромской губернии [1, с. 288]. В основном это сведения об его службе. Какой он был личностью, можно было судить по его переписке и по усадьбе, в которой П.И. Черевин выстроил свой собственный мир. Письма Петра Ивановича погибли во время пожара в Костромском архиве. Частично осталась лишь усадьба, фотографии и чертежи, на которые и можно в определенной степени ориентироваться, реконструируя личность владельца Нероново.

Как и большинство русских усадеб, Нероново гармонично вписано в окружающий пейзаж. Примерно до середины века господский дом традиционно старались скрыть от посторонних глаз. После 1762 года, когда в имении происходит смешение столичного быта с сельским, усадьбу начинают располагать и планировать по-новому. Ее стараются представить в наиболее выигрышном свете перед подъезжающими гостями. Архитектурный комплекс Нероново располагался на значительной возвышенности, как бы являя собой «высшую точку» Божьего творения — окружающего пейзажа, как части природы в целом. В этом

ее отличие от большинства усадеб Костромской земли, где найти возвышенность не так просто. К усадебному дому подъезжали по круто ведущей вверх аллее, обсаженной лиственницами. Выше усадьбы во всей окружающей местности оказывались только небо и сам Творец. А человек, создавший микрокосм усадебного мира, не только в переносном, но и в прямом смысле слова приближался к Богу.

Храм Воскресения, располагавшийся при въезде в усадьбу, был прямым свидетельством служения хозяина имения Господу. В России в то время именно церковь во многом связывала русского дворянина, стремящегося к европейским идеалам, с исконной культурой допетровской России. Воскресенская церковь в Нероново — одна из самых выразительных в Солигаличском уезде. Строительство ее началось около 1780 и в целом завершилось к 1793 году. Своих крепостных Петр Иванович Черевин специально отправлял в Москву и Петербург для обучения различным ремеслам [1, с. 290]. Стремление Черевина не ограничиваться доморощенными зодчими, резчиками и живописцами, а привнести в свой мир элементы столичной культуры свидетельствует о его высоком уровне образованности и тонком художественно чутке. Прекрасный художественный вкус хозяина и, как бы мы сегодня сказали, «креативность» — то есть способность и желание человека к творчеству, — чувствуются во всех составляющих нероновского комплекса. Усадебный мир в провинции — это, прежде всего, мир для себя. Он должен быть удобен в первую очередь тому, кто его создал. А значит, на основе того, как этот мир устроен, можно многое рассказать и о его владельце.

Воскресенская церковь, выстроенная в барочном стиле, одновременно сочетает в себе типичные и оригинальные черты. Обращает внимание рустовка барабанов церкви. Для пятиглавого храма это явление чрезвычайно редкое. Внутри церкви — великолепный резной барочный иконостас, отличающийся тонким использованием резьбы, тактичным сочетанием лазурной краски и позолоты. Это свидетельствует о том, что, возможно, изготавливали иконостас крепостные, обучавшиеся мастерству в Петербурге. Росписи в храме нет, что тоже не совсем обычно, ее заменяют написанные маслом на холсте картины с изображением праотцев. Вероятно, написаны они, как и иконы для иконостаса, были к окончанию строительства храма.

В барочном же стиле в 1780-х годах начинает строиться новый каменный усадебный дом — один из самых красивых и богатых усадебных домов губернии. Однако для русской архитектуры этого времени уже характерен классицизм. Но в провинции, а тем более, усадебной, мода часто запаздывала. Кроме того, презентабельный, торжественный и по-своему изящный барочный дом мог в большей степени удовлетворять вкусы хозяев усадьбы. Когда в годы своей молодости Петр Иванович бывал в столицах, ранний классицизм еще только начинал появляться в русской архитектуре, и, по-видимому, стиль барокко в создании П.И. Черевина прочно олицетворял дворцы столичных вельмож. Так или иначе, но присутствующие в нероновской архитектуре элементы барокко делают ее выделяющейся в ряду многих русских усадеб, так как барочных усадеб сохранилось чрезвычайно мало. Но дом в Неронове не является типично барочным в общеевропейском понимании. Он скорее относится к типу «русского барокко», отмеченному значительным влиянием развивающегося классицизма.

Если церковь стоит при въезде на территорию усадьбы, то господский дом — буквально в центре усадебного комплекса. Что недвусмысленно свидетельствует о том, кто стоит во главе этого искусственно созданного мира. У нероновского дома нет центрального парадного входа, к которому традиционно подводила главная въездная аллея. С южного фасада в дом ведут два боковых входа, парадная лестница, ведущая на второй этаж, расположена в юго-западном углу, что не совсем обычно для архитектуры того времени. Нижний этаж дома состоял из большого числа служебных помещений, во втором этаже находился парадный двухсветный зал, отделанный зеркалами, с хорами и вазами антикизирующего стиля. На антресолях располагались жилые комнаты. «Комнаты второго этажа обогревались изразцовыми печами и каминами, украшенными колонками коринфского ордера и фамильным гербом дворянского рода Черевиных. Стены некоторых помещений (например, в гостиной) были обиты цветными тканями с растительным орнаментом. Полы набирались из дорогих пород дерева (бук, дуб, орех). В убранстве комнат второго этажа вплоть до начала XX века сохранялись бронзовые светильники (люстры и бра), филенчатые двери с медными дверными ручками, лепные медальоны на полках, старинная мебель в стиле ампира» [4, с. 72].

Это был действительно роскошный дворец знатного и богатого помещика, для своей округи уникальный. Но его роскошь была изысканная и утонченная, на всем лежала печать хорошего вкуса хозяина. Все соответствовало столичным веяниям, но в то же время было удобно и устроено по вкусу владельца.

На наш взгляд, именно в смежной с парадным залом гостиной находились, портреты фамильной галереи Черевиных, созданные Г. Островским. Неизвестно, кем он был по происхождению и откуда приехал в Неронове. Возможно, он также был посылаем П.И. Черевиным в Москву или Петербург для повышения мастерства. Так или иначе, П.И. Черевин сумел найти мастера действительно незаурядного, и в этом его несомненная заслуга. В усадебной галерее наряду с характерными для провинциальной художественной культуры портретами, в которых еще присутствуют парсунные черты, появились изображения, несущие печать стиля Ф. Рокотова, И. Вишнякова и даже Л. Каравака. Нельзя не отметить художественное чутье Петра Ивановича, заказавшего (во всяком случае, не отвергнувшего) портрет своего сына Дмитрия, выполненный в новой камерной манере. На момент 1774 года камерный портрет выглядел в провинциальной усадьбе еще достаточно непривычно, свидетельствуя о высокой художественной образованности, как художника, так и заказчика. Портрет маленького Дмитрия Петровича, где на первый план выходит не социальный статус, а внутренний мир модели, свидетельствует о новых воспитательных воззрениях Петра Ивановича. Не случайно в библиотеке Нероново хранились сочинения Ж.-Ж. Руссо, совершившего переворот в вопросе воспитания подрастающего поколения.

Помимо обязательной почти для каждой усадьбы портретной галереи, в Неронове было и собрание картин на историческую и мифологическую тематику. Интерес к сюжетной живописи в большей степени характерен для образованных и интересующихся искусством дворян. Коллекционирование произведений искусства становится во второй половине века занятием все более распространенным, что свидетельствует о появлении особого типа знатока и собирателя, к которому, похоже, относился и П.И. Черевин. На наш взгляд, часть этих полотен появилась уже при нем, так как Неронове в основном сформировалось во второй половине XVIII — начале

XIX веков, а впоследствии использовалась лишь как летняя резиденция.

Живописные полотна, за неимением специальной картинной залы могли располагаться в диванной, гостиной, кабинете, библиотеке и оружейной комнате.

До революции в Нероново хранился богатый архив, частью которого была переписка Черевиных с родственниками, жившими в Париже. Семейные архивы имели многие усадьбы того времени. Это были не только документы, нужные для ведения хозяйства, но и материалы, свидетельствующие об истории семьи и имения, что в случае необходимости служило письменным подтверждением древности рода и его прав на те или иные земли. В частности, в Нероново хранились первые жалованные грамоты Федору и Неклюду Черевиным 1515 года [1, с. 305].

Еще отец Петра Ивановича – Иван Григорьевич начал собирать усадьбную библиотеку, интенсивно покупали и выписывали книги его сын и внук. Ядро библиотеки составляли книги по естествознанию, медицине, технике, математике. Среди французских изданий преобладали произведения Вольтера, Монтескье, Руссо, Дидро.

Более редким явлением в русских усадьбах были коллекции старинного оружия. В доме Черевиных существовала специальная оружейная комната с прекрасным собранием оружия. После национализации усадьбы коллекция была описана и насчитывала 41 экземпляр. Формироваться она начала еще в XVIII столетии, когда по возвращении из военных походов хозяева привозили в усадьбу военные трофеи, среди которых было и оружие. Первыми экземплярами коллекции, возможно, стали «две чугунные пушки XVIII века и медная шведская пушка, отлитая в 1789 году» [3], а также несколько ружей XVIII столетия, корабельные и шлюпочные пушки. Иван Григорьевич и Петр Иванович Черевины служили в морском флоте. Иван Григорьевич известен как автор записок по морскому делу. Соответственно, коллекция начала формироваться с тех экземпляров оружия, которые имели непосредственное отношение к хозяевам усадьбы, что также являлось зримым подтверждением заслуг Черевиных перед Отечеством.

Отдельной формой художественной репрезентации владельца усадьбы являлся усадебный парк, который был не только местом эстетического любования, но и маленькой сконцентриро-

ванной вселенной, созданной по вкусу хозяина, но в рамках веяний эпохи.

В Нероново основной массив пейзажного парка располагался справа от господского дома, что не совсем традиционно и связано с особенностями рельефа. Композиционным центром его были четыре квадратных искусственных пруда, с проложенными между ними аллеями. С востока пруды огибала полукольцевая аллея с интересными смотровыми точками, с которых последовательно открывался вид на пруды, церковь, господский дом. Оси прудов образовывали крест, в центре которого, вероятно, располагалась беседка, имевшая, как и большинство парковых павильонов того времени, особую смысловую и эстетическую наполненность.

Мы разделяем точку зрения Д. Ойнаса, считающего, что «Водный партер» в символической форме передает увлечение Черевиных мазонством [1]. Но, на наш взгляд, это могло касаться и Петра Ивановича, а не только его сына. Ведь в 1780-е годы – период обустройства усадьбы, а именно к этому времени, скорее всего, относится разбивка этой части парка, его сын был еще слишком юн. Документальных доказательств того, что П.И. Черевин или Дмитрий Петрович состояли в масонской ложе, нет, но в последней четверти XVIII – начале XIX веков масонами были многие весьма достойные представители русского дворянства. Именно в царствование Екатерины II русское мазонство пережило свой «золотой век». Одним из своих постулатов мазонство констатировало самосовершенствование человека, «строительство» нового мира, а точнее Храма, который есть символ движения к Богу и духовного совершенствования. Но именно совершенствование человека и создание идеального мироустройства были задачами и усадебной жизни.

Парковый ансамбль в Нероново – один из самых продуманных и гармонично скомпонованных. «Для представителей высшего класса общества необходимо было проявлять интерес к живописи, скульптуре и архитектуре. Это было «essential attribute» (необходимый признак) воспитанного человека. Признаками хорошего вкуса хозяина были, прежде всего, сад и парк. Поэтому на сады тратились в конце XVIII и начале XIX века огромные средства. Стоимость сада в конце XVIII и начале XIX века была почти равна стоимости дворца» [2, с. 202–203]. Петр Иванович не пожалел ни средств ни стараний на обустройство своей усадьбы.

Все хозяйственные постройки были вынесены на периферию усадебного комплекса, а ядро его составляли жилая и парковая зоны, представляющие единый гармонично спланированный комплекс. Многие хозяйственные постройки были созданы при Д.П. Черевине в начале XIX века в классицистическом стиле: дом управляющего, хозяйственный флигель, дом помощника управляющего, баня, амбар, церковная сторожка. Конечно, здания подобного назначения были в усадьбе и раньше, но, где конкретно они располагались, сказать сложно. Несомненно, одно: центральное ядро усадьбы начало формироваться уже при Петре Ивановиче. В начале XIX века Петр Иванович играл не последнюю роль в застройке усадьбы, так как до самой смерти в 1813 году считался ее хозяином. Дмитрий Петрович пережил отца всего на пять лет (ум. 1818).

Ближе к реке Вексе четко спланированный пейзажный парк переходил в более естественный. Здесь вырыт большой господский пруд с купальней, закрытой кустарником. В этой части парка было много прогулочных дорожек и тропинок, с которых открывались разнообразные виды, и на парадную еловую аллею, ведущую к усадьбе. Именно в этом месте понятнее становится парадная аллея, очень длинная, кажущаяся бесконечной. Для нее выбрана такая кривая, которая позволяет воспринимать небольшую усадьбу в непрерывно меняющихся видах, поэтому она кажется больше, чем она есть на самом деле [1].

В Нероново хозяйственная часть и жилая, с домом и парком, были практически равны. Петр

Иванович показал себя одновременно и рациональным хозяином и творчески восприимчивым человеком, обустроившим Нероново по типу богатых подмосковных усадеб. С одной стороны, Нероново соответствовало всем основным правилам построения усадебного комплекса. С другой, практически в каждой его части можно найти нечто необычное, отличающее усадьбу от прочих. Что, без сомнения, является результатом влияния личного вкуса хозяина.

Замыслив создать не просто место, удобное для жилья, но, прежде всего, целостный усадебный ансамбль, который свидетельствовал бы об уровне образованности и культуры владельца, П.И. Черевин практически сразу приступил к строительству нового дома, разбивке парка и созданию картинной галереи. Такая одновременность очень характерна и свидетельствует о том, что Нероново мыслилось владельцем не как постепенно обустраивающееся местожительство, а как гармонично развитый микрокосм, который необходимо было создать «здесь и сейчас».

Библиографический список

1. Костромская усадьба / Т.В. Йенсен, И.Ю. Кондратьева, Д.Б. Ойнас, А.И. Сорокин. Костромская усадьба. – Кострома, 2005. – 597 с.
2. Лихачев Д.С. Поэзия садов. – СПб.: Наука, 1991.
3. Новожилова Л. Ружья, шпаги, палаши // Костромская старина. – 1998. – №10–11. – С. 59.
4. Солигалич / Е.В. Кудряшов. Солигалич. – Ленинград: Художник РСФСР, 1987. – 207 с.

И.М. Фатеева

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КРИТИК В.В. СТАСОВ О ПРОБЛЕМЕ ЭСТЕТИЗАЦИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ СРЕДЫ

В соответствии с главной целью исследования эстетических основ художественно-критической деятельности В.В. Стасова (1824–1906), рассматривается вопрос об отношении критика к проблеме эстетизации материальной среды, в условиях развивающегося индустриального производства. Анализ такой многоаспектной проблемы позволяет выявить новые грани важных принципов стасовской эстетики, и получить определённый исторический опыт в решении, остающейся актуальной, проблемы эстетизации материальной среды.

В XIX веке буржуазная цивилизация европейских стран начала явственно ощущать результаты промышленной революции. Привычный окружающий человека мир на глазах превращался в технический, с которым гармонические отношения складывались далеко не сразу; изменения предметно-пространственной среды часто не получали эстетического одобрения общества. В. Кисунько, рассматривая реакцию на «деэстетизацию» среды с развитием индустриального производства, пишет, что «ничто другое во второй половине XIX века не подвергало общесоциальные и эстетические позиции того или иного мыслителя и художника столь строгой проверке, как характер отношения к новым реалиям предметно-пространственной среды, порождённой капиталистическим производством» [3, с. 34].

Художественный критик В.В. Стасов, с присущей ему широтой охвата явлений искусства, не остался в стороне от проблемы эстетизации материальной среды. Общеизвестный европеизм Стасова не был слепым. Хорошо знакомый с достижениями европейской культуры и науки и часто обращающий свой взор на Россию из самой Европы, он, осознавая неадекватность условий, всё же видел эстетизацию предметно-пространственной среды как общую цель всех народов в процессе демократизации самой жизни. Его позиция в этом вопросе представляет интерес в связи с проблемами национальности, народности искусства, развития архитектуры и прикладных искусств, зарождающейся в то время дизайнерской деятельности, воспитания художественного вкуса у народа.

Материалистическое мировоззрение, вера в разум, в будущность человечества позволили Стасову позитивно воспринимать технические достижения буржуазной цивилизации. Проявления технического прогресса связывались им с задачей облегчения повседневной жизни людей. Научно-технические открытия, изобретения ок-

рыляли его. Так, в письме к Толстому он рассуждает: «На что ездить на лошадях, когда есть электричество и десятки других двигателей, которых число будет, конечно, всякий день <...> умножаться. К чему седлать, запрягать, <...> бесчисленные машины способны перевозить и переносить не только на тысячи вёрст, но и на пять шагов от одного места до другого и не только сотни и тысячи людей, но и одного человека, подобно всем лифтам» [5, с. 95–96].

Исходя из демократических позиций, Стасов принял техническое обновление мира. Осведомлённый в достижениях передовой научной мысли, он отметил 1851 год (год первой Всемирной выставки в Лондоне) как год, начинающий «счёт новой эры в промышленности и художественном творчестве главнейших европейских народов» [8, с. 539].

Целостность мировосприятия позволила Стасову рассматривать все виды искусства в их взаимосвязи и исторической обусловленности. По его убеждению, «настоящее, цельное, здоровое в самом деле искусство существует уже лишь там, где потребность в изящных формах, в постоянной художественной внешности простёрлась уже на все сотни тысяч вещей, ежедневно окружающих нашу жизнь. Народилось настоящее, не призрачное, народное искусство лишь там, где и лестница моя изящна, и комната, и стакан, и ложка <...> и так до последнего предмета – там уже, наверное, значительна будет и интересна по мысли и форме и архитектура, и вслед за нею живопись и скульптура. Где нет потребности в том, чтобы художественны были мелкие общежитейские предметы, там искусство растёт ещё на песке, не пустило ещё настоящих корней; там оно покуда аристократический гость» [8, 540]. В этой объёмной цитате из обзора «Нынешнее искусство в Европе» (1873 г.) прослеживаются важные мысли Стасова: об эстетизации материальной среды как о глубинной в историческом и органичной в художественном плане связи предмет-

ного мира и архитектуры, о первичности художественных ремесел (прикладного искусства) по отношению к архитектуре.

Немецкий архитектор и эстетик Г. Земпер, в своём труде «Практическая эстетика» (1860–1863 гг.) писал: «Рассмотрение этих видов (художественных ремесел, прикладного искусства. — И.Ф.) тоже входит в число наших задач, при чём в качестве первоочередной; <...> в связи с тем, что они подчинялись <...> своего рода своду законов практической эстетики, ещё до создания монументального искусства, позаимствующего у них <...> уже сложившийся язык форм, <...> и главным образом потому, что <...> малые искусства более всего подвержены влиянию современного состояния народного образования и воспитания и современных тенденций; для поднятия общего уровня понимания искусства, к чему мы стремимся <...> нет ничего более необходимого, чем добиться этого в области технического (прикладного) искусства» [1, с. 177].

Комментируя это высказывание, В.Р. Аронов замечает, что «такая постановка вопроса дала возможность Земперу оказаться одним из наиболее прогрессивных ведущих теоретиков» [1, с. 10].

Стасов одним из первых в России высказал мысли, подобные земперовским. Занятая им позиция в данном вопросе говорит об известном совпадении в развитии отечественной и западной теорий. Но пути практического решения проблемы на родине критика, безусловно, определялись сложными условиями развития русской культуры второй половины XIX века.

«Здоровое» искусство Стасов понимал как искусство для народа. Соответственно, процессы «демократизации искусства» и «демократизации предметно-пространственной среды» он считал взаимообусловленными. Эстетическое освоение среды обитания человека труда мыслилось им с неперенным активным участием самого человека труда. Утверждая, что «искусства близко стоят к ремеслу и как всегда надо скорее ожидать рождения художников из среды простого народа, из среды ремесленников» [9, с. 517], он находил в народе потенциальный источник творческих сил, а в самом народном искусстве — бесчисленное количество образцов народных форм, орнаментальных мотивов.

В свете общего движения искусства XIX века по пути народности, национальности Стасовым определялось и направление процесса эстетиза-

ции среды. Он пишет: «У нас есть прошедшее дорогое и неизгладимое, от которого мы ни за что не отступимся» [11, с. 44], «национально-русская и вместе с тем ориентальная нота, нам везде и повсюду близко родственная в искусстве» [11, с. 45]. Как видим, Стасов согласен с Земпером относительно важности поиска «корней» в первичной форме.

Тема эстетизации материальной среды проходит через все статьи критика, посвященные Всемирным выставкам. Цель Выставок видится ему в том, чтобы «светить маяком», «направлять, будить, окрылять все лучшие силы тех, чья жизнь от начала и до конца посвящена изобретению, работе и движению вперёд разнообразнейших жизненных условий» [8, с. 527]. В таких работах критика, как «После Всемирной выставки 1862 года», «Нынешнее искусство в Европе» (1873), разворачиваются величественные картины достижений человеческой мысли и одновременно звучит горькая досада по поводу всегдашней отечественной рутины, невежества, незаинтересованности. Стасов призывает оценить творческую инициативу других народов, извлечь необходимый опыт. Он описывает Выставку как наглядный образец практической эстетической деятельности, где всё призвано «подействовать на художественную струнку в каждом человеке» [8, с. 539]. Воспринимая предметно-пространственное окружение целостно, критик неоднократно повторяет мысль о важности устройства самой экспозиции — «формы представления» [8, с. 540], так как «это не такое условие, через которое можно безнаказанно перескочить» [8, там же] — «тут нужны художники, нужны люди со вкусом и смыслом, нужны люди с художественным воображением, изобретательностью» [8, с. 530]. Находя в русских отделах Выставок всегда один и тот же «хаос», «толкучий рынок», призывая соотечественников учиться, Стасов обращает внимание на размещение и группировку предметов с тем, чтобы стала ясна «специальность» и «техническая задача» [8, с. 548], их объединяющая.

Рассуждения критика о представлении предметов на Выставках созвучны с практическими предложениями Земпера, рекомендовавшего «создать определённое глубокое впечатление, способное доставить удовлетворение художественному чувству посетителей» [1, с. 84] и «одновременно руководствоваться историческими, этнографическими и технологическими принци-

пами» [1, там же]. В статье же «Наука, промышленность и искусство» Земпер, вспоминая Лондонскую выставку 1851 года, совсем по-стасовски пишет о соседстве с американским «пышного русского раздела, в котором лучшие народные изделия были запрятаны по углам, а в центре были вещи, щеголявшие пёстрым чужеземным оперением, что вызвало отрицательные отзывы» [1, с. 82].

Изучив европейский опыт, Стасов предлагает конкретные решения проблемы эстетизации материальной среды в России. Как просветитель, он возлагает надежды на воспитание художественного вкуса, эстетических понятий, уже отмеченной ранее «художественной струнки» в народе. В этом он следует задачам, поставленным ещё Шиллером, считавшим, что «только из эстетического, а не из физического может развиваться моральное состояние» [4, с. 361] человека.

Для Стасова это – «важное историческое дело» [11, с. 43], которое уже начинается на открывающихся Выставках, а также в музеях. В письме к В.И. Бутовскому (1871 г.) он пишет об организации «музеев на европейский лад – единственно возможный, чтобы заинтересовывать людей и протирать им глаза» [12, с. 218]. А уже в 1882 году им обнаруживаются некоторые результаты такого эстетического просвещения – «На выставку нынче ходит сам народ: мужики, бабы, солдаты, фабричные – массажи» [9, с. 125]. «Не историческое ли это событие у нас? <...> эти люди смотрят, думают и понимать начинают» [9, с. 126].

Не переоценивая роли музеев и выставок, Стасов смотрел на проблему практически. Окружающая действительность его возмущает: «Нельзя смотреть на все те предметы, среди которых происходит целый наш день, вся наша жизнь» [11, с. 42]. Поправить это, по убеждению критика, должен художник, творящий для народа в формах самого народа. Следя за деятельностью Григоровичевской и Штиглицевской школ, готовящих художников по части «служебного» искусства, он с гордостью пишет об успехах учеников первой, которые «разнесли по всей России понятие об изящном искусстве, служебном для обыденной вседневной жизни, понесли с собой повсюду искорки художественного жара и одушевления, любви и удивления ко всему талантливому и прекрасному, что сделала Европа и Азия, но всего более любви и одушевления к “маленькому”, служебному, бытовому искусству старой коренной нашей Руси» [11, с. 43].

Никогда не упуская из вида «настоящее жизненное значение искусства» [12, с. 35], Стасов понимал проблему эстетизации среды как одну из важных задач, стоящих перед искусством. В историческом прошлом он находит, «что все художники, всех народов (в том числе художники самые высокие и гениальные) никогда не чуждались того, что <...> кажется мелким, ординарным, слишком житейским!». А, говоря о своём времени, с удовлетворением констатирует, что сегодня у «искусства и его науки (эстетики) оказалась целая глава и целый отдел, которые называются «прикладным искусством» («arts industriels», «Kunstindustrie» художественная промышленность и т.д.), куда входят и опяхало, и стол, и стул, и миниатюра, и колонна, и капитель, и всякий орнамент <...> и т.д. и т.д. без конца, и никто не думает изгонять их из области искусства! [12, с. 35].

В современном нам мире вся предметно-пространственная среда в основном определена архитектурой и дизайном, тесно связанными между собой. Если архитектура возникла в глубокой древности с развитием государственности, то дизайн, как особый вид проектно-художественной деятельности, – явление, порожденное массовым промышленным производством, и его истоки можно обнаружить в XIX веке. В истории дизайна об этом говорится так: «Промышленная революция конца XVIII – начала XIX веков привела к замене мануфактурного и ремесленного производства крупной машинной промышленностью, появлению нового, по сути дела технического мира, к массовому производству наукоёмкой техники, разнообразных дешёвых и высококачественных товаров» [6, с. 44]. Новый «технический мир» оказал влияние на мировоззрение людей. Развивающаяся техника, в сознании одних, представлялась угрозой всей человеческой культуре, для других – была потребностью развивающегося общества. Стасов, написавший в письме к Толстому: «Я верую в исчезновение (хотя бы через тысячу лет) всякого ручного труда...» [5, с. 101], принял машинное производство. В XIX веке многие не разделяли такого взгляда, им хотелось назад в мир привычных предметов, выполненных рукой искусного ремесленника. Стасов увидел, что задачу эстетизации материальной среды в индустриальном обществе призвано решить не только одно искусство (как это было в эпоху ручного ремесленного труда), но и промышленность, такая область, как «Kunstindustrie».

Это было время, когда зарождались теоретические предпосылки дизайна, связанные, в первую очередь, с движением английских художников и искусствоведов за связь искусства и ремесел. Английский мыслитель, искусствовед, эстетик Джон Рёскин, известный своей религиозно-идеалистической концепцией искусства и красоты, выступил с критикой машинной цивилизации. Стасов, знакомый с публикациями английского эстетика, положительно оценил роль Рёскина как «глашатая, истолкователя и защитника» [10, с. 601] движения прерафаэлитов в Англии, выступавших против академического искусства. Но с задачей искусства в истолковании Рёскина он не мог согласиться. Известно, что в буржуазном обществе с его разделением труда Рёскин увидел лишь разрушающее воздействие технического прогресса и на человека, и на природу. Он призывал назад, к ремесленному труду, соединяющему в себе труд умственный и физический, который, по его мнению, один способствует развитию искусства.

Стасов считал неправильным решать проблему эстетизации среды, двигаясь назад от технического прогресса. Ему, как и Рёскину, был дорог элемент прошлого в народном, национальном художественном сознании, но, в отличие от английского эстетика, его взгляды в этом вопросе не носили утопического характера; для него народное искусство было тесно связано с художественной промышленностью и развивающимся индустриальным производством.

В этом контексте можно говорить о прогностичности взглядов Стасова, видевшего в художественной промышленности канал, по которому эстетическое входит в обывденную жизнь, а искусство «служит глубоким общим потребностям и опирается, прежде всего, на многостороннее техническое и художественное развитие главного, низшего пласта народной массы» [8, с. 533]. Благодаря демократическим взглядам критика и его позитивному отношению к техническому прогрессу, он вплотную приблизился к задачам эстетизации среды в условиях начинающегося развития машинного производства и значительного выпуска массовой продукции. Он вполне мог представить себе эстетически освоенным и продукт машинного производства, так как полагал, что «совершенен каждый предмет только тогда, когда доходит до степени изящества, художественности» [8, с. 539]. А для этого критик требовал участия художника в промышленности. Но

вопрос, – какой быть «форме» предмета, для него был предопределён временем, обращением к народному искусству, декоративному мотиву.

Г. Земпер в своей «Практической эстетике» пытался предвосхитить, «как <...> по-новому создавать формы на основе первичных мотивов, <...> в условиях прогресса современной техники» [1, с. 55], но сознавался, что ответ «крайне не ясен» [там же]. На практике архитектор Земпер часто склонялся к эклектике; но в своей теории он всё же был на верном пути и мог бы дать в руки Стасову своеобразную «нить Ариадны»; утверждая: «В бесконечном разнообразии мира форм именно отказ от готовых форм приводит к характерной значимости и неповторимой красоте» [1, с. 53]. В этом был шаг Земпера-теоретика навстречу модерну. Но модерна Стасов не принял, не увидев в нём знакомых мотивов.

О предвосхищении Стасовым будущей дизайнерской деятельности можно говорить лишь в плоскости его социально-политических взглядов, а не в эстетических. В практическом плане, будущая дизайнерская деятельность в XX веке, была подготовлена английскими художниками объединения «Движения за связь искусства и ремесел», такими как У. Моррис.

В решении проблемы эстетизации среды, безусловно, важен взгляд критика на архитектуру, представляющую собой организованную пространственную среду жизни человека, содержащую в себе весь многообразный предметный мир. Анализируя и оценивая взгляды Стасова на архитектуру, необходимо исходить из целостности его мировоззрения, с учётом главных принципов его эстетики – национальности, народности искусства, реализма.

Стасов, следящий за развитием европейской архитектуры, не пропустил начала нового. Он (в отличие от многих, в том числе известного английского искусствоведа Дж. Рёскина) приветствовал строительство знаменитого Хрустального Дворца Дж. Пакстона на Всемирной выставке в Лондоне в 1851 году. Критик констатирует: «новая архитектура родилась» [10, с. 500]. В «стеклянно-железной» архитектуре он обнаруживает «разум», «логику» и открытость к жизненной потребности (учитывая историческое стремление англичан к огромным освещённым пространствам, а также их успехи в области «железного производства»). По словам Е.И. Кириченко, Стасов одобрил «новый принцип формобразова-

ния, рождённый новизной и демократизмом социального заказа – функциональных потребностей, новых материалов и конструкций. <...> Как и для рационалистов, для Стасова очевидна связь между мыслью о стилеобразующем значении материала и конструкции и социально-политическим условиями, сделавшими возможной реализацию этого принципа» [2, с. 217]. Действительно, для критика «стеклянно-железная» архитектура, это не только «инженерная смелая техника» [10, с. 506], но и – художественный стиль, который при соответствующих фантазии и таланте «архитекторов-строителей» (двойственный характер исполнителей не случаен; он связан у Стасова с практической стороной дела – с развитием индустриализации строительства) ждёт в будущем «новый и широкий художественный расцвет» [10, с. 503].

Восторженный отзыв Стасова о такой архитектуре звучит в следующих строках: «В его (англичанина. – *И.Ф.*) душе зачалось и выросло зерно, из которого разрастается целый мир новых форм и сочетаний, он сложил вместе все приобретения, все силы новой науки и технического знания и создал вдруг, из материалов и умения, одному нашему веку принадлежащих, то никогда ещё не воздвигавшееся здание, которое было невозможно всему прежнему человечеству» [8, с. 111].

Проанализировав подобную архитектуру за вторую половину XIX века, Стасов признал «сущность и свойство архитектуры» [10, с. 503], родившейся из недр машинного производства, в соответствующих ему формах будущего индустриального строительства, а также оценил как достоинство новой архитектуры – её демократизм, то есть способность отвечать потребностям всего народа. (Среди образцов такой архитектуры он называет читальни, библиотеки, выставочные залы, рынки, оранжереи и даже зоологические сады...)

Итак, можно сделать вывод, что в положительной оценке новой архитектуры рационального типа Стасов не изменяет принципу народности, одному из главных в его эстетике, но преломляет его через призму демократической функции архитектуры.

Он высоко ценит инициативу англичан в архитектуре, в которой рядом с новой архитектурой стеклянного дворца для народа соседствуют коттеджи, деревенские домики, виллы, являя собой обращение к коренным традициям, принципам «разума и потребности» [10, с. 493]. Глав-

ным вкладом англичан в проблему эстетизации среды критик считает «идею комфорта» [там же]. Стасов пишет: «Чего требует жизнь и её разумный «комфорт», то и делает английский коттедж и вилла. Помимо всяких школьных и традиционных правильностей, коттедж и вилла прорубают дверь или окно не там, где того требует изящество фасада, рисунок, а <...> где того требует сама жизнь, условия домашнего удобства, надобности семейства» [10, с. 493], – особо выделяя тем самым функциональные задачи жилой архитектуры.

Такое водворение «архитектуры простой, естественной, неправильной, лишённой педантизма, здоровой» [10, с. 495], у которой на первом месте польза, удобство, является, по мнению критика, главным, «что до сих пор сделано новою Европою XIX века» [там же].

Кроме «стеклянно-железной», к «настоящей» архитектуре Стасов относил и национальную. Она, по словам критика, «подняла с пола разорванную и уроненную Возрождением нитку и стремилась закрепить и разматывать её дальше. Европейские народы снова возвращались к настоящему своему художественному языку» [10, с. 493].

Особенно остро проблема национальности встала перед русским искусством. Действительно, с 1870 года в России получает распространение, так называемый «русский стиль», апологетом которого и стал художественный критик В.В. Стасов. Происходило то, о чём он говорил как о поднятии уроненной и разорванной нити, то есть восстановлении разрушенной петровским временем связи с историческим прошлым. О последствиях «петровской традиции» писал в своё время А.И. Герцен. Интересен в этой связи и взгляд современного исследователя Е.И. Кириченко. Она пишет: «Переворот оказался столь резким и катастрофическим, пропасть, разделившая народную культуру и культуры образованных слоёв, столь глубокой, <...> что после петровского времени общественное сознание каждого нового поколения вынуждено было обращаться к осмыслению этого узлового момента русской истории. “Проблема национальной культуры” <...> приобрела неизвестные для остальной Европы остроту, неизвестные ей повороты и аспекты взаимосвязей и соотношения народного и национального, общеевропейского и национального, общемирового и национального» [2, с. 17–18].

Известно, что обращение к своему русскому прошлому было неоднократным. В очередной раз

(1870 год) это происходило во время распространения народнической идеологии, сохранивших романтических настроений, рационалистического мировоззрения и, что особенно важно, строго научного подхода к изучению исторического прошлого. Стасов всегда принципиально указывал на начавшееся только теперь истинное обращение к национальному, народному, в противовес официальной народности времени Николая I. «Русский стиль» проявил себя в архитектуре и прикладном искусстве.

Здесь необходимо обратиться к пониманию Стасовым архитектуры как искусства. Лидер демократической эстетики Н.Г. Чернышевский, убеждённый в отсутствии содержательности архитектуры, в силу её специфики косвенного, в абстрактных формах отображения жизни, не причислял архитектуру к искусству (так же, как и прикладное искусство). Он утверждал в своей диссертации, что «архитектура — одна из практических деятельности человека, которые все не чужды к стремлению красоты формы, и отличаются в этом отношении от мебельного мастерства не существенным характером, а только размерами своих произведений» [13, с. 127]. К чести же Стасова, он понимал архитектуру как вид искусства, достигший, по его мнению, значительных успехов в XIX веке. Согласно его воззрению, архитектура способна воспроизводить действительность пусть даже ушедшей эпохи. Стасов разделял гоголевское сравнение архитектуры с «летописью мира».

Возвращаясь к 1870 году, к тому времени, когда поколение Стасова стремилось идентифицировать себя, можно обнаружить, что и во взгляде на национальную архитектуру критик опирается на категорию народности. Можно сказать, что народность — это главная мерка, с которой художественный критик подходил к архитектуре и европейской, и отечественной.

Рассуждая об особенностях архитектуры, он видит в ней проявление «таланта форм» [9, с. 509]. Это его не смущает; вопрос о форме для него принципиально означает возвращение к корням, к прерванной традиции, к формам народного крестьянского зодчества и древнерусской архитектуры. Отмечая в европейской архитектуре новое, прогрессивное в области материалов, конструкций, Стасов не склонен «форсировать» развитие русской архитектуры. Им не забыт опыт подражательства и копиизма. Критик уверен, что «раньше чем догонять чужое развитие, нам надо

справить своё собственное важное дело: сбросить посторонние кандалы, создать свои собственные формы» [8, с. 361].

В стасовских строках звучит призыв к созданию стиля, но, как известно, стиль который так горячо поддерживался и пропагандировался Стасовым, выступавшим против эклектики, сам носил её характер. Это была как бы необходимая примерка одежд, долго хранившихся и извлечённых для облачения с одной первостепенной целью — узнать самих себя в целостности культуры. А дальше можно продолжить словами Крамской из его письма к Репину: «Вы скажете, а общечеловеческое? Да, но ведь оно, это общечеловеческое пробивается в искусстве только сквозь национальную форму...» [4, с. 40].

Стасов был в этом согласен с Крамским. Свои надежды критик связывал (непосредственно) с творчеством, в котором русский архитектор как «свободный начинатель <...> может месить художественное своё тесто» [9, с. 500], широко используя «народные старорусские формы», «оригинальный материал», «своеобразную форму, склад» [10, с. 498], до сих пор живущие в сохранившемся русском средневековом зодчестве и народном искусстве, а также — со строго научным знанием. (То есть глубинным научным изучением образцов народной архитектуры и искусства, а затем точным их воссозданием). Во взгляде Стасова на прошлое, на культурные традиции народа, с одной стороны, уловим дух романтизма, с другой — налицо жёсткость рамок научного подхода, характерного для рационалистического мировоззрения. Правомерно заключить, что такой строгий научный подход «засушил» творческую инициативу, и архитектура «русского стиля» проявила себя по принципу эклектики, как архитектура мотива. Но в то же время археологическая точность определения своего лица, ввиду известных причин, представлялась необходимой.

Стасов, сторонник прогресса, одобряя рационалистическую архитектуру Европы, всё же, как и Крамской, понимал необходимость национального этапа для России и всячески способствовал его становлению. «Русский стиль» в архитектуре и прикладном искусстве одевался в национальные формы, закладывая таким образом, по мнению критика, фундамент для движения от национального к общеевропейскому.

Рассматривая архитектуру, где, по словам Стасова, «действует талант форм», следует уточнить

и его отношение к форме. Критик, сторонник содержания и идейности во всех видах искусства, в архитектуре и прикладном искусстве не был противником красоты и изящества формы.

Г.И. Ревзин в статье «К вопросу о специфике русского национального чувства формы», рассматривая философскую концепцию «русского» и искусствоведческую концепцию «формы» пишет: «Само противостояние классики и бесформенности как двух выражений русского чувства формы становится в таком случае инвариантом противостояния модерна и неоклассики в 1900–1910-е годы» [7, с. 39]. В связи с проблемой нашего исследования можно сопоставить, соответственно, «русский стиль» и классицизм (против которого Стасов выступал). Определив в «русском стиле» главным моментом – «мотив», взятый из народной архитектуры и искусства, попытаемся уточнить что такое «мотив». Мотив предстанет ни чем иным, как не закреплённой методом подвижной формой, или неким движением, разрастанием, многообразием, количественностью, обилием, избытком. Особенно это характерно для главного звена мотива – орнамента. (Орнамент изучался Стасовым и пропагандировался в архитектуре и прикладном искусстве). Орнамент не остановлен, не закреплён формой, его свойство – движение, разрастание, заполнение.

В этом смысле «русский стиль» демонстрирует специфику русского национального чувства формы (вопрос о форме остаётся открытым) – утверждая «бесформенность как тип формы» [7, с. 38]. Всё это характеризует и специфическое русское чувство формы у Стасова. (Тем самым подтверждается наш тезис о том, что критик является носителем народного эстетического сознания).

Оценивая в целом взгляд Стасова на проблему эстетизации материальной среды, в качестве положительных моментов можно отметить: прогрессивность самой постановки проблемы (с выделением в качестве первоочередной задачи – эстетизации предметного окружения человека); практические предложения по воспитанию художественного вкуса народа; требования связи искусства с промышленностью; предвосхищение необходимости дизайнерской деятельности в связи с развитием индустриального производства. Но, справедливости ради, нельзя не указать на

недооценку Стасовым новых поисков в области прикладного искусства (проявлений модерна), его увлечённость национальными народными формами как образцами. Вследствие этого взгляды Стасова в основном остались в хронологических рамках второй половины XIX века и лишь частично были востребованы в веке XX-ом. Анализ проблемы позволил выявить новые грани важных принципов стасовской эстетики, таких как народность, национальность, а также познакомиться с историческим опытом решения задачи эстетизации материальной среды.

Библиографический список

1. Земпер Г. Практическая эстетика / Сост., вступ. статья и коммент. В.Р. Аронова – М.: Искусство, 1970.
2. Кириченко Е.И. Архитектурные теории XIX века в России. – М.: Искусство, 1986.
3. Кисунько В. В.В. Стасов: программа реализма и эстетизация среды // Декоративное искусство СССР. – 1974. – №1.
4. Крамской об искусстве / Сост., автор вступ. статьи и прим. Т.М. Коваленская. 2-е изд., доп. – М.: Изобразительное искусство, 1988.
5. Лев Толстой и В.В. Стасов. Переписка: 1878–1906 // Труды Пушкинского Дома АН СССР. – Л.: Прибой, 1929.
6. Михайлов С.М. История дизайна. В 2 т. / Учеб. для вузов. 2-е изд. исправл. и дополн. – М.: Союз Дизайнеров России, 2002. – Т. 1.
7. Ревзин Г.И. Очерки по философии архитектурной формы. – М.: ОГИ, 2002.
8. Стасов В.В. Избранные соч.: В 3 т. – М.: Искусство, 1952. – Т. 1.
9. Стасов В.В. Избранные соч.: В 3 т. – М.: Искусство, 1952. – Т. 2.
10. Стасов В.В. Избранные соч.: В 3 т. – М.: Искусство, 1952. – Т. 3.
11. Стасов В.В. Статьи и заметки, не вошедшие в собрания сочинений. – М.: Искусство, 1954. – Т. 2.
12. Стасов В.В. Письма к деятелям русской культуры. – М.: Наука, 1967. – Т. 1.
13. Чернышевский Н.Г. Избранные эстетические произведения / Авт. вступит. статьи и коммент. У.А. Гуральник. – М.: Искусство, 1973.
14. Шиллер И.Х.Ф. Собрание сочинений: В 8 т. – М.; Л.: Гослитиздат, 1950. – Т. 6.

ИСТОРИЯ

А.А. Соловьева

ВЛИЯНИЕ ГАЛЛИПОЛИЙСКОЙ КАМПАНИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ АВСТРАЛИЙСКОЙ НАЦИИ

Ушедший XX век, «век масс» или «век тоталитарных режимов и движений», принципиально изменил постановку вопроса о возможностях понимания прошлого и роли самого прошлого. Война стала для всего мира суррогатом «культуры» – смысловым полем, где отыгрываются важнейшие темы и сюжеты современности. Речь идет о том, что война дает модели для ценностного выражения основных конфликтов и драматических моделей взаимодействия. Война превращается в поле образцов для ритуалов групповой и национальной солидарности, испытания, проверки людей на подлинность. Всякий раз, когда упоминается «Победа», речь идет о символе, который выступает для подавляющего большинства опрошенных, для общества в целом, важнейшим элементом коллективной идентификации, точкой отсчета, мерилom, задающим определенную оптику оценки прошедшего и отчасти – понимания настоящего и будущего. А что происходит, когда война оборачивается проигрышем на фоне общей победы?

Одним из ярких примеров такого исторического явления можно считать Галлиполийскую кампанию во время операции на Дарданеллах. Когда в апреле 1915 года Британским командованием было принято решение о десантировании солдат на Галлиполийский полуостров для нейтрализации Турции и выведения ее из войны, никто не предполагал, что эта операция станет полным крахом британского командования. Галлиполийский десант, состоящий преимущественно из Австралийских солдат сыграл большую роль в истории первой мировой войны и непосредственно в истории самой Австралии и стал кульминацией цепи политических игр и коллизий, уходящих далеко в историю. Австралийские солдаты, высаживаясь на берег пролива Дарданеллы, под огнем турецких орудий и пулеметов, платили своей кровью за трагические ошибки нескольких поколений британских политиков. Галлиполийский десант до июня 1944 года оставался крупнейшей в истории высадкой с боем на вражеский

берег. Опыт, приобретенный британским командованием, как считают историки, в немалой степени способствовал успеху высадки союзников в Нормандии во время второй мировой войны.

Первое участие Австралийцев в военной кампании вне своего континента принесло Австралии абсолютное поражение и огромные потери, к которым австралийцы были не готовы. Все это вместе повлекло за собой рождение огромного количества мифов и легенд о храбрых австралийских солдатах. Источниками таких легенд могут служить: Работа Чарльза Бина (Charles Bean) – наиболее всесторонняя хроника кампании. Дневники Бина составляют невероятно богатый первоисточник для исследователей галлиполийской кампании. Дневники Бина – это работа квалифицированного летописца, они описывают в ярких деталях ежедневная жизнь на полуострове с первого дня до последнего. Как источники можно использовать: дневники Роберта Элвуда (Robert Ellwood) – лейтенанта австралийской армии, письма австралийских солдат (Френсиса Джеймса Макка (Francis James Mack)), личные документы Георга Дрозена (George Drozen), воспоминания медсестер медицинского корпуса, который находился на Галлиполи в разгар боевых действий. Военные карты, относящиеся к ходу сражений на Галлиполи, тоже могут послужить хорошим источником, для изучения данной проблемы, фотографии являются не менее интересными для изучения положения военных во время Галлиполийской операции.

Для того чтобы рассмотреть причины трепетного отношения австралийцев, почитание памяти погибших соотечественников во время кампании, и трагизм кампании, который повлиял на многие поколения австралийцев, необходимо использовать собрание интервью австралийцев совершивших паломничество на полуостров на военные кладбища и к местам сражений, опубликованные под редакцией Брюса Скетера «В тени Галлиполи». [5]

Наиболее интересными являются работы Питера Хофенберга «Ландшафт, память и Австра-

лийская война», Джона Лака «Возвращение на Галлиполи» и Пола Фассела «Путешественники и Туристы». В этих работах широко представлено влияние мировой войны на историческую память австралийцев, их стремление к паломничеству на Галлиполи. Питер Хофсбаум широко рассматривает создание военных легенд и их влияния на сознание австралийцев.

Каждый народ нуждается в легендах, и для сравнительно небольшой австралийской нации, Галлиполийский десант стал боевым крещением во время Первой мировой войны. Сейчас 25 апреля отмечается как национальный праздник ANZAC Day – своего рода день рождения нации и день памяти соотечественников, погибших во всех войнах. Источниками таких легенд стали сборники Чарльза Бина военного корреспондента и историка Первой мировой войны, основателя Австралийского Военного Мемориала.

На Галлиполи было рождено множество легенд, которые Австралийцы бережно хранят. Образ полуострова и воображение людей соединились вместе и превратились в фантазии, которые крепко укрепились в сознании австралийцев. Примером, какой легенд может служить миф о «Диггерах» т.е. «копателях» – части солдат Австралийского и Новозеландского корпуса, боровшихся вместе и погибших одновременно имен, которых никто не знает. Основными создателями таких легенд, считаются: С.Е.В. Бин (1879–1968), который был участником событий на Галлиполи и позднее опубликовал свои дневника и мемуары относительно положения австралийских солдат во время кампании на полуострове, став наиболее популярным официальным военным историком Австралии [1]. Джон Масфилд – английский поэт, побывавший на Галлиполиском полуострове в 1915 году, и сами солдаты, которые писали стихи и песни, создавали дневники. Все эти работы были собраны в книге «АНЗАК» под редакцией Бина. Все они, описывая битвы 1915–1918 годов невольно создавали воображаемые образы «Великой войны», которые глубоко осели в сознании австралийцев. Все эти легенды специально создавали, чтобы увековечить образ национального героя в памяти людей, чтобы укрепить позиции национальной истории.

Составители легенд пытались «давить» на то, что австралийские солдаты были закованы между океаном и горными хребтами Галлиполи, без

достаточного количества воды и сна и атакованы хорошо вооруженными и хорошо натренированными турецкими дивизиями. Название АНЗАК стало почти нарицательным означающее национальное единство австралийцев. Не смотря на некоторые негативные нюансы таких мифов, их создатели позволили австралийскому народу осознать значимость своей культуры и истории. Дали толчок для поддержания и увеличения интереса людей к исторической памяти [2].

Говоря, о различных аспектах войны надо заметить, что солдаты внесли в неё культурно-исторический аспект. В течение первой мировой войны, солдаты использовали обширный сленг, с помощью которого они общались друг с другом. Как правило, незнакомые турецкие названия заменялись на более привычные для солдат, звучащие на английском языке. Например: бухта, куда был высажен австралийский десант, стала называться «Бухта АНЗАК» в место непонятного для австралийцев названия «Ари Бурну». Многие места называли в честь побед «Мыс победы», просто по ощущениям «Долина счастья» или по схожести ландшафта с известными произведениями искусства хребет «Сфинкс» иногда местам давали имена своих павших сослуживцев «Вершина Филиппа» или «Холм МакКея».

В последнее время часто предсказывают упадок истории, но, тем не менее, растет количество желающих совершить паломничество к местам битв и на кладбища первой мировой войны. Кто же все-таки совершает такие поездки, почему люди стремятся туда, преодолевая тысячи и тысячи километров, что они хотят увидеть и почувствовать, увидев эти «священные места». Люди, несомненно, тем самым пытаются отдать дань своим предкам, которые пролили свою кровь в Великой, для них, войне. Паломничество – это неотъемлемая часть исторической памяти, которую люди пытаются хранить и уважать [5].

Мотивы таких путешествий для всех одинаковые: у людей существует ощущение «поисков», для них эта поездка – путешествие из нормальных параметров жизни в другой мир, посещение определенных мест насыщено значением, а с возвращением домой у паломников изменяется мироощущение. Для многих паломничество, это возникновение интереса к культурной потере и ощущение тяжелой утраты невозполнимой временем.

Библиографический список

1. *Bean C.E.W.* «The Story of the Anzac». Official History of Australia in the War 1914–1918. Vol. 1 and vol. 2. – Canberra, 1956.
2. *Fussel Paul.* Travelers, Journeys Tourists // Australian Cultural History. – 1992. – №10. – P. 19–34.
3. *Hoffenberg Peter.* Landscape, Memory and the Australian War // Journal of Contemporary History. – 2001. – №1. – P. 23–47.
4. *Loyd D.W.* Tourism, Pilgrimage and the Commemoration of the Great War in Great Britain. – Australia and Canada: University of Cambridge press, 1995. – P. 16–17.
5. *Scates Bruce.* In Gallipolis's shadow // Interview with Kate H. // Australian historical studies. – 2002. – №119. – P. 9.

**Научные труды преподавателей,
поступившие в библиотеку КГУ им. Н.А. Некрасова**

БУЛДАКОВ С.К. ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ: [УЧЕБ. ПОСОБИЕ ДЛЯ АСПИРАНТОВ И СОИК. УЧЕН. СТЕП. КАНД. НАУК]. – КОСТРОМА: КГУ, 2007. – 184 С. – ISBN 5-7591-0798-4.

МИЛОВИДОВА Н.В. НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ В 20-Е ГГ. XX В.: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ: УЧЕБ. ПОСОБИЕ. – КОСТРОМА: КГУ, 2007. – 232 С. – ISBN 978-5-7591-0853-5.

ГРУЗДЕВ В.В. ГРАЖДАНЕ (ФИЗИЧЕСКИЕ ЛИЦА) КАК СУБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: ТЕКСТ ЛЕКЦИИ. – КОСТРОМА: КГУ, 2007. – 43 С.

ЖЕЗЛОВА С.А. ПРОБЛЕМЫ ИНОСТРАНЦЕВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: УЧЕБ. ПОСОБИЕ ПО ПРАКТИЧЕСКОМУ КУРСУ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА. – КОСТРОМА: КГУ, 2007. – 65 С.

ЗАХАРОВА Ж.А. ПЕРВИЧНАЯ ДИАГНОСТИКА ПРЕТЕНДЕНТОВ НА РОЛЬ ЗАМЕЩАЮЩЕГО РОДИТЕЛЯ: МЕТОД. ПОСОБИЕ / Ж.А. ЗАХАРОВА, Э.И. ЧУГУНОВА. – КОСТРОМА: АВАНТИТУЛ, 2007. – 80 С. – ISBN 978-5-98342-067-0.

ГИБАЛО Н.П. УПРАВЛЕНИЕ СИСТЕМОЙ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ: [МОНОГРАФИЯ] / Н.П. ГИБАЛО, М.Е. КОСОВ. – КОСТРОМА: КГУ, 2007. – 228 С. – ISBN 5-7591-0639-2.

БЕЛЯЕВА Ю.В. ЛОГИКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ (ПЯТЬ ОСНОВНЫХ ТИПОВ УМОЗАКЛЮЧЕНИЙ) / Ю.В. БЕЛЯЕВА, В.В. ЧЕКМАРЕВ. – КОСТРОМА: КГУ ИМ. Н.А. НЕКРАСОВА, 2007. – 90 С. – ISBN 978-5-7591-0831-3.

БОКОВА О.В. БЮДЖЕТНАЯ СИСТЕМА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: УЧЕБ.-МЕТОД. ПОСОБИЕ. – КОСТРОМА: КГУ, 2007. – 72 С.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

С.В. Баранов, Т.П. Скуфьина

ЦИКЛЫ КОНДРАТЬЕВА В ИССЛЕДОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Сдвиги региональной системы в новую фазу развития определяются множеством факторов – экономическими, социальными, природными, биологическими, политическими, технологическими. Причем воздействие этих факторов может носить не жестко детерминированный, причинно следственный, а опосредованный характер [4, с. 49–55]. Следовательно, для познания глубинных механизмов региональных изменений необходимо воспользоваться методологическим потенциалом представлений, отражающих комплексный характер проявлений взаимосвязанных компонентов «активной среды» «мир-экономики» (в терминах Ф. Броделя). Таким свойством обладает система кондратьевских циклов и волн. Продолжительность циклов Кондратьева оптимальна для познания влияния сдвигов на все страны – и центральные, и полупериферийные, и периферийные. Следовательно, они могут плодотворно использоваться для поиска взаимосвязей и анализа опосредованного влияния между региональными процессами в России и общемировыми тенденциями.

Необходимо уточнить угол зрения рассмотрения специфики территориального развития.

В первую очередь следует определить основополагающий фактор, инициирующий переход мирохозяйственной системы в иную фазу развития. Таким фактором предлагается считать инновационный рывок (согласно модели Й. Шумпетера) [7], обеспечиваемый базисной инновацией – от паровой машины первого цикла до информационной техники современного цикла (согласно модели Л. Нефедова) [2, с. 87–91]. Это определяет первую посылку настоящего исследования – рассмотрение регионального развития в аспекте технической логики развития производительных сил. Именно этот фактор влияния внешней среды мы предлагаем считать ведущим при определении специфики и перспектив территориальной организации в России.

Вторая посылка тесно связана с понятием синхронизации, позиционируемого в исследовани-

ях Ф. Броделя, И. Валлерстайна, В. Пантина, В. Соловьева и др. не просто как принцип организации природы и общества, но и как фундаментальный принцип познания сложных систем. Принцип синхронизации позволяет не только определить опосредованное, но значимое влияние технической логики развития производительных сил. Он указывает также, что в случае резкого обострения противоречий в развитии субъектов РФ с общемировыми тенденциями потребуются переход территориальной системы РФ на иной уровень организации под угрозой гибели, что составляет вторую посылку исследования.

Третья посылка – в случае совпадения региональных тенденций развития в России с процессами, считающимися прогрессивными в рамках современного кондратьевского цикла, регионы являются конкурентоспособными в сложившейся мировой экономической конъюнктуре, в случае несовпадения – регионы не участвуют в международной рыночной конкуренции.

Циклы Кондратьева охватывают достаточно большой временной диапазон¹. Для познания специфики региональных движений в России столь глубокий временной охват не представляет интереса. Великая Октябрьская революция кардинально, на качественном уровне, изменила состояние российской экономической системы и, соответственно, территориальную организацию. Следовательно, целесообразно рассматривать особенности регионального развития России с понижательной волны третьего цикла.

Понижательная волна третьего цикла (с 1914–1921-х до середины 1940-х) характеризуется неустойчивостью социального, экономического и политического развития наиболее развитых в тот период капиталистических стран – Великобритании, Франции, Германии, США.

Эпоха социальной и политической нестабильности связывается большинством исследователей с технологическим переворотом предшествующей повышательной волны – появлением автомобилестроения, электротехнической промыш-

ленности, самолетостроения и др. Дальнейшее развитие новых технологий требовало коренной перестройки производительных сил – создания тяжелой промышленности. В экономическом аспекте это означало объективную необходимость «сверхконцентрации» капитала в связи с колоссальными капиталовложениями, высокими рисками, необходимостью баланса объемов производства в различных отраслях народнохозяйственной системы и т.д. Решение проблемы означало насущную необходимость развития государственного управления экономикой.

Исследования этого периода развития мировой экономики указывают, что «демократия смогла добиться необходимой концентрации капитала только через милитаризацию экономики» [1, с. 71]. В связи с этим выглядит закономерным установление тоталитарных милитаристских режимов в Японии, Китае, Германии, Испании, жесткая президентская система управления в Англии и США, развязывание второй мировой войны и т.д. На четкую скоординированность политических и экономических мировых процессов указывает, в частности, совпадение датировки этой фазы кондратьевского цикла с различными объяснительными моделями циклов борьбы за мировое лидерство А. Тойнби, Дж. Модельски и У. Томпсона, длинными циклами мировой политики Дж. Гольдштейна и рядом других моделей волновой динамики.

Экономическая проблема концентрации капитала решалась аналогичным образом и в СССР. Специфика заключалась фактически только в полной настройке всей экономической системы страны под решение задачи построения тяжелой промышленности. «Советское государство... прямо сосредоточило все имеющиеся ресурсы в своих руках... Натуральные пропорции выдерживались через разработку пятилетних планов... Стоимостные пропорции выдерживались через государственное регулирование цен и заработной платы. Внешнеторговый баланс выдерживался через монополию государства на внешнюю торговлю» [1, с. 72].

Пространственная организация также была подчинена индустриализации, предполагающей реализацию «жесткой» государственной промышленной политики не только как инструмента развития экономики, но и как технологии развития регионов. О сопряженности промышленной и региональной политики свидетельствует то, что уже в первом пятилетнем плане была поставлена зада-

ча завершения экономического районирования страны с целью достижения наиболее эффективного планового руководства [подробнее см.: 5; 6].

Цели региональной политики государства, сформулированные еще в плане ГОЭЛРО и просуществовавшие вплоть до 1950-х гг., также соответствовали индустриальному характеру экономического развития: реконструкция промышленности в староосвоенных районах страны, ускоренное развитие производства восточных районов, создание крупной промышленности в ранее отсталых районах и т.д. Отметим, что основная задача, сформулированная в плане ГОЭЛРО – электрификация всей страны – полностью соответствовала базисной инновации этой фазы цикла Кондратьева (пара двигатель-генератор).

Реализация поставленных целей неизбежно предполагала отраслевой подход управления, по нашему мнению, являвшийся наиболее перспективной формой развития экономики этого периода. Наркоматовская система управления на базе отраслевого подхода, получившая развитие еще в 1920-х гг., и просуществовавшая вплоть до 1956 г. (начала резкого перехода к использованию территориального подхода на базе совнархозов), доказала свою эффективность в годы первых пятилеток, Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. По оценкам ученых и политиков современности и прошлого, «СССР в период с конца 1920-х до начала 1960-х годов была самой динамично развивающейся страной в мире» [1, с. 73].

Можно сделать следующий вывод. Импульсы, генерируемые «активной средой», воспринимались экономическими системами развитых капиталистических стран и СССР в этот период сходным образом. Большая способность плановой экономики к настройке под импульсы «активной среды» привела к тому, что СССР демонстрировал лучшие показатели экономического роста в сравнении с общемировыми тенденциями².

В результате не просто согласованная, а однородная реакция стран-мировых лидеров и СССР, привела к формированию сходной пространственной организации территории – интегрированной (централизованной) модели региона, связанной с доминированием в региональном хозяйстве крупных производств (градообразующих предприятий). Как отмечают П. Щедровицкий и В. Княгинин, никакой собственной конкурентоспособностью, отличной от конкурентоспособности доминирующего производственно-техно-

логического комплекса, интегрированные регионы не обладают, экономическая сущность таких регионов не требует формирования самостоятельной стратегии развития, которая естественным образом заменяется производственными стратегиями градообразующих предприятий [8]. Эти специфические черты приводят к устранению региона от управления. По нашему мнению, именно поэтому четкой ориентации государственного управления на проблемы регионального развития в этот период не наблюдалось ни в капиталистических странах, ни в СССР.

Четвертый цикл Кондратьева (с середины 1940-х до середины 1980-х) характеризуется мировым лидерством США, повышением роли государственного планирования, усилением воздействия социальных факторов в экономико-политических процессах, накоплением диспропорций в социально-экономическом развитии СССР.

Определяющим технико-экономическим результатом новой волны стала способность экономики «производить товары в массовом количестве с относительно низкими издержками производства, изготавливать материалы и оборудование для массового серийного производства» [1, с. 81]. Это обусловило необходимое требование к экономике и управлению развитых стран – формирование высокого платежеспособного спроса и переориентации от реализации интересов капитала ВПК к интересам крупного капитала, производящего товары широкого потребления.

Соответственно кардинально изменилась и пространственная организация производства, представляющая собой локализованные в пределах определенной территории группы взаимосвязанных компаний или крупный концерн, вокруг которого концентрируются связанные с их деятельностью организации (например, малый и средний бизнес, оказывающий услуги, университеты, торговые объединения и т.д.). Такая упорядоченная совокупность получила название территориального кластера, а проекция на территорию сетей взаимодействия между его компонентами – сетевой регион. Согласно теории промышленных кластеров, производственная структура такого региона развивается по направлению, позволяющему использовать продукт одной отрасли для нужд смежных отраслей, что обеспечивает координацию между отраслями и (или) производствами, способствует распространению информации, инициирует высокую способность

к инновациям за счет высококонкурентной среды между малыми и средними сопутствующими производствами, стимулирует развитие новых направлений бизнеса и т.д.

Если рассматривать особенности сетевого региона с позиций принципа синхронизации, то можно отметить, что готовность регионов к освоению инноваций, способность генерировать адекватную реакцию на импульсы «активной среды» определяют степень их участия в международных экономических взаимодействиях. Таким образом, специфика регионального развития данного цикла состоит в том, что именно наличие конкурентоспособных сетевых регионов начинает определять устойчивость национальной экономики и ее позиции на мировом рынке.

Специфические черты нового витка эволюционного цикла практически не проявились в СССР, что связано с сохранением прежних пропорций производительных сил, направляемых на индустриализацию и милитаризацию экономики. Основным двигателем экономики развитых стран – технически сложный товар массового потребления, инициирующий основные инвестиции и, соответственно, инновации – не входил в стратегические приоритеты СССР. Несмотря на расширение прав республик (реформа 1956 г.), формальное признание ТПК прогрессивной формой организации (1971 г.) и ряда других (в ряде случаев прогрессивных) изменений, на практике по-прежнему доминировал отраслевой подход к управлению. Соответственно, сохранялась интегрированная модель пространственной организации территорий, наблюдалось дальнейшее устранение регионов от возможности управления. Все это указывает на расхождение региональных тенденций развития в СССР с общемировыми процессами.

Можно сделать вывод, что в четвертом цикле наблюдалось «выпадение» модели управления и пространственной организации СССР из тенденций «активной среды» мирохозяйственной системы, отсутствие предпосылок к формированию более конкурентоспособных в новых условиях сетевых регионов, технологическое отставание в производстве товаров народного потребления.

Перелом, обозначивший начало пятого, современного цикла (с середины 1980-х) означал острейший кризис прежнего индустриального роста и переход к новому информационному обществу, генерирующему мощнейший поток инвес-

тий в новую основу экономического роста – информатизацию.

Базисная инновация – информационная техника – формирует технологические сети (от промышленной электроники до офисной техники), обладающие наибольшим процентом добавленной стоимости, и через них вырабатывает необходимое требование к высокоэффективной экономике – наличие конкурентоспособных сетевых регионов. При этом конкурентоспособность определяется не только непосредственно конкурентоспособностью продукции, наличием инновационной и высокопроизводительной телекоммуникационной инфраструктуры, но и тем, насколько региональные структуры управления способны создать гибкую и эффективную институциональную среду, насколько система регионального образования соответствует нуждам кластера и т.д. Это порождает и современную специфику взаимодействия центра и регионов – децентрализацию управления³.

Техническая логика развития пятого цикла инициировала неспособность административно-командной системы СССР противостоять рыночной организации сетевых регионов развитых стран в тиражировании базисных инноваций (информационных технологий). На наш взгляд, именно выпадение великой державы в мировой иерархии – СССР – из тенденций развития «активной среды» явилось причиной никем не прогнозируемого распада страны и последующего глубокого кризиса социальной и экономической сферы постсоветского пространства.

Подтверждением могут служить исследования Р. Гринберга в которых показано, что для руководства СССР веской причиной инициации радикальных реформ явилось отставание в мировом НТП [3, с. 40–46]. Но остается в стороне тот факт, что в данном цикле определяющую роль в развитии экономики играют новые наукоемкие информационные отрасли, предполагающие особую значимость человеческого капитала, высокий уровень жизни населения, повышение уровня информированности общества в социальной и экономической сферах. Полагаем, что слабое развитие этих ведущих факторов в СССР также явилось катализатором нарастания стихийных процессов, повлекших качественные изменения территориальной организации страны. О функциональной роли человеческого фактора как «спускового крючка» распада системы свиде-

тельствуют также и исследования политологов, определяющие, что основой революционных событий явилось желание советских людей «жить как на Западе» [4, с. 210–214].

Однако несформированность индустриальных начал в СССР, получивших свое развитие и распространение в мирохозяйственной системе в четвертом цикле, привела к тому, что основная цель перехода к рыночным отношениям – интеграция страны в постиндустриальное мировое сообщество – так и не была реализована. В РФ по производству промышленной продукции на душу населения лидируют с огромным отрывом от среднероссийских показателей нефте- и газодобывающие регионы (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий). Остальные регионы, демонстрирующие производство на душу населения выше среднероссийского, также в основном характеризуются сырьевой ориентацией. Все это свидетельствует о том, что регионы РФ не включены в глобальные конкурентные процессы.

Подводя итоги, отметим следующее. Соотнесение результатов рассмотрения региональных процессов в аспекте кондратьевских циклов с основными положениями циклически волновых представлений и посылок исследования, представленных выше, позволяет определить три вероятных сценария регионального развития: 1) дальнейшая деградация регионов и смещение страны на мировую периферию при сохранении существующих тенденций; 2) дестабилизация и разрушение территориальной организации РФ, в случае, если стихийное воздействие глобальных процессов на регионы не будет частично погашено взвешенной региональной политикой; 3) формирование сетевых регионов и поиск ниш для производства базисной инновации (информационных технологий), что обеспечит движение к информационному обществу.

Примечания

¹ Современная датировка циклов Кондратьева следующая: первый цикл – конец 1780-х – 1810–1817 гг. (повышательная волна), 1810–1817 – конец 1840-х гг. (понижательная волна); второй цикл – конец 1840-х – начало 1870-х гг. (повышательная волна), начало 1870-х – середина 1890-х гг. (понижательная волна); третий цикл – середина 1890-х – 1914–1921 гг. (повышательная волна), 1914–1921 – середина 1940-х гг. (понижательная волна); четвертый цикл – середина 1940-х – конец

1960-х гг. (повышательная волна), конец 1960-х – середина 1980-х гг. (понижательная волна) [4, с. 68]. Примерно такая же датировка присутствует и в других исследованиях [см., напр.: 9].

² В развитых странах концентрацию капитала сопровождали кризисы. Вследствие результирующей совокупности кризисных социальных и экономических явлений в странах-лидерах данная фаза объективно считается понижительной волной цикла Кондратьева.

³ Универсальные гипотезы взаимодействия центра и регионов внутри отдельных стран Дж. Уоллиса и У. Оутса свидетельствуют, что чем ярче выражены важнейшие характеристики развитых стран (большая плотность населения, высокая степень урбанизации, глубокая социальная зависимость государства от экономики), тем более децентрализованным является управление.

Библиографический список

1. Белов В.И., Бакулин Н.А., Бернадский Ю.И., Громов Г.Е. и др. Заблудились в эпохе. – Новосибирск: Новая издательская книготорговая ассоциация, 2003. – 320 с.
2. Вайбер Р. Эмпирические законы сетевой экономики // Проблемы теории и практики управления. – 2003. – №3. – С. 87–91.
3. Гринберг Р. Место и шансы России в мировой экономике // Проблемы теории и практики управления. – 2004. – №5. – С. 40–46.
4. Пантин В.И. Волны и циклы социального развития: цивилизационная динамика и модернизация. – М.: Наука, 2004. – 246 с.
5. Россия: принципы пространственного развития. Центр стратегических исследований ПФО // <http://www.tur.samara.ru/news.shtml>.
6. Современный регионализм: теоретическое содержание // www.reser.ru.
7. Шумпетер Й. Теория экономического развития. – М.: Прогресс, 1982.
8. Щедровицкий П.Г., Княгинин В.Н. Территориальная проекция промышленной политики в России: кто оплатит издержки глобализации // Современная национальная политика России. Сб. материалов, вып. 2 (региональный аспект) // <http://www.tur.samara.ru/news.shtml>.
9. Duijn J.J. The long wave in economical life. – L.: George and Unwin, 1983.

Н.Н. Масюк, Е.В. Чебыкина

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАХ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ ПРЕДПРИЯТИЯ

В процессе своей деятельности предприятия сталкиваются с совокупностью различных видов рисков, которые различаются между собой по месту и времени возникновения, совокупности внешних и внутренних факторов, влияющих на уровень рисков, и, следовательно, по способу их анализа и методу описания.

Само понятие риска в настоящее время не является устоявшимся, а сам термин «риск» используется в литературе в разных смыслах.

Анализ литературы показывает, что как в России, так и за рубежом, риск все чаще рассматривается не как некоторая частная опасность возникновения убытков или потерь, а как возможность не достижения целей предприятия.

Проведенный анализ подходов к раскрытию сущности понятия «риск», позволяет предложить следующее определение «риска деятельности предприятия».

Риск деятельности предприятия – возможность отклонения от намеченной цели, обусловленная неопределенностью состояния и функционирования внешней и внутренней среды предприятия.

Независимо от причин возникновения риска естественным является желание каждого субъекта уменьшить потери, связанные с реализацией данного риска, что осуществляется через соответствующие управленческие решения, в результате реализации которых и происходит управление риском.

Рассмотрим основные подходы к управлению рисками хозяйствующих субъектов.

За рубежом сущность риска является объектом исследования экономики уже достаточно давно, однако управление рисками как отдельная наука начинает формироваться только во второй половине XX века [6].

Конец 1980-х – начало 1990-х характеризуется созданием многими корпорациями отделов риск-

менеджмента. Типичной функцией такого отдела являлась минимизация ресурсов, выделяемых на управление страхованием, сокращение персонала и вывод страховых функций за пределы компании с передачей их третьим лицам.

С середины 1990-х годов можно отметить начало нового этапа, связанного со значительным снижением значения управления страхованием в деятельности компании и возрастанием роли непосредственно риск-менеджмента, который стал носить системный характер. Возникает новая концепция управления рисками, получившая название «риск-менеджмент в рамках всего предприятия» («enterprise risk management») или «интегрированный риск-менеджмент» («integrated risk management») [1].

Изменения в подходах к «риск-менеджменту» за рубежом, сопровождалась следующими особенностями:

1. Переход от фрагментарного риск-менеджмента, когда каждый функциональный отдел на предприятии самостоятельно управляет своими рисками, к интегрированному, при котором учет и управление рисками координируется на высшем уровне, каждый сотрудник рассматривает это как часть своей повседневной работы.

2. Переход от эпизодического риск-менеджмента (управление рисками осуществляется только тогда, когда менеджеры считают это необходимым) к непрерывному (процесс управления рисками непрерывен).

3. Переход от ограниченного риск-менеджмента (рассматриваются, прежде всего, страхуемые и финансовые риски) к расширенному риск-менеджменту (рассматриваются все риски).

В основе нового подхода лежит отказ от господствовавшего долгое время в научных и деловых кругах представления, согласно которому цель риск-менеджмента — избежание или минимизация риска.

Главная цель интегрированного риск-менеджмента состоит в нахождении оптимального соотношения между риском и доходностью, определяемого на основе «склонности к риску предприятия» («risk appetite»). В последние годы управление рисками также все чаще рассматривается в прямой взаимосвязи с управлением стоимостью компании.

Важнейшим этапом в становлении риск-менеджмента на уровне предприятия является формирование, начиная с середины 90-х годов

XX века, в разных странах мира стандартов по риск-менеджменту. В 1995 году в Австралии был выпущен первый в мире стандарт по управлению рисками ANZ-4360:1995 «Risk management», который подвергся переработке в 1999 году и 2004 году. Подобные стандарты были выпущены в Канаде, Японии, Великобритании, США.

Современное понимание риск-менеджмента в промышленно развитых странах основывается на следующих фундаментальных концепциях [5]:

- управление рисками представляет собой непрерывный процесс, охватывающий всю организацию;

- управление рисками осуществляется сотрудниками на всех уровнях организации;

- управление рисками используется при разработке и формировании стратегии;

- управление рисками применяется во всей организации, на каждом ее уровне и в каждом подразделении и включает анализ портфеля рисков на уровне организации;

- управление рисками нацелено на определение событий, которые могут обеспечить управление уровнем риска в рамках установленной для предприятия склонности к риску;

- управление рисками дает руководству и совету директоров разумную гарантию достижения целей.

В отличие от зарубежной практики, на многих отечественных предприятиях риск-менеджмент считался и считается специализированным и обособленным видом деятельности (компетенцией служб промышленной безопасности и охраны труда), который не оказывает непосредственного влияния на результаты работы предприятия в целом, никак не связан с системой принятия управленческих решений. А большинство компаний, внедряющих систему риск-менеджмента, стремятся сделать управление рисками вспомогательной функцией.

В национальных компаниях до сих пор нет должности вице-президента по управлению рисками, а сам риск-менеджмент не воспринимается как одна из основных функций корпоративного центра, где нередко присутствуют небольшие отделы, занимающиеся исключительно страхованием и взаимодействием со страховыми компаниями. Неизвестна ни одна российская компания, где процесс управления рисками был бы выстроен в соответствии с лучшей мировой практикой.

Масштабное анкетирование крупнейших российских предприятий, проведенное в 2006 году

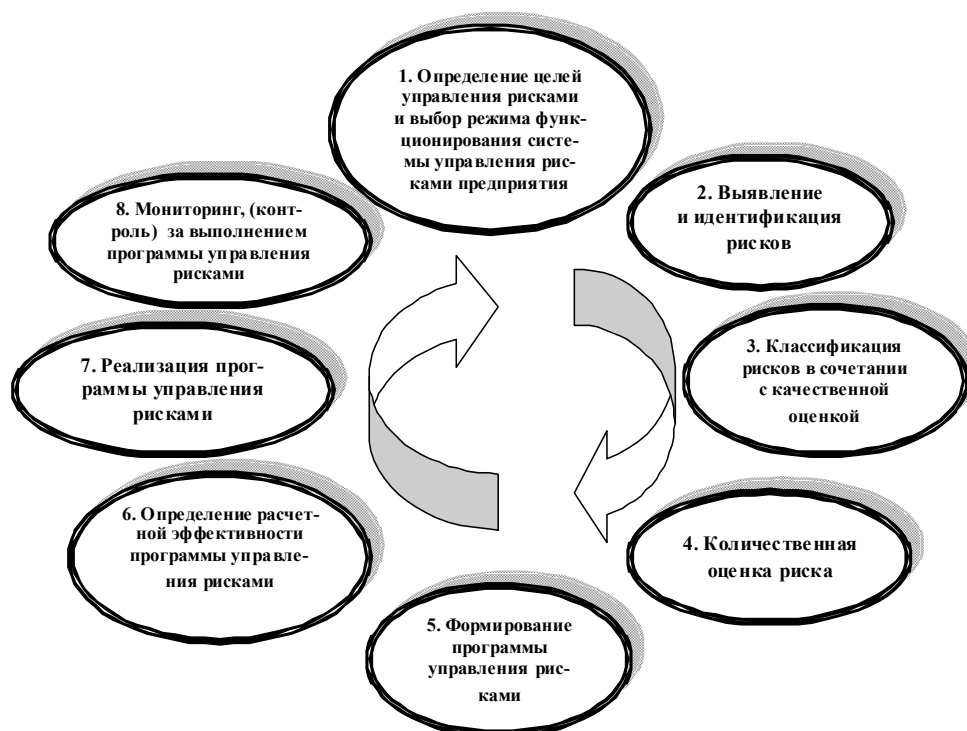

Рис. 1. Этапы процесса управления рисками предприятия

журналом «Русский полис», позволило выяснить уровень управления рисками в российском промышленном и финансовом секторе. Несмотря на то, что верхушка российского бизнеса под давлением западных финансовых институтов, выступающих прямыми инвесторами, осваивает методологию риск-менеджмента, а отдельные предприятия обладают системами управления рисками, лишь два процента опрошенных полностью удовлетворены ее организацией на своих предприятиях. Отмечая негативные факторы, сдерживающие развитие риск-менеджмента, большинство руководителей отмечают отсутствие квалифицированных специалистов и разрозненность информации по предмету [4].

Тем не менее, тематика управления рисками сегодня приобретает все большую популярность в российской бизнес-среде, так как внедрение технологий комплексного управления рисками, затрагивающими различные аспекты деятельности компании, становится важнейшим конкурентным преимуществом компании. В настоящее время на ряде крупнейших предприятий России созданы службы управления рисками, а управление риском рассматривается значительно шире, чем просто страхование отдельных рисков.

В эффективной системе управления рисками заинтересованы, главным образом, акционеры предприятия, для которых важно сформулировать менеджменту поставленные перед компанией цели и предложить эффективную систему мотивации в зависимости от полученного результата [2; 3].

Системный характер управления риском – комплексное рассмотрение совокупности всех рисков как единого целого, с учетом всех взаимосвязей и возможных последствий, что подразумевает высокоспециализированный характер принятия решений относительно управления риском, а также проведения единой политики управления рисками.

Возникновение современной концепции управления предприятием связано с использованием акционерного капитала и разделением функций собственников и управленцев. Современные концепции менеджмента формируют его основную цель как необходимость максимизации богатства владельцев предприятия посредством повышения его экономической стоимости. При этом экономическая стоимость предприятия определяется чистой текущей стоимостью его будущих денежных потоков и находит свое отражение в курсе акций компаний.

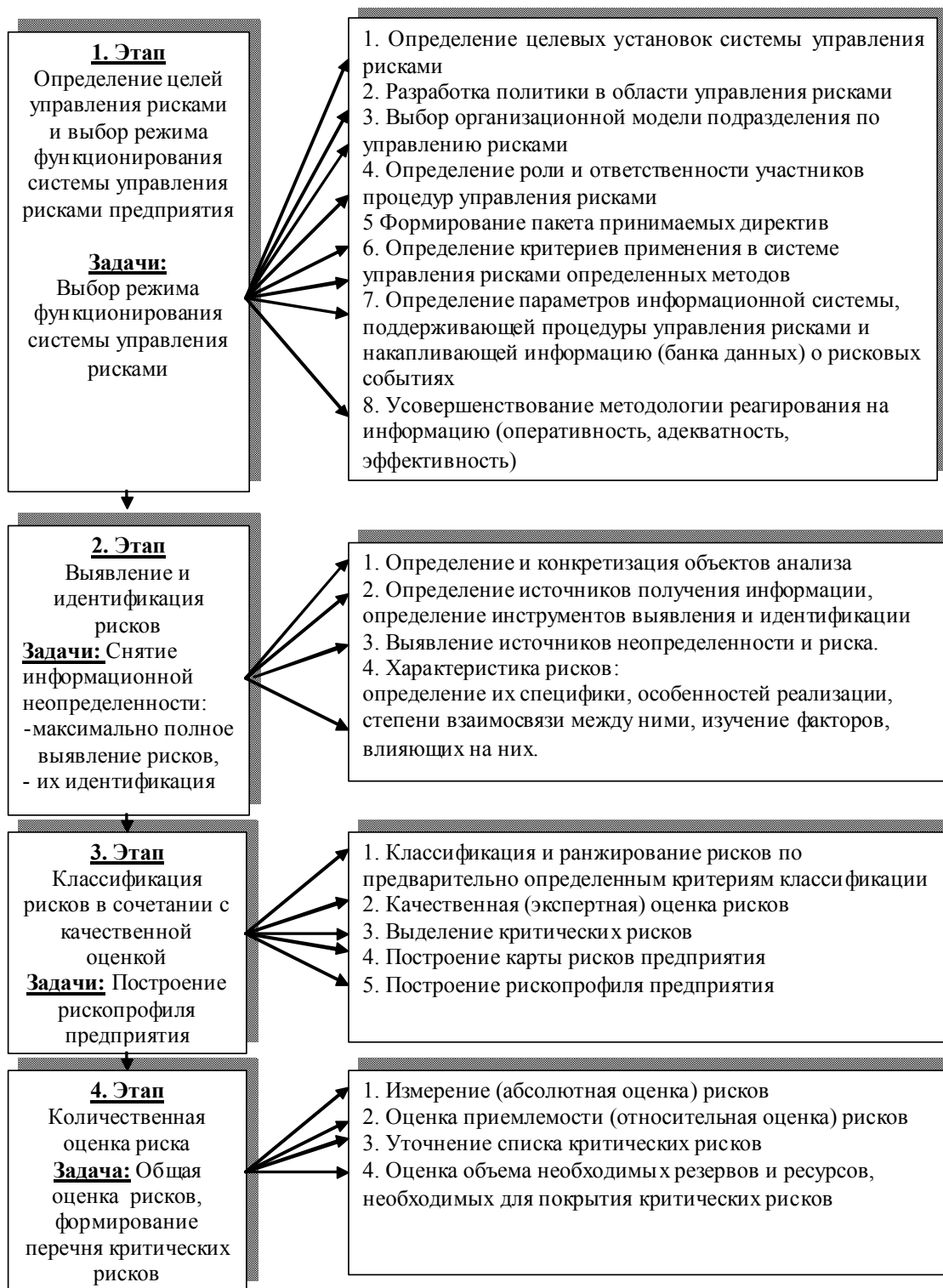

Рис. 2. Комплекс регламентированных процедур системы управления рисками предприятия

Продолжение рис. 2

Интегрированный риск-менеджмент охватывает все уровни и сферы деятельности компании, направлен на управление всеми основными видами рисков и непрерывен во времени. От предшествующих подходов к управлению неопределенностью интегрированный риск-менеджмент отличают всеохватность и целостный взгляд на ситуацию внутри компании и на положение компании во внешней среде.

Сама система управления риском, как процесс, предполагает осуществление ряда действий, реализующих целенаправленное воздействие на риск. Набор этих действий может быть различным, однако они все тесно взаимосвязаны друг с другом, и выполнение одного действия зачастую невозможно без выполнения другого.

Представленные в литературе подходы к определению процесса управления риском на предприятии свидетельствуют о том, что данный процесс становится все более стандартизированным (рис. 1).

Анализ подходов к управлению риском как системе последовательных этапов позволил выделить основные задачи и описать процедуры каждого этапа и предложить комплекс регламентированных процедур системы управления рисками на предприятии (рис. 2).

Через некоторое время процесс повторяется с самого начала.

Замкнутость процесса подчеркивает его интерактивный характер, а стандартизированность процесса свидетельствует о логичной и аналитической последовательности подхода.

Управление отдельными видами риска в рамках общего процесса риск-менеджмента предприятия имеет свои особенности. Данные особенности обусловлены отличительными чертами каждого вида риска, факторов его порождающих, специфической потерей, инструментарием, используемым в рамках каждого этапа процесса управления.

Библиографический список

1. Бартон Т., Шенкир У., Уокер П. Комплексный подход к риск-менеджменту: стоит ли этим заниматься. – М.: Вильямс, 2003.
2. Камышев Д. Построение корпоративной системы управления рисками // Финансовый директор. – 2005. – №2. – С. 27–36.
3. Комплексный риск-менеджмент // Менеджмент в России и за рубежом. – 2005. – №2.
4. Михаленко О. Арифметика угроз // Русский полис. – 2005. – №9. – С. 82–87.
5. Управление рисками организаций. Интегрированная модель. [Электронный ресурс]: краткое изложение, концептуальные основы. – 2004. // <http://www.deloite.com/dtt/cda/doc/content/COSO>.
6. Чернова Г.В., Кудрявцев А.Л. Управление рисками: Учебное пособие. – М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2005.

М.С. Матвеева

СУЩНОСТЬ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ИПОТЕКИ

В настоящее время термин «ипотека» принято употреблять в нескольких значениях. Во-первых, согласно Гражданскому кодексу РФ, под ипотекой понимается залог недвижимого имущества [1]. Во-вторых, ипотекой называют закладную и долг по ипотечному кредиту [2].

К недвижимому имуществу, которое может быть предметом ипотеки, относят [3, ст. 5]:

- 1) земельные участки;
- 2) предприятия, а также здания, сооружения и иное недвижимое имущество, используемое в предпринимательской деятельности;
- 3) жилые дома, квартиры и части жилых домов и квартир, состоящие из одной или нескольких изолированных комнат;

4) дачи, садовые дома, гаражи и другие строения потребительского назначения;

5) воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания и космические объекты;

6) объекты незавершенного строительства¹.

«Ипотека – это способ обеспечения обязательства заемщика перед кредитором залогом недвижимого имущества, заключающийся в праве кредитора получить удовлетворение своих денежных требований из стоимости заложенного недвижимого имущества» [4, с. 9].

Разумова И.А. приводит следующее определение рассматриваемого понятия [5, с. 12]:

«Ипотека – одна из форм имущественного обеспечения обязательства должника, при которой недвижимое имущество остается в собственности

должника, а кредитор в случае невыполнения последним своего обязательства приобретает право получить удовлетворение за счет реализации данного имущества». Это определение, на наш взгляд, является наиболее точным и полным, поскольку подчеркивает отличительные черты ипотеки.

– Во-первых, ипотека, как и всякий залог, – это способ обеспечения надлежащего исполнения другого (основного) обязательства – займа или кредитного договора, договора аренды, договора подряда и т.д. Следовательно, ипотека базируется на основном обязательстве, без которого она теряет смысл.

– Во-вторых, в качестве предмета ипотеки всегда выступает недвижимость.

– В-третьих, предмет ипотеки находится в собственности должника. Последний так же остается пользователем и фактическим владельцем этого имущества, но лишается права распоряжения им без согласия кредитора на время залогового периода.

Кроме того, существенными являются следующие особенности.

– Договор кредитора и должника об установлении ипотеки оформляется специальным документом – закладной, которая сопровождается нотариальным удостоверением и государственной регистрацией.

– При значительном превышении стоимости залога над суммой выданного кредита ипотека дает возможность получить дополнительные ипотечные ссуды под залог того же имущества (вторая, третья ипотека). Права ипотечных кредиторов по одному и тому же недвижимому имуществу удов-

летворяются в порядке регистрации ипотеки, то есть внесения записи о регистрации в специальную ипотечную книгу (современный аналог для России – Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним).

– В случае неисполнения обязательства, обеспеченного ипотекой, кредитор вправе требовать продажи заложенного имущества с торгов. При реализации имущества, заложенного по договору ипотеки, ипотечный кредитор имеет преимущества перед другими кредиторами в размере суммы, указанной в закладной.

Примечание

¹ Статус объектов незавершенного строительства был изменен в январе 2005 года. До этого времени объекты незавершенного строительства не относились к недвижимому имуществу.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс РФ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
2. Глушкова Н.Б. Банковское дело: Учебное пособие. – М.: Академический проект «Альма Матер», 2005. – 432 с.
3. Федеральный закон «Об ипотеке (залоге недвижимости)» от 16.07.1998 № 102-ФЗ (ред. от 04.12.2006 N 201-ФЗ) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
4. Основы ипотечного кредитования / Науч. ред. и рук. авт. колл. Н.Б. Косарева. – М.: Фонд «Институт экономики города»; ИНФРА-М, 2007. – 576 с.
5. Разумова И.А. Ипотечное кредитование: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2006. – 208 с.

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ВУЗА

М.А. Артамонов

ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ ОТБОРУ И КОНСТРУИРОВАНИЮ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Одной из главных проблем совершенствования методической системы обучения математике является определение содержания обучения, обеспечивающее оптимальные возможности для достижения целей математического образования. Значительное влияние на принципы отбора и конструирования содержания обучения математике оказывает развитие и внедрение профильной дифференциации, которая предполагает необходимую гибкость, как в определении самого объема знаний, так и в требованиях к уровню усвоения этих знаний учащимися.

В этих условиях перед учителем математики встает сложная задача – обеспечить универсальность и одновременно профильную направленность математического образования. Успешность решения этой задачи определяется умениями творческого проектирования, реализации в практике обучения нового содержания математических дисциплин, анализа результатов процесса обучения с учетом профессионального самоопределения учащихся, диагностики уровня их способностей, стимулирования самостоятельной деятельности учащихся, определения стратегии их индивидуальной коррекции и развития. Все это требует высокого уровня квалификации учителя, глубоко знающего свой предмет и владеющего современными технологиями обучения.

На современном этапе развития высшей школы многоуровневая система высшего образования позволяет получить профессиональную подготовку, соответствующую квалификации преподавателя математики, в форме дополнительного образования. В вариативную часть содержания программы подготовки преподавателя могут входить специальные курсы, построенные на принципах интеграции взаимообусловленных предметных, психолого-педагогических и методических знаний и умений. В этом случае целостность профессиональной подготовки реализуется не только на уровне содержания обучения, но и на уровне видов деятельности.

На наш взгляд, овладение методами проектирования учебного процесса и конструирования вариативной части содержания профильного математического образования может продуктивно происходить в процессе освоения студентами специального курса «Проектирование элективных математических курсов». Одной из важных задач этого курса мы считаем обучение студентов отбору и конструированию математических задач.

При разработке содержания курса мы исходили из следующих положений:

- решение математических задач является не только целью, но и средством обучения;
- большинство предлагаемых задач может быть использовано студентами в профессиональной деятельности;
- содержание задач опирается на знания студентов, полученные ими в школе;
- решение некоторых задач позволяет студентам (совместно с преподавателем) найти нестандартные пути их решения;
- решение системы задач способствует конструированию новых задач посредством анализа решения, обобщения способов решения и выделения ведущих идей решения.

Важным этапом проектирования курса является обоснование выбора задач и описание критериев, определяющих возможность их использования для оптимальной организации усвоения в учебной деятельности знаний и навыков исследовательской работы.

В процессе решения конкретной задачи, студенты имеют возможность самостоятельно выбирать методы решения задачи, интерпретировать результаты, сравнивать их с точки зрения эффективности применения, на основе найденного решения моделировать новые задачи. Такие действия позволяют постепенно перейти от решения задачи известным способом к другим решениям задачи и конструированию новых задач.

Деятельность студентов по конструированию математических задач заключается в создании

задачи с определенными свойствами на основе известных задач и различных приемов. В таком контексте задача рассматривается как объект творчества, а конструирование задачи – как творческий процесс, значимость которого определяется, прежде всего, его развивающим эффектом. Исследование задачной ситуации может осуществляться с разных позиций: способа решения задачи, возможности систематизации знаний, установление связей между различными теориями. Каждое из указанных направлений может служить основой конструирования новых задач.

В процессе конструирования задачи мы выделяем несколько этапов: 1) выбор математической задачи; 2) поиск, анализ и выбор способа (метода) решения задачи; 3) решение задачи; 4) анализ решения задачи (анализ творческого компонента решения); 5) определение основы для конструирования задачи (обобщение задачи, рассмотрение обратной задачи, выявление частных случаев и др.); 6) конструирование новой задачи; 7) установление связей с другими задачами.

Раскроем некоторые возможности конструирования новых задач на примере решения задач по теме «Нелинейные системы с тремя неизвестными».

Задача 1. Решить систему уравнений

$$\begin{cases} x^2 + y^2 + z^2 = 27, \\ x + y + z = 9. \end{cases} \quad (1)$$

Решение. Чтобы исследовать систему, приведем ее к виду

$$\begin{cases} x^2 + y^2 + (9 - x - y)^2 = 27, \\ z = 9 - x - y. \end{cases}$$

После несложных преобразований первое уравнение системы примет вид

$$x^2 + (y - 9)x + y^2 - 9y + 27 = 0.$$

Рассматривая полученное уравнение как квадратное относительно переменной x , можно установить, что оно имеет решение тогда и только тогда, когда $y = 3$, откуда находим $x = 3$ и $z = 3$. Следовательно, решением системы (1) является единственная тройка чисел $(3; 3; 3)$.

Для составления новых задач большое значение имеет заключительный этап решения задачи – исследование полученного результата. Кроме полученного решения, реализация этого этапа включает следующие действия:

– поиск различных способов решения данной задачи и их оценку;

– составление новых задач по аналогии с данной;
– рассмотрение обратного утверждения;
– обобщение данной задачи;
– рассмотрение частных и предельных случаев, которые могут обуславливаться как условием задачи, так и выбором способа решения.

Поиск нового способа решения заключается в дальнейшем извлечении из задачи новой информации. В этом случае процесс извлечения может осуществляться как последовательный переход от одной модели задачи к другой.

Выбор задачи 1 в качестве исходной мотивирован тем, что в результате анализа условия можно получить достаточно ясную геометрическую интерпретацию решения. Поэтому следующее направление поиска решения задачи связано с графическим представлением объектов, определяемых уравнениями системы.

Первое уравнение системы (1) в декартовой системе координат $Oxyz$ задает сферу с центром в точке $O(0, 0, 0)$ радиуса $r = 3\sqrt{3}$; второе уравнение в координатном пространстве определяет плоскость, проходящую через точки $A(9, 0, 0)$, $B(0, 9, 0)$, $C(0, 0, 9)$. Исследуя взаимное расположение сферы и плоскости, можно показать, что расстояние точки O до плоскости ABC равно радиусу сферы, то есть плоскость и сфера имеют только одну общую точку. Другими словами, система (1) имеет единственное решение, которое легко подобрать: $x=3, y=3, z=3$.

Рассмотренный подход порождает новые задачи.

Задача 2. Найти все значения параметра a , при которых система уравнений

$$\begin{cases} x^2 + y^2 + z^2 = a, \\ x + y + z = 9 \end{cases}$$

а) имеет решение; б) имеет ровно одно решение.

Решение. Очевидно, что при $a \leq 0$ данная система решений не имеет. Пусть $a > 0$. Опираясь на решение предыдущей задачи, заметим, что система имеет решение в случае, когда сфера, определяемая первым уравнением системы, и плоскость $x + y + z = 9$ имеют хотя бы одну общую точку. Это возможно, когда радиус сферы не меньше расстояния от ее центра O до плоскости, то есть при $a \geq 27$, причем единственное решение система будет иметь при $a = 27$.

Конструирование последней задачи осуществлено путем обобщения исходной системы введением параметра.

Заметим, что задачу 2 можно сформулировать иначе: какие значения может принимать выражение $x^2+y^2+z^2$, если известно, что $x+y+z=9$?

Вариативность поиска решения задачи актуализирует знания обучающихся из различных разделов математики и способствует включению этих знаний в поиск нестандартных решений предлагаемых задач.

Поиск, выбор и оценка способа решения математических задач предполагают:

- рассмотрение в процессе решения задач известных и нестандартных подходов к решению;
- выявление новых возможностей применения известных математических фактов;
- стимулирование поиска новых подходов к решению предлагаемых задач;
- возбуждение интереса к математическим теориям, имеющим теоретическое и практическое значение.

Разнообразие решений каждой задачи, часть из которых при целенаправленной деятельности преподавателя студенты находят сами, позволяет им увидеть огромный потенциал математики для развития творческой активности.

В процессе решения таких задач студенты определяют сущность постановки задачи, выявляют возможности использования различных методов решения задач (алгебраического, векторного, координатного и др.), выделяют те элементы задачи, которые можно интерпретировать с помощью этих методов.

Еще одним достоинством вариативных задач является постепенность в нарастании их сложности, возможность постепенного увеличения этой сложности в той мере, в какой это необходимо для данного студента (ученика), чем создаются благоприятные условия для индивидуализации обучения.

Варьирование задач и упражнений способствует также сознательному и прочному усвоению учебного материала, овладению новыми методами решения задач, активизации повторения.

Дальнейший анализ системы (1) приводит к следующему методу решения. Рассмотрим два вектора $\vec{a}(x, y, z)$ и $\vec{b}(1, 1, 1)$ в прямоугольной системе координат $Oxyz$. Если система (1) имеет решение, то $\vec{a} \cdot \vec{b} = |\vec{a}| \cdot |\vec{b}|$, где $|\vec{a}| = 3\sqrt{3}$, $|\vec{b}| = \sqrt{3}$, $\vec{a} \cdot \vec{b} = 9$. Следовательно, векторы \vec{a} и \vec{b} коллинеарны (в частности, сонаправлены), откуда следует, что

$x = y = z$. Возвращаясь к системе, находим единственное решение: $(3; 3; 3)$.

Векторный метод оказывается эффективным не только при исследовании данных систем, но и конструировании новых задач.

Следующая задача является обобщением рассмотренной ситуации.

Задача 3. Найти все значения параметра k , при которых система уравнений

$$\begin{cases} x^2 + y^2 + z^2 = 9, \\ x + y + kz = -6. \end{cases}$$

имеет решение.

Решение. Если (x, y, z) – решение системы, то, рассматривая векторы $\vec{a}(x, y, z)$ и $\vec{b}(1, 1, k)$, получим,

что $\vec{a} \cdot \vec{b} = -6$, $|\vec{a}| = 3$, $|\vec{b}| = \sqrt{2+k^2}$. Из неравенства

$-|\vec{a}| \cdot |\vec{b}| \leq \vec{a} \cdot \vec{b}$ будем иметь $-3 \cdot \sqrt{2+k^2} \leq -6$, откуда

$k^2 \geq 2$, то есть $k \in (-\infty; -\sqrt{2}] \cup [\sqrt{2}; +\infty)$. Нетрудно убедиться, что при найденных значениях k данная система действительно имеет решение.

Эффективность применения того или иного метода целесообразно демонстрировать в сравнении с другими приемами решения задачи.

Задача 4. Числа x, y, z таковы, что $x^2+2y^2+3z^2=6$. Какое наибольшее значение может принимать выражение $x+2y-z$?

Решение. Первый способ. Обозначим $x+2y-z$ через a . Тогда $z = x+2y-a$. Подставив вместо z в уравнение $x^2+2y^2+3z^2=6$ полученное выражение, придем к уравнению

$$\begin{aligned} x^2+2y^2+3(x+2y-a)^2 &= 6, \text{ или} \\ 4x^2+6(2y-a)x+14y^2-12ay+3a^2-6 &= 0. \end{aligned}$$

Рассматривая последнее уравнение как квадратное относительно x , сформулируем задачу: найти наибольшее значение параметра a , при котором последнее уравнение имеет решение. Решая эту задачу, получим $|a| \leq 2\sqrt{5}$. Таким образом, наибольшим значением a является $2\sqrt{5}$.

Второй способ. Рассмотрим в декартовой прямоугольной системе координат векторы $\vec{a}(x, \sqrt{2}y, \sqrt{3}z)$ и $\vec{b}(1, \sqrt{2}, \frac{1}{\sqrt{3}})$. Тогда выражение $x+2y-z$ представляет собой скалярное произведение векторов \vec{a} и \vec{b} :

$$\vec{a} \cdot \vec{b} = x + 2y - z.$$

По условию $|\vec{a}| = \sqrt{6}$, $|\vec{b}| = \sqrt{\frac{10}{3}}$, тогда, согласно неравенству $\vec{a} \cdot \vec{b} \leq |\vec{a}| \cdot |\vec{b}|$, можно записать $x + 2y - z \leq 2\sqrt{5}$. Заметим, что равенство в последнем неравенстве достигается тогда и только тогда, когда векторы \vec{a} и \vec{b} коллинеарны, то есть когда выполняется равенство $x = y = -3z$.

Отметим, что данную задачу можно рассматривать как задачу нахождения условного максимума функции $f(x, y, z) = x + 2y - z$, переменные которой связаны уравнением $x^2 + 2y^2 + 3z^2 = 6$.

С другой стороны, решение задачи может быть легко сведено к исследованию системы

$$\begin{cases} x^2 + 2y^2 + 3z^2 = 6, \\ 2x + y - z = a. \end{cases}$$

Снова вернемся к задаче 1. Докажем единственность решения системы (1), опираясь на известное неравенство между средним арифметическим и средним квадратичным для трех чисел x, y, z :

$$\frac{x + y + z}{3} \leq \sqrt{\frac{x^2 + y^2 + z^2}{3}}$$

(равенство имеет место тогда и только тогда, когда $x = y = z$).

Действительно, если (x_0, y_0, z_0) – решение системы (1), то будем иметь

$$3 = \frac{x_0 + y_0 + z_0}{3} \leq \sqrt{\frac{x_0^2 + y_0^2 + z_0^2}{3}} = 3,$$

откуда следует, что $x_0 = y_0 = z_0 = 3$.

Взяв за основу решения метод оценок, можно привести примеры задач, исследование и решение которых опирается на использование известных неравенств.

Данный подход может быть трансформирован в следующий вариант.

Задача 5. Среди прямоугольных параллелепипедов с данной площадью поверхности $2a$ найти такой, у которого наибольший объем.

Ответ. Искомый параллелепипед является кубом с ребром, равным $\sqrt{a/3}$.

Анализируя условие задачи 1, заметим, что система (1) является симметрической, так как левые части обоих уравнений являются симметрическими многочленами (то есть каждый из этих многочленов не меняется, если поменять места-

ми любую пару из трех переменных x, y, z). Симметрические системы с тремя неизвестными иногда удобно решать с применением теоремы Виета для кубического уравнения.

Задача 6. Решить систему для любых значений параметра a

$$\begin{cases} x + y + z = a, \\ x^2 + y^2 + z^2 = a^2, \\ x^3 + y^3 + z^3 = a^3. \end{cases}$$

Решение. Используя легко проверяемые тождества:

$$x^2 + y^2 + z^2 = (x + y + z)^2 - 2(xy + yz + zx),$$

$$x^3 + y^3 + z^3 = (x + y + z)^3 - 3(x + y + z)(xy + yz + zx) + 3xyz,$$

заметим, что исходная система будет равносильна следующей системе

$$\begin{cases} x + y + z = a, \\ xy + yz + zx = 0, \\ xyz = 0. \end{cases}$$

Рассмотрим кубическое уравнение

$$t^3 - at^2 = 0. \quad (2)$$

Если α, β, γ – корни уравнения (2), то, воспользовавшись формулами Виета для корней кубического уравнения, замечаем, что набор чисел (α, β, γ) образует решение системы. Всевозможными различными перестановками чисел α, β, γ получаются остальные решения системы. Нетрудно показать, что этими решениями исчерпываются все решения системы.

Таким образом, для решения исходной системы достаточно найти корни уравнения (2): $t_{1,2} = 0$, $t_3 = a$. Если a равно нулю, то система имеет единственное решение $(0, 0, 0)$; если $a \neq 0$, то решениями системы будут следующие тройки чисел: $(a, 0, 0)$, $(0, a, 0)$ и $(0, 0, a)$.

Умение находить различные способы решения задачи, проводить их сравнительный анализ и на их основе конструировать новые задачи относится к важнейшим умениям преподавателя математики, определяющим уровень его профессиональной компетентности. Анализ способов решения задачи позволяет выявить необходимые знания и умения, определить место того или иного способа решения в учебном процессе с учетом возможностей учащихся.

Рассмотренные примеры иллюстрируют некоторый подход к разработке содержания спецкурса, который может явиться средством развития творческой активности студентов. По наше-

му мнению, содержание курса должно отвечать принципам вариативности, наглядности и трансформации междисциплинарных связей, что бу-

дет способствовать созданию условий для повышения уровня математической и методической подготовки студентов.

Г.Ю. Кузьмина

МУЛЬТИМЕДИЙНЫЕ СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГА-ПСИХОЛОГА В ВУЗЕ

Одна из важнейших тенденций развития современного образования состоит в пересмотре самой концепции организации учебно-познавательной деятельности и педагогического руководства ею. В теории и практике осуществляется перенос акцента с обучающей деятельности на познавательную деятельность студента. Отсюда требование активизации деятельности студентов, попытки научить их учиться, реализовать принцип активности в профессиональном самоопределении. Курс на развитие творческой индивидуальности специалиста является одним из основных направлений развития высшего образования. Современному обществу требуется специалист со сформированным индивидуальным стилем деятельности, что обеспечит его дальнейшее развитие как специалиста. Педагог как личность не может быть истолкован только как исполнитель нормативной профессионально-педагогической деятельности. Он выступает как активный субъект, реализующий в профессиональной деятельности свой индивидуальный способ жизнедеятельности, как носитель педагогического сознания [2].

В числе ключевых направлений совершенствования профессионального образования выделяется широкое внедрение мультимедийных средств обучения, оптимизирующих и рационализирующих содержание и процесс обучения. Применение мультимедийных средств обучения представляется нам как одно из наиболее продуктивных способов индивидуализации профессиональной подготовки педагогов-психологов в вузе. Применение мультимедийных средств позволяет повысить эффективность самостоятельной работы обучающихся за счет интерактивности мультимедиа. Обучающийся имеет возможность самостоятельно выбирать стратегию изучения учебного материала, подстраивать процесс обучения под свои индивидуальные предпочтения и познавательные интересы, выбирать последовательность прохождения мультимедийного курса,

проходить обучение в индивидуальном темпе. Таким образом, мультимедийные средства обучения реализуют принцип активного обучения.

Мультимедийные средства представляют также определенные возможности и для обучения в малых группах, что позволяет развивать навыки учебного сотрудничества, работы в команде. Это свидетельствует о необходимости создания учебно-методических комплексов применения мультимедийных средств для индивидуализации профессиональной подготовки педагогов-психологов в вузе.

Итак, использование мультимедийных средств обучения предоставляет возможность:

- повысить эффективность преподавания путем налаживания систематического контроля знаний учащихся;
- индивидуализировать усвоение знаний;
- сократить недостаток учебного времени за счет самостоятельной работы обучающихся;
- создать отношения сотрудничества между обучающимися и преподавателем, который выступает в роли куратора, советчика;
- в ряде случаев дать обучающимся более полную и точную информацию об изучаемом предмете или явлении;
- полисенсорное восприятие (одновременное использование нескольких каналов восприятия);
- повысить наглядность, создать представления о механизме сложных явлений и тем самым облегчить обучающимся их понимание;
- ознакомить обучающихся с характером быстро или, напротив, медленно протекающих процессов;
- ознакомить обучающихся с фундаментальными научными экспериментами в разных областях знаний.

Необходимость использования мультимедийных средств обучения, которые могут воздействовать на различные органы чувств, несомненна. Применение мультимедийных средств обучения обусловлено и значительным усложнением объектов обучения: невозможно продемонстри-

ровать сложное техническое устройство, микросхему или технологический процесс только вербальными средствами и с помощью мела и доски. Мультимедийные технологии обучения при рациональном использовании улучшают условия труда как преподавателя, так и обучающихся. Применение мультимедийных технологий интенсифицирует передачу информации, значительно расширяет иллюстративный материал, создает проблемные ситуации, усиливает эмоциональный фон обучения, формирует мотивацию к обучению, индивидуализирует и дифференцирует процесс обучения. В последнее время разрабатываются технические и мультимедийные средства, предназначенные для обучения и воспитания детей с нарушениями слуха, зрения, умственно отсталых [5].

Как отмечает Е.С. Полат, важно найти способы интеграции мультимедийных средств обучения с традиционными средствами. На наш взгляд, это осуществимо различными путями. В принципе, мультимедийные средства позволяют реализовать дидактические возможности многих традиционных средств обучения. Мультимедийный учебник, к примеру, обладает гораздо большей наглядностью, нежели традиционный. Распространенный вид мультимедийных средств обучения – мультимедийная энциклопедия позволяет обучающемуся воспринимать информацию одновременно визуально и на слух, к тому же обучающийся может обновлять, реорганизовывать, дополнять и модифицировать содержание энциклопедии по своему усмотрению. На наш взгляд, данные возможности – не просто удобство для индивидуального пользователя, но и возможность творческого, критического подхода к восприятию и обработке информации. Распространение и популяризация такого продукта, как электронная книга (в том числе и аудио книги на CD-ROM) свидетельствует о глобальном изменении – традиционные (бумажные) носители информации, по-видимому, постепенно уходят в прошлое, сменяясь цифровыми носителями, которые стремительно совершенствуются.

Мы полагаем, что внедрение мультимедийных технологий в систему высшего образования должно проходить эволюционно, на основе веского теоретического обоснования их эффективности и оптимального сочетания с традиционными средствами обучения. Е.С. Полат отмечает, что любая система обучения должна отвечать ряду

основополагающих факторов: взаимодействие обучающего и обучаемого, наличие достаточно устойчивого и эффективного управления познавательным процессом, устойчивая мотивация познавательной деятельности. Современные модели обучения с применением мультимедийных средств также строятся на этой основе [7].

Существует ряд *психолого-педагогических проблем*, связанных с применением мультимедийных средств в обучении. Мультимедийные средства обучения предоставляют обучающемуся значительную свободу в выборе индивидуальной траектории обучения. Однако, по мнению некоторых исследователей, далеко не все обучающиеся могут грамотно воспользоваться этой свободой. Еще одно преимущество мультимедийных средств, которое может обернуться недостатком – одновременное использование нескольких каналов восприятия в процессе обучения, поскольку возможности людей в одновременном восприятии нескольких видов информации ограничены. По этой причине необходимо следить за тем, чтобы не происходило информационной перегрузки обучающихся. Высокая степень интерактивности современных обучающих программ представляет также определенную опасность для обучающихся, которые не должны переоценивать возможности обратной связи. Как правило, обратная связь мультимедийных приложений не предоставляет обучающемуся развернутых комментариев, а лишь демонстрируют некоторые количественные результаты обучения – например, количество верных или неверных ответов на вопросы тестов. В связи с этим, роль преподавателя в процессе обучения с применением мультимедийных средств чрезвычайно важна. Среди других проблем, возникающих в процессе обучения с использованием мультимедийных средств, исследователи отмечают отсутствие у обучающихся и преподавателей навыков работы с мультимедийными приложениями, недостаточная техническая оснащенность учебных заведений современными мультимедийными средствами обучения, проблемы эргономики. Итак, в связи с объективными изменениями в сфере высшего профессионального образования и на основе выше перечисленных преимуществ применения мультимедийных средств обучения перед традиционными, а также с учетом их недостатков нами было выдвинуто предположение о необходимости создания модели непрерывно-

го применения мультимедийных средств для обеспечения индивидуализации профессиональной подготовки педагогов-психологов вузе.

Среди основных требований, предъявляемых к практической реализации индивидуализации обучения, по нашему мнению, следующие:

- необходимо учитывать индивидуально-типологические особенности обучающихся как при индивидуализированной форме работы, так и при формировании малых групп в рамках отдельно взятого учебного занятия (или серии занятий);

- необходимо диагностировать и учитывать индивидуально-типологические особенности как *систему* свойств обучающихся.

Индивидуализация обучения является непрерывным процессом в системе подготовки педагогов-психологов в вузе. Индивидуализация профессиональной подготовки педагога-психолога в вузе может быть реализована различными средствами, выбор которых определяет, в значительной мере сам педагог в зависимости от индивидуальных предпочтений. Однако на наш взгляд, именно комплекс мультимедийных средств позволяет сформировать индивидуальный стиль профессиональной деятельности будущих педагогов-психологов. Это предположение основано, прежде всего на том, что мультимедийные средства позволяют предоставлять определенную свободу выбора для обучающегося, который, в сущности сам формирует свой индивидуальный стиль деятельности. Возможность выбора целей деятельности и путей их достижения, пространство для самореализации, самоорганизации, самовоспитания и саморазвития – есть необходимые условия индивидуализации профессиональной подготовки специалиста в вузе. При этом преподавателю отводится роль руководителя, управляющего процессом формирования и предлагающем именно те средства обучения, на основе которых и будет производиться выбор учащегося.

Итак, для формирования индивидуального стиля деятельности педагогов-психологов в вузе мультимедийными средствами необходима такая модель индивидуализации обучения, которая обеспечит:

- учет интегральной индивидуальности обучающихся;
- осознанность обучающимися своих индивидуальных свойств (рефлексия);
- последовательное формирование готовности обучающегося к репродуктивной, а затем и продуктивной деятельности.

Основными *условиями* функционирования данной модели являются:

- сочетание мультимедийных и традиционных средств обучения на основе необходимости и достаточности;

- сочетание индивидуальной, индивидуально-групповой и групповой формы работы с обучающимися.

Мы полагаем, что основополагающими *уровнями* данной модели являются *репродуктивный* и *продуктивный*. С одной стороны, постепенное и последовательное движение от репродуктивной деятельности к продуктивной характеризует модель в целом, а с другой – в рамках каждого конкретного занятия с обучающимися происходит формирование индивидуального творческого стиля деятельности посредством увеличения доли продуктивной деятельности.

Репродуктивный уровень характеризуется формированием системы знаний в области педагогики и психологии. Вырабатываются умения использовать систему знаний, умений и навыков в заранее отработанных ситуациях, действовать по алгоритму. Творческая активность практически не проявляется. Однако репродуктивный уровень чрезвычайно важен в формировании индивидуального стиля деятельности педагогов-психологов.

Творческие элементы деятельности развиваются на основе репродуктивных. Без подражания, копирования некоторых элементов профессиональной психолого-педагогической деятельности на индивидуально-личностном уровне развитие индивидуального стиля деятельности и творчества невозможно. Репродуктивный этап имеет целью не только формирование репродуктивной психолого-педагогической деятельности, но и осознание обучающимся своей индивидуальности, соотнесение тех или методов и приемов обучения со своими индивидуальными особенностями личности и способами выполнения психолого-педагогической деятельности.

На репродуктивном этапе используются следующие программные средства:

- учебники с текстовым изложением материала с большим количеством иллюстраций, которые могут быть установлены на сервере или переданы на домашний компьютер;
- учебники с высокой динамикой иллюстрированного материала, выполненные на CD-ROM. Наряду с основным материалом они содержат средства интерактивного доступа, средства ани-

мации, а также видеоизображения, в динамике демонстрирующие принципы и способы реализации отдельных процессов и явлений. Такие учебники могут иметь не только образовательное, но и художественное назначение. Огромный объем памяти носителя информации позволяет реализовывать на одном оптическом диске энциклопедию, справочник, путеводитель и т.д. [5].

В дальнейшем в рамках репродуктивной деятельности используются элементы поиска новых решений в стандартных условиях. Формируется положительная направленность потребностей, интересов к психолого-педагогической деятельности у обучающихся.

Переход от репродуктивной деятельности к продуктивной осуществляется постепенно посредством увеличения доли творческих заданий и способов деятельности. Не последнюю роль в формировании индивидуального стиля деятельности играет мотивационная составляющая индивидуальности обучающегося.

Собственно продуктивная деятельность может реализовываться при помощи современных компьютерных обучающих систем для проведения учебно-исследовательских работ; системы виртуаль-

ной реальности, в которых обучающиеся становятся участниками компьютерной модели, отображающей окружающий мир.

Библиографический список

1. Унт И.Э. Индивидуализация и дифференциация обучения. – М.: Педагогика, 1990.
2. Сластенин В.А. Педагогика: Учеб. пособие для студентов высших пед. учебных заведений / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, Е.В. Шиянов; под ред. В.А. Сластенина. 2-е изд. – М.: Академия, 2003.
3. Сластенин В.А., Подымова Л.С. Педагогика: Инновационная деятельность. – М.: Изд-во «Магистр», 1997.
4. Кравченя Э.М. Технические средства обучения в школе: Учеб. пособие. – Мн.: ТетраСистемс, 2005.
5. Коджаспирова Г.М., Петров КВ. Технические средства обучения и методика их использования: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Академия, 2003.
6. Кроть В.М. Психология и педагогика: Учеб. пособие для вузов. – М.: Высшая школа, 2006.
7. Полат Е.С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. – М.: Академия, 2003.

Е.В. Романова

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ У СТУДЕНТОВ СТАРШИХ КУРСОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА

Актуальность проблемы формирования профессиональной мотивации будущих учителей определяется недостаточной разработанностью психолого-педагогических условий и средств формирования профессиональной мотивации студентов в процессе обучения в высшем учебном заведении.

Существенная особенность профессиональной педагогической деятельности состоит в том, что она является первичной по отношению ко многим другим профессиональным видам деятельности, качество которых во многом определяется характером и результатами работы педагога. Совершенствование качества подготовки педагогических кадров в условиях университетского образования невозможно без учета психолого-педагогических факторов.

У значительной части студентов-педагогов отмечается явное противоречие между высокой оценкой значимости профессии учителя и сла-

бым желанием заниматься этим видом деятельности. Среди них немало и тех, кто невысоко оценивает общественную значимость этой профессии. Для них учебное заведение – это временное пристанище. Понятно, что они, не имея стремления к педагогической работе, после окончания высшего учебного заведения будут избегать того, чтобы работать в школе.

Те же, кто в силу определенных обстоятельств вынужден будет заниматься педагогической деятельностью, не смогут в полной мере проявить себя, достичь высот в этой области, поскольку принуждение не является тем основанием, на котором строится здание профессионализма как интегрального качества, свойства личности, которое складывается из совокупности общекультурных, общетеоретических, специальных и психолого-педагогических знаний, умения передать эти знания своим воспитанникам и самокоррекции профессиональной деятельности.

Повышение учебно-профессиональной мотивации в вузе необходимо начинать с формирования у студентов понимания общественной значимости профессии учителя. Причем решение данной задачи не должно проводиться изолированно силами и средствами кафедр и других подразделений, осуществляющих профессиональную подготовку. Уже на первом этапе при изучении общеобразовательных и общественных дисциплин необходимо проводить работу, связанную с повышением интереса к избранной профессии, поскольку существует прямая зависимость результативности обучения от профессиональной направленности. Следующим условием повышения уровня мотивации является организация учебного процесса, поскольку мотивация не только выполняет побуждающую, направляющую и регулирующую функции, но и сама формируется в процессе деятельности.

Целью нашего исследования является изучение особенностей формирования профессиональной мотивации у студентов старших курсов педагогического вуза, а также разработка программы по формированию профессиональной мотивации студентов.

Экспериментальной базой исследования выступил Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого. В исследовании принимали участие 141 студент 4–5 курсов математического факультета, обучающихся по специальности «Математика» с дополнительной специальностью «Информатика».

Психологическая диагностика студентов проводилась по следующим методикам:

- изучение мотивации успеха и боязни неудачи (опросник А. Мехрабиана в обработке М.Ш. Магомед-Эминова) [3];
- изучение мотивации учебной деятельности студентов (А.А. Реан и В.А. Якунин) [1];
- изучение степени сформированности профессиональной направленности студентов (блок-схема стереоанкеты А.Б. Каганова) [2];
- изучение мотивов привлекательности и непривлекательности в выбранной профессии (А.А. Реан) [1].

В качестве важных критериальных показателей формирования профессиональной мотивации у будущих педагогов выступали: наличие профессиональной направленности (Е.А. Климов, Н.В. Кузьмина, А.А. Реан, В.А. Ядов); сформированность мотивов учебно-профессиональной

деятельности (А.А. Вербицкий, Н.В. Комусова, В.Г. Леонтьев, В.И. Шкурин, Л.Б. Юшкова, В.А. Якунин); эмоциональное принятие студентами будущей профессиональной деятельности (В.К. Вилюнас, В.С. Ильин, М.С. Каган).

В результате исследования на констатирующем этапе эксперимента было установлено, что у большинства исследуемых студентов педагогического вуза доминируют «жестко» прагматические мотивы, тем самым можно предположить, что у студентов появляются сомнения в правильности выбора профессии.

В любой деятельности, и особенно в педагогической, большое значение имеют личностные качества, формирование которых определяется, прежде всего, социальными мотивами. В мотивационной структуре студентов на одном из последних мест находятся мотивы социальной идентификации. У некоторых студентов слабо развиты такие мотивы, как добитесь уважения преподавателей, одобрения родителей и окружающих. Конечно, на процесс познания они не могут оказать существенного влияния, поскольку они внешние по отношению к нему, но их роль нельзя недооценивать в плане формирования социально значимых качеств личности будущего учителя.

По результатам исследования можно констатировать, что у студентов в меньшей степени развито эмоционально-познавательное отношение к профессии, эмоционально-познавательное и активно-деятельное отношение к формированию профессиональной самостоятельности, эмоциональное и активно-деятельностное отношение к общественной работе.

Результаты исследования показали, что позитивно значимыми факторами, определяющими отношение студентов к профессии, являются: возможность работы с людьми, возможность достичь социального признания, уважения, возможность постоянного творчества, самосовершенствования, соответствие способностям, характеру. Негативно значимые факторы: небольшая зарплата, мало оценивается важность труда, работа вызывает переутомление. Эти выше перечисленные факторы явились основанием для выбора данной профессии.

У респондентов четко выражена ориентация на достижение социального благополучия, возможность работы с людьми, повышение квалификации, творческую деятельность.

По результатам исследования у испытуемых доминирующее положение занимает мотив избегания неудач, в то время как, мотив стремления к успеху выражен в меньшей степени.

Таким образом, не смотря на стремление к самореализации, отмечается высокая мотивация избегания неудач.

Корреляционный анализ эмпирических данных, полученных на констатирующем этапе показал:

- несформированность у студентов педвуза целостной функциональной структуры профессиональной мотивации;

- оппозиционирование мотивов учебной деятельности с профессиональной направленностью и мотивацией стремления к успеху;

- слабая интегрированность профессиональной направленности и мотивации стремления к успеху.

С целью успешного формирования профессиональной мотивации студентов педагогического вуза была разработана программа спецкурса «Психология профессионального развития учителя», направленная на коррекцию профессиональной направленности, сформированности мотивов учебно-профессиональной деятельности, эмоциональное принятие студентами будущей профессиональной деятельности и формирование у студентов образа «Я – профессионала», как системообразующего компонента функциональной структуры развития профессиональной мотивации личности.

В ходе занятий студентам предлагался информационный материал о учебно-профессиональной мотивации, её особенностях в студенческом возрасте, о последствиях неверного или неосознанного выбора профессии, роли индивидуально-психологических свойств и качеств личности при профессиональном выборе.

Таким образом, формируется способность к целостному восприятию своего образа «Я» как субъекта профессиональной деятельности, повышается осознанность при получении конкретной специальности, ответственность за профессиональный выбор.

Спецкурс проводился в форме лекционных и практических занятий, построенных в виде тренинга.

Таким образом, в результате реализации программы спецкурса у студентов экспериментальной группы произошла коррекция уровня профессиональной направленности, что проявилось в стабилизации активно-жизненной позиции, в повышении положительного отношения к избран-

ной профессии, а так же к содержанию и условиям осуществления деятельности; у большинства студентов отмечается: повышение познавательного отношения к профессии, к творческому содержанию выбранной профессии, к подготовке к профессиональной деятельности; отмечается положительные изменения в структуре мотивов учебно-профессиональной деятельности; у большинства студентов можно констатировать повышение уровня осознанности и снижение социальной зависимости профессионального выбора.

Корреляционный анализ результатов тестирования показал, после реализации программы тренинга, наличие более целостной функциональной структуры профессиональной мотивации студентов педвуза с множеством устойчивых взаимосвязей ее отдельных компонентов. Наиболее тесные отношения взаимообуславливания и взаимоподкрепления имели показатели мотивации успеха с профессиональной направленностью студентов, на которые, в свою очередь, опирались мотивы учебной деятельности и факторы привлекательности профессии.

Наиболее важными для проведенного исследования и подтверждающими его гипотезу оказались следующие результаты корреляционного анализа: «ключевым» фактором успешности профессиональной мотивации студентов педагогического вуза является положительная профессиональная направленность; в процессе тренинга нивелируются негативные проявления противопоставления профессиональной направленности, мотивации стремления к успеху и избегания неудач, имевшие место у студентов педвуза, и намечаются положительные тенденции интеграции мотивов учебной деятельности и мотивацией успеха в целостную структуру; наиболее значимый компонент – эмоциональное принятие будущей профессиональной деятельности, имеет положительные связи как с показателями факторов привлекательности профессии, так и с мотивацией успеха и мотивами учебной деятельности.

Кроме того, по сравнению с результатами корреляционного анализа показателей тестирования студентов на констатирующем этапе, произошло повышение зависимости мотивов учебной деятельности от факторов привлекательности профессии.

Проведение программы спецкурса способствовало формированию более устойчивой функциональной структуры профессиональной мо-

тивации студентов, ориентированной на овладение будущей профессией как ценностью.

Библиографический список

1. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2003. – 512 с.

2. Каганов А.Б. Рождение специалиста: профессиональное становление студента. – БГУ, 1983. – 93 с.

3. Рогов Е.И. Настольная книга практического психолога в образовании. – М.: ВЛАДОС, 1996. – 529 с.

Н.Н. Свиридов

**ГОТОВИТЬ КОНКУРЕНТОСПОСОБНЫХ
И КОМПЕТЕНТНЫХ МЕНЕДЖЕРОВ XXI ВЕКА**

Подготовка менеджеров всех уровней является общегосударственной задачей. Отставание в этом направлении можно характеризовать как угрозу безопасности страны. Проблема ещё больше актуализируется в связи с тем, что Россия становится открытым государством в рамках международного сотрудничества. Идёт жёсткая конкуренция не только государств, их союзов, фирм, корпораций, но и управленческих кадров всех уровней.

В своём обращении к Совету Федерации 16 мая 2003 года Президент РФ В.В. Путин подчеркнул, что «страна испытывает острую нехватку кадров на каждом уровне и во всех управленческих структурах. Это нехватка современных менеджеров, квалифицированных людей».

Надо полагать, что такой вывод Президента России даёт сигнал всей системе образования, включая высшее, пересмотреть в значительной мере взгляд на подготовку компетентных управленцев.

Как и любая наука, управление развивается и совершенствуется под воздействием нескольких специфических факторов.

Во-первых, понимание самой методологической сущности управления в новых условиях и методами измерения результатов исследования этой науки.

Напомним, что машинное производство потребовало измерения производительности труда, трудоёмкости продукции. Это породило необходимость решения вопросов нормирования труда и рационального управления работниками. Далее процесс шёл в направлении решения более сложной задачи – мотивационной теории, рациональных действий в определённой ситуации, непредсказуемости поведения среды, человека, возрастания рисков.

Следовательно, управление человеческими ресурсами становится важнейшим направлением менеджмента. Меняется сама парадигма управления всех уровней, отраслей и сфер деятельнос-

ти. Всё большее признание получает принцип «3-х П»: персонал – производство – прибыль и трехмерное управленческое мышление – во-первых, внимание к человеку; во-вторых, внимание к деятельности и решаемым задачам и, в-третьих – эффективность, результат управления в различных условиях деятельности. Такой принципиальный подход подводит нас к управлению по ситуации, когда не существует никакого раз и навсегда данного способа управления. Лучший же способ управления надо выбирать, исходя из сложившейся ситуации. Например, в армии управление в мирных условиях существенно отличается от управления в военное время. То же самое управление фирмой в условиях, например, реконструкции и модернизации отличается от управления в условиях успешного роста и развития. Особо хотелось бы отметить специфику управления в регионе и его народнохозяйственным комплексом.

В регионе в большей мере проявляется социально-политическая составляющая, которая взаимобусловлена темпами и уровнем развития региональной экономики.

Особое место принадлежит подготовке менеджеров по антикризисному управлению. Здесь требуется некоторый комментарий. Антикризисное управление часто ассоциируется с управлением фирмой (организацией) находящейся в финансово-экономическом банкротстве. Такое представление не совсем правильно. Надо учесть студентов методологии и приёмам удержания организации в таком состоянии, которое *argioi* не может быть ввергнуто в кризисное положение.

Известно, что после дефолта 1989 года в России ряд фирм (включая крупные банки) смогли выстоять в общем кризисе. Эти фирмы располагали мощной аналитической базой, которая представляла систему индикаторов, предсказывающих наступление финансового банкротства государства, и были приняты упреждающие меры. В связи с этим как раз и надо научить аналитическому мышлению

и системе комплексных мер, позволяющих выжить в условиях общего кризиса, государственных рисков и непредсказуемости. Успешное решение этой важнейшей задачи можно видеть во всех секторах экономики: промышленной (включая оборонную), аграрной, строительной и др.

В этой связи особо актуализируется проблема формирования кадрового корпуса вузов. Здесь мы видим явные признаки снижения уровня компетенции самих преподавателей вузов.

Я назову основные индикаторы: во-первых, применительно к специальности менеджера преподаватель должен сам работать в производстве, заниматься бизнесом или иметь опыт практической деятельности; во-вторых, слабая общая научная и теоретико-методологическая подготовка кадров вузов; и, в-третьих, низкая мотивация труда вузовских работников.

Причём эти индикаторы взаимосвязаны и взаимобусловлены. Не следует стыдливо замалчивать об этом, что контрпродуктивно.

В этих условиях управленческие инструменты и механизмы должны быть адекватны обстановке. Совершенно очевидно возникает необходимость использования комплекса смежных наук: экономики, философии, психологии, социологии, математики и ряд технических и технологических дисциплин. Это в свою очередь объективно требует от будущих выпускников вузов знания весьма широкого спектра фундаментальных и прикладных наук. Эту задачу должны выполнить два блока учебного плана профессиональных и специальных дисциплин.

Вместе с тем особо хотел бы обратить внимание на изучение тех дисциплин, которые формируют методологическое экономико-управленческое мышление, сильный математический инструментарий и аппарат, учат грамотно, логично, связно и ясно излагать свои мысли как устно, так и письменно и, конечно, необходимо знание хотя бы одного иностранного языка.

Специфика подготовки управленца – менеджера заключается ещё и в том, что принятие решений должно быть точно просчитано экономически. Следовательно, необходимо фундаментальное изучение теоретической и прикладной экономики. Конечно, остается спорным вопрос о том, следует ли давать в классическом университете технико-технологические дисциплины. Может быть, этот вопрос следует оставить для дискуссий. Однако совершенно очевидно основы этого направления следует

изучать. Встает в связи с этим вопрос – в какой форме, в каком объеме в общей логике учебного плана вести освоение этого направления.

Понимая всё это, кафедра управления социально-экономическими системами совместно с учебной частью существенно скорректировала учебный план по подготовке менеджеров. Особо мы уделили внимание курсам по выбору. Так, например, в блоке общепрофессиональных дисциплин были введены курсы по выбору:

- методика экономических исследований в 4 семестре объемом в 60 аудиторных часов;
- современные концепции управления;
- основы эконометрики;
- история экономических учений.

Кроме того, учитывается всевозрастающее значение решения проблем экологии и природопользования. Введены следующие курсы:

- менеджмент природопользования;
- ландшафтный дизайн;
- экологический менеджмент.

В цикле специальных дисциплин введены следующие курсы по выбору:

- прикладные программы в управлении фирм;
- информационное обеспечение управления;
- основы алгоритмизации в управлении;
- основы оценочной деятельности;
- управленческий учёт;
- внутрифирменный аудит;
- управление продажами;
- деловой иностранный язык;
- психолого-педагогические основы подготовки и принятия управленческих решений.

Надо отметить, что возникает проблема с кадровым обеспечением ведения этих курсов. В этом отношении наш университет имеет значительные преимущества, и все курсы ведут весьма квалифицированные специалисты.

Нам представляется, что в блоке общепрофессиональных дисциплин следует расширить правовые дисциплины. Курс «Хозяйственное право» явно узок и не отвечает потребностям подготовки компетентных менеджеров.

Кроме того, считаю целесообразным ввести в цикл специальных дисциплин «Экономика предприятия».

Таким образом, всё это будет способствовать подготовке высококвалифицированных компетентных менеджеров, способных быстро адаптироваться в работе после окончания университета и качественно решать управленческие задачи.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

В.С. Абатурова

О РАЗВИТИИ У ШКОЛЬНИКОВ УМЕНИЯ СТРОИТЬ ПРОСТЕЙШИЕ ЛИНЕЙНЫЕ ОПТИМИЗАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ

В Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года, утвержденной приказом Министерства образования Российской Федерации от 11.02.2002 г. № 393 отмечается, что «развивающемуся обществу нужны современно образованные, нравственные, предприимчивые люди, которые могут самостоятельно принимать ответственные решения в ситуации выбора, прогнозируя их возможные последствия» [1, с. 13]. Поэтому актуальной становится проблема формирования у школьников старших классов прикладного стиля мышления, развития у них умения строить простейшие математические модели реальных процессов.

Решить эту проблему можно лишь при наличии соответствующего методического обеспечения. Однако, разработка методики обучения школьников методу математического моделирования возможна лишь тогда, когда процесс создания школьником математической модели, процесс перехода от «языка природы» к «языку математики» будут изучены как педагогические задачи.

В настоящей статье речь пойдет об обучении школьников этапу построения (этапу формализации) простейших (двухмерных) линейных оптимизационных моделей. Выбор простейших линейных оптимизационных моделей в качестве средства обучения школьников методу математического моделирования не случаен. Область применения линейных математических моделей широка, а методы их построения обладают большой общностью и эффективностью. Кроме того, задачи, формализация которых приводит к линейным оптимизационным моделям, позволяют формировать у школьников прикладной стиль мышления, необходимый в практической деятельности каждому из тех, кто хочет достичь поставленной цели и имеет возможность выбора из множества различных способов действия наилучшего (оптимального) способа.

Простейшей (двухмерной) линейной оптимизационной моделью называют математическую задачу нахождения оптимального решения – пары

чисел, в которой линейная функция двух переменных принимает наибольшее или наименьшее значение, при условии, что переменные удовлетворяют конечному числу линейных уравнений и (или) неравенств.

Этап построения математической модели (этап формализации) характеризуется наличием двуязычия: естественного языка («языка природы»), используемого в данной прикладной задаче и языка математического, перевод на который и есть построение соответствующей математической модели. Трудность этого этапа заключается в том, что некоторый «нематематический» объект моделирования, описанный в условии задачи – явление природы, экономический процесс, производственная ситуация и т.д., нужно связать с некоторым известным математическим инструментарием и выразить его на языке этого инструментария.

Процесс создания математических моделей реальных процессов предполагает обследование объекта моделирования и содержательную постановку проблемы. В прикладных школьных задачах и объект моделирования и проблема чаще всего бывают сформулированы в виде текста задачи. Поэтому особенно важно начать этап формализации с анализа текста задачи, который позволяет выявить основные характеристики объекта моделирования и найти связи между ними.

Покажем этап построения простейшей линейной оптимизационной модели на примере одной прикладной задачи.

Задача. Фермер выращивает кроликов двух пород – Русский косой и Белый великан для продажи, причем число кроликов породы Белый великан как минимум втрое больше числа кроликов породы Русский косой. Спрос на кроликов породы Русский косой не превосходит 20 штук за 1 день продажи, а спрос на кроликов породы Белый великан достаточно высок – за один день удастся продать от 25 до 50 штук. Фермер обычно везет кроликов в клетке, которая может вместить не более 60 кроликов. Сколько кроликов каждой породы нужно взять в клетку для получения мак-

симальной прибыли от продажи за 1 день, если прибыль от продажи 1 кролика породы Русский косой составляет 45 рублей, а от продажи 1 кролика породы Белый великан – 30 рублей.

Решение. Этап формализации задачи начнем с анализа текста задачи. Предложим учащимся «смоделировать» (мысленно представить) реальную ситуацию, описанную в тексте задачи, выявить объект моделирования, а затем определить его характеристики и связи между ними. На этом этапе школьник применяет интуитивное моделирование, которое «основано на интуитивном (не обоснованном с позиций формальной логики) представлении об объекте исследования» [2, с. 27].

«Погрузившись» в текст задачи школьник замечает, что объектом моделирования является процесс принятия фермером решения – сколько кроликов породы Русский косой (далее – РК) и Белый великан (далее – БВ) он должен взять для дневной продажи, чтобы получить наибольшую прибыль. Определим и проанализируем характеристики объекта моделирования. Основной характеристикой объекта моделирования является план продажи – число кроликов каждой породы, проданных за один день. В приведенной задаче планом продажи является пара чисел (поскольку речь идет о продаже кроликов двух пород).

План продажи может быть разным – возможным или невозможным, например нельзя взять в клетку для продажи отрицательное число кроликов или нецелое число кроликов – такой план продажи будет невозможным. А вот пара чисел (0;0) хотя и является возможным планом продажи, т.к. теоретически фермер может вообще не брать кроликов для продажи, но вряд ли имеет для фермера интерес, поскольку он хочет получить прибыль от продажи, да еще и наибольшую. Кроме того, в силу существования условия в задаче, что клетка, в которой фермер обычно везет кроликов, может вместить не более 60 кроликов, делает невозможным планом продажи любую пару неотрицательных целых чисел, в сумме превышающую 60, например, (40;21) или (25;37), и т.п. Выбор фермером плана продажи зависит еще от нескольких условий, описанных в тексте задачи, например, от спроса на кроликов каждой породы. Так, зная, что спрос на кроликов породы РК не превосходит 20 штук за 1 день продажи, а прибыль от продажи 1 кролика РК составляет 45 рублей, фермер может взять, например, 20 кроликов породы РК, тогда кроликов породы БВ он может взять,

например, 40, т.е. план продажи будет (20;40), а прибыль от этого плана продажи будет равна $20 \cdot 45 + 40 \cdot 30 = 2700$ рублей, что составляет одну из возможных прибылей. С другой стороны, поскольку спрос на кроликов породы Белый великан достаточно высок – за один день удается продать от 25 до 50 кроликов породы БВ, то фермер может взять для продажи, например, 50 кроликов породы БВ, но тогда в клетку можно поместить всего 10 кроликов породы РК, при этом прибыль от плана продажи (10;50) составит $10 \cdot 45 + 50 \cdot 30 = 1950$ рублей. Но план продажи (10;50) менее выгодный, чем план продажи (20;40), поэтому фермер может выбрать наиболее выгодный вариант – взять 20 кроликов породы РК и 40 кроликов породы БВ. Однако нужно выяснить, все ли условия, описанные в задаче, выполнены. В условии задачи сказано: число кроликов породы Белый великан как минимум втрое больше числа кроликов породы Русский косой, это означает, что план продаж (20;40) этому условию не удовлетворяет, поскольку в этом случае число кроликов породы БВ больше, чем кроликов породы РК только в 2 раза. Итак, пара чисел (20;40) является недопустимым планом продажи, поскольку она не удовлетворяет условиям задачи (ограничениям задачи) и рассматривать ее как вариант решения нельзя.

Таким образом, мы выяснили, что план продаж может быть допустимым и недопустимым. Допустимый план продажи – это план продажи, который удовлетворяет всем ограничениям задачи. Из сказанного выше делаем вывод, что фермер может остановить свой выбор на плане (10;50) с прибылью 1950 рублей или попытаться найти более выгодный план продажи. Один из способов нахождения более выгодного плана – способ перебора всех возможных планов продажи. Например, фермер должен понять, как получить прибыль, близкую к 2700 рублям так, чтобы выполнялось условие, что число кроликов породы БВ как минимум втрое больше числа кроликов породы РК. Допустим, он будет уменьшать число кроликов породы РК, и подбирать соответствующее число кроликов породы БВ исходя из требуемого условия задачи. Например, если число кроликов породы РК равно 19, то минимальное число кроликов породы БВ будет 51, но в сумме $19 + 51 = 70$, что не соответствует другому условию задачи (сумма не должна быть больше 60), т.е. план (19;51) является недопустимым. Уменьшая число кроликов породы РК далее, придем

к тому, что если число кроликов породы РК равно 15, то число кроликов породы БВ может быть равно, например, 45, тогда план продажи (15;45) является допустимым, и прибыль при этом составит $15 \cdot 45 + 30 \cdot 45 = 2025$ рублей. Эта прибыль больше, чем прибыль, полученная от плана продажи (10;50), поэтому этот план продажи для фермера предпочтительнее. Далее также можно определить другие планы продаж и выбрать из них тот, который «доставляет» наибольшую прибыль. Этот план продаж называют оптимальным. Таким образом, оптимальный план продажи – допустимый план, доставляющий наибольшую прибыль.

Проведенный анализ текста задачи позволяет смоделировать процесс принятия фермером решения о нахождении оптимального плана продажи кроликов. Ценность анализа текста задачи заключается в том, что был выявлен объект моделирования, найдены все характеристики объекта моделирования и необходимые для построения математической модели связи между ними.

Теперь можно осуществить перевод реальной ситуации, описанной в задаче, на математический язык, т.е. формализовать задачу. Поскольку при анализе текста задачи появлялись разные варианты планов продаж кроликов, то для построения математической модели нужно ввести переменные (иногда говорят управляемые переменные). Обозначим через x число кроликов породы РК, а через y – число кроликов породы БВ, тогда $(x; y)$ – план продажи кроликов за 1 день. Поскольку число кроликов не может быть нецелым, то $(x; y)$ – пара целых чисел.

I-е предложение текста задачи «фермер выращивает кроликов двух пород – Русский косой и Белый великан для продажи, причем число кроликов породы Белый великан как минимум втрое больше числа кроликов породы Русский косой» означает, что если число кроликов породы РК равно x , то число кроликов породы БВ, может быть либо равно $3x$, либо больше, чем $3x$, а поскольку число кроликов породы БВ мы обозначили через y , то математически это записывается в виде неравенства $y \geq 3x$. Кроме того, число кроликов не должно быть отрицательным, что математически означает выполнение неравенств $x \geq 0, y \geq 0$. Итак, I-е предложение можно формализовать так: пусть x – число кроликов породы РК, а y – число кроликов породы БВ, предназначенные для дневной продажи. Тогда для переменных x и y должны выполняться неравенства: $y \geq 3x, x \geq 0, y \geq 0$.

II-е предложение «спрос на кроликов породы Русский косой не превосходит 20 штук за 1 день, а спрос на кроликов породы Белый великан достаточно высок – за один день удастся продать от 25 до 50 кроликов», означает, что за 1 день фермер сможет продать не более 20 кроликов породы РК, т.е. либо 20 кроликов, либо меньше 20 кроликов, что в переводе на математический язык означает, что должно выполняться неравенство $x \leq 20$. Для кроликов породы БВ выполняется условие, что наименьшее число кроликов, которое можно продать за один день равно 25, а наибольшее число кроликов породы БВ, которое можно продать за один день равно 50, что математически записывается в виде двойного неравенства $25 \leq y \leq 50$. Таким образом, II-е предложение в задаче можно формализовать так: для переменных x и y должны выполняться неравенства $x \leq 20, 25 \leq y \leq 50$.

III-е предложение в тексте задачи «кроликов обычно везет кроликов в клетке, которая может вместить не более 60 кроликов» означает, что сумма $x+y$, обозначающая общее число кроликов, должна удовлетворять условию $x+y \leq 60$, причем никакие значения не имеют форма клетки, высота клетки и т.п. Поэтому, формализацией III-его предложения текста задачи является неравенство $x+y \leq 60$.

IV-е предложение в тексте задачи «сколько кроликов каждой породы нужно взять для получения максимальной прибыли от продажи за 1 день, если прибыль от продажи 1 кролика породы Русский косой составляет 45 рублей, а от продажи 1 кролика породы Белый великан – 30 рублей» содержит информацию о прибыли от продажи кроликов. В первой фразе «сколько кроликов каждой породы нужно взять для получения максимальной прибыли от продажи за 1 день» содержится основной вопрос задачи, который можно сформулировать так: в задаче требуется найти значения переменных x и y , для которых должно выполняться условие, что общая прибыль от продажи за один день x кроликов породы РК и y кроликов породы БВ должна быть наибольшей, или, другими словами – в задаче требуется найти оптимальный план продажи – пару чисел $(x; y)$. Вторая фраза «если прибыль от продажи 1 кролика породы Русский косой составляет 45 рублей, а от продажи 1 кролика породы Белый великан – 30 рублей» означает, что если фермер продаст x кроликов породы РК, то его прибыль составит $45 \cdot x$ рублей, если он продаст за один день y кроликов породы БВ, то его

прибыль составит $30 \cdot y$ поэтому общая прибыль от продажи за 1 день x кроликов породы РК и y кроликов породы БВ составит $45x + 30y$ рублей, или, другими словами, прибыль от плана продажи $(x; y)$ составляет $45x + 30y$. Итак, IV-е предложение формализуется следующим образом: найти значения переменных x и y , при которых выражение $45x + 30y$ принимает наибольшее значение или, другими словами, найти оптимальный план продажи – пару чисел $(x; y)$, доставляющий наибольшее значение линейной функции $45x + 30y$.

Теперь весь текст задачи переведен на математический язык, т.е. математическая модель задачи имеет вид: *найти оптимальное решение (оптимальный план продажи) – пару целых чисел $(x; y)$, в которой линейная функция $45x + 30y$ принимает наибольшее значение, при условии, что переменные x и y удовлетворяют каждому из неравенств $y \geq 3x$, $x \geq 0$, $y \geq 0$, $x \leq 20$, $25 \leq y \leq 50$, $x + y \leq 60$.*

Заметим, что эту построенную математическую модель можно переформулировать иначе, поскольку одновременное выполнение каждого из неравенств $y \geq 3x$, $x \geq 0$, $y \geq 0$, $x \leq 20$, $25 \leq y \leq 50$, $x + y \leq 60$ означает, что переменные x и y должны удовлетворять системе неравенств:

$$\begin{cases} y \geq 3x, \\ y \geq 0, \\ x \geq 0, \\ x \leq 20, \\ 25 \leq y \leq 50, \\ x + y \leq 60. \end{cases}$$

Тогда математическая модель задачи примет вид: *найти оптимальное решение (оптимальный план продажи) – пару целых чисел $(x; y)$, в которой линейная функция $45x + 30y$ принимает наибольшее значение, при условии, что переменные x и y удовлетворяют системе неравенств:*

$$\begin{cases} y \geq 3x, \\ y \geq 0, \\ x \geq 0, \\ x \leq 20, \\ 25 \leq y \leq 50, \\ x + y \leq 60. \end{cases}$$

Полученную систему можно записать с меньшим числом неравенств, что еще упростит запись созданной математической модели задачи.

Действительно, заметим, что из двух неравенств системы $y \geq 0$ и $25 \leq y \leq 50$ неравенство $y \geq 0$ является лишним, поэтому его можно исключить из системы, а одновременное выполнение неравенств $x \geq 0$ и $x \leq 20$ можно записать в виде двойного неравенства $0 \leq x \leq 20$. Таким образом, после преобразований, математическая модель задачи примет вид: *найти оптимальное решение (оптимальный план продажи) – пару целых чисел $(x; y)$, в которой линейная функция $45x + 30y$ принимает наибольшее значение, при условии, что переменные x и y удовлетворяют системе неравенств:*

$$\begin{cases} y \geq 3x, \\ 0 \leq x \leq 20, \\ 25 \leq y \leq 50, \\ x + y \leq 60. \end{cases}$$

Теперь этап формализации задачи полностью закончен, математическая модель задачи построена. Отметим, что построенная линейная оптимизационная модель, при заданных параметрах в задаче, имеет целочисленное решение. Для внутримодельного решения можно воспользоваться наглядным геометрическим методом решения двухмерных задач линейного программирования, а можно, прибегнуть и к методам целочисленного программирования [см., например, 3; 4]. Главное – показать школьникам возможности использования математики в решении практических задач с помощью методов, доступных для их понимания, научно обоснованных и методически разработанных.

Библиографический список

1. О Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года (приказ от 11.02.02. №393) // Вестник образования. – 2002. – №6. – С. 10–41.
2. Введение в математическое моделирование: Учеб. пособие / Под ред. П.В. Трусова. – М.: Логос, 2004. – 440 с.
3. Абатурова В.С. Математическое моделирование школьникам 1. Линейные модели: Учебное пособие / Институт прикладной математики и информатики. – Владикавказ: Владикавказский научный центр РАН и СО-А, 2007. – 112 с.
4. Акулич И.А. Математическое программирование в примерах и задачах: Учебное пособие для студентов экон. спец. вузов. – М.: Высш. шк., 1986. – 319 с.

СВЕРХФРАЗОВОЕ ЕДИНСТВО КАК ЭЛЕМЕНТ РАЗВИТИЯ СВЯЗНОЙ РЕЧИ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Важнейшим аспектом обучения языку является развитие связной речи, причем это направление не утрачивает важности практически на всех этапах обучения. Названная работа ведется практически уже с первых дней пребывания ученика в школе и продолжается в среднем и старшем звеньях. В современных программах по русскому языку уделяется серьезное внимание работе по развитию связной речи. Однако в практике массовой школы, к сожалению, обнаруживаются факты, свидетельствующие о недостаточно высоком методическом уровне работы в данной области. Об актуальности темы свидетельствует активизация научно-методических изысканий в этой области, однако в настоящее время еще существуют проблемы по данному вопросу, нуждающиеся в дополнительных методических, психологических и лингвистических исследованиях, а также в теоретическом и экспериментальном обосновании. К числу таких проблем можно отнести оптимизацию работы по развитию речи в национальной школе, поиск эффективных методик, адаптированных к потребностям конкретных национальных аудиторий; важным представляется и анализ способов сохранения преемственности между средней и высшей школой при изучении единиц связной речи, в частности, такой важнейшей составляющей текста, как ССЦ.

Важнейшим условием изучения ССЦ является всесторонний учет его особенностей: структуры, смысловых отношений, его связей с предыдущим и последующим текстом¹. ССЦ изучается как единица текста, который обладает единством темы и замысла, относительной завершенностью, определенной внутренней структурой, синтаксическими и логическими связями внутри его компонентов и между ними.

Известно, что ССЦ соотносится с абзацем, в графическом оформлении они с абзацем обычно совпадают, но деление текста на абзацы произвольно, индивидуально, а ССЦ подчинены системе. В школьной практике предпочтение отдано термину «абзац», под которым подразумевается единица текста, представляющая собой тематическое и грамматическое единство предложений. Одно из предложений абзаца обычно является его

темой (именуется тематическим предложением), нередко в абзаце формулируется и его главная мысль (концептуальное предложение). Умение выделять тематическое предложение в абзаце важно как для пишущего, так и для читающего. Автору такое предложение позволяет определить тему абзаца и строго придерживаться ее развития в других предложениях абзаца, а воспринимающему оно помогает определить предмет речи и удерживать его в памяти до тех пор, пока он не сменится другим предметом речи. Умение выделять концептуальное предложение абзаца обеспечивает понимание глубинной структуры синтаксических единиц, выявлению смысла текста. Внимание учащихся обращалось на то, что каждый абзац начинается с красной строки.

В соответствии со сказанным языковой материал для работы подбирается такой, в котором абзацы текста в значительной мере соответствуют сверхфразовым единствам. Итак, абзац как единица обучения в экспериментальной методике предполагает объединение признаков абзаца и ССЦ, в соответствии с чем были определены следующие основные требования к дидактическому материалу.

1. В абзаце должна излагаться только одна тема, в него должно быть включено все, что необходимо для развития темы, намеченной в тематическом предложении, и не должно быть ничего, что не относится к этой теме.

2. Предложения внутри абзаца должны быть связанными друг с другом и с тематическим предложением абзаца. Каждое предложение должно подготавливать читателя к восприятию следующего предложения.

3. Главное предложение внутри абзаца должно быть позиционно выделено. Поскольку начало и конец абзаца в наибольшей мере способны подчеркнуть коммуникативную значимость предложения, основную мысль абзаца следует представить в начале или в конце абзаца.

При анализе текстов обращалось внимание учеников на эти особенности абзацев. Кроме того, подчеркивалось, что в художественной литературе тема абзаца может получить выражение не в одном, а в нескольких предложениях. Если в абзаце нет своего тематического предложения, то это зна-

чит, что он является материалом обеспечения темы или какого-нибудь положения, получивших отражение в предшествующей части текста.

Разбор абзацев предполагает анализ специальных языковых средств межфразовой связи. Средств связи множество, но пишущий или говорящий не всегда осознают и прогнозируют их. Важнейшими оказываются следующие: лексические связи (повторы, синонимические связи); антонимические отношения; местоименные замены; наречные замены; союзы, связывающие предложения; частицы в роли средств связи: далее, бы, ли, не; интонационные связи, которые на письме частично передаются пунктуацией: вопросительным знаком, многоточием, восклицательным знаком; вводные слова и предложения, выполняющие связующую роль.

Обязательной частью работы с абзацем-ССЦ будет объяснение того, что они создаются связями разного типа, прежде всего типом связи между предложениями.

Изучение абзаца (ССЦ) в школьном курсе русского языка направлено на активизацию процесса развития речи, на достижение его сознательности. Естественно, что любая система по развитию речи должна быть представлена в системе упражнений. Мы считаем наиболее эффективной систему упражнений по развитию связной речи, предложенную Т.А. Ладыженской, которая подчеркивает, что данная система упражнений весьма условна, поскольку в них «анализ, как правило, сочетается с синтезом, сравнение предполагает отвлечение и обобщение и т.д. Кроме того, в реальном педагогическом процессе различные по характеру и сложности задания сочетаются между собой, объединяются общей задачей, требующей решения»².

Общезвестно, что эффективность применения упражнений во многом зависит от того, как сочетаются между собой отдельные задания, в какой последовательности они предлагаются, обеспечивается ли постепенное усложнение деятельности учащихся, формирование коммуникативных умений по созданию собственного текста.

Таким образом, о системе упражнений можно говорить только в том случае, если каждая из проводимых работ выполняет свою роль в формировании определенного коммуникативного умения, если все упражнения целенаправленны, последующие опираются на предыдущие и поднимают учащихся на новый уровень овладения

умением. Эти положения и были учтены нами при создании системы упражнений, соответствующих целям и задачам экспериментального обучения на каждом из этапов.

Первый этап – вводно-теоретический, направлен на наблюдение и анализ текстов, для формирования теоретических знаний о построении, структуре абзаца. Здесь используются упражнения, которые позволяют познакомить учащихся со смысловыми связями внутри абзаца, со структурой этой единицы. При анализе текстов выявляются как особенности плана содержания, так и плана выражения абзаца.

Таким образом, целью I этапа можно считать создание системы речевых знаний об абзаце. На основе первичного анализа текста-образца решались задачи активизации необходимых для практики обучения абзацу характеристических описаний ССЦ.

Активизировав знания учащихся об абзаце, можно углублять знания учащихся об этой единице. На этом же этапе приступаем к анализу образцов с точки зрения их содержания, структуры. Подобная форма работы, выполняемая многократно, является способом закрепления и проверки приобретенных знаний и умений, помогает в усвоении учащимися тех признаков абзаца, которые определены нами как основные. Многие из черт абзаца рассматриваются на примере специально подобранных текстовых фрагментов, включенных в систему упражнений. Постоянно акцентируется внимание учащихся на неразделимую связь плана содержания и плана выражения, на те языковые (лексические, грамматические) средства, которые являются связующими элементами предложений внутри абзаца (ССЦ), на то, что членение письменной монологической речи на отдельные части – абзацы является внешними средствами ее выразительности. В соответствии с этим, на данном этапе используются аналитические упражнения, при выполнении которых ставятся и решаются задачи по анализу текстов, по сравнению и сопоставлению абзацев, при этом учащиеся получают и закрепляют знания об эталонных признаках абзаца, в ходе практических занятий формируются аналитические умения: анализировать предмет речи в абзаце, анализировать и оценить использованные здесь автором языковые средства. Полученные знания и умения носят «инструментальный» характер, являются переходом к овладению продуктивными умениями и навыками.

На II этапе в системе обучения абзацу проводятся специальные тренировочные упражнения, с помощью которых формируются и совершенствуются рецептивные умения и навыки учащихся. В системе упражнений по развитию связной речи Т.А. Ладыженской, взятой нами за основу, они определены как упражнения аналитико-речевого характера. В результате их выполнения учащиеся экспериментального класса совершенствуют первичные умения по анализу, приобретенные на I этапе обучения, а также создают на основе текста-образца отдельные элементы его структуры. Среди таких заданий можно выделить следующие: допиши зачин, концовку к абзацу, вырази согласие или несогласие с приведенным высказыванием, построй систему аргументов к предлагаемому тезису, напиши небольшой текст – рассуждение по аналогии и т.д. В систему упражнений на данном этапе включены также упражнения на переработку готового абзаца, к которым даны задания исправить текст, в результате чего качество речи повышается. Данный этап также предполагает обращение к анализу образцового текста с целью анализа языкового оформления. В качестве дидактического материала предлагаются тексты ученических работ либо деформированные тексты, требующие правки и редактирования. Послетекстовые задания, используемые в каждом упражнении, акцентируют внимание обучающихся на особенностях структуры абзаца.

На этом этапе обучения вводятся задания на перевод отдельных предложений, фрагментов или небольших абзацев на родной язык. При использовании упражнений на перевод следует добиваться от учеников полной и точной передачи содержания абзаца средствами родного языка.

Тренировочные аналитико-синтетические упражнения предполагают обращение к текстам-образцам с целью анализа речевых действий авторов и языкового оформления высказываний, предтекстовые и послетекстовые задания акцентируют внимание старшеклассников на структурных и семантических особенностях абзацев, но уже на этом подготовительном этапе начинается формирование необходимых продуктивных коммуникативных навыков. Основными видами тренировочных заданий на этом этапе становятся упражнения на переработку готового текста и упражнения, требующие создания фрагмента абзаца или абзаца как фрагмента текста. При этом дописанные учениками фрагменты должны органически сочетаться с целым.

Целью III этапа является формирование умений и навыков самостоятельного создания абзацев при написании текстов, т.е. продуктивных коммуникативных навыков. Ученики реализуют приобретенные умения, создавая абзац на заданную микротему, с опорой на приведенное педагогом высказывание (пословицу, афоризм, цитату). Поэтому при обучении абзацу мы прежде всего активизируем имеющиеся у учащихся умения и навыки монологического речевого высказывания, а также определенные мыслительные умения (сопоставлять, обобщать, делать выводы и др.).

На заключительном этапе работы по обучению абзацу можно порекомендовать задания, которые носят продуктивный характер, учащиеся оперируют знаниями и умениями, полученными в ходе всей предыдущей работы только в том случае, если она проводилась в определенной системе.

Изучение ССЦ начинается еще в начальной школе, однако методисты предпочитают оперировать термином абзац, не разграничивая эти понятия. Что ж, для школьного обучения, особенно в младших и средних классах это представляется оправданным, поскольку позволяет акцентировать внимание на важнейшей роли ССЦ как составляющей текста, на особенностях его семантики. Необходимость изучения структуры ССЦ, средств межфразовой связи на следующих этапах обучения предопределяет ввод в процесс школьного обучения термина «сложное синтаксическое целое». Задачи обучения в вузе предполагают изучение ССЦ в других аспектах, в зависимости от специальности. Но здесь уже становится важной дифференциация ССЦ и абзаца. На педагогических факультетах, помимо вопросов стилистики, связанных с ССЦ, необходимо изучать эту единицу в методическом аспекте, что предполагает и обращение к сопоставительному билингвальному анализу в методических целях, то есть для определения возможной опоры на транспозитивные навыки у билингвов в процессе обучения и прогнозирования возникновения трансферентных явлений в речи учащихся, поиска стратегии их преодоления.

Примечания

¹ Лосева Л.М. Как строится текст. – М., 1980.

² Ладыженская Т.А. Система упражнений по развитию связной речи // Совершенствование методов обучения русскому языку. Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1981. – С. 44–45.

Н.А. Евтеева

ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТИЗМА У СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Перед образовательными учреждениями в рамках государственной Программы патриотического воспитания граждан Российской Федерации на 2006–2010 гг. поставлена задача создания механизма, обеспечивающего эффективное патриотическое воспитание на основе исторических ценностей и роли России в судьбах мира. Патриотическое воспитание в условиях образовательного процесса понимается нами как педагогическое взаимодействие учителя и ученика с целью формирования у подростков патриотического сознания и развития патриотических чувств, выступающих регуляторами активной деятельности подростка на благо своей Родины.

Современные подходы к воспитанию патриотизма предполагают осуществление процесса воспитания патриотизма как вхождение подростка в культуру [2; 3; 4; 5]. Формирование и развитие основных структурных компонентов патриотизма – патриотического сознания, патриотических чувств и общественно-значимой деятельности – осуществляется посредством придания образовательному процессу воспитывающего характера. В этих условиях особое место принадлежит уроку иностранного языка. Воспитание патриотизма как качества личности осуществляется на уроке иностранного языка двумя путями:

- путём опосредованного педагогического воздействия на основе работы с культуроведческим материалом учебного пособия по иностранному языку;

- путем непосредственного педагогического воздействия на основе использования краеведческого материала.

Опосредованное патриотическое воспитание старших школьников рассматривается нами как представление, как процесс, ставящий подростка перед социокультурными единицами, побуждающий их к формированию определённого типа отношения к ним. Ситуация воспитания как представления является на уроке иностранного языка в трёх смыслах: 1) представление как постановка перед социокультурной единицей страны изучаемого языка; 2) представление как спектакль, как то, что сценарировано и представлено; 3) представ-

ление как экзистенция. Экзистенциальность ситуации воспитания понимается как требование на включённость воспитуемого в ситуацию. Педагог сценирует ситуацию, в развитии которой подросток имеет возможность сравнить, провести аналогии, поразмышлять, что ценного и значимого существует в культуре чужой страны и что ценного и значимого имеет культура своего народа. Эта рефлексия важна для формирования ценностных отношений подростка, для созидания той почвы, той основы, на которой зарождаются и укрепляются патриотические чувства, впоследствии выступающие регуляторами деятельности юного патриота. Основными воспитательными методами опосредованного педагогического воздействия с целью формирования патриотического сознания и воспитания патриотических чувств является метод сравнения (сопоставления), метод акцентирования (через профессиональное мастерство педагога), метод внушения («мы хорошие и замечательные, сильные и добрые»).

Результативность патриотического воспитания обеспечивается реализацией следующих дидактических принципов: *принципа культурной рефлексии, принципа культурной вариативности, принципа диалога культур*. Методически рефлексия может быть организована посредством проблемных культуроведческих заданий. К таким заданиям относятся задания на: а) осознание учащимися себя в качестве поликультурных субъектов в родной среде; б) выявление учащимися культурных сходств между представителями различных культурных групп стран соизучаемых языков с целью расширения рамок собственной групповой принадлежности за пределы политических границ стран изучаемого языка; в) определение учащимися своего места, роли и значимости, а также развитие ответственности в глобальных общечеловеческих процессах (например, участие в мероприятиях экологических организаций своего города, района, получение основного документа – паспорта, стремление участвовать в выборах и т.п.); г) инициацию и принятие участия в действиях против культурной агрессии, культурной дискриминации и культурного вандализма.

Сущность *принципа культурной вариативности* заключается в ознакомлении обучающихся с палитрой культур стран изучаемого языка. Самоопределение в спектре культур соизучаемых родного и иноязычного сообществ по каждому типу культуры возможно только через ознакомление обучающихся с некоторыми вариантами поведения как в родной стране, так и в стране изучаемого языка.

Принцип диалога культур в условиях урока иностранного языка реализуется не только в вертикальном историческом, но и в горизонтальном измерении, когда контактируют культуры и представители культур стран родного и изучаемого языков, находящиеся в единовременной плоскости. Воспитательный потенциал в этих условиях приобретают языковые культуроведческие (индивидуальные и групповые) проекты контрастно-сопоставительного характера. Важно также, чтобы тематика языковых проектов соотносилась с общей тематикой учебного плана по иностранному языку. Примерами ученических проектов могут служить билингвальные материалы для российских туристов, выезжающих за рубеж и иностранцев, посещающих Россию и регион учащихся; тематические вечера (например, посвященные творчеству писателей из региона, интеллектуальные игры «Что? Где? Когда?», «Кто хочет стать миллионером?», «Умники и умницы» и т.п.); тематические культуроведческие сайты в сети Интернет; тематические культуроведческие тетради; тематические стенгазеты, плакаты; рефераты.

В соответствии с «Законом об образовании» (ст. 7), предусматривающим возможность введения в содержание образования материалы национально-регионального содержания, на уроке иностранного языка в целях воспитания личностных качеств патриота активно используется краеведческий материал. Краеведческий материал, содержащий социокультурный опыт человечества, служит овладению теоретическим знанием о культуре, традициях и способствует воспитанию у школьника личностных качеств патриота [6].

Методологической основой процесса воспитания патриотизма на уроке иностранного языка посредством использования краеведческого материала является культуроведческий подход.

Культурологический подход – это видение образования сквозь призму понятия культуры, то есть его понимание как культурного процесса, осуществляющегося в культуросообразной образователь-

ной среде, все компоненты которой наполнены человеческими смыслами и служат человеку, свободно проявляющему индивидуальность, способность к культурному саморазвитию и самоопределению в мире культурных ценностей [1].

Использование на уроке иностранного языка краеведческого материала осуществляет процесс интериоризации культурных ценностей как психологической основы патриотического воспитания учащихся старшего школьного возраста. Краеведение как дидактическое средство в процессе обучения языку и культуре выступает в роли связующего элемента, способствующего проникновению в изучаемую культуру, служит наполнению содержания социально-педагогического компонента патриотического воспитания, обеспечивает базу для формирования личности гражданина и патриота России с присущими ему ценностями, взглядами, ориентациями, интересами, установками, мотивами деятельности и поведения.

Краеведческий материал, используемый на уроке иностранного языка в целях патриотического воспитания, выполняет несколько функций: культууроформирующую (краеведение решает важнейшую задачу сохранения и освоения новыми поколениями мировой, местной исторической памяти человечества); культуурообъединяющую (краеведение обеспечивает объединение жителей края в живой социальный организм); воспитательную (краеведение создаёт возможность взаимообогащающего диалога представителей различных поколений, различных образов жизни), просветительскую (даёт возможность учащимся ощутить свою связь с народной судьбой) и нравственную (содержит знание об образцах истинного служения Родине, долгу, опосредованно формирует определённый уровень духовного развития личности школьника).

Таким образом, применение методов сравнения (сопоставления), акцентирования и внушения, а также соблюдение названных дидактических принципов в работе с культуроведческим материалом учебного пособия и использование краеведческого материала на уроке иностранного языка способствует воспитанию патриотизма старшеклассников в условиях образовательного процесса.

Библиографический список

1. Бондаревская Е.В., Кульневич С.В. Педагогика: личность в гуманистических теориях и сис-

темах воспитания. – Ростов-на-Дону: Творческий центр «Учитель», 1999. – 560 с.

2. Гальскова Н.Д. Межкультурное обучение: проблема целей и содержания обучения иностранным языкам // Иностранные языки в школе. – 2004. – №1. – С. 3–8.

3. Романенко Н. Краеведение – путь к познанию // Народное образование. – 2001. – №4. – С. 191–195.

4. Федотова М.А., Тучкова Т.У. Регионоведение на уроке иностранного языка // Образование: теория и методика. – Липецк: ЛПИУУ, 2001. – С. 5–15.

5. Шалькевич Л. Использование краеведческого материала на уроках иностранного языка // Технология педагогического труда. – Чебоксары, 2002. – С. 20–23.

6. Шмидт С. Без краеведения нет России! // Детская библиотека. – 1999. – №1. – С. 8–11.

Н.В. Залесова

ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ ПОНЯТИЙ НА ОСНОВЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОМПЛЕКСА ЭВРИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ И ПРИЕМОВ

В современном обществе происходят коренные перемены, которые влияют на все сферы жизни. Обозначился запрос на личность активную, творчески мыслящую, способную уходить своей деятельностью от стереотипов, умеющую преобразовывать действительность. Поэтому одной из основных целей общего образования стало развитие у школьников способности приобретать знания, развитие всей системы познавательно-продуктивных качеств мышления. Основой мышления являются понятия.

Каждая наука, обобщая явления объективного мира, оперирует понятиями, в них конкретизируются накопленные знания.

Под научным понятием мы понимаем систему логически взаимосвязанных упорядоченных суждений, высказанных о некотором объекте.

Без усвоения понятий невозможно усвоить законы и научные теории. Таким образом, понятия, с одной стороны, составляют основу науки, а с другой, являются средством овладения научными знаниями, поэтому требуется улучшение и изменение учебного процесса, который связан как с деятельностью учителя, так и учеников.

В настоящее время по большинству предметов школьного курса отсутствуют единые программы, нет стабильных учебников, основные понятия не выделяются. Часто понятия усваиваются школьниками формально. Новое содержание образования, усвоение понятийного аппарата требует изменения приемов и методов работы учителя и учащихся над понятиями.

В решении этих задач особое значение приобретает исследование познавательной деятельности учащихся творческого характера, самостоятельной

познавательной деятельности, исследование дидактических средств формирования научных понятий, таких, как, эвристические методы и приемы.

Эвристические методы – это способы управления умственной деятельностью учащихся и стимулирования их интуитивного мышления с целью оптимального выбора идей и решения творческих задач в процессе формирования научных понятий.

Под комплексом эвристических методов и приемов мы подразумеваем совокупность эвристических методов и приемов, направленных на формирование научных понятий.

Обратимся к краткому содержанию эвристических методов, рассмотренных В.Н. Введенским [1].

1. Метод коллективного поиска оригинальных идей. Он имеет две модификации: а) прямой поиск оригинальных идей; б) массовый поиск оригинальных идей. Цель этого метода заключается в сборе как можно большего количества идей, освобождении от инерции мышления. Из общего количества идей отбирают наиболее оригинальные и рациональные, а потом отбирается самая оптимальная, с учетом специфики понятия.

2. Метод эвристических вопросов. Его целесообразно применять для сбора дополнительной информации в условиях проблемной ситуации. Педагог может использовать наиболее типичные эвристические вопросы, стимулирующие решение творческих задач. Технология работы по этому методу: а) нужно ясно понять предложенную проблему, а для этого поставить перед собой вопросы: Что неизвестно? Что дано? и т.д.; б) поиск идеи решения и составление плана решения; в) осуществление плана; г) контроль и самоконтроль полученного результата.

3. Метод многомерных матриц. Он исходит из следующей идеи: поскольку новое очень часто представляет собой иную комбинацию известных элементов или комбинацию известного с неизвестным, то матричный метод позволяет это сделать не путем проб и ошибок, а целенаправленно и системно. Для уточнения проблемы используются эвристические вопросы, обучающихся нацеливают на выделение всех возможных параметров объекта исследования, далее происходит их запись, осуществляется систематизация, классификация (по возможности) выделенных параметров объекта исследования, внесение их в матрицу, затем анализируются и критически оцениваются полученные всевозможные комбинации с точки зрения оптимальности и реальности их практического применения для достижения поставленной цели, осуществляется подбор из всех возможных комбинаций наиболее приемлемых, оптимальных, оригинальных, и подведение итогов.

Таким образом, метод многомерных матриц базируется на принципе системного анализа новых связей и отношений, которые проявляются в процессе матричного анализа исследуемого понятия.

4. Метод эмпатии (метод личной аналогии). В решении эвристической проблемы, связанной с конкретным понятием, он понимается как отождествление человека с техническим объектом, процессом, некоторой системой. Когда применяется метод эмпатии, то объекту приписываются чувства, эмоции самого человека. Учащийся как бы сливается с объектом исследования, что требует огромной фантазии, воображения, происходит активизация фантастических образов и представлений, что приводит к снятию барьеров «здорового смысла» и отысканию оригинальных идей.

5. Метод синектики. В условиях применения данного метода следует избегать четкой преждевременной формулировки творческой задачи, так как это сковывает дальнейший поиск ее решения. Обсуждение целесообразно начинать не с самой задачи, а с анализа некоторых общих признаков, которые как бы вводят в ситуацию постановки проблемы, неоднократно уточняя ее смысл. В процессе применения метода синектики большое внимание уделяется использованию аналогий.

К эвристическим приемам мы относим: варьирование, абстрагирование, индукцию, дедукцию, аналогию, сравнение, гностико-эвристические приемы.

Варьирование. Даются примерные составляющие понятие компоненты и путем отбрасывания или изменения каких-либо составляющих выясняется отражение изменений на определение данного понятия.

Абстрагирование заключается в том, что учащимся надо отбросить конкретные детали, оголить данные и соотношения между ними.

Индукция (лат. – наведение) – один из типов умозаключения и метод исследования как путь опытного изучения явления, в ходе которого от отдельных фактов совершается переход к обобщающим выводам. Отдельные факты выполняют «наводящую», то есть эвристическую роль. На их основе формируется гипотеза, которая должна выполнять объединяющую функцию для формулировки эвристического вывода.

Противоположный характер носит *дедукция* (лат. – выделение) – форма мышления, когда новая мысль вводится по законам логики из имеющегося знания. Дедуктивный переход не является, строго говоря, эвристической операцией, но часто используется в эвристическом поиске как его элемент.

Аналогия (греч. – соответствие, сходство) – представляет собой сходство предметов в каких-либо свойствах, признаках или отношениях, причем таких объектов, которые в целом различны. Умозаключение по аналогии – это эвристический вывод, в результате которого достигается вероятное знание о признаках одного объекта на основании знания того, что этот объект имеет сходство с другими объектами. Как метод может привлекаться для формулировки новых правдоподобных математических фактов, доказательств теорем, определения новых понятий.

Сравнение – состоит в сопоставлении объектов с целью выявить черты сходства и различия между ними и представляет собой эвристическую операцию.

Познание любого объекта и явления начинается с того, что мы его отличаем от всех других объектов и устанавливаем сходство его с родственными объектами.

Несомненный интерес представляют также выделенные Л.П. Качаловой [2] *гностико-эвристические* приемы.

Данные приемы позволяют школьникам организовать самостоятельный активный поиск и осуществлять его проведение. Посредством указанных приемов школьники формулируют выводы,

обобщают связи и отношения различных изучаемых предметов. Самостоятельная работа школьников, проводимая на основе эвристики, способствует расширению их научного кругозора, позволяет глубже проникать в суть изучаемого предмета, направляя творческую деятельность школьников на самостоятельное раскрытие существа изучаемого вопроса. Это, вполне закономерно, побуждает их к самостоятельному мыслительному поиску, к самостоятельному выводу определенных понятий.

Одной из разновидностей данного приема является учебная гностико-эвристическая игра, построенная на внедрении в учебное занятие интеллектуальных карт, тестов, проблемных ситуаций. Это упражнения на воспроизведение, открытие, поиск и запоминание.

Построение занятия с помощью такой игры облегчает овладение знаниями, способствует их актуализации, помогает закрепить, проконтролировать и скорректировать понятия, стимулирует познавательную активность и учит приемам прогнозирования, исследования. В овладении учебной информацией эта игра является «индикатором» усвоения понятий.

Кроме введения гностико-эвристической игры, указанные приемы включают такие, как «Заражение», «Эврика». Суть приема «Заражение» заключается в том, что он создает условия для выбора гносеоносителя, то есть мощного источника интеллектуального заражения. Речь идет о реакциях с положительной, конструктивной направленностью, последствия которой не только можно, но и нужно предвидеть, то есть которыми можно управлять. «Заразить» группу учащихся интеллектуальной потребностью можно в том случае, если успех отдельного ученика станет стимулом для других, что в последующем приведет к всеобщему стремлению познавать осознанно, мотивированно.

Суть приема «Эврика» состоит в том, чтобы создать условия, при которых школьники, выполняя задания, неожиданно для себя пришли к выводу, раскрывающему неизвестные для него ранее возможности. Он должен получить оригинальный результат, открывающий новую перспективу познания.

Интегративная модель формирования научных понятий на основе использования комплекса эвристических методов и приемов включает блоки: мотивационно-ценностный, когнитивный, организационно-проектировочный, рефлексивный.

В **мотивационно-ценностном блоке** проявляются потребности, мотивы, интересы, то есть все то, что обеспечивает включение школьников в процесс эвристической деятельности. Он направлен на активизацию внутренней познавательной мотивации учащихся к формированию понятий, к эвристической деятельности; развитие эмоциональной сферы учащихся.

Когнитивный блок направлен на запоминание и воспроизведение изучаемого материала; предлагает умение использовать изученный материал в конкретных условиях и в новых ситуациях.

Организационно-проектировочный блок – направлен на стимулирование творческой активности учащихся на уроках, в процессе самообразования.

Четвертый блок – **рефлексивный** – выполняет задачи развития умений учащихся прогнозировать результаты эвристической деятельности по формированию научных понятий, самоконтроля и саморегуляции эвристической деятельности, самооценки деятельности по формированию научных понятий.

Возьмем в качестве примера научное понятие «трапеция» и рассмотрим технологию его формирования с использованием эвристических методов и приемов. Данная технология была внедрена нами в процесс обучения в 8–9-х классах школы-лицея №1 г. Шадринска.

Мы считаем, что можно составить следующую технологическую цепочку формирования этого понятия:

- 1) сопоставление данных предметов, имеющих трапециевидную форму с предметами, имеющими форму других геометрических фигур;
- 2) отбор существенных признаков понятия, отделение их от несущественных;
- 3) выведение определения понятия на основе синтеза существенных признаков понятия;
- 4) уточнение и закрепление существенных признаков понятия в памяти;
- 5) использование данного понятия при решении задач и упражнений;
- 6) расширение и углубление понятия.

Первый шаг предусматривается ознакомление с внешним видом трапеции. Для этого учащимся предлагается в течение нескольких минут рассмотреть информационную страницу, на которой изображены уже известные им фигуры (треугольники, прямоугольники и т.д.). С помощью эвристического приема сравнения мы со-

поставляем изучаемый объект с ранее изученными с целью выявления сходства между ними.

На втором и третьем шаге технологической цепочки формирования данного понятия используется метод эвристических вопросов. Данные вопросы стимулируют как логические процедуры мышления учащихся, так и интуитивные.

Задавая вопросы, мы использовали такой эвристический прием, как аналогию, то есть нахождение сходства изученных предметов с изучаемым в некоторых свойствах, признаках. Таким образом, учащиеся подводились к тому, что они сами формулировали определение понятия. Например, какие известные вам фигуры изображены на информационной странице? Можно ли искомую фигуру составить из известных вам фигур? Каких? Какими должны быть треугольники, составляющие искомую фигуру? Как располагаются треугольники и прямоугольники? Что вы знаете о противоположных сторонах прямоугольника? А у искомой фигуры будут параллельные стороны? и т.д. Далее учащиеся пытались дать определение понятия «трапеция».

На четвертом шаге учащимся предлагались упражнения, составленные с использованием приема варьирования. Этот прием означает, что формирование понятия должно протекать на разнообразном материале, подобранном так, что постоянными остаются лишь существенные признаки данного понятия.

На этом шаге появляется возможность показать учащимся, что понятие может быть определено с помощью различных характеристических признаков. При выполнении упражнений этой группы учащиеся должны научиться различать существенные и несущественные признаки понятия. Примером может служить упражнение. Выберите правильный ответ. Трапеция – это четырехугольник, который имеет параллельных сторон: а) две пары; б) хотя бы одну пару; в) хотя бы две пары; г) только одну пару; д) только две пары; е) не менее одной пары; ж) не более двух пар.

На следующем шаге (использование данного понятия при решении задач и упражнений) наряду с типичными упражнениями, например, задачи на построение, задачи на нахождение элементов фигуры, использовались упражнения, представляющие собой гностико-эвристические приемы, в частности учебная гностико-эвристическая игра. Например, всем учащимся сначала предлагались готовые интеллектуальные карты

и они искали «ключ» к закодированной информации (например, разгадав карту, можно было узнать вид трапеции), затем они пытались сами их составлять.

Еще одним гностико-эвристическим приемом является прием «Умственная атака», основанный на введении в учебный процесс работы с кроссвордами, лабиринтами, криптограммами.

Учащимся предлагалось задание: составить кроссворд по теме «Четырехугольники», в котором они должны были учесть различные их виды, признаки, свойства, элементы, в том числе связанные с понятием «трапеция».

Необходимо отметить, что данный шаг в технологической цепочке формирования понятия «трапеция» был достаточно продолжительным по времени.

Данное понятие использовалось не только при решении задач и упражнений в теме «Трапеция» и в разделе «Четырехугольники», но и в процессе изучения других тем и разделов, в частности в разделе «Подобие фигур». Учитель делал акцент на те задачи и упражнения, в которых встречалось это понятие, и отмечал результаты того, как учащиеся справлялись с данными упражнениями в дневниках педагогического анализа и монографических картах.

Заключительный шаг – расширение и углубление понятия. На данном шаге учащиеся выводили формулу для вычисления площади трапеции.

Для этого использовался метод синектики. Применение этого метода начинается с эмоциональной подготовки к выполнению задания, то есть учащиеся выполняют аутотренинг: «Я спокоен... Я расслаблен... Задание очень интересное... Я смогу выполнить это задание».

Далее комплектовались группы, в которые входили учащиеся, имеющие разные уровни способностей, интересов, подготовки.

Учитель побуждал учащихся к активному поиску, используя вопросы: Как вы это себе представляете? Чем необычна данная ситуация? Не давал учащимся успокоиться при появлении первой идеи, стимулировал их поиск, подбадривал. Учащиеся анализировали признаки фигуры, использовали различные виды аналогий, анализировали объект исследования с самых неожиданных точек зрения: научных, житейских, в различных положениях.

Последний шаг – обсуждение идей. Отбиралась наиболее оптимальная для вывода формулы площади трапеции идея.

На каждом шагу технологического этапа проводились беседы, консультации, советы, наблюдение за деятельностью учащихся, использовались различные опросные методы, тесты, индивидуальные карточки, заполнялись дневники педагогического анализа учителя, дневники самоанализа учащихся, монографические карты и планировалась совокупность действий, направленных на коррекцию имеющихся отклонений.

Таким образом, в ходе уроков учителем обеспечивалась активная познавательная деятельность учащихся путем использования различных методов, приемов и форм ее организации: индивидуальной, групповой, фронтальной.

Оказались востребованные личностные качества учащихся, такие как логическое мышление, самостоятельность, инициативность, творчество, умение работать с различными источниками

информации, анализировать, обобщать, делать выводы. У них формировался познавательный интерес к математике, развивалось стремление к познанию нового, повышалась самооценка. Эвристические методы и приемы, по нашему мнению, содействовали раскрытию у учащихся скрытых возможностей, выработке индивидуального стиля, умения оценивать свои силы.

Библиографический список

1. Введенский В.Н. Формирование эвристической деятельности старшеклассников в процессе обучения: Дис. ... канд. пед. наук. – Новосибирск, 1999. – 174 с.

2. Качалова Л.П. Педагогические условия воспитания интеллектуальных мотивов учения студентов педагогического вуза: Дис. ... канд. пед. наук. – Екатеринбург, 1995. – 132 с.

Е.А. Павлова

НРАВСТВЕННОЕ И ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Автор акцентирует внимание на практическом значении нравственно-эстетического воспитания школьников на уроках иностранного языка. Предлагаются оптимальные формы работы и методы обучения (проектное и интенсивное обучение), способствующие нравственно-эстетическому воспитанию и становлению ученика как личности.

Проблема нравственно-эстетического воспитания является непреходящей и вечно актуальной. Она занимает исключительное место среди всех современных проблем школы. Стало понятно, что на сегодня общей основой воспитания может стать не какая-то конкретная идеология, а общегуманистические ценности. В этой связи рассматривается роль гуманитарных дисциплин в образовании и воспитании. Эти дисциплины должны быть стержнем нравственно-эстетического воспитания и становления ученика как личности.

По мнению А.И. Шемшуриной наиболее значимыми идеальными основаниями, к которым нужно стремиться учащимся, следует считать:

– гуманизм, в основе которого заложено уважение и доброжелательность по отношению к другому человеку, доброта как источник чувства, действия и отношения к окружающему миру;

– ответственность как моральная готовность держать ответ за свои мысли и действия, соотно-

сить их с возможными последствиями;

– долг как осознание и готовность к проявлению своих обязанностей перед государством, обществом, людьми и самим собой;

– совестливость как регулятивная основа всей жизнедеятельности человека;

– чувство собственного достоинства как нравственное самоутверждение на основе эмоционально-рефлексивной и позитивно-окрашенной установки на самоуважение и уважение к другому человеку;

– гражданственность как чувство Родины, неразрывной связи с отечеством, причастности к его судьбе.

Акцент на данные характеристики позволяет осмысливать школьникам, приобщаться в процессе воспитания и осваивать в соотношении со своими проявлениями такие собирательные и образные понятия как:

– культура чувств – умение и стремление к эмоциональному самопроявлению в горизонте меры и нравственности;

– способность к нравственному усилию, «усилию человека быть» (М.К. Мамардашвили) как основание для самооценки, самоопределения и самосовершенствования;

– чувство эмпатии – эмоциональное «чувствование» другого, соизмерение своего поведения в соответствии с состоянием другого человека. На основе способности к эмпатии развивается толерантность как терпимость к инакомыслию, вероисповеданию и соответствующему в связи с этим проявлению [1].

На уроках иностранного языка мы обучаем общению, которое по своей сути – личностно. Учащийся не просто рассказывает о чем-то, он высказывает свое мнение, свое отношение к предмету общения. Именно эта личностная заостренность, – утверждает Е.И. Пассов, – и является тем каналом, через который в душу и сознание обучаемого проникает воспитательное воздействие [2].

Чтение литературы и поэзия – одни из главных способов нравственно-эстетического воспитания на уроках иностранного языка. К подбору материала для чтения необходимо относиться ответственно и требовательно. Материал должен быть интересным по содержанию, имеющим воспитательное значение, доступным по языку. Тексты, в которых ставятся острые социальные, эстетические, психологические проблемы, оказывают эмоциональное и эстетическое воздействие на школьников, создают психологический настрой для высказывания собственных мыслей и участия в дискуссии. Эффективность воспитания в процессе чтения зависит не только от правильного подбора материала, от продуманных приемов организации чтения, но и от возможности применять содержание прочитанного в практической деятельности школьника.

Чтобы усвоенное и продуманное в ходе чтения нашло свое воплощение в повседневной жизни учащихся, мы считаем полезным проведение конференций.

Поэтические произведения помогают овладеть эмоционально-ценностным опытом общения и, несомненно, воспитывают школьников в нравственном смысле. Поэтическое произведение может вызвать настоящую дискуссию, поскольку проблемы, затрагиваемые в них, универсальны, носят жизненный характер, не всегда предполагают однозначное решение.

Использование поэзии на уроках иностранного языка способствует знакомству с лучшими

образцами поэзии, видами стихотворных форм, с вариантами перевода стихов на родной язык, развитию различных навыков и культурной компетенции обучаемого.

Речевые, социально-психологические и нравственно-этические умения развивает ролевая игра. Воспитание путем проигрывания определенных социальных ролей, когда ребенок, приняв ту или иную социальную роль, оказывается в ситуации необходимого выбора нравственного характера, очень важно. Игра утверждает нравственное начало, усиливает личностную сопричастность, является источником радости и энергии, развивает воображение.

В тесной связи с нравственным воспитанием находится воспитание эстетическое, направленное на формирование у детей представлений и понятий о прекрасном в жизни и искусстве, умения отличать доброе и красивое от плохого и уродливого, а также умения и желания рисовать, лепить, петь, танцевать, слушать музыку, декламировать, инсценировать сказки и рассказы.

Д.И. Писарев писал, что эстетическое воспитание начинается «с первых впечатлений ребенка, а не с того времени, когда ему читают с кафедры теории изящного» [3]. Когда язык в процессе его изучения начинает нести эстетическую нагрузку, он перестает быть одной лишь данностью, состоящей из фонем, слов, словосочетаний, речевых структур, синтаксических конструкций, и превращается в средство проникновения в мир прекрасного: опытный педагог раскрывает эмоциональную и экспрессивную природу языка. Именно начальный этап обучения иностранному языку важен с точки зрения познания ребенком эстетической природы слова, ибо если в родном языке некоторые важные в эстетическом отношении аспекты слова (например, звуковой) утратили качество новизны и воспринимаются как данность, то изучение нового языка создает благоприятную почву для постижения основных аспектов слова: звукового, содержательного и прагматического.

Подростковый возраст – это начало формирования эстетического идеала – высшей формы эстетического сознания. Подростки способны проникать в глубину нравственных идей, их возможности постижения художественного произведения растут с каждым годом, так как расширяется эстетический и эмоциональный опыт, развивается интеллект.

Т.Г. Аболина, Н.Е. Миропольская указывают три важных направления в формировании

у школьников полноценного эстетического восприятия произведений искусства:

- систематическое и целенаправленное воспитание у подростков интереса и любви к искусству, ознакомление его с образным языком;
- педагогический анализ произведений, их правильный выбор для обсуждения, подготовка учащихся к знакомству с произведением;
- развитие у школьников способности постигать нравственное содержание произведения через весь комплекс его выразительных средств [4].

На занятиях по иностранному языку в качестве наглядных пособий целесообразно использовать не только рисунки, цветные несложные акварели, но и репродукции картин мастеров искусств. Если учесть роль таких картин в эстетическом воспитании, их влияние на формирование художественных вкусов, нравственное развитие школьников, становится понятно, как важно уметь подобрать нужную картину, чтобы ученики эстетически переживали ее содержание.

Процесс обучения иностранному языку делает возможным использование аудиовизуальных и кинестетических средств воздействия, вербальных способов изменения атмосферы образовательного процесса, позволяя ориентироваться на интересы и ценности членов группы, отбирать такой языковой материал, который способствовал бы выявлению реакции участников группы на изучаемое, высказыванию ими своего ценностного отношения, а также актуализации этого отношения через поступок, действие.

Наполняя атмосферу урока атрибутами доверия и раскрепощенности (особым освещением, картинками, записями музыкальных фрагментов, томиком стихов и т.п.), мы способствуем положительному эмоциональному настрою на учебную деятельность.

На уроках иностранного языка школьники участвуют в различных инсценировках, приобщаются к миру иностранной литературы, учатся смотреть картины мастеров искусств, рассказывают на иностранном языке их содержание, сами рисуют. Им прививают любовь ко всему прекрасному в природе, они разучивают песни на иностранном языке. Все эти компоненты эстетического воспитания подчиняются ведущей задаче формирования гармонично развитой личности.

Индивидуальные творческие способности позволяют реализовать такие формы работы как вечера и праздники на иностранном языке. Бла-

годаря неформальной обстановке они помогают объединить обучение иностранному языку и воспитание личности в целостный гуманистически направленный процесс.

В технологии проектного обучения заложены большие возможности для нравственно-эстетического воспитания школьников.

Проектная работа определяется как пример педагогической деятельности, при которой учащиеся в сотрудничестве с преподавателем выполняют исследовательские задания и проводят обработку данных по одной или нескольким проблемам с учетом взаимосвязи с общественными отношениями и существующей реальностью. Центральным принципом в проектной работе является участие и совместная деятельность, т.е. объединение усилий учащихся и преподавателя при выборе темы проекта и определении проблемной установки, а также при разработке плана, его реализации и оценке. Технология проектного обучения предполагает свободу выбора темы и формы (классной и внеклассной, индивидуальной и групповой и т.п.) учебной деятельности.

Само содержание проектной работы должно способствовать получению более четкого представления, более углубленных знаний и растущему перспективному мышлению и кругозору, что достигается путем критического подхода к изучаемым проблемам и их освещению с различных позиций вне зависимости от традиционно установившихся рамок изучения предмета, при этом при выборе теоретической базы, методики и инструментария следует руководствоваться особенностями выбранных тем. Роль учителя в данном случае не ограничивается просто ролью посредника, передающего знания, учитель должен быть вместе с учащимися, выступая в качестве инициатора, вдохновителя, специалиста, устанавливающего границы изучаемого вопроса, направляющего исследования и представляющего консультационные услуги.

Проектная работа должна иметь законченный характер и в виде готового продукта представлена на рассмотрение всей учебной группе как устный или письменный доклад, стендовое представление, театральная постановка, концерт, видеоматериал и т.д., что также приучает к организованности, развивает технические и актерские способности, навыки публичного выступления.

Очевидно, что в технологии проектного обучения заложены большие возможности для ре-

шения таких задач, как преодоление инертности и безынициативности учащихся на уроках, неуверенности и страха говорить на иностранном языке из-за боязни возможных ошибок в речи.

Данный подход к преподаванию иностранных языков имеет гуманистическую направленность, т.к. он ориентирован на личность обучаемого, учитывает его возрастные интересы, развивает у него самостоятельность, творчество, активность, превращает его из объекта обучения в субъект учебной деятельности. Основная часть проекта проводится учащимися самостоятельно, в классе при участии учителя проходят начальная и заключительная стадии. В целом роль педагога состоит в том, чтобы создать условия, максимально благоприятные для раскрытия и проявления творческого потенциала учащихся, координировать работу, помочь преодолеть непредвиденные трудности, которые могут возникнуть.

Использование интенсивных методов в обучении иностранным языкам предполагает объединение личностей в коллектив на основе совместной деятельности и познавательных интересов и, как, следствие, дальнейшее нравственно-эстетическое совершенствование личности. Мы полностью разделяем мнение Т.И. Капитоновой и А.Н. Щукина, которые считают: «От традиционного обучения интенсивное отличается в первую очередь способом организации и проведения занятий: повышенным вниманием к различным формам педагогического общения, социально-психологическим климатом в группе, созданием адекватной учебной мотивации, снятием психологических барьеров при усвоении языкового материала и речевом общении» [5].

Особое место в интенсивном обучении отводится работе с музыкой, песнями, стихами и наглядными пособиями, в первую очередь с картинками. Слушание стихотворений и особенно песен не только создает паузу для расслабления, отдыха, но и определенный позитивный настрой, песни и стихи подбираются с таким расчетом, чтобы они оказывали эмоциональное и эстетическое воздействие на школьников. Часто урок начинается именно со слушания песни/стихотворения обязательно в исполнении носителя языка. Затем учащиеся поют песню вместе с артистом.

Практикуется слушание и в середине урока перед переходом к новому виду работы.

Наглядные пособия (иллюстрации к текстам, различные вырезки из газет и журналов, картинки и серии картин, фотографии) находят широкое применение как на этапе работы с языковым материалом, так и для создания ситуаций, разыгрывания сценок, скетчей и пр. Включение элементов интенсивного обучения в преподавание иностранного языка в средней школе дает положительные результаты. В процессе вежливого, доброжелательного и доверительного общения учащиеся усваивают достаточно большой объем материала, коммуникативны и активны, испытывают удовольствие от неформальных отношений с преподавателем, охотно взаимодействуют друг с другом, проявляют фантазию и изобретательность.

Сегодня важно, чтобы в школе реализовывался воспитательный потенциал учебных дисциплин. Иностранный язык представляет нам огромное количество средств, с помощью которых мы формируем не только образованного человека, но и воспитываем личность, обладающую высокой системой общечеловеческих ценностей, новым мышлением и реалистичным взглядом на современный мир. Средствами иностранного языка можно успешно осуществлять нравственно-эстетическое воспитание школьников как на уроках, так и во внеурочное время. Современные методы обучения иностранным языкам, такие как проектное и интенсивное обучение, способствуют нравственно-эстетическому воспитанию и становлению ученика как личности.

Библиографический список

1. *Шемигурина А.И.* Этика и воспитание: от самооценки к самосовершенствованию. Метод. пособие. – М.: ВЦХТ, 2002. – 142 с.
2. *Пассов Е.И.* Урок иностранного языка. – М.: Просвещение, 1998. – С. 31–33.
3. *Писарев Д.И.* Влияние искусства на воспитание. Избр. пед. высказывания. – М., 1938. – С. 68.
4. *Аболина Т.Г., Миропольская Н.Е.* Эстетическое воспитание в школе. – Киев: Вища шк.; Изд-во при Киев. гос. ун-те, 1987. – С. 65.
5. *Капитонова Т.И., Щукин А.Н.* Современные методы обучения русскому языку иностранцев. – М.: Русский язык, 1987. – С. 159.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБАТУРОВА Вера Сергеевна, зав. отделом образовательных технологий Института прикладной математики и информатики Владикавказского научного центра РАН, ст. преподаватель каф. математического анализа Северо-Осетинского гос. ун-та им. К.Л. Хетагурова.

АБЫШЕВА Евгения Михайловна, аспирант каф. английского языка Тюменского гос. ун-та.

АЛЕКСАНДРОВ Н.Н., д-р ф. наук, профессор-консультант.

АРТАМОНОВ Михаил Анатольевич, соискатель каф. математического анализа Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского.

БАРАНОВ С.В., канд. физ.-мат. наук, доц. филиала КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кировск), старший научный сотрудник Кольского регионального сейсмологического центра Геофизической службы РАН.

БЕРМУС Елена Валерьевна, аспирант Карельского гос. пед. ун-та.

БУЯНОВА Юлия Валентиновна, ст. преподаватель каф. лексики и фонетики французского языка Московского пед. гос. ун-та.

БЯКОВА Наталья Владимировна, аспирант лаборатории саморегуляции Психологического института РАО, ст. преподаватель каф. возрастной и педагогической психологии Шадринского гос. пед. ин-та.

ВАКОРИНА Антонина Витальевна, доц. каф. медико-биологических дисциплин КГУ им. Н.А. Некрасова.

ВЕРНИЕНКО Людмила Викторовна, аспирант каф. педагогики и психологии начального образования Кабардино-Балкарского гос. ун-та.

ГЕРАСИМОВ Андрей Игоревич, Генеральный директор НПО «Костромская медтехника».

ГЕРАСИМОВ Игорь Валерьевич, д-р техн. наук, проф., научный руководитель лаборатории физической (плазменной) электроники кафедры теоретической физики КГУ им. Н.А. Некрасова.

ГОРБАНЬ Лариса Васильевна, аспирант каф. русского языка Мурманского гос. пед. ун-та.

ДЖАГАЕВА Татьяна Ерастовна, д-р пед. наук, доц. каф. физики и астрономии Северо-Осетинского гос. ун-та им. К.Л. Хетагурова.

ДЖИОЕВА Циала Георгиевна, ст. преподаватель каф. биологии и химии Юго-Осетинского гос. ун-та им. А.А. Тибилова.

ДЗУГАЕВА Залина Альбертовна, аспирант каф. методики начального обучения Северо-Осетинского гос. ун-та им. К.Л. Хетагурова.

ЕВТЕЕВА Наталья Анатольевна, соискатель каф. истории и теории педагогики Липецкого гос. пед. ун-та.

ЖАНГУРАЗОВА Нажабат Абудахрамановна, аспирант КБИГИ Правительства КБР и КБНЦ РАН (г. Нальчик).

ЖАТКИН Дмитрий Николаевич, д-р филол. наук, проф., зав. каф. русского и иностранных языков Пензенской гос. технол. академии.

ЗАЛЕСОВА Наталья Викторовна, ассистент каф. педагогики и психологии Шадринского гос. пед. ин-та.

ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВА Татьяна Олеговна, аспирант каф. истории литературы Тверского гос. ун-та.

ЗОРИНА Елена Сергеевна, ассистент каф. педагогики, помощник декана по учебной работе физико-математического факультета Камчатского гос. ун-та им. Витуса Беринга.

ЗЫРЯНОВА Т.В., канд. п. наук (г. Нижний Новгород).

ИВАНИЩЕВА Ольга Николаевна, д-р филол. наук, доц., зав. каф. межкультурной коммуникации, теории языка и журналистики Мурманского гос. пед. ун-та.

ИСТОМИНА Светлана Владимировна, ст. преподаватель каф. возрастной и педагогической психологии факультета коррекционной педагогики и психологии Шадринского гос. пед. ин-та.

КАРАНТЕЕВА Ирина Львовна, соискатель каф. теории и истории культур КГУ им. Н.А. Некрасова.

КАРПУК Нина Владиславовна, зам. директора по учебной работе Вёшенского пед. колледжа им. М.А. Шолохова, соискатель кафедры управления образованием ПИ ЮФУ.

КИЛУНДИНА Юлия Михайловна, аспирант Института философии РАН, сектор восточных философий.

КИРЕЕВА Татьяна Валентиновна, архитектор, член Союза архитекторов России, старший преподаватель Нижегородского архитектурно-строительного ун-та.

КОЗЛОВСКАЯ Ольга Ивановна, канд. биол. наук, доцент каф. химии КГУ им. Н.А. Некрасова.

КОЛТЫШЕВА Елена Юрьевна, аспирант каф. английского языка Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского.

КОПЕЙКИНА Татьяна Павловна, инженер лаборатории физической (плазменной) электроники, аспирант каф. теоретической физики КГУ им. Н.А. Некрасова.

КОРОЛЕВ Александр Валерьевич, соискатель каф. философии Ивановского гос. ун-та.

КОРОЛЕВ Игорь Николаевич, зам. главного врача по лечебной работе Костромского областного кожно-венерологического диспансера.

КРУГЛОВА Анна Алексеевна, аспирант каф. теории литературы и русской литературы XX века Ивановского гос. ун-та.

КРУГЛОВА Татьяна Сергеевна, преподаватель каф. романо-германской филологии Пензенского гос. ун-та.

КУЗЬМИН Андрей Федорович, канд. наук, проф., зав. каф. медико-биологических дисциплин КГУ им. Н.А. Некрасова.

КУЗЬМИНА Галина Юрьевна, аспирант, ст. преподаватель каф. педагогики и психологии Саратовского гос. социально-экономического ун-та.

КУЗЬМИНА Ирина Николаевна, аспирант, ассистент кафедры немецкого языка Бийского пед. гос. ун-та им. В.М. Шукшина.

КУРНОСОВА Светлана Анатольевна, канд. пед. наук, доц. каф. педагогики Камчатского гос. ун-та им. Витуса Беринга.

ЛОБАНОВА Татьяна Александровна, соискатель каф. зоологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

МАКСИМОВ Алексей Николаевич, аспирант каф. грамматики английского языка Московского пед. гос. ун-та.

МАЛАЩЕНКО Марина Валентиновна, д-р филол. наук, проф. каф. английского языка гуманитарных факультетов Южного федерального ун-та (г. Ростов-на-Дону).

МАРИЕВ Александр Андреевич, проф. каф. рисунка и живописи КГУ им. Н.А. Некрасова, заслуженный художник РФ.

МАСЮК Н.Н., Ивановская гос. текстильная академия.

МАТВЕЕВА Мария Сергеевна, аспирант каф. экономической теории КГУ им. Н.А. Некрасова.

МЕНЩИКОВА Юлия Николаевна, аспирант каф. философии Курганского гос. ун-та.

МИХАЙЛОВА Елена Вячеславовна, аспирант каф. педагогики Карельского гос. пед. ун-та.

МОРОЗ Оксана Петровна, аспирант каф. журналистики Тверского гос. ун-та.

МОРОЗОВА Елена Николаевна, аспирант каф. грамматики английского языка Московского пед. гос. ун-та.

МУРАДОВА Людмила Владимировна, канд. сельскохозяйственных наук, доц. каф. зоологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

НАСЫБУЛИНА Анна Викторовна, аспирант каф. русского языка Псковского гос. пед. ун-та им. С.М. Кирова.

НЕЛИПА Любовь Николаевна, соискатель каф. немецкой филологии Тамбовского гос. ун-та им. Г.Р. Державина.

ОКАРА Виктория Ивановна, аспирант каф. русской литературы Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского.

ПАВЛОВА Елена Арсентьевна, аспирант каф. педагогики Мурманского гос. пед. ун-та.

ПАШКОВА Анна Владимировна, старший преподаватель, аспирант каф. психологии Волго-Вятской академии государственной службы (г. Нижний Новгород).

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ Яна Александровна, аспирант каф. социальной работы КГУ им. Н.А. Некрасова.

ПОЛЕЩУК Людмила Зеноновна, доц. каф. истории русской литературы Дальневосточного гос. ун-та (г. Владивосток), докторант каф. истории рус. лит. XX в. МГУ им. М.В. Ломоносова.

ПОЛОВИНКО Е.М., главный врач Костромского областного кожно-венерологического диспансера.

РОМАНОВА Елена Владимировна, ассистент каф. психологии образования, аспирант кафедры практической психологии Тульского гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого.

РУДОМЕТКИН Игорь Владимирович, соискатель каф. истории русской литературы, теории и методики преподавания литературы Воронежского гос. пед. ун-та.

РУМЯНЦЕВА Ольга Валентиновна, аспирант каф. теории и истории культур КГУ им. Н.А. Некрасова.

РЫБНИКОВА Валерия Юрьевна, доц. каф. архитектурного проектирования АСФ, соискатель каф. философии Костромской гос. сельскохозяйственной академии.

РЯЗАНОВСКАЯ Людмила Серафимовна, ст. преподаватель каф. медико-биологических дисциплин КГУ им. Н.А. Некрасова.

САВЕЛЬЕВА Елена Константиновна, аспирант каф. литературы и методики преподавания Южного федерального ун-та (г. Ростов-на-Дону).

САВЕЛЬЕВА Елена Сергеевна, аспирант каф. литературы и методики преподавания Южного федерального ун-та (г. Ростов-на-Дону).

СВИРИДОВ Николай Никитович, д-р экон. наук, проф., зав. каф. управления социально-экономическими системами КГУ им. Н.А. Некрасова.

СЕРГЕЕВА Надежда Михайловна, аспирант каф. литературы КГУ им. Н.А. Некрасова.

СИЗОВА Надежда Валерьевна, аспирант каф. теории языка и перевода Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского.

СИРОТИНА Марина Валерьевна, канд. биол. наук, доц., докторант каф. зоологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

СКОБЕЛЕВ Дмитрий Андреевич, соискатель Воронежского гос. пед. ун-та.

СКУФЬИНА Т.П., д-р экон. наук, доц. филиала КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кировск), ведущий научный сотрудник Института экономических проблем Кольского научного центра РАН.

СМИРНОВА Елена Евгеньевна, аспирант каф. теории литературы и литературы XX века Ивановского гос. ун-та.

СМИРНОВА Марина Николаевна, аспирант каф. социальной педагогики и организации работы с молодежью Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского.

СОЛОВЬЕВА Анастасия Андреевна, аспирант каф. всеобщей истории Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского.

СТАНКЕВИЧ Татьяна Геннадьевна, ст. преподаватель каф. физики с курсом высшей математики Ижевской гос. мед. академии.

СТОЛБОВ В.И., Ярославль.

СТУЛОВА Светлана Александровна, аспирант каф. русской литературы Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского.

СУРЯКОВА Ольга Владимировна, аспирант каф. современного русского языка Московского пед. гос. ун-та.

ФАЛИЛЕЕВ Александр Евгеньевич, ст. преподаватель кафедры английского языка Мордовского гос. пед. ин-та им. М.Е. Евсевьева.

ФАТЕЕВА Ирина Михайловна, доц. каф. архитектуры и изобразительных дисциплин Костромской гос. сельскохозяйственной академии.

ЧАПЛЫГИН Дмитрий Валентинович, канд. пед. наук, доц., зав. каф. педагогики, декан социально-экономического факультета Камчатского гос. ун-та им. Витуса Беринга, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, заслуженный учитель РФ.

ЧЕБЫКИНА Е.В., Ивановская гос. текстильная академия.

ЧЕКМАРЕВ Василий Владимирович, д-р экон. наук, проф., зав. каф. экономической теории КГУ им. Н.А. Некрасова, Заслуженный деятель науки РФ.

ШАБАЛИНА Наталия Юрьевна, аспирант каф. английского языка Тюменского гос. ун-та.

ШУБИНА Ольга Александровна, аспирант Уральского гос. пед. ун-та.

ЯШИНА Татьяна Анатольевна, канд. филол. наук, доц. каф. русского и иностранных языков Пензенской гос. технол. академии.

ОБРАЩЕНИЕ К АВТОРАМ

Журнал «Вестник КГУ» публикует оригинальные исследования по естественным, гуманитарным и социальным наукам.

Размер статей не должен превышать 10 страниц текста, включая библиографию и подписи под рисунками. Количество рисунков не должно превышать 6, в кратких сообщениях – 2.

Статьи, заказываемые редколлегией для обзора работ в одной из научных областей, могут иметь объем до 1 п.л.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию в 1 экземпляре с дискетой (формат MS Word 7.0, рисунки в формате (*.bmp), (*.tif), (*.jpg), (*.psd), (*.psx)). Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующие требования: кегль 14 через 1,5 интервала; поля 25 мм со всех сторон.

Материал должен быть тщательно отредактирован.

2. Построение статьи:

2.1. Название статьи (аббревиатура в названии недопустима).

2.2. Преамбула, объясняющая цель работы, актуальность проблемы.

2.3. Выводы.

2.4. Литературные ссылки.

3. Все страницы рукописи должны иметь сплошную нумерацию.

В тексте статьи необходимо дать ссылки на все рисунки и таблицы, которые, в свою очередь, должны быть озаглавлены.

Единицы измерения даются в соответствии с международной системой единиц (СИ).

Библиографический список помещается в конце статьи, авторы указываются в алфавитном порядке.

Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками.

Порядок оформления ссылок:

– Статья в журнале: Фамилия и инициалы авторов, соавторов (до 3). Название статьи // Название журнала. – Год. – №. – С. От–до.

– Статья в сборнике трудов: Фамилия и инициалы авторов. Название статьи // Назв. сб. трудов. – Город, год. – С. От–до (Тр. / Назв. учеб. заведения или науч. учреждения. – № вып.)

– Монография или книга: Фамилия и инициалы авторов. Название. – Место издания: Издательство, год. – С. От–до; или Название / Под ред. Инициалы и фамилия. – Место издания: Издательство, год. – С. От–до (или число страниц в книге __с.).

– Авторские свидетельства и патенты: А. с. номер. Название.

– Автореферат: Фамилия и инициалы. Название: Автореф. дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – __с.

4. Сведения об авторе (фамилия, имя, отчество автора полностью, ученая степень, ученое звание, должность); адрес электронной почты; адрес обычной почты с индексом; контактные телефоны.

5. К материалам аспирантов должна прилагаться рекомендация научного руководителя.

6. Работы, опубликованные в других изданиях, не принимаются.

Статьи следует направлять по адресу:

156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14, Костромской государственный университет, корпус «В», кабинет 1.
vestnik@ksu.edu.ru

Не принятые к публикации статьи возвращаются.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

Материалы опубликованы в авторской редакции

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
в Центральном территориальном управлении
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций (г. Тверь)

Свидетельство о регистрации ПИ № 5-0022 от 26 апреля 2000 г.

ИД №03618 от 25.12.2000
Подписано в печать 07.02.2008
Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. 30,0 л.
Тираж 1000 экз.
Изд. № 125.

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

Адрес редакции: **156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.**
Телефон: **(4942) 31-65-61**, факс: **(4942) 31-65-61**,
E-mail: **vestnik@ksu.edu.ru**

Цена свободная